ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА XX+I

ЧАРЛЗ БУКОВСКИ

Как любят мертвые

CHARLES BUKOWSKI

Как любят мертвые (сборник)

Чарльз Буковски

Аннотация
Чарлз Буковски. Как любят мертвые (сборник)
Самая красивая женщина в городе
САМАЯ КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА В ГОРОДЕ
БИФШТЕКС ИЗ ЗВЕЗДНОЙ ПЫЛИ
ЖИЗНЬ В ТЕХАССКОМ БОРДЕЛЕ
ШЕСТЬ ДЮЙМОВ
ЕБЛИВАЯ МАШИНА
КИШКОВЫЖИМАЛКА
3 ТЕТКИ
3 ЦЫПЛЕНКА
ДЕСЯТЬ СУХОДРОЧЕК
ДЮЖИНА ЛЕТУЧИХ МАКАК, НИКАК НЕ ЖЕЛАВШИХ СОВОКУПЛЯТЬСЯ КАК ПОЛОЖЕНО
25 БИЧЕЙ В ОБНОСКАХ
ЛОШАЖЬЯ МАЗА БЕЗ ГОВНА
ЕЩЕ ОДНА ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ
РОЖДЕНИЕ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ОДНОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ГАЗЕТЕНКИ
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПАЛАТЕ
ВСЕ ВЕЛИКИЕ ПИСАТЕЛИ

СОВОКУПЛЯЮЩАЯСЯ РУСАЛКА ИЗ ВЕНЕЦИИ, ШТАТ КАЛИФОРНИЯ

АККУМУЛЯТОР ПОДСЕЛ

БРЕМЯ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ?

ПОЛИТИКА - ЭТО КАК ПЫТАТЬСЯ ВЫЕБАТЬ КОТА В СРАКУ

МОЯ ТОЛСТОЖОПАЯ МАМОЧКА

ПИЗДАТАЯ ИНТРИЖКА

КАКОЙ ПИЗДЫ НИ ПОЖЕЛАЕШЬ

НОВИЧОК

ИЗВЕРГ

УБИЙСТВО РАМОНА ВАСКЕСА

СОБУТЫЛЬНИК

БЕЛАЯ БОРОДА

СЕДАЯ МАНДА

Юг без севера

Одиночество

Трах-трах о занавес

Ты, твое пиво и то, как ты велик

Путь в рай закрыт

Политика

Любовь за семнадцать пятьдесят

Два пропойцы

Маджа Туруп

Убийцы

Мужчина

Класс
Перестаньте пялиться на мои сиськи, мистер
Кое-что о вьетконговском флаге
Ты не можешь написать рассказ о любви
Помнишь Перл-Харбор?
Питтсбуржец Фил и компания
Доктор наци
Христос на роликах
Красноносый экспедитор
Дьявол был горяч
Кремень
Наемный убийца
Вот что убило Дилана Томаса
Без шеи и дурной как черт
Как любят мертвецы
Все задницы на свете и моя
ПРИЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА, БЕЗУМНОГО НАСТОЛЬКО, ЧТОБЫ ЖИТЬ СО
Признания человека, достаточно ненормального, чтобы жить со скотами
Почтамт
Часть 1
1
2
3

4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
Часть 2
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
Часть 3
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

13
14
15
16
17
18
19
20
Часть 4
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

Часть 5
1
2
3
4
Часть 6
1
2
3
4
5
6
7
8
9

Аннотация

В книгу выдающегося американского писателя XX века Чарлза Буковски (1920-1994) вошли произведения, созданные в конце 60-х годов: избранные рассказы из сборников "Самая красивая женщина в городе" и "Юг без севера" и его первый и один из самых известных романов - "Почтамт".

Ввиду авторского использования ненормативной лексики книга не рекомендована для чтения людям, не достигшим совершеннолетия, или тем, кого может оскорбить сниженный разговорный стиль повествования.

Содержание:

Самая красивая женщина в городе
Юг без севера
Почтамт

Чарлз Буковски
Как любят мертвые (сборник)

Самая красивая женщина в городе

САМАЯ КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА В ГОРОДЕ

Кэсс была самой молодой и красивой из 5 сестер. Самой красивой девушкой в городе. Наполовину индианка, с гибким и странным телом, змеиным и горячим, - а уж какие глаза... живое пламя. Словно дух в форму залили, а удержать не смогли.

Волосы черные, длинные, шелковистые, танцевали и кружились без устали, как и она сама. Кэсс ни в чем не знала меры. Некоторые утверждали, что она чокнутая. То есть, тупые так считали. Они-то никогда Кэсс понять не могли. Мужикам она казалась просто машиной для траха, и плевать, чокнутая или нет. А Кэсс танцевала и флиртовала, целовала мужчин, но, если не считать пары раз, когда приходилось ложиться в постель, умудрялась ускользнуть. Мужчин она избегала.

Сестры обвиняли ее в том, что она злоупотребляет своей красотой и не пользуется, как надо, умом, но у Кэсс сильны были и ум, и дух: она писала маслом, танцевала, пела, лепила из глины всякие штуки, а когда кого-нибудь обижали,

душевно или плотски, Кэсс им глубоко сочувствовала. Просто ум у нее был другой - непрактичный. Сестры ревновали ее, потому что она отбивала их мужиков, и злились, поскольку им казалось, что она этими мужиками не самым лучшим образом распоряжается. У нее была привычка добрее относиться к уродам; от так называемых красавчиков ее тошнило:

- Кишка тонка, - говорила она. - Без перчика. Полагаются на идеальную форму ушек и тонко вылепленные ноздри... Одна видимость, а внутри шиш... - Характерец у нее граничил с безумием; некоторые вообще такой характер безумием называют.

Отец умер от пьянства, а мать сбежала, оставив девчонок одних. Девчонки пошли к родственникам, те определили их в женский монастырь. Монастырь оказался местом безрадостным, причем больше для Кэсс, чем для сестер. Другие девчонки относились к ней ревниво, и Кэсс дралась почти со всеми. Вдоль всей левой руки у нее бежали царапины от бритвы - так она защищала себя в драках. На левой щеке тоже остался изрядный шрам, но он скорее подчеркивал ее красоту, чем портил.

Я познакомился с нею в баре на Западной Окра-

ине как-то вечером, через несколько дней после того, как ее выпустили из монастыря. Поскольку она была младше всех, выпустили ее последней. Она просто вошла и села со мной рядом. Я, наверное, - самая большая страхолюдина в городе: может, именно поэтому.

- Выпьете? - спросил я.

- Конечно, почему бы и нет?

Едва ли в нашей беседе в тот вечер было что-то необычное, просто Кэсс такое чувство внушала. Она меня выбрала - вот так всё просто. Никакого напряга.

Выпивать ей нравилось, и залила она довольно много. Совершеннолетней не казалась, но ее все равно обслуживали. Может, у нее ксива липовая была, не знаю.

Как бы то ни было, всякий раз, когда она возвращалась из уборной и подсаживалась ко мне, во мне шевелилась какая-то гордость. Не только самая красивая женщина в городе, но и одна из самых прекрасных в моей жизни. Я положил руку ей на талию и поцеловал один раз.

- Как вы считаете, я хорошенькая? - спросила она.

- Да, конечно, но тут еше кое-что... дело больше, чем в вашей внешности...

- А меня всегда обвиняют в том, что я хорошенькая. Вы действительно так считаете?

- Хорошенькая - не то слово, оно едва ли отдает вам должное.

Кэсс сунула руку в сумочку. Я думал, она платок достает. А она вытащила здоровенную булавку. Не успел я и пальцем дернуть, как она проткнула этой булавкой себе нос - наискосок, сразу над ноздрями. На меня накатило отвращение пополам с ужасом.

Она взглянула на меня и рассмеялась:

- А теперь? Что сейчас скажешь, мужик?

Я вытянул у нее из носа булавку и придавил ранку своим платком. Несколько человек вместе с барменом наблюдали представление. Бармен подошел:

- Послушай, - сказал он Кэсс, - будешь выпендриваться еще, мигом вылетишь.

Нам тут твои спектакли не нужны.

- Ох, да иди ты на хуй, чувак! - отозвалась она.

- Приглядывайте тут за ней, - посоветовал мне бармен.

- С нею все будет в порядке, - заверил я.

- Это мой нос, - заявила Кэсс. - А я со своим носом что хочу, то и делаю.

- Нет, - сказал я, - мне тоже больно.

- Тебе что, больно, когда я тычу булавкой себе в нос?

- Да, больно, я не шучу.

- Ладно, больше не буду. Не грусти.

Она поцеловала меня, кажется, ухмыляясь сквозь поцелуй и прижимая платок к носу.

Ближе к закрытию мы отправились ко мне. У меня еще оставалось пиво, и мы сидели и разговаривали. Именно тогда я и понял ее как личность: сплошная доброта и забота. Отдает себя, не сознавая. И в то же время отскакивает обратно в дикость и невнятицу. Ши-ци. Прекрасное и духовное ши-ци. Возможно, кто-нибудь, что-нибудь погубит ее навсегда. Я надеялся только, что это окажусь не я.

Мы легли в постель, и после того, как я выключил свет, Кэсс спросила:

- Ты когда хочешь? Сейчас или утром?

- Утром, - ответил я и повернулся к ней спиной.

Утром я поднялся, заварил пару чашек кофе, принес одну ей в постель.

Она рассмеялась:

- Ты - первый человек, который отказался ночью.

- Да ничего, - ответил я, - этого можно и вообще не делать.

- Нет, погоди, теперь мне хочется. Дай я чуть-чуть освежусь.

Кэсс ушла в ванную. Вскоре вышла: выглядела она чудесно, длинные черные волосы блестели, глаза и губы блестели, сама она блестела... Свое тело она показывала спокойно, словно отличную вещь. Она укрылась простыней.

- Давай, любовничек.

Я дал.

Она целовалась самозабвенно, но без спешки. Я пустил руки по всему ее телу, в волосы. Оседлал. Там было горячо - и тесно. Я медленно начал толкаться, чтобы продлилось подольше. Ее глаза смотрели прямо в мои.

- Как тебя зовут? - спросил я.

- Какая, к чертовой матери, разница? - спросила она.

Я расхохотался и погнал дальше. Потом она оделась, и я отвез ее обратно в бар, но забыть Кэсс оказалось трудно. Я не работал и спал до двух, вставал и читал газету. Как раз отмокал в ванне однажды, когда она зашла с огромным листом - листом бегонии.

- Я знала, что ты будешь в ванне, - сказала она, - поэтому принесла тебе кое-что, прикрыть эту штуку, дикарь ты наш.

И кинула мне лист прямо в ванну.

- Откуда ты знала, что я буду в ванне?

- Знала.

Почти каждый день Кэсс заявлялась, когда я сидел в ванне. В разное время, но промахивалась она редко, и всякий раз при ней был листок бегонии. А после мы занимались любовью.

Раз или два она звонила по ночам, и мне приходилось выкупать ее из каталажки за пьянство и драки.

- Вот суки, - говорила она. - Купят выпить несколько раз и думают, что это уже повод залезть в трусики.

- Стоит принять у них стакан, как беды сами на голову повалятся.

- Я думала, их интересую я, а не только мое тело.

- Меня интересуют и ты, и твое тело. Сомневаюсь, однако, что большинство видит дальше тела.

На полгода я уехал из города, бичевал, вернулся. Я так и не забыл Кэсс, но мы тогда из-за чего-то поцапались, да и я все равно чувствовал, что пора двигать, а когда вернулся, то прикинул, что ее тут уже не будет, но не успел и полчаса просидеть в баре на Западной Окраине, как она вошла и

уселась рядом.

- Ну что, сволочь, я вижу, ты опять тут.

Я заказал нам выпить. Потом посмотрел на нее. Она была в платье с высоким воротником. Я раньше на ней таких никогда не видел. А под каждым глазом вогнано по булавке со стеклянной головкой. Видно только стеклянные головки, а сами булавки воткнуты прямо в лицо.

- Черт бы тебя побрал, до сих пор пытаешься красоту свою погубить, а?

- Нет, это фенька такая, дурень.

- Ты сумасшедшая.

- Я по тебе скучала, - сказала она.

- Кто-нибудь другой есть?

- Нет никого другого. Один ты. Но я тут мужиков кадрю. Стоит десять баксов.

Тебе - бесплатно.

- Вытащи эти булавки.

- Нет, это фенечка.

- Я от нее очень несчастлив.

- Ты уверен?

- Чёрт, да, уверен.

Кэсс медленно извлекла булавки и сложила в сумочку.

- Почему ты уродуешь свою красоту? - спросил я. - Разве нельзя просто с нею жить?

- Потому что люди думают, что во мне больше ничего нет. Красота ничто, красота не останется навсегда. Ты даже не знаешь, как тебе повезло, что ты такой урод, поскольку если ты людям нравишься, то знаешь, что они тебя любят за что-то другое.

- Ладно, - ответил я. - Мне повезло.

- То есть, я не хочу сказать, что ты урод. Люди просто думают, что ты урод. У тебя завораживающее лицо.

- Спасибо.

Мы выпили еше по одной.

- Что делаешь? - спросила она.

- Ничего. Ничем не могу заняться. Интереса нет.

- Я тоже. Если б ты был бабой, тоже можно было бы мужиков кадрить.

- Не думаю, что мне бы понравилось вступать в такие близкие контакты с таким количеством незнакомых людей. Это утомляет.

- Утомляет, ты прав, всё утомляет.

Ушли мы вместе. На улицах на Кэсс по-прежнему пялились. Она до сих пор была красивой женщиной, может, даже красивее, чем раньше.

Мы добрались до моей квартиры, я открыл бутылку вина, и мы сидели и разговаривали. С Кэсс

разговаривать всегда было легко. Она немного поговорит, а я послушаю, потом я поговорю. Разговор наш просто тек вперед без напряга.

Казалось, мы вместе раскрываем какие-то тайны. Когда находилась какая-нибудь хорошая, Кэсс смеялась долго и хорошо - только так она и умела. Словно радость из огня. За беседой мы целовались и придвигались все ближе и ближе друг к другу.

Довольно сильно разгорячились и решили лечь в постель. И только когда Кэсс сняла свое платье с высоким воротником, я его увидел - уродливый зазубренный шрам поперек горла. Длинный и толстый.

- Черт побери, женщина, - сказал я, лежа на кровати, - черт тебя побери, что ты натворила?

- Однажды ночью попробовала разбитой бутылкой. Я тебе что, больше не нравлюсь?

Я по-прежнему красивая?

Я затащил ее на кровать и поцеловал. Она оттолкнула меня и рассмеялась:

- Некоторые мужики платят мне десятку, а потом я раздеваюсь, и им уже не хочется. Червонец я оставляю себе. Очень смешно.

- Да, - сказал я. - Просто уписяться... Кэсс, сука, я же тебя люблю... Хватит уничтожать себя; ты

- самая живая женщина из всех, кого я встречал.

Мы снова поцеловались. Кэсс плакала, не издавая ни звука. Я чувствовал ее слезы.

Эти длинные черные волосы лежали у меня за спиной, будто флаг смерти. Мы слились и медленно, торжественно и чудесно любили друг друга.

Утром Кэсс готовила завтрак. Казалась она довольно спокойной и счастливой. Она пела. Я валялся в постели и наслаждался ее счастьем. Наконец, она подошла и потрясла меня за плечо:

- Подъем, сволочь! Плесни себе на рожу и пипиську холодной воды и иди наслаждаться пиршеством!

В тот день я отвез ее на пляж. День стоял рабочий и не вполне летний, поэтому берег был великолепно пуст. Пляжные бичи в лохмотьях дрыхли на лужайках над полосой песка. Другие сидели на каменных скамьях, передавая другу одинокую бутылку. Кружились чайки, безмозглые, но рассеянные. Старухи лет по 70-80 сидели на лавках и обсуждали продажу недвижимости, оставленной им мужьями, давным-давно не выдержавшими гонки и глупости выживания. Для всего тут в воздухе разливался мир, и мы бродили по пляжу, валялись на лужайках и почти ни о чем не разговаривали. Хорошо было просто

быть вместе. Я купил пару бутербродов, чипсов и чего-то попить, мы сели на песок и поели. Потом я обнял Кэсс, и мы проспали часик. Почему-то это казалось лучше, чем заниматься любовью. Мы текли вместе без напряжения. Проснувшись, мы поехали обратно ко мне, и я приготовил ужин. После него предложил Кэсс жить вместе. Она долго сидела, смотрела на меня, потом медленно ответила:

- Нет.

Я отвез ее обратно в бар, купил ей выпить и вышел. На следующий день нашел себе работу фасовщиком на фабрике, и весь остаток недели ходил на работу. Я слишком уставал, чтобы сильно шляться по окрестностям, но в ту пятницу в бар на Западной Окраине поехал. Сел и стал ждать Кэсс. Шли часы. Когда я надрался уже довольно сильно, бармен мне сказал:

- Мне жаль, что так с твоей девчонкой вышло.

- Что вышло? - не понял я.

- Прости. Ты что, не знал?

- Нет.

- Самоубийство. Вчера похоронили.

- Похоронили? - переспросил я. Казалось, она войдет в любой момент. Как же ее может больше не быть?

- Сестры и похоронили.

- Самоубийство? А не мог бы ты мне сказать, как?

- Горло перерезала.

- Понятно. Налей-ка мне еще.

Я пил до самого закрытия. Кэсс, самая красивая из 5 сестер, самая красивая в городе. Мне удалось доехать до своей квартиры, и я не переставал думать: я должен был заставить ее остаться со мной, а не принимать это ее "нет". Все в ней говорило, что я ей не безразличен. Я просто был слишком небрежен, слишком ленив, слишком черств. Я заслуживаю и ее смерти, и своей. Собака я. Нет, зачем собак обижать? Я встал, отыскал бутылку вина и глубоко глотнул из горла. Кэсс, самая красивая девушка в городе, - умерла в 20 лет.

Снаружи кто-то давил на клаксон своей машины. Очень громко и настойчиво. Я поставил бутылку на пол и заорал в окно:

- ЧЕРТ ТЕБЯ ПОБЕРИ, ТЫ, ПАДЛА, ЗАТКНИСЬ!

Ночь продолжала наступать, и с этим я поделать ничего не мог.

БИФШТЕКС ИЗ ЗВЕЗДНОЙ ПЫЛИ

удача моя снова скисла, и я в то время слишком нервничал от чрезмерного пития; шары дикие, сил нет; слишком паршиво всё, чтоб ходить искать обычного перестоя, какой-нибудь оттяжной работенки типа экспедитора или кладовщика, поэтому я пошел на мясокомбинат, захожу прямо в контору.

а я тебя раньше нигде не видел? спрашивает мужик.

не-а, соврал я.

я там уже был года 2 или 3 назад, прошел всю бумажную мутотень, сдал анализы и так далее, и они повели меня вниз по лестнице, 4 пролета вниз, и там становилось все холоднее и холоднее, а полы покрывала пленка крови, зеленые полы, зеленые стены. мне объяснили, что нужно делать, - нажимать кнопку, и тогда через дыру в стене раздается грохот, будто защитники на поле столкнулись, или слон в капкан попал, и оно выползает - что-то дохлое, причем его много, кровавое, и он мне показал: берешь и кидаешь на грузовик, а потом опять кнопку нажимаешь, и выползает другой, а потом ушел. только он

скрылся, я снял с себя робу, каску, сапоги (на 3 размера меньше выдали), поднялся по лестнице и свалил оттуда. а теперь вот вернулся - снова застрял.

староват ты для такой работы.

хочу немного подкачаться, мне нужна тяжелая работа, хорошая трудная работа, соврал я.

а справишься?

сплошные мускулы. я раньше на ринге дрался, с самыми лучшими.

вот как?

ага.

ммм, по лицу видать. должно быть, круто приходилось.

да что там лицо. у меня были быстрые руки. и до сих пор быстрые. надо было хоть что-то ловить, чтоб хорошо смотрелось.

я слежу за боксом. что-то твоего имени не припоминаю.

я под другим дрался - Пацан Звездная Пыль.

Пацан Звездная Пыль? не помню я Пацана Звездную Пыль.

я дрался в Южной Америке, в Африке, в Европе, на островах. в глуши, в общем.

поэтому у меня в трудовой такие пробелы - не люблю писать "боксер", потому что люди думают,

я или шучу, или вру. просто оставляю пробелы и ну его на хер.

ладно, приходи на медкомиссию. в 9:30 завтра утром, определим тебя на работу.

говоришь, потяжелее хочешь?

ну, если у вас что-нибудь другое есть...

нет, сейчас нету. знаешь, тебе на вид уже полтинник. прямо не знаю, правильно ли я поступаю. нам тут не нравится, когда такие люди, как ты, наше время тратят.

я не люди - я Пацан Звездная Пыль.

ладно, пацан, рассмеялся он, РАБОТУ мы тебе дадим!

мне не понравилось, как он это сказал.

2 дня спустя я через проходную вошел в деревянный сарай, где показал какому-то старику свой квиток, на котором стояло мое имя: Генри Чарльз Буковски-мл., и он отправил меня к погрузочной платформе - я должен был найти там Турмана. я пошел. на деревянной скамейке сидели в ряд мужики они посмотрели на меня так, будто я гомосексуалист или инвалид в коляске.

я же взглянул на них с тем, что в моем воображении было легким презрением, и протянул со своей самой лучшей трущобной интонацией:

где тут Турман? мне сказали его найти.

кто-то показал.

Турман?

ну?

я у вас работаю.

да?

да.

он посмотрел на меня.

а сапоги где?

сапоги?

нету, ответил я.

он сунул руку под лавку и протянул мне пару. пару старых жестких задубевших сапог. я их натянул. та же самая история: на 3 размера меньше. пальцы у меня расплющились и согнулись.

затем он вручил мне окровавленную робу и жестяную каску. я стоял перед ним, пока он закуривал или, как сказали бы англичане, зажигал сигарету. он выкинул спичку спокойным и мужским росчерком руки.

пошли.

там сидели одни негры, и когда я подошел, они на меня посмотрели так, будто все они - черные мусульмане. во мне почти шесть футов росту, они же все были выше меня, а если и не выше, то в 2-3 раза шире.

Чарли! завопил Турман.

Чарли, подумал я. Чарли, совсем как я, это славно.

под каской я уже весь вспотел.

дай ему РАБОТУ!!

господи боже мой, о господи ты ж боже мой, во что превратятся милые и легкие вечера? почему такого не случается с Уолтером Уинчеллом[1], верующим в Американский Путь? я ли не был самым блестящим студентом на курсе Антропологии?

что же произошло?

Чарли подвел меня к платформе и поставил перед пустым грузовиком в полквартала длиной.

обожди тут.

тут подбежало несколько черных мусульман с тачками, клочковато и бугристо выкрашенными белым, будто краску смешали с куриным пометом. в каждой навалено по куче окороков, плававших в водянистой сукровице. нет, они в ней даже не плавали, они сидели, будто свинцовые, будто пушечные ядра, будто смерть.

один из парней запрыгнул в кузов у меня за

---

[1] notes: 1

Уолтер Уинчелл (1897-1972) - американский журналист, чьи газетные колонки "На Бродвее" (1924-1963) и радиопередачи (1932-1953) рассказывали об индустрии развлечений и политике. Считается "отцом" колонок сплетен и светской хроники.

спиной, а другие начали швырять в меня эти окорока, я их ловил и перекидывал тому, который стоял за спиной, он поворачивался и забрасывал их в кузов. окорока прилетали БЫСТРО, тяжелые, и каждый новый тяжелее предыдущего. как только я избавлялся от одного, следующий уже летел ко мне по воздуху. я понимал, что меня пытаются сломать. скоро я уже потел, потел так, будто все краны развинтили, спина болела, запястья болели, руки ныли, все ныло, а дохлая энергия истощилась до последней невозможной унции.

я еле-еле видел, едва мог собраться и поймать хотя бы еще один окорок, а потом кинуть его дальше, хоть еще один и кинуть. кровь забрызгала меня с головы до пят, в руки беспрерывно прилетал мягкий, мертвый, тяжелый ПЛЮХ, окорок слегка подавался, как женская задница, а я слишком ослаб, не могу даже сказать, эй, да что это с вами, К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ, такое, парни? окорока летят, а я верчусь, пригвожденный, как тот чувак на кресте, под этой жестяной каской, а те знай бегают себе с тачками окороков окороков окороков, и, наконец, все они опустошаются, а я стою, покачиваясь и втягивая в себя желтый электрический свет.

то была ночь в преисподней. что ж, мне всегда

нравилась ночная работа.

давай!

меня отвели на другой склад, наверху сквозь здоровенную дыру в дальней стене еще половина бычка, а может и целый бычок, да, оттуда лезли бычки целиком, подумать только, со всеми четырьмя ногами, и один такой вылезал из стены на крюке, его только что зарезали, мало того, останавливается прямо надо мной, повис у меня над головой на этом своем крюке.

его только что убили, подумал я, только что проклятущую тварь зарезали. как они людей от бычков отличают? откуда им знать, что я не бычок?

ЛАДНО - КАЧАЙ!

качать?

вот именно - ТАНЦУЙ С НИМ!

чего?

ох ты госполи боже мой! ДЖОРДЖ, иди сюда!

Джордж подлез под мертвого бычка, сграбастал его. РАЗ. побежал вперед. ДВА.

побежал назад. ТРИ. побежал далеко вперед, бычок завис почти параллельно земле.

кто-то нажал на кнопку, и он его заполучил, захапал для всех мясников мира.

захапал для всех дуркующих сплетниц, хорошо

отдохнувших глупых домохозяек мира в 2 часа дня, в своих халатиках, затягивающихся вывоженными красным сигаретами и почти ничего уже не чувствующих.

меня засунули под следующего.

РАЗ.

ДВА.

ТРИ.

он у меня в руках, его мертвые кости против моих живых, его мертвое мясо против моего живого, и пока эти кости и эта тяжесть впивались в меня, я думал об операх Вагнера, о холодном пиве, думал о манящей пиздёшке, сидящей на диванчике напротив нога на ногу, задрав юбку повыше, а у меня в руке стакан, и я медленно, но верно убалтываю ее, пробираясь в пустой разум ее тела, и тут Чарли заорал ВЕШАЙ ЕЕ В КУЗОВ!

я зашагал к грузовику, из стыда перед поражением, преподанным мне мальчишкой на школьных дворах Америки, я знал, что ни за что не должен уронить тушу на землю, ибо это верный признак того, что я струсил, что я не мужик, и, следовательно, заслуживаю немногого, только презрительных ухмылок, насмешек, да трепки, в Америке надо быть победителем, выхода никакого тут нет, и ты должен выучиться драться

ни за что, ничего не спрашивая, а кроме того, если я бычка уроню, то скорее всего придется его поднимать, и он кроме этого испачкается. а я пачкаться не хочу, или, скорее, им не хочется, чтобы он пачкался.

я вошел в крытый кузов.

ВЕШАЙ!

крюк, свисавший с потолка, оказался тупым, будто большой палец с сорванным ногтем. зад бычка оттягиваешь назад и целишься вверх, суешь его хребтом на крюк снова и снова, а крюк не проходит. МАТЬ ТВОЮ В ЖОПУ!!! одна щетина и сало, жёстко, жёстко все.

ДАВАЙ! ДАВАЙ ЖЕ!

я выдавил из себя весь последний запас сил, и крюк вошел, прекрасное зрелище, диво, как крюк вонзается, бычок этот зависает сам по себе, с плеч долой, висит ради халатиков и бакалейных сплетен.

ШЕВЕЛИ МОСЛАМИ!

285-фунтовый негритос, наглый, резкий, четкий, убийственный, вошел в кузов, щелчком подвесил свое мясо, свысока взглянул на меня.

у нас тут цепочка!

лады, командир.

я вышел вперед него. меня уже поджидал следу-

ющий бычок. всякий раз, загружая себе на плечи следующего, я был уверен, что он последний, с которым мне справиться, но я все время повторял

еще один один - и всё а потом бросаю.

на хуй.

они ведь ждут, чтобы я все бросил, я читал это по глазам, по улыбкам, когда они думали, что я не вижу. мне не хотелось дарить им победу. я пошел за следующим бычком. игрок до последнего вздоха, до последнего рывка некогда блиставшего игрока - я кинулся на мясо.

прошло 2 часа, когда кто-то завопил ПЕРЕРЫВ.

я не умер. отдохну минут десять, кофейку выпью, и меня им уже отсюда не выкинуть. следом за ними я зашагал к подъехавшему обеденному киоску. я видел, как в ночи от бачка с кофе поднимается пар; видел пончики, сигареты, бисквиты и бутерброды под яркими электрическими лампочками.

ЭЙ, ТЫ!

кричал Чарли. Чарли, как и я.

чего, Чарли?

пока на перерыв не ушел, залезь-ка в тот грузовик, выведи его отсюда и поставь к рампе 18.

мы его только что загрузили, этот грузовик в полквартала длиной. рампа 18 находилась на

другой стороне грузового двора.

дверцу открыть мне удалось, залезть в кабину - тоже. внутри раскинулось мягкое кожаное сиденье, такое славное, что я сразу понял если не дать ему бой, то я тут мгновенно закемарю. грузовики водить я не умел. я глянул вниз: полдюжины сцеплений, тормозов, педалей и прочего. я повернул ключ - машина все-таки завелась. потыкал в педали, подергал сцепления, пока грузовик не покатился, и повел его через весь двор к рампе 18, все время думая - когда я вернусь, тележка с обедом уже уедет. а для меня это трагедия, просто трагедия. я припарковал грузовик, заглушил мотор и еще минутку посидел, впитывая добрую мягкость кожаного сиденья. потом открыл дверцу и вылез. промахнулся мимо ступеньки, или что там должно было торчать, и шлепнулся наземь вместе со всей этой окровавленной робой и в бога душу мать каской, как подстреленный. больно не было, я ничего не почувствовал. поднялся я как раз в ту минуту, когда киоск выезжал за ворота и сворачивал на дорогу. я увидел, как они возвращаются к рампе, хохоча и закуривая.

я снал сапоги, снял робу, каску и направился ко времянке у центрального входа, швырнул робу, каску и сапоги на стойку. старик взглянул

на меня:

как? бросаешь такую ХОРОШУЮ работу?

скажи им, чтоб переслали мне чек за 2 часа по почте или засунули его себе в жопу, мне по фиг!

я вышел наружу. перешел через дорогу в мексиканский бар, выпил там пива и поймал автобус до дому. всеамериканский школьный двор снова меня выставил.

ЖИЗНЬ В ТЕХАССКОМ БОРДЕЛЕ

Я слез с автобуса в этой техасской дыре, там стоял жуткий холод, а у меня запор, но зарекаться не стоило: комната здоровенная, чистая, всего за 5 баксов в неделю, к тому же с камином, и только я разлатался, как залетает в комнату этот черный дедуля и ну кочергой такой длинной в камине шурудить. Дровишек-то там не было, вот я и думаю: чего это он тут кочергой своей в моем камине расшурудился?

А он смотрит на меня, крантик свой в кулачке зажал и шипит этак вот: "ииссссс, ииссссс!" И тут я подумал: что ж, он с чего-то решил, что я распиздяй залетный, но поскольку я не из таких, то помочь ему ничем не могу. М-да, подумал я, таков весь мир, так уж он устроен. Он навил еше несколько кругов по комнате со своей кочергой, потом отчалил.

После этого я забрался в постель. От длинных автобусных перегонов у меня всегда запор - и бессонница к тому же, впрочем бессонница у меня постоянно.

Как бы то ни было, значит, только дедуля с кочергой из комнаты вымелся, как я растянулся на

кровати и подумал: ну вот, может, через несколько дней удастся опростаться.

Тут дверь открывается снова, и заходит такое нехило втаренное существо женского пола, опускается на колени и давай полы драить, а задница у нее так и ходит, так и ходит, так и ходит, а она полы-то все драит и драит.

- Как насчет хорошей девчушки? - спрашивает.

- Нет. Подыхаю от усталости. Только что с автобуса. Мне отоспаться надо.

- Славный кусочек жопки тебя как раз и убаюкает. К тому же - всего пятерка.

- Я устал.

- Хорошая чистенькая девчушка.

- Где она?

- Она - это я.

Она поднялась с колен и повернулась ко мне.

- Прости, но я действительно слишком устал, правда.

- Всего 2 доллара.

- Нет, прости.

Она вышла. Через несколько минут я услыхал голос этого мужика.

- Слушай, ты хочешь сказать, что жопу свою ему толкнуть не смогла? Да мы дали ему самый лучший номер всего за пятерку. И ты теперь хо-

чешь сказать, что не смогла ему толкнуть жопу?

- Бруно, я пыталась! Чесслово, ей-бо, пыталась, Бруно!

- Блядина ты грязная!

Я знал этот звук хорошо. Не пошечина. Хорошим сутенерам по большинству не безразлично, есть бланш на лице или нет. Они бьют по шеке, у самой челюсти, подальше от глаза и рта. У Бруно, должно быть, тут большая конюшня. То определенно был удар кулака о голову. Она взвыла, ударилась о стену, а братец Бруно заехал ей еше разок - так, что стена вздрогнула. Так она и отскакивала, то от стены, то от кулаков, и орала, а я потягивался в постели и думал: н-да, жизнь иногда - действительно штука интересная, но что-то не очень мне хочется все это слушать. Если б я знал, что так все обернется, я б ей кусочек уделил.

Потом я заснул.

Наутро я встал, оделся. Естественно, оделся. Но просраться по-прежнему не получалось. Поэтому я вышел на улицу и стал искать мастерские фотографии. Зашел в первую.

- Слушаю вас, сэр? Хотите сняться на карточку?

Она неплохо выглядела - рыжие волосы, улыбается мне снизу вверх.

- С такой-то рожей - зачем мне на карточку сниматься? Я ишу Глорию Вестхэвен.

- Я Глория Вестхэвен, - ответила она, закинула одну ногу на другую и поддернула юбку. А я думал, нужно сдохнуть, чтобы попасть в рай.

- Что это с вами такое? - спросил я ее. - Какая вы Глория Вестхэвен? Я познакомился с Глорией Вестхэвен в автобусе из Лос-Анжелеса.

- А у нее тут что?

- Ну, я слыхал, что у ее матери тут фотостудия. Пытаюсь ее найти. В автобусе между нами кое-что было.

- Хотите сказать, что в автобусе между вами ничего не было?

- Мы с нею познакомились. Когда она выходила, у нее слезы в глазах стояли. Я доехал до самого Нового Орлеана, потом поймал автобус обратно. Ни одна женщина раньше из-за меня не плакала.

- Может, она плакала из-за чего-то другого.

- Я тоже так думал, пока все остальные пассажиры не начали меня материть.

- И вы знаете только, что у ее матери тут фотостудия?

- Только это и знаю.

- Ладно, послушайте, я знакома с редактором главной газеты в этом городе.

- Меня это не удивляет, - заметил я, глядя на ее ноги.

- Хорошо, запишите мне, как вас зовут и где вы остановились. Я позвоню ему и расскажу, что с вами случилось, только придется кое-что изменить. Вы познакомились в самолете, понятно? Любовь в небесах. Теперь вы расстались и потеряли друг друга, понятно? И прилетели аж из самого Нового Орлеана, зная только, что у ее матери тут фотостудия. Ясно? Завтра утром напечатают в колонке "М--- К---". Договорились?

- Договорились, - ответил я. Кинул прощальный взгляд на эти ноги и вышел, когда она уже начала набирать номер. Вот я во 2-ом или 3-ем крупнейшем городе Техаса - и он уже у моих ног. Я направился к ближайшему бару...

Внутри было довольно людно для такого времени суток. Я устроился на единственном свободном табурете. Ну, не совсем, потому что свободных табурета было два - по обе стороны от какого-то здоровенного парняги. Лет 25-ти, больше 6 футов росту и чистого весу фунтов 270. Значит, сел я на один из табуретов и заказал себе пива.

Опорожнил стакан и заказал другой.

- Вот когда так пьют, мне нравится, - произнес парняга. - А то эти задроты тут сидят, один

стакан часами сосут. Мне нравится, как ты себя держишь, чужак.

Чем занимаешься и откуда ты?

- Ничем не занимаюсь, - ответил я, - и я из Калифорнии.

- Думаешь чем-нибудь заняться?

- Не-а, не думаю. Тусуюсь вот.

Я выпил половину своего второго стакана.

- Ты мне нравишься, чужак, - сказал парняга, - поэтому я тебе доверюсь. Но скажу я тебе на ушко, потому что хоть я и здоровый бык, боюсь, что перевес слегка не на нашей стороне.

- Запуливай, - сказал я.

Парняга склонился к моему уху:

- Техасцы - говно, - прошептал он.

Я огляделся и тихонько кивнул: да, мол.

Когда его кулак завершил свой размах, я очутился под одним из тех столиков, которые по вечерам обслуживает официантка. Я выполз, вытер рот платком, посмотрел, как весь бар гогочет, и вышел наружу....

В гостиницу я войти не смог. Из-под двери торчала газета, а сама дверь была чуть-чуть приотворена.

- Эй, впустите меня, - сказал я.

- Ты кто? - спросили меня.

- Из 102-го. Уплачено за неделю вперед. Фамилия Буковски.

- А ты не в сапогах, а?

- В сапогах? С какой стати?

- Рейнджеры.

- Рейнджеры? Это еше что такое?

- Тогда заходи, - ответили мне....

Не провел я в своем номере и десяти минут, как уже лежал в постели, подобрав вокруг себя всю эту сетку. Вся кровать - причем, немалая, да еше и с крышей - была обмотана сеткой. Я ее подобрал с краев и улегся в самой середине - а сетка вокруг меня. От этого я себя прямо педрилой каким-то почувствовал, но, учитывая ход событий, педрилой я себя мог чувствовать так же, как и кем-нибудь другим.

Мало того - в двери повернулся ключ, и она отворилась. На сей раз вошла приземистая и широкая негритянка с довольно-таки доброй физиономией и совершенно необъятным задом.

И вот эта большая добрая черная деваха откидывает мою педрильную сетку и воркует:

- Дорогуша, пора простынки менять.

А я ей:

- Так я же вчера только заехал.

- Дорогуша, мы тут не по твоему распорядку

простынки меняем. Давай, вытаскивай оттуда свою розовую попку и не мешай мне работать.

- Угу, - сказал я и выпрыгнул из постели в чем мама родила. Ее это, кажется, не смутило.

- Хорошая у тебя тут кроватка, дорогуша, - сообщила она мне. - У тебя во всем отеле самый лучший номер и самая лучшая кровать.

- Наверное, мне повезло.

Расправляет она простыни, а сама мне весь свой зад на обозрение выставила.

Продемонстрировала, значит, потом поворачивается и спрашивает:

- Ладно, дорогуша, простыни я постелила. Что-нибудь еше надо?

- Ну, 12-15 кварт пивка бы не помешали.

- Принесу. Только денежки - вперед.

Я дал ей денег и прикинул: ну, всё. Лег, педрильно подоткнул под себя со всех сторон эту сетку и решил: утро вечера мудренее. Но широкая черная горничная вернулась, я снова откинул сетку, и мы сидели, болтали и пили пиво.

- Расскажи мне о себе, - попросил я.

Она рассмеялась и рассказала. Конечно, в жизни ей пришлось несладко. Уж и не знаю, сколько мы так пили. В конце концов, она вскарабкалась на эту мою постель и выебла меня так, как мне

редко в жизни доводилось...

На следующий день я поднялся, прошелся по улице и купил газету: вот она, в колонке популярного обозревателя. Упоминалось и мое имя. Чарльз Буковски, прозаик, журналист, путешественник. Мы познакомились в воздухе, милая дамочка и я, и она приземлилась в Техасе, а я отправился дальше в Новый Орлеан выполнять задание редакции. Но прилетел обратно, поскольку милая дамочка не лезла у меня из головы. Зная только, что у ее матери здесь - фотостудия.

Я вернулся в гостиницу, раздобыл пинту виски и 5 или 6 кварт пива и наконец просрался - что за радостное действо! Должно быть, газетная колонка повлияла.

Я снова забрался под сетку. Тут зазвонил телефон. Я выпростал руку и снял трубку.

- Вам звонят, мистер Буковски. Редактор "--- ---". Разговаривать будете?

- Буду, - ответил я, - алё.

- Вы - Чарльз Буковски?

- Да.

- Как вы оказались в такой дыре?

- Что вы имеете в виду? Я обнаружил, что люди здесь довольно славные.

- Это самый паршивый бордель в городе. Мы

уже 15 лет пытаемся выжить их отсюда.

Что вас туда привело?

- Было холодно. Я поселился в первой попавшейся гостинице. Сошел с автобуса, а тут холодища.

- Вы прилетели на самолете. Не забыли?

- Не забыл.

- Хорошо, у меня есть адрес вашей дамочки. Надо?

- Надо, если не возражаете. Если не хотите мне его давать, ну его на фиг.

- Я просто не понимаю, зачем вы живете в таком месте.

- Ладно, вы - редактор самой большой газеты в этом городе и разговариваете со мной по телефону, а я живу в техасском борделе. Слушайте, давайте просто расстанемся и обо всем забудем. Барышня плакала или что-то в этом роде; мне это запало в душу. Я уеду отсюда первым же автобусом.

- Подождите!

- Чего ждать?

- Я дам вам ее адрес. Она прочла колонку. Прочла между строк. Позвонила мне.

Она хочет вас увидеть. Я ей не сказал, где вы остановились. У нас тут в Техасе - народ гостеприимный.

- Да, я как-то вечером зашел в один ваш бар. На себе это почувствовал.

- Вы еще и пьете?

- Не просто пью - запоем.

- Мне кажется, я не должен давать вам адрес этой девушки.

- Так забудьте тогда про все это к ебеней матери, - сказал я и повесил трубку.

Телефон зазвонил снова.

- Вам звонок, мистер Буковски, от редактора "--- ---".

- Давайте его сюда.

- Слушайте, мистер Буковски, нам нужно продолжение вашей истории. Многие читатели интересуются.

- Скажите своему обозревателю, чтобы черпал из своего воображения.

- Послушайте, можно у вас спросить, чем вы зарабатываете на хлеб?

- Ничем не зарабатываю.

- Разъезжаете на автобусах и доводите девушек до слез?

- Это не всякому дано.

- Послушайте, я готов рискнуть. Я вам дам ее адрес. Сгоняйте и встретьтесь с нею.

- А может, это я рискую?

Он продиктовал мне адрес.

- Вам рассказать, как туда добраться?

- Не стоит. Если я бордель тут отыскал, и ее дом найду.

- Мне в вас что-то не совсем нравится, - сказал он.

- Да идите вы... Если у нее жопка что надо, я вам позвоню.

И повесил трубку...

У нее оказался маленький бурый домик. Дверь открыла какая-то старушка.

- Я ищу Чарльза Буковски, - сообщил я ей. - Нет, прошу прошения, сказал я.

- Я ищу некую Глорию Вестхэвен.

- Я ее мама, - ответила старушка. - А вы - человек из аэроплана?

- Я - человек из автобуса.

- Глория прочла колонку. Она сразу поняла, что это вы.

- Чудесно. Что теперь будем делать?

- О, заходите же.

Я зашел же.

- Глория, - завопила старушка.

Вышла Глория. Как и раньше нормально выглядит. Еше одна здоровая рыжая техасская бабца.

- Проходите сюда, прошу вас, - сказала она. - Из-

вини нас, мама.

Она завела меня к себе в спальню, но дверь не закрыла. Мы сели подальше друг от друга.

- Чем занимаетесь? - спросила она.

- Я писатель.

- О, как мило! Где вы публиковались?

- Я не публиковался.

- Значит, в некотором смысле, вы не совсем писатель.

- Точно. И живу я в борделе.

- Что?

- Я сказал, что вы правы, я в самом деле не писатель.

- Нет, я имею в виду другую фразу.

- Я живу в борделе.

- Вы постоянно живете в борделях?

- Нет.

- А почему вы не в армии?

- Не прошел психиатра.

- Вы шутите.

- Я рад, что нет.

- Вы не хотите воевать?

- Нет.

- Они Пёрл-Харбор разбомбили.

- Я слышал.

- Вам не хочется воевать против Адольфа Гит-

лера?

- Да нет, не очень. Пусть лучше кто-нибудь другой.

- Вы трус.

- Да, трус, и дело не в том, что мне противно убивать человека, просто мне не нравится спать в казарме, где храпит куча народу, а потом чтоб меня будил своим горном какой-нибудь придурок-недоёбка, и мне не нравится носить это чесучее унылое говно оливкового цвета: кожа у меня очень чувствительная.

- Я рада, что в вас есть хоть что-то чувствительное.

- Я тоже рад, но лучше б это была не кожа.

- Может, вам следует кожей и писать.

- Может, вам следут писать своей пиздой.

- Вы омерзительны. И трусливы. Кто-то ведь должен обратить вспять фашистские орды. Я помолвлена с лейтенантом Флота США, и если б он сейчас был здесь, он бы вас хорошенько проучил.

- Наверняка проучил бы, и я от этого стал бы еще омерзительней.

- По крайней мере, он показал бы вам, как быть джентльменом с дамами.

- Вы, наверное, правы. Если б я убил Муссолини,

я бы стал джентльменом?

- Конечно.

- Пойду запишусь немедленно.

- Вас не взяли. Помните?

- Помню.

Мы оба долго сидели, ничего друг другу не говоря. Потом я сказал:

- Послушайте, вы не против, если я у вас что-то спрошу?

- Давайте, - отозвалась она.

- Почему вы попросили меня сойти вместе с вами с автобуса? И почему заплакали, когда я не вышел?

- Ну, у вас лицо такое. Чуть-чуть уродливое, знаете?

- Да, знаю.

- Ну, оно уродливое и еше трагичное. Мне просто не хотелось отпускать от себя эту вашу "трагедию". Мне стало вас жалко, вот я и заплакала. Как у вас лицо таким трагичным стало?

- Ох ты ж господи боже мой, - сказал я, затем встал и вышел вон.

И шел пешком до самого борделя. Парень на дверях узнал меня:

- Эй, чемпион, где губу расквасили?

- Да тут из-за Техаса схлестнулись.

- Из-за Техаса? А ты был за или против Техаса?

- За, конечно.

- Умнеешь, чемпион.

- Я знаю.

Я поднялся наверх, сел на телефон и заставил парня набрать мне редактора газеты.

- Это Буковски, друг мой.

- Вы встретились с девушкой?

- Я встретился с девушкой.

- Как получилось?

- Прекрасно. Прекраснее некуда. Наверное, целый час дрочил. Так и скажите своему обозревателю.

И я повесил трубку.

Спустился вниз, вышел наружу и отыскал тот же самый бар. Ничего не изменилось.

Здоровенный парняга по-прежнему сидел на месте, по пустому табурету с обеих сторон. Я сел и заказал 2 пива. Первое выпил залпом. Затем отпил половину второго.

- А я тебя помню, - сказал парняга, - что там с тобой было?

- Кожа. Чувствительная очень.

- А ты меня помнишь? - спросил он.

- Я тебя помню.

- Я думал, ты сюда никогда не вернешься.

- Я вернулся. Сыграем?

- Мы тут в Техасе в игры не играем, чужак.

- Вот как?

- Ты по-прежнему думаешь, что техасцы - говно?

- Некоторые - да.

И я вновь оказался под столом. Вылез, встал и вышел. Дошел до борделя.

На следующий день в газете написали, что Роман не удался. Якобы я улетел обратно в Новый Орлеан. Я собрал шмутки и пошел на автовокзал. Добрался до Нового Орлеана, нашел себе законную комнатёшку и расположился. Пару недель хранил газетные вырезки, а потом выбросил. А вы бы что оставили?

ШЕСТЬ ДЮЙМОВ

Первые три месяца моей семейной жизни с Сарой были приемлемы, но уже немного спустя я бы сказал, что у нас начались неприятности. Она хорошо готовила, и впервые за много лет я неплохо питался. Вес начал набирать. А Сара начала отпускать замечания.

- Ах, Генри, ты начинаешь мне напоминать индюшку, которую фаршируют к Дню Благодарения.

- Так и есть, бэби, - отвечал ей я.

Я работал экспедитором на складе автомобильных запчастей, и зарплаты едва хватало. Единственными радостями у меня было пожрать, попить пивка и залечь с Сарой в постель. Не совсем полнокровная жизнь, но мужик должен брать, чего дают.

Сара - это уже много. На ней ясно читалось одно: С-Е-К-С. По-настоящему я узнал ее на вечеринке для работников склада. Сара там служила секретаршей. Я заметил, что никто из парней к ней и близко не подходит, и не понял, почему. Я никогда не видел более сексапильной женщины - да и дурой она не казалась. Я подобрался

поближе, мы выпивали и беседовали. Она была прекрасна. Хотя что-то странное проскальзывало в ее глазах. Она на тебя смотрела, а веки, казалось, не моргали.

Когда она отправилась в уборную, я подошел к Гарри, водителю.

- Слышь, Гарри, - спросил я, - а почему никто из парней к Саре не клеится?

- Она - ведьма, мужик, настоящая ведьма. Держись подальше.

- Ведьм, Гарри, не существует. Все это уже давно опровергли. Все бабы, кого сожгли на колу в старину, - жестокая и ужасная ошибка. Ведьм просто не бывает.

- Ну, может, они и неправедно сожгли кучу женщин, сказать не могу. Эта же сучка - точно ведьма, поверь мне на слово.

- Ей одного нужно, Гарри, - понимания.

- Вот чего ей нужно, - ответил Гарри, - так это жертвы.

- Откуда ты знаешь?

- Факты, - веско произнес Гарри. - Тут два парня работали. Мэнни, продавец. И Линкольн, клерк.

- И что с ними?

- Они как бы исчезли прямо у нас на глазах - только медленно. Видно было, как они уходят,

пропадают...

- Что ты имеешь в виду?

- Не хочу я об этом разговаривать. А то еще подумаешь, что я рехнулся.

Гарри отошел. Потом из дамской комнаты вышла Сара. Выглядела она прекрасно.

- Что Гарри тебе про меня наговорил?

- Откуда ты знаешь, что я с Гарри разговаривал?

- Знаю, - ответила она.

- Он был немногословен.

- Что бы они ни наплел, не бери в голову. Чушь это собачья. Я ему не дала, и он теперь ревнует. Ему нравится о людях гадости говорить.

- Меня мнение Гарри нисколько не волнует, - сказал я.

- У нас с тобой все получится, Генри, - сказала она.

После вечеринки она пошла со мной ко мне, и могу вам доложить: меня никто никогда так не трахал. Женщина всех женщин. Примерно месяц спустя или около того мы поженились. Свою работу она бросила сразу, однако я ничего не сказал, поскольку радовался уже тому, что она со мной. Сара сама шила себе одежду, сама себя стригла. Замечательная женщина. Весьма

замечательная.

Но, как я уже сказал, еще через 3 месяца она начала замечать мне по поводу лишнего веса. Сначала - добродушные подколки, затем презрительные насмешки.

Вернулся я однажды вечером домой, а она говорит:

- Снимай свою дурацкую одежду!

- Что, моя дорогая?

- Я два раза не повторяю, ублюдок! Раздевайся!

Сара вела себя немного иначе, чем обычно. Я снял всю одежду и белье и кинул их на тахту. Она смотрела на меня.

- Кошмар, - произнесла она, - какая куча навоза!

- Что, дорогуша?

- Я сказала, что ты похож на здоровенный шмат говна!

- Послушай, милая, в чем дело? Тампон пора вставлять?

- Заткнись! Посмотри только, что у тебя по бокам свисает!

Она была права. С каждого бока, казалось, действительно свисало по мешочку сала, наползая даже на бедра. Затем она сжала кулаки и жестко заехала мне по каждому боку несколько раз.

- Надо разбить эту срань! Раздробить жировую прослойку, размять клетки...

И постучала по мне еше несколько раз.

- Ой! Больно, наверное!!

- Хорошо! Теперь сам себя стукни!

- Сам себя?

- Бей же, черт бы тебя побрал!

Я несколько раз себя ударил, достаточно больно. Когда с битьем было покончено, эти штуки по-прежнему висели на месте, хотя довольно сильно покраснели.

- Мы это говно из тебя выведем, - сообщила она мне.

Я прикинул, что это, должно быть, - любовь, и решил сотрудничать...

Сара начала считать мои калории. Отняла у меня всё жареное, весь хлеб и всю картошку, всю заправку к салатам, но пиво я себе оставил. Следовало показать ей, кто у нас в семье носит брюки.

- Нет, черт возьми, - сказал я, - от пива я не откажусь. Я тебя очень люблю, но пиво останется со мной!

- Хорошо, - ответила Сара, - все равно мы заставим его работать.

- Кого заставим работать?

- Я имею в виду, снимем с тебя это говно, дове-

дем тебя до желаемого размера.

- А желаемый размер - это сколько?

- Увидишь.

Каждый вечер, когда я возвращался домой, она задавала мне один и тот же вопрос:

- Ты сегодня себя по бокам стучал?

- Ох, черт, да!

- Сколько раз?

- 400 по каждому, больно.

Я ходил по улицам и колотил себя по бокам. На меня оглядывались, но через некоторое время это перестало иметь значение, поскольку я знал: я чего-то добиваюсь, а они - нет...

Метода работала, причем изумительно. Я с 225 дошел до 197. Потом со 197 - до 184. Я чувствовал себя на десять лет моложе. Люди отмечали, как хорошо я стал выглядеть. Все, кроме Гарри-водилы. Но он, разумеется, просто ревновал, поскольку так и не смог забраться Саре в трусики. Но это уже - его твердый кал.

Как-то вечером на весах оказалось всего 179.

Я сказал Саре:

- Тебе не кажется, что мы уже достаточно сбросили? Посмотри на меня!

Эти штуки у меня по бокам давно исчезли. Брюхо втянулось. Шеки смотрелись так, будто я

их всасываю.

- Согласно графикам, - сказала Сара, - согласно моим графикам, ты еще не достиг желаемого размера.

- Послушай, - сказал я ей, - во мне шесть футов росту. Какой при этом должен быть желаемый вес?

И тут Сара ответила мне довольно странно:

- Я не говорила "желаемый вес", я сказала "желаемый размер". Сейчас у нас - Новая Эра, Атомный Век, Век Космоса, а самое главное - Век Перенаселения. Я - Спаситель Мира. У меня есть решение проблемы Взрыва Перенаселения. Пускай Загрязнением занимаются другие. Корень - в решении Перенаселения: а это решит и Загрязнение, и все остальное.

- Ты это, к чертовой матери, о чем? - спросил я, отколупывая крышку с пивной бутылки.

- Не волнуйся, - ответила она, - скоро узнаешь.

Потом, становясь на весы, я начал замечать, что несмотря на потерю веса, я, кажется, ни на унцию не худел. Странно. А потом я заметил, что брючины уже съезжают мне на башмаки - чуть-чуть, а манжеты рубашек немного болтаются на кистях. По пути на работу я начал подмечать, что руль от меня как-то отдаляется.

Пришлось даже сиденье на одно деление приподнять.

Однажды вечером я забрался на весы.

155.

- Смотри, Сара.

- Что, дорогой?

- Я тут кое-чего не понимаю.

- Чего?

- Кажется, я ссыхаюсь.

- Ссыхаешься?

- Да, ссыхаюсь.

- Ох, ты дурашка! Это же невозможно! Как человек может ссыхаться? Ты что, действительно считаешь, что от твоей диеты ссыхаются кости? Кости не тают!

Снижение калорий только сокращает количество жира. Не будь идиотом! Ссыхаешься?

Так не бывает!

И она расхохоталась.

- Ладно, - сказал я, - иди сюда. Вот карандаш. Я сейчас встану у стенки. Так мама мне делала, когда я маленьким был. Рисуй на стене линию там, куда карандаш упрется, когда я голову уберу.

- Ладно, глупый, - согласилась она.

И провела черту.

Через неделю я уже дошел до 131. Все быстрее

и быстрее.

- Иди сюда, Сара.

- Что, глупыш?

- Рисуй.

Она нарисовала. Я обернулся.

- Вот видишь, я потерял 24 фунта и 8 дюймов за последнюю неделю. Я таю! Во мне теперь 5 футов и 2 дюйма. Это безумие! Безумие! С меня довольно. Я застал тебя, когда ты подрезала мои штанины, мои рукава. Номер не пройдет. Я опять начинаю есть. Мне кажется, ты в самом деле какая-то ведьма!

- Вот глупый...

Вскоре после этого меня вызвали к начальству.

Я вскарабкался на стул перед его столом.

- Генри Марксон Джоунз-Второй?

- Слушаю, сэр?

- Вы действительно Генри Марксон Джоунз-Второй?

- Разумеется, сэр.

- Ну что, Джоунз, мы тщательно за вами наблюдали. Боюсь, вы просто для этой работы больше не подходите. Нам очень не хочется, чтобы вы так нас покидали... Я хочу сказать, что нам не хочется вас вот так отпускать, но...

- Послушайте, сэр, но я же всегда стараюсь, как

могу.

- Мы знаем, что вы стараетесь, Джоунз, однако, мужская работа просто вам больше не под силу.

И он меня уволил. Конечно, я знал, что получу свою компенсацию по безработице.

Но все равно думаю, так выкидывать меня вон с его стороны было мелко...

Я остался дома с Сарой. Что еше хуже - она меня кормила. Дошло до того, что я больше не мог дотянуться до дверцы холодильника. А потом она посадила меня на маленькую серебряную цепочку.

Скоро во мне осталось уже два фута. Чтобы посрать, приходилось присаживаться на детский стульчик с горшочком. Но она по-прежнему разрешала мне пить пиво, как и обещала.

- Ах, мой маленький зверек, - говорила она, - какой ты маленький и славненький!

Даже наша любовная жизнь подошла к концу. Все растворилось пропорционально. Я взбирался на нее, но через некоторое время она меня просто снимала и смеялась.

- Ах, ты попытался, мой маленький утенок!

- Я не утенок, я мужчина!

- Ох ты мой славненький мужчинский мужичок!

И она подхватывала меня и целовала красными губами...

Сара довела меня до 6 дюймов. В магазин она носила меня в своей сумочке. Я мог разглядывать людей сквозь дырочки для вентиляции, которые она проковыряла. К чести этой женщины могу сказать одно. Пиво мне по-прежнему разрешалось. Теперь я пил его наперстками. Кварты хватало на месяц. Раньше оно, бывало, приканчивалось минут за 45. Я смирился. Я понимал, что захоти она - и я исчезну окончательно.

Лучше уж 6 дюймов, чем ничего. Даже чуточкой жизни дорожишь, когда конец близок.

Поэтому я развлекал Сару. Ничего больше не оставалось. Она шила мне крошечную одежду и обувь, сажала на радиоприемник, включала музыку и говорила:

- Танцуй, малютка! Танцуй, мой шут! Танцуй, мой дурачок!

Что ж, компенсацию по безработице сходить и получить я все равно не мог, поэтому приходилось танцевать на радиоприемнике, а она хлопала в ладоши и смеялась.

Знаете, пауки пугали меня ужасно, а мухи были размерами с гигантских орлов; если бы я попался в лапы кошке, она мучила бы меня, как мышон-

ка. Но жизнь по-прежнему была мне дорога. Я танцевал, пел и цеплялся за нее. Сколь мало бы у человека ни оставалось, он поймет, что всегда сможет обходиться еще меньшим. Когда я гадил на ковер, меня шлепали. Сара везде разложила листики бумаги, и я срал на них. И отрывал от них кусочки еще меньше - подтираться. На ошупь - как картон. У меня начался геморрой. По ночам не спал. Чувствовал себя человеком второго сорта, осознавал, что попал в ловушку. Паранойя? Как бы то ни было, лучше становилось, когда я пел и танцевал, и Сара давала мне пиво. По какой-то причине она оставила мне эти шесть дюймов. В чем причина заключалась, выходило за рамки моего понимания. Впрочем, почти все остальное тоже теперь выходило за мои рамки.

Я сочинял Саре песенки, так их и называл: Песенки для Сары.

"о, я нахальный такой карапуз - то есть, покуда не разойдусь, да никуда не засадишь дружка кроме игольного, на хуй, ушка!"

Сара хлопала в ладоши и смеялась.

"хочешь адмиралом стать на королевском флоте?

отрасти до 6 дюймов и ебись...

сможешь умываться золотистым ливнем, когда

Королева делает пись-пись..."

И Сара смеялась и аплодировала. А что, нормально. Как и должно быть...

Но однажды ночью случилось нечто отвратительное. Я пел и танцевал, а Сара валялась на кровати, голая, хлопала в ладоши, трескала вино и хохотала. Я был в ударе. Один из лучших моих концертов. Но, как обычно и бывало, крышка радиоприемника нагрелась и стала жечь мне пятки. Терпеть больше не было сил.

- Слушай, крошка, - сказал я, - с меня хватит. Сними меня отсюда. Дай мне пива. Вина не надо. Сама пей эту бормотуху. Дай мне наперсток моего хорошего пива.

- Конечно, сладенький мой, - ответила она, - ты сегодня чудесно выступал.

Если б Мэнни с Линкольном выступали так же хорошо, как и ты, то сегодня были бы с нами. Но они ни петь, ни танцевать не хотели, они куксились. А самое худшее - возражали против Последнего Акта.

- Что же это за Последний Акт?

- Пока, миленький мой, пей себе пиво и не напрягайся. Мне хочется, чтобы ты Последним Актом тоже насладился. Совершенно очевидно, что ты гораздо талантливее Мэнни или Линколь-

на. Я в самом деле верю, что у нас с тобой может произойти Кульминация Противоположностей.

- О, черт возьми, еше бы, - сказал я, опустошая наперсток. Налей-ка мне еше. И что же это за Кульминация Противоположностей такая?

- Пей пиво, не спеши, моя сладенькая малютка, скоро узнаешь.

Я допил пиво, а потом и произошла эта гадость, самая мерзостная гадость в жизни.

Сара взяла меня и положила между ног, которые слегка при этом расставила. Я оказался лицом к волосяной чашобе. Напряг мышцы спины и шеи, чувствуя, что мне предстоит. И меня впихнули во тьму и вонь. Я слышал, как Сара застонала. Затем она начала мною медленно двигать - туда-сюда. Как я уже сказал, вонь была непереносима, дышалось едва-едва, но воздух все-таки там оставался - в каких-то закоулках и кислородных сквозняках. Время от времени голова моя, самая макушка, утыкалась в ее Лилипутика, и она испускала сверхпросветленный стон.

Сара задвигала мной быстрее и быстрее. Кожу начало жечь, дышать стало еше труднее; вонь усугубилась. Было слышно, как она хватает ртом воздух. Мне пришло в голову, что чем скорее я с

этим покончу, тем меньше буду мучиться. Всякий раз, когда она себя мной таранила, я изгибал спину и шею, вписываясь всем своим существом в этот ее поворот, стукаясь о Лилипутика.

Вдруг меня выдрали из этого ужасного тоннеля. Сара поднесла меня к лицу:

- Кончай, проклятое отродье! Кончай! - скомандовала она.

Сара совсем обалдела от вина и страсти. Я ощутил, как меня снова со свистом ввергают в тоннель. Она поспешно ерзала мной вперед и назад. Тут я неожиданно вобрал в легкие воздуху, чтобы раздаться в размерах, набрал в челюсти побольше слюны и выхаркнул - раз, другой, третий, 4, 5, 6 раз и прекратил... Вонь сгустилась сверх всякого воображения, и меня, наконец, извлекли на воздух.

Сара поднесла меня к лампе и осыпала поцелуями всю голову и плечи.

- О, дорогой мой! о мой драгоценный маленький хуечек! Я тебя люблю!

И поцеловала меня своими кошмарными красными накрашенными губами. Меня вырвало.

Затем, утомленная вином и страстью, она забылась, положив меня между грудей. Я отдыхал и слушал, как бьется ее сердце. С этого своего

проклятого поводка, с серебряной цепочки она меня отпустила, но какая разница. Едва ли я был свободен.

Одна из ее массивных грудей скатилась на сторону, и я, казалось, лежал на самом сердце. На сердце ведьмы. Если я был решением Взрыва Народонаселения, то почему она не пользовалась мною больше, чем просто развлечением, больше, чем сексуальной игрушкой? Я вытянулся на ней, слушая стук сердца. Я решил, что она все-таки ведьма. Потом поднял голову. И знаете, что я увидел? Поразительнейшую вещь. Наверху, в шелке под самым изголовьем. Шляпную булавку. Да, шляпную булавку, длинную, с такой круглой пурпурной стеклянной штукой на конце. Я прошел у нее между грудей, вскарабкался по горлу, залез на подбородок (ценой немалых усилий), потом на цыпочках перешел губы, а потом она чуть шевельнулась, и я едва не свалился - пришлось даже за ноздрю схватиться. Очень медленно я поднялся мимо правого глаза, - голова ее была слегка повернута влево, - и вот я уже на лбу, миновал висок и забрался в волосы - очень трудно сквозь них продираться.

Затем встал и изо всех сил вытянулся, подтянулся - едва удалось за эту булавку схватиться.

Спускаться оказалось быстрее, но опаснее. Несколько раз я чуть было не потерял равновесие с этой булавкой на плече. Свалился бы разок - и кранты.

Несколько раз я не мог сдержаться и хохотал, настолько смешно все это было. Итог конторской вечеринки, С Новым Годом.

Потом я снова оказался под этой массивной грудью. Положил булавку и прислушался.

Я пытался точно уловить стук сердца. Определил место - в аккурат под небольшой коричневой родинкой. Затем встал во весь рост. Поднял шляпную булавку с ее пурпурной стеклянной головкой, такой красивой под светом лампы. И подумал: а получится? Во мне всего 6 дюймов, а булавка, должно быть, раза в полтора меня больше. 9 дюймов, значит. Сердце, кажется, ближе.

Я поднял булавку над головой и с размаху всадил ее. Под самой родинкой.

Сара перевернулась и задергалась. Я держался за булавку. Она меня чуть на пол не скинула - а он, если брать в сравнительных размерах, казался в тысяче футов от меня, и такой полет бы меня точно прикончил. Я держался. С ее губ сорвался странный звук.

Затем всю ее передернуло, будто женщине

стало зябко.

Я подтянулся и всадил оставшиеся 3 дюйма булавки в ее грудь, пока красивая пурпурная головка не уткнулась в самую кожу.

Затем Сара затихла. Я прислушался.

Услышал стук сердца: раз два, раз два, раз два, раз два, раз два, раз...

Остановилось.

А потом, цепляясь и хватаясь своими маленькими руками убийцы за простыню, я слез на пол. Во мне оставалось 6 дюймов росту, я был реален, испуган и голоден. В одной из оконных жалюзи спальни я обнаружил шель, выходившую на восток и бежавшую от пола до потолка. Схватился за ветку кустарника, забрался, прополз по ней внутрь куста. Никто, кроме меня, не знал, что Сара умерла. Однако, реальной пользы в этом не наблюдалось. Если я хочу жить дальше, надо найти, чего бы поесть. Но отвязаться от мысли: как мое дело рассматривали бы в суде, - я не мог. Виновен? Я оторвал кусочек листика и пожевал. Не годится. Едва ли. Потом во дворе к югу я заметил дамочку, выставившую тарелку с какой-то дрянью для своего кота. Я выполз из кустика и стал пробираться к ней, следя за любым движением и домашним животным вокруг. На вкус

дрянь оказалась гаже всего, что мне в жизни доводилось есть, но выбора не было. Я сожрал с кошачьей тарелки все, что в меня влезло, - у смерти вкус гораздо хуже. Потом дошел до куста и снова забрался внутрь.

Вот он я, решение проблемы Взрыва Народонаселения, болтаюсь на кустике с набитым кошачьей едой пузом.

Дальнейшими подробностями мне вас утомлять не хочется. Постоянно спасался от кошек, собак и крыс. Ошушал, как помаленьку подрастаю. Наблюдал, как выносят тело Сары. Залез внутрь и понял, что еше слишком маленький и по-прежнему не достаю до дверцы холодильника.

Был день, когда кот чуть было меня не сцапал, когда ел из его миски. Пришлось делать ноги.

Во мне уже было 8 или десять дюймов. Я рос. Я уже пугал голубей. Когда можешь распугивать голубей, то уже знаешь - победа не за горами. Однажды я просто помчался по улице, прячась в тени зданий, под заборами и прочей ерундой. Я так бежал и прятался, пока не достиг супермаркета; там, у самого входа, я спрятался под газетным киоском. Когда подошла большая женщина, и электрическая дверь открылась, я проскользнул

внутрь за ней следом. Один из кассиров у выхода поднял голову, когда я проходил мимо:

- Эй, а это еще что за чертовня?

- Какая? - переспросила покупательница.

- Мне что-то показалось, - ответил кассир, - а может, и нет. Нет, надеюсь, что да.

Мне как-то удалось прокрасться к ним на склад незаметно. Я спрятался за ящики с печеными бобами. Той же ночью я вышел из укрытия и наелся до отвала.

Картофельный салат, маринованные огурчики, ветчина с черным хлебом, чипсы и пиво, много пива. Это стало входить в привычку. Целыми днями я прятался на складе, а ночью выходил и устраивал себе банкет. Но я рос, и прятаться становилось все труднее. Я пристрастился наблюдать, как менеджер каждый вечер складывает в сейф выручку. Уходил он последним. Каждый вечер, когда он убирал деньги, я считал паузы. Порядок, казалось, был такой: 7 направо, 6 налево, 4 направо, 6 налево, 3 направо, открыто. Каждую ночь я подходил к сейфу и подбирал цифры. Чтобы доставать до замка, приходилось строить что-то вроде лестницы из пустых коробок. Ничего не получалось, но я попыток не бросал. То есть, каждую ночь. А тем временем я

рос быстро. Наверное, уже фута 3 было. В магазине секция одежды оказалась очень маленькой, поэтому приходилось забираться в размеры больше. Проблема народонаселения возвращалась. А потом однажды ночью сейф открылся. Там лежало 23 тысячи долларов наличными. Должно быть, я попал на них перед самой сдачей денег в банк. Я прихватил ключ, которым пользовался менеджер, чтобы выйти, не поднимая сигнала тревоги. Прошел немного вниз по улице и на неделю снял себе номер в Сансет-Мотеле. Барышне сказал, что работаю карликом в кино. Это только нагнало на нее больше скуки.

- Никакого телевидения или громких звуков после десяти вечера. Таковы у нас правила.

Она взяла у меня деньги, дала квитанцию и закрыла дверь.

На ключе было написано: Комната 103. Я ее даже смотреть не стал. Двери мелькали мимо: 98, 99, 100, 101, а я шагал на север, к Голливудским Холмам, к тем горам, что за ними, и великий золотой свет Господа сиял мне, и я вырастал.

ЕБЛИВАЯ МАШИНА

жаркая ночь у Тони стояла, о ебле даже мысль в голову не приходит, хлещешь холодное пиво и всё. Тони катнул парочку мне и Индейцу Майку, и Майк вытащил бабки, пусть хоть за первую заплатит. Тони выбил чек, скучая, оглядел заведение - 5 или шестеро сидят, стаканы свои изучают, олухи. поэтому Тони подвалил к нам.

- что нового, Тони? - спросил я.

- а-а, говно, - ответил Тони.

- это не ново.

- говно, - повторил Тони.

- а-а, говно, - подтвердил Индеец Майк.

мы отхлебнули пива.

- что ты думаешь о луне? - спросил я Тони.

- говно, - ответил Тони.

- ага, - подтвердил Индеец Майк, - если на земле мудак, то и на луне мудаком останешься. без разницы.

- говорят, на Марсе, вероятно, жизни нет, - сказал я.

- и что? - спросил Тони.

- а, говно, - сказал я. - еще 2 пива.

Тони их нам катнул, подошел за деньгами, вы-

бил, вернулся на место.

- вот говно, как жарко-то. уж лучше слохнуть, как вчерашний Котекс.

- куда люди попадают после смерти, Тони?

- в говно. какая разница?

- ты что, не веришь в Человеческий Дух?

- говна мешок!

мы пили пиво и обдумывали это замечание.

- слушайте, - сказал я, - мне надо поссать.

я пошел к писсуару, а там, как обычно, торчал Филин Пити.

извлек свой инструмент и начал ссать.

- какой у тебя хуй маленький, - сообщил он мне.

- когда я ссу или медитирую - да. но я отношусь к суперрастяжимому типу. когда я готов к бою, каждый дюйм, что у меня есть сейчас, приравнивается к шести.

- тогда хорошо, коли не врешь, потому что я вижу только два дюйма.

- я только головку высовываю.

- я тебе доллар заплачу, если дашь отсосать.

- это немного.

- ты вытащил больше, чем только головку, ты вытащил вообще всё, что у тебя есть.

- отъебись, Пит.

- ты еще ко мне прибежишь, когда деньги на пиво кончатся.

я вышел обратно.

- еще 2 пива, - заказал я.

Тони проделал весь номер снова, вернулся.

- такая жара, что я, наверное, рехнусь, - сказал он.

- жара просто заставляет тебя осознать свою подлинную сущность, сказал я Тони.

- секундочку! ты что, меня чокнутым назвал?

- да мы все тут такие, только это держится в тайне.

- ладно, допустим, это говно твое - правда: сколько тогда на земле здравых людей? вообще хоть один остался?

- несколько.

- сколько?

- из миллиарда?

- да, да.

- ну, я бы сказал, 5-6.

- 5-6? - переспросил Индеец Майк. - соси мой хуй!

- слушай, - сказал Тони. - а откуда ты знаешь, что я псих? как нам это сходит с рук?

- ну, поскольку все мы психи, контролировать нас могут только очень немногие, их слишком

мало, поэтому они нам просто дают порезвиться на воле. больше пока сделать они ничего не могут. я некоторое время думал, что они найдут себе какое-нибудь местечко для жизни в открытом космосе, а нас уничтожат. теперь же я знаю, что и космос психи контролируют.

- откуда знаешь?

- потому что они в луну американский флаг воткнули.

- а если бы русские русский флаг в луну воткнули?

- то же самое, - ответил я.

- а ты, значит, беспристрастен? - спросил Тони.

- я беспристрастен ко всем степеням безумия.

мы притихли, пили дальше. Тони тоже начал начислять себе скотча с водой. он-то вправе, он тут хозяин.

- господи, какая жарища, - сказал Тони.

- да, говно, - подтвердил Индеец Майк.

затем Тони заговорил.

- безумие, - сказал Тони, - а знаете, вот в эту самую минуту кое-что очень безумное тут происходит!

- ну дак, - подтвердил я.

- нет-нет-нет... я имею в виду ПРЯМО ВОТ ТУТ, у меня!

- м-да?

- м-да. настолько безумное, что иногда самому страшно.

- рассказывай, Тони, - сказал я, постоянно готовый выслушать чужое дерьмо.

Тони склонился очень близко.

- я знаю, у одного парня тут есть машина для ебли. не какое-нибуль сумасшедшее говно из секс-журналов, как в рекламе пишут, грелки там со сменной пиздой из теста и прочая хрень. парень в самом деле ее собрал. немецкий ученый, мы его заполучили, я имею в виду, наше правительство, пока русские его не сцапали. а теперь держат в секрете.

- конечно, Тони, еше бы...

- Фон Брашлиц. наше правительство пыталось заинтересовать его в КОСМОСЕ. фиг там. просто блистательный старый хрыч, но все мозги одной этой ЕБЛИВОЙ МАШИНОЙ забиты. и в то же время считает себя чем-то типа художника, иногда даже Микеланджело себя называет... его списали на пенсию, на 500 баксов в месяц, чтоб только не помер и в психушку не загремел. некоторое время за ним присматривали, а потом им надоело или забыли про него, но чеки слали регулярно, и агент время от времени заходил к нему поговорить

минут на двадцать раз в месяц, в отчете писал, что он по-прежнему псих, потом отваливал. и вот он мотался по городам, мотался, везде за собой здоровенный красный чемодан таскал. наконец, как-то вечером заруливает сюда и начинает кирять. тележит мне, что он старый, устал, что ему нужно хорошее тихое местечко - исследования проводить. я от него отмазывался, как только мог. сюда много чокнутых захаживает, сами знаете.

- ага, - подтвердил я.

- тогда, чуваки, он надирается все сильнее и сильнее, и выкладывает мне. он-де изобрел механическую бабу, которая мужика выебет лучше любой женщины в истории!

плюс никаких котексов, никакого говна, никаких наездов!

- я ищу, - сказал я, - такую бабу всю свою жизнь.

Тони рассмеялся:

- все ищут. я решил, что он ненормальный, конечно, пока как-то ночью после закрытия он не завел меня к себе в ночлежку и не вытащил из красного чемодана свою ЕБЛИВУЮ МАШИНУ.

- и?

- будто в рай попадаешь, а не сдох.

- давай, конец угадаю? - предложил я Тони.

- валяй.

- Фон Брашлиц и его ЕБЛИВАЯ МАШИНА сейчас у тебя наверху сидят.

- а-га, - протянул Тони.

- сколько?

- двадцатка с рыла.

- двадцать баксов с машиной поебаться?

- он превзошел всё, что бы нас ни Создало. сами увидите.

- да Филин Пити у меня за доллар отсосет.

- Филин Пити-то ништяк, только он - не изобретение, которое богов на лопатки положит.

я сунул ему 20.

- ну, Тони, гляди у меня: если это ты по жаре приколоться решил, то считай, лучшего своего клиента ты уже потерял!

- ты же сам сказал, что мы все тут всё равно чокнутые. дело твое.

- правильно, - сказал я.

- правильно, - поддакнул Индеец Майк, - и вот мои 20.

- я только 50 процентов получаю, вы должны меня понять. остальное Фон Брашлицу идет. пенсия в 500 баксов - это не сильно много с инфляцией и налогами, а Фон Б. к тому же шнапс хлещет, как сумасшедший.

- пошли, - сказал я, - 40 баксов у тебя уже есть. где эта бессмертная ЕБЛИВАЯ МАШИНА?

Тони поднял створку стойки и сказал:

- проходите сюда. подниметесь по задней лестнице, просто подниметесь, постучите, скажете: "нас Тони прислал".

- что, в любую дверь?

- №69.

- ох ты ж черт, - сказал я. - ну еще бы.

- ох ты ж черт, - передразнил Тони. - лучше яйца в кулак собери.

мы нашли лестницу, поднялись.

- Тони прикола ради на все пойдет, - сказал я.

идем дальше, вот она - дверь №69.

я постучал:

- нас Тони прислал.

- ах, заходите же, джентльмены!

сидит там такой старый похотливый шизик, в руке стакан шнапса, очки с двойными линзами. прямо как старом кино. у него, казалось, была гостья молоденькая, даже слишком молоденькая, на вид и хрупкая, и сильная.

она закинула одну ногу на другую, мелькнув всем, чем надо: нейлоновые колени, нейлоновые ляжки, и вот этот крошечный просвет, где заканчивались длинные чулки и едва намеча-

лась полоска голого тела. она вся была сплошной попкой и грудями, нейлоновые ноги, смеющиеся иссиня-чистые глаза....

- джентльмены - моя дочь, Таня...

- что?

- ах, да, знаю, я так... стар... но точно так же, как существует миф о черных с их вечно огромными хуями, есть еще и миф о старых грязных немцах, никогда не прекращающих ебстись. верьте во что хотите. это моя дочь Таня как бы там ни было...

- приветик, мальчики, - рассмеялась она.

тут мы все взглянули на дверь с надписью: КОМНАТА ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЕБЛИВОЙ МАШИНЫ.

он допил шнапс.

- так, значит... вы, мальчики, зашли ПОЕБАТЬСЯ как никогда в жизни, я?

- Папа! - сказала Таня, - неужели всегда нужно быть таким грубым?

Таня снова скрестила ноги, на сей раз задрав повыше, и я чуть не кончил.

потом профессор хлопнул следующий стакан шнапса, поднялся и подошел к двери с надписью КОМНАТА ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЕБЛИВОЙ МАШИНЫ. повернулся к нам, улыбнулся, а затем очень медленно отворил дверь, зашел внутрь и выкатил эту штуковину на чем-то вроде больничной койки

с колесиками.

совершенно ГОЛУЮ глыбу металла.

проф подкатил эту фиговину прямо к нам и замычал какую-то дурацкую песенку - вероятно, что-то из немецкого.

глыба металла с такой дырой посередине. у профессора в руке появилась масленка, он ткнул ею в дырку и начал закачивать внутрь хренову тучу масла, по ходу дела мыча свою безумную немецкую песенку.

он все качал и качал, потом оглянулся через плечо, сказал:

- славно, я? - и снова отвернулся, качая себе дальше.

Индеец Майк взглянул на меня, попробовал рассмеяться, вымолвил:

- черт побери... нас опять отымели!

- ага, - ответил я, - я уже, наверное, лет пять не барался, но будь я проклят, если засуну хуй в эту кучу свинца!

Фон Брашлиц расхохотался, подошел к своему шкафчику с пойлом, отыскал еще одну чекушку шнапса, начислил себе хорошенько и уселся лицом к нам.

- когда мы в Германии начали понимать, что война проиграна, а сеть затягивается - до самой

последней битвы за Берлин, - мы поняли, что война приобрела новую сущность: подлинная война разгорелась за то, кто побольше немецких ученых себе захапает. Россия ли цапнет себе побольше, Америка - именно они первыми доберутся до луны, первыми до Марса... все что угодно сделают первыми. не знаю уж, как там на самом деле у них вышло... по количеству или в смысле научной силы мозга. знаю только то, что до меня американцы добрались первыми, вытащили меня, увезли в машине, дали выпить, уперли дуло в висок, наобещали кучу, орали, как ненормальные. я все подписал...

- ладно, - сказал я, - довольно истории, я все равно свою письку, свою бедную маленькую письку в эту глыбу сталепроката совать не собираюсь - или как там она у вас называется! Гитлер точно чокнутый был, если с вами нянчился, лучше б до вашей задницы первыми добрались русские! верните мне мои 20 баксов!

Фон Брашлиц рассмеялся:

- хиихиихиихиихи... это же всего-навсего моя маленькая шутка, найн?

хиихиихиихиии!

он запихал гору свинца обратно в чулан, захлопнул дверь.

- ох, хихиииихи! - и еще чуток отпил шнапса.

затем Фон Б. налил себе еще. ну он и хлещет.

- джентльмены, я - художник и изобретатель! моя ЕБЛИВАЯ МАШИНА - на самом деле, моя дочь, Таня...

- опять шуточки, Фон? - спросил я.

- никаких шуточек! Таня! подойди и сядь джентльмену на колени!

Таня расхохоталась, встала, подошла и села мне на колени. ЕБЛИВАЯ МАШИНА? я не мог в это поверить! кожа ее была кожей - или ею казалась, а язык, вкручиваясь мне в рот, когда мы целовались, был далеко не механическим - каждое движение его отличалось от прежнего, отвечало на мои.

и тут я приступил: сдирал с ее грудей блузку, исследовал трусики, распалился сильнее, чем за все последние годы, а потом мы с нею сплелись; уж и не знаю, как, но мы оказались на ногах - и я взял ее стоя, руками вцепившись в ее длинные светлые волосы, загибая ей назад голову, а потом скользнул пальцами вниз, раздвигая ей ягодицы, и пихал, пихал, она кончила - - я почувствовал в ней биение и тоже вступил.

лучше ебли у меня вообще никогда не было!

Таня сходила в ванную, почистилась и при-

няла душ, снова оделась для Индейца Майка. наверное.

- величайшее человеческое изобретение, - довольно серьезно произнес Фон Брашлиц. вполне справедливо.

тут Таня вышла и уселась МНЕ на колени.

- НЕТ! НЕТ! ТАНЯ! ТЕПЕРЬ ОЧЕРЕДЬ ВТОРОГО! ЭТОГО ТЫ ТОЛЬКО ЧТО ОТЪЕБАЛА!

она, казалось, не услышала, и это было странно даже для ЕБЛИВОЙ МАШИНЫ, поскольку в самом деле я никогда очень хорошим любовником и не был.

- ты меня любишь? - спросила она.

- да.

- я тебя люблю, и я так счастлива, и... я не должна быть живой, ты ведь это знаешь, правда?

- я люблю тебя, Таня. вот все, что я знаю.

- черт побери! - заорал старик, - ЕБАНАЯ ЕБЛИВАЯ МАШИНА! - он подскочил к полированному ящику, на стенке которого печатными буквами значилось ТАНЯ. оттуда торчали разноцветные проводки; виднелись шкалы с дрожавшими стрелками множества разных цветов, огоньки, мигавшие то и дело, что-то тикало... я никогда не сталкивался с более ненормальным сутенером, чем Фон Б. он по-прежнему забавлялся

со своими шкалами, потом взглянул на Таню:

- 25 ЛЕТ! почти всю жизнь тебя строил! даже от ГИТЛЕРА тебя прятать пришлось! а теперь... пытаешься превратиться в обычную заурядную блядь!

- мне не 25, - сказала Таня, - мне 24.

- видите? видите? как простая сука!

и он вернулся к своим шкалам.

- ты другой помадой накрасилась, - сказал я Тане.

- тебе нравится?

- о, да!

она перегнулась и поцеловала меня.

Фон Б. все так же играл со своими манометрами. я чувствовал, что он выиграет.

Фон Брашлии повернулся к Индейцу Майку:

- это просто незначительный каприз техники, верьте мне. через минуту я все исправлю, я?

- надеюсь, - произнес Индеец Майк. - у меня тут 14 дюймов ждут, и я на 20 баксов обеднел.

- я люблю тебя, - говорила мне Таня. - я никогда ни с одним человеком ебаться больше не буду. если ты не сможешь быть со мной, то никого другого у меня не будет.

- я прошу тебя, Таня, что бы ты ни сделала.

проф уже злился, он крутил ручки, но ничего

не происходило:

-ТАНЯ! тебе уже пора ЕБАТЬ ВТОРОГО человека! я уже... устал... наверное, шнапс... спать... Таня...

- ах, - сказала Таня, - ты гнилой старый ебила! со своим шнапсом а потом за сиськи меня всю ночь кусаешь, заснуть мне не даешь! сам даже поднять его по-человечески не можешь! блевать тянет!

- ВАС?

- Я СКАЗАЛА, "ТЫ ДАЖЕ ПОДНЯТЬ ЕГО ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ НЕ МОЖЕШЬ!"

- ты, Таня, ты за это заплатишь! ты - моё творение, а не я твоё!

он продолжал вертеть свои волшебные рукоятки. я имею в виду, на своей машине. он уже довольно сильно рассердился, это было хорошо заметно. видно было и то, что гнев придал ему какое-то сияние превыше его самого.

- ты подожди, Майк, мне просто надо электронику подрегулировать! подожди!

короткое замыкание! я его вижу!

потом он подскочил. этот парень, которого спасли от русских.

он посмотрел на Индейца Майка:

- всё исправлено! машина в порядке! наслаждайся!

и он отошел к своей бутылке шнапса, налил

себе хорошенько, сел смотреть.

Таня встала у меня с коленей и подошла к Индейцу Майку. я наблюдал, как они обнимаются.

Таня расстегнула Майку молнию, вытащила его хуй - чуваки, хуя же у него было до хуя! он сказал 14 дюймов, а больше походило на все 20.

тут Таня обвила этот хуй всеми своими пальцами.

Майк застонал от благости.

затем она вырвала весь этот хуй прямо из тела. и отбросила его в сторону.

я видел, как эта штука покатилась по ковру обезумевшей сосиской, оставляя за собой печальныи след из капелек крови, докатилась до стены. и осталась там - с головкой, но без ножек, да и пойти некуда... что, в обшем-то, было похоже на правду.

за ним последовали ЯЙЦА - полетели прямо по воздуху. тяжелой кривой дугой. они просто шлепнулись на середину ковра, не зная, что бы еше такого сделать - кроме как капать на него кровью.

вот они и капали.

Фон Брашлиц, герой русско-американского вторжения, пристально посмотрел на то, что осталось от Индейца Майка, моего старого коре-

ша и собутыльника, что ярко краснело на полу, расползаясь от центра, - и выбрал прямой путь, вниз по лестнице...

комната 69 предпочла все, что угодно, только не это.

а затем я спросил ее:

- Таня, легавые прискачут сюда очень быстро, не посвятить ли нам номер этой комнаты нашей любви?

- конечно, любовь моя!

мы управились - как раз вовремя, и тут ворвались глупые мусора.

один из грамотеев затем объявил, что Индеец Майк мертв.

а поскольку Фон Б. был чем-то вроде продукта Правительства США, вокруг собралось чертовски много народу - разные ссыкливые чинуши - пожарники, репортеры, менты, изобретатель, ЦРУ, ФБР и иные разнообразные формы человеческого говна.

Таня подошла и села ко мне на колени.

- они меня сейчас убьют, пожалуйста, попробуй не грустить.

я ничего не ответил.

потом Фон Брашлиц завопил, тыча в Таню:

- ГОВОРЮ ВАМ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, У НЕЕ НЕТ

ЧУВСТВ! Я СПАС ЭТУ ПРОКЛЯТУЮ ДРЯНЬ ОТ ГИТЛЕРА! говорю вам, она просто МАШИНА и ничего больше!

те просто толпились вокруг. Фон Б. никто не верил.

очевидно, что это была самая прекрасная машина, да еше и так называемая женщина, которую они встречали в жизни.

- ох блядь! да вы идиоты! каждая женщина - просто ебливая машина, неужели вы не видите? они подыгрывают тому, кто больше всех ставит! НЕТ ТАКОЙ ВЕШИ - ЛЮБВИ! ЭТО СКАЗОЧНЫЙ МИРАЖ, КАК РОЖДЕСТВО!

они ему по-прежнему не верили.

- ЭТО - всего лишь машина! не БОЙТЕСЬ! СМОТРИТЕ!

Фон Брашлиц схватил Таню за руку.

полностью оторвал ее от тела.

а внутри - в дыре ее плеча - и хорошо видно - не было ничего, кроме проводов и трубок - свернутых, по ним что-то бежало - плюс какая-то фигня, слабо напоминавшая кровь.

я смотрел, как Таня стоит посередине, а из плеча у нее свисает кольцо провода - оттуда, где раньше была рука. она посмотрела на меня:

- прошу тебя, и ради меня тоже! я же просила

тебя не сильно грустить.

я смотрел, как они всем скопом накинулись на нее, и вгрызались, и насиловали, и рвали ее на части.

я ничего не мог с собой поделать. я засунул голову себе между колен и плакал...

к тому же, Индеец Майк так и не получил того, что ему причиталось за 20 баксов.

прошло несколько месяцев. я ни разу больше не заходил в бар. состоялся суд, но правительство оправдало Фон Б. и его машину, я переехал в другой город, подальше. и однажды, сидя в цирюльне, взял в руки этот секс-журнальчик. там было объявление: "Надуйте себе собственную куколку! $29.95. Стойкий резиновый материал, очень прочный. Цепи и хлысты прилагаются. Бикини, лифчик, трусики, 2 парика, губная помада и небольшая баночка любовного зелья тоже прилагаются.

Компания Фон Брашлица."

я отправил ему перевод с заказом. на какой-то почтовый яшик в Массачусеттсе. он тоже переехал.

пакет пришел примерно через 3 недели, очень неловко вышло, у меня не было велосипедного насоса, а потом меня обуяла похоть, когда я выта-

щил эту штуку из пакета. пришлось идти на угол, на заправку и брать насос у них.

надуваясь, она становилась все краше и краше. здоровые сиськи. большая задница.

- чего это тут у тебя, приятель? - спросил заправшик.

- слушай, мужик, я у тебя просто насос попросил, разве я у вас мало заправляюсь, а?

- ладно, все в порядке, воздух бесплатно, что, уж и спросить нельзя, что у тебя там такое...

- и думать не смей! - сказал я.

- ГОСПОДИ! ты только посмотри на эти СИСЬКИ!

- я и СМОТРЮ на них, придурок!

я оставил его с языком, вывалившимся до колен, закинул ее на плечо и рванул обратно к себе. внес в спальню.

на самый главный вопрос еше только предстояло ответить.

я раздвинул ей ноги и стал искать хоть какое-нибудь отверстие.

Фон Б. не до конца облажался.

я взобрался на нее и стал целовать этот резиновый рот. то и дело дотягиваясь до какой-нибудь из ее гигантских резиновых грудей и всасываясь в нее. я надел ей на голову желтый парик и весь хуй

себе обмазал любовным зельем. много не потребовалось. может, он мне запас на год прислал.

я целовал ее страстно за ушами, засовывал палец ей в жопу, качал и качал дальше.

потом соскочил, связал ей цепью руки за спиной - там даже маленький замочек с ключиком имелись - и хорошенько избил ее кожаной плеткой по заднице.

господи, да я совсем свихнулся, должно быть! думал я.

затем перевернул ее и снова вставил, горбатил и горбатил. если честно, то это было довольно скучно. я представлял себе, как собаки трахают кошек; воображал, как двое ебутся в воздухе, прыгая с Эмпайр Стэйт Билдинга. представлял себе пизду, здоровенную, как осьминог, - ползет ко мне, влажная, вонючая, оргазма хочет до судорог. я вспоминал все трусики, колени, ноги, сиськи, пизды, что встречал в жизни, резина потела; я и сам потел.

- я люблю тебя, дорогая! - шептал я ей в резиновое ухо.

как ни стыдно в этом признаваться, но я заставил себя кончить в этот паршивый резиновый мешок. вообще никакого сходства с Таней.

я взял бритву и раскромсал эту дрянь на гов-

но. вывалил в бак на улицу вместе с пивными банками.

сколько мужчин в Америке покупает эти дурацкие примочки?

или, к примеру, за 10 минут прогулки по любому центральному тротуару Америки можно миновать с полсотни таких ебливых машин - единственная разница в том, что они делают вид, что они люди.

бедный Индеец Майк. со своим 20-дюймовым мертвым хуем.

все эти бедные Индейцы Майки. все, кто карабкается в Космос. все бляди Вьетнама и Вашингтона.

бедная Таня, ее живот был свинячьим брюхом, вены - собачьими венами, она редко срала или ссала, только еблась - а сердце, голос и язык взяты у кого-то взаймы - в то время считалось, что можно пересаживать только 17 органов. Фон Б.

намного их всех опередил.

бедная Таня, она и ела-то чуть-чуть - в основном, дешевый сыр да изюм. ни денег она не жаждала, ни собственности, ни больших новых машин, ни слишком дорогих домов. она никогда не читала вечернюю газету, не хотела цветного телевидения, новых шляпок, сапожек на случай

дождя, разговоров у задних изгородей с женами-идиотками; не желала она и мужа, который был бы врачом, биржевым маклером, конгрессменом или полицейским.

а парень с заправки все спрашивает меня:

- эй, что стало с той штукой, которую ты как-то сюда притащил и надул из нашего насоса?

хотя нет, больше не спрашивает. я заправляюсь в другом месте. я даже не хожу стричься туда, где увидел журнал с секс-объявлением про резиновую куклу Фон Брашлица. я пытаюсь забыть всё.

а вы бы что сделали?

КИШКОВЫЖИМАЛКА

после того, как тела выдавились из-под пресса, Дэнфорт развесил их одно за другим. Бэгли сидел на телефонах.

- сколько получилось?

- 19. похоже, неплохой денек.

- черт, ну еще бы. похоже, действительно неплохой, а вчера мы сколько определили?

- 14.

- недурно, недурно, если так и дальше пойдет, у нас всё срастется. меня одно только беспокоит - как бы эту херню вьетнамскую не бросили, сказал Бэгли-телефонист.

- не дуркуй - слишком много народу на этой войне наживается и от нее зависит.

- но ведь Парижская Мирная Конференция...

- да ты сегодня просто не в себе, Бэг. сам ведь прекрасно знаешь: они там сидят, прикалываются весь день, зарплата капает, а по ночам парижские клубы окучивают. эти парни хорошо устроились. им совсем не хочется, чтобы Мирная Конференция заканчивалась - как нам не хочется, чтобы кончалась война. мы все тут жируем, ни царапинки. мило. а если случайно вдруг до

чего-то и договорятся, то другие появятся. горячие точки по всему миру тлеть будут.

- да-а, наверное, я чего-то передумал. - один из трех телефонов на столе зазвонил. Бэгли снял трубку: -АГЕНТСТВО УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ. Бэгли на проводе.

послушал.

- да. да. есть у нас хороший экономичный бухгалтер. зарплата? 300 долларов в первые две недели, в смысле по 300 в неделю. мы получаем оплату за первые две недели. затем урезаете его до 50 в неделю или увольняете. если вы его уволите через первые две недели, мы платим ВАМ 100 долларов. почему? ну, черт, непонятно что ли - тут вся идея в том, чтобы всё шевелилось. дело только в психологии, как с Ледом Морозом. когда? ага, сразу и посылаем, адрес какой? прекрасно, прекрасно, прибудет мухой, не забудьте обо всех условиях, мы пришлем его вместе с контрактом, до свиданья.

Бэгли повесил трубку. помычал себе что-то, подчеркнул адрес.

- снимай одного, Дэнфорт. какого-нибудь худого и усталого. нет смысла поставлять самое лучшее по первому звонку.

Дэнфорт подошел к бельевой веревке и отцепил

прищепки от пальцев худого и усталого.

- веди его сюда. как его зовут?

- Герман. Герман Теллеман.

- черт, он что-то не очень хорошо выглядит. похоже, внутри еще кровь осталась.

да и в глазах цвет проглядывает... мне кажется. слушай, Дэнфорт, у тебя прессы хорошо работают, туго? я хочу, чтобы все кишки выдавливались, чтоб совершенно никакого сопротивления, понятно? ты свою работу делаешь, я свою.

- некоторые парни поступают довольно крутыми. у некоторых кишок больше, чем у других, сам знаешь. на вид не всегда определишь.

- ладно, давай этого попробуем. Герман. эй, сынок!

- чё, папаша?

- как тебе понравится непыльная работенка?

- а-а, да ну ее к черту!

- что? ты не хочешь непыльную работенку?

- на хуй она мне упала? мой старик, он из Джерси был, всю жизнь пропахал, как проклятый, а когда мы его похоронили на его же бабки, знаете сколько осталось?

- сколько?

- 15 центов и вся его тупая замороченная житуха.

- а тебе разве не хочется жену, семью, дом, уважение? новую машину каждые 3 гола?

- да я напрягаться не хочу, папаша. не суйте вы меня в мышеловку эту.

оттянуться - вот это да. какого хера.

- Дэнфорт, прогони этого ублюдка через пресс, да гайки потуже затяни!

Дэнфорт схватил испытуемого, но Теллеман-таки успел завопить:

- мать вашу в сраку...

- и выдави ИЗ НЕГО ВСЕ КИШКИ, ВСЕ КИШКИ ЛО ПОСЛЕДНЕГО! ты меня слышал?

- ладно, ладно! - проворчал Дэнфорт. - черт, мне иногда кажется, что тебе самый легкий конец бревна достался!

- какие там еше бревна? выдави из него все кишки. Никсон может закончить войну...

- опять ты эту ахинею понес! мне кажется, ты спишь в последнее время плохо, Бэгли. с тобой что-то не так.

- да, да, ты прав. бессонница. я все думаю - может, нам солдат делать? ночами ворочаюсь! вот это был бы бизнес!

- Бэг, мы делаем самое лучшее из того, что есть, вот и всё.

- ладно, ладно, ты уже прогнал его через прес-

сы?

- аж ДВА РАЗА! все кишки выдавил, сам увидишь.

- ладно, волоки его сюда. попробуем.

Дэнфорт подтащил Теллемана обратно. тот действительно выглядел несколько иначе.

из глаз полностью испарился цвет, на лицо наползла совершенно фальшивая улыбка.

прекрасное зрелище.

- Герман? - спросил Бэгли.

- да, сэр?

- что ты чувствуешь? вернее, как ты себя чувствуешь?

- я никак себя не чувствую, сэр.

- тебе легавые нравятся?

- не легавые, сэр, - полицейские. они являются жертвами нашей собственной порочности несмотря на то, что иногда защищают нас, стреляя в нас, сажая нас в тюрьму, избивая и штрафуя нас. плохих легавых не существует. полицейских, прошу прошения. понимаете ли вы, что если бы не было полицейских, нам бы пришлось взять охрану правопорядка в свои руки?

- и что бы произошло тогда?

- я никогда не задумывался об этом, сэр.

- отлично. ты веришь в Бога?

- о, да, сэр, и в Бога, и в Семью, и в Государство, и в Страну, и в честный труд.

- господи ты боже мой!

- что, сэр?

- извини. так, ладно, тебе нравится сверхурочная работа?

- о, да, сэр! я бы хотел работать 7 дней в неделю, если возможно, и на 2 работах, если возможно.

- зачем?

- из-за денег, сэр. деньги на цветной телевизор, новые машины, начальный платеж за дом, шелковые пижамы, 2 собак, электрическую бритву, страхование жизни, медицинскую страховку, ох да всякие виды страховок, и на образование в колледже для детей, если у меня будут дети, и на автоматические ворота в гараж, и на хорошую одежду, на ботинки за 45 долларов, фотоаппараты, наручные часы, кольца, стиральные машинки, холодильники, новые кресла, новые кровати, ковры от стенки до стенки, благотворительные взносы в церковь, отопление с термостатом и...

- ладно, хватит. когда же ты собираешься пользоваться всем этим барахлом?

- я не понимаю, сэр.

- я имею в виду, если ты работаешь днями и ночами, и сверхурочные впридачу, когда же ты

будешь наслаждаться всей этой роскошью?

- о, такой день придет, такой день настанет, сэр!

- а ты не думаешь, что дети твои вырастут однажды и просто подумают, что ты придурок?

- после того, как я пальцы до кости стер, работая ради них, сэр? разумеется, нет!

- отлично. теперь еще несколько вопросов.

- да, сэр.

- ты не думаешь, что вся эта непрерывная тупорыловка вредна для здоровья и духа, для души, если хочешь...?

- ох, черт, да если б я все время не работал, я бы просто сидел и кирял, или рисовал бы картинки маслом, или ебался бы, или ходил бы в цирк, или сидел бы в парке, на уточек смотрел. типа такого.

- а ты не думаешь, что сидеть в парке и на уточек смотреть - это хорошо?

- я так себе денег не заработаю, сэр.

- хорошо, отъебись.

- сэр?

- я хотел сказать, что я закончил с тобой разговаривать. ладно, этот готов, Дэн. прекрасная работа. дай ему контракт, пусть подпишет, то, что мелким шрифтом, он читать не будет. он думает,

что мы добрые. отволоки его по адресу.

его примут. я уже несколько месяцев не присылал им экономичного бухгалтера лучше.

Дэнфорт заставил Германа подписать контракт, еше раз проверил ему глаза - убедиться, что они достаточно мертвы, вложил ему в руку контракт и бумажку с адресом, подвел к двери и нежно подтолкнул вниз по лестнице.

Бэгли же просто откинулся на спинку кресла с расслабленной улыбкой успеха и стал смотреть, как Дэнфорт прогоняет следующих 18 через выжималку. куда именно отправлялись их кишки, оттуда видно не было, но почти каждый терял их где-то по пути. те, что с табличками "женат, семейный" и "за 40", расставались с ними легче всего. Бэгли сидел, откинувшись, пока Дэнфорт прогонял их сквозь прессы, и слушал, как они переговариваются:

- тяжело такому старику, как я, найти работу, ох как тяжело!

другой:

- ох, елки, как же снаружи холодно!

еше один:

- устал я уже - всё ставки, ставки, туда толкнешь, сюда толкнешь, а потом один арест, другой, третий. мне нужно что-нибудь надежное, надежное,

надежное, надежное, надежное...

еше:

- ладно, повеселились - и будет...

еше:

- у меня нет специальности, у всех должна быть специальность, у меня нет специальности. что же я буду делать?

еше:

- я по всему миру помотался - в армии - уж я-то знаю.

еше:

- если бы пришлось всё заново начинать, я б стал дантистом или парикмахером.

еще:

- все мои романы, рассказы и стихи возвращаются. Блядь, я даже в Нью-Йорк поехать не могу, с издателями поручкаться! Таланта у меня больше, чем у всех остальных вместе взятых, но нужно что-то внутри иметь! Я за любую работу возьмусь, но я лучше любой работы, за которую возьмусь, потому что я гений.

еше один:

- видите, какой я хорошенький? посмотрите на мой нос? посмотрите на мои уши?

посмотрите на мои волосы? на мою кожу? как я играю! видите, какой я хорошенький?

видите, какой я хорошенький? почему же я никому не нравлюсь? потому что я такой хорошенький, они ревнуют, ревнуют, ревнуют...

телефон зазвонил снова.

- АГЕНТСТВО УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ. Бэгли на проводе. вам - что? вам нужен глубоководный водолаз? ёб твою ма! что? о, простите. конечно-конечно, у нас десятки безработных глубоководных водолазов. его зарплата за первые 2 недели поступает к нам. 500 в неделю, опасно, знаете ли, очень опасно - ракушки там, крабы, всякое такое... морская капуста, русалки на скалах. осьминоги. кессонная болезнь. гайморит. ёбть, да. плата за первые 2 недели - наша. если вы увольняете его через первые 2 недели, мы платим вам 200 долларов. почему?

почему? если б малиновка снесла золотое яичко прямо в кресло у вас в гостиной, вы бы стали спрашивать, ПОЧЕМУ? стали б? мы пришлем вам глубоководного водолаза через 45 минут! адрес? чудно, чудно, ах, да, прекрасно, это возле здания Ричфилда. да, я знаю. 45 минут, спасибо. до свиданья.

Бэгли повесил трубку. он уже устал, а день только начинался.

- Дэн?

- что, мать твою?

- приташи мне типа глубоководного водолаза кого-нибудь, такого толстоватого в талии. голубые глаза, средне волос на груди, ранняя плешь, слегка стоик, сутуловат, плохое зрение и неопознанное начало рака горла. это будет глубоководный водолаз. кто-нибудь знает, что такое глубоководный водолаз? тащи такого сюда, ебена мать.

- ладно, засранец.

Бэгли зевнул. Дэнфорт отстегнул одного. вытащил вперед, поставил перед столом.

на табличке стояло: "Барни Андерсон".

- здорово, Барни, - сказал Бэг.

- где это я? - спросил Барни.

- в АГЕНТСТВЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ.

- блин, ну и склизкие же вы уёбки, доложу я вам - или я ни хера вообще в жизни не шарю!

- какого хуя, Дэн?!

- я его 4 раза прогонял.

- я же сказал тебе затянуть гайки!

- а я тебе сказал, что у некоторых кишок больше, чем у остальных!

- это все сказки, придурок чертов!

- кто придурок чертов?

- вы оба - чертовы придурки, - отозвался Барни Андерсон.

- я хочу, чтобы ты протащил его задницу через выжималку еще три раза, - - сказал Бэгли.

- ладно, ладно, только сначала давай между собой разберемся.

- хорошо, например... спроси-ка этого парня Барни, кто у него герои.

- Барни, хто у тебя херои?

- н-ну, щас - Кливер[2], Диллинджер[3], Че, Малькольм Икс, Ганди, Джерси Джо Уолкотт[4], Бабуля Баркер, Кастро, Ван-Гог, Вийон, Хемингуэй.

- видишь, он ай-дентифипирует себя с НЕУДАЧНИКАМИ, и от этого ему кайфово. он готовится проиграть, а мы ему поможем. его прикололи по этому дерьму душевному, а мы через

---

[2] notes: 2

Лерой Элдридж Кливер, один из руководителей радикального движения "Черные Пантеры", основанного в 1966 году в Окленде, Калифорния, Бобби Дж.Силом и Хьюи П.Ньютоном, целью которого было свержение правительства США и замена его черным социалистическим режимом. Отбывая 9-летний срок за изнасилование и торговлю наркотиками, Кливер в 1968 году пишет и выпускает книгу "Душа на льду". В ноябре того же года бежал на Кубу. Партия "Черных Пантер" распалась к 1972 году.

[3] notes: 3

Джон Диллинджер (1902-1934) - американский гангстер, в 1933 году объявленный ФБР "врагом общества №1" за участие в целой серии дерзких ограблений банков и по крайней мере трех убийствах. Погиб в перестрелке с федеральными агентами перед зданием театра "Биограф" в Чикаго.

[4] notes: 4

Американский боксер-тяжеловес (настоящее имя Арнольд Рэймонд Крим), чемпион мира 1951 г. На следующий год этот титул у него отобрал Роки Марсиано.

это их за жопы-то и держим. души - нет. это все наёбка. и героев никаких нет. и это - сплошная наёбка. да и победителей не бывает - одна наёбка и лошажье говно. нет ни святых, ни гениев - наёбка и детские сказки, только для того, чтобы игра не заканчивалась. каждый в ней просто пытается удержаться, чтобы повезло если может. а все остальное - говно на палке.

- ладно, ладно, я уже врубился в твоих неудачников! но как насчет Кастро? он довольно упитанным выглядел, когда я его последнее фото видал.

- он держится, потому что США и Россия решили оставить его посередке. но предположим, они на самом деле карты на стол выложат? к кому ему тогда приткнуться? мужик, да у него фишек не хватит, чтобы в ветхий египетский бордель прорваться.

- идиты вы на хуй, парни! мне нравятся те, кто мне нравится! - сказал Барни Андерсон.

- Барни, когда человек достаточно состарился, достаточно завяз в мышеловке, достаточно оголодал, достаточно утомился - он хуй сосать будет, сиську лизать, говно жрать, лишь бы в живых остаться; либо так, либо в петлю. человеческой расе просто чего-то не хватает, мужик. гнилая это толпа.

поэтому, мы все изменим, мужик. вот в чем весь номер. если мы уж до луны добрались, то из ночной вазы говно точно вычистим. мы просто не на том сосредотачивались.

ты болен, парниша. и в талии жирноват. и лысеешь. Дэн, приведи его в форму.

Дэнфорт забрал Барни Андерсона и прозвонил, и прокрутил и с воплями продавил его через выжималку три раза, а затем притащил обратно.

- Барни? - спросил Бэгли.

- да, сэр!

- кто твои герои?

- Джордж Вашингтон, Боб Хоуп[5], Мэй Уэст[6], Ричард Никсон, кости Кларка Гэйбла и все эти славные люди, которых я видел в Диснейленде. Джо Луис, Дайна Шор[7], Фрэнк Синатра, Малыш

---

[5] notes: 5

Боб Хоуп (1903-) - комик и киноактер, более всего известный своими выступлениями перед американскими войсками во время Второй Мировой войны (1939-1945), Корейской войны (1950-1953), Вьетнамской войны (1959-1975) и войны в Персидском заливе (1991). Символ добродушного американского патриотизма.

[6] notes: 6

Мэй Уэст (1892?-1980) американская актриса, известная, в основном, своими ролями сексапильных красоток с испорченной репутацией и сотрым язычком. В последний раз снялась в кино в 1978 году.

[7] notes: 7

Дайна Шор, настоящее имя Фрэнсис Роуз Шор, род. 1 марта 1917 г., ум. 24 февраля 1994 г. - одна из последних звезд поп-музыки до наступления эпохи рок-н-ролла.

Рут[8], Зеленые Береты, черт возьми, да вся Армия и Военно-Морской Флот Соединенных Штатов, а особенно - Корпус Морской Пехоты, и даже Министерство Финансов, ЦРУ, ФБР, "Юнайтед Фрут", дорожная Патрульно-Постовая Служба, весь чертов Департамент Полиции Лос-Анжелеса и менты Окружного Участка впридачу. причем, я не имею в виду "менты", я хотел сказать "полицейские". а еще Марлен Дитрих с таким разрезом сбоку платья, ей уже, наверное, под 70? - когда она танцевала в Лас-Вегасе, член у меня так вырос, что за чудесная женщина. хорошая американская жизнь и хорошие американские деньги могут навечно сохранить нас молодыми, разве нет?

- Дэн?

- чего, Бэг?

- этот в самом деле уже готов! чувств у меня не так много осталось, но даже меня от него уже тошнит. пускай подписывает свой контрактик, и отправляй его на хер. им он по душе придется. господи, и чего только человек не сделает, чтоб только в живых остаться? иногда я свою работу

---

[8] notes: 8

Джордж Херман ("Малыш") Рут, род. 6 февраля 1895 г., ум. 16 августа 1948 г.

- один из величайших игроков профессионального бейсбола, самый популярный спортсмен 1920-30-х годов.

даже ненавижу. это ведь плохо, разве нет, Лэн?

- ну дак, Бэг. а как только я отправлю этого олуха восвояси, у меня для тебя есть одна маленькая штучка - чуток старого доброго тоника.

- ах, чудно, чудно... и что это такое?

- четверть оборотика через выжималку.

- ЧЕГО?

- о, прекрасно лечит тоску или несвоевременные мысли. ну, типа такого.

- а подействует?

- лучше аспирина.

- ладно, убери этого болвана.

Барни Андерсона отправили вниз по лестнице. Бэгли встал и подошел к ближайшей выжималке.

- эти старушенции - Уэст и Дитрих, по-прежнему засвечивают сиськи и ноги, черт, да в этом никакого смысла нет, они это делали, когда мне было 6 лет.

отчего у них так получается?

- ни от чего. подтяжки, корсеты, пудра, прожектора, фальшивые накладки, набивки, подкладки, солома, навоз в общем. от них твоя бабушка будет выглядеть на 16 лет.

- моя бабушка умерла.

- и все равно у них это получится.

- да, да, ты, наверное, прав. - Бэгли пошел к выжималке. - только четверть оборота. тебе можно доверять?

- ты ведь мой партнер, правда, Бэг?

- конечно, Дэн.

- мы сколько с тобой вместе дела ведем?

- 25 лет.

- поэтому - ладно, когда я говорю ЧЕТВЕРТЬ ОБОРОТА, я и имею в виду ЧЕТВЕРТЬ ОБОРОТА.

- чего делать надо?

- просунь руки между валиков, это как в стиральной машинке.

- вон туда?

- ага. поехали! ухупии!

- эй, мужик, не забудь - четверть оборота.

- конечно, Бэг, ты что - не доверяешь мне?

- теперь придется.

- знаешь, а я ведь твою жену втихаря ёб.

- ах ты гнида! да я тебя убью!

Дэнфорт оставил машину крутиться, сел за стол Бэгли, закурил, помычал себе под нос песенку: "о, счастливый я, жизнь роскошная моя, и карманы рвутся от мечтаний... хоть пуст мой кошелек, но я - почти что бог, и карманы рвутся от мечтаний..."

потом встал и подошел к машине с Бэгли.

- ты же сказал четверть оборота, - произнес

Бэгли. - а уже полтора.

- ты что, мне не доверяешь?

- почему-то больше, чем обычно.

- и все равно я твою жену втихаря ёб.

- да это, я думаю, ничего. устал я сам ее ебать. любой мужик собственную жену ебать устанет.

- но я хочу, чтобы ты сам захотел, чтобы я твою жену ебал.

- да мне все равно, но прямо не знаю, хочется мне в самом деле этого или нет.

- вернусь минут через 5.

Дэнфорт снова отошел, уселся в хозяйское кресло на колесиках, забросил ноги на стол и стал ждать. ему нравилось петь. вот он и пел песенки: "для меня ничего - это много, я - богач, наслаждаюсь ничем, у меня есть звезды и солнце, и моря под покровом ночей..."

Дэнфорт выкурил две сигареты и вновь подошел к машине.

- Бэг, я твою жену втихаря ёб.

- ох, как хорошо-то! давай еще! и знаешь что?

- что?

- мне на это как бы самому посмотреть хочется.

- конечно, что за вопрос.

Дэнфорт подошел к телефону, набрал номер.

- Минни? ага, Дэн. я щас приду тебе всуну. Бэг? о, и он тоже придет, позыбать хочет, не-а, мы не пьяные. я тут просто решил прикрыть на сёдня лавочку. мы уже все сделали. с этой заморочкой между Израилем и арабами, да еще африканские войны - нечего дергаться. Биафра - прекрасно звучит. ладно, в общем мы идем. я тебе хочу в сраку запердячить. у тебя такая жопа, господи. я, может, даже Бэгу запердячу. у него жопа поболе твоей, наверное. держись, солнышко, мы уже выходим!

Дэн повесил трубку. зазвонил другой телефон. он ответил:

- пошел ты в жопу, уёбок поганый, у тебя даже сиськи воняют, как мокрые собачьи какашки на западном ветру.

он бросил трубку и осклабился. подошел и вытащил Бэгли из машины. они заперли дверь конторы и вместе спустились по лестнице. когда они вышли наружу, солнце висело еше высоко и смотрелось прекрасно. тоненькие юбки теток просвечивали.

чуть ли не до костей. смерть и тление виднелись повсюду. это Лос-Анжелес, возле 7-й и Бродвея, где одни трупаки опускают других и даже сами не знают, зачем.

нервная игра - вроде через скакалку прыгаешь,

или лягушек препарируешь, или ссышь в почтовый яшик, или своему песику дрочишь.

- для меня ничего - это много, - пели они, - я - богач, наслаждаюсь ничем...

рука об руку дошли они до подземного гаража, нашли бэгов кэдди 69-го года, залезли, зажгли по долларовой сигаре, Дэн сел за руль, вывел ее оттуда, чуть не сшиб какого-то бомжа, хилявшего с Площади Першинга, свернул на запад к свободной трассе, к самой свободе, ко Вьетнаму, к армии, к ебле, огромным полянам, сплошь поросшим травой и уставленным голыми статуями, к французскому вину, к Беверли-Хиллз...

Бэгли перегнулся и пробежался пальцами по ширинке Дэнфорта.

надеюсь, он хоть женушке-то своей оставит, подумал тот.

стояло теплое лос-анжелесское утро, а может и день. он кинул взгляд на часы в приборной доске - показывали 11.37 утра - и тут же кончил. Кэдди он гнал на 80-ти. асфальт скользил под колесами, словно могилки покойников. он включил было встроенный в доску телевизор, потом протянул руку к телефону, потом вспомнил, что забыл застегнуться.

- Минни, я люблю тебя.

- я тебе тоже люблю, Дэн, - ответила та. - а этот жлоб с тобой?

- тут, рядышком, только полный рот себе отсосал.

- ох, Лэн, не сливай понапрасну!

он расхохотался и положил трубку. чуть не сбили какого-то черномазого на пикапе.

не черного, а именно черномазого, во какого. лучше города, чем этот, на свете нет, если всё срастается, а когда не срастается, только один город хуже - Большое Я[9]. Дэнфорт поддал до 85. патрульный на обочине ухмыльнулся ему с мотоцикла. может, Бобу сегодня позвонит чуть попозже. с Боба всегда уписяться можно. 12 сценаристов вечно ему пишут анекдоты поприкольнее. а сам Боб - естественный, как навозная куча. просто чудненько.

он выкинул долларовую сигару в окно, поджег другую, пришпорил Кэдди до 90, прямо к солнцу, как стрела, дела идут отлично, жизнь тоже, - а шины кружились над мертвыми, умиравшими и еще не умершими.

ЗЬЯЯЯЯАААААААУУУМ!

---

[9] notes: 9
Имеется в виду Нью-Йорк, который называют "Большим Яблоком".

3 ТЕТКИ

мы жили прямо через дорогу от парка Мак-Артура, Линда и я, и как-то ночью, выпиваючи, увидели, как за окном пролетел человек. странное зрелище, как в анекдоте, но когда тело ударилось о тротуар, на анекдот это мало походило.

- господи боже мой, - сказал я Линде, - да он лопнул, как перезрелый помидор!

мы сделаны из одних кишок, говна и какой-то слизи! иди сюда! иди сюда! погляди только на него!

Линда подошла к окну, затем сбегала в ванную и проблевалась. потом вышла. я обернулся и посмотрел на нее.

- да ей же богу, крошка, он просто похож на опрокинувшуюся лохань с гнилым мясом и спагетти, одетую в драный костюм и рубашку!

Линда вбежала обратно и рыгнула опять.

я сидел и пил вино. вскоре раздалась сирена. на самом деле, надо было вызывать санэнидемстанциию. да и хуй с ним, у нас всех свои проблемы. я никогда не знал, где взять денег на квартиру, а чтобы идти искать работу, мы слишком болели от кира. всякий раз, когда мы начинали волновать-

ся, оставалось единственное - ебаться. от этого мы ненадолго все забывали. ебались мы много, и, к счастью для меня, с Линдой барахтаться было хорошо. вся эта ночлежка кишела такими же, как мы: люди киряли, еблись и не знали, что дальше. то и дело кто-нибудь прыгал из окна. но деньги к нам, казалось, всегда откуда-то приплывали - как раз когда мы уже готовы были лопать собственное дерьмо: однажды 300 долларов от покойного дядюшки, в другой раз - запоздалый возврат налогов. в третий раз я ехал в автобусе и на сиденье передо мной лежали 50-центовые монеты. что это означало или кто это сделал, я не имел ни малейшего понятия - до сих пор не имею. я пересел поближе и стал набивать карманы полудолларами. когда карманы наполнились, я дернул за шнурок и слез на следующей остановке. никто мне ничего не сказал, не попытался остановить. я имею в виду, что когда ты пьян, то не повезти не может, даже если ты неудачник - все равно повезет.

часть каждого дня мы, бывало, проводили в парке - на уток смотрели. вы мне должны поверить: когда здоровье подорвано непрерывным пьянством и нехваткой приличной пищи, когда устал от траха как попытки забыть обо всем, с

уточками ничего не сравнится. то есть, нужно из своей конуры куда-то вылезти, потому что темно-синяя тоска навалится - и ты уже следующим из окна вылетаешь, сделать это гораздо легче, чем думаешь. поэтому мы с Линдой садились на лавочку и смотрели на уток. уткам все было по барабану - за квартиру платить не надо, одежда не нужна, еды навалом, плавай себе, жри да крякай. вот они и жрут все время, тырят друг у друга и клюют. время от времени кто-нибудь из ночлежки ловил ночью одну из этих тварей, убивал ее, приносил в комнату, общипывал и готовил. мы тоже об этом думали, но никогда не решались. кроме этого, поймать их было трудно:

подберешься поближе, а он - ФФЫРК!!! фонтан брызг, и пизденыш упорхнул! в основном питались мы блинчиками из муки на воде или же таскали кукурузу из чьих-нибудь огородов - один парень вообще кукурузный сад у себя развел, - но не думаю, что он хотя бы один початок сам сожрал. потом тырить еше можно было с открытых рынков - то есть, перед одной бакалейной лавкой стоял овощной ларек, - а это означало случайный помидор-два или огурчик, но мы были мелкими воришками, беспонтовыми и полагались в основном на удачу. сигареты были проще всего

- выходишь прогуляться вечерком - кто-нибудь обязательно оставит окно машины опушенным, а на приборной доске - пачка или полпачки. разумеется, вино и квартплата были реальными проблемами, и мы еблись и волновались по их поводу.

и, как всегда бывает с предельным отчаянием, наши черные дни наступили. не осталось ни вина, ни удачи, ничего. никаких кредитов больше ни у хозяйки, ни в винной лавке. я решил поставить будильник на 5:30 утра и сходить на Фермерский Рабочий Рынок, но даже часы как надо не работали. они когда-то сломались, и я их вскрыл, чтобы починить. там лопнула пружина, а заставить ее работать снова можно было только одним способом отломать у нее кусочек и подцепить снова, все снова закрыть и завести. если вы хотите узнать, что с будильником делает укороченная пружина - да и с другими часами, наверное, тоже, - я вам расскажу.

чем короче пружина, тем быстрее крутятся минутная и часовая стрелки. сбрендили часы, в общем, и когда мы уставали ебаться, чтобы перестать беспокоиться, то, бывало, наблюдали за этими часами и пытались определить, сколько времени на самом деле. видно было, как минут-

ная стрелка скачет как мы над нею смеялись.

потом однажды - и нам потребовалась неделя, чтобы это вычислить - мы обнаружили, что часы спешат на тридцать часов за каждые двенадцать действительного времени. к тому же их приходилось заводить раз в 7 или 8 часов, или они останавливались. иногда мы просыпались, смотрели на часы и не могли врубиться, сколько же сейчас времени.

- ну черт возьми, крошка, - говорил я, - неужели ты не можешь эту дрянь вычислить? часы идут в 2 с половиной раза быстрее положенного, это же так просто.

- ага, а сколько времени было, когда мы последний раз их ставили? спрашивала она.

- будь я проклят, если знаю, крошка, я пьяный был.

- ты бы лучше их завел, а то остановятся.

- ладно.

я их заводил, и мы ебались.

поэтому в то утро, когда я решил сходить на Фермерский Рабочий Рынок, часы работать не хотели. мы где-то нарыли бутылку вина и медленно ее выпили. я смотрел на эти часы, не зная, что они хотят сказать, и, боясь пропустить ранний подъем, просто лежал в постели и не спал всю

ночь. потом встал, оделся и пошел на ту улицу в Сан-Педро. казалось, там все просто стоят и ждут. в витринах лежало довольно много помидоров, и я умыкнул два или 3 и съел. висела большая черная доска: В БЕЙКЕРСФИЛД НУЖНЫ СБОРЩИКИ ХЛОПКА. ПИТАНИЕ И ЖИЛЬЕ. что это еше такое, к чертовой матери? хлопок в Бейкерсфилде, Калифорния? я-то думал, что Эли Уитни[10] и хлопковый джин положили этому конец. потом подъехал большой грузовик, и обнаружилось, что нужны еше и сборщики помидоров. вот же срань, Линду надолго оставлять одну в этой постели мне не хотелось. она никогда не могла одна так долго залеживаться. однако я решил попробовать. все начали карабкаться в кузов. я подождал, пока все дамы не заберутся на борт, - а среди них были объемистые. все влезли, и тут начал карабкаться наверх я. здоровенный мексиканец, явно наряд-чик, начал закрывать задний борт:

- простите, сеньор, мест нет! - они уехали без меня.

к тому времени пробило 9 вечера, и прогулка до

---

[10] notes: 10

Эли Уитни (1765-1825) - американский изобретатель и промышленник, чье изобретение хлопкопрядильного станка в 1793 году революционизировало всю хлопковую промышленность. Кроме этого, он открыл завод по сборке мушкетов из взаимозаменяемых деталей, таким образом положив начало масовому промышленному производству.

ночлежки заняла у меня еще час. я проходил мимо хорошо одетых, глупых на вид людей. один раз меня чуть не переехал какой-то злюка в черном кадиллаке. уж и не знаю, какого рожна он злился. может, из-за погоды. жаркий день стоял. дойдя до ночлежки, пришлось переть по лестнице пёхом, поскольку лифт располагался в аккурат возле хозяйкиной двери, и хозяйка постоянно с ним еблась: то медяшку драит, то просто шпионит, задница.

доверху - 6 этажей; взобравшись, я услышал из своей комнаты хохот. Линда, сука, не слишком долго меня дожидалась. ладно, жопу надеру и ей, и ему. я открыл дверь.

там сидели Линда, Лжини и Ева.

- Дорогулечка! - сказала Линда. она подошла ко мне. разоделась даже напялила высокие каблуки. языком чуть ли не гланды мне достала, когда мы поцеловались.

- Джини только что получила первое в жизни пособие, а Ева уже давно на нем сидит! это и празднуем!

портвейна - хоть залейся. я зашел, принял ванну, а потом вышел в одних трусах.

мне всегда нравится ногами щегольнуть. у меня - здоровеннейшая, мощнейшая пара ног, что

я только видел на мужиках. остальной я много собой не представляю. и вот я сел в своих рваных трусах и задрал ноги на кофейный столик.

- ёбть! поглядите только на эти ноги! -сказала Джини.

- ага, ага, - поддакнула Ева.

Линда улыбнулась. мне нацедили вина.

сами знаете, как оно бывает. мы пили и болтали, болтали и пили. девчонки сгоняли еше за пойлом. еше поболтали. стрелки описывали круг за кругом. вскоре стемнело.

я уже пил в одиночестве, не снимая драных трусов. Джини ушла в спальню и вырубилась на кровати. Ева отключилась на кушетке, а Линда - на маленьком кожаном диванчике в коридоре перед ванной. я по-прежнему не мог понять, почему тот мексиканец захлопнул передо мною борт. я был несчастен.

я зашел в спальню и забрался в постель к Джини. крупная она была женщина - и голая. я начал целовать ее груди, впиваясь в них.

- эй, ты чего делаешь?

- делаю? собираюсь тебя выебать!

я вложил палец ей в пизду и подвигал им взад-вперед.

- я тебя сейчас выебу!

- нет! Линда же меня убьет!

- она не узнает!

я влез на нее и МЕДЛЕННО МЕДЛЕННО ТИХОНЬКО так, чтобы не лязгнула ни одна пружина, чтобы ни звука, скользнул им внутрь-наружу внутрь-наружу МЕДЛЕННО-МЕДЛЕННО так, что когда кончал, то думал, что не кончу никогда. лучшая ебля в моей жизни, и когла я подтирался простынями, мне в голову пришла мысль - может быть, человечество столетиями неправильно ебется.

потом я ушел, сел в темноте, еше немного выпил. не помню, сколько я так просидел. но выпил довольно много. потом пошел к Еве. к Еве, что на пособии. эта была жирной, слегка морщинистой, но у нее были очень сексуальные губы, непристойно сексуальные губы просто, аж противно. я начал целовать этот ужасный и прекрасный рот. она совершенно не противилась. раздвинула ноги, и я вошел.

свинья она была порядочная - пердела, хрюкала, сопела и елозила подо мной.

кончил я не так, как с Джини - долго и трепетно, - а плюх-плюх, и баста. я встал с нее, и не упел еще отойти к своему креслу, как она уже храпела вновь.

поразительно - ебется, как дышит - и все ей до лампочки. каждая тетка ебется чуточку по-другому: потому-то мужику и нет покоя, тем они его и ловят.

я сел и еще выпил, размышляя о том, как этот вонючий сукин сын, что бортом командовал, со мною поступил. вежливость не окупается. потом начал думать о пособии по безработице. интересно, можно ли неженатым мужчине и женщине на него записаться? нет, конечно. они должны сдохнуть от голода. а любовь тут - какое-то непристойное слово. но именно это между нами с Линдой и происходит - любовь. поэтому мы и голодаем вместе, пьем вместе, живем вместе. что означает женитьба? женитьба означает освященную ЕБЛЮ, а освященная ЕБЛЯ всегда и в конечном итоге, неизменно становится СКУЧНОЙ, превращается в РАБОТУ. однако именно этого хочет мир: какого-нибудь нищего остолопа, загнанного в капкан и несчастного, да еще и с работой. ну его в жопу, я уж лучше в трущобы перееду, а Линду к Большому Эдди переселю. Большой Эдди - идиот, но, по крайней мере, одежды ей купит, а живот стейками набьет: это гораздо больше того, на что способен я.

Буковски-Слоновья Нога, продрочка общества.

я прикончил пузырь и решил, что мне нужно поспать. завел будильник и влез к Линде. та проснулась и начала об меня тереться.

- ох черт, ох черт! - говорила она. - прямо не знаю, что со мной такое!

- чё такое, малышка? ты не заболела? может, в больницу позвонить?

- ох, да нет же, черт, у меня просто ГОРИТ все! ГОРИТ! У МЕНЯ ГОРИТ ВСЕ!

- что?

- я же сказала, у меня все горит внутри! ТРАХНИ МЕНЯ!

- Линда...

- что? что?

- я так устал, я не спал две ночи, на этот Рабочий Рынок ходил и обратно, 32 квартала по такому пеклу... бесполезно, работы нет. устал, как выебанная срака.

- я тебе ПОМОГУ!

- ты это о чем?

она наполовину сползла с кушетки и начала сосать мне пенис, я застонал от усталости:

- милая, 32 квартала по жаре... я весь выгорел.

она продолжала стараться. у нее был не язык, а наждак, и она знала, как с ним обращаться.

- милая моя, - сказал я ей, - я - социальный ноль!

я тебя не заслуживаю!

смилуйся, пожалуйста!

как я уже сказал, у нее хорошо получалось. некоторые могут, некоторые - - нет.

большинство знает просто старомодный отсос. Линда же начала со ствола, с левой стороны, от него перешла к яйцам, затем от них снова к стволу, туда, где волос меньше, изумительно энергично, НИ РАЗУ НЕ ДОТРОНУВШИСЬ ДО САМОЙ ГОЛОВКИ, НИ РАЗУ. в конце концов, она заставила меня стонать так, что потолок качался, и рассказывать всевозможные враки про то, что я ей сделаю, как только окончательно поставлю свою жопу на ноги и перестану богодулить.

затем она кончила и взялась за мою головку, обхватила ртом мой хуй примерно на треть, чуть-чуть сдавила и соснула, по-волчьи так прошлась зубами, и я кончил СНОВА - уже в четвертый раз за эту ночь. меня вывернуло полностью. некоторые тетки знают больше, чем вся медицина.

когда я проснулся, все они уже встали и оделись: выглядели они хорошо - - Линда, Джини и Ева. они пихали меня пол одеялом и хохотали:

- эй, Хэнк, мы живого пошли искать! и нам похмелиться нужно! мы булем у Томми-Хай!

- ладно, ладно, до свиданья!

они ушли, виляя жопами в дверях.

все Человечество обречено.

я уже совсем было заснул, как зазвонил внутренний телефон.

- ну?

- мистер Буковски?

- ну?

- я видела этих женшин! они вышли из вашей комнаты!

- откуда вы знаете? у вас в доме 8 этажей, и на каждом десять-двенадцать комнат.

- я знаю всех своих постояльцев, мистер Буковски! у нас тут все уважаемые рабочие люди!

- да?

- да, мистер Буковски, я этим домом управляю уже двадцать лет, и никогда, никогда не видела такого безобразия, которое у вас творится! у нас всегда тут уважаемые люди жили, мистер Буковски!

- ага, они такие уважаемые, что каждые две недели какой-нибудь сукин сын влезает на крышу и ныряет вниз головой прямо на цементный козырек вашего подъезда, между этими вашими фальшивыми кактусами в кадушках.

- у вас есть время до полудня, чтобы выехать, мистер Буковски!

- а сейчас сколько?

- восемь часов.

- благодарю вас.

я повесил трубку. нашел алку-зельцер. хлебнул из грязного стакана. потом нашел вина на донышке. раздвинул шторы и выглянул на солнце. мир суров, в этом ничего нового, но трущобные ночлежки я ненавижу. мне нравятся маленькие комнатки, местечки, от которых можно как-то отбиваться. женщина. выпивка. но никакой ежедневной работы. именно это у меня никак не срасталось. я недостаточно умный.

я уже подумывал прыгнуть из окна, но никак не мог себя заставить. вместо этого оделся и спустился в Томми-Хай. девчонки ржали за дальним концом стойки с двумя какими-то парнями. бармен Марти меня знал. я отмахнулся от него. денег нет. сел просто так.

передо мной возникли скотч с водой, записка:

"увидимся в Тараканьем Отеле, комната 12, в полночь, я сниму нам комнату.

люблю. Линда."

я выпил, что налили, потом убрался с дороги, зашел в полночь в Тараканий Отель, и портье сказал:

- ничего не выгорит. никакая комната 12 ни на

какого Буковски не записана.

я вернулся в час. весь день я просидел в парке, всю ночь, просто сидел. то же самое:

- никакая комната 12 для вас не зарезервирована, сэр.

- а какая-нибудь вообще комната для меня зарезервирована либо на это имя, либо на имя Линды Брайан?

он проверил свои журналы.

- ничего, сэр.

- вы не возражаете, если я загляну в комнату 12?

- там никого нет, сэр. я ж вам сказал, сэр.

- я влюблен, чувак. прости. но пожалуйста, дай мне туда заглянуть!

он одарил меня одним из тех взглядов, что обычно приберегают для идиотов 4-го класса, и швырнул ключ.

- чтоб через 5 минут - обратно, иначе у тебя будут неприятности.

я открыл дверь, зажег лампочки - "Линда!" - тараканы, завидев свет, удрали под обои. их тут были тысячи. когда я выключил свет, было слышно, как они выползают обратно. сами обои казались одной огромной тараканьей чешуей.

на лифте я спустился назад, к портье.

- спасибо, - сказал я, - вы были правы, в комнате 12 никого нет.

впервые в его голосе мне послышалась какая-то доброта:

- извини, старик.

- спасибо, - ответил я.

выйдя из отеля, я повернул налево, то есть на восток, то есть в трущобы, и пока ноги мои медленно несли меня туда, я спрашивал себя: почему люди лгут? теперь я уже больше себя не спрашиваю, но помню до сих пор, и теперь, когда мне лгут, я это почти знаю, не успевают они еше закончить. но до сих пор я не настолько мудр, как тот ночной портье в тараканьем отеле, который знал, что ложь - повсюду, или как те люли, что ныряли вниз мимо моего окна, когда я хлебал портвейн теплыми лос-анжелесскими деньками через дорогу от парка Мак-Артура, где до сих пор ловят, убивают и едят уток, да и людей тоже.

ночлежка по сих пор стоит на месте, и комната, где мы жили, - тоже, и если захотите как-нибудь поглядеть, заходите, я вам ее покажу. правда, едва ли в этом есть какой-то смысл, разве нет? лучше просто сказать, что как-то ночью я выебал 3 теток, или 3 тетки выебали меня. пусть это и будет весь рассказ.

3 ЦЫПЛЕНКА

с Вики все в порядке. но хлебнули мы с ней достаточно. зависли на вине. на портвейне. женщина эта напивалась и начинала чесать языком, при этом изобретая про меня наимерзейшие гадости. да еше этот голос: нарочито пришепетывает, скрипучий, безумный, любого достанет. меня достал.

как-то раз орала она эти свои безумства, валяясь на раскладной кровати у нас в квартире. я умолял ее прекратить. но она не хотела. в конце концов, я просто подошел, поднял кровать с нею вместе и задвинул всё в стену.

потом отошел, сел и стал слушать, как она орет.

вопить она, однако, не перестала, поэтому я подошел снова и откинул кровать от стены. она лежала, держась за руку и вопя, что я ее сломал.

- рука у тебя не может быть сломана, - сказал я.

- сломана, сломана. ты, задрота склизкая, ты мне руку сломал!

я еше немного выпил, она же по-прежнему держалась за руку и хныкала. наконец, с меня хватило, и, сказав, что сейчас вернусь, я спустил-

ся вниз, вышел наружу и нашел за бакалейной лавкой какие-то старые деревянные ящики. выдрал из них крепкие хорошие дошечки, вытащил гвозди, вернулся в лифт и приехал обратно в квартиру.

потребовалось дощечки 4. я примотал их к руке, разодрав одно из ее платьев. на пару часов она успокоилась. потом все началось заново. я уже больше не мог.

поэтому вызвал такси, мы поехали в больницу. как только такси отъехало, я снял дощечки и выбросил на улиу. затем они просветили рентгеном ей ГРУДЬ и залили руку в гипс. можете себе представить? наверное, если б она себе голову сломала, ей бы задницу просвечивали.

как бы то ни было, после этого она любила сидеть в барах и рассказывать:

- я - единственная женщина, которую сложили в стену вместе с кроватью.

в ЭТОМ я тоже был не очень уверен, но пускай себе болтает.

ладно, когда в другой раз она меня разозлила, я ей заехал по физиономии, но шлепок пришелся по губам, и я сломал ей вставные зубы.

я удивился, что зубы сломались, и сходил вниз, купил такого клея суперцемент и склеил ей эти

зубы. некоторое время они держались, а потом однажды вечером она сидела и пила вино, как вдруг во рту у нее оказалось полно сломанных зубов.

вино оказалось таким крепким, что клей рассосался. отвратительно, пришлось новые доставать. как нам это удалось, я не очень хорошо помню, но она утверждала, что теперь похожа на лошадь.

обычно мы так вот ссорились, только немного выпив, и Вики утверждала, что я, когда пьяный, становлюсь очень мерзким, однако, я думаю, мерзкой становилась она. в любом случае, где-то посреди ссоры она вскакивала с места, хлопала дверью и неслась в какой-нибудь бар. "живого искать," как девчонки выражаются.

когда она ухопила, мне постоянно становилось не по себе. должен в этом признаться. иногда она не возвращалась дня по 2, по 3. и ночи. не очень хорошо так поступать.

однажды она вот так выбежала, а я остался сидеть, пить вино, думать обо всем этом. потом встал, нашел лифт и тоже поехал на улицу. отыскал ее в ее любимом баре. сидела, держала в руках какой-то лиловый шарфик. никогда этого лилового шарфика я раньше не вилел. скрывала от меня. я подошел и сказал ей довольно громко:

- я пытался из тебя женщину сделать, а ты просто блядина проклятая!

бар был полон. все места заняты. я поднял руку. я размахнулся. я сшиб ее тыльной стороной руки с этой чертовой табуретки. она упала на пол и заорала.

это происходило в дальнем углу бара. я даже не обернулся на нее. прошел через весь бар к выходу. и только там повернулся к толпе. было очень тихо.

- так, - сказал я. - если здесь кому-то не НРАВИТСЯ то, что я только что сделал, пусть хотя бы СКАЖЕТ что-нибудь...

стало еше тише, чем тихо.

я повернулся и вышел прочь. только я оказался на улице, как они залопотали и зазудели там, зазудели и залопотали.

ГОВНЯШКИ! ни единого мужика на борту!

...но, конечно же, она вернулась, ну и, короче говоря, как бы там ни было, сидим мы с нею как-то ночью, не так давно, пьем вино, и начинается та же самая свара.

в этот раз я решил отвалить.

- Я, НА ХУЙ, ВЫЛЕЗУ ИЗ ЭТОЙ ДЫРЫ! - заорал я Вики. - Я БОЛЬШЕ НЕ ПОТЕРПЛЮ ТВОИХ ОСКОРБЛЕНИЙ!

она вскочила и загородила собою дверь.

- только через мой труп - вот как ты отсюда вылезешь!

- ладно, если тебе так хочется.

я ей хорошенько заехал, и она упала прямо на пороге. пришлось двигать тело, чтобы выйти.

я спустился вниз на лифте, чувствуя себя довольно неплохо. хорошая лихая увеселительная прогулка с 4 этажа. лифт был допотопной штуковиной в виде клетки и вонял старыми носками, старыми перчатками, старыми половыми тряпками, но в нем я чувствовал себя надежно и мощно - почему-то, - а вино скакало по мне во весь опор.

но потом я из него вылез и передумал. сходил в винную лавку. купил еше четыре бутылки вина, вернулся, снова проехал на лифте наверх. то же самое ощущение безопасности и силы. зашел к себе. Вики сидела на стуле и плакала.

- я вернулся к тебе, счастливица ты моя, - сказал я ей.

- ты сволочь, ты меня ударил. ТЫ МЕНЯ УДАРИЛ!

- хмм, - сказал я, открывая новую бутылку. - а еше будешь меня говном кормить, получишь больше.

- АГА! - завопила она. - МЕНЯ-ТО ТЫ УДАРИЛ, А МУЖИКУ ВРЕЗАТЬ КИШКА ТОНКА!

- НЕТ, БЛЯДЬ! - завопил я в ответ. - МУЖИКА Я БИТЬ НЕ СТАНУ! ТЫ ЧТО, ДУМАЕШЬ, Я СОВСЕМ СПЯТИЛ? ПРИЧЕМ ЗДЕСЬ ЭТО?

это ее чуток угомонило, и мы немного посидели, попили вино стаканами. портвейн.

потом она меня начала снова оскорблять, главным образом, заявляя, что я дрочу, пока она спит.

ладно б еше это было правдой, все равно ведь мое дело, прикинул я, а если нет, так она и ПОДАВНО рехнулась. она утверждала, что дрочу я в ванной, в чулане, в лифте, везде.

стоило мне выйти из ванны, как она туда забегала, типа:

- вот! Я ВИЖУ! ПОСМОТРИ, ВОТ ОНО!

- ты, ворона полоумная, это же просто налет грязи.

- нет, это МОЛОФЬЯ! это МОЛОФЬЯ!

или залетала, когда я мылся под мышками или между ног, и говорила:

- видишь, видишь, ВИДИШЬ! ты это ДЕЛАЕШЬ!

- ЧТО делаю? мужику уже что, ЯЙЦА себе помыть нельзя? это МОИ яйца, черт бы тебя побрал! мужику уже собственные яйца помыть нельзя?

- а что это за штука там торчит?

- мой левый указательный палец. а теперь ПОШЛА ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!!!

или в постели, сплю себе крепко, как вдруг эта рука хватается за мой аппарат с прибором, мужики, дрыхаю себе посреди ночи, а тут эти НОГТИ!

- АХ-ХА! Я ТЕБЯ ПОЙМАЛА! Я ТЕБЯ ПОЙМАЛА!

- ворона ты полоумная, еше раз так сделаешь, и Я КЛЯНУСЬ, Я ТЕБЯ ПОРЕШУ!

- ПОЙМАЛА, ПОЙМАЛА, ПОЙМАЛА!

- да спи ты, ради бога...

так вот, в эту ночь, сидит она, значит, и орет, суходрочку на меня вешает. я сижу, пью себе спокойно вино, ничего не отрицаю. а она от этого еше туже заводится, злится.

и еше злее.

наконец, ей уж совсем невтерпеж стало, после всего этого базара про сухолрочки, то есть, про то, что Я, как предполагается, дрочу, а сейчас сижу себе спокойно и ей улыбаюсь, и она вскочила и выбежала за дверь.

пусть идет. я сидел и пил свое вино. портвейн.

то же самое пойло.

я обдумал эту мысль. хмм, хмм, так-так...

затем очень лениво я поднялся и съехал на лифте вниз. то же самое чувство силы.

я не сердился. я был очень спокоен. просто та же самая война.

я прошел по улице, но в ее любимый бар заходить не стал. к чему ту же самую игру повторять? ты - блядь; я пытался сделать из тебя женщину. хуйня. через некоторое время мужик уже может выглядеть довольно глупо. поэтому я зашел в другой бар и сел на табурет возле двери. заказал себе выпить, отхлебнул, поставил стакан, и тут увидел ее. Вики. она сидела на другом конце бара.

почему-то выглядела испуганной до усрачки.

но я не стал на нее обрушиваться. просто смотрел, будто мы вовсе незнакомы.

потом я заметил рядом нечто в таких старорежимных лисьих мехах. голова мертвой лисицы свешивалась ей на грудь и смотрела на меня. то есть, грудь на меня смотрела.

- похоже, твоей лисичке нужно выпить, милашка, - сказал я.

- она сдохла; ей не нужно выпить, выпить нужно мне, а то и я подохну.

ну что ж, славный такой парнишка, вроде меня. кто я такой, чтобы сеять смерть? я купил ей выпить. звали ее, как она мне сообщила, Марджи. я тоже представился:

Томас Найтенгейл, продавец обуви. Марджи.

все эти бабы со своими именами - пьют, срут, переживают месячные. мужиков ебут. складываются в стены. это чересчур.

мы выпили еше по парочке, а она уже залезла к себе в сумочку, фотку детей своих засвечивает: слабоумный урод-мальчик и девочка без волос, сидят в какой-то захезанной дыре в Огайо, их отец отсудил, отец у них зверь, только деньги на уме; никакого чувства юмора, никакого понимания. ах, он из ТАКИХ? к тому же, всех этих женщин в дом водил и трахал прямо у нее на глазах, не выключая света.

- ах, понимаю, понимаю, - сказал я. - ну разумеется, большинство мужчин - звери, они просто не понимают, а вы - ТАКАЯ милашка, какого черта, это несправедливо.

я предложил ей зайти в другой бар. у Вики задница уже тиком подергивалась, а она была наполовину индианкой.

там мы ее и оставили, а сами обогнули угол. за углом у нас еще один был.

потом я предложил зарулить ко мне. немного едой заняться. то есть, что-нибудь приготовить, поджарить там, испечь.

про Вики я ей, конечно, не рассказал. но Вики всегда гордилась своими чертовыми печеными

цыплятами, может, потому, что сама такого напоминала. печеного цыпленка с лошадиными зубами.

поэтому я предложил найти цыпленка, испечь его, оросить вискачом. она не возражала.

так. винная лавка, квинта виски. 5 или 6 кварт пива.

мы нашли ночной рынок. там даже мясник присутствовал.

- мы хочем цыпленка испечь, - сказал я.

- ох, господи, - вздохнул он.

я уронил одну кварту пива. вот она бахнула так бахнула.

- боже, - сказал он.

я уронил еше одну, посмотреть, что он на это скажет.

- ох ты боже мой, - сказал он.

- мне надо ТРИ ЦЫПЛЕНКА, - сказал я.

- ТРИ ЦЫПЛЕНКА?

- господи ты боже мой, да, - ответил я.

мясник куда-то нагнулся и достал трех очень изжелта-бледных цыплят с несколькими длинными черными неошипанными волосинами, похожими на человеческие, завернул все в один большой кулек, в розовую грубую бумагу, обмотал настоящей изолентой, я ему заплатил, и мы

оттуда свалили.

по дороге я уронил еше две кварты пива.

я ехал вверх на лифте и чувствовал, как силы у меня прибывает. когда мы закрыли за собой дверь моей квартиры, я задрал на Марджи платье посмотреть, на чем у нее чулки держатся. затем всунул ей приятельский пистонише своей длиннопалой правой рукой. она взвыла и выронила большой розовый кулек. тот плюхнулся на ковер, и 3 цыпленка вывалились, те 3 цыпленка, изжелта-бледные, с приставшими 29-30 склизкими, вялыми, зарезанными человеческими волосинами, смотрелись очень странно, лыбясь на нас с вытертого ковра из желтых и бурых цветов, деревьев и китайских драконов, под голой электролампочкой в лос-анжелесе на краю света почти на углу 6-й и Юнион.

- ууу, цыплята.

- ебать их в рот.

пажи у нее были грязными. само совершенство. я вставил ей пистон еще раз.

вот же черт, поэтому я сел и содрал обертку с бутылки виски, налил пару полных стаканов, снял ботинки носки штаны рубашку, взял одну из ее сигарет. сел в одном исподнем. я всегда так делаю, сразу же. мне нравится, когда удобно.

если девке не нравится, ну ее на хуй. пусть валит отсюда. только они всегда остаются. у меня своя манера. некоторые девки говорят, что мне следовало родиться королем.

другие утверждают другое. ну их в пизду.

она отпила большую часть своего стакана и полезла в кошелек:

- у меня и дети есть в Огайо, милые такие детки...

- сдались они тебе. мы уже эту стадию прошли. лучше скажи, ты в рот берешь?

- что ты имеешь в виду?

- ОХ, БЛЯДЬ! - я хрястнул стаканом о стену.

потом взял другой, наполнил и еше немного выпил.

не знаю, сколько времени мы уговаривали виски, но, судя по всему, на меня подействовало, поэтому дальше я помню только то, что лежу на кровати голый, тарашусь на электролампочку, а Марджи тоже стоит голая и трет мне член - довольно проворно - своим лисьим мехом. и растирая его так, повторяет снова и снова:

- я тебя выебу, я тебя выебу...

- слушай, - сказал я. - я не знаю, получится у тебя меня выебать или нет. я сегодня вечером уже сдрочил в лифте, часов в 8, наверное.

- я тебя все равно выебу.

и она заработала этим лисьим мехом еще проворнее. нормально. может, мне такой себе тоже надыбать. я как-то знал парня одного, который засовывал сырую печенку в длинный стакан и ее трахал. мне же не нравилось хуй пихать в то, что может разбиться или порезать. вообразите: идете вы к врачу с хуищем в крови и объясняете, что это произошло, когда вы еблись со стаканом. как-то раз я оказался на бану в маленьком техасском городишке и увидел такую роскошную, хорошо сложенную девку - ебать такую одно удовольствие, а она была замужем за таким скукоженным старым карликом с мерзким характером и каким-то сифилисом, от которого он весь трясся. она за ним ухаживала и возила повсюду в инвалидке, а я, бывало, все представлял себе, как он по всему этому хорошему мясу скачет.

сначала, то есть, я видел только картинку, понимаете, о чем я, а потом, в конце концов, мне рассказали и всю историю. когда она была младше, у нее в промежности застряла бутылка из-под кока-колы, по самое донышко; сама выташить ее она не смогла, пришлось идти к врачу. он бутылку вытащил, но история тоже как-то вышла наружу. с того времени в городишке ей наступил

капец, а уехать тяму не хватило.

никто ее не хотел, кроме мерзкого карлика с трясучкой. ему-то по барабану было - ему все равно достался лучший кусочек жопки в городе.

о чем это я? а-а, ну да.

ее мех порхал все быстрее и быстрее, и у меня, наконец, что-то зашевелилось - и тут я услышал, как в замок вставляют ключ. блядь, дожно быть, Вики!

ладно, тут все просто. дам ей пинка под сраку и вернусь к своим делам.

дверь распахнулась. там стояла Вики с двумя фараонами за спиной.

- УБЕРИТЕ ЭТУ БАБУ ИЗ МОЕГО ДОМА! - завизжала она.

ЛЕГАВЫЕ! я глазам своим не верил. я быстро натянул простыню на свой пульсирующий, бьющийся гигантский половой орган и сделал вид, что сплю. похоже было, что у меня оттуда торчит огурец.

Марджи орала в ответ:

- я тебя знаю, Вики, никакой это не твой дом, черт бы тебя побрал! этот парень ЗАРАБАТЫВАЕТ себе на жизнь, вылизывая волосы у тебя на жопе! да ты азбукой Морзе с ангелами болбочешь, когда он тебя языком, наждачкой своей обрабатывает,

а на самом деле ты обыкновенная БЛЯДЬ, клейма ставить некуда, обычная двухдолларовая блядь, тебе только говняшки глотать. у тебя еще с Фрэнки Д. ЭТО кончилось, а ведь тебе ТОГДА 48 было!

при таких словах огурец мой сморщился. обеим этим девкам, должно быть, лет по 80. то есть, каждой, потому что совместно они могли бы еще у Эйба Линкольна отсасывать, или типа того. брать в рот у Генерала Роберта Э.Ли[11], у Патрика Генри[12], у Моцарта. у Доктора Сэмюэля Джонсона[13]. у Робеспьера. у Наполеона, у Макиавелли? вино созревает. Господь терпит, бляди сосут себе дальше.

Вики же визжала:

- ЭТО КТО ТУТ БЛЯДЬ? КТО БЛЯДЬ, А? ЭТО ТЫ БЛЯДЬ, ВОТ КТО! ЭТО ТЫ ДЫРКУ СВОЮ ТРИППЕРНУЮ ВСЕМ ПОДРЯД 30 ЛЕТ ВДОЛЬ И

---

[11] notes: 11

Роберт Эдвард Ли (1807-1870) - генерал армии южан в Гражданской войне, блестящий полководец.

[12] notes: 12

Патрик Генри (1736-1799) - один из вождей американской революции, член Дома Бёрджессов (1765) и Континентального Конгресса (1774-1776). В 1776-1790 служил губернатором штата Вирджиния.

[13] notes: 13

Д-р Сэмюэль Джонсон (1709-1784) - английский писатель и лексикограф, ведущая литературная фигура второй половины XVIII века, составитель "Словаря английского языка" (1755) и автор "Жизнеописаний поэтов" (1779-1781).

ПОПЕРЕК АЛЬВАРАДО-СТРИТ ТУЛИЛА! ДА СЛЕПАЯ КРЫСА ОТТУДА БЫ ЧЕТЫРЕЖДЫ ПОПЯТИЛАСЬ, ЕСЛИ Б ХОТЬ РАЗ СУНУЛАСЬ! А ЕЩЕ ОРЕШЬ "ПУХ! ПУХ!", КОГДА ТЕБЕ ПОСЧАСТЛИВИТСЯ, И МУЖИК НА ТЕБЕ КОНЧИТ! А ЭТО У ТЕБЯ ПОГАСЛО, ЕЩЕ КОГДА КОНФУЦИЙ МАТЬ СВОЮ ЕБАЛ!

- АХ ТЫ СУКА ДЕШЕВАЯ. ДА ОТ ТЕБЯ БОЛЬШЕ ЯИЦ ПОСИНЕЛО, ЧЕМ НА ПАСХУ В ДИСНЕЙЛЕНДЕ. АХ ТЫ...

- послушайте, дамы, - сказал один легавый. - я попросил бы вас следить за своими замечаниями и понизить уровень громкости. понимание и доброта - краеугольные камни демократической мысли. ох, КАК же мне нравится, как Бобби Кеннеди носит эту шекотную кляксу непокорного чубчика с одной стороны его милой головки, а вам разве нет?

- ебаный ж ты пидарас, - сказала Марджи. - так вот почему ты носишь эти узенькие брючки - чтобы жопка у тебя слаже выглядела? боже, так она ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СЛАВНО выглядит! мне б, наверное, самой хотелось тебя кончить.

всякий раз, когда я вижу, как вы, какашки, нагибаетесь в окна машин на шоссе, чтобы штраф выписать, мне так и хочется вас за тугие жопки ущипнуть.

у легавого в мертвых глазах вдруг вспыхнуло яркое пламя, он отцепил свою дубинку от пояса и звезданул ею Марджи по шее. та рухнула на пол.

затем он надел на нее браслеты. я слышал, как они щелкнули: к тому же, сволочи ВСЕГДА зажимают их слишком туго. но как только они на тебе оказываютсяь, становится почти ХОРОШО - мощно так, тяжело, будто Христу или чему-нибудь еще драматичному.

глаз я не открывал, поэтому не видел, накинули они на нее хотя бы халат или что-нибудь типа.

потом легавый, защелкнувший браслеты, сказал другому:

- я спущу ее на лифте. мы поедем на лифте.

и хотя слышно мне было не очень хорошо, но я прислушивался, как они спускаются, и услышал, как Марджи завопила:

- ууууу, ууууууууу, ах ты сволочь. отпусти меня, отпусти!

а тот все повторял:

- заткнись, заткнись, заткнись! ты этого только заслужила! и я тебе еще не ВСЁ показал! это... только... начало!

затем она завизжала по-настоящему.

а второй легавый подошел ко мне. одним полуприщуренным глазом я видел, как он водрузил

один блестящий черный ботинок на матрас, прямо на простыню.

он посмотрел на меня.

- этот парень - педик, что ли? смахивает на педика, как пить дать.

- НЕ ДУМАЮ, что он педик. может, конечно, и педик. но он точно девку оттянуть может.

- хочешь, чтобы я его тут урыл? - спросил он у Вики.

глаза у меня были закрыты. ждал я долго. господи, как же долго я ждал. эта огромная нога на моих простынях, электрический свет бьет по зрению.

затем она заговорила. наконец.

- нет, он... нормально, оставь его тут.

легавый снял ногу. я слышал, как он прошел по комнате, задержался у двери.

сказал Вики:

- в следующем месяце я возьму с тебя за охрану на 5 долларов больше. за тобой становится сложнее приматривать.

и он ушел. то есть, вышел в коридор. я подождал, пока он не зайдет в лифт.

услышал, как тот спустился на первый этаж. досчитал до 64. а потом ВЫПРЫГНУЛ ИЗ ПОСТЕЛИ.

ноздри мои раздувались, как у Грегори Пека

в течке.

- АХ ТЫ СУЧАРА ГНИЛАЯ. ЕЩЕ РАЗ ТАК СО МНОЙ ПОСТУПИШЬ, И Я ТЕБЯ ПОРЕШУ!

- НЕТ, НЕТ, НЕТ!!!!

я замахнулся, чтобы вписать ей обычную плюху.

- Я ЖЕ СКАЗАЛА ЕМУ, ЧТОБЫ ОН ТЕБЯ НЕ ТРОГАЛ! - завопила она.

- хмммм. правильно, надо будет это обдумать.

я опустил руку.

потом осталось еше немного виски и немного вина. я встал и накинул на дверь цепочку.

мы выключили весь свет, сидели и пили, и курили, и болтали о разном, о том, о сём. легко и непринужденно. потом, как в старые добрые времена, смотрели на ту же самую красную лошадь, которая все летела и летела в красном неоне по стене здания в самом центре города к востоку от нас. она все летела и летела по стене этого здания всю ночь. что бы ни произошло. вы знаете, что там - какая-то красная лошадь с красными неоновыми крыльями. но это я вам сказал. крылатая лошадь. в любом случае. и, как всегда, мы считали: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. крылья всегда хлопали 7 раз. затем и лошадь, и все остальное замирали. потом начи-

налось снова. вся наша квартира купалась в этом красном зареве. затем, когда лошадь прекращала летать, все веши как-то вспыхивали белым.

не знаю, почему. наверное, причиной тут была реклама прямо под краснокрылой лошадью. в ней говорилось: какой-то продукт, покупайте то, покупайте это, вот этим вот БЕЛЫМ. в любом случае.

мы сидели, разговаривали, пили и курили.

позже мы вместе легли в постель. целовалась она очень славно, язык у нее - словно такая извиняющаяся печаль.

потом мы поебались. мы еблись, а красная лошадь летела.

7 раз хлопали крылья, а в центре ковра до сих пор лежали 3 цыпленка. наблюдали.

цыплята краснели, цыплята белели, цыплята краснели. 7 раз краснели, затем белели. 14 раз краснели. затем белели. 21 раз краснели. затем белели. 28 раз...

ночь, в конце концов, обернулась получше, чем большинство.

ДЕСЯТЬ СУХОДРОЧЕК

старина Санчес - гений, только знаю это я один, а его повидать всегда хорошо.

есть крайне мало людей, с которыми я могу оставаться в одной комнате больше 5 минут, не чувствуя, что меня потрошат. Санчес мой экзамен выдержал, а экзамен - это я сам, хехехехе, ох ты господи боже мой, ладно, как бы там ни было, я время от времени навешаю его в его двухэтажной самостройной хибаре. он сам себе канализацию провел, протянул воздушку от высоковольтной линии, подключил себе телефон подземным кабелем от соседского блокиратора, но мне объясняет, что звонить по межгороду все равно не может, не обнаруживая своего низкопоклонства.

он даже живет с молодой бабой, которая разговаривает очень мало, пишет маслом, расхаживает везде с сексуальным видом и занимается с ним любовью, да и он, конечно, с нею тоже. землю он приобрел буквально за гроши, и хотя местечко довольно далеко от Лос-Анжелеса, это можно назвать только преимуществом. вот и сидит он посреди проводов, журналов популярной механики, магнитофонных дек, бесчисленных

полок книг на любые темы. он целеустремлен, никогда не бывает груб; чувство юмора на месте, волшебство присутствует; пишет он очень хорошо, но слава его не интересует. раз в сто лет он выбирается из этой пещеры и читает свои стихи в каком-нибудь университете, и рассказывают, что и сами стены, и плющ, что их оплетает, содрогаются еще много недель после этого, не говоря уже о студентках. он записал 10.000 пленок разговоров, звуков, музыки... скучных и нескучных, обычных и иных. стены покрыты фотографиями, рекламой, рисунками, осколками каменьев, змеиными кожами, черепами, ссохшимися гондонами, сажей, серебром и пятнами золотой пыльцы.

- боюсь, у меня крыша скоро поедет, - говорю я ему. - одиннадцать лет на одной работе, часы волочатся по мне мокрым говном, у-ух, а лица уже давно растаяли до нулей, балабонят, палец покажи - ржут. я не сноб, Санчес, но иногда в настоящий театр ужасов превращается, и единственный конец ему - смерть или безумие.

- здравомыслие - несовершенство, - отвечает он, закидывая в рот пару пилюль.

- господи, да я в том смысле, что меня преподают в нескольких университетах, какой-то профессор

по мне даже книжку написал... меня перевели на несколько языков...

- всех перевели. ты стареешь, Буковски, слабнешь. держи хвост пистолетом.

Победа или Смерть.

- Адольф.

- Адольф.

- выше ставки - больше проигрыш.

- прально, или все наоборот для обычных людей.

- ну и на хуй.

- ага.

ненадолго становится тихо. потом он говорит:

- ты можешь к нам переехать.

- спасибо, старик, конечно. но я, наверное, сначала хвост пистолетом попробую.

- смотри, твоя игра.

у него над головой висит черная доска, на которую он белым наклеил:

"ПАЦАН НЕ ПЛАКАЛ НИКОГДА И ТЫЩУ МИЛЬ НЕ РВАЛ."

- Голландец Шульц[14] на смертном одре.

"ДЛЯ МЕНЯ ГРАНД-ОПЕРА - ПРОСТО ЯГОДКА."

- Аль Капоне[15]

"NE CRAIGNEZ POINT, MONSIEUR, LE TORTUE."[16]

- Лейбниц.

"НИКАКИХ БОЛЬШЕ."

- Девиз Сидячего Быка "КЛИЕНТ ПОЛИЦЕЙСКОГО - ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СТУЛ."

- Джордж Джессел.

"СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ И НЕСКОВАННЫЙ В ОДНОМ, СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ И НЕСКОВАННЫЙ ВО ВСЕМ.

Я НИКОГДА НЕ ПОЛУЧАЛ ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ. И ТЫ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПОЛУЧИШЬ. И НИКТО НЕ ПОЛУЧИТ."

- Детектив Бакет.

"АМИНЬ - ВЛИЯНИЕ ЧИСЕЛ."

---

[14] notes: 14

Гангстер Артур Флегенхаймер, больше известный по кличке "Голландец Шульц", род. 6 августа 1902 года, вырос в Бронксе, Нью-Йорк. Начинал как бутлеггер, затем переключился на другие криминальные рынки, накопил значительное состояние.

Под давлением правоохранительных органов уступил контроль над своими операциями другим гангстерам и 24 октября 1935 года был застрелен в салуне Ньюарка, Нью-Джерси.

[15] notes: 15

Альфонс "Аль" Капоне, род. 17 января 1899 г., ум. 25 января 1947 г. - - вероятно. Самый знаменитый американский гангстер.

[16] notes: 16

"Не ссыте, месье, это кривая" (фр.)

- Пико Делла Мирандола, в своих каббалистических умозаключениях "УСПЕХ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ - ИДЕАЛ КРЕСТЬЯНСТВА."

- Уоллес Стивенс[17]

"ДЛЯ МЕНЯ ЛИЧНО МОЕ СОБСТВЕННОЕ ГОВНО ВОНЯЕТ ЛУЧШЕ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ СОБАЧЬЕГО."

- Чарлз Буковски.

"И
ВОТ ПОРНОГРАФЫ СОБРАЛИСЬ В КРЕМАТОРИИ."

- Энтони Блумфилд.

"ИЗРЕЧЕНИЕ СПОНТАННОСТИ - ХОЛОСТЯК ПЕРЕМАЛЫВАЕТ СВОЙ ШОКОЛАЛ САМ."

- Марсель Дюшен.

"ЦЕЛУЙ РУКУ, КОТОРУЮ НЕ МОЖЕШЬ ОТРУБИТЬ."

- Поговорка таурегов.

"ВСЕ МЫ В СВОЕ ВРЕМЯ БЫВАЛИ ЛОВКИМИ ПАРНЯМИ."

- Адмирал Сент-Винсент "МОЯ МЕЧТА - СПАСТИ ИХ ОТ ПРИРОДЫ."

- Кристиан Диор.

---

[17] notes: 17

Уоллес Стивенс (1879-1955) - американский поэт, чьи искусные и изобретательные работы, включая "Питера Куинса у клавира" и "Воскресное утро"
(1923), касаются роли воображения в установлении порядка в нашем хаотичном мире.

"СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ, - Я ХОЧУ ВЫЙТИ."

- Станислав Ежи Лец.

"МЕРНЫЙ ЯРД НЕ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ПРЕДМЕТ, КОТОРЫЙ НАДО ИЗМЕРИТЬ, - ДЛИНОЮ В ЯРД."

- Людвиг Витгенштейн

я немного улетел по пиву.

- слушай, мне это последнее нравится: "предмет, который надо изуверить, не обязательно должен быть длиною в ярд".

- мне кажется, так даже лучше, хотя написано не так.

- ладно, как там Кака? это говно на детском языке, и женщины более сексуальной я ни разу в жизни не видел.

- я знаю. все началось с Кафки. ей раньше нравился Кафка, и я ее так называл.

потом она сама имя изменила. - он встает и подходит к фотографии. поди сюда, Буковски. - я мечу свою пивную банку в мусорный бак и подхожу. - - это что? - спрашивает Санчес.

я смотрю на фотографию, очень хорошая фотография.

- ну, похоже на хуй.

- на какой хуй?

- на твердый хуй. на большой.

- это мой.

- и что?

- ты разве не заметил?

- чего?

- спермы.

- да, вижу. я не хотел говорить...

- а почему? что с тобой такое, к чертовой матери?

- я не понимаю.

- я в том смысле, ты видишь сперму или нет?

- ты это о чем?

- а о том, что я ДРОЧУ, неужели ты не понимаешь, как это трудно?

- это не трудно, Санчес, я это постоянно делаю...

- ох, ну ты бычара! я имею в виду, что я присобачил к камере веревочку. ты представляешь себе, какая это засада - оставаться неподвижно в фокусе, эякулировать и спускать затвор камеры одновременно?

- я не пользуюсь камерой.

- а сколько мужиков ею пользуются? ты, как всегда, не рубишь фишку. кто ты, к чертовой матери, такой, переведенный на немецкий, испанский, французский и так далее, я никогда не узнаю! смотри, ты соображаешь: у меня ТРИ ДНЯ ушло, чтобы такую ПРОСТУЮ фотографию сделать? а ты знаешь, сколько раз мне СДРАЧИВАТЬ

пришлось?

- 4?

- ДЕСЯТЬ РАЗ!

- ох, Господи! а как же Кака?

- ей фотка понравилась.

- я в смысле...

- боже милостивый, мальчик, я лишен языка отвечать на твою простоту.

он уходит в свой угол и снова плюхается в кресло посреди своих проводов, кусачек, переводов и гигантской записной книжки ГОРЬКИЙ ПРЫЖОК, к черной обложке которой приклеен нос Адольфа в обрамлении берлинского бункера на заднем плане.

- я сейчас кое над чем работаю, - сообщаю я ему. - пишу рассказ про то, как прихожу брать интервью у великого композитора. он пьян. я напиваюсь тоже, а еще там есть горничная. мы по вину ударяем. он наклоняется ко мне и говорит:

"Кроткие Унаследуют Землю"[18]...

- вот как?

- а потом добавляет: "в переводе это означает, что дураки окажутся нахрапистее".

- паршиво, - говорит он. - но для тебя нормаль-

---

[18] notes: 18

Парафраз Матфея 5.5: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю".

но.

- только я не знаю, что мне дальше делать. у меня эта горничная ходит повсюду в такой коротенькой штучке, и я не знаю, что мне с нею сделать. композитор напивается, я напиваюсь, а она ходит, задницей светит, горячая, как геенна огненная, и я не знаю, что мне с этим делать. я подумал, может, сюжет спасти тем, что я хлещу горничную пряжкой ремня, а затем отсасываю у композитора. но я никогда ни у кого в рот не брал, никогда не хотелось, я квадратный, поэтому я бросил рассказ на середине и так и не закончил до сих пор.

- каждый мужик - гомик, хуесос; каждая баба - кобла. чего ты так волнуешься?

- а того, что я несчастен, никуда не гожусь, а мне не нравится никуда не годиться.

мы сидим еще некоторое время, а потом сверху спускается она, эти льняные, прямые прутики волос.

первая женщина, которую я мог бы съесть, наверное.

но она проходит мимо Санчеса, и язык его лишь кончиком облизывает губы, и мимо меня проходит, точно отдельные шарикоподшипники волшебства колышут плоть ее изнутри, пускай

же небеса расцелуют мне яйца, если это не так, и она волной проскальзывает сквозь это все, в сиянии славы, словно лавина, расплавленная солнцем...

- привет, Хэнк, - говорит она.

- Кака, - смеюсь я.

она заходит к себе за стол и начинает рисовать свои кусочки живописи, а он сидит, Санчес этот, бородища чернее власти черных, но спокойный, спокойный, никаких предъяв. я начинаю пьянеть, говорить гадости, все что угодно говорить.

потом начинаю утомлять. мычу, бормочу.

- ох, п-пардон... не х-хотел бы п-портить вам вечер... п-ростите, зас-ранцы...

ага... я убийца, но никого не убью. во мне есть класс. я Буковски! меня перевели на СЕМЬ ЯЗЫКОВ! Я - ЕДИНСТВЕННЫЙ! БУКОВСКИ!

я падаю мордой вниз, пытаясь снова разглядеть фотку с суходрочкой, цепляюсь за что-то. за собственный ботинок. у меня эта дурная привычка, черт бы ее побрал, снимать собственные ботинки.

- Хэнк, - говорит она. - осторожнее.

- Буковски? - спрашивает он. - ты как? - поднимает меня. - старик, мне кажется, тебе сегодня лучше остаться у нас.

-

НЕТ, ЧЕРТ ПОБЕРИ, Я ИДУ НА БАЛ ДРОВОСЕКОВ!

дальше помню только то, что он взвалил меня на плечо, Санчес то есть, и поволок в свою берлогу наверху, понимаете, туда, где они со своей женщиной все дела делают, а потом я уже лежу на постели, он ушел, дверь закрыта, и я слышу какую-то музыку снизу, и смех, их обоих, но добрый такой смех, без всякой злобы, и прямо не знаю, что мне делать, самого лучшего ведь не ожидаешь, ни от удачи, ни от людей, все тебя, в конечном итоге, подводят, вот так, а потом дверь отворилась, свет чпокнул, передо мной стоял Санчес...

- эй, Бубу, бутылочка хорошего французского вина... тяни медленно, так полезнее всего. так и заснешь. будь счастлив. я тебе не стану говорить, что мы тебя любим, это слишком легко. а если захочешь вниз спуститься, потанцевать и спеть, так это нормально, делай, что хочешь. вот вино.

он протягивает мне бутылку. я поднимаю ее к губам, будто какой-нибудь безумный корнет-а-пистон, снова и снова. сквозь драную занавеску прыгает кусочек изношенной луны. совершенно спокойная ночь; не тюрьма; далеко не тюрьма...

наутро, проснувшись, спускаюсь поссать, по-

ссав, выхожу и вижу, как они оба спят на этой узенькой кушеточке, там и одно-то тело едва поместится, но они - не одно тело, и лица их - вместе и спят, тела их вместе и спят, чего уж тут хохмить??? я только чувствую, как чуть-чуть перехватывает в горле, автоматическая трансмиссия тоска красоты, которая есть у кого-то, они ведь меня даже не ненавидят... они мне даже пожелали - чего?..

я выхожу непоколебимо и скорбно, чувствительно и больно, тоскливо и буковски, старо, все в свете звезд солнце, боже мой, дотягивается до последнего уголка, последний всплеск полуночи, холодный Мистер К., большой Эйч, Мэри Мэри, чистенький, как букашка на стене, декабрьская жара мозговой паутиной по моему вековечному хребту, Милосердие мертвым младенцем Керуака распласталось по мексиканским железнодорожным путям в вековечном июле отсосанных гробниц, я оставляю их в ихнем там, гения и его любовь, обоих гораздо лучше меня, но Смысл, сам собой, срет, смещается, проседает, пока, быть может, я сам наедине с собой не возьму все это и не запишу, выкинув некоторые вещи (мне угрожали различные мощные силы за то, что я делаю вещи, которые сугубо нормальны, и до охренения

рад их делать)

и я залезаю в свою машину одиннадцатилетней давности и вот я уже отъехал оказываюсь тут и пишу для вас вот эту маленькую нелегальную историю о любви за гранью меня но, вероятно, понятную вам.

преданно ваши, Санчес и Буковски п.с. - на этот раз Жара промахнулась. не храните больше, чем сможете проглотить: ни любви, ни жары, ни ненависти.

ДЮЖИНА ЛЕТУЧИХ МАКАК, НИКАК НЕ ЖЕЛАВШИХ СОВОКУПЛЯТЬСЯ КАК ПОЛОЖЕНО

Звенит звонок, и я открываю боковое окошко возле двери. Ночь.

- Кто там? - спрашиваю я.

Кто-то подходит к окну, но лица мне не видно. У меня две лампочки горят над пишущей машинкой. Окошко я захлопываю, но оттуда слышится какой-то базар. Я сажусь к машинке, однако базар не стихает. Я подскакиваю, чуть не срываю с петель дверь и ору:

- Я ЖЕ СКАЗАЛ ВАМ, ХУЕСОСЫ, МЕНЯ НЕ БЕСПОКОИТЬ!

Озираюсь и вижу: один парень стоит на нижних ступеньках, а другой - на самом крыльце, ссыт. И ссыт прямо в кустик слева от крыльца, стоит на самом краешке, и струя его напоказ описывает тяжелую дугу - вверх, а потом вниз, в самый кустик.

- Эй, а этот парень ссыт в мой кустик, - говорю я.

Парень ржет, а ссать не прекращает. Я хватаю

его за штаны, приподымаю и кидаю, ссущего, за кустик, прямо в ночь. Он не возвращается. Другой парень говорит:

- Ты зачем это сделал?

- Захотелось.

- Ты пьян.

- Пьян? - переспрашиваю я.

Он заходит за угол и пропадает. Я закрываю дверь и снова сажусь к машинке.

Ладно, значит, у меня есть этот спятивший ученый, он научил макак летать, у него одиннадцать макак с такими вот крылышками. У макак это здорово получается.

Ученый даже научил их устраивать гонки. Они гоняют друг за другом вокруг этих столбов, да. Так, теперь посмотрим. Надо, чтобы хорошо получилось. Если хочешь избавиться от рассказа, надо, чтобы в нем фигурировала ебля - и побольше, если можно. Нет, лучше пусть их будет двенадцать макак, шесть самцов и шесть другой разновидности. Нормально. Поехали. Начинается гонка. Вот они первый столб огибают. Как же заставить их поебаться? Я уже два месяца ни единого рассказа не продал. Надо было остаться на этом проклятущем почтамте. Ладно. Поехали. Вокруг первого столба. А может, они просто берут

и улетают. Внезапно. Каково, а? Летят в Вашингтон, округ Колумбия, и вьются над Капитолием, роняют какашки на публику, ссут на нее, размазывают говно свое по всему Белому Дому. Можно мне сбросить одну какашку на Президента? Еще чего захотел. Ладно, пусть тогда будет какашка на Государственного Секретаря. Отдаются приказы сбивать их прямо в небе.

Трагично, да? Только как же ебля? Хорошо. Хорошо. Впишем и еблю. Сейчас поглядим. Ладно, десять из них подстреливают на лету, бедняжек. Осталось только две. Самец и другая разновидность. Их как бы найти нигде не могут. А тут легавый как-то ночью по парку идет, глядь - вот они, последние, крылышки пристегнуты, ебутся, как сам дьявол. Легавый подходит. Самец слышит, поворачивает голову, поднимает взгляд, одаряет его глупой макачьей ухмылкой, не пропуская ни единого толчка, потом отворачивается и продолжает сношаться. Легавый сносит ему башку.

Макаке, то есть. Самка скидывает в отвращении с себя самца и встает на ноги. Для макаки она - хорошенькая такая штучка. Какое-то мгновение легавый думает о, думает о... Но нет, там будет слишком узко, наверное, а она может и укусить,

наверное. Пока он это думает, она поворачивается и улетает. Легавый целится в нее на взлете, сбивает ее пулей, она падает. Он подбегает. Она ранена, но жива.

Легавый озирается, поднимает ее, вынимает, пытается впихнуть. Ни фига. Влезает только залупа. Блядь. Он бросает ее на землю, подносит пистолет к ее виску и БАМ! все кончено.

Снова звонок.

Я открываю дверь.

Заходят трое парней. Вечно одно парни. Баба ни за что не станет ссать на мое крыльцо, бабы вообще едви ли когда ко мне заходят. Откуда мне, спрашивается, черпать сексуальные замыслы? Я почти забыл, как это делается. Однако, говорят, это как на велосипеде ездить - никогда не разучишься. Лучше, чем на велосипеде.

Пришли Чокнутый Джек и двое парней, которых я не знаю.

- Слушай, Джек, - говорю я. - Я уже подумал, что от тебя избавился.

Джек в ответ садится. Двое остальных садятся. Джек пообещал мне никогда больше не заходить, но большую часть времени он так убухан вином, что обещания его немногого стоят. Он живет с матерью и делает вид, что он художник. Я знаю

еще четверых или пятерых, которые живут с матерями или питаются у них, и все претендуют на гения. А матери все у них одинаковые: "Ох, у Нельсона никогда работы не принимали. Он слишком опередил свое время". Но вот, скажем, Нельсон - художник, и у него что-нибудь повесили: "Ох, у Нельсона картина висит на этой неделе в галереях Уорнера-Финча. Его гений наконец-то признали! За работу он просит 4.000 долларов. Как вы думаете, это не много?" Нельсон, Джек, Бидди, Норман, Джимми и Кетя. Блядь.

Джек влатан в джинсы, босиком, без рубашки, без майки, только на плечи наброшена коричневая шаль. У одного парня борода, он ухмыляется и беспрерывно заливается румянцем. Третий просто жирный. Пиявка какая-то.

- Ты Борста в последнее время не видел? - спрашивает Джек.

- Нет.

- Пивом угости?

- Нет. Вы приходите тут, выдуваете все мое говно, потом сваливаете, а я на мели остаюсь.

- Ладно.

Он подскакивает, выбегает и достает свою бутылку вина, которую заначил у меня на крыльце под подушкой кресла. Возвращается, свинчивает

крышечку и присасывается.

- Торчу я в Венеции с этой чувихой и сотней радужек. Чувствую вдруг мне на хвост садятся, я рву к Борсту вместе с этой чувихой и сотней радужек. Стучусь и говорю ему: "Мухой, пусти меня! У меня сотня радужек и легавые на хвосте!" А Борст дверь-то и закрывает. Я выламываю дверь, вместе с чувихой вламываюсь внутрь. А Борст на полу какого-то парня раздрачивает. Я влетаю в ванную вместе с чувихой, дверь на лопату. Борст стучится. Я говорю: "Не смей сюда заходить!" И час там примерно вместе с этой чувихой просидел. Я ее вспорол пару раз, чтоб не скучно было. Потом вышли.

- А радужки скинул?

- Нет, блин, ложная тревога оказалась. Но Борст очень рассердился.

- Черт, - сказал я. - Борст не сочинил ни одного приличного стиха с 1955 года. За мамин счет живет. Прошу прощения. Но я это к тому, что он только лыбится в телик, жрет свои утонченные кашки с зеленью, да бегает по пляжу трусцой в грязном исподнем. А ведь был прекрасным поэтом, когда жил с молоденькими мальчиками в Аравии. Но сочувствовать ему я не могу. Победитель приходит голова в голову. Типа, как

Хаксли сказал, Олдос, то есть: "Любой человек может быть..."

- Ты сам-то как? - спрашивает Джек.

- Одни отказы.

Один парень начинает играть на флейте. Пиявка просто сидит. Джек то и дело опрокидывает пузырь себе в рот. Стоит прекрасная ночь в Голливуде, Калифорния.

Потом чувак, который живет на задах моего двора, падает с кровати, пьяный в дымину. Грохот еще тот. Я уже привык. Я ко всему своему двору привык. Все они сидят по своим норам, шторы опущены. Встают к полудню. Машины сидят перед домом, покрытые пылью, шины спущены, аккумуляторы текут. Они мешают выпивку с дурью, и видимых источников существования у них нет. Мне они нравятся. Они меня не достают.

Чувак снова забирается в постель, снова падает.

- Дурень ты, дурень, - доносится его голос. - А ну быстро в кровать.

- Что там за шум? - спрашивает Джек.

- Это чувак, который за мной живет. Он очень одинок. Время от времени пивко попивает. У него в прошлом году мать умерла, оставила ему двадцать штук. Теперь он просто сидит дома,

дрочит, смотрит по телику бейсбол и ковбойские стрелялки.

Раньше на заправке работал.

- Нам пора отваливать, - говорит Джек. - Хочешь с нами?

- Нет, - отвечаю я.

Они объясняют, что тут все дело в Доме Семи Гейблов. Им надо повидаться с кем-то, как-то связанным с Домом Семи Гейблов. Не сценарист, не продюсер, не актеры - кто-то другой.

- Все равно нет, - говорю я, и они выметаются. Прекрасное зрелище.

И я сажусь к макакам снова. Может, ими пожонглировать получится? Вот бы заставить всю дюжину ебстись одновременно! Вот оно! Только как? И зачем? Вот, к примеру, Королевский Лондонский Балет. Но зачем, зачем? Я схожу с ума. Ладно, в Королевском Лондонском Балете есть идея. Дюжина макак летает, пока те балетируют. Только перед представлением кто-то им всем дает Шпанской Мушки. Не балету. Макакам. Но Шпанская Мушка - миф, не так ли? Ладно, появляется еще один спятивший ученый с настоящей Шпанской Мушкой! Нет, нет, Господи ты боже мой, никак не выходит!

Звонит телефон. Я поднимаю трубку. Это

Борст:

- Алё, Хэнк?

- Ну?

- Я вынужден покороче. Я обанкротился.

- Да, Джерри.

- Ну, это, я потерял двух своих спонсоров. Биржевой рынок и доллар ужался.

- Ага.

- Это, я всегда знал, что так случится рано или поздно. Поэтому я съезжаю из Венеции. У меня тут не срастается. Я еду в Нью-Йорк.

- Что?

- В Нью-Йорк.

- Мне так и послышалось.

- Ну, это, понимаешь, я обанкротился, и мне кажется, что у меня там все срастется.

- Конечно, Джерри.

- Потеря спонсоров - лучшее, что со мною в жизни произошло.

- Вот как?

- Теперь мне снова хочется бороться. Ты же слыхал о людях, которые гниют на пляже. Так вот, я тут то же самое делал: гнил. Я должен отсюда свалить. И я не волнуюсь. Если не считать чемоданов.

- Каких чемоданов?

- У меня, кажется, не получается их сложить. Поэтому моя мама приезжает из Аризоны пожить тут, пока меня не будет, а я, в конечном итоге, сюда потом вернусь.

- Хорошо, Джерри.

- Но перед Нью-Йорком я остановлюсь в Швейцарии и, возможно, в Греции. А потом уже поеду в Нью-Йорк.

- Хорошо, Джерри, не теряйся. Всегда приятно слышать.

И я возвращаюсь к макакам опять. Дюжина макак, которые могут летать, ебясь. Как этого достичь? Дюжины пива как не бывало. Я отыскиваю свою резервную полупинту скотча в холодильнике. Смешиваю в стакане треть скотча с двумя третями воды.

Надо было остаться на этом треклятом почтамте. Но даже здесь, вот так, хоть какой-то шансик есть. Только бы заставить эту дюжину макак ебаться. А если б родился погонщиком верблюдов в Аравии, даже такого шансика бы не было. Поэтому голову выше, макак - за работу. Ты благословен каким-никаким талантом и ты не в Индии, где, вероятно две дюжины пацанов могли бы убрать тебя как писателя, если б умели писать. Ну, может, не две дюжины, может, одна.

Я заканчиваю полпинты, выпиваю полбутылки вина, ложусь спать, ну его все к черту.

На следующее утро в девять звонит дверной звонок. Там стоит молодая черная девчонка с дурковатого вида белым парнем в очках без оправы. Они сообщают мне, что на пьянке три ночи назад я пообещал поехать сегодня с ними кататься на лодке. Я одеваюсь, залезаю к ним в машину. Они везут меня в какую-то квартиру, оттуда выходит черноволосый пацан.

- Привет, Хэнк, - говорит он. Я его не знаю. Похоже, мы на той же пьянке и познакомились. Он выдает всем маленькие оранжевые спасательные пояса. Дальше помню только то, что мы уже на пирсе. Я пирса-то от воды отличить не могу. Мне помогают спуститься по шаткой деревянной штукенции, ведущей к плавучему доку.

Дно штукенции и палуба дока - примерно в трех футах друг от друга. Меня поддерживают.

- Что это, к ебеням, такое? - спрашиваю я. - У кого-нибудь выпить есть? - Не те какие-то люди. Выпить ни у кого нет. Потом я оказываюсь в крошечной шлюпке, взятой напрокат, и к ней кто-то прицепил мотор в пол-лошадиной силы. На дне плещется вода и две дохлые рыбки. Понятия не имею, кто эти люди. Они меня знают.

Прекрасно, прекрасно. Мы направляемся в открытое море. Я блюю. Проезжаем рыбу-прилипалу, дрейфующую возле самого верха воды. Рыба-прилипала, размышляю я, прилипала, прилипшая к летучей макаке. Нет, это ужасно. И я блюю снова.

- Как наш великий писатель? - спрашивает дурковатый парень с носа шлюпки, тот, что в очках без оправы.

- Какой великий писатель? - переспрашиваю я, думая, что он имеет в виду Рембо, хотя я никогда не считал Рембо великим писателем.

- Вы, - отвечает он.

- Я? - говорю я. - О, прекрасно. На следующий год, наверное, соберусь в Алжир.

- Какой жир? - переспрашивает он. - Типа себе задницу смазывать?

- Нет, - отвечаю я. - Тебе.

Мы направляемся в море, где у Конрада все срослось. К черту Конрада. Я буду нюхать кокаин с бурбоном в темной спальне в Голливуде в 1970 году, или когда вы там это прочтете. В год макачьей оргии, которая так и не случилась. Мотор трепещет и глодает воду; мы чапаем к Ирландии. Нет, это ж Тихий океан. Мы чапаем к Японии. К черту.

25 БИЧЕЙ В ОБНОСКАХ

знаете, как бывает с игроками на бегах. натыкаешься на жилу и думаешь, что это всё. у меня была своя фатера на задворках, даже свой садик со всякими тюльпанами, которые росли - прекрасно и поразительно. у меня была зеленая рука.

это значит, что зеленые бабки у меня тоже водились. какую систему я разработал, сейчас уже не помню, но она работала, а я нет - в общем, достаточно приятное существование. и еще у меня была Кэти. при всех делах. старик-сосед, бывало, аж слюнями захлебывался, как ее видел. постоянно в дверь ломился:

- Кэти! ууууу, Кэти! Кэти!

я открывал в одних трусах.

- ууууу, я думал....

- тебе чего, чучело?

- я думал, Кэти...

- Кэти какает. что передать?

- я тут... купил косточек для вашего песика.

у него в руках был большой пакет обглоданных куриных костей.

- кормить собаку куриными костями - все равно что бритвы толочь ребенку в кашку. ты что, мою

собаку убить хочешь, хуй мутный?

- ох, нет!

- тогда засунь эти кости и вали отсюда.

- не понял?

- засунь этот пакет куриных костей себе в жопу и пошел отсюда к чертовой матери!

- я просто подумал, что Кэти...

- я же тебе сказал, что Кэти СРЁТ!

и я захлопывал дверь у него перед носом.

- что ты так напустился на старого пердуна, Хэнк, он говорит, что я похожа на его дочку, когда та была моложе.

- нормально, значит он и с дочерью. пусть лучше со швейцарским сыром ебется. не хочу я его видеть у себя на пороге.

- я полагаю, ты думаешь, что я его впускаю, когда ты на бега уезжаешь?

- я таким вопросом даже не задавался.

- а каким ты вопросом задавался?

- кто из вас скачет наверху.

- ах ты сукин сын, можешь хоть сейчас же убираться!

я надевал рубашку и штаны, потом носки и ботинки.

- я и на 4 квартала не успею отойти, как ты сожмешь его в объятьях?

она швырнула в меня книгой. я не смотрел, и краем мне заехало прямо над правым глазом. разбило бровь, и кровь закапала мне на руку, когда я завязывал правый ботинок.

- прости, Хэнк.

- и БЛИЗКО не подходи ко мне!

я вышел, сел в машину, задним ходом вырулил из проезда на 35 милях в час, захватив с собой сначала кусок забора, а потом немного штукатурки с переднего дома левым задним бампером. кровь попала уже и на рубашку, поэтому я вытащил платок и приложил его к глазу. плохая будет суббота на скачках. я был свиреп.

я делал ставки, как будто к ипподрому уже подлетала атомная бомба. мне хотелось сделать десять штук. я ставил на рисковых лошадей. билетик я не обналичил.

потерял пятьсот баксов. все, что захватил с собой. в бумажнике остался доллар.

медленно я въехал во двор. и вечер ужасный будет. заглушил мотор и вошел через заднюю дверь.

- Хэнк...

- чего?

- ты выглядишь, как смерть козиная. что случилось?

- облажался. просрал всю пачку. 500.

- господи. прости, - сказала она. - это я виновата. - она подошла ко мне, обхватила меня руками. - черт же побери, прости меня, папуля. это я виновата, я знаю.

- ладно тебе. не ты ж ставила.

- ты еще злишься?

- нет, нет, я ведь знаю, что ты не ебешься с этим древним индюком.

- тебе сделать что-нибудь поесть?

- нет, не надо, купи нам только пузырь виски и газету.

я встал и сходил к тайнику с деньгами. мы обнищали до 180 долларов. ничего, бывало и хуже, множество раз, но сейчас меня не покидало чувство, что я снова на пути к фабрикам и складам - если только удастся туда устроиться. я вышел с десяткой. собаке я по-прежнему нравлюсь. я потрепал его за уши. ему все равно, сколько у меня денег, - много или мало. просто ас, а не пес. во как. я вышел из спальни. Кэти мазалась перед зеркалом помадой. я ущипнул ее за задницу и поцеловал за ухом.

- купи мне еще пива и сигар. мне нужно забыться.

она ушла, а я слушал, как по дорожке щелкают

ее каблучки. хорошая баба, лучше не найти, а нашел я ее в баре. я откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

бичара. я - бичара. вечное отвращение к работе, вечно пытаюсь жить на удачу.

когда Кэти вернулась, я велел ей налить большую. она знала. она даже содрала целлофан с моей сигары и зажгла ее. смешно она выглядела - и красиво. займемся любовью. займемся любовью во всей этой грусти. мне просто ужасно не хотелось, чтобы все это ушло: машина, дом, собака, женщина. жить было нежно и легко.

наверное, я был не в себе, поскольку развернул газету и стал просматривать объявления ТРЕБУЕТСЯ.

- эй, Кэти, вот кое-что. требуются мужчины, по воскресеньям. расчет в тот же день.

- ох, Хэнк, да отдохни ты хоть завтра. отыграешься во вторник. все тогда получшеет.

- блин, детка, да тут каждый доллар на счету! по воскресеньям они не бегают.

Калиенте - да, но там ничего не сделаешь, они в Калиенте дерут 25 процентов, плюс расстояние. сегодня можно оттянуться и напиться, а завтра за это говно возьмусь. эти лишние баксы могут пригодиться.

Кэти смешно на меня посмотрела. она никогда не слыхала, чтобы я так разговаривал. я постоянно вел себя так, будто деньги всегда появятся. потеря этих 500-т меня потрясла. она налила мне еще один большой. я сразу его выпил.

шок, шок, господи, господи, фабрики. растраченные впустую дни, дни без смысла, дни начальства и идиотов, медленной и грубой тупорыловки.

мы пили до двух, совсем как в баре, потом легли, потрахались, поспали. я поставил будильник на четыре, встал и уже доехал до трущоб в центре к 4.30. я стоял на углу примерно с 25 бичами в обносках. они сворачивали цигарки и прикладывались к вину.

что ж, все из-за денег, подумал я. я еще вернусь... настанет день, и я отдохну в Париже или Риме. насрать на этих парней. мне здесь не место.

потом мне что-то сказало: а ведь они ВСЕ так думают. мне здесь не место. каждый из НИХ так же думает о СЕБЕ. и они правы. и что?

примерно в 5.10 подкатил грузовик и мы забрались в него.

господи, дрых бы сейчас, завалившись за прекрасную кэтину задницу. но всё деньги, деньги.

мужики рассказывали, как только что спрыг-

нули с товарняка. бедняги, от них смердело. но жалкими не казались. жалким тут казался один я.

вот примерно сейчас я бы встал, поссал бы. выпил бы пива на кухне, посмотрел бы, не рассвело ли еще, заметил бы, как светлеет на улице, выглянул бы проверить тюльпаны. вернулся бы к Кэти.

парень рядом сказал:

- эй, приятель!

- ну? - ответил я.

- я француз, - сказал он.

я ничего не сказал.

- тебе отсосать не надо?

- нет, - ответил я.

- я видел, как один мужик у другого отсасывал прямо в переулке сегодня утром. у этого елда такая ДЛИННАЯ, ТОНКАЯ и белая, а другой все сосет, и молофья уже изо рта капает. я смотрел, смотрел, да как самому захочется, боже! дай мне у тебя пососать, приятель?

- нет, - ответил я ему. - мне что-то сейчас не хочется.

- ну, если мне нельзя, может, ты мне отсосешь?

- пошел отсюда к черту! - сказал я ему.

француз передвинулся в глубину кузова. не

успели мы и мили проехать, как голова его уже подскакивала. он делал это прямо у всех на глазах какому-то старикану, похожему на индейца.

- ДАВАЙ, МАЛЫШ, ЦЕЛИКОМ ЗАГЛАТЫВАЙ!!! - заорал кто-то.

некоторые бродяги заржали, но большинство просто молчало, пило вино, крутило самокрутки. старый индеец вел себя так, будто этого вообще не происходит. к тому времени, как мы доехали до Вермонта, француз заглотил все без остатка, и мы вылезли из машины - француз, индеец, я и другие бичи. каждому выдали по квиточку, и мы зашли в кафе. по квиточку выдавали каждому пончик и кофе.

официантка задирала нос. от нас воняло. грязные хуесосы.

потом кто-то, наконец, завопил:

- все выходим!

я выгребся вслед за ними, и мы зашли в такую большую комнату и расселись по стульчикам, как в школе или, скорее, как в колледже, скажем, на уроках музыкального воспитания. вместо правого подлокотника здоровенная плашка, чтоб можно разложить тетрадку и писать. как бы там ни было, просидели мы так еще 45 минут. потом какой-то сопляк с банкой пива в руке сказал:

- ладно, разбирайте свои МЕШКИ!

и все бичи повскакивали МОМЕНТАЛЬНО с мест и РВАНУЛИ в какую-то подсобку. какого дьявола? подумал я. не торопясь, подошел и заглянул туда. все бичи толкались и дрались за лучший мешок для разноски газет. смертельная бессмысленная схватка.

когда из подсобки вышел последний человек, я зашел и поднял с пола первый попавшийся мешок. он был очень грязен, с кучей прорех и дыр. когда я вышел в другую комнату, все бичи уже нацепили мешки себе на спины, надели на себя. я нашел место и просто сел, держа его на коленях. где-то по ходу дела, мне кажется, записали наши имена; наверное, еще до кофе с пончиком пришлось назваться. поэтому теперь мы сидели, а нас вызывали группами по 5, 6 или 7.

заняло это, наверное, еще час. как бы то ни было, когда я залез в кузов меньшего грузовичка с несколькими остальными, солнце поднялось уже довольно высоко.

каждому выдали по маленькой схеме улиц, куда мы должны были доставить газеты. я открыл свою. улицы-то я узнал сразу: ГОСПОДИ ТЫ БОЖЕ ВСЕМОГУЩИЙ, ИЗ ВСЕГО ЛОС-АНЖЕЛЕСА МНЕ ДОСТАЛСЯ МОЙ СОБСТВЕННЫЙ РАЙОН!

у меня там была репутация пьяни, игрока, жулика, праздного человека, ебаря-перехватчика. как же я ПОЯВЛЮСЬ там с этим мерзким грязным мешком за спиной? да еще и начну доставлять газеты, полные рекламных объявлений?

меня высадили на моем углу. очень знакомый пейзаж, в самом деле. вот цветочная лавка, вот бар, вот заправочная станция, всё... за углом - мой маленький домишко, и Кэти спит в своей теплой постельке. даже собака спит. что ж, воскресное утро, подумал я. никто меня не увидит. спят допоздна. пробегу по этому проклятому маршруту. и я побежал.

я промчался по двум улицам очень быстро, и никто не заметил великого человека, породистого обладателя мягких белых пальцев и огромных душевных очей. наверняка мне сойдет это с рук.

потом - на третью улицу. все шло хорошо, пока я не услышал голосок маленькой девочки. она стояла у себя во дворике. годика 4.

- эй, мистер?

- э-э, да? девочка? что такое?

- а где ваш песик?

- о, хаха, он еще спит.

- а-а...

я всегда выгуливал собаку по этой улице. там

есть незастроенный участок, на котором он постоянно срет. это-то все и решило. я закинул оставшиеся газеты на заднее сиденье брошенной автомашины возле шоссе. машина сидела так много месяцев, колес уже не осталось. я не знал, что это означает. газеты упали на пол. потом я свернул за угол и зашел в свой дом. Кэти еще спала. я разбудил ее.

- Кэти! Кэти!

- о, Хэнк... все в порядке?

пес выбежал, и я его погладил.

- ты знаешь, что СДЕЛАЛИ эти сукины дети?

- что?

- дали мне мой собственный район, чтоб я в нем газеты разносил!

- о. что ж, это не очень красиво, но не думаю, чтобы народ тут был против.

- ты что - не понимаешь? да я же себе тут РЕПУТАЦИЮ построил! я жулик! я не могу позволить, чтобы меня тут видели с мешком говна за спиной!

- ох, я не думаю, чтоб у тебя такая уж РЕПУТАЦИЯ тут была! это ты просто себе вообразил.

- слушай, ты меня тут что - говном кормить собираешься? ты-то задницу в теплой постельке парила, пока я тусовался с толпой хуесосов!

- не сердись. мне надо пописять. подожди минутку.

я ждал снаружи, пока она сонно, по-женски мочилась. господи, как же они МЕДЛЕННО! пизда - очень несовершенная мочеиспускательная машина. член ее побивает только так.

Кэти вышла.

- пожалуйста, не беспокойся, Хэнк. я надену свое старое платье и помогу тебе разнести газеты. закончим быстро. люди допоздна спят по воскресеньям.

- но меня уже УВИДЕЛИ!

- тебя уже увидели? кто тебя видел?

- эта маленькая девочка из коричневого дома с сорняками на улице Вестморлэнд.

- ты имеешь в виду Майру?

- не знаю я, как ее зовут!

- ей всего 3 годика.

- не знаю я, сколько ей лет! она спросила про песика!

- что там еще с песиком?

- она спросила, ГДЕ он!

- пошли. я помогу тебе избавиться от этих газет.

Кэти уже влазила в старое драное платье.

- я уже от них избавился. все кончено. я выва-

лил их в ту брошенную машину.

- а тебя не поймают?

- ЕБАТЬ ИХ В РОТ! какая разница?

я зашел на кухню и взял себе пиво. а когда вернулся, Кэти снова лежала в постели. я сел в кресло.

- Кэти?

- у?

- ты просто не представляешь себе, с кем ты живешь! во мне - порода, настоящая порода! мне 34 года, но я ни разу не работал больше 6-7 месяцев кряду с тех пор, как мне исполнилось 18. и никаких денег. посмотри на мои руки! да у меня руки как у пианиста!

- порода? ПОСЛУШАЛ бы ты себя, когда ты пьяный! ты ужасен, ужасен!

- ты опять какое-то говно завариваешь, Кэти? да я тебя в мехах держу и стопроцентной пробе с тех самых пор, как откопал в этой рюмочной на Альварадо-стрит.

Кэти не ответила.

- фактически, - сообщил я ей, - я - гений, только никто этого, кроме меня, не знает.

- готова в это поверить, - ответила она, снова зарылась в подушку и уснула.

я допил пиво, открыл еще одно, затем про-

шел три квартала и сел на ступеньки закрытого гастронома, где, по утверждению карты, меня должны были подобрать. я просидел там с 10 утра до половины третьего. было скучно, сухо, глупо, мучительно и бессмысленно. в 2.30 приехал этот вонючий грузовик.

- эй. приятель?

- умм?

- ты уже закончил?

- умм.

- быстрый ты!

- ага.

- я хочу, чтобы ты помог тут одному парню закочить маршрут.

ох, блядь.

я залез в кабину, а потом он меня высадил. вот этот самый парень. он ПОЛЗАЛ. он кидал каждую газету с великим тщанием на каждое крыльцо. каждое крыльцо удостаивалось его собого внимания. и он, казалось, получал от своей работы удовольствие. оставался один квартал. я закончил эту бодягу за 5 минут. потом мы сидели и ждали грузовика. целый час.

нас отвезли обратно в контору, и мы снова расселись по школьным стульчикам.

затем вошли два сопляка с банками пива в

руках. один выкликал имена, другой вручал каждому деньги.

на доске за спинами у сопляков мелом было накарябано:

"ЛЮБОЙ, КТО ПРОРАБОТАЕТ НА НАС 30 ДНЕЙ ПОДРЯД НЕ ПРОПУСТИВ НИ ДНЯ ПОЛУЧИТ БЕСПЛАТНО КОМИССИОННЫЙ КОСТЮМ."

я наблюдал, как каждому вручают его деньги. это не может быть правдой. ПОХОЖЕ БЫЛО, что каждому отсчитывают по три однодолларовых банкноты. в то время по закону минимальным уровнем зарплаты был доллар в час. я уже стоял на том углу в 4.30 утра, сейчас на часах 4.30 пополудни. по мне, так это 12 часов.

мое имя назвали одним из последних. наверное, 3-им с конца. ни одна бичевская рожа не подняла шума. брали свои 3 бакса и шли прочь.

- Буковски! - завопил сопляк.

я подошел. другой сопляк отслюнил 3 очень чистеньких и хрустящих Вашингтона.

- слушайте, - сказал я. - вы что, парни, понятия не имеете, что существует закон о минимальной заработной плате? доллар в час.

сопляк поднес ко рту пиво.

- мы высчитываем за транспорт, завтрак и так далее. мы платим только за среднее рабочее

время, которое по нашим расчетам составляет примерно 3 часа.

- я потратил на вас 12 часов своей жизни. а теперь мне еще придется ехать автобусом до центра, чтобы забрать свою машину и вернуться домой.

- вам еще повезло, что у вас есть машина.

- а тебе повезло, что я не воткнул еще эту банку тебе в задницу!

- не я же политику компании устанавливаю, так что нечего на меня баллон катить.

- я на вас напишу жалобу в Комиссию по Труду штата!

- Робинсон! - заверещал второй сопляк.

предпоследний бичара поднялся со стульчика за своими 3 баксами, а я вышел наружу, на бульвар Биверли, ждать автобуса. к тому времени, как я вернулся домой и взял в руку стакан, стукнуло уже часов 6 или около того. я был так зол, что трахнул Кэти 3 раза. разбил окно. порезал ногу об осколки. пел песни из Гилберта и Салливэна[19], которые когда-то выучил у ненормального учи-

---

[19] notes: 19

Сэр Уильям Шенк Гилберт (1836-1911) - английский драматург и либреттист, известный серией комических опер, включая знаменитых "Пензанских пиратов"(1879), написанных совместено с композитором сэром Артуром Салливаном (1842-1900).

теля английского, который начинал свои уроки в 7 часов утра. Городской Колледж Лос-Анжелеса. его фамилия была Ричардсон, и, может, он и не был ненормальным. но Гилберту и Салливэну он меня научил, а еще поставил мне двойку с минусом по английскому за то, что я появлялся у него на уроках не раньше 7.30 с бодуна - КОГДА я вообще появлялся. но я не об этом. мы с Кэти немного повеселились в ту ночь, и несмотря на то, что я раскокал несколько вещей, мерзким и глупым, как обычно, я не был.

а в тот же вторник в Голливудском Парке я выиграл на скачках 140 долларов и снова стал своим обычным я: довольно легкомысленным возлюбленным, жуликом, игроком, исправившимся сутенером и тюльпановодом. я не спеша подъехал к дому, наслаждаясь остатками закатного солнца. затем продефилировал через заднюю дверь.

у Кэти в духовке стоял какой-то мясной рулет, много лука, еще какой-то срани, специй - как раз, в общем, как мне нравится. она склонилась перед плитой, и я цапнул ее за зад.

- ууууу...

- слушай, кроха...

- да-а?

она выпрямилась - с поварешки у нее в руке капало. я сунул десятку в вырез ее платья.

- я хочу, чтобы ты купила мне квинту виски.

- конечно, конечно.

- и немного пива и сигар. я послежу за едой.

она сняла фартук и удалилась на секунду в ванную. я слышал, как она мычит какой-то мотивчик. еще через секунду я сидел в своем кресле и слушал, как цокают ее каблучки по дорожке. рядом валялся теннисный мячик. я взял его и кинул об пол так, чтобы он отскочил в стену и срикошетил повыше. песик мой, 5 футов в длину и 3 футов в высоту, 1/2 волк, подпрыгнул в воздух, клацнули зубы, и мячик попался - под самым потолком. на мгновение пес, казалось, там завис. какая превосходная собака, какая превосходная жизнь. когда он грюкнулся на пол, я встал проверить рулет. с рулетом все было в порядке. со всем остальным - тоже.

ЛОШАЖЬЯ МАЗА БЕЗ ГОВНА

ладно, начались соревнования в Голливуд-Парке, я, естественно, съездил туда пару раз, а пейзаж там мало меняется: лошади выглядят так же, люди чуть похуже, игрок всегда - сочетание крайней самонадеянности, безумия и жадности. один из главных учеников Фрейда (не припомню сейчас его имени, помню только, что книжку читал) сказал, что азартная игра - подмена мастурбации. разумеется, проблема каждого лобового утверждения - в том, что оно легко может стать неправдой, отчасти правдой, ложью или увядшей гарденией. однако, наводя прицел на дамочек (между заездами), я действительно нахожу ту же самую странность: перед первым они сидят, опустив юбки как можно ниже, а с каждым последующим юбки карабкаются все выше и выше, пока, наконец, перед самым 9-м уже не требуется пускать в ход все способности, чтобы над какой-нибудь из милашек не снасильничать. ощущение ли мастурбации тому виной, или малюткам нужны бабки на прокорм и постой, - прямо не знаю. вероятно, всё сразу. я видел, как одна дама перепрыгнула через 2 или

3 ряда, оттопырив себе победителя, - с воплями, визгом, божественная, будто ледяная водка с грейпфрутом поверх бодуна.

- она свое получила, - сказала моя подружка.

- ага, - ответил я, - только лучше б, если бы я добрался туда первым.

тех из вас, кто не знаком с основными принципами ставок на скачках, позвольте отвлечь несколькими прописными истинами. сложность покидания средним человеком ипподрома с какими бы то ни было деньгами в кармане легко объясняется, если вы не поленитесь проследить за следующими тезисами: ипподром и правительство штата изымают в свою пользу грубо 15% с каждой долларовой ставки, плюс недодача. эти 15% делятся примерно пополам ипподромом и штатом. иными словами, 85 центов с каждого доллара возвращается владельцам выигрышных билетов. недодача - округление до десяти центов при выплате. другими словами, скажем, если тотализатор разбивает выплату до $16.84 на нос, то выигравшему достается 16.80, а 4 цента с каждого выигрыша идет куда-то в другое место. теперь: я не уверен, поскольку это никак не разглашается, но еще я верю, что при, скажем, выплате в $16.89 сама выплата - по-прежнему 16.80, а 9

центов уходит на сторону, только я в этом не уверен, а "Открытый Город", конечно же, сейчас не может себе позволить судиться за клевету - ни теперь, ни когда бы то ни было вообще, да и я тоже не могу, поэтому я не стану превращать это в утвердительное допущение, но если кто-либо из читателей "Открытого Города" имеет на руках факты, мне бы очень хотелось, чтобы он написал в "О.Г." и сообщил мне. эта грошовая недодача могла бы сделать миллионером любого из нас.

теперь возьмем среднестатистического олуха, пахавшего всю неделю и теперь стремящегося отхватить себе лишь чуточку везенья, развлеченья, мастурбации.

возьмем таких 40 штук, дадим каждому по 100 баксов и, допуская, что все они - среднестатистические ставкоделатели, что общий расклад базируется на 15%-ном поборе, и забывая о недодаче, получим, что 40 из них уйдут с 85 долларами. но так не получается: 35 уйдут почти полностью обнищавшими, один или два выиграют 85 или 150 долларов голимым везением того, что они напали на правильных лошадей, и никогда не узнают, как им это удалось. 3 или 4 остальных выйдут по нулям.

ладно, тогда кто же получает все эти деньги,

которые маленький игрок, всю неделю отпахавший на токарном станке с револьверной головкой или отводивший автобус, теряет? легко: делающие ставки конюшни, ставящие лошадей в плохой форме в такие позиции, которые выгодны им самим для выигрыша. конюшни не могут выжить за счет одних лишь призовых денег, то есть, большинство не может. дайте конюшне лучшую гандикаповую лошадь, и они - в игре, но даже тогда они вынуждены придерживать лошадей и прибегать к намеренно плохим заездам, чтобы скинуть балласт для заезда на лучшие бабки. иными словами, скажем, лучшая лошадь, на которую гандикаппер ипподрома нагрузил 130 фунтов к раннему заезду на 25,000 долларов, скорее всего проиграет этот заезд, но скинет его балласт к более позднему заезду на 100,000 долларов. ладно, эти утверждения доказать нельзя, но если вы последуете моим догадкам, то, быть может, заработаете немного денег или, по крайней мере, немного сэкономите. но именно конюшни должны состязаться в низших классах заездов с меньшими призами и маневрировать своими лошадьми за фиксированную цену. в некоторых случаях владелец лошади или лошадей сам не осознает такого маневрирования; это происходит

потому, что тренерам и конюшим, выгульщикам и жокеям для тренировок сильно недоплачивают (по времени и вложенным усилиям в сравнении с другими индустриями), и единственный способ поквитаться для них - это слевачить. ипподромы об этом знают и стараются поддерживать игру в чистоте, наводить на нее святой глянец честности, но несмотря на все их старания - не подпускать к дорожкам крутых, шулеров, синдикаты, операторов, толпу все равно натягивают "добряками". случается, какая-нибудь так называемая "свинья"

"просыпается" и выигрывает от 3 до 10 корпусов при ставке от 5 до 50 к 1. но это - всего лишь животные, не машины. поэтому есть оправдание, оправдание увозить с ипподрома в тачках миллионы, не облагаемые налогом. человеческая алчность не идет на убыль, она будет только продолжать себя подпитывать. будь проклята коммунистическая партия.

ладно, это, значит, само по себе паршиво. возьмем что-нибудь другое. помимо того, что автоматически неправда уже по самому своему инстинкту (спросите биржевого маклера - когда хотите знать, в каком направлении двигаться, двигайтесь прочь от большой толпы с маленьки-

ми, пугливыми, зажатыми в кулачке деньгами). что-нибудь другое - это вот что: возможная математика. возьмем долларовую базу - вы вкладываете первый доллар, получаете 85 центов.

автоматический побор. второй заезд - вам уже надо добавить 15 центов, а потом - еще один автоматический побор. возьмем теперь 9 заездов и возьмем 15%-ный побор, на основе выхода по нулям, с вашего первоначального доллара. просто ли это 9 раз по 15% или гораздо больше? чтобы мне это растолковать, понадобится какой-нибудь чувак из Калифорнийского Технического, а я не знаю ни одного чувака из Калифорнийского Технического. как бы то ни было, если вы за мной до сюда следили, то должны уже представлять себе, что "зарабатывать на жизнь" на ипподроме очень сложно, как бы этого ни хотелось каким-нибудь ясноглазым мечтателям.

я - человек "практичный": то есть, в любой день, на любом ипподроме кучу денег у меня отнять не получится; с другой стороны, заработаю я тоже немного.

естественно, у меня случаются хорошие розыгрыши, я буду последним придурком, если кому бы то ни было их открою, поскольку тогда они не будут работать. как только публика на что-то

набрасывается, оно издыхает, и все меняется. публике не разрешается выигрывать ни в одной игре, когда бы то ни было изобретенной, включая Американскую Революцию. но для читателей "Открытого Города" у меня есть несколько основных принципов, который могут сэкономить вам денег. внемлите.

а/. следите за прорывами своей подстилки. подстилка - это лошадь, уравнивающая шансы под утренней линией распорядителя бегов. иными словами, распорядитель вносит лошадь с шансами 10 к 1, а она срывает на 6 к 1. деньги - гораздо серьезнее, чем что бы то ни было еще. проверяйте своих подстилок тщательно, и если линия - не просто безответственная ошибка распорядителя, если лошадь не показывает в последнее время быстрой работы и не переключалась на "именного"

жокея, если она не сбрасывает вес и бежит против своего класса, возможно, что вы за свои деньги отымеете недурной заезд.

б/. отказывайтесь от замыкающих. это такая лошадь, которая, скажем, пришла к финишу в 5-10 корпусах от начального сигнала до конечного и все равно не выиграла, а потом возвращается против тех же самых или похожих. толпа лю-

бит "замыкающих" из-за страха, нехватки денег и глупости, но замыкающая - обычно лошадь дряблозадая, ленивая и обходит только усталых лошадей, которые бегут, стремясь попасть в передний эшелон. толпа не только обожает такие лошадиные отбросы, но и систематически ставит на них при шансах, меньших, чем 1/3 их цены.

несмотря даже на то, что такой тип лошадей постоянно вылетает, толпа из страха продолжает к ним идти, потому что зажимает деньги, отложенные на квартплату, а замыкающая, как они верят, обладает некоей сверхсилой. 90% скачек выигрываются лошадьми в переднем эшелоне или близко к переднему эшелону всех участников заезда, по правдоподобным и разумным ценам.

в/. если вам все-таки приходится ставить на "замыкающего", делайте это в заездах покороче, 6 или 7 фарлонгов[20], где, как считает толпа, у него нет времени "подняться". тут они жмут на скорость и снова застревают. 7 фарлонгов - лучший заезд для замыкающего во всем этом бизнесе, потому что тут только один вираж.

скоростная лошадь получает преимущество в том, что вырывается вперед и держит отрыв на

---

[20] notes: 20
Мера длины, равная 201,17 м.

поворотах. 7 фарлонгов с одним виражом и длинный обратный отрезок - идеальный забег для замыкающего; гораздо лучше мили с четвертью, даже лучше полутора миль. я вам отличный совет тут даю, надеюсь, вы к нему прислушаетесь.

г/. следите за своим тотализатором - деньги в американском обществе серьезнее смерти, и едва ли можно получить что-то за так. если лошадь внесена с шансами 6 к 1 на утренней линии, а стартует с шансом от 14 до 25 к 1, забудьте про нее.

либо распорядитель не похмелился, когда эту утреннюю линию выстраивал, либо конюшня просто не выходит на этот заезд. в этом мире ничего бесплатно не достается; если вы ничего не знаете о бегах, ставьте скорее на тех лошадей, которые стартуют близко к собственной утренней линии. крупные накладки равны нулю и практически невозможны. все бабуськи расходятся по домам жевать горькие гренки своими склеенными зубами, за которые плочено компенсацией фирмы по папиному свидетельству о смерти.

д/. ставьте только тогда, когда можете проиграть. я имею в виду, не ночуя потом на скамейке в парке или пропуская 3-4 обеда. самое главное сначала опустите себе квартплату. избегайте

давлений. вам повезет больше. и помните, что говорят профессионалы: "Если суждено проиграть, проигрывайте в первых рядах." иными словами, пускай они побьют вас. если все равно вам предстоит проиграть, ну его к черту. выводите своего танцора из ворот, вы уже почти выигрывали, пока вас не побили, пока вас не обошли. вознаграждение обычно щедро, поскольку публика терпеть не может тех, кого они называют "сачками", - лошадей, выводящих стаю на свет, но все равно потом умудряющихся проигрывать. это в их глазах выглядит плохо. для меня же "сачок" - любая лошадь, не выигрывающая заезд.

е/. любое убыточное предприятие основывается не на количестве победителей, которые у вас были, а на количестве победителей, которые у вас были за данную цену. на четверти цента строились целые империи. но возвращаясь к основам, у вас может быть три победителя 6 к 5 в 9 заездах, и вы можете вылететь, но может быть и один 9 к 1, и вы выкарабкаетесь. это не всегда означает, что 6 к 5 - плохая ставка, но если вы знаете о скачках мало или почти ничего, может быть, лучше всего будет придерживать ставки от 7 к 2 до 9 к 1. или если вам до зарезу необходимо слушаться диких капризов, держите свои ставки между 11 и

19 к 1. на самом деле, множество ставок 18-19 к 1 окупается, если вы найдете тех, кого надо.

в действительности же человеку никогда не дано достаточно знать ни о бегах, ни о чем-либо другом. думая, что он все знает, он только начинает. помню, как-то летом я выиграл 4 штуки в Голлипарке и поехал в Дель-Мар на новой машине, пижонистый, поэтичный, всезнающий, весь мир за яйца держал, и снял себе маленькй мотель возле моря, и появились дамы, как они всегда появляются, когда пьешь и много смеешься, и тебе наплевать, и деньжата у тебя водятся (дурак и деньги его вскоре расстаются), и я каждую ночь устраивал вечеринки, а каждую вторую ночь у меня заводилась новая девка, и шутка у меня тогда была такая: мотель стоял на самом берегу, и я говорил, напившись и наговорившись до упаду, говорил так:

"Крошка, я прихожу с ШОРОХОМ ПРИБОЯ!"

ЕЩЕ ОДНА ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ

сезон скачек в упряжке уже открылся, как выражаются, неделю или 2 назад, и я выезжал туда раз 5-6, вероятно, выходя в конце по нулям, а это просто дьявольская трата времени - всё, на самом деле, трата времени, если ты только не ебешься хорошо, не творишь хорошо, не живешь хорошо, или не ползешь к какому-нибудь призрачному любвесчастью. мы все закончим в засаленном горшке разгрома - хоть смертью его назови, хоть ошибкой. слова - не мое дело. хоть я и предполагаю, поскольку человек не перестает приспосабливаться к приливу, что мы можем назвать это опытом, даже если не уверены, что это мудрость. тогда, к тому же, человек всю жизнь может прожить в непрерывной ошибке, в каком-то оцепенелом состоянии ужаса. короче, вы видели такие лица. я видел свое собственное.

поэтому пока не спала тепловая волна, они по-прежнему там, эти игроки: раздобыли где-то немного денег, с большим трудом раздобыли, и теперь пытаются объегорить 15%-ный побор. иногда я думаю, что толпа загипнотизирована, что ей просто некуда больше пойти. а после

скачек они забираются в свои старые машины, разъезжаются по одиноким комнатешкам и смотрят там на стены, спрашивая себя, зачем они это сделали - стоптанные каблуки, гнилые зубы, язвы, тупорылые работы, мужчины без женщин, женщины без мужчин. сплошное говно.

посмеяться там тоже можно. не бывает без смеха. зайдя как-то в мужской туалет между заездами, я наткнулся на молодого человека: он давился от тошноты и орал в ярости:

- проклятый урод, какой-то проклятый урод не смыл за собой это говно! ОН ЕГО ТАК И ОСТАВИЛ! вот же урод, я захожу, а оно ТАМ! дома наверняка тоже так делает!

мальчишка вопил. все остальные стояли и занимались своим делом - ссали или мыли руки, думая о последнем заезде, или о следующем. я знаю придурков, которые придут в восторг, наткнувшись на горшок, полный свежих какашек. но так всегда получается - достается он не тому, кому надо.

другой день: я потею, сражаюсь, чешусь, молюсь, дрочусь, только бы удержаться в выигрыше баксов на 10-12, а это очень трудный заезд в упряжке, думаю, сами жокеи не знают, кто победит, а эта здоровая жирная баба, громогласный

кит здоровой вонючей ворвани просто, подваливает ко мне, прижимается к моему туловищу всем своим смердящим салом, суется мне в рожу 2-мя крошечными глазками, ртом и всем остальным и говорит:

- кто правит первой лошадью?

- кто правит первой лошадью?

- да, кто правит первой лошадью?

- черт бы вас побрал, дамочка, подите вон от меня, не доставайте. прочь! прочь!

она пошла. на ипподроме полно сумасшедших. некоторые приходят, как только открывают ворота. растягиваются на сиденьях или на лавках и спят все бега. ни одного заезда никогда не видят. потом поднимаются и идут домой. другие прогуливаются вокруг, лишь смутно осознавая, что тут какие-то бега происходят.

покупают себе кофе или просто стоят и лыбятся, будто из них всю жизнь вышибли и выжгли. или иногда смотришь: один такой стоит где-нибудь в темном углу, целую сосиску с булкой себе в глотку пихает, давится, кашляет, в полном восторге от того, какое свинство он тут развел. а в конце каждого дня видишь одного-двух, головы между колен. иногда они плачут. куда идут отсюда неудачники? кому они нужны?

в сущности, так или иначе, но каждый считает, что у него есть ключ к тому, как эту штуку обвести вокруг пальца, даже если иногда это ничем не подкрепленное допущение, что, мол, удача должна повернуться к ним лицом, некоторые играют на звезды, некоторые - на номера, некоторые - только на время, другие - на жокеев, или замыкающих, или на скорость, или на имена, или вообще бог знает на что. почти все они проигрывают, постоянно. почти весь их доход уходит прямо в машины тотализатора. у большинства этих людей непереносимо фиксированные эго - они уперто глупы.

1 сентября я выиграл несколько долларов. давайте просмотрим весь формуляр скачек. Мечта Энди выиграла первый на 9/2 от утренней линии из 10. хорошая игра.

неожиданные действия для битой лошади, бегущей от внешнего столба. 2-ой заезд - Джерри Перкинс, 14-летний жеребец, с которым никому неохота связываться из-за его возраста, падает в категорию 15-долларовых ставок. хорошая лошадь, последовательная в своем классе, но приходится брать 8/5 под утренней линией из четырех. выиграл легко. третий заезд выигран Особым Продуктом, лошадью, которая проры-

валась в своих последних четырех заездах с неравными шансами. вот и в этот раз он перешел на маховый шаг, подтянулся, выправился и все равно пришел, обойдя фаворита 3/5 Золотого Билла. могло бы оказаться хорошей ставкой, если вы созваниваетесь с Богом, и Бог в этом заинтересован. десять к одному. в четвертом заезде Хэл Ричард, стабильный 4-летка выиграл при трех к одному, выбив два шанса поравнее, показавших лучшее время, но никакой способности к победе. хорошая ставка. в пятом выигрывает Эйлин Колби после того, как Крохотная Звезда и Марсанд сбиваются, и толпа отсылает Апрельского Дурня на 3/5. Апрельский Дурень смог выиграть только четыре заезда из 32, и один местный гандикаппер определяет его как "лучшего, чем те, на пять корпусов". и все это во временном раскладе последнего заезда, когда Апрельский Дурень финиширует, выбиваясь на семь корпусов. толпу опять отымели.

потом в шестом заезде Мистеру Мёду дают утреннюю линию из 10, но отправляют как второй шанс из 5/2, и он побеждает легко, выиграв три из девяти в более сложном классе с равными шансами. Ньюпорт Бьюэлл, лошадь подешевле, отправляется с равными деньгами, поскольку в

последнем заезде замыкал при девяти к одному.

плохая ставка. толпа не понимает. в седьмом Биллз Снукамс, победитель в семи из девяти в своем классе и с ведущим наездником Фаррингтоном становится новым фаворитом для 8/5 - и это оправдано.

толпа сбивает ставки на Принцессу Сэмпсон до 7/2. эта лошадь выиграла только 6 заездов из 67. естественно, толпа снова обжигается.

Принцесса Сэмпсон показывает лучшее время в заезде покруче, но просто не хочет выигрывать. толпа торчит от времени. они не соображают, что время определяется шагом, а шаг - скромностью (или отсутствием ее) у ведущих жокеев. в восьмом Эббемайт Вин поднимается из тусовки четырех или пяти лошадей. то был открытый заезд, и именно в него мне не следовало бы влезать. в девятом публике дают отвязаться. Луэлла Примроуз. лошадь последовательно проваливалась с равными шансами и сегодня вышла на собственный шаг без конкурентов. 5/2. одна - за дам, как же они вопили. хорошенькое имечко. а они теряли свои панталоны на протяжении всего соревнования.

большинство формуляров разумны так же, как этот, и казалось бы, можно зарабатывать себе на

жизнь на бегах, невзирая на 15% сбора. однако, вас бьют внешние факторы. жара. усталость. люди опрокидывают пиво вам на рубашку. вопли.

на ноги наступают. женщины ноги оголяют. карманники. жучки. психи. я опережал на 24 доллара и шел прямо к девятому заезду, а в девятом игры не было.

у меня, уже уставшего, не хватило силы воли не лезть. еще до старта я спустил 16 баксов, приглядываясь, нащупывая победителя, который так и не появился. потом поиграть на меня напустили публику. 24 доллара в день меня не удовлетворяли. я как-то работал за 16 в неделю в Новом Орлеане. я недостаточно крепок, чтобы довольствоваться прибылью помягче, поэтому и вышел 8-долларовым победителем в тот день. не стоило борьбы: мог бы и дома остаться, бессмертное стихотворение написать.

человек, который может выиграть у ипподрома, может делать все, чего его душа пожелает. он должен обладать характером, знаниями, отстраненностью. но даже с этими качествами заезды круты, особенно, когда тебя ждет счет за квартиру, а язык твоей пробляди вывалился изо рта от нехватки пива. это капканы за капканами за капканами. бывают дни. когда случается

все невозможное. как-то они запустили по 50 к одному в первом заезде, 100 к одному - во втором и завершили день с 18 к одному в последнем заезде. когда пытаешься наскрести песо заплатить хозяину за квартиру, а также за картошку и яйца, после такого дня не хочешь, а почувствуешь себя имбецилом.

но если приходишь на следующий день, тебе подбрасывают шесть или семь вполне разумных победителей по нормальной цене. так постоянно бывает, только большинство не возвращается. тут требуется терпение, это трудная работа: думать нужно. это поле боя, а тебя может контузить. я как-то раз увидел там одного своего друга: взгляд остекленевший, весь выбит. день уже клонился к концу, формуляр был нормальный, но все как-то пролетело мимо него, и мне было ясно, что ставил он чересчур много, только чтобы выкарабкаться. он прошел мимо меня, не соображая, где вообще находится. я наблюдал за ним. он зашел прямиком в женский сральник. там завопили, и он выскочил. как раз то, что было нужно. это его вышибло, и он преспокойно захватил победителя в следующем заезде. но я бы не советовал такую систему всем неудачникам.

и смех там есть, и печаль. один старый прия-

тель подошел как-то ко мне.

- Буковски, - сказал он очень серьезно, - я хочу выиграть у лошадок прежде, чем умру.

волосы у него седые, совершенно седые, зубы выпали, и я мог разглядеть в нем себя лет через 15-20, если доживу.

- мне нравится шестая, - сказал он.

- удачи, - пожелал ему я.

и он выбрал жмурика, как обычно. безмазового фаворита, выигравшего всего один заезд из 15 стартов в том году. у общественных гандикапперов эта лошадь тоже наверху была. она выиграла 88,000 долларов в ПРОШЛОМ году. самое лучшее время. я поставил десять на победителя на Мисс Похотливый Город, победителя девяти заездов в этом году. Мисс Похотливый Город оплачивалась 4/1, безмазовый пришел последним.

старик снова подбежал ко мне, весь в ярости:

- какого дьявола! Парадные Тряпки бежал 2:01 и 1/5 в последний раз, и его бьет кобыла с 2:02 и 1/5! эту лавочку вообще пора закрыть!

он колотит по своей программке, рычит на меня. лицо у него так побагровело, что похоже на солнечный ожог. я отхожу от него, иду к окошечку кассы и получаю свою наличку.

когда я добираюсь до дому, в ящике лежит один

журнал, КУЗНЕЦ[21], который пародирует стиль моей прозы, и другой журнал, ШЕСТИДЕСЯТЫЕ, который пародирует мой поэтический стиль.

писанина? а это еще что такое, к чертовой матери? кого-то волнует или злит моя писанина. я оглядываюсь - ну, точно: в комнате стоит пишущая машинка. я - какой-то писатель, там существует другой мир - маневров, надувательства, групп и методов.

я пускаю теплую воду, залезаю в ванну, открываю пиво, открываю скаковый формуляр. звонит телефон. пускай звонит. для меня (для вас-то, может, и нет)

сегодня слишком жарко - как ебаться, так и выслушивать какого-нибудь малозначительного поэтишку. у Хемингуэя были свои преимущества. а мне дайте конскую задницу - она доберется туда первой.

---

[21] notes: 21

В 7-м номере журнала "The Smith" (15 октября 1966 г., стр.40-47) появился пасквильный опус Феликса Поллака "Письма от Чака Бука".

РОЖДЕНИЕ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ОДНОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ГАЗЕТЕНКИ

Сначала дома у Джона Хайанса встречались довольно часто, и я обычно заявлялся под газом, поэтому не очень много помню о зачатии Раскрытой Пизды, подпольной газетенки, и мне только много позже рассказали, что там произошло. Или, скорее, чего я натворил.

Хайанс:

- Ты сказал, что вычистишь сейчас всех отсюда, а начнешь с парня в кресле-инвалидке. Потом он заплакал, а народ стал расходиться. Ты ударил парня по голове бутылкой.

Черри (жена Хайанса):

- Ты отказывался уходить и выпил целую квинту виски, а также твердил, что выебешь меня, прислонив к книжному шкафу.

- И выеб?

- Нет.

- Ах, тогда в следующий раз.

Хайанс:

- Слушай, Буковски, мы тут пытаемся сорганизоваться, а ты только приходишь и все крушишь.

Ты - самый мерзкий пьянчуга, которого я в жизни видел!

- Ладно, с меня хватит. На хуй. Кому нужны газеты?

- Нет, мы хотим, чтобы ты делал колонку. Мы тебя считаем лучшим писателем в Лос-Анжелесе.

Я поднял стакан:

- Да это, ебаный в рот, оскорбление! Я сюда не оскорбления слушать пришел!

- Ладно, тогда, может быть, ты лучший писатель в Калифорнии.

- Ну вот, опять! По-прежнему меня оскорбляют!

- Как бы то ни было, мы хотим, чтобы ты делал колонку.

- Я - поэт.

- Какая разница - поэзия, проза?

- Поэзия говорит слишком много за слишком короткое время; проза говорит слишком мало и занимает слишком много.

- Нам нужна колонка в Раскрытую Пизду.

- Наливайте, и я с вами играю.

Хайанс налил. Я вступил в игру. Допил и пошел к себе в трущобный двор, размышляя о том, какую ошибку совершаю. Мне почти полтинник, а ебусь с этими длинноволосыми бородатыми сопляками. Ох, Господи, ништяк, папаша, ох ништяк!

Война - говно. Война - ад. Ёбть, так не воюй тогда. Я уже пятьдесят лет это знаю. Меня это так уже не возбуждает. О, и про дурь не забудьте. Про шмаль.

Ништяк, крошка!

У себя я нашел пинту, выпил, плюс четыре банки пива, и написал первую колонку.

Про трехсотфунтовую блядину, которую я как-то выеб в Филадельфии. Хорошая колонка получилась. Я исправил опечатки, сдрочил и лег спать...

Началось все в нижнем этаже двухэтажного дома, который снимали Хайансы. Возникли какие-то полудурочные добровольцы, затея была новой, и все от нее торчали, кроме меня. Я всё пристреливался к бабам на предмет задницы, но все они выглядели и вели себя одинаково - всем по девятнадцать лет, грязно-блондинистые, маленькие жопки, крошечные титьки, деловые, дуровые и, в каком-то смысле, чванливые, толком и не зная, с чего. Когда бы я ни возлагал на них свои пьяные лапы, они реагировали весьма прохладно. Весьма.

- Слушай, Дедуля, нам хочется, чтобы ты только одну штуку поднимал северовьетнамский флаг!

- А-а, из твоей пизды, наверное, все равно во-

няет.

- Ох, так ты в самом деле грязный старик! Ты в самом деле... такой отвратительный!

И они отходили прочь, покачивая у меня перед носом этими своими аппетитными яблочками ягодиц, а в руках держа - вместо моей славной лиловой головки - статью какого-нибудь малолетки про то, как легавые трясут на Сансет-Стрипе пацанов и отбирают у них батончики "Бэби Рут". Вот я какой - величайший из живущих на свете поэтов после Одена, а даже собаку в очко вдуть не могу...

Газета слишком распухала. Или же Черри начинала сипятиться, что я валяюсь на диване бухой и пожираю глазами ее пятилетнюю дочурку. Еще хуже стало тогда, когда дочурка начала забираться мне на колени, елозить там, заглядывая мне в лицо, и говорить:

- Ты мне нравишься, Буковски. Поговори со мной. Давай я тебе еще Пиво принесу, Буковски.

- Давай скорее, лапонька!

Черри:

- Слушай, Буковски, старый ты развратник...

- Черри, дети меня любят. Что я с этим сделаю?

Малышка, Заза, вбегала в комнату с пивом и снова лезла ко мне на колени. Я открывал банку.

- Ты мне нравишься, Буковски, расскажи мне сказку.

- Ладно, лапонька. Жили-были, значит, один старик и одна миленькая маленькая девочка, и заблудились они однажды вместе в лесу...

Черри:

- Слушай, старый развратник...

- Та-та, Черри, у тебя в голове действительно грязные мысли...

Черри побежала наверх искать Хайанса, который в это время срал.

- Джо, Джо, мы должны вывезти эту газету отсюда! Я не шучу!..

Они нашли незанятое здание сразу же, два этажа, и как-то в полночь, допивая портвейн, я подсвечивал фонариком Джо, пока тот взламывал телефонный щиток на стене дома и переключал провода, чтобы можно было, не платя, поставить себе отводные трубки. Примерно в это же время вторая в Л.А. подпольная газета обвинила Джо в том, что он украл второй экземпляр их подписного листа.

Разумеется, я знал, что у Джо есть и своя мораль, и принципы, и идеалы - именно поэтому он ушел из крупной городской газеты. Именно поэтому он бросил и вторую подпольную газету. Джо был

чем-то вроде Христа. Еще бы.

- Держи фонарик ровнее, - сказал он...

Утром у меня зазвонил телефон. То был мой приятель Монго, Гигант Вечного Торча.

- Хэнк?

- Ну?

- Ко мне Черри вчера ночью заходила.

- Ну?

- У нее был этот подписной лист. Она очень нервничала. Хотела, чтобы я его спрятал. Сказала, что Дженсен вышел на след. Я его спрятал в подвале, под пачкой набросков, которые Джимми-Карлик рисовал индийской тушью, пока не умер.

- Ты ее трахнул?

- Зачем? В ней одни кости. Эти ее ребра бы меня на ломтики располосовали, пока я бы ебся.

- Ну, ты ж ебал Джимми-Карлика, хотя в нем всего восемьдесят три фунта.

- В нем душа была.

- Да?

- Да.

Я повесил трубку...

Следующие четыре или пять номеров Раскрытая Пизда выходила с поговорками типа:

"МЫ ЛЮБИМ СВОБОДНУЮ ПРЕССУ ЛОС-

АНЖЕЛЕСА", "ОХ, КАК ЖЕ МЫ ЛЮБИМ СВОБОДНУЮ ПРЕССУ ЛОС-АНЖЕЛЕСА", "ЛЮБИТЕ, ЛЮБИТЕ, ЛЮБИТЕ СВОБОДНУЮ ПРЕССУ ЛОС-АНЖЕЛЕСА".

Любить стоило. Ведь они отымели их подписной лист.

Однажды вечером Дженсен и Джо пообедали вместе. Позже Джо сказал мне, что теперь все стало "в порядке". Уж не знаю, кто кому вставил или что происходило под столом. И мне было все равно...

А вскоре я обнаружил, что у меня есть и другие читатели помимо увешанных фенечками и бородами...

В Лос-Анжелесе стоит новое Федеральное Здание - стекловысотное, модерновое и полоумное, с кафковскими сериями комнат, и в каждой занимаются своими собственными жабодрочками; все кормится со всего остального и процветает как-то тепло и неуклюже, словно червячок в яблоке. Я заплатил свои сорок пять центов за полчаса парковки, или, скорее, мне вручили квитанцию на такое время, и вошел в Федеральное Здание. Внизу там размещались фрески, которые мог бы написать Диего Ривера, если бы ампутировали девять десятых его здравого смысла, - американские моряки, индейцы, солдаты ухмыляются, себя

не помня, стараются выглядить поблагороднее в своей дешевой желтизне, тошнотно-гнилостной зелени и обоссанной голубизне.

Меня вызывали в отдел кадров. Я знал, что не для повышения. Они взяли у меня письмо и усадили остывать на жесткий стульчик - на сорок пять минут. Это входит в их старую практику: у тебя в кишках говно, а у нас нет. К счастью, по прежнему своему опыту, я прочел бородавчатую вывеску и расслабился сам, представляя себе, как каждая проходящая мимо девка впишется в постель с задранными ногами или будет брать в рот. Вскоре между ног у меня возникло что-то огромное - ну, для меня огромное, - и я вынудил его смотреть в пол.

В конце концов меня вызвала очень черная, очень гибкая, хорошо одетая и приятная негритянка, с высоким классом и даже чуточкой души, чья улыбка сообщала, что она знает: сейчас меня выебут, - но помимо этого намекала, что и она сама не будет против подкинуть мне дырочку подглядеть. Мне стало легче. Не то, чтобы это имело значение.

И я вошел.

- Садитесь.

Мужик за столом. Все то же самое говно. Я сел.

- Мистер Буковски?

- Ну.

Он назвался. Меня это не заинтересовало.

Он откинулся на спинку кресла на колесиках, уставился на меня.

Я уверен, он ожидал увидеть кого-то помоложе и посимпатичнее, поцветистее, поинтеллигентнее на вид, повероломнее... Я же был просто стар, утомлен, незаинтересован, похмелен. Он сам выглядел серо и солидно, если вы знакомы с тем типом солидности, который я имею в виду. Никогда не дергал свеклу из земли с кучей батраков, не попадал в вытрезвитель раз по пятнадцать-двадцать. Не собирал лимоны в 6 утра без рубашки, потому что знал, что в полдень жара будет 110 градусов. Только нищим известен смысл жизни; богатым и обеспеченным приходится лишь догадываться. Странно, но тут я почему-то подумал о китайцах. Россия помягчела; может, только китайцы это и знают, выкапываясь с самого дна, устав от мягкого дерьма. Но опять-таки политики никакой у меня не было, тут еще одна наебка: история всех нас отымела, в конце концов. Меня же сделали заранее - испекли, выебли, выпотрошили, ничего не осталось.

- Мистер Буковски?

- Ну?

- Гм... Э-э... у нас есть один информатор...

- Ну? Продолжайте.

- ...который написал нам, что вы не женаты на матери своего ребенка.

Я вообразил его тогда за украшением новогодней елки со стаканом в руке.

- Это правда. Я не женат на матери моего ребенка возрастом четыре года.

- Вы платите алименты?

- Да.

- Сколько?

- Этого я вам не скажу.

Он снова откинулся.

- Вы должны понимать, что те из нас, кто состоит на службе правительства, должны поддерживать определенные стандарты.

Не чувствуя себя ни в чем виноватым, я не ответил.

Сидел и ждал.

О, где же вы, мальчики? Кафка, где ты? Лорка, застреленный на грязном проселке, где ты? Хемингуэй, утверждавший, что у него на хвосте ЦРУ, и никто ему не верил, кроме меня...

Тогда пожилая, солидная, хорошо отдохнувшая, никогда не дергавшая свеклу серость поверну-

лась, сунулась в маленький и хорошо отлакированный шкафчик у себя за спиной и вытащила шесть или семь экземпляров Раскрытой Пизды.

Он швырнул их на стол, будто вонючие обсифованные и изнасилованные какашки.

Постукал по ним одной не собиравшей лимонов рукой.

- Нас подвели к мысли, что ВЫ являетесь автором вот этих колонок Заметок Грязного Старика.

- Ну.

- Что вы можете сказать по поводу этих колонок?

- Ничего.

- И вы называете это писательством?

- Лучше у меня не получается.

- Что ж, я обеспечиваю сейчас двух сыновей, которые начали заниматься журналистикой в лучшем из колледжей, и я НАДЕЮСЬ...

Он постучал по листкам, по этим вонючим сраным листам тыльной стороной своей окольцованной, не знавшей фабрик и тюрем рукой и закончил:

- ...Я надеюсь, мои сыновья никогда не станут писать так, как ВЫ!

- У них не получится, - заверил его я.

- Мистер Буковски, наше собеседование окон-

чено.

- Ага, - сказал я. Зажег сигару, встал, поскреб себя по пивному брюху и вышел.

Второе собеседование случилось раньше, чем я ожидал. Я прилежно - как же еще?

- трудился над выполнением одного из своих важных малоквалифицированных заданий, когда громкоговоритель бухнул:

- Генри Чарлз Буковски, явиться в кабинет Начальника Смены!

Я бросил свое важное задание, взял у местного вертухая разрешение на отлучку и пошел в кабинет. Секретарь Начсмены, старый посеревший рохля, осмотрел меня:

- Вы действительно Генри Чарлз Буковски? - спросил он, явно разочарованный.

- Ну да, чувак.

- Следуйте за мной, пожалуйста.

Я последовал за ним. Большое это было здание. Мы спустились на несколько пролетов, обошли длинный зал и вступили в большую темную комнату, которая сливалась с другой большой и очень темной комнатой. Там в конце стола сидело двое, а стол длиной был, наверное, футов семьдесят пять. Сидели они под одинокой лампой. А в конце стола - один-единственный стул,

для меня.

- Можете войти, - сказал секретарь. И смылся.

Я вошел. Двое встали. Вот они мы, под одной лампой в темноте. Я почему-то подумал обо всех заказных убийствах.

Потом подумал: это же Америка, папаша, Гитлер уже умер. Или нет?

- Буковски?

- Ну?

Оба пожали мне руку.

- Садитесь.

Оттяг, крошка.

- Это мистер - - - - из Вашингтона, - сказал второй парень, один из местных главных засранцев.

Я ничего не ответил. Хорошая тут лампа. Из человеческой кожи?

Разговор повел мистер Вашингтон. У него с собой был портфель, внутри довольно много бумажек.

- Итак, мистер Буковски...

- Ну?

- Ваш возраст - сорок восемь лет, вы работаете на Правительство Соединенных Штатов уже одиннадцать лет.

- Ну.

- Вы были женаты на своей первой жене в тече-

ние двух с половиной лет, разведены, и женились на своей нынешней жене когда? Нам хотелось бы знать дату.

- Нет даты. Свадьбы не было.
- У вас есть ребенок?
- Ну.
- Сколько лет?
- Четыре.
- Вы не женаты?
- Нет.
- Вы платите алименты?
- Да.
- Сколько?
- Примерно как полагается.

Тут он откинулся на спинку, и мы просто посидели. Все трое не произнесли ни слова добрых четыре-пять минут.

Затем возникла стопка номеров подпольной газеты Раскрытая Пизда.

- Вы пишете эти колонки? Заметки Грязного Старика? - спросил мистер Вашингтон.

- Ну.

Он передал экземпляр мистеру Лос-Анжелесу.

- Вы этот видели?

- Нет-нет, не видел.

По верху колонки шагал хуй с ногами,

ОГРОМНЫЙ шагающий хуй с ногами. История была про одного моего друга, которого я выебал в жопу по ошибке, пьяный, свято веря, что он - одна из моих подружек. Две недели после этого я не мог выжить этого друга из своей квартиры. Подлинная история.

- И вы называете это писательством? - спросил мистер Вашингтон.

- Про писательство не знаю. Но мне показалось, что это очень смешная история.

Вам не показалось, что она юмористическая?

- Но это... эта иллюстрация сверху?

- Шагающий хуй?

- Да.

- Это не я рисовал.

- Вы не занимаетесь подбором иллюстраций?

- Газета верстается по вечерам во вторник.

- И вас по вечерам во вторник там нет?

- По вечерам во вторник я должен быть здесь.

Они немного подождали, полистали Раскрытую Пизду, просматривая мои колонки.

- Знаете, - произнес мистер Вашингтон, снова постукивая рукой по подшивке, - с вами все было бы в порядке, если б вы продолжали писать стихи, но когда вы начали писать вот это...

И он опять постучал по Раскрытым Пиздам.

Я прождал две минуты и тридцать секунд. Потом спросил:

- Нам что, сейчас следует официальных представителей почтовой службы считать новыми критиками литературы?

- О, нет-нет, - сказал мистер Вашингтон, - мы не это имели в виду.

Я сидел и ждал.

- От почтовых служащих ожидается определенное поведение. На вас устремлен Взгляд Общества. Вы должны служить примером примерного поведения.

- Мне представляется, - сказал я, - что вы угрожаете моей свободе самовыражения последующей потерей работы. Это может заинтересовать Профсоюз Почтовых Работников Калифорнии.

- Мы все равно бы предпочитали, чтобы вы не писали этих колонок.

- Господа, в жизни каждого человека наступает время, когда он должен выбрать, остаться ли ему стоять или пуститься в бегство. Я выбираю стоять.

Их молчание.

Ждем.

Ждем.

Шелест Раскрытых Пизд.

Затем мистер Вашингтон:

- Мистер Буковски?

- Ну?

- Вы еще собираетесь писать свои колонки о Почтовой Службе?

Я действительно написал о них одну, которую считал больше юмористической, нежели унизительной, - но, быть может, это у меня извращенный ум.

На этот раз я заставил их ждать. Потом ответил:

- Нет, если вы не вынудите меня к этому.

Тут уж они подождали. Какая-то шахматная партия допроса, где сидишь и надеешься, что противник совершит неверный ход: вывалит всех своих пешек, коней, ладей, короля, ферзя, кишки свои вывалит. (А тем временем, пока вы это читаете, моя чертова работа идет коту под хвост. Оттяг, крошка. Сдавайте доллары на пиво и венки в Фонд Реабилитации Чарлза Буковски по адресу...)

Мистер Вашингтон поднялся.

Мистер Лос-Анжелес поднялся.

Мистер Чарлз Буковски поднялся.

Мистер Вашингтон сказал:

- Мне кажется, собеседование окончено.

Мы все пожали друг другу руки, словно обезумевшие на солнцепеке змеи.

Мистер Вашингтон сказал:

- А пока не прыгайте ни с каких мостов...

(Странно: мне такая мысль и в голову не приходила.)

- ...у нас это первый случай за последние десять лет.

(Десять лет? Какому же мудозвону не повезло последним?)

- И что? - спросил я.

- Мистер Буковски, - произнес мистер Лос-Анжелес, - возвращайтесь к себе на рабочее место.

Я действительно поимел неспокойство (или надо - "беспокойство"?), пытаясь отыскать дорогу назад из этого кафковатого подземного лабиринта, а когда удалось, вокруг меня загоношились мои слабоумные сотрудники (все славные мудилы, впрочем):

- Эй, малыш, ты где это шлялся?

- Чего им надо было, папочка?

- Еще одну черную цыпу завалил, папаша?

Я ответил им Молчанием. У старого доброго Дядюшки Сэмми хоть чему-нибудь да научишься.

Они всё гоношились, бесились и ковырялись пальцами в своих мысленных задницах.

Перепугались в натуре. Я был для них Старым Наглецом, а если уж сломают Старого Наглеца, то любого из них сломать могут.

- Меня хотели сделать Почтмейстером, - сообщил им я.

- И что дальше, папуля?

- Я посоветовал им засунуть горячую какашку в засифоненную промежность.

Мимо прошествовал нарядчик прохода, и все они выразили своим видом должное послушание - кроме меня, кроме Буковски: я запалил сигару небрежным взмахом руки, швырнул спичку на пол и уставился в потолок, будто мне в голову приходят великие и замечательные мысли. Это была наебка; разум мой был совершенно пуст; хотелось мне только одного - полпинты Дедушки, да шесть-семь высоких стаканов холодного пива...

Ебучая газета росла - или казалось, что росла, - и уже переехала в новый дом на Мелроуз. Хотя я всегда ненавидел туда ходить сдавать материалы, поскольку все там были такими говнистыми, такими поистине говнистыми, надменными и не вполне правильными, ну, вы понимаете. Ничего не изменилось. История Человекозверя тянулась очень медленно. Они были таким же говном, как то, в которое я вступил, войдя впервые в редак-

цию студенческой газеты Городского Колледжа Лос-Анжелеса году в 1939-м или 40-м, - высокомерные тупицы, фу-ты ну-ты ножки гнуты, в колпачках из газетных листов, сидят, пишут тухлые глупые статьи. Такие важные - уже и не люди вовсе, чтобы заметить, что ты пришел. Газетчики всегда были отребьем породы; в уборщиках, подбирающих в сортирах за бабами тампоны из пизды, и то больше души - естественно.

Посмотрел я на этих уродов из колледжа, вышел вон, да так никогда и не вернулся.

Теперь. Раскрытая Пизда. Двадцать восемь лет спустя.

Статья в кулаке. За столом Черри. Черри говорит по телефону. Очень важно. Не могу разговаривать. Или же Черри не на телефоне. Что-то пишет на листке бумаги.

Не могу разговаривать. Та же самая всегдашняя наебка. За тридцать лет тарелка не разбилась. А Джо Хайанс бегает вокруг, свершает великие дела, носится вверх-вниз по лестницам. У него был свой угол где-то наверху. Довольно исключительный, разумеется. И с ним еще какой-нибудь бедный засранец в задней комнате, где Джо мог наблюдать, как тот на "Ай-Би-Эмке" готовит макет для печатников. Джо платил бедному

засранцу тридцать пять в шестидесятичасовую неделю, причем бедный засранец радовался, носил бороду и милые душевные глаза, бедный засранец вкалывал, не покладая рук, над этим третьесортным убогим макетом. А по интеркому на полную громкость ревели "Битлы", телефон постоянно звонил, Джо Хайанс, редактор, вечно УБЕГАЛ КУДА-ТО ПО КАКОМУ-ТО ВАЖНОМУ ДЕЛУ. Но когда на следующей неделе ты читал газету, оставалось непонятно, куда же он бегал. В газету это не попадало.

Раскрытая Пизда продолжала выходить - некоторое время. Колонки у меня получались по-прежнему хорошие, на сама газета оставалась полудурочной. Я уже нюхом чуял, как из этой пизды несет смертью...

Каждую вторую пятницу по вечерам проводились планерки. Я на нескольких покуражился. А когда узнал о результатах, просто вообще ходить перестал. Если газете хочется выжить, пускай живет. Я держался в стороне и только подсовывал конвертики со своим барахлом под дверь.

Потом Хайанс поймал меня по телефону:

- У меня идея. Я хочу, чтобы ты собрал лучших поэтов и прозаиков, которых знаешь, и мы выпустим литературное приложение.

Я их для него собрал. Он напечатал. А легавые арестовали тираж за "непристойность".

Но я - славный парень. Я поймал его по телефону:

- Хайанс?

- Чего?

- Поскольку тебя за эту штуку арестовали, я буду писать тебе колонку бесплатно.

Те десять баксов, которые ты мне платишь, пусть идут в фонд защиты Раскрытой Пизды.

- Большое спасибо, - ответил он.

Вот, пожалуйста - получил лучшего писателя Америки ни за хер собачий...

Потом как-то вечером мне позвонила Черри.

- Почему ты больше не ходишь к нам на планерки? Мы по тебе соскучились, ужасно.

- Что? К чертовой матери, Черри, что ты мелешь? Ты обдолбалась?

- Нет, Хэнк, мы все тебя любим - правда. Приходи на следующую.

- Я подумаю.

- Все без тебя мертво.

- И со мной смерть.

- Ты нам нужен, старик.

- Я подумаю, Черри.

Поэтому я объявился. Мысль эту мне подсказал

Хайанс, собственноручно: мол, поскольку у Раскрытой Пизды - первая годовщина, вина, пизды, жизни и любви будет в изобилии.

Но войдя уже готовеньким и предвкушая увидеть повсюду еблю на полу и любовь галопом, я обнаружил только этих маленьких лапочек за работой. Они сильно мне напомнили - такие сутулые и унылые - тех старух, что сидели и вышивали, а я доставлял им материю, пробираясь к ним наверх в старых лифтах, полных крыс и вонючих, которые приходилось тянуть тросами вручную, лет по сто им было, старых рукодельниц, гордых, мертвых и психованных, как вся преисподняя, что вкалывали, вкалывали, чтобы кого-нибудь сделать миллионером... в Нью-Йорке, Филадельфии, Сент-Луисе.

Но вот эти, на Раскрытую Пизду, эти вкалывали без зарплаты, а Джо Хайанс тут же, грубоватый и жирный, прохаживался взад-вперед за их спинами, заложив руки за спину, надзирая, чтобы каждый доброволец выполнял (выполняла) свои обязанности как полагается и точно.

- Хайанс! Хайанс, грязный ты хуесос! - заорал я, войдя. Работорговлю тут развел, ах ты паршивый

рыготный Саймон Легри[22]! От легавых, да от Вашингтона справедливости требуешь, а сам - поганейшая свинья из них всех! Ты Гитлер стократно, сволочь ты рабовладельческая! Пишешь о жестокостях и сам же их преумножаешь! Ты кого, к ебеням, обмануть хочешь, паскудина? Ты кем, к ебеням, себя считаешь?

К счастью для Хайанса, остальной персонал уже достаточно ко мне притерпелся: они считали, что все, что я говорю, - сплошные глупости, а Сам Хайанс - олицетворение Истины.

Сам Хайанс вошел и вложил мне в руку скрепкосшиватель.

- Садись, - сказал он. - Мы пытаемся увеличить тираж. Просто садись и цепляй вот такую зеленую листовку к каждому номеру. Мы рассылаем остаток тиража потенциальным подписчикам...

Старый добрый Любовничек Свободы Хайанс - разбрасывает свое говно методами большого бизнеса. Самому себе мозги промыл.

Наконец, он подошел и взял у меня сшиватель.

- Ты недостаточно быстро их подкалываешь.

- Еб твою мать, падла. Да тут повсюду шампанское должно было литься. А я вместо этого

---

[22] notes: 22

Жестокий работорговец из романа Гарриет Бичер-Стоу "Хижина дяди Тома".

скрепки жру...

- Эй, Эдди!

Он подозвал еще одного крепостного - худощекого, проволокорукого, скуднолицего.

Бедный Эдди голодал. Во имя Цели голодали все. Кроме Хайанса и его жены: те жили в двухэтажном доме и обучали одного из своих детей в частной школе, а кроме того в Кливленде жил старый Папуля, чуть ли не главный жмурик Торговца Равнин, у которого денег было больше, чем чего бы то ни было остального.

И вот Хайанс меня выгнал, а еще выгнал одного парня с маленьким пропеллером на тюбетейке, кажется, его Симпатягой Доком Стэнли звали, а также женщину Симпатяги Дока, и мы втроем без лишнего кипежа свалили через заднюю дверь, припивая из бутылочки дешевого винца, а нам вслед несся голос Джо Хайанса:

- И убирайтесь отсюда вон, и чтоб никто из вас сюда больше вообще никогда рыла не казал, но к тебе это не относится, Буковски!

Бедный ебилка, он знал, чем жива его газетка...

Потом грянул еще один рейд полиции. На сей раз - за то, что напечатали фотографию женской пизды. Хайанса, как обычно, перемкнуло. Ему хотелось вздуть тираж во что бы то ни стало - и в

то же время прикочить газету и свалить.

Тиски, которые он не мог нормально разжать, и они смыкались все туже и туже.

Газета, казалось, интересовала только тех, кто работал за так или за тридцать пять долларов в неделю. Тем не менее, Хайансу удалось закадрить пару молоденьких добровольцев, поэтому время прошло не напрасно.

- Почему б тебе не бросить свою паршивую работу и не перейти работать к нам? - спросил меня Хайанс.

- Сколько?

- Сорок пять долларов в неделю. Включая сюда твою колонку. Также вечерами по средам будешь развозить газету по ящикам, машина твоя, я плачу за бензин, и будешь писать по особым заданиям, пятница и суббота выходные.

- Я подумаю.

Из Кливленда приехал предок Хайанса. Мы вместе нарезались у Хайанса дома. И Хайанс, и Черри, казалось, очень недовольны Папулей. А Папуля лакал виски только так. Трава? Увольте. Я виски тоже лакал будь здоров. Мы пили всю ночь.

- Так, значит, убрать Свободную Прессу можно вот как: разбомбить их киоски, выгнать газет-

чиков с улиц, пару черепов проломить. Так мы в старину и поступали.

Башли у меня есть. Могу нанять несколько громил, настоящих архаровцев. Вот Буковски можем нанять.

- Черт бы вас побрал! - завопил Хайанс. - Я не желаю слышать такое дерьмо, понятно?

Папуля меня спросил:

- Что ты думаешь насчет моей идеи, Буковски?

- Я думаю, это хорошая мысль. Передай-ка сюда бутылочку.

- Буковски - ненормальный! - вопил Джо Хайанс.

- Ты же печатаешь его колонку, - возразил Папуля.

- Он лучший писатель в Калифорнии, - ответил молодой Хайанс.

- Лучший ненормальный писатель Калифорнии, - поправил его я.

- Сын, - продолжал Папуля, - у меня есть все эти деньги. Я хочу поддержать твою газету. Для этого надо только проломить несколько...

- Нет. Нет. Нет! - вопил Джо Хайанс. - Я этого не потерплю! - И он выбежал из дома. Замечательный все-таки человек Джо Хайанс. Убежал из дома. Я потянулся за следующим стаканом и

сообщил Черри, что сейчас выебу ее, прислонив к книжному шкафу. Папуля сказал, что будет секундантом. Черри крыла нас почем зря, пока Джо Хайанс улепетывал вниз по улице вместе со своей душой...

Газета худо-бедно продолжала выходить раз в неделю. Потом начался процесс по поводу фотографии женской пизды.

Прокурор спросил Хайанса:

- Вы бы стали возражать против орального совокупления на ступеньках Городской Ратуши?

- Нет, - ответил Джо, - но я, вероятно, остановил бы движение.

Ох, Джо, подумал я, это ты прощелкал! Надо было сказать: "Я бы предпочел оральное совокупление внутри Городской Ратуши, где оно обычно и происходит."

Когда судья спросил адвоката Хайанса, в чем смысл фотографии женского полового органа, адвокат Хайанса ответил:

- Ну, вот такая вот она. Такая она обычно и бывает, папаша.

Они проиграли дело, разумеется, и подали апелляцию на новое слушание.

- Это наезд, - объяснял Джо Хайанс нескольким разрозненным репортерам, столпившимся во-

круг. - Простой полицейский наезд.

Светоч интеллекта - Джо Хайанс...

Дальше Джо Хайанса я услышал по телефону:

- Буковски, я только что купил пистолет. Сто двадцать долларов. Прекрасное оружие. Я собираюсь кое-кого убить!

- Где ты сейчас находишься?

- В баре, возле газеты.

- Сейчас буду.

Когда я туда доехал, он расхаживал взад-вперед возле бара.

- Пошли, - сказал он. - Я куплю тебе пива.

Мы сели. Народу - навалом. Хайанс говорил очень громко. Слышно его было аж до самой Санта-Моники.

- Да я ему все мозги по стенке размажу - я этого сукина сына порешу!

- Какого сукина сына, парнишка? Зачем ты хочешь его убить, парнишка?

Он смотрел прямо перед собой, не мигая.

- Ништяк, детка. За что ты кончишь этого сукина сына, а?

- Он с моей женой ебется, вот зачем!

- О.

Он еще немного полыбился перед собой. Как в кино. Только не так клево, как в кино.

- Прекрасное оружие, - сказал Джо. - Вставляешь вот эту маленькую обойму.

Десять патронов. Можно очередью. От ублюдка мокрого места не останется!

Джо Хайанс.

Этот чудесный человек с большущей рыжей бородой.

Ништяк, крошка.

Как бы там ни было, я у него спросил:

- А как же все эти антивоенные статьи, что ты печатал? Как же любовь? Что произошло?

- Ох, да хватит же, Буковски, ты же сам никогда в это пацифистское говно не верил?

- Ну, я не знаю... Не совсем, наверное.

- Я предупредил этого парня, что убью его, если он не отвянет, а тут захожу, а он сидит на кушетке в моем собственном доме. Вот ты бы что сделал?

- Ты же это все превращаешь в личную собственность, разве не понятно? На хуй.

Забудь. Уйди. Оставь их вместе.

- Ты что, так и поступал?

- После тридцати - всегда. А после сорока уже легче. Но когда мне было двадцать, я сходил с ума. Первые ожоги болят сильнее всего.

- Ну а я прикончу сукиного сына! Я вышибу ему все его проклятые мозги!

Нас слушал весь бар. Любовь, кроха, любовь.

Я сказал ему:

- Пошли отсюда.

За дверями Хайанс рухнул на колени и испустил четырехминутный истошный вопль, от которого молоко сворачивалось. Слыхать было до Детройта. Потом я его поднял и повел к своей машине. Дойдя до дверцы со своей стороны, Джо схватился за ручку, снова упал на колени и еще раз взвыл сиреной до Детройта. Залип на Черри, бедняга. Я поднял его, усадил в машину, влез с другой стороны, отвез на север до Сансета, затем на восток по Сансету, и возле светофора, на красный свет, в аккурат на углу Сансета и Вермонта он выпустил третий. Я зажег сигару. Остальные водители смотрели, как вопит рыжая борода.

Я подумал: он не остановится. Придется его вырубить.

Но когда свет сменился на зеленый, он перестал, и я двинул оттуда. Он сидел и всхлипывал. Я не знал, что сказать. Сказать было нечего.

Я подумал: отвезу его к Монго, Гиганту Вечного Торча. Из Монго говно через край хлещет. Может, и на Хайанса капнет. Что до меня, то с женщиной я не жил уже года четыре. Уже слишком далеко отъехал, чтоб разглядеть, как оно бывает.

Заорет в следующий раз, подумал я, и я его вырублю. Еще одного вопля я не вынесу.

- Эй! Мы куда едем?

- К Монго.

- О, нет! Только не к Монго! Терпеть его не могу! Он будет надо мной смеяться!

Жестокий он сукин сын!

Его правда. У Монго - хорошие мозги, только жестокие. До добра не доведет.

Справиться с ним я не смогу. Мы ехали дальше.

- Слушай, - сказал Хайанс. - У меня тут подружка недалеко. Пара кварталов на север. Высади меня. Она меня понимает.

Я свернул на север.

- Послушай, - сказал я. - Не убивай этого парня.

- Почему это?

- Потому что ты - единственный, кто будет печатать мою колонку.

Я довез его до места, высадил, подождал, пока откроется дверь, и только после этого уехал. Хороший кусочек жопки его умиротворит. Мне тоже бы не помешало...

Потом я услышал Хайанса, когда он съехал из дома.

- Я больше не мог. Посуди сам: как-то вечером

залез я в душ, собираюсь выебать ее, мне хотелось хоть какую-то жизнь в ее кости впердолить, и знаешь что?

- Что?

- Выхожу я из душа, а она из дому сбегает. Нет, какая все-таки сука!

- Слушай, Хайанс, я знаю эту игру. Я не могу ничего сказать против Черри, потому что ты и глазом моргнуть не успеешь, как вы уже опять вместе окажетесь, и тут ты вспомнишь все гадости, которые я про нее говорил.

- Я никогда не вернусь.

- Ага.

- Я решил не убивать ублюдка.

- Хорошо.

- Я вызову его на боксерский бой. По всем правилам ринга. Рефери, ринг, перчатки и прочее.

- Ладно, - сказал я.

Два быка дерутся за телку. К тому же - костлявую. Но в Америке телка зачастую достается неудачнику. Материнский инстинкт? Бумажник толще? Член длиннее? Бог знает...

Пока Хайанс сходил с ума, он нанял парня с трубкой и галстуком, чтобы газета не зачахла. Но очевидно было, что Раскрытая Пизда еблась в последний раз. Дела же никому не было, кроме

народа за 25-30 долларов в неделю, да бесплатных помощников. Они от газеты кайфовали. Сильно хорошей она не была, но и плохой назвать ее было нельзя. Видите ли, там же колонка моя была: Записки Грязного Старика...

И трубка с галстуком газету вытащил. Выглядела она точно так же. А я тем временем продолжал слышать:

- Джо и Черри снова вместе. Джо и Черри снова разошлись. Джо и Черри опять соединились. Джо и Черри...

Потом как-то промозглым вечером в среду я вышел купить в киоске Раскрытую Пизду.

Я написал одну из лучших своих колонок и хотел убедиться, хватило ли у них кишок ее напечатать. В киоске имелся только номер за прошлую неделю. В смертельно-синем воздухе я ощутил: игра окончена. Я купил две упаковки Шлица, вернулся к себе и выпил за упокой. Хоть я и был всегда готов к концу, он застал меня врасплох. Я подошел, содрал со стены плакат и швырнул его в мусорное ведро:

"РАСКРЫТАЯ
ПИЗДА. ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ ЛОС-АНЖЕЛЕССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ."

Правительству не стоит больше волноваться. Я

снова стал великолепным гражданином.

Тираж двадцать тысяч. Если б мы сделали шестьдесят - без семейных напрягов, без полицейских наездов, - мы бы вылезли. А мы не вылезли.

На следующий день я позвонил в редакцию. Девчонка на телефоне была в слезах:

- Мы пытались найти вас вчера вечером, Буковски, но никто не знает, где вы живете. Это ужасно. Все кончено. Конец. Телефон звонит все время. Я тут одна осталась. Вечером в следующий вторник мы проведем планерку, попытаться оживить газету. Но Хайанс забрал всё - все статьи, подписной лист и машину Ай-Би-Эм, которая ему не принадлежала. Нас обчистили. Ничего не осталось.

Ох, у тебя милый голосок, крошка, такой грустный-грустный милый голосок, хорошо б тебя выебать, подумал я.

- Мы думаем, может, нам газету для хиппи начать. Подполье сдохло. Появитесь, пожалуйста, дома у Лонни во вторник вечером.

- Попробую, - ответил я, зная, что меня там не будет. Вот оно, значит, как - почти два года. И всё. Легавые победили, город победил, правительство победило.

Порядочность снова вышла на улицы. Может, фараоны престанут меня штрафовать при одном

виде моей машины. И Кливер перестанет слать нам записочки из своего убежища. И повсюду можно будет купить Лос-Анжелес Таймс. Господи Иисусе Христе и Царица Небесная, Жизнь - Печальная Штука.

Но я дал девчонке свой адрес и номер телефона в надежде, что когда-нибудь у нас с нею получится на матрасе. (Харриет, ты так и не приехала.)

Однако, приехал Барни Палмер, политический обозреватель. Я впустил его и откупорил пиво.

- Хайанс, - сказал он, - вложил в рот пистолет и нажал на курок.

- И что?

- Заело. Поэтому пистолет он продал.

- Мог бы еще разок попробовать.

- Да тут и на один раз храбрости должно хватить.

- Ты прав. Прости. Ужасный бодун.

- Хочешь знать, что произошло?

- Конечно. Это ведь и моя смерть.

- Ладно, значит, во вторник вечером пытаемся мы номер подготовить. Твоя колонка у нас была, и слава Христу, длинная, потому что материалов не хватало. Могли все страницы не заполнить. Появился Хайанс, глаза стеклянные, вина перепил. Они с Черри снова разбежались.

- Бр-р.

- Ну. Ладно, страницы пустые. А тут Хайанс еще постоянно под ногами путается. В конце концов, поднялся наверх и вырубился на диване. Только он свалил, как номер начал собираться. Мы закончили, сорок пять минут остается, чтоб в типографию успеть. Я говорю: давайте я отвезу. И тут знаешь что?

- Хайанс проснулся.

- Откуда ты знаешь?

- Вот такой уж я.

- Короче, он стал настаивать, что отвезет номер в типографию сам. Закинул все в машину, но до типографии так и не доехал. Мы на следующий день приходим, а на столе записка, и всё вычищено - Ай-Би-Эм, подписной лист, всё...

- Я слышал. Ладно, давай на это так посмотрим: он всю эту чертовню заварил, значит, вправе и закончить.

- Но Ай-Би-Эм-то - не его. За нее он может запопасть.

- Хайанс привык запопадать. Он от этого цветет и пахнет. У него вся яйца в кучку собираются. Слышал бы ты, как он орет.

- Но дело-то во всех этих маленьких людях, Бук, в тех, кто за двадцать пять баксов в неделю вка-

лывает, кто все бросил, чтобы газета выходила. У которых подметки картонные. Кто на полу спит.

- Маленьких людей постоянно в очко вдувают, Палмер. Такова история.

- Ты говоришь, как Монго.

- Монго обычно бывает прав, хоть он и сукин сын.

Мы еще немного поговорили, и все закончилось.

В тот вечер на работе ко мне подошел черный верзила.

- Эй, братан, я слыхал, твоя газета накрылась.

- Точно, братан, а где ты слыхал?

- В Л.А.Таймс, первая страница второй секции. Вот они радуются, наверное.

- Наверное.

- Нам ваша газета нравилась, чувак. И твоя колонка тоже. Настоящий крутняк.

- Спасибо, братан.

В обеденный перерыв (10:24 вечера) я вышел и купил Л.А.Таймс. Перешел с нею через дорогу в бар, взял себе кружку пива за доллар, зажег сигару и подошел к тому столику, где светлее:

РАСКРЫТУЮ ПИЗДУ ЗАШКАЛИЛО

Раскрытая Пизда, вторая крупнейшая подпольная газета Лос-Анжелеса, перестала выходить,

сообщила в четверг ее редакционная коллегия. Газета не дожила 10 недель до своей второй годовщины.

"Крупные долги, проблемы с распространением и 1.000-долларовый штраф за непристойность по приговору суда в октябре месяце способствовали распаду газеты," заявил Майк Энгел, исполнительный редактор газеты. По его оценкам, последний тираж газеты составил 20.000 экземпляров.

Однако, Энгел и другие члены редколлегии убеждены, что Раскрытая Пизда могла бы продолжать выходить, если бы не решение о закрытии, принятое Джо Хайансом, ее 35-летним владельцем и главным редактором.

Когда сотрудники прибыли в среду утром в редакцию газеты (Мелроуз-Авеню, д.

4369), они обнаружили записку Хайанса, которая, в частности, гласила:

"Газета уже выполнила свою художественную миссию. В политическом же смысле она, к тому же, тоже никогда не была эффективна. То, что происходило на ее страницах в последнее время, - ничем не лучше того, что мы печатали год назад.

Как художник, я вынужден отвернуться от работы, которая не становится лучше...

несмотря даже на то, что это творение моих собственных рук, и на то, что она приносит хлеб (деньги)."

Я допил кружку и отправился на свою государственную службу...

Через несколько дней у себя в почтовом ящике я обнаружил записку:

10:45 утра, понедельник

Хэнк

Сегодня утром в почтовом ящике я нашел записку от Черри Хайанс. (Меня не было дома все воскресенье и ночь на понедельник.) Она говорит, что дети у нее, что она болеет и у нее крупные неприятности по адресу Дуглас-Стрит, - - - -. Я не могу найти Дуглас-Стрит на этой ебаной карте, но хотел дать тебе знать об этой записке.

Барни

Пару дней спустя зазвонил телефон. Не тетка в течке. Барни.

- Эй, Джо Хайанс в городе.

- Мы с тобой - тоже, - ответил я.

- Джо вернулся к Черри.

- Вот как?

- Они собираются переезжать в Сан-Франциско.

- Давно пора.

- Газета для хиппи провалилась.

- Ага. Прости, что у меня не получилось. Надрался.

- Нормально. Но послушай, мне сейчас одну статью заказали. Как только закончу, я хочу с тобой связаться.

- Зачем?

- У меня есть спонсор с пятьюдесятью штуками.

- С пятьюдесятью?

- Ну. Реальные деньги. Он хочет это сделать. Он хочет начать еще одну газету.

- Держи меня в курсе, Барни. Ты мне всегда нравился. Помнишь, как мы с тобой закиряли у меня в четыре, проговорили всю ночь и закончили только в одиннадцать утра?

- Ага. Дьявольская ночка была. Для старика ты кого хочешь перепьешь.

- Ну.

- Как только я эту херню закончу, дам тебе знать.

- Ага. Держи связь, Барни.

- Буду. А ты тем временем просыхай.

- Конечно.

Я сходил в сортир и прекрасно просрался по пиву. Потом лег в постель, сдрочил и заснул.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПАЛАТЕ

Скорая была переполнена, но мне нашли место на самом верху, и мы двинулись. Я блевал кровью в больших количествах и боялся, что наблюю на людей ниже меня. Мы ехали и слушали сирену. Звучала она в отдалении, как будто и не от нашей кареты.

Мы ехали в окружную больницу - все вместе. Бедные. Объекты благотворительности.

С каждым что-то не так по отдельности, и некоторые оттуда уже не вернутся. Общее в нас только одно - мы все бедны, и шансов у нас немного. Нас туда упаковали. Я никогда в жизни не представлял, что в скорую помощь может войти столько людей.

- Господи Боже мой, ох Господи Боже мой, - доносился до меня снизу голос черной тетки. - Никогда не думала, что со МНОЙ так будет! Никогда не думала, что такое будет Господи...

Мне так не казалось. Уже некоторое время я заигрывал со смертью. Не могу сказать, чтоб мы

были закадычными приятелями, но знакомы неплохо. Она придвинулась ко мне чуть поближе и чуть побыстрее в ту ночь. Звоночки звенели:

боль саблями тыкалась мне в живот, но я не обращал внимания. Я считал себя крутым парнем, и боль для меня - просто невезуха: я ее игнорировал. Боль я просто заливал сверху виски и продолжал заниматься своим делом. Моим делом было напиваться. Виски-то меня и доконало: надо было держаться вина.

Кровь, идущая изнутри, - не такого ярко-красного цвета, как, скажем, из пореза на пальце. Кровь изнутри - темная, лиловая, почти черная и воняет хуже говна.

Вся эта жизнетворная жидкость - и смердит похлеще пивного говна.

Я почувствовал, как подступает еще один спазм рвоты. Ощущение такое же, будто блюешь пищей, и когда выходит кровь, становится легче. Но это всего лишь иллюзия... каждый извергнутый глоток крови только ближе подводит тебя к Папе Смерти.

- Ох Господи Боже мой, никогда не думала...

Кровь подступила, и я удержал ее во рту. Я не знал, что делать. С верхней полки друзей внизу вымочить можно только так. Я держал кровь

во рту, пытаясь что-нибудь придумать. Скорая свернула за угол, и кровь закапала у меня из уголков рта. Что ж, соблюдать приличия нужно даже при смерти. Я взял себя в руки, закрыл глаза и заглотил кровь обратно. Стало тошно. Но проблему я решил.

Надеялся я на одно - что мы скоро приедем куда-нибудь, где можно будет стравить следующую порцию.

Ни одной мысли о смерти, на самом деле, у меня не было; единственными мыслями были (была) вот какая: это ужасно неудобно, я больше не контролирую происходящее. Шансы сузились, тобой помыкают, как хотят.

Скорая доехала, я оказался на столе и мне начали задавать вопросы: каково мое вероисповедание? где я родился? не задолжал ли я округу $$$ за предыдущие визиты в их больницу? когда я родился? родители живы? женат? ну и прочее, сами знаете.

С человеком беседуют, будто он в полном здравии; даже вида не подают, что подыхаешь. И явно не торопятся. Успокаивать-то оно успокаивает, но поступают так они не поэтому: им просто скучно и совершенно наплевать, подохнешь ты, взлетишь или перднешь. Хотя нет, последнее бы

им не понравилось.

Потом я оказался в лифте, и дверь открылась, по всей видимости, в какой-то темный погреб. Меня выкатили. Положили на кровать и ушли. Непонятно откуда возник санитар и дал мне маленькую белую пилюлю.

- Примите, - сказал он. Я ее проглотил, он дал мне стакан воды и испарился.

Милосерднее этого со мной не поступали очень долго. Я откинулся на подушку и обнаружил то, что меня окружало. Стояло 8 или десять кроватей, все заняты американцами мужского пола. У каждого на тумбочке - жестяное ведерко с водой и стакан. Простыни выглядели чистыми. Там было очень темно и холодно - в точности как в подвале многоквартирного дома. Горела одна-единственная маленькая лампочка без плафона. Рядом лежал здоровенный мужик, старый, далеко за полтинник, но какой же он был огромный; хотя большую часть его огромности составляло сало, ощущение большой силы от него исходило. К кровати его пристегнули ремнями. Он смотрел прямо вверх и разговаривал с потолком.

- ...а такой славный мальчуган был, чистенький славненький мальчуган, работа ему нужна была, говорит: работа нужна, а я говорю: "Ты

мне нравишься, парнишка, нам нужен хороший жарщик, хороший честный жарщик, а я честных по лицу узнаю, парнишка, я характер по лицу могу сказать, будешь работать со мной и моей женой, и хоть всю жизнь тут работай, парнишка..." а он говорит: "отлично, сэр" - вот так прям и сказал, и похоже, доволен был, что такая работа ему перепала, а я говорю: "Марта, мы тут себе хорошего мальчика нашли, славного аккуратного мальчика, он в кассу не будет лапы запускать, как остальные мерзавцы эти".

Значит, выхожу я и закупаю цыплят, хорошенько так цыплят закупаю. У Марты много чего из цыплят выходит, она их как волшебной палочкой готовит. Полковник Сандерс рядом и на 90 футов не стоит. Пошел я и купил 20 цыплят на эти выходные. Хорошие выходные хотели себе устроить, специальный куриный день, 20 цыплят, значит, выхожу я и покупаю. Да мы бы Полковника Сандерса разорили. За такие хорошие выходные и 200 баксов чистой прибыли огрести можно. Мальчишка даже помог нам ощипать их и порезать - сам вызвался причем. У нас с Мартой-то своих детей нет.

А мне парнишка по-настоящему уже начинал нравиться. В общем, Марта сварганила этих цып-

лят на заднем дворе, все приготовила... 19 разных блюд из курицы, у нас эти цыплята только из задницы не лезли. Парню оставалось только все остальное приготовить, типа бургеров там, стейков, ну и всего остального. С цыплятами мы развязались. И ей-богу, здоровские выходные у нас получились. Вечер в пятницу, суббота, воскресенье. Парнишка работал хорошо, приятный, к тому же.

Обходительный такой. Шуточки смешные отпускал. Звал меня Полковником Сандерсом, а я его звал сынком. Полковник Сандерс и Сын - во как. Когда в субботу вечером закрылись, уработались мы, как черти, но были довольны. Цыплят всех размели, к чертовой матери, до кусочка. Яблоку упасть негде было, люди ждали своей очереди за столик сесть, никогда раньше такого не видел. Я дверь запер, достал квинту хорошего виски, сели мы, усталые, но счастливые, пропустили по маленькой.

Парнишка вымыл все тарелки, пол подмел. Говорит: "Ладно, Полковник Сандерс, завтра во сколько приходить?" Улыбается. Я говорю: в полседьмого утра, он свою кепку забирает и уходит. "Чертовски приятный мальчуган, Марта," говорю я, подхожу к кассе выручку подсчитать. А

касса - ПУСТАЯ! Правильно, я так и сказал: "Касса - ПУСТАЯ!" И ящик сигарный, с выручкой за два предыдущих дня - его он тоже нашел. Такой аккуратненький мальчик... Не понимаю... Я ж сказал ему:

хоть всю жизнь работай, так ему и сказал. 20 цыплят... Уж Марта знает, как их готовить... А мальчонка этот, срань куриная, сбежал со всеми этими деньгами проклятущими, мальчонка этот...

Потом он заорал. Я слышал, как орет огромное число людей, но ни разу не слышал, чтобы орали так. Он поднимался, натягивая ремни, и орал. Ремни чуть не лопались.

Вся кровать дребезжала, рев его рикошетом от стен обрушивался на нас. Мужик был в тотальной агонии. Причем, орал не по чуть-чуть. Рев был долгим, он все длился и длился. Потом прекратился. Мы - 8 или десять американцев мужского пола - вытянулись на своих кроватях, наслаждаясь тишиной.

Потом он заговорил снова:

- Такой славный мальчуган был, мне он понравился. Говорю ему: работай у нас хоть всю жизнь. Он еще шуточки отпускал, приятный такой, обходительный. Я пошел и купил 20 этих

цыплят. 20 цыплят. За хорошие выходные можно 200 огрести. А у нас 20 цыплят было. Парнишка меня Полковником Сандерсом звал...

Я перегнулся за край кровати и срыгнул глоток крови...

На следующий день объявилась медсестра, выцепила меня и помогла перебраться на каталку. Я по-прежнему блевал кровью и был довольно слаб. Она вкатила меня в лифт.

Техник встал за свою машину. В живот мне ткнули каким-то острием и сказали стоять. Я чувствовал сильную слабость.

- Я слишком слабый, я не могу встать, - ответил я.

- Стойте и всё, - сказал техник.

- Мне кажется, я не могу, - сказал я.

- Стойте спокойно.

Я ощутил, как начинаю медленно заваливаться назад.

- Я падаю, - сказал я.

- Не падайте, - сказал он.

- Стойте тихо, - сказала сестра.

Я завалился назад. Как резиновый. Когда я ударился об пол, то ничего не почувствовал. Я ощущал только легкость. Возможно, я и был нетяжелым.

- Ох, черт побери! - сказал техник.

Сестра помогла мне подняться и прислонила к машине, острие по-прежнему упиралось мне в живот.

- Я не могу стоять, - сказал я. - Я, наверное, умираю. Я не могу встать. Мне очень жаль, но встать я не могу.

- Стойте тихо, - сказал техник, - просто стойте и всё.

- Стойте спокойно, - сказала сестра.

Я почувствовал, как падаю. И завалился назад.

- Простите, - сказал я.

- Черт бы вас побрал! - завопил техник. - Я из-за вас две пленки запорол! А эти проклятые пленки денег стоят!

- Простите, - сказал я.

- Заберите его отсюда, - сказал техник.

Сестра помогла мне подняться и снова уложила на каталку. Мыча что-то себе под нос, она вкатила меня в лифт, по-прежнему мыча.

Из этого подвала меня действительно забрали и положили в большую палату, очень большую. В ней умирало человек, наверное, 40. Провода к кнопкам были обрезаны, и громадные деревянные двери, толстые деревянные двери, покрытые с обеих сторон листами жести, отделяли нас от

медсестер и врачей. На моей кровати закрепили бортики и попросили меня пользоваться подкладным судном, но подкладное судно мне не нравилось, особенно мне не нравилось блевать в него кровью, а еще меньше - срать туда. Если кто-нибудь когда-нибудь изобретет удобное и практичное подкладное судно, врачи и медсестры будут ненавидеть его до скончания веков и еще дольше.

Желание посрать у меня не убывало, но получалось не очень. Конечно, давали мне одно молоко, желудок был весь разодран, поэтому отправлять слишком много в жопу у него получалось не очень хорошо. Одна медсестра предложила мне жесткий ростбиф с полупроваренной морковкой и полумятой кортошкой. Я отказался. Я знал, что им просто нужна еще одна свободная кровать. Как бы то ни было, желание посрать не проходило. Странно. Это была уже вторая или третья моя ночь здесь. Я был очень слаб. Мне удалось отстегнуть один бортик и выбраться из кровати. Добрался до сральника и сел там. Я тужился и сидел там, и снова тужился. Потом встал.

Ничего. Только небольшой водоворотик крови. Потом у меня в голове закружилась карусель, одной рукой я оперся на стену и стравил полный

рот крови. Смыл за собой и вышел. На полдороге к кровати рот мой снова наполнился кровью. Я упал.

Уже на полу я еще раз сблевал кровью. Даже не знал, что у людей внутри столько крови. Я выпустил еще глоток.

- Сукин ты сын, - заверещал мне со своей кровати какой-то старик, заткнись, дай нам поспать хоть немного.

- Прости, товарищ, - смог сказать я и потерял сознание.

Медсестра рассердилась.

- Ты, сволочь, - сказала она. - Я же сказала тебе не опускать бортики.

Жмурики ебаные, не смена от вас, а одно мучение!

- А у тебя пизда воняет, - сообщил я ей. - И место тебе в тихуанском борделе.

Она подняла мою голову за волосы и вмазала мне по левой щеке, а потом, тыльной стороной - по правой.

- Возьми свои слова обратно! - сказала она. - Возьми свои слова обратно!

- Флоренс Найтингейл, - сказал я. - Я тебя люблю.

Она положила мою голову на место и вышла из

палаты. В этой даме чувствовались подлинный дух и пламя; мне это понравилось. Я перекатился в лужу собственной крови, замочив пижаму. Пусть знает.

Флоренс Найтингейл вернулась с другой садисткой, они посадили меня на стул и отволокли на нем через всю палату до кровати.

- Слишком много шума, будьте вы прокляты! - сказал старик. Он был прав.

Они водрузили меня обратно на кровать, и Флоренс поставила бортик на место.

- Сукин сын, - сказала она. - Сиди теперь тут, или в следующий раз я на тебя лягу.

- Отсоси у меня. - ответил я. - Отсоси перед уходом.

Она перегнулась через перильца и посмотрела мне в лицо. У меня очень трагическое лицо. Некоторых теток привлекает. Глаза ее были широко открыты и страстны, и смотрели прямо в мои. Я стянул с себя простыню и поднял подол пижамы. Она плюнула мне в лицо и вышла...

Потом передо мной возникла старшая медсестра.

- Мистер Буковски, - сказала она, - мы не можем дать вам кровь. У вас нет кровяного кредита.

Она улыбнулась. Она сообщала, что мне позво-

лят умереть.

- Хорошо, - ответил я.

- Вы хотите увидеть священника?

- Зачем?

- На вашей карте допуска значится, что вы католик.

- Я просто так записался.

- Почему?

- Раньше был. Если писать "нерелигиозен", всегда задают слишком много вопросов.

- Вы у нас проходите как католик, мистер Буковски.

- Слушайте, мне трудно разговаривать. Я умираю. Ладно, ладно, католик я, пусть будет по-вашему.

- Мы не сможем дать вам крови, мистер Буковски.

- Послушайте, мой отец работает на ваш округ. Мне кажется, у них есть программа сдачи крови. Окружной Музей Лос-Анжелеса. Мистер Генри Буковски. Он терпеть меня не может.

- Мы проверим...

Что-то произошло с моими бумагами: их, похоже, отправили вниз, пока я валялся наверху. Врача я увидел только на четвертый день, а к этому времени они обнаружили, что мой отец,

который терпеть меня не мог, отличный парень, у которого есть постоянная работа и пьющий сын при смерти и без работы, что этот отличный парень сдавал кровь в программу по сдаче крови, а поэтому ко мне прицепили бутылку и накачали этой кровью меня. 13 пинт крови и 13 пинт глюкозы без передышки. У медстестры кончились места, куда можно иголку втыкать...

Один раз я проснулся: надо мной стоял священник.

- Отец, - сказал я. - Уходите, пожалуйста. Я могу умереть и без этого.

- Ты хочешь, чтобы я ушел, сын мой?

- Да, Отец.

- Ты утратил веру?

- Да, я утратил веру.

- Единожды католик - католик всегда, сын мой.

- Чушь собачья, Отец.

Старик на соседней койке проговорил:

- Отец, Отец, я с вами поговорю. Поговорите со мной, Отец.

Священник отошел к нему. Я ждал, чтобы умереть. Вы чертовски хорошо знаете, что я тогда не умер, иначе я б вам этого сейчас не рассказывал...

Меня перевезли в палату с черным парнем и

белым парнем. Белому каждый день приносили свежие розы. Он их выращивал - на продажу цветочницам. Правда, теперь он никаких роз уже не выращивал. А черного парня прорвало, как и меня. У белого же было плохо с сердцем, очень плохо с сердцем. Мы валялись, и белый парень рассказывал, как выводить розы, как их выращивать, как ему сигаретка сейчас бы не помешала, господи, как же сигаретку бы сейчас. Блевать кровью я уже перестал.

Теперь я просто срал кровью. Такое чувство, что выкарабкался. Я только что опустошил еще одну пинту крови, и иголку из меня вынули.

- Я достану тебе покурить, Гарри.

- Господи, спасибо, Хэнк.

Я встал с кровати.

- Денег дай.

Гарри дал мне мелочи.

- Если он покурит, то сдохнет, - сказал Чарли. Чарли - это черный парень.

- Херня, Чарли, пара затяжек еще никому не вредила.

Я вышел из палаты и пошел по коридору. В вестибюле приемного покоя стоял сигаретный автомат. Я купил пачку и вернулся. Потом мы с Чарли и Гарри просто лежали и покуривали. То

было утром. Около полудня зашел врач и прицепил к Гарри машинку. Машинка плевалась, пердела и ревела.

- Вы ведь курили, не так ли? - спросил врач.

- Нет, доктор, честное слово, не курил.

- Кто из вас, парни, купил ему сигареты?

Чарли смотрел в потолок. Я смотрел в потолок.

- Выкурите еще хоть одну сигарету - и вы покойник, - сказал врач.

Потом забрал машинку и вышел. Только закрылась дверь, я выудил пачку из-под подушки.

- Дай одну, а? - попросил Гарри.

- Ты слышал, что сказал доктор, - сказал Чарли.

- Ага, - подтвердил я, выпуская пачку прекрасного сизого дыма, - ты слышал, что доктор сказал: "Выкурите еще хоть одну сигарету - и вы покойник".

- Лучше сдохнуть счастливым, чем жить в мучениях, - ответил Гарри.

- Я не могу нести ответственность за твою смерть, Гарри, - сказал я. - - Я передам эти сигареты Чарли, и если ему захочется, он тебе одну даст.

И я перекинул пачку Чарли, кровать которого стояла в центре.

- Ладно, Чарли, - произнес Гарри, - давай сюда.

- Не могу, Гарри, я не могу тебя убить, Гарри.

Чарли снова перекинул пачку мне.

- Давай же, Хэнк, дай покурить.

- Нет, Гарри.

- Ну пожалуйста, прошу тебя, мужик, ну хоть разок затянуться хоть разок!

- Ох, да ради Бога!

И я кинул ему всю пачку. Рука его дрожала, пока он вытаскивал сигарету.

- У меня спичек нет. У кого спички?

- Ох, ради Бога, - сказал я.

И кинул ему спички...

Пришли и подцепили меня еще к одной бутылке. Минут через десять прибыл мой отец.

С ним была Вики - такая пьянющая, что едва держалась на ногах.

- Любименький! - выговорила она. - Любовничек!

Она покачнулась, уцепившись за спинку кровати.

Я посмотрел на старика.

- Сукин ты сын, - сказал я ему, - можно было и не тащить ее сюда в таком состоянии.

- Любовничек, ты что, меня видеть не хочешь, а? А, любовничек?

- Я тебя предупреждал, чтобы ты не связывался

с такой женщиной.

- У нее нет денег. Ты, сволочь, ты специально купил ей виски, напоил и притащил сюда.

- Я говорил тебе, что она тебе не пара, Генри. Я тебе говорил, что она дурная женщина.

- Ты меня что, больше не любишь, любовничек?

- Убери ее отсюда... НУ? - велел я старику.

- Нет-нет, я хочу, чтобы ты видел, что у тебя за женщина.

- Я знаю, что у меня за женщина. А теперь убери ее отсюда, или, Господи помоги мне, я вытащу сейчас эту иголку и надаю тебе по заднице!

Старик вывел ее. Я отвалился на подушку.

- Вот это баба, - сказал Гарри.

- Я знаю, - ответил я. - Я знаю...

Я прекратил срать кровью, мне вручили список того, что можно есть, и сказали, что первывй же стакан меня убьет. Также мне сообщили, что без операции я умру. У меня произошел ужасный спор с врачихой-японкой насчет операции и смерти. Я сказал: "Никаких операций," а она вышла, в негодовании тряся задницей. Гарри был еще жив, когда я выписывался, сосал свои сигареты.

Я вышел на солнышко - попробовать, как

оно. Оно было здорово. Мимо ездило уличное движение. Тротуар - какими обычно и бывают тротуары. Я решал, сесть ли мне на автобус или попытаться позвонить кому-нибудь, чтобы приехали и меня забрали. Зашел позвонить. Но сперва сел и закурил.

Подошел бармен, и я заказал бутылку пива.

- Что нового? - спросил он.

- Да ничего особенного, - ответил я. Он отошел. Я нацедил пива в стакан, потом некоторое время рассматривал его, а потом залпом хватанул сразу половину. Кто-то сунул монетку в музыкальный автомат, и у нас заиграла музыка. Жить стало чуточку лучше. Я допил стакан, налил себе еще: интересно, а пиписька у меня когда-нибудь еще встанет? Я оглядел бар: женщин нет. И тогда я сделал вторую лучшую вещь, которую мог: взял стакан и осушил его до дна.

ДЕНЬ, КОГДА МЫ ГОВОРИЛИ О ДЖЕЙМСЕ ТЁРБЕРЕ

Везенья у меня убыло или талант закончился. Хаксли или кто-то из его персонажей, кажется, сказал в Пункте-Контрапункте: "В двадцать пять гением может быть любой; в пятьдесят для этого требуется что-то сделать". Ну вот, а мне сорок девять, все ж не полтинник - нескольких месяцев

не хватает. И картины мои не шевелятся.

Правда, вышла недавно книжонка стихов: Небо - Самая Большая Пизда Из Них Всех, - за которую я получил четыре месяца назад сотню долларов, а теперь эта штуковина - коллекционная редкость, у продавцов редких книг значится в каталогах по двадцать долларов за экземпляр. А у меня даже ни одной своей не осталось. Друг украл, когда я пьяный валялся. Друг?

Удача моя упала. Меня знали Жене, Генри Миллер, Пикассо и так далее, и тому подобное, а я не могу даже посудомойкой устроиться. В одном месте попробовал, но продержался всего одну ночь со своей бутылкой вина. Здоровая жирная дама, одна из владелиц, провозгласила:

- Да этот человек ведь даже не знает, как мыть тарелки! - И показала мне, как:

одна часть раковины - в ней какая-то кислота - так вот, именно туда сначала складываешь тарелки, потом переносишь их в другую часть, где мыльная вода. Меня в тот же вечер и уволили. А я тем временем выпил две бутылки вина и сожрал пол-бараньей ноги, которую оставили сразу у меня за спиной.

В каком-то смысле, ужасно закончить полным нулем, но больнее всего было от того, что

в Сан-Франциско жила моя пятилетняя дочка, единственный человек в мире, которого я любил, которому я был нужен - а также нужны были башмачки, платьица, еда, любовь, письма, игрушки и встречи время от времени.

Я вынужден был жить с одним великим французским поэтом, который теперь обитает в Венеции, штат Калифорния, и этот парень работал на оба фронта то есть, ебал как женщин, так и мужчин, и его ебали как женщины, так и мужчины. У него были симпатичные прихваты, и высказывался он всегда с юмором и блеском. И носил паричок, который постоянно соскальзывал так, что за разговором его приходилось постоянно поправлять. Он говорил на семи языках, но когда я был рядом, приходилось изъясняться на английском. Причем на каждом говорил, как на родном.

- Ах, не беспокойся, Буковский, - улыбался он бывало, - я о тебе позабочусь!

У него был этот член в двенадцать дюймов, вялый такой, и он появлялся в некоторых подпольных газетах, когда только приехал в Венецию, с объявлениями и рецензиями своей поэтической мощи (одну из рецензий написал я), а некоторые из подпольных газет напечатали эту фотографию

великого французского поэта - в голом виде. В нем было футов пять росту, волосы росли у него и на груди, и на руках. Волосы покрывали его целиком, от шеи до яиц - черная с проседью, вонючая плотная масса,- и посередине фотографии болталась эта чудовищная штука с круглой головкой, толстая: бычий хуй на оловянном солдатике.

Французик был одним из величайших поэтов столетия. Он только и делал, что сидел и кропал свои говенные бессмертные стишата, причем у него было два или три спонсора, присылавших ему деньги. А кто бы не повелся: (?): бессмертный хуй, бессмертные стихи. Он знал Корсо, Берроуза, Гинзберга, каджу. Знал всю эту раннюю гостиничную толпу, которая жила в одном месте, ширялась вместе, ебалась вместе, а творила порознь. Он даже встретил как-то Миро и Хэма, идущих по проспекту, причем Миро нес за Хэмом его боксерские перчатки, и направлялись они на какое-то поле боя, где Хэм надеялся вышибить из кого-то дерьмо. Конечно же, они все знали друг друга и притормаживали на минутку отслюнить другу другу чутка блистательной чуши побрехушек.

Бессмертный французский поэт видел, как Берроуз ползает по полу у Би "вусмерть пьяный".

- Он напоминает мне тебя, Буковский. Там нет фронта. Пьет, пока не рухнет, пока глаза не остекленеют. А в ту ночь он ползал по ковру уже не в силах подняться, потом взглянул на меня снизу и говорит: "Они меня наебали! Они меня напоили! Я подписал контракт. Я продал все права на экранизацию Нагого Обеда за пятьсот долларов. Вот говно, уже слишком поздно!"

Берроузу, разумеется, повезло - конкретных предложений не было, а пятьсот долларов у него осталось. Меня с некоторыми вещами подловили пьяным на пятьдесят, со сроком действия два года, а потеть мне еще оставалось полтора. Так же подставили и Нельсона Олгрена - Человек с золотой рукой; заработали миллионы, Олгрену же досталась шелуха ореховая. Он был пьян и не прочел мелкий шрифт.

Меня хорошенько сделали на правах к Заметкам Грязного Старика. Я был пьян, а они привели восемнадцатилетнюю пизду в мини по самые ляжки, на высоких каблуках и в длинных чулочках. А я жопку себе два года урвать не мог. Ну и подписал себе пожизненное. А через ее вагину б, наверное, на грузовом фургоне проехал. Но этого я так и не узнал наверняка.

Поэтому вот он я - выпотрошен и выброшен,

полтинник, удача кончилась, талант иссяк, даже разносчиком газет устроиться не могу, даже дворником, посудомойкой, а французский поэт, бессмертный этот, у себя постоянно что-то устраивает - парни и девки постоянно к нему стучатся. А квартира какая у него чистая! Сортир выглядит так, будто туда никто никогда не срал. Весь кафель сверкает белизной, и коврики такие жирные и пушистые повсюду. Новые диваны, новые кресла. Холодильник сияет, как здоровенный сумасшедший зуб, по которому возили щеткой, пока он не завопил. До всего, всего абсолютно дотронулась нежность не-боли, не-беспокойства, будто никакого мира снаружи вообще нет. А между тем все знают, что сказать, что сделать, как себя вести - таков кодекс - без лишнего шума и без лишних слов: грандиозные оглаживая, отсасывания и пальцы в задницу и куда ни попадя. Мужчинам, женщинам и детям включая. Мальчикам.

К тому же всегда имелся большой кокс. Большой гарик. И пахтач. И шана. Во всех видах.

Тихо творилось Искусство, все нежно улыбались, ждали, затем делали. Уходили.

Потом снова возвращались.

Были даже виски, пиво, вино для такого быдла,

как я, - сигары и дурогонство прошлого.

Бессмертный французский поэт продолжал свои кунштюки. Вставал рано и пускался в различные упражнения йогов, а потом становился и рассматривал себя в зеркале в полный рост, смахивал руками крошечные бисеринки пота, в самом конце же дотягивался и ощупывал свой гигантский хуй с яйцами всегда приберегая хуй с яйцами напоследок, - приподнимал их, наслаждаясь, и отпускал: ПЛАНК.

Примерно в этот время я заходил в ванную и блевал. Выходил.

- Ты ведь на пол не попал, правда, Буковски?

Он не спрашивал меня, может быть, я умираю. Беспокоился он только про свой чистый пол в ванной.

- Нет, Андрэ, я разместил всю рыготину в соответствующие каналы.

- Вот умница!

Потом, только чтобы выпендриться, зная, что мне паршивее, чем в семи адах, он подходил к углу, становился на голову в своих ебаных бермудах, скрещивал ноги, смотрел на меня вверх тормашками вот так и говорил:

- Знаешь, Буковски, если ты когда-нибудь протрезвеешь и наденешь смокинг, я тебе обещаю

- только войдешь в комнату одетым вот так, как все женщины до единой в обморок упадут.

- Я в этом сомневаюсь.

Затем он делал легкий переворот, приземлялся на ноги:

- Позавтракать не желаешь?

- Андрэ, я не желаю позавтракать последние тридцать два года.

Затем в дверь стучали - легко, так нежно, что можно было подумать, какая-нибудь ебаная синяя птица крылышком постукивает, умирая, глоточек воды просит.

Как правило, там оказывались два-три молодых человека с говенными на вид соломенными бороденками.

Обычно то были мужчины, хотя время от времени попадалась и девчонка, вполне миленькая, и мне никогда не хотелось сваливать, если там была девчонка. Но это у него было двенадцать дюймов в вялом состоянии, плюс бессмертие. Поэтому свою роль я всегда знал.

- Слушай, Андрэ, голова раскалывается... Я, наверное, схожу прогуляюсь по берегу.

- О, нет, Чарльз! Да что ты в самом деле!

И не успевал я дойти до двери, оглядывался - а она уже расстегивала Андрэ ширинку, а если

у бермуд ширинки не было, то они спускались на французские лодыжки, и она хватала эти двенадцать дюймов в расслабленном состоянии - посмотреть, на что они способны, если их немножечко помучить. А Андрэ вечно задирал ей платье на самые бедра к этому времени, и палец его трепетал, глодал, выискивал секрет дырки в этом зазоре ее узких, дочиста отстиранных розовых трусиков. Что касается пальца, то для него всегда что-то отыскивалось: казалось бы новая мелодраматическая дырка, или задница, или если, будучи мастером таких дел, он мог скользнуть в объезд или напрямую сквозь эту тугую отстиранную розовость, вверх, - и вот уже он разрабатывает эту пизду, отдыхавшую лишь каких-то восемнадцать часов.

Поэтому я всегда ходил гулять вдоль пляжей. Поскольку всегда было так рано, мне не приходилось наблюдать эту гигантскую размазню человечества пущенную в расход, притиснутую друг к другу: тошнотные, квакающие твари из плоти, Лягушачьи опухоли. Не нужно было видеть, как они гуляют или валяются, развалившись своими кошмарными туловищами и проданными жизнями - без глаз, без голосов, без ничего, - и не знают этого, слошное говно отбро-

сов, клякса на кресте.

По утрам же, спозаранку, было вовсе неплохо, особенно среди недели. Вс принадлежало мне, даже очень уродливые чайки, становившиеся еще уродливее по четвергам и пятницам, когда мешки и крошки начинали исчезать, ибо это означало для них конец Жизни. Они никак не могли знать, что в субботу и воскресенье толпа понабежит снова со своими булочками от "горячих собак" и разнообразными сэндвичами. Ну-ну, подумал я, может, чайкам еще хуже, чем мне? Может.

Андрэ предложили устроить где-то чтения - в Чикаго, Нью-Йорке, Фриско, где-то - на один день, поехал туда, а я остался дома, один. Наконец, смог сесть за машинку. И ничего хорошего из этой машинки не вышло. У Андрэ она работала почти идеально. Странно, что он - такой замечательный писатель, а я - нет. Казалось, такой уж большой разницы между нами нет. Но отличие было: он знал, как одно слово подставлять к другому. Когда же за машинку сел я, белый листок бумаги просто лыбился на меня в ответ. У каждого свои разнообразные преисподнии, у меня же - фора в три корпуса на поле.

Поэтому я пил все больше и больше вина и

ждал смерти. Андрэ уже был в отъезде пару дней, когда однажды утром, примерно в 10:30, в дверь постучали. Я ответил:

- Секундочку, - сходил в ванную, проблевался, прополоскал рот. Лаворисом. Влез в какие-то шортики, потом надел один из шелковых халатов Андрэ. И только тогда открыл дверь.

Там стояли молодой парень с девчонкой. На ней были такая очень коротенькая юбочка и высокие каблуки, а нейлоновые чулки натягивались чуть ли не на самую задницу. Парень был просто парнем, молодой, такой тип "Кашмирского Букета" - белая футболка, худой, челюсть отвисла, руки по бокам расставлены, будто сейчас разбежится и взлетит.

Девчонка спросила:

- Андрэ?

- Нет. Я Хэнк. Чарлз. Буковски.

- Вы ведь шутите, правда, Андрэ? - спросила девчонка.

- Ага. Я сам - шутка, - ответил я.

Снаружи слегка моросило. Они стояли под дожиком.

- Ладно, как бы то ни было, заходите, чего мокнуть?

- Вы действительно Андрэ! - сказала эта сучка.

- Я узнаю вас, это старое лицо - двести лет, наверное уже!

- Ладно, ладно, - сказал я. - Заходите. Я Андрэ.

У них с собой были две бутылки вина. Я сходил на кухню за штопором и стаканами.

Разлил на троих. Я стоял, пил свое вино, осматривал ее ноги как можно глубже, когда он вдруг протянул руку, расстегнул мне ширинку и принялся сосать мне член.

И очень громко хлюпал при этом. Я потрепал его по макушке и спросил девчонку:

- Тебя как зовут?

- Уэнди, - ответила она, - и я всегда восхищалась вашей поэзией, Андрэ. Я думаю, что вы - один из величайших живущих на земле поэтов.

Парень продолжал разрабатывать свою тему, чмокая и чавкая, голова его ходила ходуном так, словно совсем разум потеряла.

- Один из величайших? - спросил я. - А кто остальные?

- Один остальной, - ответила Уэнди, - Эзра Паунд.

- Эзра всегда на меня тоску нагонял, - сказал я.

- В самом деле?

- В самом деле. Он слишком старается. Шибко серьезный, шибко ученый и, в конечном итоге,

- просто тупой ремесленник.

- А почему вы подписываете свои работы просто - Андрэ?

- Потому что мне так хочется.

Парень уже расстарался вовсю. Я схватил его за голову, притянул поближе и разрядился.

Потом застегнулся, снова разлил на троих.

Мы просто сидели, разговаривали и пили. Не знаю, сколько это продолжалось. У Уэнди были прекрасные ноги, изящные тонкие лодыжки, она их все время скрещивала и покручивала ими, будто в ней что-то горело. В литературе они действительно доки. Мы беседовали о разном. Шервуд Андерсон - - Уайнсбург и все такое. Дос.

Камю. Крейны, Дики, Бронтё; Бальзак, Тёрбер, и так далее и тому подобное...

Мы прикончили обе бутылки, я нашел еще что-то в холодильнике. Мы и над ним потрудились. Потом - не знаю. Я довольно-таки тронулся умом и стал цапать ее за платье - то есть, за то, что от него оставалось. Углядел кусочек комбинашки и трусиков; затем порвал сверху платье, разорвал лифчик. Сграбастал титьку.

Заполучил себе всю титьку. Она была жирной. Я ее целовал и сосал. Потом крутанул ее в кулаке так, что девка заорала, а когда она заорала, я

воткнул свой рот в ее, и вопли захлебнулись.

Я разодрал платье со спины - нейлон, нейлоновые ноги колени плоть. Приподнял ее из этого кресла, содрал эти ее ссыкливые трусики и вогнал его по самые нехочу.

- Андре, - сказала она. - О, Андрэ!

Я оглянулся: парень наблюдал за нами и дрочил, не вставая с кресла.

Я взял ее стоймя, но мы кружили по всей комнате. Я все вгонял и вгонял его, и мы опрокидывали стулья, ломали торшеры. В какой-то момент я разлатал ее на кофейном столике, но почувствовал, как ножки под нами обоими трещат, и успел подхватить ее прежде, чем мы бы расплющили этот столик об пол.

- О, Андрэ!

Потом она вся затрепетала - раз, другой, точно на жертвенном алтаре. А я, зная, что она ослабела и бесчувственна, вообще не в себе, я просто всадил всю свою штуку в нее, точно крюк, придержал спокойно, эдак подвесил ее, словно какую-нибудь обезумевшую рыбину морскую, навеки насаженную на гарпун. За полвека я кое-каким трюкам научился. Она потеряла сознание. Затем я отклонился назад и таранил, таранил ее, таранил, голова у нее подскакивала, как у чокну-

той марионетки, задница - тоже, и она кончила еще раз, вместе со мной, и когда мы оба кончили, я, черт побери, чуть сам не подох. Мы оба, черт побери, чуть не кинулись.

Для того, чтобы иметь кого-то встояк, их размеры должны определенным образом соотноситься с вашими. Помню, один раз я чуть не умер в детройтской гостинице.

Попробовал стоя - никак. В том смысле, что она оторвала обе ноги от пола и обхватила ими меня. А значит, я держал двух человек на двух ногах. Это плохо.

Мне хотелось все бросить. Я придерживал ее всю двумя вещами - руками у нее под жопой и собственным хуем.

А она все повторяла:

- Боже, какие у тебя мощные ноги! Боже, да у тебя прекрасные, сильные ноги!

А это правда. Остаток меня - по большей части говно, включая мозги и все остальное. Но к телу моему кто-то прицепил эти огромные и мощные ноги. Без пиздежа. Но тогда я чуть было в ящик не сыграл, на той поебке в детройтской гостинице, поскольку упор и движение хуем внутрь и наружу этой штуки требуют из такой позиции особого движения. Держишь вес двух тел. Все движение,

следовательно, должно передаваться тебе на спину или хребет. А это - грубый и убийственный маневр. В конечном итоге, мы оба кончили, и я просто куда-то ее отбросил. Выкинул на фиг.

Эта же, у Андрэ, - она держала ноги на полу, что позволяло мне всякие финты подкручивать - вращать, вонзать, тормозить, разгоняться, плюс вариации.

И вот я, наконец, ее прикончил. Позиция у меня - хуже некуда: брюки и трусы стекли на лодыжки. И я Уэнди просто отпустил. Не знаю, куда, к чертям собачьим, она свалилась - да и плевать. Только я нагнулся подтянуть трусы и брюки, как парень, пацан этот, подскочил и воткнул свой средний палец правой руки прямо и жёстко мне в сраку. Я заорал, развернулся и заехал ему в челюсть. Он улетел.

Затям я поднял на место трусы и брюки и уселся в кресло; я пил вино и пиво, пылая от ярости, не произнося ни слова. Те, наконец, пришли в себя.

- Спокойной ночи, Андрэ, - сказал он.

- Спокойной ночи, Андрэ, - сказала она.

- Осторожнее, там ступеньки, - сказал я. - Они очень скользкие под дождем.

- Спасибо, Андрэ, - ответил он.

- Мы будем осторожнее, Андрэ, - ответила она.

- Любовь! - сказал я.

- Любовь! - в один голос ответили они.

Я закрыл дверь. Господи, как славно все-таки быть бессмертным французским поэтом!

Я зашел на кухню, отыскал хорошую бутылку французского вина, каких-то анчоусов и фаршированные оливки. Вынес все это в гостиную и разложил на шатком кофейном столике.

Начислил себе высокий бокал вина. Потом подошел к окну, выходившему на весь белый свет и на океан. Ничего так океан: делает себе дальше то, чем и раньше занимался. Я закончил то вино, налил еще, отъел немного от закуси - - и устал.

Снял одежду и забрался прямо на середину кровати Андрэ. Перднул, поглядел в окно на солнышко, прислушался к морю.

- Спасибо, Андрэ, - сказал я. - Неплохой ты парень, в конце концов.

И талант мой еще не иссяк.

она висела у Мэйсона на телефоне.

- ага, ладно, это... слушай, я пьяный был. я не помню, ЧТО ИМЕННО я тебе сказал! может, правда, может, и нет! нет, я НЕ извиняюсь, я уже устал извиняться... ты - что? не будешь? ну так черт бы тебя побрал!

Генри Мэйсон бросил трубку. снова шел дождь. даже под дождем с бабами какие-то заморочки, с ними вечно...

задребезжал звонок интеркома. он снял трубку.

- к вам мистер Бёркетт, некий Джеймс Бёркетт...

- ты ему не скажешь, что рукописи уже вернули? мы отправили их почтой вчера.

весьма сожалеем и все такое.

- но он настаивает на том, чтобы поговорить с вами лично.

- и ты не можешь от него отделаться?

- нет.

- ладно, зови его сюда.

куча проклятых экстровертов. хуже, чем торговцы одеждой, чем торговцы щетками, хуже,

чем...

вошел Джеймс Бёркетт.

- присаживайтесь, Джимми.

- только близкие друзья зовут меня "Джимми".

- присаживайтесь, мистер Бёркетт.

по первому же взгляду на Бёркетта можно было определить, что он ненормальный.

великая любовь к себе окутывала его неоновой краской. и ничем ее не свести.

правдой - в том числе. такие не знают, что такое правда.

- слуште, - сказал Бёркетт, прикуривая и улыбаясь вокруг своей сигареты, как темпераментная и оттяжная сучка. - как это вам мое барахло не понравилось?

серкетарша ваша говорит, вы все обратно отправили? чего это вы вздумали все обратно отправлять, а, чувак? как это - обратно отправили?

и мистер Бёркетт тут посмотрел ему в глаза, так прямо посмотрел ему в глаза, как бы упирая на то, что у него есть ДУША. ты ведь ЛЮБИШЬ то, что делаешь, а так трудно делать это, и только мистер Бёркетт этого не сознавал.

- просто там не было ничего хорошего, Бёркетт, вот и все.

Бёркетт постукал сигаретой о пепельницу - нет,

он просто протаранил ею пепельницу, вбивая ее в донышко и выкручивая при этом. потом зажег еще одну и, держа перед собой спичку, еще пылавшую, проговорил:

- эй, послушай, мужик, не надо мне этого ДЕРЬМА тут вешать!

- вы кошмарно пишете, Джимми.

- я сказал, только мои ДРУЗЬЯ зовут меня "Джимми"!

- вы говенно пишете, мистер Бёркетт, по нашему мнению, конечно, и только по нашему мнению.

- слушай, чувак, я эти игры ЗНАЮ! ПОДСОСЕШЬ как надо - и тебя приняли! только ПОДСОСАТЬ надо! а я не СОСУ, чувак! моя работа одна такая!

- это уж точно, мистер Бёркетт.

- если б я был жидом, или педиком, или комми, или черномазым, то все было бы схвачено, чувак, я бы прошел.

- тут у меня вчера был черный писатель, который сказал, что если бы кожа у него была белой, он бы стал миллионером.

- ладно, а как насчет педиков?

- некоторые педики пишут довольно неплохо.

- как Жене, а?

- как Жене.

- хуй сосать надо, значит, а? я должен писать о том, как сосут хуй, а?

- я этого не говорил.

- слушай, чувак, мне только немного рекламы надо. немного рекламы - и я пойду.

народ ПОЛЮБИТ меня! им только УВИДЕТЬ надо мои вещи!

- послушайте, мистер Бёркетт, мы о деле говорим. если б мы печатали каждого писателя, кто только потребует этого, потому что у него великие вещи, долго бы мы не протянули. приходится выносить суждения. если мы слишком часто будем ошибаться, нам конец. вот так все просто. мы печатаем хорошие произведения, которые продаются, и плохие произведения, которые продаются. мы на рынке. мы не занимаемся благотворительностью и, честно говоря, нас не слишком заботит улучшение души или исправление мира.

- но мои вещи ПОЙДУТ, Генри...

- "мистер Мэйсон", пожалуйста! только мои друзья...

- вы что пытаетесь - ОБОСРАТЬ меня?

- слушайте, Бёркетт, вы настырный. настырность у вас выходит здорово. почему б вам не пойти швабрами торговать, или страховками,

или чем-нибудь еще?

- а что с моими вещами не так?

- не получается быть настырным и писать одновременно. это мог только Хемингуэй, а потом даже он забыл, как писать надо.

- я в смысле, чувак, что тебе не нравится в моих вещах? в смысле, будь ОПРЕДЕЛЕННЕЕ! не надо мне тут говна никакого вешать про Хемингуэя, чувак!

- 1955.

- 1955? это в каком смысле?

- это в том смысле, что тогда вы были хороши, но иголку заело. вы до сих пор играете 1955 - снова и снова.

- черт, да жизнь есть жизнь, и я по-прежнему пишу о ЖИЗНИ, чувак! ничего другого нет! какого дьявола ты мне тут вешаешь?

Генри Мэйсон испустил долгий медленный вздох и откинулся на спинку. художники нестерпимо скучны. и близоруки. если у них получалось, они верили в собственное величие, сколь бы плохими они ни были. если у них не получалось, то виноват в этом кто-то другой. не потому, что у них нет таланта; сколько бы они ни воняли, они всегда верили в свой гений. они всегда могли предъявить Ван-Гога, Моцарта или пару дюжин

других, кто сошел в могилу до того, как маленькие жопки им отлакировало Славой. однако, на каждого Моцарта приходилось 50.000 несносных идиотов, которые, не переставая, изрыгали гниль. только самые хорошие бросали игру - вроде Рембо или Россини.

Бёркетт закурил еще одну сигарету, снова держа перед собой горящую спичку, пока говорил:

- слушайте, вы же печатаете Буковски. а он оступился. вы же знаете, что он оступился. признай это, чувак! Буковски же оступился, а? правда?

- ну, оступился.

- он пишет ГОВНО!

- если говно продается, то мы будем его продавать. послушайте, мистер Бёркетт, мы - не единственное издательство. попробовали бы кого-нибудь другого? не принимайте наше суждение и всё.

Бёркетт встал.

- а толку-то, к чертям собачьим? вы все, парни, одинаковы! вам хорошая литература ни к чему! всему миру ни к чему НАСТОЯЩАЯ литература! да вы человека от мухи навозной отличить не сможете! потому что вы - дохлятина! ДОХЛЯТИНА, слышал? ВЫ ВСЕ, ПИЗДЮКИ, - ДОХЛЯТИНА! ИДИТЕ НА ХУЙ! ИДИТЕ НА ХУЙ! ИДИТЕ НА ХУЙ!

ИДИТЕ НА ХУЙ!

Бёркетт швырнул тлевшую сигарету на ковер, развернулся, подошел к двери, ГРОХНУЛ ею и исчез.

Генри Мэйсон поднялся, подобрал сигарету, положил ее в пепельницу, сел, зажег свою. с такой работой хрена лысого бросишь курить, подумал он. он откинулся на спинку кресла и затянулся: так радостно, что Бёркетт ушел, такие люди просто опасны - абсолютно безумны и злобны - особенно те, кто всегда пишут о ЛЮБВИ, или СЕКСЕ, или УЛУЧШЕНИИ МИРА. господи, господи. он выдохнул. задребезжал интерком.

он снял трубку.

- к вам некий мистер Эйнсуорт Хокли?

- чего ему надо? мы же отправили ему чек за ЗУД В ЯЙЦАХ И АТАСЫ В ОБЩАГЕ.

- он говорит, что у него есть новый рассказ.

- прекрасно. скажи ему, чтобы оставил у тебя.

- он говорит, что еще не написал его.

- ладно, пусть план оставит. я посмотрю.

- он говорит, что у него нет плана.

- так чего ж ему тогда надо?

- он хочет поговорить с вами лично.

- и ты не можешь от него отделаться?

- нет, он только таращится на мои ноги и ска-

лится.

- так одерни же юбку, ради Христа!

- она слишком короткая.

- ладно. зови.

вошел Эйнсуорт Хокли.

- присаживайтесь, - сказал Мэйсон.

Хокли присел. затем подскочил. зажег сигару. Хокли носил с собой десятки сигар.

он боялся стать гомосексуалистом. то есть, он не знал, гомосексуалист он или нет, а поэтому постоянно курил сигары, считая, что это - по-мужски и динамично, но все равно сомневался, в каком он лагере. ему казалось, что женщины ему тоже нравятся. такая неразбериха.

- послушайте, - сказал Хокли. - я только что сосал 36-дюймовый ХУЙ!

гигантский!

- послушайте вы, Хокли, мы тут делом занимаемся. я только что от одного психа избавился. вам чего от меня надо?

- я хочу у вас отсосать ХУЙ у вас, чувак! ВОТ чего я хочу!

- я бы воздержался.

в комнате уже висел толстый слой сигарного смога. пыхал Хокли что надо. он вскочил с кресла. походил вокруг. сел. вскочил с кресла. походил

вокруг.

- я, наверное, схожу с ума, - сказал Эйнсуорт Хокли. - я постоянно думаю о хуе. я раньше жил с этим 14-летним пареньком. огромный ХУЙ! господи. ОГРОМНЫЙ!

он однажды его прямо у меня перед носом отбил, никогда этого не забуду! а когда я учился в колледже, там все эти парни по раздевалке ходили, типа крутые такие, знаете? а у одного ЯЙЦА висели до самых КОЛЕН! мы, бывало, звали его ВОЛЕЙБОЛИСТ ГАРРИ. так вот, когда ВОЛЕЙБОЛИСТ ГАРРИ кончал, крошка, это был пиздец ВСЕМУ!

как взбитая сметана из пожарного крана хлестала! а когда эта штука высыхала...

чувак, по утрам ему приходилось простыню бейсбольной битой выколачивать, шелупонь стряхивать прежде, чем в прачечную отдавать...

- вы сумасшедший, Эйнсуорт.

- я знаю, я знаю, я вам про то же САМОЕ! хотите сигару?

Хокли ткнул ему сигарой прямо в рот.

- нет-нет, спасибо.

- может, вам хочется у МЕНЯ хуй отсосать?

- ни малейшего желания. ладно, чего вы хотите?

- у меня есть идея такого рассказа, чувак.

- хорошо. напишите его.

- нет, я хочу, чтобы вы послушали.

Мэйсон промолчал.

- ладно, - сказал Хокли. - вот она.

он забегал вокруг, пуляясь дымом.

- космический корабль, понимаете? 2 парня, 4 тетки и компьютер. и вот они рассекают по открытому космосу, понятно? дни, недели проходят. 2 парня, 4 тетки, компьютер. у теток уже все аж чешется. им хочется, понимаете? понятно?

- понятно.

- но знаете, что происходит?

- нет.

- два парня решают, что они гомосексуалисты и начинают заигрывать друг с другом. на теток - ноль внимания.

- ага, это как бы смешно. так и напишите.

- постойте. я еще не закончил. эти два парня заигрывают друг с другом. это омерзительно. нет. это не омерзительно! как бы там ни было, тетки подходят к компьютеру и открывают дверцы. и внутри компьютера - 4 ОГРОМНЫХ хуя с яйцами.

- безумно. пишите.

- постойте, постойте. но не успевают они и одного хуя цапнуть, как у машины появляются рты

с жопами, и вся эта чертова механика пускается в оргию САМА С СОБОЙ. черт побери, вы можете себе такое вообразить?

- ладно. пишите. мне кажется. мы сможем это использовать.

Эйнсуорт зажег еще одну сигару, походил взад-вперед.

- как насчет аванса?

- нам один парень уже должен 5 рассказов и 2 романа. а от сроков отстает все больше и больше. если так будет продолжаться, он станет хозяином всей компании.

- тогда дайте мне половину, какого черта. полхуя лучше, чем никакого.

- когда мы сможем получить рассказ?

- через неделю.

Мэйсон выписал чек на $75.

- спасибо, крошка, - сказал Хокли, - ты и теперь уверен, что нам не хочется друг у друга хуй отсосать?

- уверен.

и Хокли ушел. Мэйсон вышел к секретарше. ее звали Франсин.

Мэйсон взглянул на ее ноги.

- это платье - довольно короткое, Франсин.

он не отрывал взгляда.

- такой стиль сейчас, мистер Мэйсон.

- зови меня просто "Генри". мне кажется, я никогда раньше не видел таких коротких платьев.

- они становятся все короче и короче.

- у всех, кто сюда заходит, от тебя по-прежнему встает. а потом они идут ко мне в кабинет и несут ахинею, как полоумные.

- ох, да ладно вам, Генри.

- даже у меня от тебя встает, Франсин.

та хихикнула.

- давай, пошли пообедаем, - сказал он.

- но вы же никогда меня на обед не приглашали.

- ах, так есть кто-то другой?

- О, нет. но сейчас же только пол-одиннадцатого.

- какая, к дьяволу, разница? я внезапно проголодался. очень проголодался.

- ладно. тогда секундочку.

франсин извлекла зеркальце, поиграла с ним немножко. затем они оба встали и вышли к лифту. в лифте они ехали совершенно одни. по пути вниз он сграбастал Франсин и поцеловал ее. пахла она малиной с незначительным привкусом кариеса. он даже облапал ей одну ягодицу. она для проформы посопротивлялась, слегка прижи-

маясь к нему.

- Генри! я прям не знаю, какая муха вас укусила! - хихикнула она.

- я всего лишь мужчина, в конце концов.

в вестибюле здания стоял киоск, где торговали конфетами, газетами, журналами, сигаретами, сигарами...

- одну минуточку, Франсин.

Мэйсон купил 5 сигар, огромных. зажег одну и выпустил гигантский фонтан дыма.

они вышли на улицу, ища, где бы поесть. дождь перестал.

- вы обычно курите перед обедом? - спросила она.

- и перед, и после, и между.

Генри Мэйсон чувствовал себя так, будто он совсем немножко сходит с ума. все эти писатели. да что с ними такое, к чертям собачьим?

- эй, вот неплохое местечко!

он придержал дверь, и Франсин вошла. он - за ней.

- Франсин, как же мне платье твое нравится!

- правда? ой, спасибо! у меня есть целая дюжина похожих.

- правда?

- умм-гумммм.

Мэйсон отодвинул ей стул и смотрел на ее ноги, пока она садилась. потом сел сам.

- господи, я проголодался. венерки из головы не идут - интересно, почему?

- я думаю, вы хотите меня выебать.

- ЧТО?

- я сказала: "я думаю, вы хотите меня выебать".

- о.

- Я вам это позволю. я думаю, вы очень славный человек, очень милый, в самом деле.

подошел официант и разогнал сигарный дым папками с меню. одну вручил Франсин, одну - Мэйсону. и стал ждать. и у него вставал. ну почему некотрым парням достаются такие куколки, а он вручную отбивать должен? официант принял у них заказ, все записал, прошел во вращающиеся двери, передал заказ повару.

- эй, - сказал повар. - это у тебя там что?

- ты о чем?

- о том, что у тебя тут рог вырос! спереди! ко МНЕ с этой штукой даже не приближайся!

- да это ерунда.

- ерунда? этой ерундой кого-нибудь убить можно! иди под холодный кран его засунь! смотреть противно!

официант зашел в мужскую уборную. некото-

рым так все девки достаются. а он - писатель. у него полный чемодан рукописей. 4 романа, 40 рассказов, 500 стихов.

ни шиша не опубликовано. паршивый мир. таланта распознать не могут. принижают талант всячески. "связи" им, видишь ли, тут нужны, вот и все. паршивый хуесосный мир. обслуживаешь целыми днями этих дурацких людишек.

официант извлек свой член, водрузил на раковину и начал плескать на него холодной водой.

СОВОКУПЛЯЮЩАЯСЯ РУСАЛКА ИЗ ВЕНЕЦИИ, ШТАТ КАЛИФОРНИЯ

Бар уже закрылся, им еще до меблирашек тащиться, а тут на тебе катафалк прямо на улице, где Желудочная Больница стоит.

- Мне кажется, сегодня - ТА САМАЯ ночь, - сказал Тони. - Я уже в крови это чую, вот те крест!

- Та самая ночь для чего? - переспросил Билл.

- Смотри, - сказал Тони. - Мы уже хорошо знаем расписание. Давай отметем одного! Какого хуя? Или кишка тонка?

- Ты чё, с дуба рухнул? Думаешь, я зассал, потому что этот морячок мне по сраке надавал?

- Я этого не говорил, Билл.

- Да ты сам ссыкло! Да я тебе вломлю как не фиг делать...

- Ага. Я знаю. Я не про это. Я в смысле, давай жмурика отметем прикола ради.

- Ёбть! Да хоть ДЕСЯТЬ жмуриков!

- Постой. Ты сейчас назюзюкался. Давай подождем. Мы знаем расписание. Мы знаем, как они работают. Мы ж каждую ночь следили.

- А ты, значит, не назюзюкался, а? Да у тебя

иначе бы ОЧКО взыграло!

- Тихо ты! Смотри! Вот идут. И жмурик с ними. Бедолага какой-нибудь. Смотри, простыню ему на голову натянули. Печально.

- Да смотрю я, смотрю. В самом деле печально...

- Ладно, мы знаем расписание: если жмурик только один, они его закидывают, перекуривают и уезжают. А если двое, то дверцы в катафалке они оба раза не станут запирать. Настоящие четкие мальчонки. Им все это обрыдло. Если жмурика два, одного парня они просто оставляют на каталке за машиной, заходят внутрь и вывозят второго, а потом обоих закидывают. Мы сколько ночей за ними наблюдали?

- Фиг знает, - ответил Билл. - Шестьдесят уж точно.

- Ладно, вот у них один жмурик уже есть. Если сейчас вернутся за вторым, этот - наш. Не обосрешься, если они сейчас за вторым пойдут?

- Обосрусь? Да у меня кишка потолще твоей!

- Ладно, тогда смотри. Сейчас узнаем... Оп-ля, поехали! За вторым пошли! - сказал Тони. - Хватаем?

- Хватаем, - ответил Билл.

Они рванули через дорогу и схватили труп за голову и ноги. Тони досталась голова - прискорб-

ный отросток, туго обмотанный простыней, - а Билл держал пятки.

Потом они неслись по улице, и чистая белая простыня развевалась на трупе по ветру: иногда проглядывала лодыжка, иногда - локоть, иногда полная ляжка, а затем они взбежали по парадным ступенькам меблированных комнат, допыхтели до двери, и Билл сказал:

- Господи ты бож мой, у кого ключ? Меня трясет чего-то!

- У нас мало времени. Эти уроды скоро второго жмурика вынесут! Кидай его в гамак! Быстро! Надо этот чертов ключ найти!

Они швырнули труп в гамак. И тот раскачивался в лунном свете взад-вперед, взад-вперед.

- А может, тело назад отнесем? - спросил Билл. - Господи боженька, царица небесная, назад его что, нельзя?

- Времени нет! Слишком поздно! Нас засекут. ЭЙ! ПОГОДИ! - вдруг завопил Тони.

- Я ключ нашел!

- СЛАВА ТЕ ГОСПОДИ!

Они отперли дверь, сгребли эту штуку с гамака и помчались с нею вверх по лестнице. Комната Тони находилась ближе. Второй этаж. Труп довольно гулко стукался о стену и перила.

Тут они дотащили его до двери Тони и разложили на полу, пока Тони нашаривал в карманах второй ключ. Потом дверь открылась, они плюхнули труп на кровать, сходили к холодильнику, зацепили тонин галлон дешевого мускателя, хлопнули по полстакана, возобновили, вернулись в спальню, уселись и посмотрели на труп.

- Как ты думаешь, нас кто-нибудь видел? - спросил Билл.

- Если кто и видел, то здесь, наверное, уже легавых бы полно было.

- А как ты думаешь, они район обыскивать будут?

- Каким образом? Ломиться в двери в такое время и спрашивать: "Нет ли у вас мертвого тела"?

- Блин, наверное, ты прав.

- Конечно, прав, - ответил Тони, - но все равно интересно, каково парням было: приходят, а тела нет. Весело, наверное.

- Ага, - подтвердил Билл, - наверное.

- Ладно, весело или нет, но жмурик у нас. Во какой, на кровати валяется.

Они посмотрели на штуку под простыней, выпили еще.

- Интересно, он сколько уже покойник?

- Недолго, наверное, - я так думаю.

- А интересно, когда они застывать начинают? Интересно, когда они начинают вонять?

- Этот ригор мортис не сразу начинается, я думаю, - сказал Тони. - А вонять начнет довольно скоро. Как мусор в раковине. Мне кажется, кровь им только в морге спускают.

И вот эти два алкаша продолжали себе глотать мускатель; временами они даже забывали о трупе и разговаривали о других вещах, смутных и важных, даже не умея толком выразить свои мысли. Затем беседа снова возвращалась к покойнику.

Тело по-прежнему лежало на месте.

- Чего с ним будем делать? - спросил Билл.

- Поставим в чулан, когда застынет. Когда несли, у него все еще болталось.

Вероятно, полчаса назад умер или около того.

- Так, ладно, ставим его в чулан. А что дальше будем делать, когда вонять начнет?

- Я об этом еще не подумал, - ответил Тони.

- Так подумай, - сказал Билл, начисляя себе щедрой рукой.

Тони попытался подумать.

- А ведь знаешь, мы же в тюрьму сесть за это можем. Если нас поймают.

- Ну дак. И?

- Н-ну, мне кажется, мы сделали ошибку, только уже слишком поздно.

- Слишком поздно, - отозвался Билл.

- Поэтому, - подытожил Тони, начисляя щедрой рукой себе, - раз уж мы с этим жмуриком тут застряли, можно хоть поглядеть на него.

- Поглядеть?

- Ну, поглядеть.

- А очко не взыграет? - осведомился Билл.

- Фиг знает.

- Ссышь?

- Ну. Меня к такому не готовили, - сказал Тони.

- Хорошо. Ты тянешь простыню, - решил Билл, - только сперва мне налей.

Наливай, а потом тяни.

- Ладно, - согласился Тони.

Наполнил стакан Билла. Подошел к кровати.

- Ну, всё, - сказал Тони, - по-ЕХАЛИ!

И содрал с тела простыню через голову. Глаз он не открывал.

- Боже ПРАВЕДНЫЙ! - произнес Билл. - Это же баба! Молодая!

Тони открыл глаза.

- Ага. Была молодой. Господи, ты посмотри на эти волосы, светлые, аж задницу прикрывают. Но УМЕРЛА! Кошмарно и окончательно умерла,

навсегда. Вот невезуха! Я такого не понимаю.

- Как ты думаешь, ей сколько было?

- Да не похожа она на мертвую, - сказал Билл.

- Тем не менее.

- Посмотри только, какие сиськи! Какие ляжки! Какая пизда! Во пизда:

по-прежнему как живая!

- Ага, - сказал Тони. - Про пизду знаешь, как говорят: первой появляется, последней уходит.

Тони подошел к пизде, потрогал. Приподнял одну грудь, поцеловал эту чертову дохлятину.

- Так грустно, все так грустно - живем всю жизнь, как идиоты, а в самом конце подыхаем.

- Трупы нельзя трогать, - сказал Билл.

- Она прекрасна, - ответил Тони, - даже мертвая, она прекрасна.

- Ага, только если б она живой была, то на такую шантрапу, как ты, во второй раз бы и не взглянула. Сам же знаешь, разве нет?

- Еще бы! В этом-то все и дело! Теперь она ОТКАЗАТЬ не сможет!

- Ты это о чем, к ебеней фене?

- О том, - ответил Тони, - что хуй у меня твердый. ОЧЕНЬ ТВЕРДЫЙ!

Тони сходил и налил себе из банки. Выпил.

Потом подошел к кровати, стал целовать ей

груди, запускать в ее волосы пальцы и, в конце концов, впился ей губами в мертвый рот. Поцелуй живого и мертвой. А потом взгромоздился на нее.

Это было ХОРОШО. Тони рвал и метал. Ни разу в жизни такой хорошей ебли у него не было! Он кончил. Скатился, вытерся простыней.

Билл наблюдал за всем процессом, то и дело поднося ко рту галлон мускателя под тусклой лампочкой.

- Господи, Билл, это было прекрасно, прекрасно!

- Да ты совсем рехнулся! Ты только что выебал покойницу!

- А ты всю жизнь покойниц ебал - дохлых теток с дохлой душой и дохлой пиздой, - только не знал этого! Прости, Билл, но ебаться с нею было прекрасно. Мне нисколько не стыдно.

- Она настолько хороша?

- Ты никогда в это не поверишь.

Тони сходил в ванную и поссал.

Когда он вернулся, Билл уже сидел на теле верхом. Продвигался он успешно. Даже постанывал и немного рычал. Затем нагнулся, поцеловал этот мертвый рот и кончил.

Потом скатился, схватил край простыни, вы-

терся.

- Ты прав. Лучше никогда в жизни не ебался!

Потом они оба сидели на стульях и смотрели на нее.

- А интересно, как ее звали? - спросил Тони. - Я влюбился.

Билл засмеялся.

- Вот теперь я знаю, что ты назюзюкался! И в живую-то бабу только придурок конченый влюбится, а ты на мертвой залип.

- Ну, залип, и что с того? - сказал Тони.

- Залип так залип, - сказал Билл. - Теперь-то что будем делать?

- Выкинем ее отсюда к чертовой матери! - ответил Тони.

- Как?

- Так же, как и затащили: по лестнице.

- Потом?

- Потом - в твою машину. Отвезем ее на Пляж Венеция и скинем в море.

- Вода холодная.

- Она ее почувствует не больше, чем твой хуй у себя внутри.

- А твой? - спросил Билл.

- Его она тоже не почувствовала, - ответил Тони.

Вот она - дважды выебанная, мертво разлатанная на простынях.

- Шевели мослами, крошка! - заорал Тони.

Он схватил ее за ноги и помедлил. Билл схватил за голову. Когда они выбежали из комнаты, дверь осталась открытой. Тони пинком захлопнул ее, как только они оказались на площадке; простыня больше не обматывала тело, а, скорее, просто телепалась на нем. Как мокрая вихотка на кухонном кране. И снова много билась она головой, бедрами и обширной задницей о стены и лестничные перила.

Они зашвырнули ее на заднее сиденье к Биллу.

- Постой, постой, малыш! - завопил Тони.

- Чего еще?

- Пузырь забыли, ишак!

- О, ну еще бы.

Билл остался сидеть и ждать с мертвой пиздой на заднем сиденье.

Тони был человеком слова. Вскоре он выбежал с банкой муски.

Они выехали на шоссе, передавая банку друг другу и отпивая из нее хорошими глотками. Стояла теплая и красивая ночь, луна, разумеется, была полной. Только не совсем ночь. Часы уже показывали 4:15 утра. Все равно хорошее время.

Они остановили машину. Еще глотнули доброго мускателя, вытянули тело и поволокли его долгим-долгим, песчаным-песчаным пляжем к морю. Потом добрались, наконец, до той его части, где песок то и дело заливало прибоем, где в песке, мокром, пористом, было полно песчаных крабиков и их норок. Там они опустили труп и приложились к банке. Время от времени избыточная волна обдавала всех троих:

Билли, Тони и мертвую Пизду.

Биллу пришлось подняться с песка, чтобы отлить, а поскольку его учили манерам девятнадцатого века, отлить он отошел на несколько шагов по пляжу. Когда друг удалился, Тони стянул простыню и посмотрел на мертвое лицо сплетении и колыхании водорослей, в соленом утреннем воздухе. Тони смотрел на это лицо, а Билл ссал у берега. Милое доброе лицо, носик чуть остренький, но очень хороший рот, и тут, когда тело ее уже начало застывать, он склонился к ней, очень нежно поцеловал ее в губы и сказал:

- Я люблю тебя, сука мертвая.

И накрыл тело простыней.

Билл стряхнул последние капли, вернулся.

- Мне еще выпить нужно.

- Давай. Я тоже глотну.

Тони сказал:
- Я ее от берега отбуксирую.
- А ты хорошо плаваешь?
- Не очень.
- А я хорошо. Я и отбуксирую.
- НЕТ! НЕТ! - заорал Тони.
- Черт побери, хватит орать!
- Я сам ее отбуксирую!
- Ладно! Ладно!

Тони еще раз хлебнул, стянул простыню вбок, поднял тело и медленно зашагал к волнолому. Мускатель ударил в голову сильнее, чем он предполагал. Несколько раз большие волны сбивали их с ног, вышибали ее у него из рук, и он отчаянно барахтался, бежал, плыл, стараясь отыскать в волнах тело. Потом замечал ее - эти длинные, длинные волосы. Совсем как у русалки. А может, она и была русалкой.

Наконец, Тони вывел ее за волноломы. Стояла тишина. На полпути между луной и рассветом. Он проплыл немного с нею рядом. Очень тихо. Время внутри времени и за пределами времени.

Наконец, он слегка подтолкнул тело. Она отчалила, наполовину погрузившись, и длинные пряди ее клубились вокруг тела. Все равно она оставалась прекрасна, хоть мертвая, хоть какая.

Она отплывала от него, попав в какое-то течение прилива. Море взяло ее.

Тут он неожиданно отвернулся, заспешил, загрёб к берегу. Казалось, он очень далеко. Последним взмахом оставшихся сил он выкатился на песок, словно волна, перебитая последним волноломом. Приподнялся, упал, встал, пошел, сел рядом с Биллом.

- Значит, ее больше нет, - произнес Билл.

- Ну. Корм акулий.

- А как ты думаешь, нас поймают?

- Нет. Дай хлебнуть.

- Полегче давай. Там уже на донышке.

- Ага.

Они вернулись к машине. Билл сел за руль. По пути домой они спорили, кому достанется последний глоток, потом Тони вспомнил о русалке. Он опустил голову и заплакал.

- Ты всегда ссыклом был, - сказал Билл, - всегда ссыклом был.

Они вернулись в меблирашки.

Билл ушел к себе в комнату, Тони - к себе. Вставало солнце. Мир просыпался.

Некоторые просыпались с бодунами. Некоторые - с мыслями о церкви. Большинство же еще спало. Воскресное утро. А русалка, русалка со

своим славным мертвым хвостом - она уже в открытом море. А где-то пеликан нырнул и взмыл с серебристой рыбкой, похожей на гитару.

АККУМУЛЯТОР ПОДСЕЛ

я купил ей выпить, а потом еще выпить, и уж потом мы поднялись по лестнице за баром. там располагалось несколько больших комнат. она меня завела. язычком мне крутила. и мы лапали друг друга всю дорогу, пока поднимались. в первый раз я всунул стоймя, прямо в дверях. она лишь трусики оттянула, и тут я вставил.

потом мы зашли в спальню, а на другой постели пацан какой-то лежит, там две постели было, и пацан этот говорит:

- здорово.

- это мой брат, - говорит она.

парнишка - прямо доходяга, а по виду - отпетый бандит, но если вдуматься, все люди на свете по виду отпетые бандиты.

в изголовье стояло несколько бутылок вина. они открыли одну, я подождал, пока оба отопьют, потом сам хлебнул.

кинул десятку на комод.

пацан от бутылки не отрывался.

- у него старший брат - великий тореадор, Хайме Браво.

- я слыхал о Хайме Браво, он, в основном, в Т. на

арену выходит, сказал я.

- но тюльку на уши мне вешать не надо.

- ладно, - ответила она. - тюльки не будет.

мы немного поговорили, прикладываясь, - просто светская беседа. а потом она погасила свет, и с брательником на соседней кровати мы сделали это снова.

бумажник я сунул под подушку.

когда мы закончили, она зажгла лампочку и ушла в ванную, а мы с брательником отхлебнули по очереди. когда он отвернулся, я вытерся простыней.

она вышла из ванны, по-прежнему хорошенькая; я имею в виду, после двух случек она все еще хорошо выглядела. груди маленькие, но твердые; сколько бы в них ни было, торчали как надо. а задница - большая, тоже то, что нужно.

- ты зачем сюда заехал? - спросила она, подходя к кровати. скользнула ко мне под бок, натянула простыню, приложилась к пазырю.

- аккумулятор зарядить через дорогу.

- после вот этого, - сказала она, - тебе самому подзарядка понадобится.

мы рассмеялись. даже брательник рассмеялся. потом посмотрел на нее:

- он нормальный?

- конечно, нормальный, - ответила она.

- вы о чем это? - спросил я.

- нам надо поосторожнее.

- не понял?

- тут одну девчонку в прошлом году чуть не убили. какой-то парень сунул ей кляп в рот, чтоб не орала, потом достал перочинный ножик и по всему тело ей крестов понавырезал. столько крови потеряла, чуть не умерла.

брательник ее оделся очень медленно, потом ушел. я дал ей пятерку. она швырнула ее на комод к десятке.

протянула мне бутылку. хорошее вино, французское. от него не тошнит.

она потерлась об меня ногой. мы уже оба сидели в постели. очень удобно.

- тебе сколько лет? - спросила она.

- черт-те сколько - почти полвека.

- вжариваешь ты здорово, а выглядишь как развалина ходячая.

- прости. я не очень симпатичный.

- о, нет, я думаю, ты - прекрасный человек. тебе это кто-нибудь говорил?

- спорить готов, ты это всем говоришь, с кем ебешься.

- нет, не всем.

мы еще немного посидели, бутылка ходила по кругу. было очень тихо, если не считать отзвуков музыки. доносившихся снизу из бара. я аж в какой-то сонный транс впал.

- ЭЙ! - завопила она. и длинным ногтем мне прямо в пупок.

- оу! ч-черт!

- ПОСМОТРИ на меня!

я повернулся и посмотрел.

- что ты видишь?

- красивую мексиканскую индианку.

- как ты это видишь?

- что?

- как ты видишь? ты же глаз не открываешь. ты щуришься. почему?

справедливый вопрос. я хорошенько отхлебнул французского вина.

- не знаю. может быть, я боюсь. всего боюсь. я имею в виду - людей, домов, вещей, всего. людей, главным образом.

- я тоже боюсь, - сказала она.

- но у тебя глаза открыты. мне нравятся твои глаза.

она прикладывалась к бутылке. сильно прикладывалась. знаю я этих мексиканцев в Америке. я ждал, когда она сучиться начнет.

тут в дверь забарабанили так, что я чуть не обосрался. распахнули ее злобно, по-американски: там стоял бармен - здоровенный, красноорожий, брутальный банальный ублюдок.

- ты еще с этим мудозвоном не закончила?

- мне кажется, ему еще хочется, - ответила она.

- это так? - спросил г-н Банальный.

- думаю, да, - ответил я.

взгляд его ястребом кинулся к деньгам на комоде, и он захлопнул дверь. общество денег. они думают, что деньги - волшебная палочка.

- это был мой муж... как бы, - сказала она.

- мне кажется, я больше не хочу, - сказал я.

- почему?

- во-первых, мне 48. во-вторых, это как ебаться в зале ожидания на автостанции.

она засмеялась.

- я - то, что вы, парни, называете "блядью". я должна выебать 8 или 10 мужиков в неделю, по меньшей мере.

- это уж точно мне никак не поможет.

- зато мне поможет.

- ну.

мы еще раз по очереди приложились.

- тебе нравится с женщинами ебаться?

- я для этого и здесь.

- а с мужчинами?

- я не ебусь с мужчинами.

она присосалась к бутылке. наверное, добрую четверть выхлестала.

- может, тебе в жопу хотелось бы? может, тебе хотелось бы, чтобы какой-нибудь мужик выебал тебя в жопу?

- ты ахинею несешь.

она смотрела прямо перед собой. на дальней стене висел маленький серебряный Христос. и она смотрела на этого маленького серебряного Христа на кресте.

Христос был очень хорошенький.

- может, ты это утаивал. может, ты хочешь, чтобы кто-нибудь выебал тебя в жопу.

- ладно, пусть будет по-твоему: может, мне этого действительно хочется.

я взял штопор и откупорил верхушку нового французского вина, пропихнув крошки пробки и прочего дерьма в вино, как я обычно делал. только официанты в кино могут открывать французское вино без лажи.

я сделал первый хороший глоток. с пробкой и всем остальным. протянул ей бутылку.

нога у нее упала с кровати. лицо стало как у рыбы. она хорошенько глотнула.

я забрал у нее вино. казалось, маленькие крошки пробки в бутылке не знают, куда деваться. от некоторых я избавился.

- ты хочешь, чтобы я тебя в жопу выебала? - спросила она.

- ЧТО?

- а я МОГУ!

она поднялась с кровати, подошла к верхнему ящику комода, застегнула у себя на талии этот ремень и повернулась ко мне - и прямо на меня посмотрел ЗДОРОВЕННЫЙ целлулоидный хуй.

- десять дюймов! - рассмеялась она, выпячивая живот, подсовывая эту штуку прямо мне под нос. - и никогда не опускается, никогда не изнашивается!

- ты мне раньше больше нравилась.

- ты не веришь, что мой старший брат - Хайме Браво, великий тореадор?

о какая - стоит с привязанным целлулоидным хуем и спрашивает меня про Хайме Браво.

- я не думаю, что Браво имел бы в Испании успех, - сказал я.

- а ты бы имел в Испании успех?

- черт, да я в Лос-Анжелесе успеха не имею. а теперь сними, пожалуйста, этот уморительный искусственный хуй...

она отстегнула его и сложила обратно в верхний ящик комода.

я вылез из постели и сел на жесткий стул, отхлебывая из горла. она нашла себе другой стул, и вот так мы и сидели друг напротив друга, голые, и передавали другу другу бутылку.

- это мне почему-то напоминает старый фильм с Лесли Ховардом, хотя эту часть они бы ни за что не сняли. это же Ховард в кино по Сомерсету Моэму снимался?

- я не знаю этих людей.

- правильно. ты слишком молодая.

- а тебе нравился этот Ховард, этот Моэм?

- у них у обоих стиль был. много стиля. но почему-то с ними обоими часы ли пройдут, дни или годы - начинаешь, в конечном итоге, думать, что тебя облапошили.

- но у них у обоих было то, что ты называешь "стилем"?

- да, стиль очень важен. множество людей орет правду, но без стиля она беспомощна.

- у Браво есть стиль, у меня есть стиль, у тебя есть стиль.

- хоть чему-то научилась.

потом я снова залез в постель. за мной - она. я попробовал снова. ничего не вышло.

- сосешь? - спросил я.

- конечно.

она взяла его в рот и что-то из меня выжала.

я дал ей еще пятерку, оделся, отхлебнул еще вина и спустился по лестнице, перешел через дорогу к заправке. аккумулятор зарядили полностью. я заплатил работнику, выкатил задним ходом ма-

шину, дернул по 8-й авеню. 2 или 3 мили за мною висел легавый на мотоцикле. в бардачке у меня лежала пачка КЛОРЕТОВ, я ее вытащил, извлек 3-4. лягаш, наконец, отлип и прицепился к какому-то япу, который внезапно свернул влево на бульвар Уилтшир, не включив поворотника и не просигналив рукой. они заслужили друг друга.

когда я приехал к себе, женщина спала, а маленькой девочке захотелось, чтобы я почитал ей из книжки под названием ЦЫПЛЯТА КРОХИ СЬЮЗАН. это было ужасно. Бобби нашел картонный ящик, чтобы в нем могли спать цыплята. он поставил его в угол за кухонную плиту. потом Бобби насыпал немного кашки Крохи Сьюзан в маленькую тарелочку и аккуратно поставил ее в ящик, чтобы цыплята могли немножко пообедать. а Кроха Сьюзан смеялась и хлопала своими маленькими жирными ладошками.

позже выясняется, что два других цыпленка - петушки, а Кроха Сьюзан наседка, наседка, отложившая чудеснейшее на свете яйцо. вот те на.

я уложил маленькую девочку, зашел в ванную и пустил в ванну горячую воду. потом залез туда и подумал: в следующий раз, когда аккумулятор сядет, пойду в кино.

потом я вытянулся в горячей воде и забыл обо

всем. почти.

Президент Соединенных Штатов Америки сел в машину в окружении своих агентов. На заднее сиденье сел. Стояло темное и ничем не выдающееся утро. Никто не говорил ни слова. Они покатили вперед, и шины шуршали по улицам, все еще мокрым от ночного дождика. Молчание было необычнее, чем когда-либо раньше.

Они некоторое время ехали, затем Президент спросил:

- Послушайте, а ведь это дорога не в аэропорт?

Агенты не ответили. Отпуск был запланирован. Две недели в личном доме. Самолет ждал его в аэропорту.

Снова начало моросить. Похоже, опять дождь припустит. Все, включая самого Президента, были одеты в тяжелые плащи; шляпы; от этого казалось, что в машине не продохнуть. Снаружи холодный ветер не утихал.

- Водитель, - сказал Президент, - мне кажется, вы на неверном пути.

Водитель не ответил. Остальные агенты смотрели прямо вперед.

- Послушайте, - сказал Президет, - может кто-нибудь подсказать этому человеку правильную дорогу в аэропорт?

- Мы не едем в аэропорт, - произнес агент слева от Президента.

- Мы не едем в аэропорт? - переспросил Президент.

Агенты снова затихли. Морось перешла в дождь. Водитель включил дворники.

- Слушайте, в чем дело? - спросил Президент. - Что тут происходит?

- Которую неделю уже льет, - сказал агент, сидевший с водителем. Это угнетает. Хорошо бы немного солнышка.

- Я б тоже не отказался, - подтвердил водитель.

- Тут что-то не так, - сказал Президент. - Я требую знать...

- Вы больше не в том положении, чтобы требовать, - ответил агент справа.

- Вы имеете в виду?.. - начал Президент.

- Мы имеем в виду, - ответил тот же агент.

- Это будет покушение? - спросил Президент.

- Вряд ли. Это старомодно.

- Тогда что...

- Прошу вас. У нас приказ ничего не обсуждать.

Они ехали так несколько часов. Дождь не прекращался. Никто не произносил ни слова.

- Теперь, - произнес агент слева, - еще один круг и сворачивай. Хвоста нет.

Дождь нам очень помог.

Машина еще немного покружила по местности и свернула на узенькую грунтовку. Было грязно, и колеса то и дело скользили, проворачивались, потом снова отыскивали опору, и машина продвигалась вперед. Человек в желтом дождевике посветил фонариком и направил их в открытые ворота гаража. Место было уединенным, вокруг много деревьев. Слева от гаража стояла небольшая ферма. Агенты открыли двери машины.

- Выходите, - велели они Президенту. Президент повиновался. Агенты тщательно обступили Президента, хотя вокруг не было ни души на многие мили, если не считать человека с фонариком и в желтом плаще.

- Я не понимаю, почему все нельзя сделать прямо здесь, - произнес человек в желтом плаще. - По-другому точно выйдет рискованнее.

- Приказ, - ответил один агент. - Сам знаешь. Он всегда был знаменит своей интуицией. А теперь и подавно.

- Холодина какая. У вас есть время выпить чашечку кофе? Он готов.

- Очень мило с твой стороны. Мы долго ехали. Я полагаю, вторую машину снарядили?

- Конечно. Проверяли неоднократно. На самом

деле, мы минут на десять опережаем график. Я поэтому кофе и предложил. Знаете же, как он любит точность.

- Ладно, тогда зайдем.

Не выпуская Президента из своего круга, агенты вошли в домик.

- Сядьте здесь, - велел один Президенту.

- Хороший кофе, - сказал человек в желтом дождевике. - Вручную молол.

Он обошел всех с кофейником. Налил себе, сел, не снимая дождевика, только капюшон отстегнул и кинул на печку.

- Ах, хорошо, - вымолвил один агент.

- Сливки и сахар? - спросил у Президента другой.

- Давайте, - ответил тот...

В старой машине места было немного, но все поместились; Президент снова на заднем сиденье... Старая машина тоже буксовала в грязи, колеса проваливались в выбоины, но обратно на дорогу они выбрались. Снова большую часть пути молчали.

Потом один агент закурил.

- Черт, никак бросить курить не могу!

- Да, это непросто, делов-то. Не бери в голову.

- Я и так не беру. Просто от самого себя про-

тивно.

- Да ладно тебе. Сегодня великий день в Истории.

- Это уж точно! - ответил тот, что с сигаретой.

И глубоко затянулся...

Они остановились возле старых меблирашек. Дождь не прекращался. Немного посидели в машине.

- Всё, - сказал агент рядом с водителем, - выводи его. Чисто. На улицах никого.

Они провели Президента, держа его между собой, сначала через парадное, затем 3 лестничных пролета вверх, не выпуская его ни на секунду. Остановились и постучали в 306-й. Условным стуком: один удар, пауза, 3 удара, пауза, два...

Дверь открылась, и агенты быстро втолкнули Президента внутрь. Дверь за ним закрыли и заперли. Внутри его ждали три человека. Двоим - за 50. Костюм третьего состоял из старой батрацкой рубахи, поношенных штанов на несколько размеров больше и башмаков за 10 долларов, стоптанных и нечищенных. Он сидел в кресле-качалке посередине. Было ему лет 80, но он улыбался... а глаза оставались теми же; нос, подбородок, лоб тоже не сильно изменились.

- Добро пожаловать, господин Президент. Я

долго поджидал Историю, Науку и Вас, и вот все прибыли по расписанию сегодня...

Президент вгляделся в старика в качалке:

- Боже милостивый! Вы... вы же...

- Вы меня узнали! Иные ваши сограждане подшучивали над нашим сходством! Слишком глупо даже предполагать, что я был...

- Но ведь доказано, что...

- Разумеется, доказано. Бункеры: 30 апреля 1945 года. Нам так хотелось. Я был терпелив. Наука оставалась с нами, но иногда мне приходилось поторапливать историю. Нам нужен был верный человек. Вы - наш верный человек. Остальные были слишком невозможны - слишком чужды моей политической философии... Вы - намного идеальнее. Работая через вас, все окажется гораздо легче. Но, как я сказал уже, приходилось немного подгонять ролик Истории... в моем возрасте... я был вынужден...

- Вы имеете в виду?..

- Да. Я убрал вашего президента Кеннеди. А затем - его брата...

- Но зачем было второе покушение?

- К нам поступила информация, что этот молодой человек выиграл бы президентские выборы.

- Но чего же вы хотите от меня? Мне сказали,

что покушения на меня не будет...

- Могу я представить вам доктора Графа и доктора Фолькера?

Два человека кивнули Президенту и улыбнулись.

- Но что же будет? - спросил Президент.

- Прошу вас. Минуточку. Я должен уточнить у своих людей. Карл, как прошло с Двойником?

- Прекрасно. Мы позвонили с фермы. Двойник прибыл в аэропорт по расписанию. Он объявил, что ввиду погодных условий переносит полет на завтра. Затем объявил, что едет покататься... что ему нравится кататься на машине под дождем...

- А остальное? - спросил старик.

- Двойник мертв.

- Прекрасно. Тогда давайте начинать. История и Наука прибыли Вовремя.

Агенты подвели Президента к одному из двух хирургических столов. Попросили раздеться. Старик подошел к другому столу. Доктор Граф и доктор Фолькер облачились в халаты и приготовились выполнять задание...

Один из двоих, помоложе на вид, поднялся со стола. Оделся в костюм Президента, подошел к большому зеркалу на северной стене. Постоял перед ним добрых 5 минут.

Затем повернулся.

- Это действительно чудо! Ни единого шрама... никакой послеоперационной реабилитации. Поздравляю вас, джентльмены! Как вам это удалось?

- Что ж, Адольф, - ответил один из врачей, - мы прошли долгий путь со времени...

- СТОП! Ко мне никогда больше не должны обращаться "Адольф"... пока не придет время, пока я не скажу!.. До тех пор - никакого немецкого... Теперь я - Президент Соединенных Штатов Америки!

- Да, господин Президент!

Тут он поднял руку и коснулся верхней губы:

- Но старых усиков мне в самом деле не хватает!

Они улыбнулись.

Затем он спросил:

- А как старик?

- Мы уложили его в постель. Он не проснется еще сутки. В настоящий же момент...

всё... все отростки операции уничтожены, рассосались. Нам остается только выйти отсюда, - ответил доктор Граф. - Но... господин Президент, я бы осмелился предложить этого человека...

- Нет, говорю же вам, он беспомощен! Пусть страдает теперь, как страдал я!

Он подошел к кровати и посмотрел на старика. Седого, лет восьмидесяти.

- Завтра я окажусь в его личном доме. Любопытно, как его жена отнесется к моим ласкам? - И он коротко хохотнул.

- Я уверен, майн Фюрер... Простите! Прошу вас! Я уверен, господин Президент, что ваши ласки ей очень понравятся.

- Давайте тогда покинем это место. Сначала - врачи, пусть едут, куда должны.

Затем все остальные... по одному или по двое... меняем машины и хорошенько выспимся в Белом Доме.

Старик с седыми волосами проснулся. В комнате он был один. Можно бежать. Он выбрался из постели, нащупывая одежду, и, идя по комнате, увидел в большом зеркале старика.

Нет, подумал он, боже мой, только не это!

Он поднял руку. Старик в зеркале тоже поднял руку. Он сделал шаг вперед. Старик в зеркале увеличился в размерах. Он посмотрел на свои руки - все в морщинах, вовсе не его руки! И на ноги! Это не его ноги! Это не его тело!

- Господи! - произнес он вслух. - ОХ ГОСПОДИ ТЫ БОЖЕ МОЙ!

И тут он услышал свой голос. Даже голос был

не его. Голосовые связки они тоже пересадили. Он ощупал горло, всю голову пальцами. Никаких шрамов! Нигде ни единого шрама. Он надел вещи старика и быстро спустился по лестнице. На первом этаже постучал в дверь, на которой висела табличка "Консьержка".

Дверь открылась. Старуха.

- Что, мистер Тилсон? - спросила она.

- "Мистер Тилсон"? Сударыня, я - Президент Соединенных Штатов! Это чрезвычайная ситуация!

- Ох, мистер Тилсон, какой вы шутник!

- Послушайте, где тут у вас телефон?

- Там же, где и всегда был, мистер Тилсон. Слева от входа.

Он пошарил в карманах. Мелочь они ему оставили. Он заглянул в бумажник. 18 долларов. Он вложил дайм в щель телефона.

- Сударыня, какой здесь адрес?

- Да ладно вам, мистер Тилсон, вы же его знаете. Вы же тут сколько лет прожили!

Какой-то вы странный сегодня, мистер Тилсон. И я вам кое-что еще хотела сказать!

- Да, да... что еще?

- Мне хотелось вам напомнить, что сегодня вам пора платить за квартиру!

- Ох, сударыня, прошу вас, скажите, какой здесь

адрес!

- Будто не знаете! Шорхэм-Драйв, 2435.

- Да, - сказал он в трубку, - такси? Мне нужно такси, Шорхэм-Драйв, 2435. Я буду ждать на первом этаже. Моя фамилия? Моя фамилия? Ладно, пусть будет Тилсон...

В Белый Дом ехать бессмысленно, подумал он, там у них все схвачено... Поеду в крупнейшую газету. Расскажу им. Расскажу редактору всё, всё, что случилось...

Другие пациенты смеялись над ним.

- Вишь, вон парень? На диктатора этого еще как бы смахивает, как там его, только старше. Как бы там ни было, когда его сюда месяц назад привезли, он утверждал, что он - Президент Соединенных Штатов Америки. Так то месяц назад было. Сейчас уже не так часто твердит. Но от газет не оторвешь. В жизни никого не встречал, кто бы так газетами зачитывался. Хотя в политике он в натуре сечёт.

От этого, наверное, и сбрендил. Слишком много политики.

Прозвонил колокольчик на обед. Все пациенты зашевелились. Кроме одного.

К нему подошел медбрат.

- Мистер Тилсон?

Ответа не последовало.

- МИСТЕР ТИЛСОН!

- О... да?

- Пора кушать, мистер Тилсон!

Седой старик поднялся и медленно направился к столовой пациентов.

ПОЛИТИКА - ЭТО КАК ПЫТАТЬСЯ ВЫЕБАТЬ КОТА В СРАКУ

"Уважаемый г-н Буковски!

Почему Вы никогда не пишете о политике или событиях в мире?

М.К."

"Уважаемый М.К.!

К чему? Что там, типа, нового? - все равно все знают, что бекон подгорает."

неистовство наше происходит довольно спокойно: мы просто вперились в ворс ковра и задаем себе вопрос - какое говно покатило не так, когда подорвали трамвай, набитый этими пижонами, с плакатом Пучеглаза-Морячка на боку.

тут вот что самое главное: хорошая мечта испарилась, а когда испаряется хорошая мечта, испаряется всё. остальное - навозная возня для Генералов и хапуг. кстати - я вижу, где еще один бомбардировщик США, начиненный водородными бомбами, снова гахнулся с небес - на ЭТОТ раз в море возле Исландии. ребятки весьма небрежно запускают своих бумажных журавликов, пока ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО защищают мою жизнь.

Госдеп говорит, что бомбы были "невооружены", что бы это ни значило. мы продолжаем читать, где одна из водородных бомб (выпавшая) раскололась и распространяет повсюду радиоактивное говнище, пока предположительно защищает мою жизнь, В ТО ВРЕМЯ, КАК я даже не просил такой защиты. разница между Демократией и Диктатурой заключается в том, что при Демократии сначала голосуешь, а потом получаешь приказ; при Диктатуре на голосование времени тратить не нужно.

возвращаясь к выпавшей водородной бомбе - некоторое время назад то же самое произошло у побережья ИСПАНИИ. (мы ж везде теперь, защищаем меня.) и снова бомбы теряются - беззаботные погремушки. 3 месяца потребовалось если мне не изменяет память - чтоб они нашли и подняли оттуда последнюю бомбу. на самом деле, может, и 3 недели, да только людям, что живут в этом приморском городке, показалось, должно быть, что 3 года. эта последняя бомба - проклятущая, зависла на песчаном откосе на дне, и как нежно ее ни подцепляй, петли стряхивает и с каждым разом все глубже соскальзывает. а тем временем все бедолаги из этого городка в постелях по ночам ворочаются: не взлететь

бы к чертям собачьим благодаря любезности Звездно-Полосатых. разумеется, Госдеп США издал заявление, что, мол, в водородной бомбе детонатора нет, да только богатеи тем временем все равно в другие края подались, а американские моряки и горожане на вид очень сильно нервничали. (в конце концов, если эти дуры не взрываются, чего ж их тогда на самолетах возить? можно тогда и с двухтонной сардельком летать. детонатор означает "зажигание" или "спусковой крючок", а "зажечься" ведь может откуда угодно, спусковой же крючок означает "удар" или любое подобное действие, приводящее в движение механизм выстрела. ТЕПЕРЬ же, по терминологии, они "невооружены" - что звучит безопаснее, а на самом деле - одно и то же.) как бы то ни было, бомбу цепляли, но, как в народе говорят, она своим умом жила. тут парочка подводных штормов налетела, и наша миленькая бомбенция все дальше и дальше под укос закатывалась. а море очень глубокое гораздо глубже нашего руководства.

наконец, смастерили специальное оборудование - только для того, чтобы выволочь оттуда бомбовую задницу, и ее из моря вытащили. Паломарес. да, вот где оно все было: в Паломаресе. и знаете, что они сделали дальше? Американский

Военно-Морской Флот, чтобы отпразновать находку бомбы, устроил в городском парке КОНЦЕРТ СВОЕГО ОРКЕСТРА - если эта штуковина не была опасна, то чего ж они так руками размахались? да, и матросы играли музыку, а испанцы слушали эту музыку, и все они объединились и слились тут сексуально и духовно.

что стало с той бомбой, которую выволокли из моря, я не знаю, никто (за исключением некоторых) не знает, а оркестр наяривал себе дальше. в это время 1000 тонн радиоактивного испанского грунта переправляли в Эйкен, Южная Каролина, в запломбированных контейнерах. спорить готов, аренда в Эйкене дешевле.

итак, наши бомбы сейчас плавают и тонут, охлажденные и "невооруженные", где-то около Исландии.

и что же вы станете делать, когда мозги людей у вас настроены на что-то не очень хорошее? всё просто: настраивать их мозги на что-то другое. люди умеют думать лишь о чем-нибудь одном зараз. типа, ладно, заголовок от 23 января 1968 года:

Б-52 РАЗБИЛСЯ В РАЙОНЕ ГРЕНЛАНДИИ С ВОДОРОДНЫМИ БОМБАМИ НА БОРТУ; ДАТЧАНЕ РАЗГНЕВАНЫ. Датчане разгневаны? ёбаный стос!

как бы то ни было. ни с того ни с сего 24 января - заголовок: СЕВЕРНЫЕ КОРЕЙЦЫ ЗАХВАТЫВАЮТ КОРАБЛЬ ВМС США.

елки-палки, откуда патриотизм берется! ах, какие сволочи! я-то думал, что ЭТА война окончена! ага. понятно - КРАСНЫЕ! корейские марионетки!

под фотографией АП говорится что-то вроде: Разведывательное судно США Пуэбло - бывший армейский транспорт, ныне переоборудованный в один из секретных шпионских кораблей ВМФ США и снабженный электрическими приборами слежения и океанографическим оборудованием, был насильно доставлен в Гавань Вонсан на побережье Северной Кореи.

вот же красная сволочь, вечно доябывается!

Я ЖЕ заметил, что историю про потерянную водородную бомбу впихнули в малюсенький квадратик: "На Месте Катастрофы Б-52 Засечена Радиация; Подозрение на Расколовшуюся Бомбу".

нам говорят, что президента разбудили между 2 и половиной третьего утра, чтобы рассказать о захвате Пуэбло.

я полагаю, после этого он снова заснул.

США утверждают, что Пуэбло находился в международных водах; корейцы утверждают, что

корабль был в территориальных водах. одна страна врет, другая - нет.

потом задаешь себе вопрос: а что толку от шпионского корабля в международных водах? это как в солнечный день плащ напяливать.

чем пристальнее всматриваешься, тем лучше твоя оптика различает.

заголовок:

26 января 1968 года: США ПРИЗЫВАЮТ НА СЛУЖБУ 14.700 РЕЗЕРВИСТОВ ВВС.

потерянные возле Исландии водородные бомбы испарились из печати совершенно, будто и не было никогда.

а тем временем:

Сенатор Джон Ч.Стеннис (демократ от Миссури) заявил, что решение мистера Джонсона (о призыве резервистов ВВС) было "необходимо и оправдано", и прибавил:

"Я надеюсь, он не станет медлить и мобилизует также компоненты сухопутного резерва."

лидер сенатского меньшинства Ричард Б.Расселл (демократ от Джорджии): "По последним анализам, эта страна должна добиться возвращения захваченного судна вместе с экипажем. в конечном итоге, великие войны начинались и с менее серьезных инцидентов."

Спикер Нижней Палаты Конгресса Джон У.МакКормак (демократ от Массачуссеттса):

"Американский народ должен, наконец, осознать, что коммунизм до сих пор стремится к мировому господству. По этому поводу сейчас существует слишком сильная апатия."

мне кажется, если бы Адольф Гитлер еще коптил небо, он бы получил массу удовольствия от сегодняшней обстановки.

ну что тут сказать о политике и событиях в мире? берлинский кризис, кубинский кризис. самолеты-шпионы, корабли-шпионы, Вьетнам, Корея, потерявшиеся водородные бомбы, бунты в городах Америки, голодуха в Индии, чистки в Красном Китае? что - хорошие парни и плохие парни? что некоторые врут все время, а некоторые - никогда? что - есть хорошие правительства и плохие? нет, существуют только плохие правительства и те, что еще хуже. что - вспыхнет светом и пахнет жаром так, что нас раздерет в клочья однажды ночью, пока мы трахаемся или срём, смотрим комиксы или клеим в книжицу синие фишки? во мгновенной смерти нет ничего нового, а в массовой мгновенной смерти - и подавно. но мы усовершенствовали продукт; хорошенько потрудились над веками знаний, культуры и от-

крытий; библиотеки разжирели, кишат и битком набиты книгами; великие картины продаются за сотни тысяч долларов; медицина пересаживает человеческое сердце; на улице безумца от здорового не отличишь - как вдруг мы осознаем, что наши жизни снова в руках идиотов. бомбы могут никогда не упасть; бомбы могут упасть. вышел месяц из тумана...

а теперь, если вы простите меня, дорогие читатели, я вернусь к блядям, к лошадям и к выпивке, пока еще есть время. если и в них содержится смерть, то, мне кажется, не так хамски будет отвечать только за свою собственную, чем за ту, другую, которую тебе суют в рюшечках фраз: Свобода, Демократия, Гуманизм и/или любая или вся скопом подобная Срань.

первая почта - в 12:30. первый стакан - теперь. а блядво всегда окажется поблизости. Клара, Пенни, Элис, Анна...

вынул ножик из кармана...

МОЯ ТОЛСТОЖОПАЯ МАМОЧКА

две хорошие девахи они были - Тито и Лапуся. на вид обеим лет по 60, на самом деле - ближе к 40. а всё пьянство да нервы. мне было 29, на вид - ближе к полтиннику. тоже пьянство да нервы. фатеру оттопырил сначала я, а они уже потом въехали. управляющий меблирашками из-за этого тоже психовал, все время гонял к нам наверх легавых, чуть кто пикни. сплошной мандраж. я даже в центр унитаза ссать боялся.

самое лучшее лучшее время у меня было - ЗЕРКАЛО, когда я рассматривал себя:

пузо распухшее, тут же Тито и Лапуся, пьяные, болеют днем и ночью, мы все втроем болеем, дешевенькое радио орет, трубы все износились, сидим на этом протертом ковре, ах ты ж господи, ЗЕРКАЛО, а я смотрюсь в него и говорю:

- Тито, он у тебя в заднице. чувствуешь?

- ох да, ох боже мой да - ГЛУБЖЕ! эй! ты КУДА?

- а теперь, Лапуся, он вон там перед тобой, а-а? чувствуешь? здоровая лиловая головка, как будто змея арии распевает! чувствуешь меня, любовь моя?

- уууу, дорогуша, я наверное сейчас ко... ЭЙ!

ты КУДА?

- Тито, я снова в твоем седалище. я рассекаю тебя надвое. спасенья нет!

- ууу боже ууууу, ЭЙ, ты КУДА? вернись сейчас же!

- не знаю.

- что не знаю?

- не знаю, кому дать его поймать. что же мне делать? я хочу обеих, я не могу ОТЫМЕТЬ вас обеих сразу! а пока я над этим размышляю, меня охватывает ужас краха и агония, что я не смогу его удержать! неужели никто не понимает моих страданий?

- нет, отдай мне и всё!

- нет, мне, мне!

ТУТ ВСТУПАЕТ ЗДОРОВЕННЫЙ КУЛАК ЗАКОНА И ПОРЯДКА.

бац! бАц! БАЦ!

- эй, у вас что тут происходит?

- ничё.

- ничего? что за стоны, визг и вопли? полчетвертого утра. из-за вас четыре этажа глаз не смыкают, не могут понять...

- да ничё. я играю в шахматы вот с мамой и сестренкой.

- уйдите, пожалуйста. у моей мамочки больное

сердце. вы ее пугаете до смерти. к тому же у нее последняя пешка осталась.

- и ТЫ тоже, приятель! если ты еще не понял, тот тут Департамент Полиции Лос-Анжелеса...

- господи, ни за что б не догадался...

- теперь догадался. ладно, открывайте, а не то мы дверь вышибем!

Тито с Лапусей сбежали в дальний угол столовой, съежились там, дрожа, удерживая, обнимая свои стареющие, морщинистые, кирюшные, безумные тела. они были глупо хорошенькими.

- открывай, приятель, мы за последние полторы недели к тебе уже четыре раза заходили по одному и тому же вызову. ты думаешь, нам нравится просто так ходить и швырять людей в каталажку просто потому, что нам в кайф?

- ага.

- Капитан Брэдли говорит, что ему наплевать, черный ты или белый.

- передайте Капитану Брэдли, что мне это тоже безразлично.

я сидел тихо. две бляди дрожали и хватались за свои сморщенные тела под торшером в углу. тупое удушливое молчание ивовых листочков в цыплячьем помете среди недоброй зимы.

они взяли ключ у управляющего, и дверь при-

открылась на 4 дюйма, а дальше ее удерживала цепочка, которую я туда накинул. один легавый со мною разговаривал, а второй отверткой пытался вытолкнуть цепочку из щели. я позволял ему почти что ее выпихнуть, а потом задвигал обратно до упора. стоя, между тем, голышом с восставшим членом.

- вы нарушаете мои права. чтобы войти сюда, вам нужен ордер на обыск. вы не можете сюда вламываться по собственной инициативе. что это, парни, с вами такое, к чертовой матери?

- кто из этих двоих считается твоей матерью?

- та, у которой жопа шире.

второму опять почти что удалось снять цепочку. пальцем я задвинул ее на место.

- давай, впусти нас, просто поговорим.

- о чем? о чудесах Диснейленда?

- нет, нет, ты, судя по всему, - человек интересный. мы просто хотим зайти поговорить.

- должно быть, вы меня недоразвитым считаете. если я когда-нибудь и охуею настолько, чтобы браслетики носить, я их и в магазине куплю. я ни в чем, черт возьми, не виновен, кроме вот этой эрекции и громкого радио, а вы меня не просили убавлять ни того, ни другого.

- ты нас просто впусти. нам только поговорить

хочется.

- слушайте, вы пытаетесь вломиться без разрешения. а у меня, между прочим, лучший адвокат в городе...

- адвокат? на фига тебе адвокат?

- я им много лет пользуюсь - уклонение от призыва в армию, непристойное оголение в общественных местах, изнасилование, вождение транспортного средства в нетрезвом виде, нарушение спокойствия, оскорбление действием, поджог - паршивые статьи, в общем.

- и он выиграл все эти дела?

- он самый лучший. теперь слушайте сюда: я даю вам три минуты. либо вы прекращаете пытаться выломать дверь и оставляете меня в покое, либо я звоню ему.

ему не понравится, что его разбудили в такую рань. это будет вам стоить ваших блях.

легавые чуть отступили по коридору. я прислушался.

- ты думаешь, он соображает, что мелет?

- думаю, да.

они вернулись.

- у твоей матери действительно здоровая задница.

- жалко, что не про твою честь, а?

- ладно, мы уходим. но вы тут потише себя ведите. выключайте радио и чтоб никаких больше воплей и стонов.

- хорошо, радио мы выключим.

они свалили. какой кайф - слышать, как они сваливают. какой кайф иметь хорошего адвоката. какой кайф - не попадать в тюрягу.

я закрыл дверь.

- ладно, девочки, они ушли. 2 славных паренька не по той дорожке пошли. а теперь смотрите!

я опустил глаза.

- пропало, всё исчезло.

- да, всё исчезло, - подтвердила Лапуся. - куда же оно исчезает? так грустно.

- черт, - выругалась Тито. - похоже на дохлую венскую сосиску.

я подошел и сел в кресло, налил себе вина. Лапуся скрутила 3 сигаретки.

- как вино? - спросил я.

- 4 бутылки осталось.

- поллитровок или галлонов?

- поллитровок.

- господи, надо, чтоб нам повезло.

я подобрал с пола газету четырехдневной давности. прочел комиксы. затем перешел к спортивной секции. пока я читал, подошла Тито,

плюхнулась передо мной на ковер. я почувствовал, как она заработала. рот у нее был как один из этих вантузов, которыми забитые нужники прокачивают. я пил вино и пыхал сигареткой.

они тебе все мозги эдак высосут, если их не остановить. наверное, друг с другом они такое же проделывают, когда меня рядом нет.

я дошел до старицы с бегами.

- смотри сюда, - сказал я Тито. - вот эта лошадка подрезала какое-то доли 22-х и одной пятой за четверть, значит она - 44 и 4/5-х на половину, затем один ноль девять на 6 фарлонгов, наверное, подумала, что заезд на 6 фарлонгов...

чавк чмок ууууумч цывааа ууупщ чам чав чам чав чам - ...это миля с четвертью, он пытается рывком уйти от остального сброда, на 6 корпусов обходит, последний поворот уже - и назад, умирает лошадь просто, ей в конюшню хочется...

чмоооок чмок чам чав чав чам чав чав - а теперь посмотрим на жокея если это Блюм, он на кончик носа выиграет; если Вольске - то на 3/4 корпуса. а тут Вольске. выигрывает на 3/4. ставка снижается с 12 до 8. все деньги конюшне, публика Вольске терпеть не может. они ненавидят Вольске и Хармаца. поэтому конюшни сажают этих парней на хороших лошадок по 2-3 раза за состязание, чтоб

публика не совалась. если б не два этих великих наездника, да еще и в нужное время, я б на 5-й Ист-Стрит уже жил...

- уууух ты, сволочь! - Тито подняла голову и заорала, вышибла газету у меня из рук. потом вернулась к своей работе. я не знал, что и делать. она действительно рассердилась. тут подошла Лапуся. у Лапуси были очень хорошие ноги, и я задрал на ней лиловую юбку и посмотрел на нейлонки. Лапуся наклонилась и поцеловала меня, языком аж до горла достала, а я всю ляжку ей облапал. я в капкане. я не знал, что мне делать. нужно выпить. 3 идиота, запертые вместе. о стон о полет последней синей птицы в зеницу солнца, детская игра, глупая игра.

первая четверть, 22 и 1/4, половина за 44 и 1/5, вот она выдала, победа на голову, калиф. дождь моего тела. фиги, славно разломленные напополам, словно огромные красные потроха на солнце, и высосанные до шкурки, а мать тебя ненавидит, отцу хочется тебя убить, а забор на заднем дворе зеленый и заложен Банку Америки, Тито выдавала по полной, а я тем временем зажаривал пистон за пистоном Лапусе.

потом мы разлучились, каждый дожидался своей очереди в ванную вытереть сопли со своих

сексуальных курносиков. я вечно последний. потом вышел и взял одну из винных бутылок, подошел к окну и выглянул.

- Лапуся, скрути мне еще покурить.

мы жили на верхнем этаже, на 4-м, на самой верхотуре. но можно смотреть сверху на Лос-Анжелес и хрена не видеть, вообще ни хрена. все эти люди внизу дрыхнут, ждут, пока надо вставать и идти на работу. как это глупо. глупо, глупо и ужасно.

а у нас все правильно: глаз, скажем, зеленый или голубой, вглядывается вглубь сквозь ошмотья бобовых полей, друг в друга, пошли.

Лапуся принесла мне сигаретку. я затянулся и посмотрел на спавший город. мы сидели, ждали солнца и того, чего бы там потом ни было. мне мир не нравился, но в осторожные и легкие времена его почти что можно было понять.

не знаю, где Тито с Лапусей сейчас, померли или чего, но те ночи были хороши:

щипать эти ноги в туфлях на высоком каблуке, целовать нейлоновые коленки. все краски платьев и трусиков, давать Полиции Лос-Анжелеса тоже подзаработать зелененьких.

ни Весна, ни цветы, ни Лето никогда уже не будут такими.

ПИЗДАТАЯ ИНТРИЖКА

Я сидел на мели - снова - только на этот раз во Французском Квартале, Новый Орлеан, и Джо Бланшар, редактор подпольной газетенки ПЕРЕВОРОТ, отвез меня в то место за углом, такое грязно-белое здание с зелеными ставнями, ступеньки чуть ли не вертикально вверх взбираются. Это было в воскресенья, и я ожидал гонорара, нет, аванса за неприличную книжку. Которуя я написал для немцев, только немцы все время тюльку мне на уши вешали, чего-то про хозяина писали, про папика, пьянь конченую, а поэтому они оказались в заднице - старик снял все их сбережения со счета, нет, даже перебор там получился из-за его запоев и беспрерывной ебли, а следовательно они обанкротились, но старику они дают под зад, и как только, так сразу...

Бланшар позвонил.

Подходит к двери эта толстая деваха, фунтов 250-300, наверное. На ней как бы такая широченная простыня вместо платья, а глазки малюсенькие. Наверное, единственное, что в ней есть маленького. Мари Главиано, хозяйка кафе во Французском Квартале, очень маленького кафе.

Вот еще что в ней было невелико - ее кафе. Но очень славненькое местечко, скатерки красные с белым, дорогое меню и никакого народу внутри. Возле входа торчала одна из таких старомодных кукол - черная нянька. Черная нянька символизировала добрые времена, старые времена, старые добрые времена, только старые добрые времена давно прошли. Туристы теперь стали зеваками. Им нравилось просто гулять и все рассматривать. Они не заходили в кафе. Они даже не напивались. Ничего больше не окупалось. Добрые времена миновали. Всем было насрать и ни у кого больше не водилось денег, а если и водились, то за них держались. Настал новый век, причем не очень интересный. Все как бы только наблюдали за тем, как революционеры и свиньи рвут друг другу глотки. Хорошее развлечение - бесплатное, денежки в кармане остаются, если они вообще есть.

Бланшар сказал:

- Привет, Мари. Мари, это Чарли Серкин. Чарли, это Мари.

- Здорово, - сказал я.

- Здрасьте, - ответила Мари.

- Давай, мы зайдем на минутку, Мари, - сказал Бланшар.

(С деньгами только две штуки не так: когда их слишком много и когда их слишком мало. А я как раз снова попал в фазу "слишком мало".)

Мы взобрались по крутым ступенькам и пошли за нею по такому длинному, разросшемуся вбок дому - то есть, где сплошная длина и никакой ширины, и тут же оказались на кухне, за столом. На нем стояла ваза с цветами. Мари вскрыла 3 бутылки пива. Села.

- Ну вот, Мари, - произнес Бланшар. - Чарли - гений. Грудью на нож. Я-то уверен, что он выкарабкается, но тем временем... тем временем, ему негде жить.

Мари посмотрела на меня:

- Вы в самом деле гений?

Я хорошенько приложился к бутылке.

- Ну, если честно, трудно сказать. Гораздо чаще я чувствую себя каким-то недоразвитым. Будто у меня в голове такие здоровые белые блоки воздуха.

- Он может остаться, - изрекла Мари.

То был понедельник, единственный ее выходной, и Бланшар встал и оставил нас сидеть на кухне. За ним хлопнула входная дверь, и он вымелся оттуда.

- Чем вы занимаетесь? - спросила Мари.

- Живу наудачу, - ответил я.

- Вы напоминаете мне Марти, - сказала она.

- Марти? - переспросил я, думая: боже мой, вот оно. И оно наступило.

- Ну, вы же безобразны, знаете ли. Я не имею в виду, что вы урод, я в том смысле, что вы биты жизнью, знаете. А жизнь вас действительно побила, вы биты даже больше Марти. А он был драчун. Вы были драчуном?

- Это одна из моих проблем: драться хоть как-нибудь стоящe я никогда не умел.

- Как бы то ни было, вид у вас такой же, как у Марти. Вас побило, но вы добрый.

Мне такой тип знаком. Я узнаю мужчину, когда увижу мужчину. Мне нравится ваше лицо. У вас хорошее лицо.

Не имея возможности ничего сказать о ее лице, я спросил:

- У вас не найдется сигарет, Мари?

- Ну конечно же, голубчик, - она сунула руку в эту свою широченную простыню платья и вытянула пачку откуда-то из-под сисек. У нее там могло бы поместиться продуктов на неделю. Смешно. Она открыла мне еще пива.

Я хорошенько хлебнул, а потом сказал ей:

- Я мог бы, возможно, ебать тебя, пока слезы из

глаз не брызнут.

- Послушай-ка сюда, Чарли, - сказала она в ответ. - Я не потерплю, чтобы со мной так разговаривали. Я - приличная девушка. Мама меня правильно воспитала.

Еще поговоришь так - и вылетишь.

- Прости, Мари, я просто пошутил.

- Так вот: мне не нравятся такие шутки.

- Конечно, я понимаю. У тебя виски не найдется?

- Скотч.

- Скотч пойдет.

Она вынесла почти полную квинту. 2 стакана. Мы смешали себе скотча с водой. Эта женщина много чего повидала. Как пить дать. Вероятно, она видала все это лет на десять дольше меня. Что ж, возраст - не преступление. Просто многие стареют плохо.

- Ты совсем как Марти, - снова сказала она.

- А я никого, похожего на тебя, никогда не видел, - ответил я.

- Я тебе нравлюсь? - спросила она.

- У меня нет другого выхода, - сказал я, и никаких соплей на этот раз она на меня не вывалила. Мы пили еще час или два, главным образом - пиво, но раз-другой разбавляя его скотчем, а потом

она отвела меня к моей постели. А по дороге мы прошли мимо одного места, и она, разумеется, сказала:

- Это моя кровать. - Она была довольно широка. Моя кровать стояла впритык к другой. Очень странно. Но это ничего не значило.

- Можешь спать на любой, - сказала Мари, - или на обеих.

Что-то в этом отдавало обломом...

Ну и, разумееется, наутро у меня башка раскалывалась, а я слышал, как она громыхает на кухне, но не обращал внимания, как и подобает мудрому мужчине, и слышал, как она включила телик посмотреть утренние новости, телик работал на столе в обеденном уголке на кухне, и слышал, как у нее кофе заваривается, запах был недурен, но вони яичницы с беконом и картошкой я не переваривал, и звука утренних новостей я не переваривал, и поссать хотелось, и пить хотелось, но не хотелось, чтобы Мари знала, что я уже проснулся, поэтому я ждал, слегка обоссался (хаха, да), но хотел остаться один, хотел, чтобы весь дом был моим, она же все ебошилась, ебошилась по дому, и я, в конце концов, услышал, как она пробегает мимо моей кровати...

- Пора бежать, - сказала она. - Я опаздываю...

- Пока, Мари, - отозвался я.

Когда дверь захлопнулась, я поднялся, зашел в сортир и уселся, и ссал, и срал, и сидел в этом Новом Орлеане, далеко от дома, где бы ни был мой дом, и тут увидел паука - тот сидел в паутине в углу и смотрел на меня. Я это точно знал, поскольку паук сидел там давно. Гораздо дольше меня. Сначала я подумал: а не убить ли его? Однако, он был такой жирный, счастливый и уродливый, просто хозяин всего заведения. Надо будет немного выждать, пока время не придет. Я встал, подтер задницу и смыл. Когда я выходил из сортира, паук мне подмигнул.

Мне не хотелось забавляться с тем, что осталось от квинты, поэтому я просто сидел в кухне голышом и понять не мог: как это люди могут так мне доверять? Кто я такой? Люди - сумасшедшие, люди - простаки. От этого я запсиховал. Да еще как, черт возьми. Десять лет уже живу без профессии. Люди дают мне деньги, еду, места, где кости кинуть. Неважно, кем они меня считают, идиотом или гением. Я-то сам знаю, что я такое. Ни то и ни другое. Меня не касается, почему люди дарят мне подарки. Я их беру, причем беру, не ощущая ни победы, ни принуждения.

Единственное условие для меня: я не могу ни-

чего просить. Больше того: уж лучше на макушке мозга у меня постоянно крутится одна и та же пластинка: и не пытайся и не пытайся. Ничего так себе идейка, кажется.

Как бы там ни было, после ухода Мари я уселся в кухне и выдул 3 банки пива, которые нашел в холодильнике. До еды мне никогда особенного дела не было. О том, как люди любят поесть, я слыхал. Мне же от еды становилось только скучно. С жидкостью все в порядке, а вот груз навалом - тоска смертная. Мне нравилось говно, мне нравилось срать, какашки мне нравились, но сдохнуть легче, чем их насоздавать.

После 3 банок пива на табуретке рядом я заметил дамскую сумочку. Разумеется, на работу Мари взяла с собой другую. Не такая же она глупая или добрая, чтобы деньги оставлять? Сумочку я открыл. На дне лежала десятидолларовая бумажка.

Что ж, Мари меня проверяет, и я окажусь достойным ее проверки.

Я забрал десятку, вернулся к себе в спальню и оделся. Мне было хорошо. В конце концов, что человеку надо, чтобы выжить. Ничего. Это правда. А у меня даже ключ от дома имелся.

Поэтому я вышел наружу и запер дверь, чтобы воры не залезли, хахаха, и вот уже я стою на

улице во Французском Квартале, ну и дурацкое же это место, но придется смириться. Все должно было мне служить, так всегда было. Поэтому... ах, да, иду я, значит, по улице, а беда с Французским Кварталом в том, что тут нигде ни одного винного магазина, как в других приличных частях света. Может, они это специально. Можно было догадаться, что от этого процветали ужасные выгребные ямы на каждом углу, которые они тут зовут барами. Первым делом, когда я заходил в один из этих "оригинальных" баров Французского Квартала, мне хотелось блевать.

Обычно я так и делал, добежав до какого-нибудь воняющего мочой очка и извергая всё - тонны и тонны яичниц и недожаренной жирной картошки. Потом возвращался, уже стравив, и смотрел на них: более одиноким и бессмысленным, чем клиенты, выглядел только бармен, особенно если он же был и хозяином. Ладно, поэтому я гулял по всей округе, зная, что бары туфта, и знаете, где я нашел три своих упаковки? В бакалейной лавчонке с черствым хлебом, где всё, даже облупившаяся краска, сочилось такой наполовину половой улыбочкой одиночества... помогите, помогите, помогите... ужасно, да, даже света в ней не хватало, электричество - оно же денег стоит, и

тут я такой, первый парень, купивший упаковку пива за последние 17 дней, и первый парень, купивший три упаковки за последние 18 лет, и господи ты боже мой, она чуть не обкончалась прямо на кассу... Это было чересчур. Я смел сдачу и 18 больших банок пива и выскочил на дурацкий солнцепек Французского Квартала...

Остаток сдачи я сложил обратно в сумочку на табуретке и оставил ее открытой, чтобы Мари заметила. Потом сел и откупорил пиво.

Хорошо побыть одному. Однако, я был не один. Всякий раз, когда нужно было поссать, я видел этого паука и думал: ну, паук, тебе пора - уже скоро. Ты мне просто не нравишься в этом темном углу: сидишь себе, ловишь мух и жучков, сосешь из них кровь. Видишь, какой ты негодяй, мистер Паук. А вот я - я в норме. По крайней мере, мне нравится так считать. А ты просто гребаный темный безмозглый прыщ смерти, вот что ты такое. Соси говно. Тебе кранты.

На заднем крыльце я нашел метлу, вернулся в сортир и сокрушил его прямо в паутине, принес ему его же смерть. Все в порядке, это нормально, он доехал до нее быстрее меня почему-то, что я тут могу поделать. Но как же Мари могла пристраивать тут свою обширную задницу на обод

стульчака и смотреть на эту тварь? Она ее вообще видела когда-нибудь? Вероятно, нет.

Я вернулся на кухню и выпил еще пива. Потом включил телевизор. Бумажные люди.

Стеклянные люди. Я почувствовал, что схожу с ума и выключил эту дрянь. Отхлебнул еще. Потом сварил два яйца и поджарил две ленточки бекона. Удалось поесть.

Иногда о еде забываешь. Занавески пробило солнцем. Я пил весь день. Пустые швырял в мусорку. Время шло. Затем открылась дверь. Просто слетела с петель. То была Мари.

- Господи ты боже мой! - завопила она. - Ты знаешь, что произошло?

- Нет, нет, не знаю.

- Ох, черт бы его побрал!

- Чё такое, милая?

- У меня подгорела клубника!

- Вот как?

Она бегала по кухне кругами, обширная задница ее тряслась. Ненормальная. Совсем сбрендила. Бедная старая жирная пизда.

- У меня кастрюлька клубники на огне стояла в кухне, а тут зашла эта туристка, богатая сучка, первая посетительница за сегодня, и ей понравились такие маленькие шляпки, что я делаю,

знаешь... Ну, она как бы милашка такая, и на ней все шляпки хорошо сидят, поэтому у нее проблема, и тут мы про Детройт заговорили, у нас там какие-то общие знакомые нашлись, и тут я вдруг принюхиваюсь и СЛЫШУ!!! КЛУБНИКА ГОРИТ! Бегу на кухню, да уже слишком поздно...

что я за растяпа! Клубника вся выкипела, везде разбрызгано, воняет, горелым, руки опускаются, ничего уже не исправишь, ничего! Ад кромешный!

- Сожалею. Но ты ей шляпку-то продала?

- Я продала ей две шляпки. Она все никак решиться не могла.

- Жалко клубнику. А я паука убил.

- Какого паука?

- Я так и думал, что ты не знаешь.

- Что знаю? Что такое пауки? Просто жучки.

- Мне говорили, что паук - не жучок. Там как-то по числу ног определяют... Я на самом деле не знаю, да и плевать.

- Паук - не жучок? Что это за говно тогда?

- Не насекомое. Так люди говорят. В любом случае, я эту чертову тварь прикончил.

- Ты лазил в мою сумочку.

- Конечно. Ты ж ее тут оставила. Мне нужно было пива.

- Тебе все время нужно пиво?

- Да.

- С тобой будут проблемы. Ты ел что-нибудь?

- 2 яйца, 2 ломтика бекона.

- Голодный?

- Да. Но ты устала. Расслабься. Выпей.

- Я расслабляюсь, когда готовлю. Но сначала мне нужно в горячую ванну.

- Валяй.

- Ладно. - Она протянула руку и включила телевизор, а потом ушла в ванную.

Пришлось слушать телевизор. Выпуск новостей. Изумительно уродливый ублюдок. 3 ноздри. Изумительно омерзительный ублюдок, разряженная бессмысленная куколка, потеет, лыбится на меня, произносит слова, которые я едва понимаю или на которые вообще плевать. Я знал, что Мари готова смотреть телевизор часами, поэтому придется приспосабливаться. Когда она вернулась, я смотрел прямо в стекло, отчего ей стало лучше. Выглядел я безобидным - как человек с шахматной доской и спортивной страницей под мышкой.

Мари вышла, обернутая еще в один наряд. Она бы могла даже выглядеть хорошенькой, если б не была так дьявольски жирна. Ладно, как бы то ни

было, я не на скамейке в парке все-таки ночую.

- Хочешь, чтобы я приготовил, Мари?

- Нет, все в порядке. Я уже не так устала.

Она начала готовить еду. Поднявшись за следующим пивом, я поцеловал ее за ухом.

- Ты хорошая баба, Мари.

- Тебе хватит выпивки на остаток ночи? - спросила она.

- Конечно, маленькая. Еще и квинта осталась. Все прекрасно. Мне просто хочется тут посидеть, посмотреть телик, тебя послушать. Ничего?

- Разумеется, Чарли.

Я сел. У нее что-то варилось. Пахло хорошо. Очевидно, что она была хорошей поварихой. По стенам просто ползал теплый запах еды. Не удивительно, что она такая толстая: и готовит хорошо, и пожрать не дура. Мари готовила рагу. То и дело вставала и добавляла что-нибудь в кастрюльку. Луковицу. Кусок капусты.

Несколько морковок. Знаток. А я пил и смотрел на эту большую, неопрятную на вид толстую деваху, а она сидела и мастерила самые волшебные на свете шляпки: руки ее пробирались в корзинку, подбирали сначала этот цвет, за ним другой, третий, такую ленту, такую, сплетала их, сшивала, пристраивала к шляпке, а эта двух-

цветная солома сама по себе казалась еще одним чудом. Мари творила шедевры, которых никогда не обнаружат - они будут гулять по улицам на макушках богатых сучек.

Работая и помешивая рагу, она говорила.

- Сейчас не то что раньше. У людей денег нет. Везде аккредитивы, чековые книжки, кредитные карточки. У людей просто нет денег. Они их с собой не носят.

Всё в кредит. Парень зарплату получает, а она уже тю-тю. Закладывают всю свою жизнь, чтобы один дом купить. А потом обязательно надо набить этот дом говном и машину купить. Они у этого дома на крючке, а власти это знают и давят их до смерти налогами на недвижимость. Ни у кого денег нет. Маленьким предприятиям просто не выжить.

Мы уселись за рагу - оно было изумительным. После ужина вытащили виски, она принесла мне две сигары, мы смотрели на телевизор и много не разговаривали.

Казалось, я живу тут уже много лет. Она продолжала мастерить шляпки, то и дело заговаривая со мной, а я отвечал: "ага", "правильно" или "вот как?" А шляпки все слетали с ее рук, шедевры.

- Мари, - сказал я, - я устал. Пойду-ка я спать.

Она разрешила мне взять виски с собой, и я так и сделал. Но вместо того, чтобы улечься к себе в постель, я откинул покрывало на кровати Мари и вполз туда.

Предварительно раздевшись, естественно. Прекрасный матрац. Прекрасная постель.

Такая старомодная, с высокими столбиками и деревянной крышей или как их там называют. Наверное, если уебешься до того, что крышу снесет, значит, получилось. Мне же эту крышу не снести никогда без помощи богов.

Мари по-прежнему смотрела телевизор и мастерила шляпки. Потом я услышал, как она его выключила, погасила свет на кухне и вошла в спальню, миновала кровать, не заметив меня, и упылила прямиком в нужник. Просидела там некоторое время, а потом я полюбовался, как она скидывает свою одежу и влатывается в здоровенную розовую ночнушку. Она поебошилась немножко со своей физиономией, махнула рукой, нацепила пару бигудей, развернулась, направилась к постели и увидела меня.

- Господи, Чарли, ты не в ту постель попал.

- Не-а.

- Послушай, голубчик, я - не такая женщина.

- О, кончай базар и заваливайся!

Она завалилась. Боже мой, одно мясо. На самом деле, я немного испугался. Что же делать со всем этим хозяйством? Так, я в ловушке. Вся постель со стороны Мари провалилась.

- Послушай, Чарли...

Я схватил ее за голову, развернул к себе, мне показалось, что она плачет, и тут губы мои накрыли ее рот. Мы поцеловались. Черт возьми, хуй у меня затвердел.

Боже милостивый. Что это такое?

- Чарли, - сказала она, - тебе вовсе не нужно...

Я взял ее за руку и обхватил ею свой хуй.

- Ох черт, - вымолвила она. - Ох черт!

Тут она уже поцеловала меня, взасос. Язычок у нее оказался небольшой хоть что-то маленькое, - и он трепетал туда-сюда, довольно-таки слюняво и страстно.

Я отстранился.

- Что такое?

- Ща, погоди.

Я дотянулся до бутылки, долго и хорошо приложился, поставил ее на место, а потом подлез и приподнял эту огромную розовую ночнушку. Немного помацал и уж не знаю, что именно нащупал, но мне показалось - то, что надо, хоть и очень маленькое, но в нужном месте. Да, то была

ее пизда. Я ткнулся в неё своим краником. Затем дотянулась она и направила меня куда надо. Еще одно чудо. Штука эта оказалась тугой. Чуть шкуру с меня не содрала. Мы заработали. Мне хотелось поскакать подольше, но плевать. Она меня имела. Лучшая ебка в моей жизни. Я стонал и верещал, затем кончил, скатился. Невероятно. Когда она вернулась из ванной, мы немного поговорили, потом Мари заснула. Но она храпела. Поэтому пришлось ретироваться в свою кровать. И проснулся я только на следующее утро, когда она уходила на работу.

- Пора бежать, Чарли, - сказала она.

- Конечно, крошка.

Как только она ушла, я сходил на кухню и выпил стакан воды. Она оставила там сумочку. Десять долларов. Я их не взял. Вернулся в ванную, хорошенько посрал, уже без паука. Потом принял ванну. Попробовал почистить зубы, слегка сблевнул.

Оделся и снова вышел на кухню. Раздобыл кусок бумаги и карандаш:

Мари, Я люблю тебя. Ты ко мне очень хорошо отнеслась. Но я должен уйти. Даже толком не знаю, почему. Спятил, наверное. До свиданья, Чарли

Я прислонил записку к телевизору. Мне было нехорошо. Хотелось плакать. Там было так спокойно, как раз то спокойствие, которое мне нравилось. Даже печка с холодильником выглядели человечески, то есть - по-хорошему человеческими, казалось, что у них есть руки, голоса, что они говорят: потусуйся тут немного, парнишка, тут хорошо, тут может быть даже очень хорошо. В спальне я нашел то, что осталось от квинты. Выпил. Потом в холодильнике отыскал банку пива. Выпил и ее. Потом встал, прогулялся по этому узкому коридору - долго, чуть не сотню ярдов. Дошел до двери и вспомнил, что у меня ключ остался. Вернулся, вложил ключ в записку. Потом снова посмотрел на десятку в кошельке. Оставил ее там.

Прогулялся еще раз. Дойдя до двери, я уже знал, что как только я ее закрою, обратного пути не будет. Закрыл ее. Окончательно. Вниз по ступенькам. Я снова был один, и всем плевать. Пошел на юг, затем свернул направо. Шел себе, шел и вышел из Французского Квартала. Пересек Канал-Стрит. Прошел несколько кварталов, а потом свернул, миновал еще какую-то улицу и свернул в другую сторону. Я не знал, куда иду. По левую руку оказалось какое-то заведение, в дверях стоял

человек, он спросил меня:

- Эй, мужик, работа нужна?

Заглянул я в ту дверь: целые ряды людей выстроились вдоль деревянных столов с молотками в руках, они разбивали какие-то штуки в раковинах, похожие на моллюски, они ломали эти раковины и что-то делали с мясом, и там стояла темень; казалось, эти люди лупят по самим себе молотками и выбрасывают то, что от них остается, поэтому я ответил человеку:

- Нет, мне не нужна работа.

Я шел, и солнце светило мне в лицо.

Оставалось 74 цента.

Нормальное такое солнышко.

КАКОЙ ПИЗДЫ НИ ПОЖЕЛАЕШЬ

Гарри и Дьюк. Пузырь примостился между ними в номере дешевого лос-анжелесского гадюшника. Субботний вечер в одном из самых жестоких городов мира. У Гарри лицо было довольно круглым и глупым, выглядывал только кончик носа, а глаза его вызывали только ненависть; фактически, ненависть с одного взгляда вызывал и сам Гарри, поэтому на него не глядели. Дьюк был помоложе, хороший слушатель, лишь слабенькая улыбочка мельтешила на лице, когда слушал. Слушать он любил; люди для него были самым грандиозным зрелищем, к тому же за вход денег не брали. Гарри был безработным, а Дьюк работал дворником. Оба они сидели и сядут снова. Оба это знали. Не имело значения.

Квинту опорожнили уже на треть, а на полу валялись пустые пивные банки. Мужики вертели самокрутки с естественным спокойствием людей, чья жизнь была трудна и невозможна до 35 лет, но они до сих пор живы. Они знали, что все вокруг - ведро навоза, но бросать не хотелось.

- Видишь, - сказал Гарри, отхлебывая, - я тебя выбрал, чувак. Я могу тебе доверять. У тебя очко

не заиграет. Я думаю, машина у тебя потянет. Разделим ровно напополам.

- Рассказывай, - сказал Дьюк.

- Ты не поверишь.

- Рассказывай.

- Ну что - там лежит золото, прямо на земле, настоящее золото. Надо только выйти и подобрать. Я знаю, что похоже на бредятину, но оно там, я его видел.

- А в чем загвоздка?

- Ну, это армейский артиллерийский полигон. Бомбят весь день, а иногда - и ночью, вот в чем загвоздка. Надо не зассать. Но золото - там. Может, его снарядами из земли вывернуло, не знаю. Но по ночам обычно не пуляют.

- Значит, поедем ночью.

- Правильно. И просто подберем его с земли. Разбогатеем. Какой пизды ни пожелаешь - любая нашей будет. Подумай только - какой пизды ни пожелаешь.

- Неплохо.

- А если начнут пулять, прыгнем в первую же воронку. Туда они по-новой целиться не будут. Если собьют мишень, им этого хватит. А если нет - в следующий раз бахнут куда-нибудь еще.

- Логично.

Гарри нацедил немного виски.

- Но есть еще один прикол.

- Во как?

- Там змеи. Поэтому нужно ехать вдвоем. Я знаю, ты хорошо с оружием управляешься. Пока я буду золото собирать, ты постоишь на васаре, змеям головы поотшибаешь. Там гремучки водятся. Мне кажется, ты как раз подходишь.

- Чего не попробовать, к чертовой матери?

Они сидели, пили и курили, обдумывая.

- Все это золото, - промолвил Гарри, - любая пизда.

- Знаешь, - сказал Дьюк, - а может, этими пушками они старый клад разворотили.

- Что б там ни было, золото есть.

Они еще немного поразмышляли.

- А откуда ты знаешь, - спросил Дьюк, - что как только ты соберешь все золото, я тебя там не пришью?

- Что ж, придется рискнуть.

- Ты мне доверяешь?

- Я никому не доверяю.

Дьюк открыл еще пива, разлил еще выпивки.

- Бля, значит, на работу в понедельник нет смысла ходить, так?

- Уже нет.

- Я уже чувствую, как разбогател.

- Я как бы тоже.

- Человеку просто как-то оторваться нужно, - сказал Дьюк, - и тогда к нему начнут относиться как к джентльмену.

- Ну.

- А где это место? - спросил Дьюк.

- Увидишь, когда приедем.

- Делим напополам?

- Делим напополам.

- Ты уже не волнуешься, что я тебя пришью?

- Чего ты твердишь одно и то же, Дьюк? Ведь и я тебя пришить могу.

- Господи, я об этом не подумал. Но ты ж не будешь в кореша стрелять, правда?

- А мы кореша?

- Н-ну, да, я б так сказал, Гарри.

- Там хватит и золота, и пизды на обоих. На всю жизнь втаримся. Никаких тебе больше судебных приставов. Никакого мытья посуды за гроши, когда подопрет. Бляди с Беверли-Хиллз будут сами за нами гоняться. Всяким хлопотам конец.

- Ты в самом деле думаешь, мы этот шмат оторвем?

- Еще бы.

- А там в самом деле золото есть?

- Слушай, чувак, я же тебе уже сказал.

- Ладно.

Они еще некоторое время пили и курили. Не разговаривали. Оба думали о будущем.

Стояла жаркая ночь. У некоторых постояльцев двери были распахнуты настежь. У большинства оставалось лишь по бутылке вина. Мужчины сидели в одних майках, расслабленные, разбитые, в непонятках. У некоторых даже имелись женщины - не сильно-то и леди, но вино в желудке держать умели.

- Давай-ка еще пузырь возьмем, - сказал Дьюк, - пока не закрылось.

- У меня денег нет.

- Я достану.

- Валяй.

Они поднялись и вышли за дверь. Свернули в коридор и направились к черной лестнице. Винная лавка стояла дальше по переулку, слева от выхода. На верхних ступеньках черного хода, загораживая путь, валялся мужик в перепачканной и мятой одежде.

- Эй, это ж мой старинный приятель Фрэнки Кэннон. Ну, он сегодня дал копоти...

Наверное, стоит его от дверей оттащить.

Гарри приподнял его за ноги и отодвинул в

сторону. Потом наклонился над ним.

- Интересно, до него кто-нибудь уже добрался?

- Не знаю, - ответил Дьюк, - проверь.

Дьюк вывернул у Фрэнки все карманы. Прощупал рубашку. Расстегнул штаны, проверил пояс. Нашел только спичечный коробок, гласивший:

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ ДОМА Вас ждут тысячи высокооплачиваемых заказов

- Наверное, кто-то его уже пощупал, - сказал Гарри.

Они спустились по черной лестнице и вышли в проулок.

- Ты уверен, что золото - там? - спросил Дьюк.

- Слушай, - ответил Гарри. - Ты меня просто бесишь! Ты что думаешь - - я совсем чокнулся?

- Нет.

- Так не спрашивай меня тогда больше!

Они зашли в винную лавку. Дьюк заказал квинту виски и полудюжину больших банок пива. Гарри спер пакет с разными орешками. Дьюк заплатил за свое, и они вышли.

Не успели они ступить в проулок, как к ним подошла молодая женщина; ну, для этого района молодая, около тридцатника, хорошая фигура, но волосы нерасчесаны и речь слегка невнятна.

- Что у вас, парни, в этом пакете?

- Кискины сиськи, - ответил Дьюк.

Она подвалила к Дьюку поближе и потерлась о пакет.

- Я вина не хочу. У вас там вискач есть?

- Конечно, малышка, пошли.

- Дай бутылку посмотреть.

Дьюку она показалась ничего. Стройная, платье узкое, жопку как надо обтягивает, черт побери. Он извлек пузырь.

- Ладно, - решила она, - пошли.

Он пошли по переулку, девка - посередине. Ляжкой она стукалась о Гарри. Тот облапал ее и поцеловал. Она вырвалась.

- Сукин ты сын! - заорала она. - Пусти сейчас же!

- Ты все испортишь, Гарри! - сказал Дьюк. - Еще раз так сделаешь, и я тебе вломлю!

- Не вломишь.

- Только попробуй!

Они дошли до черного входа, поднялись, открыли дверь. Девка посмотрела на распростертого Фрэнки Кэннона, но ничего не сказала. Вошли в комнату. Девка села и закинула ногу на ногу. Ноги у нее были хорошие.

- Меня зовут Джинни, - сказала она.

Дьюк разлил.

- Я Дьюк. Он Гарри.

Джинни улыбнулась и взяла стакан.

- Один засранец, с которым я сейчас живу, голой меня держал, всю одежду в чулане запер. Я там неделю просидела. Потом дождалась, пока он вырубится, сняла с него ключ, забрала вот это платье и сбежала.

- Красивое платье.

- Нормальное.

- Оно лучшее в тебе подчеркивает.

- Спасибо. Эй, слушайте, парни, а чем вы занимаетесь?

- Занимаемся? - переспросил Гарри.

- Ага, то есть, как вам жить удается?

- Мы золотопромышленники, - ответил Гарри.

- Ой, бросьте, не надо мне баки заколачивать.

- Все правильно, - подтвердил Дьюк. - Мы золотопромышленники.

- Мы наткнулись на жилу. Разбогатеем за неделю, - сказал Гарри.

Потом Гарри понадобилось отлить. Сортир располагался в конце коридора. Когда он вышел, Джинни сказала:

- Тебя я хочу выебать первым, Миленький. Тот меня не очень-то заводит.

- Это ничего, - ответил Дьюк.

Он разлил еще раз на троих. Когда Гарри вернулся, Дьюк сообщил ему:

- Она трахнет меня первым.

- Кто сказал?

- Мы сказали, - ответил Дьюк.

- Точно, - поддакнула Джинни.

- Я думаю, нам следует взять ее с собой, - сказал Дьюк.

- Сначала поглядим, как она трахается, - ответил Гарри.

- Я свожу мужчин с ума, - сказала Джинни. - Мужики от меня благим матом орут.

У меня самая тугая пизда во всем штате Калифорния!

- Ладно, - сказал Гарри, - давай проверим.

- Сначала налейте мне еще, - ответила она, допивая залпом то, что оставалось.

Дьюк восполнил.

- У меня тоже кое-что имеется, малышка, я тебя, наверное, напополам разворочу!

- Только если ногу туда засунешь, - встрял Гарри.

Джинни лишь ухмыльнулась поверх стакана. Допила.

- Давай, - сказала она Дьюку, - чего тянуть?

Джинни подошла к кровати и стащила с себя

платье. На ней остались голубенькие трусики и застиранный розовый лифчик, скрепленный на спине булавкой. Дьюку пришлось эту булавку откалывать.

- Он что - смотреть останется? - спросила она Дьюка.

- На здоровье, если хочет, - ответил тот. - Какого черта?

- Ладно, - согласилась Джинни.

Они залегли под простыни. Прошло несколько минут разминки и маневров; Гарри наблюдал. Одеяло сползло на пол. Гарри видны были лишь колыхания довольно грязной простыни.

Затем Дьюк взгромоздился. Гарри видел, как его задница подскакивает под полотном.

Тут Дьюк выругался:

- Ёбть!

- Чё такое? - спросила Джинни.

- Я выскользнул! Я думал, ты сказала, что у тебя там тесный гробик!

- Давай вложу обратно! Мне кажется, ты и внутрь еще не попал!

- Ну, куда-то же я попал! - ответил Дьюк.

И дьюкова задница запрыгала снова. Вообще не надо было ничего говорить этому пиздюку про золото, думал Гарри. А сейчас еще и сучка

эта на шею сядет. Могут против меня стакнуться. Конечно, если он случайно коньки отбросит, я ей, наверное, больше понравлюсь.

Тут Джинни застонала и начала молоть языком:

- Ох, миленький мой, миленький! Ох, Господи, миленький, ох бож-же мой!

Какой пиздёж, подумал Гарри.

Он встал и подошел к заднему окну. Зады ночлежки выходили в аккурат на съезд с голливудской трассы на Вермонт. Он смотрел, как машины светят фарами и мигают поворотниками. Его постоянно изумляло, что некоторые так торопятся в одном направлении, а некоторые в то же самое время - в другом. Кто-то из них неправ, поскольку иначе останется просто грязная игра. Снова раздался голос Джинни:

- Я щас КОНЧУ! О бож-же мой, я щас КОНЧУ! О, бож-же м-мой! Я...

Хуйня, подумал Гарри и повернулся поглядеть. Дьюк пыхтел изо всех сил. Глаза Джинни, казалось, остекленели; она уставилась прямо в потолок, прямо в голую лампочку; и такая остекленевшая - то есть, повидимому остекленевшая - она смотрела прямо поверх левого уха Дьюка...

Наверное, придется все-таки пристрелить его

на этом полигоне, подумал Гарри.

Особенно если у нее там действительно тесный гробик.

золото, всё это золото.

НОВИЧОК

В общем, слез я со смертного одра, выписался из окружной больницы и устроился экспедитором. По субботам и воскресеньям - выходные, и как-то в субботу мы с Мадж все и обсудили:

- Смотри, крохотуля, я обратно в эту благотворительную палату не тороплюсь.

Следует найти что-то такое, что мешало бы мне кирять. К примеру, сегодня. Делать нечего - можно только нарезаться. А кино я не люблю. Зоопарки - глупо. Ебаться весь день мы с тобой не можем. Вот проблема.

- Ты на ипподроме когда-нибудь бывал?

- Это еще что такое?

- Лошадей гоняют. А ты на них ставишь.

- А какой-нибудь ипподром сегодня открыт?

- Голливуд-Парк.

- Поехали.

Мадж показала, как туда добираться. До первого заезда оставался час, и стоянка была вся под завязку. Пришлось оставить машину чуть ли не в полумиле от входа.

- Сюда, кажется, много народу ездит, - заметил я.

- Это точно.
- А что делать, когда придем?
- Ставить на лошадь.
- На какую?
- На какую хочешь.
- И деньги можно выиграть?
- Иногда.

Мы заплатили за вход, и тут нам замахали бумажками мальчишки-газетчики:

- Хватайте своих победителей! Вам деньги нравятся? Тут все ваши рискованные ставки!

Стояла будка, в ней сидело 4 человека. Трое продавали свои выборки по 50 центов, четвертый - по доллару. Мадж велела мне купить 2 программки и Беговой Формуляр.

В Формуляре, объяснила она, приводится история, запись всего, чего лошади достигли. Потом растолковала ставки на победителя, на второе и на третье место, а также ставки сразу на несколько условий.

- А тут пиво подают? - спросил я.
- Еще бы. Бары здесь тоже есть.

Войдя внутрь, мы обнаружили, что все места заняты. Нашли скамейку где-то на задворках, где у них было что-то вроде парка, взяли 2 пива и раскрыли Формуляры.

Одни кучки цифр.

- Я ставлю просто на имена лошадей, - сказала она.

- Одерни юбку. Все на твою жопу уставились.

- Ой! Прости, папочка.

- Вот тебе 6 долларов. Все твои ставки на сегодня.

- Ты - сама щедрость, Гарри, - ответила она.

Ну что, мы всё читали их и читали, то есть - я читал, выпили еще пива, а потом прошли под большой трибуной к самым дорожкам. Лошади выходили на первый заезд.

На них сидели такие шибздики, разодетые в чересчур яркие шелковые рубахи. Кто-то из болельщиков орал что-то жокеям, однако, те нимало не смущались. Зрителей они игнорировали, казалось даже, что им скучно.

- Вон Вилли Шумейкер, - показала она мне одного. По всему было видать, что Вилли сейчас зевнет. Мне тоже было скучно. Вокруг - слишком много народу, а люди всегда как-то угнетают.

- Теперь делай ставку, - сказала она.

Я показал Мадж, где мы с нею встретимся, и встал в одну из 2-долларовых очередей на победителя. Все очереди были очень длинными, и мне показалось, что народу не очень-то хочется

делать ставки. Безжизненный какой-то народ. Только мне выдали билетик, как комментатор объявил:

- Они в воротах!

Я нашел Мадж. Заезд был на милю, мы стояли как раз возле финишной прямой.

- У меня ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫК, - сообщил я.

- У меня тоже, - ответила она.

Такое чувство, что мы выиграем. С таким именем, с таким последним заездом похоже было, что у нас верняк. К тому же 7 к одному.

Вот они рванулись из ворот, и комментатор начал выкликать их по одному. Когда он вызвал ЗЕЛЕНОГО КЛЫКА довольно поздно, Мадж завопила:

- ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫК! - вопила она.

Я ничего не видел. Везде толпились люди. Кого-то вызывали еще, и Мадж запрыгала вверх-вниз, вопя:

- ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫК! ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫК!

Остальные тоже орали и прыгали. Я ничего не говорил. Тут лошади пронеслись мимо.

- Кто победил? - спросил я.

- Не знаю, - ответила Мадж. - Здорово, правда?

- Ага.

На табло выставили номера. Выиграл фаворит

7/5, 9/2 пришел вторым, а 3 к одному - третьим.

Мы порвали билетики и вернулись на свою скамейку.

Открыли Формуляр на следующем заезде.

- Давай отойдем от финиша, чтоб хоть что-то увидеть в следующий раз.

- Ладно, - согласилась Мадж.

Мы взяли себе по пиву.

- Вся эта игра - глупая, - сказал я. - Прыгают и орут, как дураки, каждый свою лошадь зовет. Что случилось с ЗЕЛЕНЫМ КЛЫКОМ?

- Понятия не имею. У него было такое славное имя.

- А лошади разве знают свои имена? Они от этого что - бегают по-другому?

- Ты просто злишься, потому что заезд проиграл. Их еще много будет.

Она оказалась права. Их было еще много.

Мы все время проигрывали. Расписание близилось к концу, и народ начал выглядеть очень несчастным, даже отчаявшимся. Их как по голове огрели фу, уроды. Они натыкались на нас, толкались, наступали на ноги и ни разу никто не сказал "Простите". Или хотя бы "Извиняюсь".

Я делал ставки чуть ли не механически, просто потому, что я там сидел. 6 баксов Мадж закончи-

лись после первых же 3 заездов, и больше я ей не дал. Я уже видел, что выиграть тут очень сложно. Какую бы лошади ни выбрал, выигрывала какая-нибудь другая. На их шансы я больше не обращал внимания.

В особом заезде я поставил на лошадь по имени КЛЭРМАУНТ III. Свой последний заезд она выиграла легко, и на гандикап ей скинули десять фунтов. Мадж у меня стояла к тому времени возле поворота на финиш, и выиграть я уже сильно не надеялся. Я посмотрел на табло: КЛЭРМАУНТ III шел 25 к одному. Я допил пиво и выкинул стаканчик. Они обрулили угол, и тут комментатор объявил:

- К финишу приближается КЛЭРМАУНТ III!

И я сказал:

- Ох, нет!

И Мадж сказала:

- У тебя он?

И я ответил:

- Ага.

КЛЭРМАУНТ обошел 3 лошадей впереди и на финише опережал чуть ли не на 6 корпусов. В полном одиночестве.

- Господи ты боже мой! - сказал я. - Моя лошадь.

- Ох, Гарри! Гарри!

- Пошли выпьем, - сказал я.

Мы нашли бар и заказали. Только на этот раз не пиво. Виски.

- У него КЛЭРМАУНТ III был, - сообщила Мадж бармену.

- Ну да, - согласился тот.

- Ага, - подтвердил я, стараясь походить на завсегдатая. Как бы они там ни выглядели.

Я обернулся и посмотрел на табло. КЛЭРМАУНТ оплачивался 52.40.

- Мне кажется, в этой игре можно обставить, - сказал я Мадж. Видишь, если ставишь на победителя, необязательно выигрывать каждый заезд. Одно-два попадания - и расходы покрыты.

- Правильно, правильно, - согласилась Мадж.

Я дал ей два доллара и мы раскрыли Формуляр. Я ощущал уверенность. Пробежал по лошадкам, глянул на табло.

- Вот он, - сказал я. - ВЕЗУНЧИК МАКС. Сейчас идет 9 к одному. Если не поставишь на ВЕЗУНЧИКА МАКСА, ты сошла с ума. Совершенно очевидно, что лучше никого нет, и идет он 9 к одному. Все просто глупые.

Мы подошли к кассе, и я забрал свои 52.40.

Потом пошел и поставил на ВЕЗУНЧИКА

МАКСА. Причем шутки ради взял 2 двухдолларовых билетика на победителя.

Забег на милю и одну шестнадцатую. И финиш - как кавалерийский натиск. У ленточки чуть ли не 5 лошадей оказалось. Мы подождали результатов фото. ВЕЗУНЧИК МАКС бежал под номером 6. Тут вспыхнул номер победителя:

6.

Господи боже ты мой милостивый. ВЕЗУНЧИК МАКС.

Мадж обезумела, тискала и целовала меня, прыгала вокруг.

Она тоже купила себе лошадку. Та поднялась до десяти к одному. Оплачивалась $22.80. Я показал Мадж лишний билетик на победителя. Она заорала. Мы вернулись в бар. Там по-прежнему наливали. Мы еле успели взять себе по стаканчику, как они закрылись.

- Пускай очереди схлынут, - сказал я, - а там и мы обналичимся.

- Тебе лошади нравятся, Гарри? - спросила Мадж.

- Их можно, - ответил я, - их определенно можно побить.

И мы стояли с запотевшими стаканами в руках и смотрели, как толпа ломится по тоннелю к

стоянке машин.

- Ради Бога, - сказал я Мадж, - подтяни чулки. Ты похожа на прачку.

- Ой! Прости, папочка!

Она наклонилась, а я посмотрел на нее и подумал: скоро я смогу позволить себе чего-нибудь чуточку получше вот этого.

Ага.

ИЗВЕРГ

Мартин Бланшар был дважды женат, дважды разведен, а сколько раз сожительствовал, он и счет потерял. Сейчас ему стукнуло сорок пять, он жил один на четвертом этаже малосемейки и только что потерял свою двадцать седьмую работу из-за хронических прогулов и общего отсутствия интереса.

Жил на чеки по безработице. Желанья его были просты: ему нравилось как можно чаще напиваться - в одиночестве, спать допоздна и сидеть в своей квартире - тоже в одиночестве. Еще одна странность Мартина Бланшара заключалась в том, что одиноко ему никогда не было. Чем дольше он мог пребывать в разлуке с человечеством, тем лучше себя чувствовал. Все браки, сожительства, перепихоны убедили его, что сам по себе половой акт не стоит того, чего женщина требует взамен. Теперь он жил без женщины и часто дрочил. Образование его завершилось в старших классах, однако когда он слушал радио - его единственная близкая связь с миром, - предпочитал симфонии, желательно - Малера.

Однажды утром он проснулся довольно рано

- около половины одиннадцатого, - проведя ночь за киром по-тяжелому. Спал он в майке, трусах и носках; он выбрался из довольно грязной постели, вышел на кухню и заглянул в холодильник. Повезло.

Там стояло две бутылки портвейна, а портвейн - вино не из дешевых.

Мартин сходил в ванную, посрал, поссал, вернулся на кухню и откупорил первую бутылку портвейна, нацедил себе хороший жирный стакан. Потом сел за кухонный стол, из-за которого открывался отличный вид на улицу - в северном направлении.

Стояло лето, жаркое и ленивое. Прямо под окнами находился небольшой домишко, в котором жила пара стариков. Они уехали в отпуск. Хоть домик и был маленьким, перед ним расстилалась длинный и обширный газон, ухоженный, весь такой зеленый.

От его вида в Мартине Бланшаре разливалось странное ощущение покоя. Поскольку стояло лето, дети в школу не ходили, и пока Мартин рассматривал длинный зеленый газон, прихлебывая хороший остуженный портвейн, он заметил эту маленькую девочку и двоих мальчишек: те играли в какую-то игру. Стреляли друг в друга,

что ли.

Пух! Пух! Девочку Мартин узнал. Она жила во дворе через дорогу с матерью и старшей сестрой. Мужчина в семье либо свалил, либо умер. Девчонка, заметил Мартин, была оторви да выбрось - вечно норовила то язык кому-нибудь высунуть, то гадость сказать. Он понятия не имел, сколько ей лет. Где-то между шестью и девятью. Неосознанно он наблюдал за нею всю первую половину лета. А когда проходил мимо по тротуару, всегда казалось, что она его боится. Вот этого он никак не понимал.

Наблюдая, он заметил, что одета она в какую-то матроску, беленькую, а поверх, на лямочках - очень коротенькая красная юбочка. Когда девочка ползала по траве, эта коротенькая красная юбочка задиралась - то есть, если ее можно было так назвать, - а под нею находились очень интересные трусики: тоже красные, но бледнее юбочки. И на трусиках располагались рядами такие красненькие рюшечки.

Мартин встал и налил себе выпить, не отводя взгляда от этих трусиков, пока девочка все ползала и ползала. Хуй его отвердел очень быстро. Он прямо не знал, что делать. Он покрутился по кухне, вывалился в гостиную, затем снова

оказался на кухне - смотрел. Ах эти трусики. Ах эти рюшечки.

Господи Иисусе Христе под голым солнцем, это невыносимо!

Мартин налил себе еще полстакана, залпом выпил и выглянул в окно снова. Трусики выглядывали еще сильнее, чем раньше. Господи!

Он вынул из трусов хуй, поплевал на правую ладонь и начал его натирать. Боже, как прекрасно! Ни одна взрослая женщина никогда его так не возносила! Хуй его стал тверже, чем когда бы то ни было, лиловый, уродливый. Мартин чувствовал, будто он проник вовнутрь самой тайны жизни. Он оперся на перегородку, отбивая и стоня, но глаз от этой попки в рюшечках не отрывая.

И тут же кончил.

По всему кухонному полу.

Мартин сходил в ванную, отмотал туалетной бумаги, протер пол, скомкал склизкую гадость и смыл в унитаз. Затем сел. Налил себе еще.

Слава Богу, подумал он, все закончилось. С глаз долой, из сердца вон. Я опять свободен.

По-прежнему глядя на север, он рассматривал Обсерваторию Гриффит-Парка среди сине-лиловых Голливудских Холмов. Славно. В красивом

месте он живет. В двери никто не ломится. Его первая жена говорила, что он просто невротик, а не сумасшедший. Ну и к черту его первую жену. Всех жен к черту. Теперь он сам платит за квартиру, и люди его не трогают. Он нежно прихлебывал вино.

Смотрел, как девчонка и двое мальчишек все еще играют в свою игру. Свернул самокрутку. Затем подумал: ну что, по крайней мере, хоть парочку вареных яиц съесть нужно. Однако, еда его не интересовала. Редко-редко.

Мартин Бланшар смотрел в окно. Играют по-прежнему. Девчонка ползает по земле.

Пух! Пух!

Что за скучная игра.

Тут хуй его начал твердеть снова.

Мартин заметил, что допил первую бутылку и принялся за вторую. Хуй своевольно загибался вверх, как нечто сильнее его.

Маленькая оторва. Язык показывает. Оторва маленькая, по травке ползает.

Мартин всегда нервничал, когда оставалась одна бутылка вина. К тому же сигары нужны. Самокрутки вертеть ему тоже нравилось. Но с хорошей сигарой ничего не сравнится. С хорошей сигарой по 27 центов за пару.

Он начал одеваться. Посмотрел на свою физиономию в зеркале четырехдневная щетина. Какая разница. Брился он только когда ходил получать свой чек по безработице. Поэтому он натянул какую-то грязную одежонку, открыл дверь и пошел к лифту. Оказавшись на тротуаре, он зашагал к винной лавке. Проходя, заметил, что дети умудрились открыть дверь гаража и залезли внутрь, она с двумя пацанами:

Пух! Пух!

Мартин поймал себя на том, что идет по дорожке к гаражу. Они внутри. Он зашел в гараж и захлопнул за собой дверь.

Там было темно. Он с ними наедине. Девчонка заорала.

Мартин сказал:

- А ну быстро заткнулись, и никому не будет больно! Только вякните и будет больно, это я вам обещаю!

- А чё вы будете делать, мистер? - услышал он голос мальчика.

- Заткнись! Черт побери, я же сказал вам заткнуться!

Он чиркнул спичкой. Вот она - единственная лампочка с длинным шнурком. Мартин дернул. Света в самый раз. И, как во сне - такой малюсень-

кий крючок на гаражной двери. Он его накинул.

Огляделся.

- Так, ладно! Пацаны - стойте вон в том углу, и я вас не трону! Ну-ка живо!

Марш!

Мартин Бланшар показал им угол.

Мальчишки отошли.

- Чё вы будете делать, мистер?

- Я сказал заткнись!

Маленькая оторва в своей матроске, коротенькой красной юбочке трусиках с рюшечками стояла в другом углу.

Мартин двинулся к ней. Она метнулась влево, потом вправо. С каждым шагом он загонял ее все глубже в угол.

- Пустите! Пусти меня! Ты, урод пердявый, отпусти меня!

- Заткнись! Заорешь - я тебя убью!

- Пусти! Пусти! Пусти!

Мартин, наконец, ее поймал. У нее были прямые, мерзкие, нечесаные волосья и лицо, почти порочное для маленькой девочки. Он зажал ее ноги своими, как в тисках, нагнулся и приложился своей харей к ее личику, целуя и всасываясь в нее ртом снова и снова, а она все колотила кулачками по его голове. Хуй его распух до размеров

всего тела. Он все целовал, целовал, а юбчонка с нее сползала, трусики выглядывали.

- Он ее целует! Гляди, он ее целует! - слышал Мартин голос одного мальчишки из угла.

- Ага, - подтверждал второй.

Мартин смотрел в ее глаза: то разговаривали друг с другом две преисподние - его и ее. Он целовал, дико лишившись рассудка, с каким-то заморским голодом, паук, целующий муху. Он начал лапать эти трусики в рюшечках.

Ах, Иисусе, спаси меня, думал он, ничего прекраснее, чем красно-розовое, и больше того - уродство - розовый бутон, прижатый к его предельной гнили. Он не мог остановиться.

Мартин Бланшар стащил с нее трусики, но перестать целовать этот малкенький рот был, кажется, не в состоянии, а она обмякла, перестала колошматить его по физиономии, но разница в длине их тел - как трудно, как неудобно, очень, а, охваченный такой страстью, думать он не мог. Однако, хуй его уже торчал наружу - огромный, лиловый, уродливый, словно какое-то вонючее безумие пустилось в бега само с собою, а бежать-то и некуда.

И все время - под этой крошечной лампочкой - Мартин слышал голоса мальчишек:

- Смотри! Смотри! Он вытащил эту здоровую штуку и теперь пытается ей в щелочку засунуть!

- Я слыхал, так у людей дети получаются.

- А они что - прямо тут ребеночка родят?

- Наверно.

Мальчишки придвинулись поближе, не отрывая глаз. Мартин все целовал это лицо, одновременно пытаясь засунуть внутрь головку. Ничего не получалось. Он не мог ничего придумать. Его охватывал жар жар жар. Тут он увидел старое кресло с прямой спинкой, в ней одной перекладины не хватало. Он поднес ее к этому креслу, все еще целуя, целуя, все время думая об отвратительных сосульках ее волос, об этом рте, прижатом к его губам.

Вот оно.

Мартин дополз до кресла, сел, по-прежнему целуя этот маленький рот и эту маленькую голову, снова и снова, и с трудом раздвинул ей ноги. Сколько ж ей лет?

Получится?

Мальчишки подошли совсем близко, смотрели.

- Он уже передок засунул.

- Ага. Гляди. У них щас ребенок будет?

- Не знаю.

- Зыбай! Он уже почти половину засунул!
- Змея!
- Ага! Змея!
- Зыбай! Зыбай! Туда-сюда ездит!
- Ага. Еще глубже!
- Совсем внутри!

Он уже в ее теле, подумал Мартин. Господи, да хуй у меня с половину ее будет!

Изогнувшись над нею в этом кресле, не переставая целовать и раздирать ее, он забыл обо всем, плевать, он так ей и голову оторвал бы запросто.

И тут кончил.

Они обвисли вместе с этого кресла под электрической лампочкой. Он обвисли.

Затем Мартин положил ее тельце на гаражный пол. Откинул крючок. Вышел. Дошел до своего дома. Надавил на кнопку лифта. Вылез на своем этаже, дошел до холодильника, достал бутылку, налил стакан портвейна, сел и стал ждать, наблюдая.

Вскоре везде уже были люди. Двадцать, двадцать пять, тридцать человек. Возле гаража. Внутри гаража.

Затем по дорожке подъехала скорая помощь.

Мартин смотрел, как ее выносят на носилках. Потом скорая уехала. Еще больше народу. Еще

больше. Он выпил вино, налил еще.

Может, они не знают, кто я, подумал он. Я редко выхожу из дому.

Но оказалось не совсем так. Дверь он не запер. Вошли два фараона. Здоровые ребята, довольно симпатичные. Они ему почти понравились.

- Ладно, блядь!

Один хорошенько звезданул ему по физиономии. Когда Мартин встал и вытянул руки под браслеты, другой вытянул из петли дубинку и изо всех сил рубанул ему поперек брюха. Мартин рухнул на пол. Ни вдохнуть, ни двинуться он не мог. Они подняли его. Второй снова заехал ему в челюсть.

Везде были люди. Они не стали спускаться на лифте, пошли пешком, толкая его вниз по лестнице.

Лица, лица, лица, наружу из подъезда, лица на улице.

В патрульной машине оказалось очень странно - двое легавых впереди, двое - с ним на заднем сиденье. Мартина обслуживали по высшему классу.

- Убил бы такую мразь, как ты, - сказал один из легавых на заднем сиденье. - Убил бы такую гадину и даже стараться бы не стал...

Мартин беззвучно расплакался, строчки слез побежали вниз, как одичавшие.

- У меня дочке пять лет, - сказал один из легавых сзади. - Я б тебя убил и не задумался!

- Я ничего не мог сделать, - ответил Мартин, - говорю вам, Господи спаси меня, я ничего не мог с собой сделать...

Легавый начал лупасить Мартина по голове дубинкой. Никто его не останавливал.

Мартин упал лицом вперед, его рвало кровью и вином, легавый выпрямил его, еще раз шарахнул дубинкой по лицу, поперек рта, вышиб ему почти все передние зубы.

Потом, подъезжая к участку, его ненадолго оставили в покое.

УБИЙСТВО РАМОНА ВАСКЕСА[23]

Они позвонили в дверь. Два брата - Линкольн, 23 года, и Эндрю, 17 лет.

Он подошел открывать сам.

Во какой. Рамон Васкес, старая звезда немого экрана и самого начала звукового кино. Уже за 60, но на вид все такой же изысканный. В те дни, и на экране, и в жизни, волосы его были обильно навазелинены и зачесаны прямо назад, приглажены даже. А длинный тонкий нос, а крохотные усики, а как глубоко заглядывал он дамам в глаза - нет, это было слишком. Его называли "Великим Любовником". Дамочки обмирали при виде его на экране. Ну, "обмирали" - это то, что писали кинокритики. На самом же деле, Рамон Васкес

---

[23] notes: 23

Этот рассказ - художественное произведение, и любые события, или почти похожие события в действительной жизни, которые на самом деле происходили, не вызвали у автора предубеждений ни к каким фигурам, вовлеченным или же не вовлеченным в него; иными словами, разуму, воображению, творческим способностям было позволено проистекать свободно, а это означает выдумку, из коей вышеуказанный соткан и обусловлен без одного года полувеком проживания с человеческой расой... и не сводится ни какому частному случаю, случаям, газетным репортажам, равно как и не написан с целью навредить, поиметь в виду или оказать несправедливость каким бы то ни было моим собратьям по расе, вовлеченным в обстоятельства, сходные с описанными в нижеприводящемся рассказе. (Прим.автора)

был гомосексуалистом. Теперь волосы его были царственно седы, усы - - чуточку погуще.

Стояла промозглая калифорнийская ночь, а дом Рамона располагался в стороне от дороги в холмах. На парнишках были армейские брюки и белые футболки. Оба - мускулистые, довольно симпатичные, с приятными извиняющимися лицами.

Говорил из них Линкольн:

- Мы читали о вас, мистер Васкес. Простите, что побеспокоили вас, но нас глубоко интересуют голливудские идолы, и мы выяснили, где вы живете, а тут проезжали мимо и не утерпели - позвонили.

- А разве здесь не холодно, мальчики?

- Да-да, холодно.

- Не зайдете внутрь на минуточку?

- Нам не хочется вас беспокоить, мы не хотим ничему мешать.

- Все в порядке. Заходите же. Я один.

Мальчики вошли. Встали посреди комнаты, нелепые, растерянные.

- Ах, прошу вас, садитесь! - произнес Рамон. Указал на оттоманку. Мальчики подошли, сели, несколько напряженно. В камине горел огонек. - Я принесу вам что-нибудь согреться. Одну ми-

нуточку.

Рамон вернулся с хорошим французским вином, открыл бутылку, снова вышел, затем вернулся с 3 охлажденными бокалами. Разлил на троих.

- Попробуйте. Очень приятное.

Линкольн осушил свой довольно быстро. Эндрю, посмотрев на него, сделал то же самое. Рамон долил.

- Вы братья?

- Да.

- Я так и подумал.

- Я - Линкольн. А он - мой младший брат Эндрю.

- Ах, да. У Эндрю очень утонченное и чарующее лицо. Задумчивое. И в нем есть что-то чуть-чуть жестокое. Возможно - настолько жестокое, насколько нужно.

Хммм, можно попробовать устроить его в кино. Я, знаете ли, по-прежнему каким-то весом обладаю.

- А как насчет моего лица, мистер Васкес? - спросил Линкольн.

- Не такое утонченное - и более жестокое. Настолько жестокое, что в нем почти звериная красота; вот... это и еще ваше... тело. Простите,

но вы сложены, как какая-то чертова обезьяна, которую обрили почти наголо. Однако... вы мне очень нравитесь - вы излучаете... нечто.

- Может быть, голод, - произнес Эндрю, впервые раскрыв рот. - Мы только что приехали в город. Из Канзаса. Колеса спустило. Потом полетел проклятый клапан.

Все наши деньги сожрали эти шины, да ремонт. Вон он сидит снаружи, "плимут"

56-го года - мы его даже на лом за десять баксов сдать не можем.

- Вы голодны?

- Еще как!

- Так погодите, боже святый, я вам чего-нибудь принесу, я вам что-нибудь приготовлю. А пока - пейте!

Рамон исчез в кухне.

Линкольн взял бутылку, отхлебнул прямо из горла. Долгим таким глотком. Потом передал ее Эндрю:

- Допивай.

Только Эндрю опустошил ее, как вернулся Рамон с большим блюдом чищенные и фаршированные оливки; сыр, салями, пастрама, крекеры из белой муки, зеленый лучок, ветчина и яйца со специями.

- О, вино! Вы закончили бутылку! Прекрасно!

Рамон вышел, вернулся с двумя запотевшими. Откупорил обе.

Мальчики накинулись на еду. Много времени это не отняло. Тарелка была чиста.

Затем приступили к вину.

- Вы знали Богарта?

- Ах, так, немножко.

- А как насчет Гарбо?

- Ну разумеется, не будьте глупенькими.

- А как насчет Гейбла?

- Шапочное знакомство.

- Кэгни?

- Кэгни я не знал. Видите ли, большинство тех, кого вы назвали, - из разных эпох. Иногда я убежден, что некоторым из более поздних Звезд в самом деле очень не нравится, что я заработал большую часть моих денег еще до того, как в гонорары стали так глубоко вгрызаться налоги. Но они забывают, что в смысле заработка я никогда не получал их раздутых гонораров. Которые они теперь учатся защищать при помощи своих экспертов по налогам - те показывают им, как эти налоги обойти, реинвестициями и прочим. В любом случае, на приемах и так далее разные эмоции вспыхивают. Они думают, что я богат; я

думаю, что богаты они. Нас всех слишком волнуют деньги, слава и власть. У меня же осталось лишь на то, чтобы удобно жить, пока не умру.

- Мы о тебе много читали, Рамон, - сказал Линкольн. - Один журналист, нет, два журналиста утверждают, что ты всегда держишь наличкой 5 штук в доме. Как бы на карманные расходы. И по-настоящему ни банкам, ни всей банковской системе не доверяешь.

- Не знаю, с чего вы это взяли. Это неправда.

- ЭКРАН, - ответил Линкольн, - сентябрьский номер за 1968; ЗВЕЗДЫ ГОЛЛИВУДА, СТАРЫЕ И НОВЫЕ, январский номер, 1969. У нас эти журналы в машине сейчас.

- Это неправда. Единственные деньги, что я держу в доме, - у меня в бумажнике, и это всё. 20-30 долларов.

- Давай поглядим.

- Пожалуйста.

Рамон извлек бумажник. Там лежала одна двадцатка и три бумажки по доллару.

Линкольн выхватил его:

- Я забираю!

- Что с вами такое, Линкольн? Если вам нужны деньги, берите. Только бумажник отдайте. Там внутри мои вещи - права, всякие необходимые

мелочи.

- Пошел на хуй!

- Что?

- Я сказал "ПОШЕЛ НА ХУЙ"!

- Послушайте, я вынужден попросить вас, мальчики, покинуть этот дом. Вы становитесь буйными!

- Вино есть еще?

- Да, да, есть и еще! Можете все забирать - десять или двенадцать бутылок лучших французских вин. Пожалуйста, забирайте и уходите! Умоляю вас!

- За свои 5 штук ссышь?

- Я искренне вам говорю: здесь нет никаких спрятанных пяти тысяч. Говорю вам искренне от самого сердца - здесь нет никаких 5 тысяч!

- Ах ты хуесос лживый!

- Почему обязательно так грубить?

- Хуесос! ХУЕСОС!

- Я предложил вам свое гостеприимство, свою доброту. А вы звереете и становитесь очень недобрыми.

- Это что - жрачка, что ты нам на тарелке вынес? И ты это называешь едой?

- Чем она вас не устроила?

- ЭТО ЕДА ПЕДИКОВ!

- Я не понимаю?

- Маленькие маринованные оливки... яйца фаршированные. Мужчины такую срань не едят!

- Но вы же съели.

- Так ты еще пререкаться, ХУЕСОС?

Линкольн вскочил с оттоманки, шагнул к Рамону в кресле, съездил ему по лицу, жестко, всей ладонью. 3 раза. У Линкольна были большие руки.

Рамон уронил голову, заплакал.

- Простите. Я только пытался сделать все, что могу.

Линкольн взглянул на брата:

- Видишь? Ебаный хлюздя! РЕВЕТ КАК МАЛЕНЬКИЙ! НУ, Я ЕМУ СЕЙЧАС ПОРЕВУ! Я ЕМУ СЕЙЧАС ТАК ПОРЕВУ, ЕСЛИ ОН 5 ШТУК СВОИ НЕ ВЫХАРКАЕТ!

Линкольн взял бутылку, крепко к ней приложился.

- Пей, - сказал он Эндрю. - Нам еще работа предстоит.

Эндрю тоже крепко приложился к своей бутылке.

Затем, пока Рамон плакал, они оба сидели и пили вино, поглядывая друг на друга и размышляя.

- Знаешь, что я сделаю? - спросил Линкольн

у брата.

- Что?

- Я заставлю его у меня отсосать!

- Зачем?

- Зачем? Да просто смеху ради, вот зачем!

Линкольн отхлебнул еще, подошел к Рамону, поднял за подбородок его голову:

- Эй, уёбище...

- Что? О пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!

- Ты у меня хуй сосать будешь, ХУЕСОС!

- О нет, прошу вас!

- Мы знаем, что ты гомик! Готовься, уёбок!

- НЕТ! ПРОШУ ВАС! ПРОШУ!

Линкольн пробежался пальцами по своей ширинке.

- ОТКРЫВАЙ РОТ!

- О нет, пожалуйста!

На этот раз Линкольн ударил Рамона сжатым кулаком.

- Я люблю тебя, Рамон: Соси!

Рамон открыл рот. Линкольн всунул кончик своего члена ему между губ.

- Укусишь меня, уёбище, - и я тебя УБЬЮ!

Рамон, плача, начал сосать.

Линкольн шлепнул его по лбу.

- ЖИВЕЙ давай! Больше жизни!

Рамон задвигал челюстями быстрее, пустил в ход язык. Затем, чувствуя, что сейчас кончит, Линкольн схватил Рамона за волосы на затылке и вогнал его до самого основания. Рамон подавился, задохнулся. Линкольн оставил его во рту, пока он не опустел.

- Так! Теперь отсоси у моего брата!

Эндрю сказал:

- Линк, да я лучше не буду.

- Зассал?

- Нет, не в этом дело.

- Кишка тонка?

- Нет, нет...

- Хлебни-ка еще.

Эндрю хлебнул. Чуть-чуть подумал.

- Ладно, пусть пососет.

- ЗАСТАВЬ ЕГО!

Эндрю встал, расстегнул ширинку.

- Готовься сосать, уёбок.

Рамон сидел и плакал.

- Подними ему голову. Так ему по-настоящему нравится.

Эндрю поднял голову Рамона.

- Мне не хочется тебя бить, старик. Открой рот. Это недолго.

Рамон раздвинул губы.

- Во, - сказал Линкольн. - Видишь, сосет. И никакой суеты.

Рамон задергал головой энергичнее, пустил в ход язык, и Эндрю кончил.

Рамон выплюнул все на ковер.

- Сволочь! - сказал Линкольн. - Ты должен был это проглотить!

Он подошел и дал Рамону пощечину - тот уже перестал плакать и, похоже, пребывал в каком-то трансе.

Братья опять уселись, допили вино из бутылок. Нашли в кухне еще. Вынесли в гостиную, раскупорили и приложились снова.

Рамон Васкес уже напоминал восковую фигуру покойной Звезды в Голливудском Музее.

- Получим свои 5 штук и отвалим, - сказал Линкольн.

- Он же говорит, что их тут нету, - сказал Эндрю.

- Педики - прирожденные вруны. Я их из него вытрясу. Ты сиди и винцо себе пей.

А я этим гондоном займусь.

Линкольн поднял Рамона, перевалил себе через плечо и отнес в спальню.

Эндрю остался сидеть и пить вино. Из спальни

доносились какие-то разговоры и крики. Тут он увидел телефон. Набрал нью-йоркский номер, за рамонов счет. Там жила его бикса. Она свалила из Канзас-Сити за лучшей жизнью. Но до сих пор писала ему письма. Длинные. Жизнь пока не улучшалась.

- Кто?

- Эндрю.

- О, Эндрю, что-нибудь случилось?

- Ты спала?

- Собиралась ложиться.

- Одна?

- Ну конечно же.

- Так вот, ничего не случилось. Этот парень меня в кино протащит. Говорит, у меня лицо утонченное.

- Ох, это же чудесно, Эндрю! У тебя прекрасное лицо, и я тебя люблю, сам знаешь.

- Конечно. Как у тебя там, киска?

- Не очень, Энди. Нью-Йорк - холодный город. Все только в трусики норовят залезть, им одного подавай. Я официанткой работаю, сущий ад, но думаю, что получу роль во внебродвейской пьесе.

- Чё за пьеса?

- Ох, не знаю. Какие-то розовые слюни. Один

черномазый написал.

- Не доверяй ты этим черномазым, крошка.

- Я и не доверяю. Это просто опыта набраться. И у них какая-то известная актриса за бесплатно играть будет.

- Это-то ладно. Но черномазым не доверяй!

- Я ж не набитая дура, Энди. Я никому не верю. Просто опыта набраться.

- Кто черномазый?

- Фиг его знает. Какой-то драматург. Просто сидит все время, траву курит и рассуждает о революции. Революция сейчас - самое то. Приходится следовать моде, пока ее не сдует.

- Этот драматург - он к тебе не шьется?

- Не будь таким дураком, Эндрю. Я к нему хорошо отношусь, но он же всего-навсего язычник, зверь... А я так устала столики обслуживать. Все эти умники - за задницу щиплют только потому, что четвертак на чай оставили. Ад сплошной.

- Я о тебе постоянно думаю, крошка.

- А я - о тебе, красавчик, старина Энди-Большая Елда. И я люблю тебя.

- Ты иногда смешно говоришь, смешно и по-настоящему, вот поэтому я тебя и люблю, малышка.

- Эй! Что там у вас за ВОПЛИ?

- Это шутка, малышка. Тут у нас в Беверли-Хиллз большая пьянка. Знаешь же этих актеров.

- Орут так, будто убивают кого.

- Не волнуйся, крошка. Это просто шутка. Все ужрались. Кто-то роль репетирует.

Я тебя люблю. Скоро позвоню опять или напишу.

- Пожалуйста, Эндрю, я люблю тебя.

- Спокойной ночи, лапусик.

- Спокойной ночи, Эндрю.

Эндрю повесил трубку и направился к спальне. Вошел туда. Рамон распластался на большой двуспальной кровати. Он был весь в крови. Все простыни были в крови.

Линкольн держал в руке хозяйскую трость. Ту самую, знаменитую трость, которой Великий Любовник пользовался в кино. Вся она тоже была в крови.

- Сукин сын не хочет раскалываться, - сказал Линкольн. - Принеси мне еще бутылку вина.

Эндрю сходил за бутылкой, открыл ее, и Линкольн присосался к горлышку надолго.

- Может, 5 штук тут и нет вовсе, - сказал Эндрю.

- Есть. И нам они нужны. Педики - хуже жидов. В смысле, жид лучше сдохнет, чем хоть один пенни отдаст. А педики ВРУТ! Усёк?

Линкольн снова посмотрел на тело на кровати.

- Где ты спрятал 5 штук, Рамон?

- Клянусь... клянусь... из глубины души, нет у меня 5 штук, клянусь! Клянусь!

Линкольн обрушил трость на лицо Великого Любовника. Еще раз. Текла кровь. Рамон потерял сознание.

- Так ничего не выйдет. Засунь его под душ, - велел Линкольн брату. - Оживи его. Смой всю кровь. Начнем все заново. На этот раз - не только рожу, но и хуй с яйцами. Он у нас заговорит. Тут любой разговорится. Сходи его вымой, а я пока тут выпью немножко.

Линкольн вышел. Эндрю взглянул на кровоточившую красную массу - к горлу на мгновение подкатил комок - и стравил прямо на пол. Проблевавшись, почувствовал себя лучше. Поднял тело, доволок до ванной. Рамон, казалось, начал оживать.

- Пресвятая Мария, Пресвятая Мария, Матерь Божья...

Пока они шагали к ванной, он повторил это еще раз:

- Пресвятая Мария, Пресвятая Мария, Матерь Божья...

Втащив в ванную, Эндрю снял с Рамона всю

пропитанную кровью одежду, увидел стойку душа, положил Рамона на пол и проверил воду, чтобы была нужной теплоты.

Потом снял собственные ботинки с чулками, штаны, трусы с майкой, залез в душ вместе с Рамоном, придерживая его под струей. Кровь начала смываться. Эндрю смотрел на воду, стекавшую по слипшимся седым волосам, плоско облеплявшим голову былого идола Всего Женского Рода. Сейчас Рамон выглядел просто жалким стариком, обмякшим и сдавшимся на его милость.

Затем неожиданно для самого себя, будто его толкнул кто, Эндрю выключил горячую воду и оставил одну холодную.

Прижался губами к уху Рамона.

- Нам нужны, старик, всего лишь твои 5 кусков. И мы отвалим. Ты нам просто отдай эти 5 кусков, и мы оставим тебя в покое, понятно?

- Пресвятая Мария... - только и произнес старик.

Эндрю вытащил его из душа. Выволок обратно в спальню, положил на кровать. Перед Линкольном стояла новая бутылка вина. И он ею занимался.

- Ладно, - сказал он. - На этот раз он заговорит!

- А я думаю, у него нет 5 штук. Таких пиздю-

лей получать за каких-то 5 штук - да никогда в жизни.

- Есть-есть! Педик, жидяра черножопый! Щас он ЗАГОВОРИТ!

Линкольн передал бутылку Эндрю, который из нее немедленно отхлебнул.

Линкольн взялся за трость:

- Ну? Хуесос? ГДЕ 5 ШТУК?

Человек на постели не ответил. Линкольн перевернул трость, то есть прямой конец зажал в кулак, а изогнутым обрушился на яйца и член Рамона.

Тот не издал почти ни единого звука, если не считать долгой череды стонов.

Половые органы Рамона почти полностью исчезли.

Линкольн сделал небольшой перерыв, чтобы хорошенько отхлебнуть вина, затем перехватил трость поудобнее и начал лупасить везде - по лицу Рамона, животу, рукам, носу, голове, везде, уже ничего не спрашивая про 5 штук. Рот у Рамона открылся, и кровь из сломанного носа и других разбитых частей лица хлынула туда.

Он начал было ее глотать, но быстро захлебнулся. После этого он уже лежал очень тихо, и удары трости не производили видимого эффекта.

- Ты его убил, - произнес Эндрю, не вставая с кресла, откуда он наблюдал, - а ведь он обещал взять меня в кино.

- Я его не убивал, - ответил Линкольн. - Это ты его убил! Я сидел и смотрел, как ты забиваешь его насмерть его же собственной тростью. Той тростью, которая в кино сделала его знаменитым!

- Какого хуя, - сказал Эндрю, - ужрался в стельку и околесицу несешь. Самое главное сейчас - отсюда слинять. С остальным потом разберемся. Чувак прижмурился! Шевели мослами!

- Сначала, - ответил Линкольн, - я про такое в детективных журналах читал.

Сначала собьем их со следа. Макнем пальцы в его кровь и напишем разные штуки на стенах, всякое такое.

- Какое?

- Ладно, типа: "НА ХУЙ СВИНЕЙ! СМЕРТЬ СВИНЬЯМ!" А потом - чье-нибудь имя в изголовье, мужское - скажем, "Луи". Нормально?

- Нормально.

Они макнули пальцы в его кровь и написали свои маленькие лозунги. Потом вышли наружу.

"Плимут" 56-го года завелся. Они покатили на юг с 23 долларами Рамона и спизженным у него же вином. На углу Сансета и Вестерн увидели две

молоденькие мини-юбки: те стояли на обочине и голосовали. Подъехали. Произошел изощренный обмен приветствиями, девки сели. В машине имелось радио. Это практически всё, что в ней имелось. И они его включили. По полу катались бутылки дорогого французского вина.

- Эгей, - сказала одна девчонка. - Да эти парни, похоже, богатенькие повесы!

- Эгей, - ответил Линкольн, - поехали-ка лучше на пляж, на песочке поваляемся, винца попьем и посмотрим, как солнце встает!

- Ништяк, - ответила вторая девчонка.

Эндрю удалось раскупорить одну бутылку, тяжко пришлось - перочинным ножом, тонкое лезвие, - поскольку и самого Рамона, и рамонов замечательный штопор пришлось бросить, - а перочинный ножик для штопора не годится, и всякий раз, как прикладывался к вину, приходилось глотать и кусочки пробки.

Спереди Линкольн слегка наслаждался жизнью, но поскольку приходилось рулить, он, главным образом, свою разлатывал в уме. На заднем же сиденье Эндрю уже пробежался своей рукою ей наверх по ноге, оттянул назад какую-то деталь ее трусиков, трудной работой это оказалось, и уже запустил туда свой палец.

Неожиданно она отпрянула, отпихнула его и сказала:

- Мне кажется, нам нужно сначала получше узнать друг друга.

- Конечно, - ответил Эндрю. - У нас есть 20 или 30 минут прежде, чем мы завалимся на песочек и займемся делом. Меня зовут, - сказал Эндрю, Гарольд Андерсон.

- А меня - Клара Эдвардс.

И они обнялись снова.

Великий Любовник был мертв. Но появятся и другие. А также - множество не-великих. Главным образом - именно таких. Так вот все и получается. Или не получается.

СОБУТЫЛЬНИК

Я познакомился с Джеффом на складе автомобильных запчастей на Цветочной улице - а может, на улице Фигейроа, я их постоянно путаю. Как бы то ни было, я там работал приемщиком, а Джефф был более-менее на подхвате. Разгружал подержанные запчасти, подметал полы, развешивал рулончики в сортирах и так далее. Я сам на подхвате припахивал по всей стране, поэтому свысока на таких работников никогда не смотрел. Я как раз отходил после дурного заезда с одной бабой, которая меня чуть не прикончила. Ни на каких баб у меня больше не стояло какое-то время, а вместо этого я играл на лошадках, дрочил и кирял. Если честно, в этом счастья всегда было больше, и всякий раз, как я к такому делу приступал, я думал: всё, никаких больше женщин, никогда, будь они все прокляты. Разумеется, одна какая-нибудь всегда потом подваливала - просто с собаками выслеживали, сколь безразличным бы ты к ним ни был. Наверное, только когда все на самом деле по барабану, они тебе это припоминают - чтобы завалить тебя окончательно. Женщины это могут; как бы силен мужик

ни был, женщинам это удается. Как бы там ни было, я пребывал в этом спокойном свободном состоянии, когда познакомился с Джеффом, - на безбабье, - и ничего гомосексуального в этом не было. Просто двое парней:

жили, как масть выпадет, мир повидали, об женщин обожглись не раз. Помню, сидел я как-то в "Зеленой Лампе": сижу, пиво себе пью, один за столиком, читаю результаты бегов, а толпа о чем-то разговаривает, как вдруг слышу:

- ...ага, Буковски на малышке Фло хорошо обжегся. Хорошо ты об нее обжегся, а, Буковски?

Я поднял голову. Все ржали. Я даже не улыбнулся. Просто поднял стакан с пивом.

- Ага, - сказал я, выпил и поставил стакан обратно.

Когда я снова поднял голову, на мой столик ставила свое пиво какая-то черная девка.

- Слушай, мужик, - говорила она, - слушай, мужик...

- Здрасьте, - сказал я.

- Слушай, мужик, не давай ты этой малышке Фло себя заваливать, не давай себя подстрелить, мужик. Ты выкарабкаешься.

- Я знаю, что выкарабкаюсь. Я и не собирался лапки задирать.

- Клево. Ты просто сидишь, как в воду опущенный, вот и все. На тебя посмотреть - тоска зеленая.

- Конечно, зеленая. Она ж мне в самое нутро забралась. Но ничего рассосется.

Пива?

- Ага. Но за мой счет.

Тогда мы с нею завалились у меня на всю ночь, но с женщинами на этом я распрощался - месяцев на 14, на 18. Если сам на след не выходишь, то такие каникулы себе иногда можно устроить.

Поэтому каждый вечер после работы я напивался, один, у себя, и оставалось ровно столько, чтобы протянуть субботу на бегах; жизнь была проста, без лишней боли.

Смысла, может быть, в ней тоже было немного, но уже в том, чтобы избегать боли, он имелся. Джеффа я сразу признал. Хоть он и был моложе, в нем я увидел свою модель.

- Да у тебя просто дьявольский бодун, парнишка, - сказал я ему как-то утром.

- Иначе и быть не может, - ответил он. - Человек должен забываться.

- Наверное, ты прав, - сказал я, - бодун лучше психушки.

В тот вечер после работы мы завалились в

ближайший бар. Джефф оказался похож на меня: едой не заморачивался, о еде вообще никогда не думал. Несмотря на все это, мы с ним были самыми здоровыми мужиками на всей богадельне, но до ручки себя ни разу не доводили. Жрать просто скучно. Бары к тому времени мне тоже остохренели - все эти одинокие идиоты, сидят и надеются: вдруг зайдет какая-нибудь тетка и унесет их с собой в страну чудес. Две самые тошнотные толпы собираются на бегах и в барах - и я в первую очередь имею в виду мужских особей. Неудачники, которые все время проигрывают, не могут постоять за себя и взять себя в руки. И тут я такой, прямо посередке. С Джеффом мне становилось легче. Я в том смысле, что для него все это было внове, еще с перчиком, для него во всем этом еще билась какая-то жизнь, будто мы чем-то значительным заняты, а не просто спускаем жалкую зарплату на кир, игры, меблирашки, не просто теряем работы и находим новые, не просто обжигаемся о баб, не просто из преисподней не вылазим, но еще и плюем на нее. На все на это и плюем.

- Я хочу тебя познакомить с одним моим корешем, Грамерси Эдвардсом, сказал он.

- Грамерси Эдвардсом?

- Ага, Грам на нарах провел больше, чем на воле.

- Зона?

- И зона, и психушка.

- Здорово. Пускай подваливает.

- Ему надо на вахту позвонить. Если не ужрался до чертиков, подвалит...

Грамерси Эдвардс приперся, наверное, через час. К тому времени я уже чувствовал, что мне многое по плечу, и это было хорошо, ибо Грамерси уже стоял в дверях - жертва исправительных колоний и тюряг. Глаза его, казалось, все время закатывались под лоб, будто он пытался заглянуть себе в мозги и посмотреть, что там пошло не так. Одет он был в лохмотья, а рваный карман штанов топырился от здоровенной бутылки вина. От него воняло, самокрутка болталась на губе. Джефф представил нас друг другу. Грам извлек из кармана бутылку и предложил мне выпить. Я принял предложение. Мы остались в том баре до самого закрытия.

Потом мы отправились пешком к Грамерси в ночлежку. В те дни, пока район не оккупировали киты индустрии, в некоторых старых домах бедным сдавали комнаты, и в одном из таких домов у хозяйки был бульдог, которого она каж-

дую ночь спускала охранять свою драгоценную собственность. Сволочью был редкостной: пугал меня множество пьяных ночей, пока я не выучил, какая сторона улицы его, а какая - моя. Мне досталась та, которая ему была не нужна.

- Ладно, - сказал Джефф, - сегодня мы этого урода достанем. Так, Грам, мое дело - его поймать. Если я его поймаю, ты его распорешь.

- Ты лови, - ответил Грам, - а чика при мне. Только сегодня заточил.

Мы шли дальше. Вскоре раздался этот рык - бульдог скачками мчался к нам. У него хорошо получалось цапать за икры. Чертовски хороший сторожевой пес. Скакал он к нам с большим апломбом. Джефф дождался, пока он чуть нас не нагнал, а потом извернулся куда-то в сторону и прыгнул ему на спину. Бульдога занесло, он быстро обернулся, и Джефф перехватил его снизу на лету. Под передними лапами он сцепил руки в замок и встал. Бульдог лягался и беспомощно щелкал челюстями, брюхо его обнажилось.

- Хехехехе, - начал Грамерси, - хехехехе!

И он воткнул свою чику и вырезал прямоугольник. А потом еще и разделил его на 4 части.

- Господи, - сказал Джефф.

Кровь хлестала повсюду. Джефф выронил

бульдога. Бульдог уже не дрыгался. Мы пошли дальше.

- Хехехехехе, - не унимался Грамерси, - сукин сын уже больше никого не потревожит.

- Меня от вас, ребята, тошнит, - сказал я. Пошел к себе в комнату, а бедный бульдог все не шел у меня из головы. На Джеффа я злился еще 2 или 3 дня, потом забыл...

Грамерси я больше никогда не видел, а с Джеффом надираться мы продолжали.

Делать, казалось, больше нечего.

Каждое утро на работе нас мутило... наша с ним интимная шутка. Каждую ночь мы напивались снова. Что еще делать бедному человеку? Девчонки обычных работяг не выбирают; девчонки выбирают врачей, ученых, юристов, бизнесменов и так далее.

Нам девчонки достаются, когда они с девчонками покончат, а те уже больше не девчонки - на нашу долю приходятся подержанные, деформированные, больные, сумасшедшие. Через некоторое время вместо того, чтобы брать их из вторых, третьих, четвертых рук, просто бросаешь это дело. Или пытаешься бросить.

Помогает выпивка. К тому же, Джеффу в барах нравилось, поэтому я ходил с ним.

Беда у Джеффа была одна: когда он напивался, его тянуло подраться. К счастью, со мной он не дрался. У него это очень хорошо получалось, махался он здорово и был силен: сильнее, наверное, я никого не встречал. Он не задирался, но, немного попив, казалось, просто съезжал с катушек. Однажды вечером я видел, как он в драке уложил троих парней. Посмотрел на распростертые в переулочке тела, сунул руки в карманы, потом взглянул на меня:

- Ладно, пошли еще выпьем.

Никогда победами не хвалился.

Конечно же, субботние вечера были лучше всего. В воскресенье выходной, можно бодун заспать. Большую часть времени у нас одно похмелье просто плавно перетекало в другое, но, по крайней мере, в воскресенье утром не нужно было вкалывать за рабскую зарплату в гараже - все равно с этой работы либо сам уйдешь в конце концов, либо вышибут.

В ту субботу мы с ним сидели в "Зеленой Лампе" и тут, наконец, проголодались.

Пошли в "Китайца" - довольное чистенье местечко, не без шика. Поднялись по лестнице на второй этаж, сели за столик в глубине. Джефф был пьян и опрокинул настольную лампу. Она

разлетелась с большим шумом. На нас заоборачивались.

Китайский официант с другого столика одарил нас взглядом, полным исключительного омерзения.

- Не бери в голову, - сказал Джефф, - записывай в счет. Я заплачу за нее.

На Джеффа уставилась какая-то беременная тетка. Казалось, она очень недовольна тем, что он только что сделал. Непонятно. Не похоже, чтобы он совсем уж плохо поступил. Официант обслуживать нас не хотел, или специально заставлял ждать, а беременная тетка все смотрела и смотрела. Будто Джефф совершил отвратительнейшее из преступлений.

- Чё такое, крошка? Хочешь немножко любви? Да я ради тебя черный ход взломаю.

Тебе одиноко, милая?

- Я сейчас позову моего мужа. Он внизу, в уборной. Я его позову, я его приведу.

Он вам кое-что покажет!

- А что у него есть? - спросил Джефф. - Коллекция марок? Или бабочки под стеклом?

- Я его приведу! Сейчас же! - сказала она.

- Дамочка, - вмешался я, - не делайте этого, прошу вас. Вам ваш муж еще понадобится. Не надо

так делать, дамочка.

- Сделаю, - ответила она. - Я это сделаю!

Она подскочила и понеслась к лестнице. Джефф ринулся за нею, поймал, развернул к себе и сказал:

- Вот, попутного тебе ветра!

И стукнул ее в подбородок. И она покатилась, подскакивая, вниз по лестнице. Мне стало тошно. Так же херово, как и той ночью, с бульдогом.

- Боже всемогущий, Джефф! Ты скинул беременную женщину с лестницы! Это ссыкливо и глупо! Ты, наверное, убил 2 человек. В тебе столько злобы, что ты пытаешься доказать?

- Заткнись, - ответил Джефф, - а не то сам получишь!

Джефф набухался до безумия: стоял на верхней площадке и покачивался. Внизу собрались вокруг женщины. Она казалась еще живой, ничего не сломано, а насчет ребенка я не знал. Только надеялся, что с ним тоже все в порядке. Тут из уборной вышел муж и увидел свою жену. Ему объяснили, что произошло, и показали на Джеффа. Джефф повернулся и направился обратно к столику. Муж ракетой взлетел по лестнице. Здоровый парень такой, такой же большой, как Джефф, и такой же молодой. Джеффом я был не очень до-

волен, поэтому не стал его предупреждать. Муж прыгнул Джеффу на спину, намертво сдавил ему шею. Джефф поперхнулся, все его лицо побагровело, но несмотря на все это он ухмылялся, оскал его все равно проступал. Любил он подраться. Одну руку он положил парню на голову, другой дотянулся и поднял его тело параллельно полу. Муж по-прежнему сдавливал Джеффу шею, а тот тем временем нес его к лестнице; потом встал на верхней ступеньке и просто скинул парня с шеи, поднял его в воздух и швырнул в пустоту. Когда муж дамочки перестал катиться, он был очень неподвижен. Я уже начал подумывать, а не убраться ли мне отсюда.

Внизу кучковались какие-то китайцы. Повара, официанты, владельцы. Казалось, они бегают кругами и переговариваются. Потом побежали вверх по лестнице. У меня в пальто заначилось полпинты скотча, и я сел за столик посмотреть веселуху. Джефф встретил их на верхней ступеньке и посбивал всех обратно вниз. А их все прибывало и прибывало. Откуда все эти китайцы понабежали, прямо не знаю. Только численным перевесом своим потеснили они Джеффа от лестницы, и вот он уже топотал по центру зала, вырубая одного за другим. Я бы, вообще-то, помог ему, да только эта

несчастная собака и эта несчастная беременная женщина никак не шли у меня из головы, поэтому я просто сидел, прихлебывал из полупинты и смотрел.

Наконец, парочка китайцев навалилась на Джеффа со спины, еще один перехватил одну руку, двое - другую, кому-то досталась нога, кому-то шея. Он напоминал паука, которого затаскивают в муравейник. Потом упал, и они пытались удержать его на полу, чтоб не дергался. Как я уже говорил, сильнее его я мало кого видел.

На полу-то они его удерживали, да только он дергался. То и дело кто-нибудь из китайцев вылетал из этой кучи-малы, точно катапультированный невидимой силой. А потом он и сам вскакивал. Сдаваться Джефф просто не хотел. Поймать-то они его поймали, только сделать ничего не могли. Он не прекращал бороться, а китайцев это ставило в тупик, и они казались очень недовольными, что он не сдавался.

Я отхлебнул еще, сунул бутылку в карман, встал. Подошел к ним.

- Если вы его придержите, - сказал я, - я его вырублю. Он меня за это убьет, но это единственный выход.

Я пробрался внутрь и сел ему на грудь.

- Да придержите вы его! Держите ему голову! Я не могу по нему попасть, когда он так дергается! Да держите же его, черт побери! Черт возьми, вас же тут дюжина, не меньше! Вы что - одного мужика придержать не можете? Держите его, черт бы вас побрал, держите!

У них это не получалось. Джефф качался и катался. Сила его, казалось, не убывала. Я сдался, снова сел за столик и выпил еще. Суета продолжалась, наверное, еще минут 5.

Затем неожиданно Джефф совершенно затих. Перестал двигаться. Китайцы держали его и наблюдали. Я услышал всхлипы. Джефф плакал! Слезы омывали ему все лицо. Все его лицо сияло, словно озеро. Потом он выкрикнул так, что сердце разрывалось, - всего одно слово:

- М А М А !

И тут я услышал сирены. Я поднялся, прошел мимо них и спустился по лестнице. На середине встретил полицейских:

- Он наверху, офицеры! Скорее!

Я медленно вышел через парадную дверь. Прошел переулок. Дойдя до него, свернул и бросился бежать. Выскочил на другую улицу и тут услышал сирены скорой помощи. Я добрался до своей комнаты, задернул все шторы и выключил свет.

Бутылку докончил в постели.

В понедельник Джефф на работе не появился. Во вторник Джефф на работе не появился. Среда. Короче, я никогда его больше не видел. А тюрьмы не обзванивал.

Совсем немного времени спустя меня уволили за прогулы, и я переехал в западную часть города, где нашел себе место на складе в "Сиэрз-Рёбаке". У складских рабочих "Сиэрз-Рёбака" никогда не бывало бодунов, они были очень ручными, худенькими. Казалось, их ничего не волнует. Обедал я в одиночестве и с остальными почти не разговаривал.

Наверное, Джефф все-таки был не очень хорошим человеком. Он сделал много ошибок, грубых ошибок, но с ним было интересно - достаточно интересно. Сейчас, наверное, он досиживает, или же кто-нибудь его уже убил. У меня никогда больше не будет такого собутыльника. Все спят, все в своем уме, всё - как полагается. А время от времени нужны такие настоящие мерзавцы, как он. Но тут уж как в песне поется: Куда же все ушли?

БЕЛАЯ БОРОДА

И Херб, бывало, высверливал дырку в арбузе, и ебал этот арбуз, а затем заставлял Тэлбота, малыша Тэлбота, его есть. Вставали мы в полседьмого утра - собирать яблоки и груши, а дело было возле границы, и от бомбежек земля тряслась, пока дергал с веток эти яблоки с грушами, пытаясь быть хорошим парнем, брал только спелые, а затем слезал с дерева поссать ведь по утрам бывало холодно, - и в нужнике пробовал немного гашиша. Что все это означало, никто не знал. Мы устали и нам было наплевать; дом - за тысячи миль, мы в чужой стране, и нам наплевать.

Как будто в земле просто выкопали уродливую яму и нас туда швырнули. Работали мы только за кров, еду, очень маленькое жалованье и за то, что удавалось спереть.

Даже солнце действовало неправильно; казалось, оно покрыто таким тонким красным целлофаном, и лучи сквозь него никак не пробьются, поэтому мы постоянно болели, в лазарете, где знали только одно дело - кормить нас огромными холодными курами. На вкус куры были резиновыми, и ты садился в постели и пожирал

этих резиновых кур, одну за другой, и сопли текли из носа по всему лицу, и большезадые медсестры пердели на тебя. Там было так плохо, что хотелось скорее поправиться и снова забраться на эти дурацкие груши и яблони.

Большинство из нас от чего-то сбежало - от женщин, счетов, грудных детей, от неспособности справиться с жизнью. Мы отдыхали от усталости, нас тошнило от усталости, нам пришли кранты.

- Не следовало было заставлять его есть этот арбуз, - сказал я.

- Давай-давай, ешь, - сказал Херб, - жри давай, или, помоги мне господи, я тебе башку оторву.

Малыш Тэлбот вгрызался в этот арбуз, глотая семечки и хербову молофью, тихонько похныкивая. Скучающим мужикам нравилось придумывать хоть что-нибудь, только бы не сбрендить окончательно. А может, они уже и сбрендили. Малыш Тэлбот раньше преподавал Алгебру в старших классах в Штатах, но что-то пошло наперекосяк, и он сбежал в нашу парашу, а теперь вот глотал чужую молофью, взбитую с арбузным соком.

Херб был здоровенный парень, руки как поршни, черная проволочная борода, и вони в нем было столько же, сколько в тех медсестрах. На боку носил громадный охотничий нож в кожаном

чехле. Нож ему вообще-то и не требовался, убить кого-нибудь он мог и без него.

- Послушай, Херб, - сказал я, - вышел бы ты туда и прикончил эту четвертинку войны, а? Я уже от нее устал.

- Я не хочу нарушать баланс, - ответил Херб.

Тэлбот уже доел арбуз.

- Ах, трусы бы лучше свои проверил, много ли говна там осталось, посоветовал он Хербу.

Херб ответил ему:

- Еще одно слово - и очко свое будешь за собою в рюкзаке носить.

Мы вышли на улицу; там бродили все эти узкозадые люди в шортиках, с ружьями и небритые. Даже некоторым женщинам не мешало побриться. Везде висел слабый запах говнеца, и то и дело - ВУРУМБ - ВУРУМБ! - громыхали бомбежки. Просто дьявольское перемирие какое-то...

Под точкой мы подошли к столу и заказали какого-то дешевого вина. Тут горели свечи. На полу сидели арабы, пришибленные и безжизненные. Один на плече держал ворона и время от времени поднимал кверху ладонь. На ладони лежали одно-два зернышка. Ворон с отвращением склевывал их - похоже, ему было трудно глотать.

Чертовски мирное перемирие. Чертовский

ворон.

Потом девчонка лет 13-14, неизвестного происхождения, подошла и села за наш столик. Глаза у нее отливали молочной голубизной, если вы можете себе представить молочную голубизну, причем обременено бедное дитя было одними грудями. Просто тело - руки, голова и все остальное были подвешены к этим грудям. Груди были огромнее мира, а мир нас убивал. Тэлбот посмотрел на ее груди, Херб посмотрел на ее груди, я посмотрел на ее груди. Словно нам явилось последнее чудо, а мы знали, что всем чудесам пришел конец. Я протянул руку и коснулся одной груди. Просто ничего не мог с собой поделать. Потом сжал.

Девчонка рассмеялась и сказала по-английски:

- В жар бросает, правда?

Я расхохотался. На ней было что-то желтое и полупрозрачное. Лиловые лифчик и трусики; зеленые туфли на высоком каблуке, крупные зеленые сережки. Лицо ее блестело, как навощенное, а кожа была где-то между бледно-смуглой и темно-желтой. Кто знает? Я не художник. Сиськи у нее были. Что надо сиськи. Ну и денек.

Ворон один раз облетел комнату нестойким кругом и снова приземлился на плече у араба. Я

сидел и думал об этих грудях и о Хербе с Тэлботом. О Хербе с Тэлботом:

они ведь ни разу не рассказывали о том, что привело их сюда, - так же, как я ни разу не говорил, что привело сюда меня, почему мы такие ужасные неудачники, дураки, спрятались в загашник, пытаемся не думать, не чувствовать, но все равно не убиваем себя, держимся. Тут нам самое место. Потом на улице приземлилась бомба, и свеча у нас на столике выпала из подставки. Херб поднял ее, а я поцеловал девчонку, терзая ее за груди. Я сходил с ума.

- Хочешь меня выебать? - спросила она.

Когда она упомянула о цене, та оказалась слишком высока. Я сказал ей, что мы простые сборщики фруктов, а когда там работа закончится, придется переходить в шахту. Шахты - это не сильно весело. В последний раз шахта располагалась в горе. Вместо того, чтобы вкапываться в землю, мы низводили гору с небес. Руда залегала в вершине, и добраться до нее можно было только из подножья. Поэтому мы бурили эти дыры вверх по кругу, нарезали динамит, вставляли запалы и засовывали шашки в эти круги дырок. Все запалы сплетались вместе в один свисавший хвост, ты его поджигал и рвал когти. Оставалось две с

половиной минуты, чтобы убраться оттуда как можно дальше. Потом, после взрыва, возвращался, выгребал лопатой всю эту срань и повторял процесс. Так и бегал вверх-вниз по лестнице, как мартышка.

Время от времени находили то руку, то ногу и больше ничего. 2 с половиной минут явно не хватало. Или какой-нибудь из запалов неправильно сделали, и огонь по нему бежал прямо вверх. Изготовитель щелкнул ебалом, но теперь он был слишком далеко и не заморачивался. Вроде как с парашютом прыгать - если не раскроется, некому и гундеть.

Я пошел наверх с девчонкой. Окон там не было, поэтому - снова свечка. На полу лежал мат. Мы оба на него сели. Она разожгла трубочку с гашишем и передала мне.

Я пыхнул и вернул ей, снова посмотрел на эти груди. Привязанная к этим штукам, она выглядела почти смешно. Почти преступно. Я сказал: почти. К тому же, в конце концов, не грудями одними. Тем, что к грудям прилагается, к примеру. Ладно, в Америке я никогда ничего подобного не видел. Но в Америке, разумеется, когда что-то подобное заводится, богатые мальчики это забирают себе, прячут, пока не испортится или не

изменится, а уж только потом дают попробовать остальным.

Но вот я и поволок на Америку, поскольку оттуда меня выперли. Там меня постоянно пытались прикончить, похоронить. Там был даже один знакомый поэт, Ларсен Кэстайл, так вот он написал про меня такую длинную поэму, где в самом конце однажды утром находят сугробик, снег с него счищают, а под снегом - я.

- Ларсен, полудурок ты, - сказал ему я, - это просто розовые мечты.

Затем я возлег на груди, всасываясь сначала в одну, за ней - в другую. Я чувствовал себя грудным младенцем. По крайней мере, казалось, что я воображаю, как должен чувствовать себя грудной младенец. Хотелось плакать - так хорошо это было. Остаться бы там и сосать бы эти груди вечно. Девчонка, казалось, не возражала. На самом деле, слеза действительно скатилась! Так хорошо это было, что слеза скатилась. Слеза безмятежной радости. Поплыл, поплыл. Господи боже мой, что только предстоит познать мужчинам! Я всегда был человеком ног, глаза мои всегда за ноги цеплялись. Женщины, выбирающиеся из машин, постоянно вырубали меня под самый корень. Я просто не знал, что делать. Типа: боже мой,

вот женщина выбирается из машины! Я вижу ее НОГИ! ДО САМОГО ВЕРХА! Весь этот нейлон, застежки, все это дерьмо... ДО САМОГО ВЕРХА! Это чересчур! Это слишком! Пощады!

Затопчите меня быками! - Да, это всегда было чересчур. - теперь же я сосал грудь. Ладно.

Я подвел руки ей под груди, приподнял их. Тонны мяса. Одно мясо - ни рта, ни глаза. МЯСО МЯСО МЯСО. Я вбил его себе в рот и улетел к небесам.

Потом переключился на рот и вплотную занялся лиловыми трусиками. Взгромоздился.

Пароходы проплывали в темноте. Слоны обливали потом мне спину. Синие цветы сотрясались от ветра. Скипидар горел. Моисей рыгал. Резиновая внутренняя труба катилась вниз по зеленому склону. Все кончилось. Долго я не продержался. Что ж... проклятье...

Она извлекла мисочку и подмыла меня, а потом я оделся и сошел по лестнице вниз.

Херб с Тэлботом ждали. Вечный вопрос:

- Как оно?

- Ну, в общем, то же самое, что и с любой другой.

- Ты хочешь сказать, что сиськи ей ты не выеб?

- Черт побери. Я знал, что где-то облажаюсь.

Наверх пошел Херб. Тэлбот сообщил мне:

- Я его убью. Я убью его сегодня ночью во сне. Его же собственным ножом.

- Устал арбузы есть?

- Я никогда не любил арбузы.

- Ты ее попробовать собираешься?

- Чего бы и нет?

- На деревьях уже почти ничего не осталось. Наверное, скоро в шахты пойдем.

- По крайней мере, Хербу уже не придется там в штольнях пердеть.

- Ах да, я забыл. Ты ж собираешься его убить.

- Да. Сегодня ночью его же собственным ножом. Ты же не испортишь мне малину, правда?

- Это не мое дело. Я так и понял, что ты мне по секрету сказал.

- Спасибо.

- Не за что...

Затем Херб спустился. Ступени содрогались под ним. Все заведение содрогалось.

Херб был неотличим от бомбежки. А потом бомбанул и он сам: сначала раздалось ПЁРРРРРРД, затем волной ударила вонь. Араб, спавший под стеной, проснулся, выматерился и выскочил на улицу.

- Я вогнал его ей между сисек, - сказал Херб. - А потом спустил ей на подбородок целое море. Ко-

гда она встала, у нее все свисало белой бородой. Чтобы промакнуть, два полотенца понадобилось. После того, как меня сделали, форму разбили.

- После того, как тебя сделали, забыли смыть, - сказал Тэлбот.

Херб только ухмыльнулся ему:

- Пойдешь попробуешь ее, сичка-синичка?

- Нет, я передумал.

- Зассал, а? Оно и видно.

- Нет, у меня другие планы.

- Хуй какого-нибудь парня?

- Может, ты и прав. Ты мне хорошую мысль подкинул.

- Тут много воображения не нужно. Суй себе в рот - и все дела. Делай, что хочешь.

- Я не это имел в виду.

- Да? А что ты тогда имел в виду? Воткнуть его себе в жопу?

- Погоди - узнаешь.

- Я узнаю, во как? Какая мне разница, что ты собираешься делать с хуем какого-то парня?

Тут Тэлбот засмеялся.

- Сичка-синичка совсем рехнулась. Арбуза переел.

- Может, и переел, - сказал я.

Мы пропустили еще по паре стаканчиков вина,

потом ушли. Сегодня у нас был выходной, но деньги уже кончились. Делать нечего - только возвращаться, валяться на койках, ждать сна. По ночам там холодало, отопления не было никакого, а выдавали нам лишь по два тощих одеяла. На одеяла приходилось наваливать всю одежду - куртки, рубашки, трусы, полотенца, всё. Грязную одежду, чистую одежду, всё. А когда Херб пердел, то еще и укрываться с головой. Мы возвращались, и мне было очень грустно. Что я мог сделать? Яблокам плевать, грушам плевать. Америка вышвырнула нас, или же мы сами сбежали. Снаряд приземлился на крышу школьного автобуса в двух кварталах от нас. Детей везли с пикника. Когда мы проходили мимо, повсюду валялись куски детей. Кровь толстым слоем придавливала дорогу.

- Бедные детишки, - сказал Херб, - никогда их уже не трахнут.

А по мне, так их трахнули. Мы прошли мимо.

СЕДАЯ МАНДА

бар возле железнодорожного депо, сменил владельцев 6 раз за последний год. от стриптизного заведения - к китайцу - к мексиканцу - к какому-то инвалиду, вот так вот, туда и обратно, но я знал его лучше всего, поскольку сидел и смотрел на вокзальные башенные часы через приотворенную боковую дверь. нормальный бар - никакие бабы не достают. кучка пожирателей маниоки и игроков в бадминтон - а они меня не колыхали. они большую часть времени все равно смотрели какую-нибудь тупую игру по ящику. в комнате, конечно, лучше, но за годы пьянства я понял, что если допивать в полном одиночестве в 4 стенах, то эти 4 стены не только тебя растопчут, но и помогут ИМ тебя растоптать. к чему дарить им легкие победы?

знать нужный баланс уединения и толпы - вот в чем вся штука, вот прикол, который убережет от обитых войлоком стен.

и вот сижу я там, туплю помаленьку, а тут подсаживается этот Мексиканец с Пожизненной Улыбой.

- мне надо 3 штуки. можешь достать мне 3

штуки?

- ребята говорят "нельзя" - пока. много напрягов в последнее время.

- но мне надо.

- всем надо. возьми мне пива.

Пожизненная Мексиканская Улыба покупает мне пива.

а). он меня разыгрывает.

б). он чокнутый.

в). он подсосать на халяву хочет.

г). он легавый.

д). он не рюхает фишку.

- я могу достать тебе 3 штуки, может быть, - говорю я ему.

- я так и думал. я партнера потерял. он знал, как медведя вспороть с тонкой стороны: просто тройножку подвести от заблокированной дверцы, давление подкручивать, пока стенку не вспучит. славно, никакого шума. да замели его. а мне теперь кувалду брать, комбик сбивать, а дырку динамитом корежить. слишком шумно и старомодно. а мне 3 штуки нужно, отлежаться, пока маза не засветит.

он рассказывает мне все это очень тихо, на ушко, чтоб никто не услышал. мне самому едва слышно.

- ты давно к ебучим мусорам подался? - спрашиваю его я.

- ты меня неправильно понял. я студент. вечерняя школа. сейчас высшую тригонометрию прохожу.

- и для этого надо сейфы ломать?

- конечно. а когда закончу, тогда несколько сейфов моих будет, и дом в Беверли-Хиллз, где никакие беспорядки до меня не достанут.

- мои друзья мне подсказывают, что правильное слово - Восстание, а не Беспорядки.

- что же у тебя за друзья?

- всякие и никаких. может, когда дойдешь до высшей арифметики, лучше поймешь, что я имею в виду. мне кажется, тебе до нее еще очень долго.

- вот поэтому мне и нужны 3 штуки.

- займ в 3 штуки через 35 дней означает 4 штуки.

- а как ты знаешь, что я не слиняю?

- никто никогда еще не слинял, сам знаешь.

подваливают еще 2 пива. мы смотрим матч.

- ты давно ебучим мусором заделался? - снова спрашиваю я.

- кончай, а? можно, я у ТЕБЯ кой-чего спрошу?

- ух-хуух, - соглашаюсь я.

- я видел, ты как-то ночью шел снаружи, неде-

ли 2 тому, около часу ночи, и вся морда в крови была. и вся рубашка тоже. белая рубашка. я хотел тебе помочь, но ты, по-моему, вообще ничего не соображал. ты меня напугал: ты не шатался, но как во сне шел. потом гляжу: ты в телефонную будку заходишь, а потом тебя такси подобрало.

- ух-хуух, - соглашаюсь я.

- так это ты был?

- наверное.

- что случилось?

- мне повезло.

- что?

- конечно. чуть-чуть задело. это же Ревущее Десятилетие Наемных Убийц. Кеннеди.

Освальд. Док Кинг. Че Г. Лумумба. я, разумеется, забыл нескольких. мне повезло.

я недостаточно важный, чтоб покушались.

- кто это с тобой сделал?

- все.

- все?

- ух-хуух.

- а про Кинга ты что думаешь?

- ссыкливые дела - как и все покушения от Юлия Цезаря до наших дней.

- так ты думаешь, черные правы?

- я не думаю, что достоин смерти от рук черного,

хотя, наверное, и есть больные фантазеры среди белых, которые так думают, в смысле, ХОТЯТ умереть от рук черных. но мне кажется, самое лучшее в Черной Революции это то, что они ПЫТАЮТСЯ; мы же, белые слюнтяи, уже забыли, как это делать, включая меня. какое отношение это имеет к 3 штукам?

- ну, мне сказали, что у тебя "свои" есть, а мне хлебушка надо, но я все-таки думаю, что ты псих.

- ФБР?

- прошу прощения?

- ты из ФБР?

- у тебя паранойя? - спрашивает он.

- конечно. а у какого здравого человека ее нет?

- псих ненормальный! - он повидимому разозлился, отпихивает ногой табуретку и выходит наружу. Тедди, новый хозяин, подходит еще с одним пивом.

- кто это был? - спрашивает он.

- какой-то парень мне говно вешал.

- вот как?

- ну. поэтому я навешал ему в ответ.

Тедди отходит, не выказав ни малейшего удивления, но таковы все бармены. я допиваю пиво, выхожу на улицу и иду в этот мексиканский бар огромный амбар с перилами из литой меди. там

меня хотели убить. когда напивался, я был плохим актером. хорошо чувствовать себя белым, чокнутым и легким. вот - подходит.

официантка из бара. я помню такое лицо. оркестрик заводит "Счастливые Дни Вернулись Опять". они меня в жопу посылают. это получше финки будет.

- мне мои ключи нужны.

она засовывает руку в карман передника (в переднике она смотрится хорошо; все женщины в них хорошо смотрятся; как-нибудь выебу тетку, чтобы только передник был. В смысле - НА НЕЙ) и припечатывает ключи к стойке. вот они все - от машины, от квартиры, от изнанки моего черепа.

- ты сказал, что вернешься вчера вечером.

я оглядываюсь, 2-3 парня просто валяются на стойке. в отрубе. мухи кружатся у них над головами, бумажники давно исчезли. пахнет малинкой. что ж, гринго сами этого просят - кроме меня. а мексиканцы четкие: мы сперли у них землю, а они просто внаглую нас разводят. и я отвечаю:

- я забыл вернуться.

- я угощаю.

- ладно, сделаем вид, что я Боб Хоуп и рассказываю солдатам анекдоты на Рождество. одну малинку и покрепче.

она смеется и идет смешивать мне яд. я отворачиваюсь, чтобы не смущать ее. она ставит стакан прямо передо мной.

- ты мне нравишься, - говорит она. - я хочу снова с тобой поебаться. для старика ты знаешь неплохие трюки.

- спасибо. все дело в твоем седом парике. я же маньяк: мне нравятся молодые женщины, которые притворяются старухами, и старухи, которые делают вид, что они еще молоды. мне нравятся пажи, высокие каблуки, узенькие розовые трусики, все эти скабрезные прибамбасы.

- у меня есть одна сцена, где я крашу манду в седой.

- изумительно.

- пей свой яд.

- о да, благодарю тебя.

- на здоровье.

я выпиваю малинку, но накалываю их: сразу выхожу и - везет же - вижу такси прямо через дорогу на Закатном Бульваре, сидит себе в лучах заката, я влезаю, и к тому времени, как он довозит меня до дому, я еле-еле в состоянии заплатить ему, открываю дверь, закрываю дверь и тут меня парализует. седая манда. да, ей же хотелось меня выебать, нормально. я доползаю до кушетки, и

меня приморaживает, только одна мысль шевелится: ах да, 3 штуки, кому они помешают? к чертям проценты и окончательная расплата. 35 дней. скольким людям выпадало 35 дней свободы в жизни? а потом стемнело - да так, что я сам не смог ответить на свой вопрос.

ух-хуух.

Юг без севера

Одиночество

Эдна шла по улице с кульком продуктов. На газоне стояла машина. В боковом окне виднелась надпись:

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНЩИНА.

Она остановилась. К окну притулилась большая картонка, и к ней было что-то приклеено. Напечатано на машинке, по большей части. С тротуара не разобрать.

Эдна видела только крупные буквы:

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНЩИНА.

Дорогая была машина и новая. Эдна шагнула на траву прочесть то, что отпечатано:

Мужчина 49 лет. Разведен. Хочет встретиться с женщиной с целью женитьбы. Должна быть в возрасте от 35 до 44. Любит телевидение и художественные кинофильмы. Хорошую еду. Я — бухгалтер-калькулятор с надежным местом работы. Деньги в банке. Мне нравится, чтобы женщина была полновата.

Эдне было 37, полновата. Прилагался номер телефона. А также — три фотографии господина, ищущего женщину. В костюме и при галстуке он выглядел достаточно степенно. А еще — скучно

и немного жестоко. Как деревянный, подумала Эдна, как из дерева вырезан.

Эдна отошла прочь, улыбаясь про себя. Она испытывала отвращение. Пока она дошла до своей квартиры, он совершенно вылетел у нее из головы. Только несколько часов спустя, сидя в ванне, она вспомнила о нем снова — и на сей раз подумала, каким поистине одиноким он должен быть, если решился на такое:

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНЩИНА.

Она представила, как он возвращается домой, вытаскивает из почтового ящика счета за газ и телефон, раздевается, принимает ванну, телевизор включен. Затем вечерняя газета. Потом на кухню, приготовить. Стоит в одних трусах, смотрит на сковородку. Забирает еду, подходит к столу, ест. Пьет кофе. Потом опять телевизор. И, может быть, одинокая банка пива перед сном. По всей Америке таких мужчин миллионы.

Эдна вылезла из ванны, вытерлась, оделась и вышла из дому. Машина стояла на месте. Она записала фамилию мужчины — Джо Лайтхилл — и номер телефона. Прочла напечатанное объявление еще раз. “Художественные кинофильмы.” Странное словосочетание. Сейчас люди говорят “кино”. Требуется Женщина. Смелое объявление.

Тут он оригинален.

Добравшись до дому, Эдна выпила три чашки кофе прежде, чем набрать номер.

Телефон прозвонил четыре раза.

— Алло? — ответил он.

— Мистер Лайтхилл?

— Да?

— Я видела ваше объявление. То, что в машине.

— Ах, да.

— Меня зовут Эдна.

— Как поживаете, Эдна?

— О, со мной все в порядке. Такая жара стоит. Такая погода — это уже слишком.

— Да, от нее труднее живется.

— Что ж, мистер Лайтхилл…

— Зовите меня просто Джо.

— Ну, Джо, хахаха, я себя такой дурой чувствую. Вы знаете, зачем я звоню?

— Видели мое объявление?

— Я имею в виду, хахаха, что с вами такое? Вы что, женщину найти не можете?

— Полагаю, что нет, Эдна. Скажите мне, где они все?

— Женщины?

— Да.

— О, да везде, знаете ли.

— Где? Скажите мне. Где?

— Ну-у, в церкви, знаете. В церкви есть женщины.

— Мне не нравится церковь.

— А-а.

— Слушайте, а чего бы вам сюда не подъехать, Эдна?

— Вы имеете в виду, к вам?

— Да. У меня хорошая квартира. Можем выпить, поговорить. Без напряга.

— Уже поздно.

— Еще не так поздно. Слушайте, вы видели мое объявление. Должно быть, вы заинтересованы.

— Ну-у…

— Вы боитесь, вот и все. Вы просто боитесь.

— Нет, я не боюсь.

— Тогда приезжайте, Эдна.

— Ну…

— Давайте.

— Ладно. Увидимся минут через пятнадцать.

Квартира была на верхнем этаже современного жилого дома. Номер 17. Бассейн снизу отбрасывал блики света. Эдна постучала. Дверь открылась вот он, мистер Лайтхилл. Лысеет спереди; орлиный нос, волосы торчат из ноздрей; рубашка на

шее распахнута.

— Заходите, Эдна…

Она вошла, и дверь за ней закрылась. На ней было синее вязаное платье. Без чулок, в сандалиях и с сигаретой во рту.

— Садитесь. Я налью вам выпить.

Славное у него местечко. Все в голубом, зеленом и очень чисто. Она слышала, как мистер Лайтхилл мычит, смешивая напитки, хмммммм, хмммммммм, хмммммммммм…

Казалось, он расслаблен, и это ее успокоило.

Мистер Лайтхилл — Джо — вышел со стаканами в руках. Протянул один Эдне и сел в кресло на другой стороне комнаты.

— Да, — сказал он, — было жарко, прямо преисподняя. Хотя у меня есть кондиционер.

— Я обратила внимание. У вас очень мило.

— Пейте.

— Ах, да.

Эдна отхлебнула. Хороший коктейль, крепковатый, но на вкус славный. Она наблюдала, как Джо запрокидывает голову, когда пьет. Его шею, казалось, прорезали глубокие мощины. А брюки были уж слишком просторными. Наверное, на несколько размеров больше. От этого ноги выглядели смешно.

— Хорошее у вас платье, Эдна.

— Вам нравится?

— О, да. И вы пухленькая. Оно на вас отлично сидит, просто отлично.

Эдна ничего не ответила. И Джо промолчал. Они просто сидели, смотрели друг на друга и отхлебывали из стаканов.

Почему он молчит? — думала Эдна. Он ведь должен вести разговор. В нем действительно что-то деревянное. Она допила.

— Давайте еще принесу, — сказал Джо.

— Да нет, мне в самом деле уже пора.

— Ох, бросьте, — сказал он, — давайте я вам еще выпить принесу. Нам нужно как-то развязаться.

— Хорошо, но после этого я ухожу.

Джо ушел на кухню со стаканами. Он больше не мычал. Вышел, протянул Эдне стакан и снова уселся в кресло по другую сторону. На этот раз коктейль был еще крепче.

— Знаете, — сказал он, — у меня неплохо получаются викторины по сексу.

Эдна тянула жидкость из стакана и ничего не отвечала.

— А у вас как викторины по сексу получаются? — спросил Джо.

— Я ни разу не участвовала.

— А следовало бы, знаете ли, тогда б вы узнали, кто вы такая и что вы такое.

— Вы думаете, в таких вещах есть какой-то смысл? Я читала про них в газете. Не участвовала, но видела, — ответила Эдна.

— Разумеется. В них есть смысл.

— Может, у меня не очень хорошо с сексом, — сказала Эдна, — может, именно поэтому я и одна. — Она сделала большой глоток из стакана.

— Каждый из нас, в конечном итоге, одинок, — ответил Джо.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что как бы хорошо ни получалось в сексе, или в любви, или и там, и там, настанет день, когда все кончится.

— Это печально, — сказала Эдна.

— Конечно. И вот настает день, когда все кончено. Либо разрыв, либо все это разрешается перемирием: двое людей живут вместе, ничего не чувствуя. Я считаю, тогда уж лучше одному.

— Вы разошлись со своей женой, Джо?

— Нет, это она со мной разошлась.

— Что же было не так?

— Сексуальные оргии.

— Сексуальные оргии?

— Знаете же, сексуальная оргия — самое оди-

нокое место в мире. На этих оргиях — меня такое отчаяние охватывало — хуи эти скользят внутрь и наружу — простите…

— Все в порядке.

— Хуи эти скользят внутрь и наружу, ноги сцеплены, пальцы работают, рты, все цепляются друг за друга и потеют, и полны решимости это сделать хоть как-то.

— Я не много знаю о таких вещах, Джо, — сказала Эдна.

— Я верю, что без любви секс — ничто. Смысл есть только тогда, когда между участниками есть какое-то чувство.

— Вы имеете в виду, что люди должны нравиться друг другу?

— Не помешает.

— Предположим, они друг от друга устают? Предположим, им приходится оставаться вместе? Экономика? Дети? Все сразу?

— Оргии тут не помогут.

— А что поможет?

— Ну, не знаю. Может обмен.

— Обмен?

— Знаете, когда две пары знают друг друга довольно неплохо и меняются партнерами. По меньшей мере, у чувств есть шанс. Например,

скажем, мне всегда нравилась жена Майка. Много месяцев нравилась. Я наблюдал, как она проходит по комнате. Мне нравится, как она движется. Ее движения пробудили во мне интерес.

Мне интересно, понимаете, что к этим движениям прилагается. Я видел ее сердитой, я видел ее пьяной, я видел ее трезвой. И тут — обмен. Вы с ней в спальне, наконец, вы ее познаете. Есть шанс на что-то настоящее. Конечно же, Майк — в соседней комнате с вашей женой. Удачи тебе, Майк, думаете вы, надеюсь, ты такой же хороший любовник, как и я.

— И хорошо получается?

— Ну, не знаю… От обменов могут возникнуть сложности… потом. Все это следует обговаривать… хорошенько обговаривать заблаговременно. А потом может случиться, что люди все равно недостаточно много знают, сколько бы об этом ни говорили…

— А вы достаточно знаете, Джо?

— Ну, обмены эти… Думаю, некоторым может помочь… может, даже очень многим.

Наверное, у меня не получится. Я слишком большой ханжа.

Джо допил. Эдна поставила недопитый стакан и поднялась.

— Послушайте, Джо, мне пора идти…

Джо пошел через комнату к ней. Вылитый слон в этих брюках. Она заметила его большие уши. Затем он ее схватил и стал целовать. Гнилое дыхание пробивалось сквозь запах всех коктейлей. Очень кислое у него дыхание. Он не касался ее губ частью своего рта. Он был силен, но то была не чистая сила, она умоляла. Она оторвала от него голову, а он ее по-прежнему держал.

ТРЕБУЕТСЯ ЖЕНЩИНА.

— Джо, пустите меня! Вы слишком торопитесь, Джо! Пустите!

— Зачем ты пришла сюда, сука?

Он снова попытался поцеловать ее, и ему удалось. Это было ужасно. Эдна резко согнула колено. Хорошо заехала. Он схватился и рухнул на ковер.

— Господи, господи… зачем вам это понадобилось? Вы хотели меня убить…

Он катался по полу.

Ну и задница у него, думала она, какая уродливая задница.

Пока он катался по ковру, она сбежала вниз по лестнице. Снаружи воздух был чист.

Она слышала, как люди разговаривают, слышала их телевизоры. До ее квартиры было недалеко. Она почувствовала, как нужно ей принять еще

одну ванну, выпуталась из синего вязаного платья и отскоблила себя дочиста. Затем вылезла, насухо вытерлась полотенцем и накрутила волосы на розовые бигуди. Она решила больше с ним не видеться.

Трах-трах о занавес

Мы болтали о бабах, заглядывали им под юбки, когда они выбирались из машин, и подсматривали в окна по ночам, надеясь увидеть, как кто-нибудь ебется, но ни разу никого не видели. Однажды, правда, мы наблюдали за парочкой в постели:

парень трепал свою тетку, и мы подумали, что сейчас-то все и увидим, но она сказала:

— Нет, сегодня мне не хочется! — И повернулась к нему спиной. Он зажег сигарету, а мы отправились на поиски другого окна.

— Сукин сын, ни одна моя баба от меня отвернуться не посмеет!

— Моя тоже. Да что это за мужик тогда?

Нас было трое: я, Лысый и Джимми. Самый клевый день у нас был воскресенье. По воскресеньям мы собирались у Лысого дома и ехали на трамвае до Главной улицы.

Проезд стоил семь центов.

В те годы работали два бурлеска — “Фоллиз” и “Бчрбанк”. Мы были влюблены в стриптизерок из “Бчрбанка”, да и шутки там были получше, поэтому мы ходили в “Бчрбанк”. Мы пробовали

кинотеатр грязных фильмов, но картины, на самом деле, грязными не были, а сюжеты в них — одни и те же. Парочка парней напоит бедную невинную девчонку, и не успеет та отойти от бодуна, как окажется в доме терпимости, а в дверь уже барабанит целая очередь матросов и горбунов. Кроме того, в таких местах дневали и ночевали бичи — они ссали на пол, хлестали винище и грабили друг друга. Вонь мочи, вина и убийства была невыносима. Мы ходили в “Бчрбанк”.

— Что, мальчики, идете сегодня в бурлеск? — спрашивал, бывало, дедуля Лысого.

— Да нет, сэр, черт возьми. Дела у нас.

Мы ходили. Ходили каждое воскресенье. Ходили рано утром, задолго до представления, и гуляли взад и вперед по Главной улице, заглядывая в пустые бары, где в дверных проемах сидели баровые девчонки в подоткнутых юбках, постукивая себя носками туфель по лодыжкам в солнечном свете, уплывавшем в темноту баров. Хорошо девчонки выглядели. Но мы-то знали. Мы слыхали. Заходит парень выпить, а они шкуру у него с задницы сдерут — и за него самого, и за девчонку. Только у девчонки коктейль будет разбавлен. Обожмешь ее разок-другой — и баста.

Если деньгами начнешь трясти, бармен увидит, подмешает малинки, и очутишься под стойкой, а денежки тю-тю. Мы знали.

После прогулки по Главной улице мы заходили в бутербродную, брали “горячую собаку” за восемь центов и большую кружку шипучки за никель. Мы тягали гири, и мускулы у нас бугрились, мы высоко закатывали рукава рубашек, и у каждого в нагрудном кармашке лежала пачка сигарет. Мы даже пробовали курс Чарлза Атласа, Динамическое Напряжение, но тягать гири казалось круче и очевиднее.

Пока мы жевали сосиску и пили огромную кружку шипучки, то играли в китайский бильярд, по пенни за игру. Мы узнали этот автомат очень хорошо. Когда выбивал абсолютный счет, получал одну игру бесплатно. Приходилось выигрывать вчистую — у нас не было таких денег.

Фрэнки Рузвельт сидел на месте, жизнь становилась получше, но депрессия продолжалась, и ни один из наших отцов не работал. Откуда брались наши небольшие карманные деньги, оставалось загадкой, если не считать того, что на все, что не было зацементировано в землю, у нас очень навострился глаз. Мы не воровали — мы делились. И изобретали. Коль скоро денег

было мало или вообще не было, мы изобретали маленькие игры, чтобы скоротать время: одной из таких игр было сходить на пляж и обратно.

Делалось это обычно в летний день, и родители наши никогда не жаловались, когда мы опаздывали домой к обеду. На наши набухшие мозоли на пятках им тоже было наплевать. Наезды начинались, когда они замечали, насколько сносились у нас каблуки и подошвы. Тогда нас отправляли в мелочную лавку, где подошвы, каблуки и клей были к нашим услугам по разумным ценам.

То же самое происходило, когда мы играли на улицах в футбол с подножками. На оборудование площадок никаких общественных фондов не выделялось. Мы так заматерели, что играли в футбол с подножками на улицах весь футбольный сезон напролет, а также баскетбольный и бейсбольный сезоны до следующего футбольного.

Когда тебе ставят подножку на асфальте, всякое случается. Сдирается кожа, бьются кости, бывает кровь, но поднимаешься как ни в чем ни бывало.

Наши родители никогда не возражали против струпьев, крови и синяков; ужасным и непростительным грехом была дыра на колене штанины. Потому что у каждого мальчишки было только

две пары штанов: повседневные и воскресные, — и дыру на колене одной из пар продрать было никак нельзя, поскольку это показывало, что ты нищеброд и задница, что родители твои тоже нищеброды и задницы. Поэтому приходилось учиться ставить подножки, не падая ни на одно колено. А парень, которому ставили подножку, учился ловить ее, тоже не падая на колени.

Когда у нас случались драки, они длились часами, и наши родители не желали нас спасать. Наверное потому, что мы лепили таких крутых и никогда не просили пощады, а они ждали, пока мы не попросим пощады. Но мы так ненавидели своих родителей, что не могли, а от того, что мы ненавидели их, они ненавидели нас, и спускались со своих веранд и мимоходом бросали взгляд на нас в разгаре кошмарной бесконечной драки. Потом просто зевали, подбирали бросовую рекламку и снова заходили внутрь.

Я дрался с парнем, который позже дошел до самого верха в военном флоте Соединенных Штатов. Однажды я дрался с ним с 8:30 утра до после захода солнца.

Никто нас не останавливал, хотя мы дрались прямо перед его парадным газоном, под двумя огромными перечными деревьями, и воробьи

срали с них на нас весь день.

То была суровая драка, до победного конца. Он был больше, немного старше, но я был безумнее. Мы бросили драться по взаимному согласию — уж не знаю, как это получается, чтобы понять, это надо испытать самому, но после того, как два человека мутузят друг друга восемь или девять часов, между ними возникает какое-то странное братство.

На следующий день все мое тело было одном сплошным синяком. Я не мог разговаривать разбитыми губами и шевелить какими-либо частями себя без боли. Я лежал в постели и готовился умереть, и тут с рубашкой, которая была на мне во время драки, вошла моя мать. Она сунула мне ее под нос, держа над кроватью, и сказала:

— Смотри, вся рубашка в крови! В крови!

— Прости!

— Я эти пятна никогда не отстираю! НИКОГДА!!

— Это его кровь.

— Не важно! Это кровь! Она не отстирывается!

Воскресенье было нашим днем, нашим спокойным, легким днем. Мы шли в “Бчрбанк”.

Сначала там всегда показывали паршивую киношку. Очень старую киношку, а ты смотрел

ее и ждал. Думал о девчонках. Трое или четверо парней в оркестровой яме — они играли громко, может, играли они и не слишком хорошо, но громко, и стриптизерки, наконец, выходили и хватались за занавес, как за мужика, и трясли своими телами — опаньки об этот занавес, опаньки. А потом разворачивались и начинали раздеваться. Если хватало денег, то можно было даже купить пакетик воздушной кукурузы; если нет, то и черт с ним.

Перед следующим действием был антракт. Вставал маленький человечек и произносил:

— Дамы и господа, если вы уделите мне минуточку вашего любезного внимания… — Он продавал подглядывательные кольца. В стекле каждого кольца, если держать его против света, виднелась изумительнейшая картинка. Это то, что вам обещали!

Каждое кольцо стоило 50 центов, собственность на всю жизнь всего за 50 центов, продается только посетителям “Бчрбанка” и нигде больше. — Просто поднесите его к свету, и увидите! И благодарю вас, дамы и господа, за ваше любезное внимание.

Теперь капельдинеры пройдут по проходам среди вас.

Два захезанных бродяги шли по проходам, воняя мускателем, каждый — с мешочком подглядывательных колец. Я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь эти кольца покупал. Могу себе вообразить, однако, что если поднести одно такое к свету, картинкой в стекле окажется голая женщина.

Оркестр начинал снова, занавес открывался, и там стояла линия хористок, большинство — бывшие стриптизерши, состарившиеся, тяжелые от маскары, румян и помады, фальшивых ресниц. Они просто дьявольски старались не выбиваться из музыки, но постоянно чуть-чуть запаздывали. Однако продолжали; я считал их очень храбрыми.

Затем выходил певец. Певца-мужчину любить было очень трудно. Он слишком громко пел о любви, которая пошла наперекосяк. Петь он не умел, а когда заканчивал, широко растопыривал руки и склонял голову навстречу малейшему всплеску аплодисментов.

Потом появлялся комик. Ох, этот был хорош! Он выходил в старом коричневом пальто, в шляпе, надвинутой на глаза, горбился и шаркал ногами, как бичара — бичара, которому нечем заняться и некуда идти. Мимо по сцене проходила девушка,

и он следовал за ней взглядом. Затем поворачивался к публике и шамкал беззубым ртом:

— Н-ну, будь я проклят!

По сцене проходила еще одна девушка, и он подваливал к ней, совался физиономией ей в лицо и говорил:

— Я старый человек, мне уже за 44, но когда кровать ломается, я кончаю на полу.

— Это был полный умат. Как мы ржали! И молодые, и старики, как мы ржали. А еще был номер с чемоданом. Он пытается помочь какой-то девчонке сложить чемодан.

Одежда постоянно вываливается.

— Не могу ее запихать!

— Давайте, я помогу!

— Опять расстегнулся!

— Постойте! Давайте, я на него встану!

— Что? Ох, нет, стоять на нем вы не будете!

Номер с чемоданом так длился без конца. Ох, какой же он был смешной!

Наконец, первые три или четыре стриптизерки выходили опять. У каждого из нас была своя фаворитка, и каждый из нас был влюблен. Лысый выбрал тощую француженку с астмой и темными мешками под глазами. Джимми нравилась Тигриная Женщина (вообще-то правильнее — Ти-

грица). Я обратил внимание Джимми на то, что у Тигриной Женщины одна грудь определенно была больше другой. Моей была Розали.

У Розали была большая задница, и она ею трясла, и трясла, и пела смешные песенки, и пока ходила по сцене и раздевалась, разговаривала сама с собой и хихикала. Она была единственной, кому эта работа нравилась. Я был влюблен в Розали. Часто думал о том, чтобы написать ей письмо и сказать, какая она клевая, но все как-то руки не доходили.

Как-то днем мы ждали трамвая после представления, и Тигриная Женщина стояла и ждала трамвая тоже. На ней было тугое зеленое платье, а мы стояли и таращились на нее.

— Твоя девчонка, Джимми, это Тигриная Женщина.

— Мужик, ну, она ващще! Посмотри только!

— Я с ней поговорю, — решил Лысый.

— А я не хочу с ней разговаривать, — сказал Джимми.

— Я с ней сейчас поговорю, — настаивал Лысый. Он сунул сигаретку в зубы, зажег ее и подошел к женщине.

— Здор_во, крошка! — ухмыльнулся он ей.

Тигриная Женщина не ответила. Она непо-

движно смотрела перед собой, дожидаясь трамвая.

— Я знаю, кто ты такая. Я видел, как ты сегодня раздевалась. Ты ващще, крошка, ты в натуре ващще!

Тигриная Женщина не отвечала.

— Ну, ты трясешь делами, господи боже мой, ты в натуре трясешь!

Тигриная Женщина смотрела прямо перед собой. Лысый стоял и ухмылялся ей, как идиот.

— Я хотел бы тебе вставить. Я хотел бы тебя трахнуть, крошка!

Мы подошли и оттащили Лысого прочь. Мы увели его подальше по улице.

— Ты осел, ты не имеешь права так с ней разговаривать!

— А чч, она выходит сиськами трясти, встает перед мужиками и трясет!

— Она так просто на жизнь себе заработать пытается.

— Она горяченькая, раскаленная просто, ей хочется!

— Ты рехнулся.

Мы увели его подальше.

Вскоре после этого я начал терять интерес к тем восресеньям на Главной улице.

”Фоллиз” и “Бчрбанк”, наверное, еще стоят. Тигриной Женщины, стриптизерки с астмой и Розали, моей Розали, конечно, давно уже нет. Наверное, умерли. Большая трясущаяся задница Розали, наверное, умерла. А когда я бываю в своем районе, я проезжаю мимо дома, где когда-то жил, и теперь там живут чужие люди. Хотя те воскресенья были хороши, по большей части хороши — крохотный проблеск света в темные дни депрессии, когда наши отцы меряли шагами свои веранды, безработные и бессильные, и бросали взгляды на нас, вышибавших друг из друга дерьмо, а затем заходили в дома и тупо смотрели на стены, боясь лишний раз включить радио, чтобы счет за электричество был поменьше.

Ты, твое пиво и то, как ты велик

Джек вошел и увидел пачку сигарет на каминной полке. Энн лежала на кушетке и читала Космополитэн. Джек закурил, сел в кресло. Было без десяти полночь.

— Чарли велел тебе не курить, — произнесла Энн, подняв взгляд от журнала.

— Я заслужил. Сегодня туго пришлось.

— Победил?

— Ничья, но победа — моя. Бенсон — крутой парень, кишки железные. Чарли говорит, Парвинелли — следующий. Мы Парвинелли завалим, и чемпион наш будет.

Джек поднялся, сходил на кухню, вернулся с бутылкой пива.

— Чарли велел мне не давать тебе пива. — Энн отложила журнал.

— "Чарли велел, Чарли велел…" Я уже устал от этого. Я выиграл бой. 16 боев подряд, у меня есть право на пиво и сигаретку.

— Ты должен держать форму.

— Это не важно. Я любого из них уберу.

— Ты такой великий, когда ты напиваешься, я постоянно об этом слышу какой ты великий.

Меня уже тошнит.

— А я и так великий. 16 подряд, 15 нокаутов. Кого ты лучше найдешь?

Энн не ответила. Джек забрал бутылку пива и сигарету с собой в ванную.

— Ты даже не поцеловал меня, когда пришел. Сперва за свою бутылку схватился. Ты такой великий, правильно. Пьянь ты великая.

Джек промолчал. Пять минут спустя он стоял в дверях ванной, брюки и трусы спущены на башмаки.

— Господи Христе, Энн, ты что, не можешь здесь даже туалетную бумагу держать?

— Извини.

Она сходила в чулан и вынесла ему рулон. Джек закончил свои дела и вышел. Потом допил пиво и взял еще.

— Живешь тут, понимаешь, с лучшим полутяжелым весом в мире и только и делаешь, что ноешь. Меня бы куча девчонок заполучить хотела, а ты рассиживаешь тут, да ссучишься.

— Я знаю, что ты хороший, Джек, может, даже самый лучший, но ты даже не представляешь, как скучно сидеть и слушать, как ты снова и снова повторяешь, какой ты великий.

— Ах, тебе скучно, вот как?

— Да, черт возьми, и ты, и твое пиво, и какой ты великий.

— Назови лучшего полутяжелого. Да ты даже на мои бои не ходишь.

— Есть и другие вещи помимо бокса, Джек.

— Какие? Валяться на заднице и читать Космополитэн?

— Мне нравится улучшать свой ум.

— Так и должно быть. Над ним нужно еще много поработать.

— Говорю тебе, кроме бокса, есть и другие вещи.

— Какие? Назови.

— Ну, искусство, музыка, живопись, вроде этого.

— И у тебя они хорошо получаются?

— Нет, но я их ценю.

— Говно это, я уж лучше буду самым лучшим в том, чем занимаюсь.

— Хороший, лучше, самый лучший… Господи, неужели ты не можешь ценить людей за то, какие они?

— За то, какие они? А каково большинство из них? Слизни, пиявки, пижоны, стукачи, сутенеры, прислужники…

— Ты вечно на всех свысока смотришь. Все

друзья тебе нехороши. Ты так дьявольски велик!

— Это верно, малышка.

Джек зашел в кухню и вышел с новой бутылкой пива.

— Опять со своим проклятым пивом!

— Это мое право. Его продают. Я покупаю.

— Чарли сказал…

— Ебись он в рыло, твой Чарли!

— Какой же ты великий, черт возьми!

— Правильно. По крайней мере, Пэтти это знала. Она это признавала. Она этим гордилась. Она знала, что это чего-то требует. А ты только ссучишься.

— Так чего ж ты к Пэтти не вернешься? Что ты со мной делаешь?

— Я как раз об этом и думаю.

— А что — мы не расписаны, я могу уйти в любое время.

— Только и остается. Блядь, приходишь домой, как дохлый осел, после 10 раундов круче некуда, а ты даже не рада, что я на них согласился. Только гнобишь меня.

— Послушай, Джек, есть и другие вещи, кроме бокса. Когда я тебя встретила, я восхищалась тем, какой ты был.

— Я боксером был. И кроме бокса нет других

вещей. Вот все, что я есть, — боксер.

Это моя жизнь, и у меня она хорошо получается. Лучше не бывает. Я заметил, ты всегда на второсортных клюешь… вроде Тоби Йоргенсона.

— Тоби очень смешной. У него есть чувство юмора, настоящее чувство юмора. Мне Тоби нравится.

— Да у него рекорд 9, 5 и один. Я завалю его, даже когда пьяный в стельку.

— Бог не даст соврать — ты достаточно часто пьян в стельку. Каково, по-твоему, мне на вечеринках, когда ты валяешься на полу в отрубе, или шибаешься по комнате и всем твердишь: “Я ВЕЛИКИЙ, Я ВЕЛИКИЙ, Я ВЕЛИКИЙ!” Неужели ты думаешь, что я от этого себя дурой не чувствую?

— Может, ты и впрямь дура? Если тебе так сильно Тоби нравится, чего с ним не пойдешь?

— Да я же просто сказала, что он мне нравится, мне кажется, он смешной, это же не значит, что я хочу с ним в постель.

— Ну, так ты идешь в постель с мной, а потом говоришь, что я скучный. Я просто не знаю, какого рожна тебе надо.

Энн не ответила. Джек поднялся, подошел к кушетке, задрал Энн голову и поцеловал ее, отошел и снова уселся.

— Слушай, давай я расскажу тебе про этот бой с Бенсоном. Даже ты бы мною гордилась. Он меня заваливает в первом раунде, исподтишка правой. Я поднимаюсь и не подпускаю его весь остаток раунда. Во втором он меня снова валит. Я еле-еле встаю на счет восемь. Снова его не подпускаю. Следующие несколько раундов я ноги в порядок привожу. Провожу 6-й, 7-й, 8-й валю его разок в 9-м и дважды в 10-м. Я бы это ничьей не назвал. Они назвали. Так вот, это 45 штук, врубаешься, девчонка? 45 штук. Я великий, ты не сможешь отрицать, что я великий, правда?

Энн промолчала.

— Ладно тебе, скажи, что я великий.

— Хорошо, ты великий.

— Ну вот, так лучше. — Джек подошел и снова поцеловал ее. — Мне так хорошо. Бокс — это произведение искусства, в самом деле. Чтобы быть великим художником, нужны кишки, и чтобы быть великим боксером, тоже нужны кишки.

— Ладно, Джек.

— “Ладно, Джек” — это все, что ты можешь сказать? Пэтти счастлива бывала, когда я выигрывал. Мы оба были счастливы всю ночь. Ты что — не можешь за меня порадоваться, когда я что-нибудь хорошее сделаю? Черт, да ты меня

любишь, или ты любишь этих неудачников, дристунов этих? Ты, наверное, счастливее была бы, если бы я притащился сюда побитым.

— Я хочу, чтобы ты побеждал, Джек, просто ты так залипаешь на том, что делаешь…

— Черт возьми, да это же мой заработок, моя жизнь. Я горжусь тем, что я самый лучший. Это как летать, как улететь в небо и солнцу надавать.

— А что ты будешь делать, когда больше не сможешь драться?

— Черт, да у нас будет столько денег, что мы будем делать все, что захотим.

— Может, только ладить не будем.

— Может, научусь читать Космополитэн, улучшать свой ум.

— Н-да, там есть что улучшить.

— Пошла ты на хуй.

— Что?

— Пошла на хуй.

— Вот куда я к тебе давно уже не ходила.

— Некоторым нравится ебаться с такими суками, а мне — не очень.

— А Пэтти, я полагаю, — не сука?

— Все бабы — суки, а ты у них — чемпионка.

— Так чего ж ты не валишь к своей Пэтти?

— Ты же здесь. Я не могу давать приют двум курвам одновременно.

— Курвам?

— Курвам.

Энн встала, зашла в чулан, выволокла свой чемодан и начала запихивать туда одежду. Джек ушел на кухню и взял еще одну бутылку пива. Энн плакала и злилась.

Джек сел и хорошенько отхлебнул. Виски ему нужно, бутылку виски. И хорошую сигару.

— Я могу зайти и забрать остаток вещей, когда тебя не будет.

— Не беспокойся. Я их тебе пришлю.

Она задержалась в дверях.

— Что ж, я думаю, на этом всч, — сказала она.

— Полагаю, что да, — ответил Джек.

Она закрыла дверь и ушла. Обычное дело. Джек допил пиво и подошел к телефону.

Набрал номер Пэтти. Та ответила.

— Пэтти?

— О, Джек, как у тебя дела?

— Выиграл сегодня большую драку. Ничья. Мне теперь надо завалить только Парвинелли, и выйду на чемпиона.

— Ты их обоих уделаешь, Джек. Я знаю, что у тебя получится.

— Что ты сегодня делаешь, Пэтти?

— Час ночи, Джек. Ты что, пил?

— Немного. Отмечаю.

— А как Энн?

— Мы разбежались. Я только одну тетку зараз проигрываю, ты же знаешь, Пэтти.

— Джек…

— Что?

— Я — с парнем.

— С парнем?

— С Тоби Йоргенсоном. Он в спальне…

— О, извини тогда.

— Ты меня тоже извини, Джек. Я тебя любила… может, до сих пор люблю.

— Ох, блядь, как вы, бабы, любите этим словом разбрасываться…

— Прости меня, Джек.

— Нормально. — Он повесил трубку. Затем зашел в чулан за пальто. Надел его, закончил пиво, на лифте спустился к машине. Проехал прямо по Нормандии на 65 милях в час до винной лавки на Бульваре Голливуд. Вылез из машины, вошел. Взял шестерик Мичелоба, упаковку Алки-Зельцер. Затем у продавца за кассой попросил квинту Джека Дэниэлса. Пока продавец выбивал чек, к ним подвалил пьянчуга с двумя упаковками

Курза.

— Эй, мужик! — сказал он Джеку. — Ты не Джек Бэкенвельд, боксер?

— Он самый, — ответил Джек.

— Мужик, я видел ваш бой сегодня, Джек, ну ты силен. Ты в самом деле великий!

— Спасибо, старик, — сказал он пьянчуге, взял свой пакет с покупками и пошел к машине. Сел, открутил крышечку с Дэниэлса и приложился как следует. Потом сдал назад, поехал на запад по Голливуду, на Нормандии свернул налево и заметил хорошо сложенную девчонку-подростка. Та, покачиваясь, шла по улице. Он остановил машину, приподнял квинту из пакета и показал ей.

— Подвезти?

Сам удивился, когда она залезла внутрь.

— Я помогу вам это выпить, мистер, но никаких побочных льгот.

— Какое там, — ответил Джек.

Он поехал по Нормандии со скоростью 35 миль в час, уважающий себя гражданин и третий лучший полусредний вес в мире. На какой-то миг ему захотелось сказать ей, с кем она едет в машине, но он передумал, протянул руку и сжал ей коленку.

— У вас сигаретки не найдется, мистер? — спро-

сила она.

Он вытряхнул одну свободной рукой, вдавил прикуриватель. Тот выскочил, и он поджег ей.

Путь в рай закрыт

Я сидел в баре на Западной авеню. Времени — около полуночи, а я — в своем обычном попутанном состоянии. То есть, знаете, когда ни черта не выходит: бабы, работы, нет работ, погода, собаки. Наконец, просто сидишь, как оглоушенный, и ждешь, будто смерти на автобусной остановке.

Так вот, сижу я так, и тут заходит эта с длинными каштановыми волосами, хорошим телом и грустными карими глазами. Я на нее не отреагировал. Я ее проигнорировал, хотя она и села на табуретку рядом с моей, когда вокруг была дюжина свободных.

Фактически, мы в баре были одни, не считая бармена. Она заказала сухое вино.

Потом спросила, что пью я.

— Скотч с водой.

— Дайте ему скотча с водой, — велела она бармену.

Так, это уже необычно.

Она открыла сумочку, вытащила маленькую проволочную клетку, вынула из нее крошечных человечков и поставила на стойку бара. Все они были ростом дюйма в три, живые и одеты, как

надо. Их было четверо, двое мужчин и две женщины.

— Сейчас такое делают, — сказала она, — они очень дорогие. Когда я их покупала они шли по 2,000 долларов штука. А сейчас стоят по 2,400. Я не знаю производственного процесса, но, наверное, это противозаконно.

Маленькие человечки ходили по стойке. Неожиданно один малютка влепил пощечину крошке-женщине.

— Сука, — сказал он, — с меня довольно!

— Нет, Джордж, как ты можешь? — закричала та. — Я люблю тебя! Я себя убью! Ты должен быть моим!

— Мне плевать, — ответил маленький парень, вытащил крохотную сигаретку и закурил. — У меня есть право на жизнь.

— Если ты ее не хочешь, — сказал другой маленький парень, — то я ее возьму. Я ее люблю.

— Но я тебя не хочу, Марти. Я люблю Джорджа.

— Он же мерзавец, Анна, настоящий мерзавец!

— Я знаю, но я все равно его люблю.

Тут маленький мерзавец подошел и поцеловал другую маленькую женшину.

— У меня тут треугольник закрутился, — сказала дама, купившая мне выпить. — Это Марти,

Джордж, Анна и Рути. Джордж катится вниз, совсем опустился. Марти — вроде квадратный такой.

— А не грустно на все это смотреть? Э-э, как вас зовут?

— Даун. Ужасное имя. Но так матери иногда со своими детьми поступают.

— Я Хэнк. Но разве не грустно…

— Нет, смотреть на это не грустно. Мне с собственными любовниками не очень-то везло, ужасно не везло, на самом деле…

— Нам всем ужасно не везет.

— Наверняка. Как бы то ни было, я купила этих маленьких человечков и теперь наблюдаю за ними, это как по-настоящему, только без проблем всех этих. Но я ужасно распаляюсь, когда они начинают любовью заниматься. Тогда бывает трудно.

— А они сексуальные?

— Очень, очень сексуальные. Господи, как они меня разжигают!

— А почему вы их не заставите это сделать? Я имею в виду, прямо сейчас. Вместе и посмотрим.

— О, их нельзя заставить. Они сами должны.

— А они часто этим занимаются?

— Они довольно хороши. Четыре или пять раз

в неделю.

Те гуляли по стойке.

— Послушай, — сказал Марти, — дай мне шанс. Ты только дай мне шанс, Анна.

— Нет, — ответила Анна, — моя любовь принадлежит Джорджу. И по-другому быть не может.

Джордж целовал тем временем Рути, обминая ей груди. Рути распалялась.

— Рути распаляется, — сообщил я Даун.

— Точно. В самом деле.

Я тоже распалялся. Я облапал Даун и поцеловал ее.

— Послушайте, — сказала она, — я не люблю, когда они занимаются любовью на людях. Я заберу их домой и там заставлю.

— Но тогда я не смогу посмотреть.

— Что ж, придется вам пойти со мной.

— Ладно, — ответил я, — пошли.

Я допил, и мы вышли вместе. Она несла маленьких людей в проволочной клетке. Мы сели к ней в машину и поставили людей на переднее сиденье между собой. Я посмотрел на Даун. Она в самом деле была молода и прекрасна. Нутро у нее, кажется, тоже хорошее. Как могла она облажаться с мужиками? Во всех этих вещах промахнуться так несложно. Четыре человечка стоили ей восемь

штук. Только лишь для того, чтобы избежать отношений и не избегать отношений.

Дом ее стоял поблизости от гор, приятное местечко. Мы вышли из машины и подошли к двери. Я держал человечков в клетке, пока Даун открывала дверь.

— На прошлой неделе я слушала Рэнди Ньюмана в “Трубадуре”. Правда, он великолепен?

— Правда.

Мы зашли в гостиную, и Даун извлекла человечков и поставила их на кофейный столик. Затем зашла на кухню, открыла холодильник и вытащила бутылку вина.

Внесла два стакана.

— Простите меня, — сказала она, — но вы, кажется, слегка ненормальный. Чем вы занимаетесь?

— Я писатель.

— Вы и об этом напишете?

— Мне никогда не поверят, но напишу.

— Смотрите, — сказала Даун, — Джордж с Рути уже трусики снял. Он ей пистон ставит. Льда?

— Точно. Нет, льда не надо. Неразбавленное нормально.

— Не знаю, — промолвила Даун, — но когда я смотрю на них, то точно распаляюсь.

Может, потому что они такие маленькие. Это меня и разогревает.

— Я понимаю, о чем вы.

— Смотрите, Джордж на нее ложится.

— В самом деле, а?

— Только посмотрите на них!

— Боже всемогущий!

Я схватил Даун. Мы стояли и целовались. Пока мы целовались, ее глаза метались с меня на них и обратно.

Малютка Марти и малютка Анна тоже наблюдали.

— Смотри, — сказал Марти, — они сейчас это сделают. Мы тоже можем попробовать.

Даже большие люди сейчас это сделают. Посмотри на них!

— Вы слышали? — спросил я Даун. — Они сказали, что мы сейчас это сделаем. Это правда?

— Надеюсь, что да, — ответила Даун.

Я подвел ее к тахте и задрал платье ей на бедра. Я целовал ее вдоль шеи.

— Я тебя люблю, — сказал я.

— Правда? Правда?

— Да, в некотором смысле, да…

— Хорошо, — сказала малютка Анна малютке Марти, — мы тоже можем попробовать, хоть я

тебя и не люблю.

Они обнялись посередине кофейного столика. Я стащил с Даун трусики. Даун застонала. Малютка Рути застонала. Марти обхватил Анну. Это происходило повсюду.

Мне подумалось, что этим во всем мире сейчас занимаются. Мы как-то умудрились войти в спальню. И там я проник в Даун, и началась долгая медленная скачка….

Когда она вышла из ванной, я читал скучный, очень скучный рассказ в Плэйбое.

— Было так хорошо, — произнесла она.

— Удовольствие взаимно, — ответил я.

Она снова легла ко мне в постель. Я отложил журнал.

— Как ты думаешь, у нас вместе получится? — спросила она.

— Ты это о чем?

— В смысле, как ты думаешь, у нас получится вместе хоть какое-то время?

— Не знаю. Всякое бывает. Сначала всегда легче всего.

Тут из гостиной донесся вопль.

— О-о, — сказала Даун, выскочила из кровати и выбежала из комнаты. Я следом.

Когда я вошел в комнату, она держала в руках

Джорджа.

— Ох, боже мой!

— Что случилось?

— Анна ему это сделала!

— Что сделала?

— Отрезала ему яйца! Джордж теперь — евнух!

— Ух ты!

— Принеси мне туалетной бумаги, быстро! Он может кровью до смерти истечь!

— Вот сукин сын, — сказала малютка Анна с кофейного столика. — Если мне Джордж не достанется, то его никто не получит!

— Теперь вы обе принадлежите мне! — заявил Марти.

— Нет, ты должен выбрать между нами, — сказала Анна.

— Кто из нас это будет? — спросила Рути.

— Я вас обеих люблю, — сказал Марти.

— У него кровь перестала идти, — сказала Даун. — Он отключился. — Она завернула Джорджа в носовой платок и положила на каминную доску. — Я имею в виду, — повернулась она ко мне, — если тебе кажется, что у нас не получится, то я не хочу больше в это пускаться.

— Я думаю, что я тебя люблю, Даун.

— Смотри, — сказала она, — Марти обнимает

Рути!

— А у них получится?

— Не знаю. Кажется, они взволнованы.

Даун подобрала Анну и положила ее в проволочную клетку.

— Выпусти меня отсюда! Я их обоих убью! Выпусти меня!

Джордж стонал из носового платка на каминной полке. Марти спускал с Рути трусики. Я прижал к себе Даун. Она была прекрасна, молода и с нутром. Я снова мог влюбиться. Это было возможно. Мы поцеловались. Я провалился в ее глаза.

Потом вскочил и побежал. Я понял, куда попал. Таракан с орлицей любовью занялись. Время — придурок с банджо. Я все бежал и бежал. Ее длинные волосы упали мне на глаза.

— Я убью всех! — вопила малютка Анна. Она с грохотом билась о прутья своей проволочной клетки в три часа ночи.

Политика

В Городском Колледже Лос-Анжелеса перед самой Второй Мировой войной я выдавал себя за нациста. Я едва мог отличить Гитлера от Геркулеса, а дела мне до этого было и того меньше. Дело просто в том, что сидеть в классе и слушать, как все патриоты проповедуют, что, мол, нам надо туда поехать и добить зверя, мне было нестерпимо скучно. И я решил встать в оппозицию. Я даже не побеспокоился почитать Адольфа, просто-напросто извергал из себя все, что считал злобным или маниакальным.

Тем не менее, реальных политических убеждений у меня не было. Просто способ отвязаться.

Знаете, иногда, если человек не верит в то, что он делает, дело может получиться гораздо интереснее, поскольку он эмоционально не пристегнут к своей Великой Цели. Лишь немного спустя все эти высокие светловолосые мальчонки образовали Бригаду Авраама Линкольна — сдерживать фашистские орды в Испании. А затем задницы им поотстреливали регулярные войска. Некоторые пошли на это ради приключений и поездки в Испанию, но задницы им все равно

прострелили. Мне же моя задница нравилась. В себе мне нравилось немногое, но свои задницу и пипиську я любил.

В классе я вскакивал на ноги и орал все, что взбредало в голову. Обычно что-нибудь насчет Высшей Расы, это мне казалось довольно юмористичным. Я не гнал непосредственно на черных и евреев, поскольку видел, что они так же бедны и заморочены, как и я. Но я запуливал иногда дикие речи и в классе, и вне его, а помогала мне в этом бутылка вина, которую я держал у себя в шкафчике раздевалки.

Меня удивляло, что столько людей слушали меня и столь немногие, если они вообще существовали, ставили когда-либо под сомнение мои бредни. Я же просто молол языком, да торчал от того, как весело, оказывается, может быть в Городском Колледже Лос-Анжелеса.

— Ты собираешься баллотироваться на президента студсовета, Чинаски?

— Блядь, да нет.

Мне не хотелось ничего делать. Я не хотел даже в спортзал ходить. Фактически, самое последнее, чего мне захотелось бы, — это ходить в спортзал, потеть, носить борцовское трико и сравнивать длину писек. Я знал, что у меня писька — сред-

него размера. Вовсе не нужно ходить в спортзал, чтобы это установить.

Нам повезло. Колледж решил взимать по два доллара за поступление. А мы решили — некоторые из нас, по меньшей мере, — что это противоречит конституции, поэтому мы отказались. Мы выступили против. Колледж разрешил нам посещать занятия, но отобрал кое-какие привилегии, и одной из них был как раз спортзал.

Когда приходило время идти в спортзал, мы оставались в гражданской одежде.

Тренеру давалось указание гонять нас взад и вперед по полю тесным строем. Такова была их месть. Прекрасно. Не нужно было носиться по беговой дорожке с потной жопой или пытаться закидывать слабоумный баскетбольный мяч в слабоумное кольцо.

Мы маршировали взад-вперед, молодые, моча бьет в голову, безумие переполняет, озабоченные сексом, ни единой пизды в пределах досягаемости, на грани войны. Чем меньше верил в жизнь, тем меньше приходилось терять. Мне терять было не особо чего — мне и моему средних размеров хую.

Мы маршировали и сочиняли неприличные песни, а добропорядочные американские мальчи-

ки из футбольной команды грозились надавать нам по заднице, но до этого дело почему-то никогда не доходило. Может, потому что мы были больше и злее. Для меня это было прекрасно — притворяться нацистом, а затем поворачиваться и объявлять, что мои конституционные права попрали.

Иногда я действительно давал волю чувствам. Помню, как-то раз в классе, выпив немного больше вина, чем нужно, со слезой в каждом глазу я сказал:

— Обещаю вам, едва ли эта война — последняя. Как только уничтожат одного врага, умудрятся найти другого. Это бесконечно и бессмысленно. Нет таких вещей, как хорошая война или плохая война.

В другой раз с трибуны на пустыре к югу от студгородка выступал коммунист. Очень правильный мальчик в очках без оправы, с прыщами, в черном свитере с продранными локтями. Я стоял и слушал, а со мною стояло несколько моих учеников. Один из них был белогвардейцем — Циркофф, его отца или деда убили красные во время русской революции. Он показал мне кулек гнилых помидоров:

— Когда скажешь, — шепнул он мне, — мы

начнем их кидать.

Тут меня осенило, что мои ученики вовсе не слушали оратора, а если б даже и слушали, то все, что он говорил, не имело бы смысла. Мозги у них уже были настроены. Во всем мире так. Обладать хуем средних размеров внезапно не показалось мне самым худшим грехом.

— Циркофф, — сказал я, — убери помидоры.

— Хуйня, — ответил он, — вот бы гранаты вместо них.

В тот день я потерял контроль над своими учениками и ушел, а они остались метать свои гнилые помидоры.

Меня поставили в известность, что формируется новая Партия Авангарда. Дали адрес в Глендэйле, и я в тот же вечер туда поехал. Мы сидели в цоколе большого дома со своими бутылками вина и хуями разных размеров.

Стояли трибуна и стол, а по задней стене был растянут большой американский флаг.

К трибуне вышел пышущий здоровьем американский мальчонка и предложил начать с того, чтобы отдать честь флагу и принести ему присягу.

Мне никогда не нравились присяги флагу. Скучно и глупозадо. Мне всегда больше хотелось

принести присягу себе — но никуда не денешься, мы встали и присягнули.

Затем — небольшая пауза, все садятся, чувствуя, будто их слегка изнасиловали.

Пышущий здоровьем американец начал говорить. Я узнал его — толстяк сидел на первой парте на занятиях по драматургии. Никогда не доверял таким типам. Обсосы.

Обсосы и ничего больше. Он начал:

— Коммунистическая угроза должна быть остановлена. Мы собрались здесь, чтобы предпринять для этого меры. Мы предпримем законные меры и, возможно, незаконные меры, чтобы этого добиться…

Не помню всего остального. Мне было плевать на коммунистическую угрозу или на фашисткую угрозу. Мне хотелось набухаться, ебаться хотелось, хотелось хорошенько пожрать, хотелось петь за стаканом пива в грязном баре и курить сигару. Я был непросвещен. Я был олухом, орудием.

После собрания Циркофф и я вместе с одним бывшим учеником пошли в парк Вестлэйк, взяли напрокат лодку и попытались поймать себе на обед утку. Нам удалось славно надраться, утку мы не поймали и поняли, что на прокат лодки у нас всех денег не наберется.

Мы поплавали по мелкому озеру и поиграли в русскую рулетку пистолетом Циркоффа — всем повезло. Затем Циркофф поднялся при свете луны, пьяный, и прострелил дно лодки к чертям собачьим. Начала поступать вода, и мы погребли к берегу. На одной трети пути лодка потонула, и нам пришлось вылезать, мочить свои задницы и плестись к земле. Таким образом эта ночь закончилась хорошо и не была потрачена впустую…

Я поиграл в нациста еще некоторое время, плюя и на фашистов, и на коммунистов, и на американцев. Но мне становилось неинтересно. Фактически перед самым Пчрл-Харбором я это бросил. Веселуха кончилась. Я чувствовал, что скоро случится война, а туда мне не особенно хотелось — роль сознательного противника меня тоже не прельщала. Срань кошачья. Все бестолку. Мы с моим хуем средних размеров были в беде.

Я просиживал уроки молча, ждал. Студенты и преподаватели подкалывали меня. Я потерял напор, спустил пар, утратил пробивную силу. Все выпало у меня из рук.

Это неизбежно случится. Все хуи в беде.

Моя учительница английского, довольно милая дама с прекрасными ногами, как-то раз попросила меня остаться после уроков:

— В чем дело, Чинаски? — спросила она.

— Я сдался, — ответил я.

— Ты имеешь в виду политику? — спросила она.

— Я имею в виду политику, — ответил я.

— Из тебя получится хороший моряк, — сказала она. Я вышел из класса…

Я сидел со своим лучшим другом, морским пехотинцем, в городском баре и пил пиво, когда это произошло. По радио играли музыку, затем передача прервалась. Нам сообщими: только что разбомбили Пчрл-Харбор. Объявили, что всем военнослужащим надлежит немедленно вернуться в свои части. Друг попросил, чтобы я доехал с ним на автобусе до Сан-Диего, предположив, что мы видимся, может быть, в последний раз. Он оказался прав.

Любовь за семнадцать пятьдесят

Первым желанием Роберта — когда он начинал думать о таких вещах — было пробраться как-нибудь ночью в Музей Восковых Фигур и заняться любовью с восковыми дамами. Однако это казалось слишком опасным. Он ограничивался тем, что занимался любовью со статуями и манекенами в сексуальных фантазиях и жил в своем выдуманном мире.

Однажды, остановившись на красный свет, он заглянул в двери магазинчика. Одного из тех магазинчиков, где продается все — пластинки, диваны, книги, мелочи, всякий мусор. Он увидел, как она стоит там в длинном красном платье. В очках без оправы, хорошо сложена; с достоинством и сексуальная — как раз как и надо.

Настоящая классная девка. Тут светофор мигнул, и он вынужден был ехать дальше.

Роберт остановил машину через квартал и пешком вернулся в магазин. Остановился снаружи у газетного стенда и стал ее рассматривать. Даже глаза выглядели как настоящие, а рот был очень импульсивен, губки слегка надуты.

Роберт вошел внутрь и остановился у полки с

пластинками. Здесь он был к ней ближе и украдкой бросал на нее взгляды. Нет, так их больше не делают. На ней были даже высокие каблуки.

К нему подошла девушка из магазина:

— Я могу вам помочь, сэр?

— Просто смотрю, мисс.

— Если что-то выберете, дайте мне знать.

— Конечно.

Роберт передвинулся к манекену. Ценника не было. Интересно, подумал он, продается или нет. Он отошел к полке с пластинками, выбрал одну подешевле и купил ее у девушки.

Когда он навестил магазинчик в следующий раз, манекен по-прежнему стоял на месте. Роберт немного осмотрелся, купил пепельницу, вылепленную свернувшейся кольцами змеей, и ушел.

Зайдя туда в третий раз, он спросил девушку:

— Манекен продается?

— Манекен?

— Да, манекен.

— Вы хотите его купить?

— Да, вы же продаете вещи, не так ли? Манекен продается?

— Одну минуточку, сэр.

Девушка ушла в глубину магазина. Шторки раздвинулись, и вышел старый еврей. У него на

рубашке не хватало двух нижних пуговиц и виднелся волосатый живот. Он казался достаточно дружелюбным.

— Вы хотите манекен, сэр?

— Да, она продается?

— Ну, не совсем. Видите ли, это как бы для витрины, шутка.

— Я хочу ее купить.

— Что ж, давайте посмотрим… — Старый еврей подошел и начал ощупывать манекен, трогал платье, руки. — Поглядим… Мне кажется, я могу продать вам эту…

вещь… за 17 долларов 50 центов.

— Беру. — Роберт вытащил двадцатку. Магазинщик отсчитал сдачу.

— Мне будет ее не хватать, — сказал он, — иногда она кажется почти настоящей.

Вам завернуть?

— Нет, возьму так.

Роберт взял манекен и донес до машины. Уложил на заднее сиденье. Затем сел сам и поехал к себе. Когда он добрался до дому, к счастью, кажется, ему никто не встретился, и он внес ее в подъезд незамеченным. Он установил манекен посередине комнаты и посмотрел на нее.

— Стелла, — сказал он, — Стелла, сука!

Он подошел и дал ей пощечину. Потом схватил за голову и поцеловал. Хорошим поцелуем. Его пенис начал твердеть — и тут зазвонил телефон.

— Алло, — ответил он.

— Роберт?

— Да. Конечно.

— Это Гарри.

— Как дела, Гарри?

— Нормально, что делаешь?

— Ничего.

— Я тут подумал, может зайти? Захвачу пару пива.

— Давай.

Роберт повесил трубку, взял манекен и отволок ее в чулан. Засунул в самый дальний угол и закрыл дверь.

Гарри, на самом деле, особо сказать было нечего. Он сидел, держа банку пива.

— Как Лора? — спросил он.

— О, — сказал Роберт, — между нами с Лорой все кончено.

— Что случилось?

— Вечная вампирша. Всегда на сцене. Она была неумолима. На мужиков кидалась повсюду — в бакалейной лавке, на улице, в кафе, везде и на всех. Неважно, что за мужик, лишь бы мужик.

Заигрывала даже с парнем, который неправильный номер набрал. Я больше не смог.

— Ты сейчас один?

— Нет, у меня другая, Бренда. Ты ее видел.

— А, да. Бренда. Она ничего.

Гарри сидел и пил пиво. Женщин у Гарри никогда не было, но он постоянно о них говорил. В нем было что-то омерзительное. Роберт разговора не поддержал, и Гарри вскоре ушел. Роберт зашел в чулан и вытащил Стеллу.

— Блядь проклятая! — сказал он. — Обманывала меня, а?

Стелла не ответила. Она стояла холодно и строго. Он хорошенько вмазал ей по физиономии. Любой бабе нужно долгий день на солнцепеке провести, прежде чем Бобу Вилкенсону изменить. Он закатил ей еще одну пощечину.

— Пизда! Ты б и четырехлетнего малыша выебла, если б пипиську ему смогла поднять, правда?

Он ударил ее еще разок, затем схватил и поцеловал. Он присасывался к ней снова и снова. Потом запустил руки ей под платье. Формы у нее были хороши, очень хороши.

Стелла напоминала его учительницу алгебры в старших классах. Трусиков на Стелле не было.

— Прошмандовка, — сказал он, — кому трусы

отдала?

Потом он прижался пенисом к ее переду. Отверстия не было. Но Роберта охватила неимоверная страсть. Он вставил ей между ног. Там было гладко и туго. Он работал, себя не помня. На какое-то мгновение он почувствовал себя крайне глупо, но страсть возобладала, и он стал целовать ей шею, работая между ее ног.

Роберт помыл Стеллу кухонной тряпкой, поставил в чулан за пальто, закрыл дверь и еще успел на последнюю четверть матча между “Детройтскими Львами” и “Лос-Анжелесскими Баранами” по телевизору.

Шло время, и Роберту было доврольно славно. Он кое-что исправил: купил Стелле несколько пар трусиков, подвязки, длинные прозрачные чулки и браслетик на лодыжку.

Сережки он ей тоже купил, и его несколько шокировало, когда он узнал, что у его возлюбленной нет ушей. Подо всей ее прической ушей не хватало. Но он все равно прицепил ей сережки клейкой лентой. Преимущества, правда, тоже были: не нужно выводить ее в ресторан обедать, таскаться на вечеринки, смотреть скучное кино — все бренное, что так много значит для средней женщины. Еще были споры. Споры всегда

происходят, даже с манекеном. Она не была разговорчива, но Роберт был уверен, что один раз она ему сказала:

— Ты — величайший любовник из них всех. Тот старый еврей был скучным любовником.

А ты любишь душой, Роберт.

Да, преимущества были. Она не походила на всех остальных женщин, которых он знал. Ей не хотелось заниматься любовью в неудобное время. Выбирать время мог он. И у нее не было периодов. И он на нее ложился. Он срезал у нее с головы клочок волос и приклеил между бедер.

Роман у них был построен на одном сексе с самого начала, но постепенно он начал влюбляться в нее, он чувствовал, как это зарождается. Подумывал сходить к психиатру, но потом решил, что лучше не надо. В конце концов, так ли уж необходимо любить настоящего человека? Это никогда долго не длится. Между видами слишком много различий, и то, что начиналось любовью, чересчур часто заканчивалось войной.

Опять-таки, не нужно было лежать со Стеллой в постели и слушать ее воспоминания о бывших любовниках. Какая у Карла была здоровая штука, но Карл никогда на нее не ложился. И как хорошо танцевал Луи, Луи мог бы балетным танцором

стать, а не торговать страховками. И как умел целоваться Марти. Он знал какой-то способ языками сплетаться. И так далее. И тому подобное. Какое говно. Стелла, правда, упомянула старого еврея. Но всего лишь один раз.

Роберт прожил со Стеллой недели две, когда позвонила Бренда.

— Да, Бренда? — ответил он.

— Роберт, ты мне не звонил.

— Я был ужасно занят, Бренда. Меня повысили до районного менеджера, и мне нужно было кое-что в конторе поменять.

— Ах вот как?

— Да.

— Роберт, что-то не так…

— Ты о чем?

— Я по голосу могу сказать. Что-то не так. Что случилось, к чертовой матери, Роберт? Другая женщина?

— Не совсем.

— Что значит — “не совсем”?

— Ох, Господи!

— В чем дело? В чем дело? Роберт, что-то не так. Я еду к тебе.

— Все в порядке, Бренда.

— Ты сукин сын, ты что-то от меня утаиваешь!

Что-то происходит. Я к тебе еду!

Немедленно!

Бренда повесила трубку, а Роберт подошел, взял Стеллу и поставил ее в чулан, задвинув поглубже в угол. Он снял с вешалки пальто и завесил им Стеллу. Вышел в комнату, сел и стал ждать.

Бренда распахнула дверь и влетела в комнату.

— Ладно, что за чертовщина происходит? В чем дело?

— Послушай, малышка, — ответил он, — все нормально. Успокойся.

Бренда была неплохо сложена. Груди у нее немного провисали, зато прекрасные ноги и изумительная задница. Ее глаза всегда смотрели неистово и потерянно. Ему никогда не удавалось излечить ее от такого взгляда. Иногда после любви ее глаза наполняло временное спокойствие, но никогда не надолго.

— Ты меня еще не поцеловал!

Роберт встал со стула и поцеловал Бренду.

— Господи, да это же не поцелуй! В чем дело? — спросила она. — Что случилось?

— Да ничего, совершенно ничего…

— Если не скажешь, то я закричу!

— Говорю тебе, ничего.

Бренда закричала. Она подскочила к окну и

завопила. Весь район ее услышал. Потом перестала.

— Боже мой, Бренда, больше никогда так не делай! Прошу тебя, пожалуйста!

— Я опять закричу! Опять закричу! Скажи мне, что не так, Роберт, или я закричу еще раз!

— Хорошо, — ответил он. — Подожди.

Роберт зашел в чулан, снял со Стеллы пальто и вынес ее в комнату.

— Что это? — спросила Бренда. — Что это такое?

— Манекен.

— Манекен? Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что люблю ее.

— Ох, господи! Ты имеешь в виду? Эту вещь? Эту вещь?

— Да.

— Ты любишь эту вещь больше меня? Этот кусок целлулоида, или из какого еще говна она там сделана? Ты хочешь сказать, что любишь эту дрянь больше меня?

— Да.

— Я полагаю, ты ее и в постель с собой кладешь? Наверное, ты ей… с ней…

разные вещи делаешь — с этой дрянью?

— Да.

— Ох…

Тут Бренда по-настоящему завопила. Просто стояла и орала. Роберт подумал, что она никогда не остановится. Потом она подскочила к манекену и начала царапать и бить его. Манекен опрокинулся и ударился о стену. Бренда выскочила за дверь, прыгнула в машину и с диким ревом стартанула. Она врезалась в бок стоявшего автомобиля, резко отвернула, уехала.

Роберт подошел к Стелле. Голова оторвалась и закатилась под стул. На полу остались дорожки чего-то белого, похожего на мел. Одна рука болталась, сломанная, торчали две проволоки. Роберт сел на стул. Просто посидел. Потом встал, зашел в ванную, постоял там минутку и снова вышел. Постоял в прихожей.

Оттуда виднелась голова под стулом. Он начал всхлипывать. Ужасно. Он не знал, что делать. Он вспомнил, как хоронил мать и отца. Но сейчас все по-другому. Все иначе. Он просто стоял в прихожей, вздыхал, ждал. Оба глаза Стеллы были открыты, холодны и прекрасны. Они смотрели прямо на него.

Два пропойцы

Мне уже было за 20, и хотя я сильно пил и почти не ел, но был по-прежнему силен.

Я имею в виду физически — хоть в этом человеку везет, когда все остальное не ладится. Мой ум взбунтовался против судьбы и жизни, и утихомирить его я мог, только если пил, пил и пил. Я шел по дороге, было пыльно, грязно и жарко, и штат, наверное, был Калифорния, хотя я уже в этом не уверен. Вокруг лежала пустыня. Я шел по дороге, мои чулки задубели, гнили и воняли, гвозди протыкали стельки и впивались в пятки, и мне приходилось подкладывать картонки в башмаки — картонки, газеты, все, что удавалось найти. Гвозди дырявили и это, и я либо подкладывал еще, либо переворачивал эту дрянь, либо лепил ее по-другому.

Рядом остановился грузовик, я его проигнорировал и шел себе дальше. Грузовик взревел снова, и парень поехал рядом.

— Парнишка, — сказал водитель, — поработать хочешь?

— Кого надо прикончить? — спросил я.

— Никого, — ответил парень. — Давай, садись.

Я обошел кабину — дверца с той стороны уже была распахнута. Я шагнул на подножку, проскользнул внутрь, потянул на себя дверцу, захлопывая ее, и откинулся на кожаную спинку сиденья. Хоть в тенечке посижу.

— Хочешь у меня отсосать, — произнес парень, — получишь пять баксов.

Я двинул ему правой в брюхо, левой заехал куда-то между ухом и шеей, догнал правой в ебало, и грузовик съехал в кювет. Я схватил руль и снова поставил его на дорогу. Затем приглушил мотор и поставил на тормоз. Вылез и снова зашагал по дороге. Примерно пять минут спустя грузовик вновь оказался рядом.

— Парнишка, — сказал водитель, — прости меня. Я не хотел. Я не хотел сказать, что ты гомик. В смысле, ты как бы наполовину похож на гомика. Гомики, что — не люди?

— Если ты гомик, то ты — человек. Наверное.

— Ладно тебе, — сказал парень. — Залезай. У меня для тебя есть настоящая честная работа. Сможешь деньжат заработать, на ноги встать.

Я снова влез. Мы поехали.

— Извини, — сказал он, — на морду-то ты крутой, а руки у тебя… У тебя дамские руки.

— Не волнуйся о моих руках, — сказал я.

— Ладно, работа суровая. Шпалы грузить. Ты когда-нибудь грузил шпалы?

— Нет.

— Тяжелая работа.

— У меня всю жизнь тяжелая работа.

— Ладно, — произнес парень. — Ладно.

Мы ехали, не разговаривая, грузовик шкивало. Кроме пыли — пыли и пустыни — вокруг ничего не было. У парня у самого рожа не бог весть была, у него все не бог весть каким было. Но иногда людишки, долго сидящие на одном месте, добиваются мелкого престижа и власти. У него был грузовик, и он нанимал на работу. Иногда с этим приходится мириться.

Мы ехали, а по дороге шел мужик. На вид далеко за сорок. Слишком старый вот так по дорогам гулять. Этот мистер Бёркхарт, он мне представился, притормозил и спросил у мужика:

— Эй, приятель, пару баксов подзаработать не хочешь?

— О, еще бы, сэр! — ответил мужик.

— Подвинься. Впусти его, — скомандовал мистер Бёркхарт.

Мужик залез — ну от него и несло: пойлом, потом, агонией и смертью. Мы ехали, пока не добрались до кучки каких-то зданий. Мы вместе

с Бёркхартом вылезли и зашли в магазин. Там сидел мужик в зеленом козырьке и с браслетом из резинок на левом запястье. Он был лыс, но его руки покрывала тошнотно длинная светлая волосня.

— Здрасьте, мистер Бёркхарт, — сказал он. — Я вижу, вы нашли себе еще парочку пьянчуг.

— Вот список, Джесс, — ответил мистер Бёркхарт, и Джесс пошел выполнять заказ.

Это заняло некоторое время. Потом он закончил:

— Что-нибудь еще, мистер Бёркхарт? Пару бутылочек винца подешевле?

— Мне вина не надо, — сказал я.

— Тогда ладно, — отозвался мужик. — Я возьму обе.

— Я с тебя вычту, — сказал мужику Бёркхарт.

— Неважно, — ответил мужик, — вычитай.

— Ты уверен, что не хочешь вина? — спросил меня Бёркхарт.

— Хорошо, — ответил я. — Бутылочку возьму.

Нам дали палатку, и в тот вечер мы выпили вино, а мужик рассказал мне о своих бедах. Он потерял жену. До сих пор ее любит. Думает о ней все время. Великая женщина. Он раньше преподавал математику. Но потерял жену. Другой

такой женщины нет. Хуё-моё.

Господи, когда мы проснулись, мужику было очень херово, мне не лучше, а солнце светит и пора на работу: железнодорожные шпалы складывать. Их надо было связывать в штабель. Поначалу было легко. Но штабель рос, и уже приходилось опускать их на счет.

— Раз, два три, — командовал я, и мы бросали шпалу на место.

Мужик повязал на голову платок, и кир так и сочился у него из башки, платок уже весь вымок и потемнел. То и дело щепка со шпалы протыкала гнилую рукавицу и возналась мне в ладонь. Обычно боль была бы невыносима, и я бы все давно уже бросил, но усталость притупила мне все чувства, в самом деле притупила их что надо. Когда такое случалось, я лишь злился мне хотелось кого-нибудь убить, но когда я оглядывался, вокруг были только песок, скалы, сухое ярко-желтое солнце, как в духовке, и некуда идти.

Время от времени железнодорожная компания выдирала старые шпалы и заменяла их новыми. А старые оставляла валяться рядом с полотном. Большого вреда от старых шпал-то не было, но железная дорога их повсюду разбрасывала, а Бёркхарт нанимал парней, вроде меня, склады-

вать их в штабели, потом нагребал их в свой грузовик и вез продавать. Наверное, от них было много пользы. На некоторых ранчо их втыкали в землю, обматывали колючей проволокой — и забор готов. Другие применения, я полагаю, тоже существовали. Меня это сильно не интересовало.

Обычная невозможная работа, похожая на остальные: устаешь, хочется бросить, затем устаешь сильнее и забываешь, что хотел бросить, а минуты не шевелятся, живешь вечно в одной-единственной минуте, ни надежды, ни выхода, в западне, бросить — слишком туп, а бросишь — все равно деваться некуда.

— Парнишка, жену я потерял. Такая чудесная женщина была. Все время о ней думаю.

Хорошая баба — самое лучшее, что на земле есть.

— Ага.

— Винца бы еще.

— Нет у нас винца. До вечера подожди.

— Интересно, а пьянчуг кто-нибудь понимает?

— Другие пьянчуги.

— А как ты думаешь, эти занозы от шпал по венам могут до сердца добраться?

— Хрен там; нам никогда не везло.

Подошли два индейца и стали за нами наблю-

дать. Долго они за нами наблюдали.

Когда мы с мужиком сели на шпалу перекурить, один из индейцев подвалил к нам.

— Вы, парни, все неправильно делаете, — сказал он.

— Это в каком смысле? — спросил я.

— Вы работаете в самый солнцепек. А нужно так: встать утречком пораньше и все сделать, пока еще свежо.

— Ты прав, — сказал я, — спасибо.

Индеец был прав. Я решил, что мы встанем рано. Но нам это так и не удалось.

Мужику постоянно было слишком плохо после вечернего возлияния, и я никогда не мог поднять его вовремя.

— Еще пять минут, — говорил он, — ну пять минуточек еще.

Наконец, однажды старик выдохся. Не мог больше поднять ни единой шпалы. И все время извинялся.

— Да все нормально, Папик.

Мы вернулись в палатку и стали дожидаться вечера. Папик лежал и разглагольствовал. Он говорил о своей бывшей жене. Я слушал про его бывшую жену весь день и весь вечер. Потом приехал Бёркхарт.

— Господи Иисусе, парни, немного же вы сегодня сделали. Думаете, дарами земными проживете?

— С нас хватит, Бёркхарт, — сказал я. — Мы ждем расчета.

— У меня есть хорошая мысль не платить вам, парни.

— Если у тебя бывают хорошие мысли, — сказал я, — то ты заплатишь.

— Прошу вас, мистер Бёркхарт, — сказал старик, — пожалуйста, пожалуйста, мы так сильно работали, как проклятые, честно, мы работали!

— Бёркхарт знает, что мы заканчиваем, — сказал я, — сейчас ему надо только сосчитать штабели — и мне тоже.

— 72 штабеля, — сказал Бёркхарт.

— 90 штабелей, — сказал я.

— 76 штабелей, — сказал Бёркхарт.

— 90 штабелей, — сказал я.

— 80 штабелей, — сказал Бёркхарт.

— Продано, — сказал я.

Бёркхарт достал карандаш и бумажку и вычел с нас за вино и еду, транспорт и проживание. У нас с Папиком получилось по 18 долларов на брата за пять дней работы. Мы взяли деньги. И нас бесплатно довезли до города. Бесплатно?

Бёркхарт наебал нас со всех сторон. Но поднять хай мы не могли, поскольку если у тебя нет денег, закон работать перестает.

— Ей-богу, — сказал старик, — я сейчас по-настоящему нажрусь. Я вот прямо сейчас соберусь и надерусь. А ты, парнишка?

— Вряд ли.

Мы зашли в единственный бар в городке, сели, и Папик заказал вина, а я заказал пива. Старик завел про свою бывшую жену снова, и я пересел на другой конец стойки. По лестнице спустилась мексиканская девчонка и подсела ко мне. Почему они всегда спускаются по лестницам, как в кино? Я сам себя даже почувствовал, как в кино, и взял ей пива. Она сказала:

— Меня зовут Шерри, — а я ответил:

— Это не по-мексикански, — и она ответила:

— И не надо, — и я сказал:

— Ты права.

И наверху стоило пять долларов, и она меня подмыла и сначала, и в конце. Она подмывала меня из маленькой белой миски — нарисованные цыплята гонялись на ней друг за другом по всей окружности. Она заработала за десять минут столько же, сколько я за день, если прибавить к нему еще несколько часов. В денежном смысле,

как говно определенно, что лучше ходить с пиздой, чем с хуем.

Когда я спустился, старик уже уронил голову на стойку; его торкнуло. В тот день мы ничего не ели, и у него не осталось сил сопротивляться. Рядом с головой лежал доллар с мелочью. В какую-то минуту я подумал было прихватить старика с собой, но я и о себе-то позаботиться не мог. Я вышел наружу. Было прохладно, и я зашагал на север.

Мне было не по себе от того, что я бросил Папика на растерзание стервятникам маленького городка. Потом я подумал: интересно, а жена мужика о нем думает? Я решил, что нет, а если и думает, то едва ли так, как он о ней. Вся земля кишит печальными людьми, которым больно, вроде него. Мне нужно было где-то переспать.

Постель, в которой я оказался с мексиканской девчонкой, была первой за три недели.

За несколько ночей до этого, я обнаружил, что как только холодает, занозы у меня в ладонях начинают пульсировать сильнее. Я ощущал, где воткнулась каждая.

Становилось холодно. Не могу сказать, что я возненавидел мир мужчин и женщин, но некое отвращение отъединяло меня от ремесленников и торговцев, лжецов и любовников, и теперь,

много десятков лет спустя, я испытываю то же самое отвращение. Конечно же, это история только одного человека и взгляд на реальность только одного человека. Если вы не закроете эту книжку, может, следующий рассказ покажется вам веселее, я надеюсь.

Маджа Туруп

Пресса освещала это обширно, да и телевидение тоже, и дамочка должна была написать об этом книгу. Дамочку звали Хестер Эдамс, дважды разведенная, двое детей. Ей было 35, и легко можно было догадаться, что это ее последний шанс. И морщинки уже прорезались, и груди провисали уже некоторое время, лодыжки и икры толстели, и появились признаки живота. Америку хорошо научили, что красота живет только в молодости, особенно у женщин. Но Хестер Эдамс обладала темной красотой досады и грядущей утраты; она ползала по ней, эта грядущая утрата, и придавала ей нечто сексуальное, будто отчаявшаяся и вянущая женщина сидит в баре, полном мужиков. Хестер повертела головой, заметила, что американский самец ей не очень-то поможет, и села в самолет до Южной Америки. Она вступила в джунгли с камерой, портативной машинкой, толстеющими лодыжками и белой кожей, и отхватила себе людоеда, черного людоеда — Маджу Турупа. У Маджи Турупа была привлекательная физиономия. Казалось, все его лицо исписано тысячей похмелий и тысячей трагедий. Так оно

и было: тысячу похмелий он пережил, а все трагедии происходили из единственного корня — Маджа был чрезмерно украшен, просто чересчур украшен. Ни одна девушка из деревни не соглашалась принять его. Он уже разодрал двоих насмерть своим инструментом. В одну проник спереди, в другую — сзади. Без разницы.

Маджа был одинок, он пил и горевал над своим одиночеством, пока не появилась Хестер Эдамс вместе со своим проводником, белой кожей и камерой. После формального знакомства и нескольких стаканчиков у костра Хестер вошла в хижину Маджи, приняла в себя все, что Маджа мог собрать, и попросила еще. Для них обоих это было чудом, и они обвенчались в трехдневной племенной церемонии, по ходу которой захваченных в плен неприятелей из соседнего племени жарили и поглощали посреди танцев, песнопений и пьяного разгула. Только после церемонии, после того, как все бодуны выветрились, начались неприятности. Знахарь, приметив, что Хестер не отведала плоти зажаренного противника (приправленной ананасами, оливками и орехами), объявил всем и каждому, что она — отнюдь не белая богиня, а одна из дочерей злого бога Ритикана. (Много веков назад Ритикана

согнали с небес племени за отказ есть все, кроме овощей, фруктов и орехов.) Это объявление породило раскол в племени, и двоих приятелей Маджи Турупа быстренько прикончили за то, что высказали предположение: мол, то, что Хестер справилась с украшением Маджи, — уже само по себе чудо, а тот факт, что она не переваривает иных форм человечьего мяса, можно и простить — на время, по крайней мере.

Хестер и Мадже пришлось бежать в Америку, в Северный Голливуд, если точнее, где Хестер начала процедуры для того, чтобы Маджа стал американским гражданином.

Бывшая учительница, Хестер также стала обучать Маджу пользоваться одеждой, английским языком, калифорнийским пивом и винами, телевидением и продуктами питания, купленными в ближайшем супермаркете “Счастливого Пути”. Маджа не только смотрел телевидение, он в нем появлялся вместе с Хестер, и они объявили там о своей любви публично. Затем вернулись к себе в Северный Голливуд и занялись любовью. После этого Маджа сидел посередине ковра со своими английскими грамматиками, пил пиво с вином, пел свои народные песнопения и играл на бонгах.

Хестер работала над книгой о Мадже и Хестер. Крупный издатель ожидал. Хестер нужно было только записать книгу на бумагу.

Однажды утром около 8 часов я лежал в постели. За день до этого я проиграл 40 долларов в Санта-Аните, на сберкнижке в Калифорнийском Федеральном Банке денег оставалось до опасного мало, и я не написал ни единого приличного рассказа за весь месяц. Зазвонил телефон. Я проснулся, чуть не сблевнул, прокашлялся и снял трубку.

— Чинаски?

— Ну?

— Это Дэн Хадсон.

Дэн издавал в Чикаго журнальчик Огнь. Платил он хорошо. Он был и редактором, и издателем.

— Привет, Дэн, мать твою…

— Слушай, у меня как раз есть штучка для тебя.

— Какой базар, Дэн. Что такое?

— Я хочу, чтобы ты взял интервью у этой сучки, которая вышла замуж за людоеда.

Чтоб секса ПОБОЛЬШЕ. Намешай любви с ужасом, понял?

— Понял. Я этим всю жизнь занимаюсь.

— Тебе светит 500 баксов, если сделаешь к 27

марта.

— Дэн, за 500 баксов я сделаю Бчрта Рейнольдса лесбиянкой.

Дэн дал мне адрес и номер телефона. Я встал, сполоснул рожу, выпил две Алка-Зельцера, открыл бутылку пива и позвонил Хестер Эдамс. Я рассказал ей, что хочу увековечить их отношения с Маджей Турупом в виде одной из величайших историй любви XX века. Для читателей журнала Огнь. Я заверил ее, что это поможет Маджа добиться своего американского гражданства. Она согласилась на интервью в час дня.

Квартира у нее была на третьем этаже в доме без лифта. Она открыла дверь сама.

Маджа сидел на полу со своими бонгами, пил из пинтовой бутылки не шибко дорогой портвейн. Он сидел босиком, в узких джинсах, в белой майке с черными полосками, как у зебры. Хестер была одета идентично. Она вынесла мне бутылку пива, я вытащил сигарету из пачки на кофейном столике и начал интервью.

— Вы впервые встретили Маджу когда?

Хестер привела мне дату. А также точное время и место.

— Когда вы впервые начали испытывать к Маджа любовные чувства? Каковы именно были

обстоятельства, вызвавшие их?

— Н-ну, — сказал Хестер, — это было…

— Она любить меня, когда я давать ей штука, — произнес Маджа с ковра.

— Он довольно быстро английский выучил, не правда ли?

— Да, он очень сообразительный.

Маджа взял с пола бутылку и высосал здоровенный глоток.

— Я вставлять эта штука в нее, она говорит: “О боже мой о боже мой о боже мой!”

Ха, ха, ха, ха!

— Маджа великолепно сложен, — сказала она.

— Она ест тоже, — произнес Маджа, — она ест хорошо. Глубокая глотка, ха, ха, ха!

— Я полюбила Маджу с самого начала, — сказала Хестер, — все в его глазах, в его лице… так трагично. И то, как он ходит. Он ходит, ну, он ходит, как будто тигр.

— Ебать, — произнес Маджа, — мы ебемся мы еби ебемся еб еб еб. Я уже уставать.

Маджа сделал еще глоток. Посмотрел на меня.

— Ты ее еби. Я устал. Она большой голодный туннель.

— У Маджи есть подлинное чувство юмора, — сказал Хестер. — Это еще один штрих, от которого

он мне стал дороже.

— Одно дорогое тебе во мне, — произнес Маджа, — это мой телефонный столб писька-пулемет.

— Маджа пил сегодня с самого утра, — сказала Хестер, — вы должны его извинить.

— Возможно, мне лучше зайти в следующий раз, когда ему станет лучше.

— Я думаю, что да.

Хестер назначила мне встречу в 2 часа на следующий день.

Так тоже сгодится. Мне все равно нужны были фотографии. Я знал одного задроту-фотографа, некоего Сэма Джекоби — хороший фотограф, сделает все по дешевке. Я прихватил его с собой. Стоял солнечный день с очень тонким слоем смога. Мы поднялись к двери, и я позвонил. Никто не ответил. Я нажал еще раз.

Дверь открыл Маджа.

— Хестер нет, — сказал он, — она ушла в магазин.

— У нас было назначено на 2 часа. Мне бы хотелось зайти и подождать.

Мы вошли и сели.

— Я поиграю вам барабан, — сказал Маджа.

Он поиграл на барабанах и спел несколько песнопений из джунглей. Довольно неплохо. Он

деловито заканчивал еще одну бутылку портвейна. По-прежнему в полосатой майке и джинсах.

— Еби еби еби, — сказал он, — она только это хочет. Она меня злит.

— Ты скучаешь по джунглям, Маджа?

— Против течения не насрешь, папаша.

— Но ведь она тебя любит, Маджа.

— Ха, ха, ха!

Маджа сыграл еще одно соло на барабанах. Даже пьяный он был хорош.

Когда Маджа закончил, Сэм сказал мне:

— Как ты думаешь, у нее может быть пиво в холодильнике?

— Может.

— Что-то нервы разыгрались. Мне нужно пива.

— Давай. Принеси два. Я ей еще куплю. Надо было с собой принести.

Сэм встал и ушел на кухню. Я услышал, как открылась дверца холодильника.

— Я пишу статью о тебе и о Хестер, — сказал я Маджа.

— Большой дыры женщина. Никогда не полная. Как вулкан.

Я услышал, как Сэма рвет на кухне. Он сильно пил. Я знал, что он с бодуна. Но все равно — один из лучших фотографов в округе. Затем все стихло.

Сэм вышел.

Сел. Пива с ним не было.

— Я поиграю барабаны опять, — сказал Маджа. Он снова сыграл на барабанах.

По-прежнему неплохо. Но не так хорошо, как в прошлый раз. Видать, вино действовало.

— Пошли отсюда, — сказал мне Сэм.

— Мне надо дождаться Хестер, — ответил я.

— Мужик, да пойдем же, — сказал Сэм.

— Вы, парни, хотите вина? — спросил Маджа.

Я встал и вышел на кухню за пивом. Сэм за мной. Я двинулся к холодильнику.

— Пожалуйста, не открывай дверцу! — простонал он.

Сэм подошел к раковине и снова стравил. Я посмотрел на дверцу холодильника.

Открывать ее я не стал. Когда Сэм закончил, я сказал:

— Ладно, пошли.

Мы вышли в комнату, где Маджа все так же сидел со своими бонгами.

— Я поиграю барабан еще, — сказал он.

— Нет, спасибо, Маджа.

Мы вышли, спустились по лестнице на улицу. Сели в мою машину. Я отъехал. Я не знал, что и сказать. Сэм не говорил ничего. Мы находились в

деловом районе. Я подъехал к заправке и попросил служителя залить обычного. Сэм вышел из машины и пошел к телефонной будке звонить в полицию. Я увидел, как он выходит из будки.

Расплатился за бензин. Интервью не взял. 500 баксов прощелкал. Я сидел и ждал, пока Сэм подойдет к машине.

Убийцы

Гарри только сошел с товарняка и теперь шел по Аламеде к Педро выпить чашечку грошового кофе. Стояло раннее утро, но он помнил, что у Педро раньше открывались в 5. Там можно было за никель посидеть и час, и два. Подумать. Вспомнить, где облажался, а где все сделал правильно.

У Педро было открыто. Мексиканочка, подавшая ему кофе, посмотрела на него, как на человека. Голь знает жизнь не понаслышке. Хорошая девушка. Ну, скажем, достаточно хорошая девушка. Вообще-то, все они означают напасти. Всч в жизни означает напасти. Он припомнил услышанное где-то утверждение: Напасти — Определение Жизни.

Гарри сел за один из старых столиков. Хороший у них кофе. Тридцать восемь лет — и жизнь кончена. Он сербал кофе и вспоминал, где облажался и где нет. Он просто устал: от игры в страхование, от кабинетиков, высоких стеклянных загонов, от клиентов. Он просто устал обманывать жену, обжимать секретарш в лифтах и вестибюлях; устал от рождественских и новогодних вечеринок, дней рождения, проплат за новые машины и

мебель — свет, газ, воду — от всего проклятущего комплекса необходимостей.

Он устал и все бросил, всего-то делов. Развод наступил довольно скоро, и пьянство пришло довольно скоро, и вдруг он вышел из игры. У него не было ничего, и он обнаружил, что не иметь ничего — тоже довольно трудно. Просто другая ноша.

Если б только где-нибудь посередине пролегала дорога поглаже. У человека, кажется, только один выбор — либо жопу рви, либо иди в бродяги.

Гарри поднял голову, когда напротив сел какой-то человек, тоже с чашкой кофе за никель. Ему, казалось, было слегка за сорок. Одет так же бедно, как и Гарри.

Человек свернул сигаретку и, зажигая ее, посмотрел на Гарри.

— Как оно?

— Ну и вопросик, — ответил Гарри.

— Это уж точно.

Они сидели и пили кофе.

— Интересно, как люди сюда попадают.

— Ну, — подтвердил Гарри.

— Кстати, если это важно, мое имя Уильям.

— Меня называют Гарри.

— Можешь звать меня Биллом.

— Спасибо.

— У тебя такой вид, будто ты дошел до конца чего-то.

— Просто устал бичевать, как собака, устал.

— Хочешь вернуться в общество, Гарри?

— Нет, не так. Но я хотел бы из вот этого выбраться.

— Есть самоубийство.

— Я знаю.

— Слушай, — сказал Билл, — нам надо только немного налички раздобыть, да побыстрее, чтобы перевести дух можно было.

— Конечно, но как?

— Н-ну, надо немного рискнуть.

— Типа как?

— Я раньше дома грабил. Это неплохо. Мне бы хороший партнер не помешал.

— Ладно, я уже почти на все согласен. Достали меня бобы на воде, недельные пончики, миссии, лекции о Боге, храп…

— Наша проблема — в том, как добраться туда, где можно будет поработать, — сказал Билл.

— У меня есть пара баксов.

— Хорошо, встречаемся в полночь. Карандаш есть?

— Нет.

— Подожди. Я сейчас у них попрошу.

Билл вернулся с огрызком. Взял салфетку и что-то нацарапал на ней.

— Садишься на автобус до Беверли-Хиллз и просишь водителя высадить тебя вот здесь. Затем идешь два квартала на север. Я буду там тебя ждать. Доберешься?

— Доберусь.

— Жена, дети есть? — спросил Билл.

— Были, — ответил Гарри.

Той ночью было холодно. Гарри слез с автобуса и прошел два квартала на север.

Темень стояла просто непроглядная. Билл стоял и курил самокрутку. Причем, не на виду стоял, а в тени большого куста.

— Привет, Билл.

— Привет, Гарри. Готов начать новую прибыльную карьеру?

— Готов.

— Отлично. Я эти места уже разведал. Мне кажется, нашел хороший дом. Вдалеке от остальных. От него просто воняет бабками. Боишься?

— Нет. Не боюсь.

— Прекрасно. Не суетись и пошли за мной.

Гарри пошел за Биллом по тротуару — квартала полтора, затем Билл резко свернул между

кустами на широкую лужайку. Они подошли к дому сзади двухэтажная громадина. Билл остановился у заднего окна. Разрезал ножом сетку и прислушался.

Тишина стояла как на кладбище. Билл отцепил раму с сеткой и приподнял ее.

Возился с ней он долго. Гарри уже начал думать: Господи. Связался с любителем. С каким-то психом связался. Тут окно открылось, и Билл забрался внутрь. Гарри видел, как елозила в темноте его задница, пока он втискивался в окно. Это смешно, подумал он. Неужели мужики этим занимаются?

— Залезай, — прошептал Билл изнутри.

Гарри залез. Там действительно воняло деньгами и мебельной полировкой.

— Господи, Билл. Вот теперь мне страшно. В этом нет никакого смысла.

— Не ори так сильно. Ты ведь не хочешь больше бобов на воде, так?

— Так.

— Значит, будь мужчиной.

Гарри стоял рядом, пока Билл медленно выдвигал ящики и набивал чем-то карманы.

Похоже, что они попали в столовую. Билл совал в карманы ложки, ножи и вилки.

Как мы сможем что-то за них получить? — думал Гарри.

Билл распихивал столовое серебро по карманам куртки. Затем уронил нож. Пол был твердый, без ковра, и звон прозвучал отчетливо и громко.

— Кто там?

Билл и Гарри не ответили.

— Я сказал: кто там?

— В чем дело, Сеймур? — раздался голос девушки.

— Мне что-то послышалось. Меня что-то разбудило.

— Ох, да спи ты.

— Нет. Я что-то слышал.

До Гарри донесся скрип кровати, потом — мужские шаги. Человек открыл дверь и теперь стоял вместе с ними в столовой. Он был в пижаме, молодой, лет 26-27, с козлиной бородкой и длинными волосами.

— Ладно, пидарасы, что вы делаете в моем доме?

Билл повернулся к Гарри:

— Иди в спальню. Там может быть телефон. Проследи, чтобы она никуда не звонила.

А с этим я разберусь.

Гарри направился к спальне, отыскал дверь,

зашел, увидел там молодую блондинку лет 23-х, длинные волосы, в роскошной ночнушке, груди болтаются. Рядом на тумбочке стоял телефон, но она никуда не звонила. Она сидела на постели и в ужасе прижимала запястье к губам.

— Не ори, — сказал ей Гарри, — а то убью.

Он стоял и смотрел на нее сверху вниз, думал о своей жене — та никогда не была такой. Гарри прошиб пот, закружилась голова. Они смотрели друг на друга.

Гарри сел на край постели.

— Оставь мою жену в покое, или я тебя убью! — произнес молодой человек. Билл только что завел его в спальню. Он завернул парню руку за спину, держа нож у позвоночника.

— Никто ничего твоей жене не сделает, паря. Только скажи нам, где лежат твои вонючие башли, и мы уйдем.

— Я же сказал вам, все, что у меня есть, — в бумажнике.

Билл завернул ему руку чуть круче и вонзил нож чуть глубже. Парень поморщился.

— Цацки, — сказал Билл. — Отведи меня к цацкам.

— Наверху…

— Ладно. Веди меня наверх!

Гарри проводил их взглядом. Потом продолжал разглядывать девушку, а та продолжала смотреть на него. Синие глаза, зрачки переполнены страхом.

— Не ори, — сказал он ей, — а не то убью, честное слово, убью!

Ее губы задрожали. Они были бледно-розового оттенка, и тут его рот сомкнулся на них. Он колол ее щетиной, обдавал вонью, гнилью, а она белая, нежно-белая, нежная — дрожала. Он держал ее голову в ладонях. Потом оторвался и заглянул ей в глаза.

— Ты блядь, — сказал он, — проклятая блядь! — И поцеловал снова, жестче. Вместе они рухнули на постель. Он дергал ногами, скидывая башмаки, прижимая ее. Затем стал стаскивать штаны, выбираться из них, все время удерживая и целуя ее. — Блядь, блядь чертова…

— Ох Нет! Господи Боже мой, Нет! Не трогайте жену, сволочи!

Гарри не слышал, как они вернулись. Парень испустил вой. Затем Гарри услышал какое-то клокотание. Он вытащил и оглянулся. Парень лежал на полу с перерезанным горлом; кровь ритмично била на паркет.

— Ты его убил! — произнес Гарри.

— Он орал.

— Его можно было и не убивать.

— Его жену можно было и не насиловать.

— Я ее не насиловал, а ты его убил.

Тут начала орать она. Гарри зажал ей рот ладонью.

— Что будем делать? — спросил он.

— Ее тоже придется. Она свидетель.

— Я не могу ее убить, — сказал Гарри.

— Я убью, — ответил Билл.

— Жалко, если добро пропадет.

— Тогда давай, бери.

— Заткни ей рот чем-нибудь.

— Не волнуйся, — сказал Билл. Из ящика он вытащил шарф, засунул ей в рот. Потом разорвал наволочку на полосы и привязал кляп.

— Валяй, — сказал Билл.

Девушка не сопротивлялась. Казалось, она была в шоке.

Когда Гарри слез, забрался Билл. Гарри смотрел. Вот так. Так было во всем мире.

Когда входит армия завоевателей, берут женщин. Они с Биллом были армией завоевателей.

Билл слез.

— Блядь, а хорошо было.

— Слушай, Билл, давай не будем ее убивать.

— Она настучит. Она свидетель.

— Если мы ее пощадим, она не настучит. Так будет честно.

— Настучит. Я знаю человеческую природу. Настучит потом.

— Почему бы ей не настучать на людей, которые сделали то, что мы сделали?

— Вот это я и имею в виду, — ответил Билл, — так зачем позволять ей?

— Давай у нее спросим. Давай с ней поговорим. Давай спросим, что она думает.

— Я знаю, что она думает. Я сейчас ее убью.

— Пожалуйста, не надо, Билл. Давай порядочно все оставим.

— Порядочно оставим? Сейчас? Слишком поздно. Если б ты остался мужчиной и свою глупую письку куда не надо не совал…

— Не убивай ее, Билл, я не… могу…

— Отвернись.

— Билл, прошу тебя…

— Я сказал, отвернись, мать твою!

Гарри отвернулся. Казалось, не раздалось ни звука. Прошло несколько минут.

— Билл, ты уже все?

— Все. Повернись и посмотри.

— Мне не хочется. Пойдем. Пошли отсюда.

Они вылезли через то же самое окно. Ночь стала еще холоднее. Они прошли вдоль темной стороны дома и пролезли через живую ограду.

— Билл?

— Ну?

— Мне уже лучше, как ничего и не было.

— Было.

Они пошли обратно к автобусной остановке. По ночам автобусы ходили реже, может, придется целый час ждать. Они стояли на остановке и осматривали друг друга: нет ли где крови, — и странно, но крови нигде не было. Поэтому они свернули пару самокруток и закурили.

Внезапно Билл выплюнул свою.

— Ч-черт! Ах, проклятье!

— Что такое, Билл?

— Мы забыли забрать его бумажник!

— Ох, ебаный в рот, — сказал Гарри.

Мужчина

Джордж лежал у себя в трейлере, растянувшись на спине, и смотрел маленький переносной телевизор. Тарелки после обеда стояли немытые, после завтрака — тоже, ему давно нужно было побриться, а пепел с самокрутки падал ему на майку. Часть его еще тлела. Иногда тлеющий пепел падал мимо майки и прижигал кожу — тогда он чертыхался и смахивал его.

В дверь трейлера постучали. Он медленно поднялся на ноги и открыл. Это была Констанс. У нее в кульке лежала непочатая квинта виски.

— Джордж, я ушла от этого сукина сына, не могу выносить этого сукина сына больше.

— Садись.

Джордж открыл бутылку, достал два стакана, налил в каждый на треть вискача, на две трети — воды. Сел на постель рядом с Констанс. Она вытащила из ридикюля сигарету и зажгла ее. Она была пьяна, и руки у нее дрожали.

— Его чертовы деньги я тоже забрала. Я забрала все его проклятые деньги и отвалила, пока он был на работе. Ты себе не представляешь, как я страдала с этим сукиным сыном.

— Дай курнуть, — попросил Джордж.

Она протянула ему сигаретку, и, когда она склонилась чуть ближе, Джордж обхватил ее рукой, придвинул к себе и поцеловал.

— Ах ты сукин сын, — сказала она, — я по тебе скучала.

— Я скучал по твоим ножкам, Конни. Я в самом деле скучал по твоим хорошеньким ножкам.

— Тебе они до сих пор нравятся?

— Только гляну — и в жар бросает.

— У меня никогда не получалось с парнями из колледжа, — сказала Конни. — Слишком мягкотелые, хиляги. А этот дом в чистоте держал. Джордж, это как с горничной жить. Он все делал сам. Нигде ни пятнышка. Можно баранье рагу хоть прямо из сортира лопать. Живой антисептик, вот какой он был.

— Пей. Полегчает.

— И любовью заниматься тоже не умел.

— Ты имеешь в виду — не вставало?

— Ох, нет, вставало. Вставало постоянно. Но он не знал, как тетку осчастливить, понимаешь? Он не знал, что нужно делать. Все эти деньги, все это образование — и псу под хвост.

— Жалко, что у меня нет образования.

— Тебе и не нужно. У тебя есть все, что тебе

надо, Джордж.

— Я просто двоечник. Все эти говенные работы.

— Я же сказала: у тебя есть все, что нужно, Джордж. Ты знаешь, как сделать, чтобы женщина была счастлива.

— Н-да?

— Да. А еще знаешь что? Его мамочка вокруг тусовалась! Его мамочка! Два-три раза в неделю приходила. И сидела. На меня таращилась, типа, я ей нравлюсь, а сама все время обращалась со мной так, будто я девка гулящая. Типа я большая гадкая потаскуха, которая у нее сыночка украла! Ее Уолтера драгоценного! Х-хосподи!

Какая срань!

— Пей, Конни.

Джордж уже допил. Он подождал, пока допьет Конни, взял у нее стакан, наполнил оба.

— Утверждал, что меня любит. А я говорила: “Посмотри на мою пизду, Уолтер!” А он не хотел смотреть на мою пизду. Он говорил: “Я не хочу смотреть на эту вещь.”

Эту вещь! Вот как он ее называл! Ты ведь моей пизды не боишься, а, Джордж?

— Она меня еще ни разу не укусила.

— Зато ты ее кусал, ты ее грыз, правда,

Джордж?

— Полагаю, что да.

— И лизал ее, и сосал ее?

— Полагаю.

— Ты чертовски хорошо знаешь, Джордж, что ты с ней делал.

— Ты сколько денег прихватила?

— Шестьсот долларов.

— Мне не нравятся люди, которые грабят других людей, Конни.

— Именно поэтому ты — посудомойка ебаная. Ты честный. А он — такая жопа, Джордж.

Эти деньги он себе может позволить, а я их заслужила… и он, и эта его мамочка, и его любовь, его материнская любовь, его чистенькие маленькие тазики, и сортиры, и мешки для мусора, и новые машины, и освежители дыхания, и лосьоны после бритья, и его маленькие эрекции, и его драгоценная любовь. Все ради него самого, ты понимаешь, ради себя! А ты знаешь, чего хочется женщине, Джордж…

— Спасибо за виски, Конни. Дай-ка мне еще сигаретку.

Джордж снова наполнил стаканы.

— Я скучал по твоим ногам, Конни. Я действительно скучал по этим ногам. Мне нравится, как

ты носишь свои каблуки. Они меня с ума сводят. Все современные женщины не знают, что они теряют. Высокие каблуки придают форму икрам, бедрам, заднице; от них появляется ритм в походке. Меня это по-настоящему заводит!

— Ты говоришь, как поэт, Джордж. Иногда у тебя это действительно получается. Ты просто чертовская посудомойка.

— Знаешь, чего мне в самом деле хочется?

— Чего?

— Мне хочется отхлестать тебя ремнем по ногам, по заднице, по бедрам. Мне хочется, чтобы ты трепетала и плакала, а когда ты затрепещешь и заплачешь, я тебе засажу в чистой любви.

— Я так не хочу, Джордж. Ты раньше никогда так не разговаривал. Ты со мной всегда обходился правильно.

— Задери платье повыше.

— Что?

— Задери платье повыше, я хочу больше видеть твои ноги.

— Тебе мои ноги ведь нравятся, правда, Джордж?

— Пускай на них свет прольется!

Констанс поддернула платье.

— Господи Иисусе черт, — вымолвил Джордж.

— Тебе нравятся мои ноги?

— Я обожаю твои ноги!

Джордж перегнулся через кровать и жестко залепил Констанс пощечину. Сигарета выскочила у нее изо рта.

— Зачем ты это сделал?

— Ты ебла Уолтера! Ты ебла Уолтера!

— Так и что с того, к чертовой матери?

— А то, что задирай платье!

— Нет!

— Делай, что говорю!

Джордж вмазал ей еще раз, сильнее. Констанс задрала юбку.

— Только до трусиков! — заорал Джордж. — Мне не очень хочется видеть трусики!

— Господи, Джордж, что с тобой произошло?

— Ты еблась с Уолтером!

— Джордж, клянусь, ты спятил. Я хочу уйти. Выпусти меня отсюда, Джордж!

— Не двигайся, а то я тебя убью!

— Ты меня убьешь?

— Ей-Богу, убью!

Джордж поднялся и нацедил себе полный стакан неразбавленного вискача, выпил и сел рядом с Констанс. Вынул изо рта сигарету и приложил ей к запястью. Она завопила. Он подержал бычок

некоторое время, твердо, затем убрал.

— Я — мужик, малышка, ты это понимаешь?

— Я знаю, что ты мужик, Джордж.

— Вот, погляди на мои мышцы! — Джордж встал и напряг обе руки. Красиво, а, малышка? Посмотри на этот мускул! Пощупай! Пощупай!

Констанс потрогала его за одну руку. Потом — за другую.

— Да, у тебя прекрасное тело, Джордж.

— Я мужик. Я посудомойка, но я — мужик, настоящий мужик.

— Я это знаю, Джордж.

— Я не как этот твой дохляк сраный, которого ты бросила.

— Я знаю.

— Я и петь могу. Тебе надо послушать мой голос.

Констанс сидела на месте. Джордж запел. Он спел “Реку Старика”. Затем спел “Никто Не Узнает Всех Бед, Что Я Видел”. Он спел “Сент-Луисский Блюз”. Он спел “Боже, Благослови Америку”, несколько раз запинаясь и хохоча. Потом сел рядом с Констанс. Сказал:

— Конни, у тебя прекрасные ноги. — Попросил у нее еще одну сигарету. Выкурил ее, выпил еще два стакана, положил голову на ноги Конни,

щекой к чулкам, на колени и сказал: — Конни, я, наверное, никуда не гожусь, наверное, я сумасшедший, прости, что ударил тебя, прости, что обжег тебя сигаретой.

Констанс сидела, не шевелясь. Она пропускала волосы Джорджа сквозь пальцы, гладила его, успокаивала. Вскоре он заснул. Она подождала еще немного. Затем приподняла его голову, положила на подушку, подняла ему ноги и уложила их на кровать. Встала, подошла к бутылке, плеснула в стакан хорошую меру виски, добавила чуточку воды и залпом выпила. Она дошла до двери трейлера, потянула на себя, вышла наружу, прикрыла. Прошла через задний двор, открыла калитку в ограде, прошла по переулку под заполуночной луной. Небо очистилось от облаков.

Прежнее небо, полное звезд, было на месте. Она вышла на бульвар и зашагала на восток, дошла до входа в “Синее Зеркало”. Вошла, оглянулась Уолтер сидел один и пьяный на другом конце стойки. Она подошла и села рядом с ним.

— Соскучился, малыш? — спросила она.

Уолтер поднял голову. Он ее узнал. Ничего не ответил. Он посмотрел на бармена, и бармен направился к ним. Все они хорошо знали друг друга.

Класс

Я не уверен, где было это место. Где-то к северо-востоку от Калифорнии.

Хемингуэй только что закончил роман, вернулся из Европы или откуда-то еще и теперь был на ринге, с кем-то дрался. Вокруг толпились газетчики, критики, писатели — вся эта братия, — и какие-то дамочки сидели возле ринга. Я уселся в последний ряд. Народ на Хэма, в основном, не смотрел. Они болтали друг с другом и смеялись.

Солнце стояло высоко. День был в разгаре. Я наблюдал за Эрни. Он своего противника делал, играл с ним. Наносил удары по корпусу и обводил его, как захочется. Затем свалил вообще. Тогда на него обратили внимание. Противник Хэма поднялся на счет 8. Хэм двинулся на него, но остановился. Вытащил изо рта загубник, рассмеялся и отмахнулся от соперника. Слишком легкая жертва. Эрни ушел в свой угол. Закинул назад голову, и кто-то брызнул ему в рот воды.

Я встал с места и медленно пошел по проходу между сидений. Дотянулся до ринга и слегка пихнул Хэма в бок.

— Мистер Хемингуэй?

— Да, в чем дело?
— Я бы хотел выйти против вас.
— Боксерский опыт есть?
— Нет.
— Иди и заработай.
— Я хочу надрать вам задницу.
Эрни расхохотался. Секунданту в углу он сказал:
— Выдай парнишке трусы и перчатки.
Парень соскочил с ринга, и я пошел за ним по проходу в раздевалку.
— Ты спятил, пацан? — спросил меня он.
— Не знаю. Нет, наверное.
— Вот. Померяй трусы.
— Нормально.
— Ого… Слишком здоровые.
— На хуй. Сойдут.
— Ладно, давай кисти перемотаю.
— Никаких перемоток.
— Никаких перемоток?
— Никаких перемоток.
— А загубник?
— Никакого загубника.
— Ты в этих башмаках драться выйдешь?
— Я выйду драться в этих башмаках.
Я зажег сигару и вышел в зал следом за ним. Я

шел по проходу и курил сигару.

Хемингуэй снова взобрался на ринг, и на него надели перчатки. В моем углу никого не было. Наконец, кто-то вылез и тоже натянул на меня перчатки. Нас вызвали на центр ринга давать инструкции.

— Так, когда войдете в клинч, — начал рефери, — я…

— Я не вхожу в клинч, — сообщил я судье.

Инструктаж продолжался.

— Ладно, теперь по своим углам. После гонга выходите и деритесь. Пусть победит лучший. А вам, — обратился ко мне рефери, — лучше сигару изо рта вынуть.

Когда ударил гонг, я вышел на середину с сигарой. Набрав полный рот дыма, я выпустил его в лицо Эрнесту Хемингуэю. Толпа заржала.

Хэм двинулся на меня, сделав хук и целясь в корпус, и оба раза промазал. Ноги у меня двигались быстро. Я станцевал маленькую джигу, пошел на него — пух пух пух пух пух — пять быстрых ударов Папе по носу. Я взглянул на девчонку в переднем ряду, очень хорошенькую, и тут Хэм засадил мне справа, размазав сигару мне по физиономии. Она обожгла мне рот и щеку, я смахнул горячий пепел. Выплюнул сигарный

окурок и сделал хук, целясь Эрни в живот. Он провел апперкот правой, а левой поймал меня в ухо. Увернулся от моей правой и серией ударов загнал меня на канаты. С ударом гонга он смачно завалил меня правой в подбородок. Я поднялся и побрел в свой угол.

Подошел мужик с ведерком.

— Мистер Хемингуэй хочет узнать, не желаете ли вы еще один раунд? спросил он.

— Передайте мистеру Хемингуэю, что ему повезло. Мне дым попал в глаза. Пусть даст мне еще один раунд, и я докончу работу.

Мужик с ведерком отошел, и я увидел, как Хемингуэй засмеялся.

Прозвенел гонг, и я выскочил. Мои удары стали попадать в цель, не слишком жестко, но в хороших комбинациях. Эрни отступил, стал пропускать удары. Впервые в жизни я заметил сомнение у него в глазах.

Кто этот мальчишка? — думал он. Я сократил интервалы между ударами, заработал жестче. Каждый мой удар приземлялся хорошо. В голову и в корпус. Напополам. Я боксировал, как Сахарок Рэй, и бил, как Демпси.

Я прижал Хемингуэя к канатам. Упасть он не мог. Каждый раз, когда он валился вперед, я по-

правлял его новым ударом. Сплошное убийство. Смерть после полудня.

Я отступил, и мистер Эрнест Хемингуэй рухнул в отключке.

Я расшнуровал перчатки зубами, стянул их и соскочил с ринга. Прошел в свою раздевалку — то есть, в раздевалку Хемингуэя — и залез под душ. Выпил бутылку пива, закурил сигару и сел на краешек массажного стола. Эрни внесли и водрузили на другой стол. Он еще не пришел в себя. Я сидел голышом и смотрел, как они хлопочут над Эрни. В комнату набились и тетки, но я не обращал на них внимания.

Потом ко мне подошел какой-то парень.

— Кто вы такой? — спросил он. — Как вас зовут?

— Генри Чинаски.

— Не слыхал, — сказал он.

— Услышишь, — ответил я.

Подошел весь остальной народ. Эрни бросили одного. Бедный Эрни. Все столпились вокруг меня. И женщины тоже. Все просто пожирали меня глазами, если не считать одного места. По-настоящему классная чувиха просто впилась в меня взглядом.

Похожа на светскую бабу, богатую, образован-

ную и прочее — хорошее тело, хорошая мордашка, хорошая одежда и все остальное.

— Чем вы занимаетесь? — спросил меня кто-то.

— Ебусь и пью.

— Нет-нет, я имею в виду род занятий.

— Мою посуду.

— Моете посуду?

— Ага.

— А хобби у вас есть?

— Ну, не знаю, можно ли это назвать хобби. Я пишу.

— Вы пишете?

— Угу.

— Что?

— Рассказы. Довольно неплохие.

— А вас печатают?

— Нет.

— Почему?

— Не посылаю.

— А где ваши рассказы?

— Вон там. — Я показал на драный картонный чемодан.

— Послушайте, я — критик газеты Нью-Йорк Таймс. Вы не возражаете, если я захвачу ваши рассказы домой и прочту их? Я все верну.

— Я-то не возражаю, чувак, только я не знаю, где я буду.

Классная светская чувиха выступила вперед:

— Он будет со мной. — И продолжила: — Давай, Генри, влатывайся. Ехать долго, а нам надо много чего… обсудить.

Я оделся, и тут Эрни пришел в сознание.

— Что произошло, к чертям собачьим? — спросил он.

— Вы встретились с достойным противником, мистер Хемингуэй, — сообщил ему кто-то.

Я закончил одеваться и подошел к его столу.

— Вы хороший человек, Папа. Всех победить все равно невозможно. — Я пожал ему руку. — Смотрите не выпустите себе мозги.

Я ушел с классной чувихой, и мы сели в открытую желтую машину длиной в полквартала. Она вела машину, отжав рукоятку газа до самого полу, а в повороты вписывалась скользя, скрежеща и безо всякого выражения на лице. Это был класс.

Если она любила так же, как ездила, ночка меня ожидала просто дьявольская.

Жила она в холмах, сама по себе. Дверь открыл привратник.

— Джордж, — сказала она ему, — возьми на ночь выходной. Хотя нет возьми всю неделю

отгулов.

Мы вошли: на стуле сидел крупный парень со стаканом в руке.

— Томми, — сказала она, — потеряйся.

Мы прошли в дом.

— Кто это был? — спросил я.

— Томас Вулф, — ответила она. — Зануда.

Она задержалась в кухне, взяла квинту бурбона и два стакана. Затем сказала:

— Пошли.

Я последовал за ней в спальню.

На следующее утро нас разбудил телефон. Звонили мне. Она передала мне трубку, и я сел на постели с ней рядом.

— Мистер Чинаски?

— Ну?

— Я прочел ваши рассказы. Я был так взволнован, что всю ночь глаз не сомкнул.

Определенно, вы — величайший гений десятилетия!

— Только десятилетия?

— Ну, возможно, и всего века.

— Это лучше.

— Редакторы Харперза и Атлантика сейчас здесь со мной. Вы можете не поверить, но каждый из них принял по пять рассказов для последую-

щей публикации.

— Я верю, — ответил я.

Критик повесил трубку. Я лег обратно. Светская чувиха и я занялись любовью еще один раз.

Перестаньте пялиться на мои сиськи, мистер

Большой Барт на Западе был падлой, каких мало. У него был самый быстрый револьвер, и он перетрахал больше разнообразных теток, чем кто бы то ни было. Он не особенно любил мыться, пиздеть и выходить вторым в игре. Помимо этого он заправлял караваном, ходившим на Запад, и никто из мужиков его возраста не перестрелял больше индейцев, не перерев больше баб и не поубивал больше белых, чем он.

Большой Барт был велик и знал это — все остальные тоже это знали. Даже пердел он исключительно — громче обеденного гонга; мошонка у него тоже хорошо висела. Его темой было безопасно провести фургоны, отыграться на телках, грохнуть несколько человек и — обратно за следующей партией. У него была черная борода, грязная жопа и лучезарные желтые зубы.

Он только что отымел молодую жену Билли Джо так, что та чуть богу душу не отдала, а самого Билли Джо заставил смотреть. Он заставил жену Билли Джо разговаривать с Билли Джо, пока этим

занимался. Он заставлял ее говорить:

— Ах, Билли Джо, какой запридух продирает меня от гузна до горла, аж в зобу спирает! Билли Джо, спаси меня! Нет, Билли Джо, не надо меня спасать!

После того, как Большой Барт кончил, он заставил Билли Джо себя подмыть, а затем они все отправились плотно пообедать солониной с лимовыми бобами и галетами.

На следующий день они наткнулись на одинокий фургон, сам по себе кативший по прерии. На козлах сидел какой-то костлявый пацан лет шестнадцати, весь в чирьях.

Большой Барт подъехал к нему.

— Эй, пацан, — сказал он.

Пацан не ответил.

— Я с тобой разговариваю, пацан…

— Пошел в жопу, — ответил пацан.

— Я Большой Барт, — сказал Большой Барт.

— Пошел в жопу, Большой Барт, — сказал пацан.

— Как тебя зовут, сынок?

— Меня называют “Пацан”.

— Слушай, Пацан, человеку никак не пробраться через эту индейскую территорию в одиночку.

— Я собираюсь, — ответил Пацан.

— Ладно, яйца у тебя не казенные, Пацан, — сказал Большой Барт и собрался уже было отъезжать, когда полог фургона откинулся, и наружу вылезла этакая молоденькая кобылка, дойки по сорок дюймов, прекрасная круглая задница, а глаза — как небо после хорошего дождя. Крутанула она своими глазищами в сторону Большого Барта, и его запридух встрепенулся у луки седла.

— Ради вас же самих, Пацан, вы едете с нами.

— Отъебись, старик, — ответил Пацан, — я не слушаюсь пиздоблядских советов всякого старья в грязном исподнем.

— Знаешь, я убивал людей за то, что они глазом моргнули, — сказал Большой Барт.

Пацан только сплюнул на землю. Затем потянулся и почесал бейцалы.

— Старик, ты меня достал. Испарись из моего поля зрения, а то я помогу тебе стать похожим на кусок швейцарского сыра.

— Пацан, — произнесла девчонка, склоняясь над ним; одна грудь вывалилась так, что у солнечного света встало, — Пацан, а ведь старик прав. В одиночку у нас нет ни шанса против этих злоебучих индейцев. Ну, не будь ослом. Скажи дяденьке, что мы присоединимся.

— Мы присоединимся, — сказал Пацан.

— Как зовут твою девчонку? — спросил Большой Барт.

— Медок, — ответил Пацан.

— И хватит таращиться на мои сиськи, мистер, — сказала Медок, — а то я возьму ремень и всю срань из вас вышибу.

Некоторое время все шло хорошо. В Сифонном Каньоне произошла стычка с индейцами.

37 индейцев убито, один взят в плен. С американской стороны потерь нет. Большой Барт отверзохал пленного индейца, затем нанял его поваром. Другая стычка произошла в Трипаковом Каньоне, 37 индейцев убито, один взят. Американских потерь нет. Большой Барт отверзохал…

Было явно, что Большой Барт заклеился на Медке, аж яйца раскалились. Глаз отвести от нее не мог. Эта жопа, главным образом, дело было в жопе. Один раз, засмотревшись, он свалился с лошади, и повар-индеец заржал. После этого у них остался только один повар-индеец.

Однажды Большой Барт отправил Пацана с охотничьей партией поквитаться с бизоном.

Подождал, пока те отъедут, и направился к фургону Пацана. Вспрыгнул на козлы, раздвинул полог и вошел. Медок сидела на корточках в центре фургона и дрочила.

— Господи, малышка, — сказал Большой Барт, — не сливай попусту!

— Пошел вон отсюда, — ответила Медок, извлекая палец и тыча им в Большого Барта, — пошел отсюда к чертовой матери и не мешай мне делом заниматься!

— Твой парень о тебе не заботится, Медок!

— Заботится он обо мне, жопа с ручкой, мне просто не хватает. Просто после месячных мне еще сильнее хочется.

— Послушай, малышка…

— Отъебись!

— Слушай, малышка, погляди…

И он вытащил свой агрегат. Тот был лилов и дергался вверх и вниз, как гиря от дедовских часов. Капельки молофьи слетали на пол.

Медок не сводила глаз с этого инструмента. Наконец, она вымолвила:

— Ты эту проклятую дрянь в меня не воткнешь!

— Скажи так, как будто тебе этого действительно не хочется, Медок.

— ТЫ В МЕНЯ ЭТУ ПРОКЛЯТУЮ ДРЯНЬ СВОЮ НЕ ВОТКНЕШЬ!

— Но почему? Почему? Только посмотри на него!

— Я и так на него смотрю!

— Так почему ж ты его не хочешь?

— Потому что я люблю Пацана.

— Любишь? — расхохотался Большой Барт. — Любишь? Это сказочки для идиотов! Ты погляди на этого чертова убивца! Да он всякую любовь в любой момент уберет!

— Я люблю Пацана, Большой Барт.

— А еще у меня есть язык, — сказал Большой Барт, — самый лучший на всем Западе!

Он высунул язык и проделал им гимнастику.

— Я люблю Пацана, — твердила Медок.

— Ну так ебись ты в рыло, — сказал Большой Барт, подбежал и с размаху навалился на Медка. Собачья работа — вот так эту дрянь вставлять, а когда он вставил, Медок завопила. Он взрезал ее раз семь и почувствовал, как его грубо от нее отрывают.

ТО БЫЛ ПАЦАН. ВЕРНУЛСЯ С ОХОТЫ.

— Добыли мы тебе бизона, хуй мамин. Теперь, если ты подтянешь штаны, мы выйдем наружу и разберемся с остальным.

— У меня самый быстрый револьвер на Западе, — сказал Большой Барт.

— Я в тебе такую дырку пробуравлю, что задница ноздрей покажется, сказал Пацан. — Пошли,

нечего рассусоливать. Я жрать хочу. Охота на бизонов возбуждает аппетит…

Мужики сидели вокруг костра и наблюдали. В воздухе определенно что-то звенело.

Женщины оставались в фургонах, молились, дрочили и пили джин. У Большого Барта было 34 зарубки на револьвере и плохая память. У Пацана на револьвере зарубок не было вообще. Зато у него было столько уверенности, сколько остальным редко доводилось видеть. Из них двоих Большой Барт, казалось, нервничал больше. Он отхлебнул виски, опустошив пол-фляжки, и подошел к Пацану.

— Послушай, пацан…

— Н-ну, заебанец?…

— Я в том смысле, ты чего распсиховался?

— Я тебе яйца продырявлю, старик!

— За что?

— Ты спутался с моей бабой, старик!

— Слушай, Пацан, ты что, не видишь? Бабы стравливают одного мужика с другим. Мы просто на ее удочку попались.

— Я не хочу это говно от тебя слышать, папаша! Теперь — назад, и берись за пушку! Ты меня понял!

— Пацан…

— Назад и за пушку!

Мужики у костра замерли. С Запада дул легкий ветерок с запахом конского навоза.

Кто-то кашлянул. Женщины затаились в фургонах — пили джин, молились и дрочили.

Надвигались сумерки.

Большой Барт и Пацан стояли в 30 шагах друг от друга.

— Тащи пушку, ссыкло, — сказал Пацан, — тащи, ссыкливый оскорбитель женщин!

Из-за полога фургона тихонько появилась женщина с ружьем. Это была Медок. Она уперла приклад в плечо и прищурилась вдоль ствола.

— Давай, хуила оловянный, — произнес Пацан, — ТАЩИ!

Рука Большого Барта метнулась к кобуре. В сумерках прозвенел выстрел. Медок опустила дымящееся ружье и скрылась в своем фургоне. Пацан валялся на земле с дырой во лбу. Большой Барт спрятал ненужный револьвер в кобуру и зашагал к фургону. Всходила луна.

Кое-что о вьетконговском флаге

Пустыня пеклась под летним солнцем. Рыжий спрыгнул с товарняка, когда тот притормозил возле сортировки. Посрал за какими-то высокими камнями к северу, подтерся листьями. Потом прошел ярдов пятьдесят, присел за другим валуном в тенечке и скрутил сигаретку. Он увидел, как к нему подходят хиппи. Два парня и девка. Они спрыгнули с поезда на сортировке и теперь возвращались.

Один из парней нес флаг Вьетконга. Парни выглядели хилыми и безобидными. У девчонки была славная широкая задница — джинсы ей чуть надвое не раскалывала.

Блондинка, вся в угрях. Рыжий дождался, пока они до него дойдут.

— Хайль Гитлер! — сказал он.

Хиппи засмеялись.

— Куда направляетесь? — спросил Рыжий.

— Мы пытаемся добраться до Денвера. Приехали уже, наверное.

— Что ж, — произнес Рыжий, — придется немного подождать. Мне придется попользоваться вашей девчонкой.

— Это в каком смысле?

— Вы меня слышали.

Рыжий схватил девчонку. Одной рукой — за волосы, другой — за жопу и поцеловал.

Тот из парней, что повыше, похлопал Рыжего по плечу:

— Эй, минуточку…

Рыжий обернулся и свалил парня наземь коротким слева. В живот. Парень остался лежать, хватая ртом воздух. Рыжий взглянул на того, что был с флагом:

— Если не хочешь, чтоб было больно, оставь меня в покое. Пошли, обратился он к девчонке, — вон за те камешки.

— Нет, я этого не сделаю, — ответила девчонка, — я этого не сделаю.

Рыжий вытащил финку и нажал на кнопку. Лезвие прижалось к ее носу, почти вдавило его.

— И как, ты думаешь, ты будешь выглядеть без носа?

Та не ответила.

— Я ведь его отрежу. — Он ухмыльнулся.

— Послушайте, — произнес парень с флагом, — вам это так просто с рук не сойдет.

— Пошли, девчоночка, — сказал Рыжий, подталкивая ее к камням.

Девчонка и Рыжий скрылись из виду. Парень с флагом помог подняться своему другу.

Постояли. Они простояли так несколько минут.

— Он ебет Салли. Что мы можем сделать? Он ебет ее прямо сейчас.

— А что тут сделаешь? Он безумец.

— Мы ведь должны что-то сделать.

— Салли, должно быть, считает нас последним говном.

— Мы и есть последнее говно. Нас двое. Мы могли бы с ним справиться.

— У него нож.

— Не важно. Могли бы отобрать.

— Я чувствую себя проклятым ничтожеством.

— А Салли, думаешь, каково? Он ее ебет.

Они стояли и ждали. Высокого, схлопотавшего в живот, звали Лео. Второго — Дэйл.

Солнце припекало, пока они так стояли и ждали.

— У нас осталось две сигареты, — сказал Дэйл. — Может, покурим?

— Черт возьми, как мы можем курить, когда за камнями такое происходит?

— Ты прав. Боже мой, что они так долго?

— Господи, да не знаю я. Думаешь, он ее убил?

— Я уже начинаю волноваться.

— Может, лучше сходить посмотреть?

— Ладно, только осторожнее.

Лео пошел к камням. Там был пригорок, заросший кустарником. Он заполз на вершинку под прикрытием кустов и заглянул вниз. Рыжий ебал Салли. Лео смотрел.

Казалось, этому не будет конца. Рыжий все пахал и пахал. Лео сполз с пригорка, подошел и встал рядом с Дэйлом.

— Я полагаю, с ней все в порядке, — сказал он.

Они ждали.

Наконец, Рыжий и Салли вынырнули из-за камней. Подошли к ним.

— Спасибо, братья, — сказал Рыжий. — Прекрасный кусочек она у вас.

— Чтоб вы в аду сгнили! — сказал Лео.

Рыжий расхохотался:

— Мир! Мир!.. — Он сложил из пальцев эмблему. — Ну ладно, я, наверное, пойду…

Рыжий наскоро свернул сигаретку, смочив край и улыбаясь при этом. Зажег, затянулся и пошел к северу, держась в тенечке.

— Давай остаток пути проедем стопом, — сказал Дэйл. — Товарняки никуда не годятся.

— Шоссе — к западу, — отозвался Лео. — По-

шли.

Они двинулись на запад.

— Господи, — произнесла Салли, — я едва ноги передвигаю! Он — животное!

Лео с Дэйлом ничего не ответили.

— Только бы не залететь, — сказал Салли.

— Салли, — вымолвил Лео, — мне жаль…

— Ох, заткнись!

Они шли дальше. День склонялся к вечеру, и пустынная жара спадала.

— Ненавижу мужчин! — произнесла Салли.

Из-за куста выскочил дикий кролик, и Лео с Дэйлом отскочили.

— Кролик, — сказал Лео. — Кролик.

— Кролик напугал вас, парни, правда?

— А что, после того, что произошло, мы нервничаем.

— Вы нервничаете? А что обо мне говорить? Слушайте, давайте присядем на минутку.

Я устала.

Им попался участок тени, и Салли уселась между ними.

— Хотя знаете… — промолвила она.

— Что?

— Было неплохо. На строго сексуальной основе, то есть. Он в самом деле в меня вставил. На строго

сексуальной основе это было нечто.

— Что? — переспросил Дэйл.

— Я имею в виду, в моральном смысле я его ненавижу. Сукиного сына следует пристрелить. Собака. Свинья. Но на строго сексуальной основе это было нечто…

Они немного посидели, не издавая ни звука. Потом вытащили две оставшиеся сигареты и выкурили их, передавая друг другу.

— Жалко, что дури не осталось, — сказал Лео.

— Господи, я знала, что так и будет, — произнесла Салли. — Да вас, парни, почти не существует.

— Может, тебе станет лучше, если мы тебя изнасилуем? — спросил Лео.

— Не будь дураком.

— Думаешь, я не смогу тебя изнасиловать?

— Надо было с ним уйти. Вы, парни, — ничтожества.

— Значит, он тебе понравился? — спросил Дэйл.

— Не грузись! — ответила Салли. — Лучше пошли на шоссе голосовать.

— Я тебе могу впендюрить, — сказал Лео, — так, что заплачешь.

— А можно посмотреть? — рассмеявшись, спросил Дэйл.

— Нечего там будет смотреть, — сказала Салли. — Пошли. Шевелитесь.

Они встали и зашагали к трассе. Идти до нее было десять минут. Выбравшись на бетонку, Салли встала и вытянула большой палец. Лео с Дэйлом остались в стороне, чтоб не заметили. Они забыли про вьетконговский флаг. Они оставили его возле сортировочной станции. Он валялся в грязи около железнодорожного полотна. Война продолжалась. Семь рыжих муравьев крупной породы ползли по флагу.

Ты не можешь написать рассказ о любви

Марджи собиралась на свиданку с этим парнем но пути к ней этот парень встретил другого парня в кожаной куртке и парень в кожаной куртке распахнул свою кожаную куртку и показал ее парню свои сиськи поэтому ее парень приехал к Марджи и сказал что на свиданку прийти не сможет потому что парень в кожаной куртке показал ему свои сиськи и он теперь собирается этого парня отъебать. Поэтому Марджи отправилась повидать Карла. Карл был дома, она села и сказала Карлу:

— Этот парень собирался пригласить меня в кафе где столики стоят снаружи и мы собирались пить вино и разговаривать, просто пить вино и разговаривать, вот и все, ничего больше, но по пути сюда этот парень встретил другого парня в кожаной куртке и парень в кожаной куртке показал этому парню свои сиськи и теперь этот парень собирается отъебать парня в кожаной куртке, поэтому ни столика, ни вина, ни разговоров мне не светит.

— Я не могу писать, — промолвил Карл. — Ушло.

Затем он встал и вышел в ванную, закрыл за собой дверь и посрал. Карл ходил срать четыре-пять раз в день. Больше делать было нечего. Он принимал пять-шесть ванн в день. Делать больше нечего было. Напивался он по тем же самым причинам.

Марджи услышала шум воды из бачка. Потом Карл вышел.

— Человек просто не может писать по восемь часов в день. Он даже не может писать каждый день или каждую неделю. Полная засада. Ничего не остается делать — только ждать.

Карл подошел к холодильнику и вернулся с шестериком Мичелоба. Открыл бутылочку.

— Я величайший писатель в мире, — сказал он. — А ты знаешь, как это сложно?

Марджи не ответила.

— Я чувствую, как по мне всему боль ползает. Будто вторая кожа. Хорошо бы ее сбросить, как змее.

— Так ложись на ковер и попробуй.

— Слушай, — спросил он, — а где я с тобой познакомился?

— В забегаловке у Барни.

— Н-да, тогда кое-что ясно. Выпей пива.

Карл открыл бутылку и передал ей.

— Ага, — сказала Марджи, — я знаю. Тебе нужно одиночество. Тебе необходимо быть одному. Только когда тебе хочется или когда мы ругаемся, ты садишься на телефон.

Говоришь, что я тебе нужна. Говоришь, что с бодуна помираешь. Ты быстро слабеешь.

— Я быстро слабею.

— И ты со мной такой скучный, ты никогда не загораешься. Вы, писатели, такие…

драгоценные… вы людей терпеть не можете. Человечество смердит, правильно?

— Правильно.

— Но всякий раз, когда мы ругаемся, ты начинаешь закатывать эти гигантские балехи на четыре дня. И тут ты вдруг становишься остроумным, таким ГОВОРЛИВЫМ!

Ты внезапно полон жизни, болтаешь, танцуешь, поешь. Пляшешь на кофейном столике, швыряешь бутылки в окно, играешь Шекспира целыми актами. Внезапно ты жив — когда меня нет. О, я об этом слышу!

— Мне не нравятся вечеринки. Особенно я не люблю людей на вечеринках.

— Для парня, который не любит вечеринки,

ты определенно закатываешь их больше, чем достаточно.

— Послушай, Марджи, ты не понимаешь. Я больше не могу писать. Сдох. Я где-то не туда свернул. Где-то я умер среди ночи.

— Ты умрешь только одним способом — от одного из своих здоровенных бодунов.

— Джефферс сказал, что даже самые сильные люди попадают в капканы.

— Кто такой Джефферс?

— Мужик, превративший Большой Сюр в ловушку для туристов.

— Что ты собирался делать сегодня вечером?

— Слушать песни Рахманинова.

— А это еще кто?

— Мертвый русский.

— Ты посмотри на себя. Ты просто сидишь.

— Я жду. Некоторые парни ждут по два года. Иногда это так и не возвращается.

— А если никогда не вернется?

— Тогда я просто надену башмаки и спущусь на Главную Улицу.

— Почему ты не устроишься на приличную работу?

— Приличных работ не бывает. Если у писателя не получается жить творчеством, он покойник.

— Ох, да ладно тебе, Карл! У миллиардов людей в мире не получается жить творчеством. Ты хочешь сказать, что они покойники?

— Да.

— А у тебя — душа? Ты — один из немногих, у кого есть душа?

— Похоже, что так.

— Похоже, что так! Ты со своей пишущей машиночкой! Ты со своими крохотными чеками! Да моя бабушка больше тебя зарабатывает!

Карл откупорил следующую бутылку пива.

— Пиво! Пиво! Ты со своим проклятым пивом! Оно даже в рассказах твоих есть!

”Марти поднес ко рту бутылку пива. Он оторвал от нее взгляд, и тут в бар вошла эта крупная блондинка и села рядом с ним…” Ты прав. Ты кончился. Твой материал ограничен, очень ограничен. Ты не можешь написать рассказ о любви, ты не можешь написать приличную любовную историю.

— Ты права, Марджи.

— Если человек не может написать любовную историю, он бесполезен.

— А ты их сколько написала?

— Я не претендую на то, чтоб быть писателем.

— Зато, — произнес Карл, — ты, кажется, ста-

новишься в позу чертовского литературного критика.

Вскоре после этого Марджи ушла. Карл сидел и пил оставшееся пиво. Это правда, умение писать его оставило. Нескольких врагов-подпольщиков осчастливил. Теперь смогут вырасти на одно деление. Смерть их радует, будь они хоть в подполье, хоть сверху. Он вспомнил Эндикотта, как тот сидит и разглагольствует:

— Ну что, Хемингуэя нет, Дос-Пассоса нет, Пэтчена нет, Паунда нет, Берримен с моста прыгнул… все выглядит лучше, лучше и лучше.

Зазвонил телефон. Карл снял трубку.

— Мистер Гэнтлинг?

— Да? — ответил он.

— Мы хотели поинтересоваться, не сможете ли вы почитать в Колледже Фэйрмаунт?

— Ну, смог бы, какого числа?

— Тридцатого, следующего месяца.

— Мне кажется, я тогда ничем не занят.

— Наш обычный гонорар — сто долларов.

— Обычно я получаю сто пятьдесят. Гинзберг получает тысячу.

— Так то Гинзберг. Мы можем предложить только сто.

— Хорошо.

— Прекрасно, мистер Гэнтлинг. Мы пришлем вам подробности письмом.

— Как насчет дороги? Дьявольски далеко к вам добираться.

— Ладно, двадцать пять долларов на дорогу.

— Договорились.

— Вы не согласились бы побеседовать со студентами на занятиях?

— Нет.

— Будет бесплатный обед.

— Принимаю.

— Прекрасно, мистер Гэнтлинг, мы с нетерпением ждем вас на кампусе.

— До свидания.

Карл походил по комнате. Посмотрел на пишущую машинку. Вставил в нее листок бумаги, затем поразглядывал девчонку в изумительно коротенькой мини-юбке, проходившую мимо окна. Потом начал печатать:

”Марджи собиралась на свиданку с этим парнем но пути к ней этот парень встретил другого парня в кожаной куртке и парень в кожаной куртке распахнул свою кожаную куртку и показал ее парню свои сиськи поэтому ее парень приехал к Марджи и сказал что на свиданку прийти не сможет потому что парень в кожаной

куртке показал ему свои сиськи…”

Карл поднес к губам пиво. Хорошо было писать снова.

Помнишь Перл-Харбор?

Нам приходилось прогуливаться во дворе дважды в день — в середине утра и в середине дня. Делать особо было нечего. Люди становились друзьями на основе того, что привело их в тюрьму. Как сказал мой сокамерник Тэйлор, насильники детей и случаи непристойного обнажения находятся в самом низу социального порядка, а крупные мошенники и главари рэкета — на самом верху.

На прогулочном дворе Тэйлор со мной не разговаривал. Он прохаживался взад-вперед со своим крупным мошенником. Я сидел в одиночестве. Некоторые парни сворачивали шаром рубашку и играли в мяч. Казалось, им нравится. Средств развлечения заключенных явно было немного.

Я сидел. Вскоре заметил скучковавшуюся группу. Они играли в кости. Я поднялся и подошел. У меня оставалось немного меньше доллара мелочи. Посмотрел, как несколько раз катнули. Хозяин костей взял несколько конов подряд. Я почувствовал, что его удача на этом кончится и поставил против него. Он обосрался. Я заработал четвертачок.

Всякий раз, когда кому-нибудь начинало везти, я отваливал, пока не прикидывал, что вот сейчас его веревочка разовьется. И тут ставил против него. Я заметил, что остальные мужики ставили на каждый кон. Я же поставил шесть раз и пять из них выиграл. Затем нас загнали обратно в камеры. Я опережал на доллар.

На следующее утро я встрял в игру пораньше и за утро сделал 2.25, а за день — 1.75. Когда игра закончилась, ко мне подошел этот пацан:

— У вас, кажется, ништяк идет, мистер.

Я дал пацану 15 центов. Он ушел вперед. Со мной поравнялся еще один мужик:

— Ты что-нибудь давал этому сукиному сыну?

— Ага. 15 центов.

— Он каждый раз с кона срывает. Не давай ему ничего.

— Я не заметил.

— Точно. Рвет с кона. Своего не упустит.

— Понаблюдаю за ним завтра.

— А кроме этого, он сидит за непристойное обнажение, мать его. Показывал пипиську маленьким девочкам.

— Ага, — ответил я. — Терпеть не могу таких хуесосов.

Пища была паршивой. Как-то вечером после

ужина я упомянул Тэйлору, что выигрываю в кости.

— А знаешь, — сказал он, — ты ведь можешь еду себе здесь покупать, хорошую еду.

— Как?

— Когда гасят свет, приходит повар. Ты получаешь то же, что ест начальник тюрьмы, самое лучшее. Десерт, все дела. Повар хороший. Начальник его здесь поэтому и держит.

— Сколько нам будет стоить пара ужинов?

— Дай ему дайм. Не больше пятнадцати центов.

— И все?

— Если дашь больше, он подумает, что ты осел.

— Ладно. Пятнадцать центов.

Тэйлор договорился. На следующую ночь, когда вырубили свет, мы сидели, ждали повара и давили клопов, одного за другим.

— Этот повар пришил двоих. Клевый сукин сын, но гад порядочный. Грохнул одного, отсидел червонец, откинулся и через два-три дня грохнул второго. Здесь вообще-то пересылка, но начальник держит его тут постоянно, потому что он — хороший повар.

Мы услышали, как кто-то подходит. Повар. Я встал, и он просунул нам пищу. Я отнес ее на стол,

затем вернулся к двери камеры. Действительно здоровый сукин сын, двоих укокошил. Я дал ему 15 центов.

— Спасибо, приятель, мне завтра тоже приходить?

— Каждый вечер.

Мы с Тэйлором сели ужинать. Все лежало на тарелках. Кофе был хорош и горяч, мясо — ростбиф — нежное. Пюре, зеленый горошек, бисквиты, подливка, масло и яблочный пирожок. Я так хорошо не ел лет пять.

— Однажды этот повар моряку в шоколадный цех заехал. Так его отхарил, что тот ходить не мог. Моряка пришлось госпитализировать.

Я набрал полный рот пюре с подливкой.

— Да ты не волнуйся, — успокоил меня Тэйлор. — Ты такой урод, что тебя никому ебать не захочется.

— Я больше беспокоюсь, как бы себе чутка ухватить.

— Ладно, я этих обсосов тебе покажу. Некоторые уже заняты, некоторые нет.

— Жратва хорошая.

— Говна не держим. Тут есть два вида петушни. Те, что сели пидорами, и те, кого в тюрьме опустили. Пятерок никогда не хватает, поэтому

парням приходится лишних себе прихватывать, чтоб потребности удовлетворять.

— Разумно.

— Тюремная петушня обычно слегка с прибабахом, поскольку им по голове сильно стучат. Сначала они ерепенятся.

— Во как?

— Ага. А потом смекают, что лучше быть живым пинчем, чем дохлой целкой.

Мы доели ужин, разошлись по люлькам, посражались с клопами и попробовали заснуть.

Каждый день я продолжал выигрывать в кости. Я начал ставить потяжелее, но все равно выигрывал. Жизнь в тюряге становилась все лучше и лучше. Однажды мне запретили прогулку. Навестить меня пришли два агента ФБР. Они задали несколько вопросов, затем один сказал:

— Мы твое дело изучили. До суда не дойдет. Тебя заберут в призывной центр. Если армия тебя примет, пойдешь в армию. Если отклонит, снова выйдешь на гражданку.

— А мне в тюрьме уже почти понравилось, — сказал я.

— Да, выглядишь ты неплохо.

— Никакого напряга, — ответил я, — за квартиру платить не надо, за коммунальные услуги

тоже, с подружками не ссорюсь, налогов никаких, номера получать не надо, нет талонов на еду, бодунов…

— Поумничай еще, мы тебя живо проучим.

— Ой блядь, — ответил я, — я же пошутил. Чем я не Боб Хоуп?

— Боб Хоуп — хороший американец.

— Я б тоже был хорошим, если б у меня столько же бабок было.

— Мели-мели. Мы тебе покажем, где раки зимуют.

Я промолчал. У одного парня при себе был портфель. Он и поднялся первым. Второй вышел за ним следом.

Нам всем обед дали с собой и затолкали в грузовик. Человек двадцать-двадцать пять. Парни позавтракали лишь полтора часа назад, но уже развернули свои пакетики. Неплохо: бутерброд с колбасой, бутерброд с арахисовым маслом и гнилой банан. Свой обед я отдал парням. Все они сидели очень тихо. Никто не острил. Все смотрели прямо перед собой. Большинство черные или коричневые. И все как один — здоровенные.

Медосмотр я прошел, наступила очередь психиатра.

— Генри Чинаски?

— Да.

— Садитесь.

Я сел.

— Вы верите в войну?

— Нет.

— Вы хотите пойти на войну?

— Да.

Он посмотрел на меня. Я не сводил взгляда со своих ног. Казалось, он погрузился в чтение вороха бумаг на столе. Прошло несколько минут. Четыре, пять, шесть, семь минут. Затем он заговорил:

— Послушайте, у меня в следующую среду будет вечеринка. Приглашены врачи, юристы, художники, писатели, актеры, вот такой народ. Я вижу, что вы — человек интеллигентный. Я хочу, чтобы вы тоже пришли. Придете?

— Нет.

Он начал писать. Он все писал, писал и писал. Откуда он столько про меня знает?

Я сам о себе столько не знаю.

Я не стал ему мешать. Мне было все равно. Теперь, когда на войну я попасть не мог, я войны этой почти желал. Однако, в то же время я радовался, что меня там нет. Врач закончил писать. Я почувствовал, как обвел их вокруг пальца. Про-

тив войны я возражал не потому, что пришлось бы кого-то убивать или подлезть под пулю самому без всякого смысла. Едва ли это имело значение. Я возражал против того, что меня лишали права сидеть в какой-нибудь комнатешке, недоедать, глотать дешевое пойло и сходить с ума по-своему в собственное удовольствие.

Я не хотел, чтобы меня будил по утрам своим горном какой-нибудь чувак. Я не хотел спать в казарме с кучей здоровых сексуально озабоченных любящих футбол перекормленных остроумных дрочливых славнющих перепуганных розовых пердящих залипающих на мамочках скромных играющих в баскетбол американских мальчишек, с которыми придется водить дружбу, напиваться в увольнительных, лежать вместе на спине и слушать десятки несмешных, тупых и грязных шуток. Я не хотел их чесучих одеял, их чесучих обмундирований, их чесучей гуманности. Я не хотел срать с ними в одном месте, ссать с ними в одном месте или делиться с ними одной блядью. Я не хотел видеть их ногти на ногах и читать их письма из дому. Я не хотел разглядывать их подпрыгивающие задницы в одном строю, я не хотел с ними дружить, я не хотел с ними враждовать, я не хотел ни их, ни этого, ничего. Убивать

или быть убитым едва ли имело значение.

После двух часов ожидания на жесткой лавочке в туннеле, буром, как выгребная яма, где дуло холодным сквозняком, меня отпустили, и я вышел наружу, на север.

Остановился купить сигарет. Задержался в первом же баре, сел, заказал скотча с водой, содрал целлофан с пачки, вытащил покурку, зажег, взял стакан в руку, отпил половину, затянулся, поглядел на свою симпатичную физиономию в зеркале.

Странно на свободе. Странно идти, куда пожелаешь.

Прикола ради я встал и зашел в сортир. Поссал. Еще один ужасный сортир в баре:

от вони я чуть не сблевнул. Вышел, засунул монетку в музыкальный автомат, сел и послушал самое новье. Ничем не лучше. Бит есть, а души нет. Перед Моцартом, Бахом и Б они по-прежнему бледнели. Мне будет не хватать костей и хорошей пищи.

Я заказал себе еще выпить. Оглядел бар повнимательней. У стойки сидели пятеро мужиков и ни одной бабы. Я вернулся на американские улицы.

Питтсбуржец Фил и компания

Этот парень Саммерфильд сидел на пособии и сильно закладывал. Довольно тупой, я старался его избегать, но он вечно висел полупьяный в окне. Увидит, как я из дому выхожу, и говорит всегда одно и то же:

— Эй, Хэнк, как насчет взять меня на скачки? — а я всегда отвечаю:

— Как-нибудь в другой раз, Джо, не сегодня.

Так он и продолжал, свесившись из окна полупьяный, пока однажды я не ответил:

— Ну ладно, Христа ради, пошли… — И мы отправились.

Стоял январь, а в Санта-Аните, если вы знаете этот ипподром, может вдруг стать очень холодно, особенно если проигрываешь. И ветер дует со снежных гор, и в кармане голяк, и дрожишь весь, и думаешь о смерти, о черных днях, о том, что нечем платить за квартиру, и обо всем таком. В общем, едва ли приятное местечко для проигрыша. Из Голливуд-Парка, по крайней мере, с загаром вернешься.

И вот мы поехали. По дороге рот у него не закрывался. Он никогда раньше не был на ипподроме.

Мне пришлось растолковать ему, что значит ставить на победителя, на место или на одно из трех первых мест. Он не знал даже, что такое стартовые ворота и Беговая Форма. Когда мы туда добрались, он пользовался моей. Пришлось показывать ему, как ее читать. На входе я заплатил за него и купил ему программку. У него было всего два доллара. На одну ставку хватит.

Перед первым забегом мы с ним постояли, разглядывая теток. Джо сообщил мне, что у него бабы не было пять лет. Выглядел он потрепанно, вылитый неудачник. Мы передавали Форму друг другу, рассматривали теток, и тут Джо спросил:

— А почему 6-я лошадь идет 14 к одному? По мне, так она выглядит лучше всех.

Я попытался ему объяснить, почему лошадь идет 14 к одному относительно других, но он меня не слушал:

— Точно тебе говорю, лучше всех выглядит. Не понимаю. Поставлю на нее.

— Твои два доллара не казенные, Джо, — сказал я, — а когда проиграешь, я тебе занимать не буду.

Лошадь звали Рыжий Чарли; тварь в самом деле выглядела прискорбно. На променад она вышла в четырех повязках. Когда ее увидали,

цена подскочила до 18 к одному.

Я поставил десять на победителя на логичную лошадь, Смелую Латрину поджарую классную кобылку с хорошими результатами, заводным жокеем и вторым ведущим тренером. Я подумал, что 7 к 2 для нее — неплохая цена.

Бежали на милю и одну шестнадцатую. Рыжий Чарли шел 20 к одному, когда лошади вышли из ворот, — а он вышел первым, сразу бросался в глаза со своими повязками, и мальчишка гнал его на четыре корпуса впереди на первом же повороте — должно быть, думал, что бегут на четверть мили. У жокея было всего две победы из сорока посадок, и ясно, почему. На обратном отрезке он опережал уже на шесть корпусов.

По шее Рыжего Чарли бежала пена: чертовски похоже на крем для бритья.

В зените поворота шесть корпусов свелись к трем, и вся стая нагоняла его. На вершине отрезка у Рыжего Чарли форы осталось всего полтора корпуса, и моя лошадь Смелая Латрина равнялась с ним на внешней дорожке. Похоже, что я — в игре. На середине отрезка я уже отставал лишь на шею. Еще рывок — и я прорвусь. Но они так и пришли к финишу. У Рыжего Чарли на финише оставалась его шея. Он оплачивался по 42.80.

— Я так и думал, что он лучше всех выглядит, — сказал Джо и пошел забирать свои деньги.

Вернувшись, он попросил у меня Форму снова. Проглядел всех участников.

— А почему Большой Х 6 к одному? — спросил он. — Он выглядит лучше всех.

— Он может выглядеть лучше всех для тебя, — ответил я, — но по опыту бывалых игроков и лошадников, настоящих профессионалов, он оценивается примерно как 6 к одному.

— Не злись, Хэнк. Я знаю, что ни шиша не знаю об этой игре. Я просто хочу сказать, что на мой взгляд он должен быть фаворитом. Я все равно на него поставлю. Можно даже десять на победителя.

— Это твои деньги, Джо. Тебе просто повезло в первом заезде, игра — не такая уж простая.

Ну что, Большой Х выиграл и оплачивался по 14.40. Джо забегал взад-вперед. Мы почитали Форму в баре, он купил каждому выпить и дал бармену доллар на чай.

Выходя, он подмигнул бармену и сказал:

— Крот Барни — единственный в этом заезде. — Крот Барни был фаворитом 6 к 5, поэтому ничего странного в его заявлении я не нашел. К тому времени, как начался заезд, шансы Крота

Барни сравнялись. Он оплачивался по 4.20, и Джо выиграл свои 20 баксов.

— Вот в этот раз, — сказал он, — они сделали фаворитом правильную лошадь.

Из девяти заездов у Джо было восемь победителей. На обратом пути он сокрушался, как же он проморгал 7-й заезд.

— Синий Грузовик выглядел намного лучше остальных. Не понимаю, как он пришел всего лишь третьим.

— Джо, у тебя вышло 8 из 9. Это удача новичка. Ты и представления не имеешь, какая эта игра сложная.

— По мне, так простая. Выбираешь победителя и забираешь денежки.

Остаток пути я с ним не разговаривал. В тот вечер он постучался ко мне, с собой у него была квинта Дедушки и Беговая Форма. Я помог ему с бутылкой, пока он читал Форму и рассказывал мне, кто победит завтра — все девять — и почему. У нас тут сидел настоящий эксперт. Я-то знаю, как моча людям в голову стукает. Однажды у меня было 17 победителей подряд, и я уже собирался скупать дома на побережье и начинать работорговлю белыми, чтоб оградить свои выигрыши от налогового инспектора. Так вот и сходишь с ума.

Мне не терпелось отвезти Джо на бега на следующий день. Я хотел увидеть его рожу, когда все предсказания обломятся. Лошади — просто животные, они сделаны из плоти. Они могут облажаться. Как сказал один старый игрок: “Есть десятки способов проиграть заезд и только один — выиграть.”

Ладно, в тот день не вышло. У Джо было 7 из 9 — фавориты, те, у кого было мало шансов, средненькие. А он всю дорогу ныл про двух своих неудачников. Он этого не понимал. Я с ним не разговаривал. Сукин сын не ошибался. Но проценты его подставят. Он начал мне тележить, почему я ставлю неправильно, и как надо. Всего два дня на бегах — и он уже эксперт. Я играл уже 20 лет, а он мне говорит, что я свою задницу в упор не вижу.

Мы ездили туда всю неделю, и Джо продолжал выигрывать. Он стал таким невыносимым, что достал меня окончательно. Он купил себе новый костюм и шляпу, новую рубашку и стал курить сигары по 50 центов. Людям из собеса он сказал, что стал частным предпринимателем, и что их деньги ему больше не нужны. Джо спятил.

Отрастил усы, купил наручные часы и дорогое кольцо. В следующий вторник я увидел, как он поехал на скачки в собственной машине — чер-

ный кадиллак 69-го года. Он помахал мне изнутри и стряхнул пепел с сигары. В тот день на бегах я с ним не разговаривал. Он сидел в клубе. Когда он постучался ко мне в тот вечер, с ним была обычная квинта Дедушки и высокая блондинка. Молодая, хорошо одетая, ухоженная — у нее были и форма, и лицо. Вошли они вместе.

— Что это за бичара? — спросила она у Джо.

— Это мой старый кореш Хэнк, — представил он ей меня. — Я знал его раньше. Когда был беден. Однажды он взял меня на бега.

— А у него что, своей старухи нет?

— У старины Хэнка бабы не было с 1965 года. Слушай, давай сведем его с Большой Герти?

— Ох, черт возьми, Джо, Большая Герти на него не клюнет! Смотри, он же одет, как тряпичник.

— Помилосердуй, крошка, он же мой кореш. Я знаю, что на много мы не выглядим, но мы начинали вместе. Я сентиментален.

— Ну а Большая Герти не сентиментальна, она любит класс.

— Слушай, Джо, — сказал я, — на фиг баб. Садись, бери Форму и давай пропустим вместе по чуть-чуть, а ты расскажешь мне, кто завтра выиграет.

Джо так и сделал. Мы выпили и всех вычис-

лили. Он записал мне имена девяти лошадей на клочке бумаги. Его баба, Большая Тельма… н-да, Большая Тельма просто смотрела на меня так, будто я был собачьей какашкой на чьем-то газоне.

Те девять лошадок на следующий день подошли к восьми забегам. Одна оплачивалась по 62.60. Я ничего не понимал. В тот вечер Джо зашел ко мне с новой телкой. Она выглядела еще лучше. Он сел, держа бутылку и Форму, и записал мне еще девять лошадей.

Затем сказал:

— Послушай, Хэнк, мне надо съезжать. Я нашел себе славную люксовую квартирку сразу возле ипподрома. Достало уже ездить туда-сюда. Пошли, крошка. Мы еще увидимся, парень.

Я знал, что это все. Мой кореш меня посылал подальше. На следующий день я ставил на этих девять по-тяжелой. Получилось семь раз. Я просмотрел Форму еще раз, когда приехал домой, пытаясь сообразить, почему он выбрал именно этих лошадей, но явной причины, мне показалось, не существовало. Некоторые верняки были поистине загадочны.

Весь остаток сезона мы с Джо не встречались, если не считать одного раза. Я увидел, как он

заходит в клуб с двумя тетками. Джо растолстел и смеялся. На нем был костюм за две сотни долларов, а на пальце — кольцо с брильянтом. Я же в тот день проиграл все девять заездов.

Это случилось два года спустя. Я сидел в Голливуд-Парке, а день был особенно жарок, четверг, и на 6-м заезде мне случилось оторвать победителя по 26.80.

Отходя от окошечка кассы, я услышал за спиной его голос:

— Эй, Хэнк! Хэнк!

Это был Джо.

— Господи, старик, — сказал он, — как же я рад тебя видеть!

— Привет, Джо…

На нем до сих пор был тот самый костюм за две сотни долларов — по такой-то жаре.

Все остальные вокруг бродили в рубашечках с коротким рукавом. Небрит, башмаки стоптаны, а сам костюм измят и грязен. Брильянта уже не было, часов на руке — тоже.

— Дай покурить, Хэнк.

Я дал ему сигарету, и когда он ее зажег, я заметил, что руки у него трясутся.

— Мне нужно выпить чего-нибудь, старик, — сказал он мне.

Я отвел его в бар, и мы пропустили по парочке вискача. Джо разглядывал Форму.

— Слушай, старик, я тебя на многих победителей навел, так?

— Конечно, Джо.

Мы стояли и смотрели в Форму.

— Прикинь теперь этот забег, — сказал Джо. — Посмотри на Черную Обезьянку. Она у нас поскачет, Хэнк. Верняк. К тому же при 8 к одному.

— Тебе нравятся ее шансы, Джо?

— Точно тебе говорю, старик. Как не фиг делать выиграет.

Мы оба поставили на Черную Обезьянку и пошли смотреть забег. Она пришла к финишу глубокой седьмой.

— Ничего не понимаю, — сказал Джо. — Слушай, одолжи мне еще два бакса, Хэнк. Зов Сирены будет в следующем, он не может проиграть. Никак не может.

Зов Сирены действительно не проиграл — вышел пятым, но это не сильно-то помогает, когда ставишь по носам. Джо развел меня еще на два доллара на 9-й заезд, его лошадь и там облажалась. Джо сказал мне, что машины у него нет, поэтому не соглашусь ли я подвезти его домой?

— Ты не поверишь, — сказал он мне, — но я

снова на пособии.

— Я тебе верю, Джо.

— Тем не менее, я выскочу. Знаешь, Питтсбургский Фил тонул десятки раз. И всегда выныривал. Его друзья в него верили. Денег одалживали.

Когда я его высаживал, то обнаружил, что живет он в старых меблирашках примерно в четырех кварталах от меня. Я ведь так и не переехал. Выходя из машины, Джо сказал:

— Завтра просто дьявольская масть повалит. Ты едешь?

— Не уверен, Джо.

— Дай мне знать, если соберешься.

— Конечно, Джо.

В тот вечер я услышал стук в свою дверь. Я знал стук Джо. Не ответил. У меня орал телевизор, но я не ответил. Я просто очень тихо лежал на постели. Он стучал, не переставая.

— Хэнк! Хэнк!Ты дома? ЭЙ, ХЭНК!

Потом он просто забарабанил в дверь, сукин сын. Просто неистовствовал. Все колотил и колотил. Наконец, остановился. Я услышал, как он уходит по коридору.

Хлопнула входная дверь. Я встал, выключил телик, сходил к холодильнику и сделал себе бутерброд с сыром и ветчиной, открыл бутылку

пива. С ними в руках сел, разрезал завтрашнюю Форму и стал изучать первый заезд: пятитысячная скачка-распродажа жеребчиков и меринов от трех лет и старше. Мне понравился номер 8. В Форме он шел как 5 к одному. Поставлю на такого в любое время.

Доктор наци

Так, я — человек, обуянный проблемами, и полагаю, что большинство их создаю я сам. В смысле, с бабами, с игрой, с враждебностью к разным группам людей, и чем крупнее группа, тем больше враждебности. Меня называют негативным, а также мрачным и угрюмым.

Я никак не могу забыть тетку, оравшую на меня:

— Ты так чертовски негативен! Жизнь может быть прекрасна!

Может, и может, а особенно — если чуть поменьше орать. Но я хочу рассказать вам о своем докторе. Обычно я не хожу к психушникам. Всем психушникам грош цена, они слишком довольны жизнью. Наоборот, хорошего врача зачастую самого тошнит от жизни или у него не все дома, а оттого он гораздо более забавен.

Я пошел к доктору Кипенхауэру потому, что его приемная находилась ближе всех. На руках у меня высыпали маленькие белые прыщики — признак того, насколько я чувствовал, что либо меня по-настоящему бьет мандраж, либо у меня начинается рак. Я носил нитяные рабочие

перчатки, чтобы люди не глазели. И постоянно их прожигал, выкуривая по две пачки в день.

Зашел я к доктору. Мне назначили первую встречу. Будучи человеком обеспокоенным, я приперся на полчаса раньше, все время размышляя о раке. Прошел через приемную и заглянул в кабинет. Сестра-секретарша сидела там на корточках в своем узеньком белом халатике, задранном аж до самых ляжек, грубых и громоносных, проглядывавших сквозь туго натянутый нейлон. Я немедленно забыл про рак. Она меня не слышала, а я не мог оторваться от ее неприкрытых ног и бедер, примеривался глазами к аппетитному крупу. Она подтирала воду на полу, забился унитаз, и она ругалась, страстная, розовая и смуглая, и живая, и неприкрытая, и я все смотрел и смотрел.

Она подняла голову:

— Да?

— Продолжайте, — ответил я, — не обращайте на меня внимания.

— Туалет, — сказала она. — Постоянно забивается.

Она продолжала подтирать. Я продолжал таращиться на нее поверх журнала Лайф.

Наконец, она встала. Я подошел к кушетке и

сел. Она пробежалась по журналу регистрации.

— Вы мистер Чинаски?

— Да.

— А почему вы не снимете перчатки? Здесь тепло.

— Я лучше не буду, если не возражаете.

— Доктор Кипенхауэр скоро придет.

— Хорошо, я подожду.

— Что с вами?

— Рак.

— Рак?

— Да.

Медсестра исчезла, а я прочел номер Лайфа, потом — еще один номер Лайфа, затем номер Спортс Иллюстрейтед, затем сидел и смотрел на развешанные морские и земные пейзажи, а откуда-то сочилась консервированная музыка. Вдруг свет мигнул, потом снова зажегся: интересно, подумал я, а можно ли будет как-нибудь изнасиловать медсестру, и сойдет ли мне это с рук, — и тут вошел врач. Я не обратил внимания на него, он не обратил внимания на меня, поэтому мы были квиты.

Меня пригласили в кабинет. Он сидел на табурете и смотрел на меня. У него было желтое лицо, желтые волосы, тусклые глаза. Он умирал. Ему

было года 42. Я ощупал его глазами и дал где-то полгода жизни.

— Зачем перчатки? — спросил он.

— Я чувствительный человек, доктор.

— Неужели?

— Да.

— Тогда я должен вам сообщить, что я когда-то был нацистом.

— Это ничего.

— Вас не беспокоит то, что я когда-то был нацистом?

— Нет, не беспокоит.

— Меня поймали. Нас провезли через всю Францию в товарном вагоне с открытыми дверями, а люди стояли вдоль путей и швыряли в нас бомбы-вонючки, камни и всякий мусор — рыбьи кости, засохшие цветы, экскременты, все самое невообразимое.

Затем доктор сел и рассказал мне о своей жене. Она пыталась его освежевать.

Настоящая тварь. Пыталась забрать все его деньги. Дом. Сад. Домик в саду. И, вполне возможно, садовника тоже, если уже этого не сделала. И машину. И алименты. Плюс крупный шмат налички. Кошмарная женщина. Он так много работал.

Пятьдесят пациентов в день по десятке с головы. Почти невозможно прожить. Да еще эта женщина. Женщины. Да, женщины. Он разложил мне это слово по полочкам. Я забыл, что это было — “женщина” или “фемина”, — но он разобрал его по-латыни, а потом залез оттуда еще глубже, чтобы только показать мне, какой у этого слова корень, по-латыни: выходило, что женщины в основе своей безумны.

Пока доктор распространялся о безумии женщин, мне он начал нравиться. Голова моя покачивалась в согласии с ним.

Неожиданно он приказал мне подойти к весам, взвесил меня, послушал сердце и грудь. Грубо снял с меня перчатки, промыл мне руки в каком-то говне и вскрыл прыщики бритвой, по-прежнему разглагольствуя о злобе и мстительности, которые каждая женщина носит в своем сердце. В железах прямо. Женщин направляют их железы, а мужчин — сердца. Именно поэтому страдают только мужчины.

Он велел мне регулярно мыть руки и выкинуть перчатки к чертовой матери. Еще немного поговорил о женщинах, о своей жене, а потом я ушел.

Моей следующей проблемой были припадки

дурноты. Но нападали они на меня, только когда я стоял в очередях. Когда я стоял в очереди, меня охватывал ужас. Это было невыносимо.

Я осознал, что в Америке и, возможно, во всех остальных местах все сводится к стоянию в очереди. Мы делаем это везде. Водительские права: три или четыре очереди. Ипподром: очереди. Кино: очереди. Рынок: очереди. Я ненавидел очереди.

Я чувствовал, что должен быть какой-то способ их избежать. Ответ на меня снизошел. Побольше служащих. Да, вот ответ. По двое на каждого человека. По трое. Пусть служащие стоят в очереди.

Я знал, что очереди меня убивают. Я не мог их принять, но с ними мирились все остальные. Все остальные были нормальными. Для них и жизнь прекрасна. Они могли стоять в очереди и не чувствовать боли. Они могли стоять в очереди вечно. Им даже нравилось стоять в очереди. Они болтали, ухмылялись, улыбались и флиртовали друг с другом. Им больше нечего было делать. Они не могли придумать, чем бы еще заняться. А я вынужден был смотреть на их уши, рты, шеи, ноги, жопы и ноздри — на всю эту срань. Я чувствовал, как из их тел, как смог, сочатся смертельные лучи, а слушая их разговоры, мне хотелось орать:

— Господи Боже мой, помогите же мне кто-нибудь! Неужели я должен так страдать всего лишь за то, чтобы купить фунт гамбургеров и полбулки ржаного хлеба?

Дурнота подступала, и я пошире расставлял ноги, чтобы не упасть; супермаркет начинал вихрем кружиться у меня перед глазами вместе с лицами приказчиков, с их золотистыми и коричневыми усиками и умными счастливыми глазенками, все они собирались стать когда-нибудь менеджерами супермаркетов, с их добела отчищенными довольными рожами, купят себе дома в Аркадии и еженощно будут оседлывать своих бледных блондинистых благодарных женушек.

Я снова записался на прием. Мне назначили первую встречу. Я прибыл на полчаса раньше, а туалет работал исправно. Медсестра вытирала пыль в приемной. Она нагибалась и распрямлялась, и сгибалась не до конца, и затем направо, и налево, и поворачивала ко мне свою задницу, и сгибалась опять. Белая форма ежилась и вздергивалась, забиралась выше, поднималась: вот колено в ямочках, вот бедро, вот ляжка, вот все тело. Я сел и открыл номер Лайфа.

Она перестала вытирать пыль и повернула ко мне голову, улыбнулась:

— Вы избавились от перчаток, мистер Чинаски.

— Да.

Вошел доктор: похоже, он был чуточку ближе к смерти. Он кивнул мне, я встал и вошел за ним в кабинет.

Он сел на свою табуретку.

— Чинаски. Как дела?

— Ну, доктор…

— Не ладится с женщинами?

— Разумеется, но…

Он не дал мне закончить. Волос у него стало еще меньше. Пальцы подергивались.

Казалось, он задыхается. Похудел. Отчаявшийся человек.

Его жена с него сдирала шкуру. Они обратились в суд. В суде она дала ему пощечину. Ему это понравилось. И делу помогло. Они разглядели в ней суку. Как бы то ни было, вышло все не слишком паршиво. Она ему кое-что оставила. Конечно, вы знаете, какие у адвокатов гонорары. Сволочи. Видели когда-нибудь адвоката? Почти всегда жирные. Особенно рожи.

— В любом случае, черт, она меня развела. Но чуть-чуть мне осталось. Хотите знать, сколько вот такие ножницы стоят? Посмотрите. Жестяные с

винтиком посередине. 18.50. Господи боже мой, а еще нацистов ненавидели. Да что такое быть нацистом по сравнению с этим?

— Не знаю, доктор. Я говорил вам, что я в смятении.

— Пытались обращаться к психоаналитикам?

— Бестолку. Они тупые, никакого воображения. Мне психоаналитики не нужны. Я слышал, они заканчивают тем, что сексуально злоупотребляют своими пациентками.

Мне б хотелось быть психоаналитиком, если б я мог выебать всех женщин; а если не считать этого, их профессия бесполезна.

Мой врач сгорбился на табуретке. Он еще больше пожелтел и поседел. Все его тело корежило. Ему почти пришли кранты. Хотя приятный парень.

— Ну вот, я избавился от своей жены, — сказал он. — Все кончено.

— Прекрасно, — ответил я, — расскажите мне о том, как вы были нацистом.

— Что ж, выбора у нас не было. Нас всех просто загребли. Я был молод. То есть, черт возьми, а что было делать? Зараз ведь можно жить только в одной стране.

Поэтому идешь на войну, и если не сдохнешь,

то окажешься в товарном вагоне, и в тебя будут швырять всякое говно…

Я спросил его, трахнул ли он свою славную медсестру. Он деликатно улыбнулся.

Улыбка говорила: да. Затем рассказал мне, что после своего развода он назначил свидание одной пациентке, зная, что неэтично так обращаться с пациентками…

— Да нет, я думаю, все в порядке, доктор.

— Очень интеллигентная женщина. Я женился на ней.

— Та-ак.

— Теперь я счастлив… но…

И он развел руками…

Я рассказал ему о своей боязни очередей. Он прописал мне Либриум.

Затем у меня на заднице появился рассадник прыщей. Я агонизировал. Меня связали кожаными ремнями, эти ребята с тобой могут сделать все, что захотят, дали местный наркоз и перетянули всю задницу. Я повернул голову, посмотрел на своего врача и спросил:

— А если я передумаю?

На меня сверху вниз глядели три физиономии. Его и еще двух. Он будет резать. Она подавать тампоны. Третья — совать в меня иголки.

— Вы не можете передумать, — ответил врач, потер ладони, ухмыльнулся и приступил…

В последний раз я видел его по поводу серы в ушах. Я видел, как шевелятся его губы, пытался понять, но ничего не слышал. По глазам и лицу я определил, что для него снова наступили черные дни, и кивнул в ответ.

Было тепло. У меня немного кружилась голова, и я подумал: ну да, прекрасный он парень, но почему он не выслушает о моих несчастьях, так нечестно, у меня тоже есть проблемы, к тому же я должен ему платить.

В конце концов, мой врач сообразил, что я оглох. Он вытащил что-то похожее на огнетушитель и засунул мне в ухо. Позже показал мне огромные куски серы… дело было в сере, объяснил он. И показал мне их в ведре. Они правда были похожи на пережаренную фасоль.

Я встал со стола, заплатил ему и ушел. Я по-прежнему ни черта не слышал. Мне было в особенности ни плохо, ни хорошо, и я думал, какой недуг, интересно, я принесу ему в следующий раз, что он с ним сделает, что он будет делать со своей 17-летней дочерью, влюбленной в другую женщину и собиравшейся выходить за нее замуж, и мне пришло в голову, что абсолютно

все непрерывно страдают, включая тех, кто делает вид, что это не так. Мне показалось, что это нехилое открытие. Я посмотрел на мальчишку-газетчика и подумал, хмммм, хмммм, посмотрел на шедшего за ним и подумал, хмммм, хмммм, хмммммм, а у светофора возле больницы из-за угла вывернула новая черная машина и сбила хорошенькую девчушку в синем мини-платьице, светлые волосы, синие ленты, и она сидела на мостовой на солнцепеке, и алое текло у нее из носа.

Христос на роликах

То был маленький кабинетик на третьем этаже старого здания недалеко от трущоб.

Джо Мэйсон, президент “Мира Роликов, Инк.”, сидел за обшарпанным столом, арендованным вместе с кабинетом. Сверху и по бокам на нем были высечены надписи:

”Рожденный умереть”. “Некоторые покупают то, за что других вешают”. “Суп-говно”.

”Ненавижу любовь больше, чем люблю ненависть”.

Вице-президент Клиффорд Андервуд сидел на единственном оставшемся стуле. На столе стоял один телефон. Кабинет провонялся мочой, хотя комната отдыха находилась в 45 футах дальше по коридору. Еще было окно, выходившее в тупик на задворках, толстое желтое стекло впускало тусклый свет. Оба мужчины курили сигареты и ждали.

— Когда ты ему велел? — спросил Андервуд.

— В 9.30, — ответил Мэйсон.

— Неважно.

Они ждали. Еще восемь минут. Зажгли себе еще по одной сигарете. В дверь постучали.

— Заходи, — произнес Мэйсон. То был Монстр Чоняцки, бородатый, шести футов с гаком и 392 фунта весом. Чоняцки смердел. Начинался дождь. Слышно было, как под окном грохочет грузовой фургон. На самом деле — 24 фургона направлялись на север, груженые товаром. Чоняцки по-прежнему смердел. Он был звездой "Желтых Курток", один из лучших роликовых конькобежцев по любую сторону Миссисспи — на 25 ярдов по любую сторону.

— Садись, — произнес Мэйсон.

— Стула нет, — ответил Чоняцки.

— Дай ему стул, Клифф.

Вице-президент медленно поднялся, всем своим видом показывая, что вот-вот перднет, не перднул, подошел и оперся на ливень, хлеставший в толстое желтое стекло. Чоняцки опустил обе свои ягодицы, достал и закурил "Пэлл-Мэлл". Без фильтра. Мэйсон перегнулся через стол:

— Ты невежественный сукин сын.

— Минуточку, чувак!

— Ты хочешь героем стать, не так ли, сынок? Тебя возбуждает, когда малявки без единого волосика на письках вопят твое имя? Тебе нравится старые добрые красно-бело-синие? И ванильное мороженое? И свой чирышек ты по-прежнему

вручную отбиваешь, говнюк?

— Послушай, Мэйсон…

— Заткнись! Триста в неделю! Триста в неделю я тебе плачу! Когда я тебя в том баре подобрал, тебе на следующий стакан не хватало… с белой горячкой, жрал суп из свинячьих голов с капустой! Да ты шнурки на коньках завязать не мог! Я сделал тебя, говнюк, из ничего, и превращу тебя обратно в ничто как нечего делать! Для тебя я — Господь Бог. Причем, такой Господь Бог, который грешков твоих уебищных прощать не собирается!

Мэйсон прикрыл глаза и откинулся на спинку вращающегося стула. Затянулся; соринка горячего пепла упала ему на нижнюю губу, но он был слишком зол и наплевал на боль. Пусть жжет. Когда жечь перестало, он глаз не открыл, а прислушался к ливню. Обычно ему нравилось слушать дождь. Особенно когда сидишь где-нибудь внутри, за квартиру уплачено, и никакая баба мозги не ест. Но сегодня дождь не помогал. Он не только ощущал вонь Чоняцки, но и чувствовал его перед собой. Чоняцки был хуже поноса. Чоняцки был хуже мандавошек. Мэйсон открыл глаза, выпрямился и посмотрел на него. Господи, чего только не вытерпишь, чтоб в живых остаться.

— Малыш, — мягко произнес он, — вчера ты сломал два ребра Сонни Велборну. Ты меня слышишь?

— Послушай… — начал было Чоняцки.

— Не одно ребро. Нет, не просто одно ребро. Два. Два ребра. Слышишь меня?

— Но…

— Слушай, говнюк! Два ребра! Ты меня слышишь? Слышишь меня или нет?

— Я тебя слышу.

Мэйсон затушил сигарету, встал и подошел к стулу Чоняцки. Можно было бы сказать, что Чоняцки хорошо выглядел. Можно было бы сказать, что он симпатичный пацан.

Вот про Мэйсона так сказать было невозможно. Мэйсон был стар. Сорок девять.

Почти лысый. Покатые плечи. В разводе. Четверо сыновей. Из них двое в тюрьме.

Дождь не переставал. Будет лить еще почти два дня и три ночи. Река Лос-Анжелес вся взволнуется и сделает вид, что она настоящая река.

— Встань! — приказал Мэйсон.

Чоняцки поднялся. Стоило ему распрямиться, как Мэйсон утопил свою левую у него брюхе, а когда голова того поникла, он ее быстро поставил на место коротким ударом справа. Только тогда

ему полегчало. Как чашка Овальтина январским утром, когда жопа отмерзает. Он обошел стол и снова уселся. На этот раз он не стал зажигать сигарету. Он зажег 15-центовую сигару. Свою послеобеденную сигару он зажег до обеда. Вот насколько ему получшело. Напряжение. Нельзя, чтоб такое говно внутри накапливалось. Его бывший шурин умер от прободения язвы. Только потому, что не умел выпускать пар.

Чоняцки снова сел. Мэйсон посмотрел на него.

— Это, малыш, — бизнес, а не спорт. Мы не разделяем мнения, что людей нужно калечить, я понятно изъясняюсь?

Чоняцки просто сидел и слушал шум дождя. Думал о то, заведется ли машина. У него всегда проблемы с зажиганием, когда идет дождь. А так хорошая машина.

— Я спросил тебя, малыш, понятно ли я выразился?

— О, да, да…

— Два сломанных ребра. Два ребра у Сонни Велборна испорчено. Наш лучший игрок.

— Постой! Он же играет за “Грифов”. Велборн играет за “Грифов”. Как он может быть твоим лучшим игроком?

— Осел! Мы — хозяева “Грифов”!

— Вы — хозяева “Грифов”?

— Да, олух. А также “Ангелов”, “Койотов”, “Людоедов” и всех остальных чертовых команд в этой лиге, все они — наша собственность, все эти мальчишки…

— Господи Иисусе…

— Нет, не Господи. Господь к этому никакого отношения не имеет! Но постой, ты подкинул мне идею, лопух.

Мэйсон развернулся на стуле к Андервуду, который по-прежнему опирался на дождь за окном.

— Тут есть о чем подумать, — сказал он.

— А? — ответил Андервуд.

— Отцепи голову от своей елды, Клифф. Пораскинь мозгами.

— О чем?

— Христос на роликах. Бесчисленные возможности.

— Ага, ага. Дьявола тоже можно сюда подписать.

— Это хорошо. Да, и дьявола тоже.

— Мы даже крест включить можем.

— Крест? Не-е, это слишком похабно.

Мэйсон развернулся к Чоняцки. Чоняцки до сих пор сидел перед ним. Его это не удивило. Если б вместо него на стуле сидела обезьяна, он бы тоже

не удивился.

Мэйсон слишком долго тут варился. Но там сидела не обезьяна, там сидел Чоняцки.

С Чоняцки надо было поговорить. Обязанности, одни обязанности… и все ради того, чтобы платить за квартиру, время от времени хватать кусочек жопки и быть похороненным на сельском кладбище. У собак — блохи, у людей хлопоты.

— Чоняцки, — произнес он, — позволь мне кое-что тебе объяснить. Ты меня слушаешь? Ты способен меня выслушать?

— Я слушаю.

— У нас тут бизнес. Мы работаем по пять вечеров в неделю. Нас показывают по телевизору. Мы кормим семьи. Мы платим налоги. Мы голосуем. Нас штрафуют злоебучие менты так же, как и всех остальных. У нас болят зубы, бывают бессонница и сифак. Нам приходится терпеть Рождество и Новый Год так же, как и другим, ты понял?

— Да.

— У нас даже — у некоторых из нас — бывают иногда депрессии. Мы — тоже люди.

Даже на меня иногда депрессняк накатывает. Иногда мне хочется поплакать ночью. И мне дьявольски хотелось расплакаться вчера вечером,

когда ты сломал два ребра Велборну…

— Он меня в угол зажал, мистер Мэйсон!

— Чоняцки, да Велборн и волоска бы не вырвал из левой подмышки твоей бабушки. Он читает Сократа, Роберта Дункана и У.Х.Одена. Он в лиге уже пять лет, и за эти годы весь физический ущерб, который он кому-либо нанес, не оставил бы и синяка на мотыльке, который регулярно летает в церковь…

— Он на меня наезжал, замахивался, он орал…

— Ох, Господи, — тихо выдохнул Мэйсон. Он опустил сигару в пепельницу. — Сынок, я тебе уже сказал. Мы — семья, большая семья. Мы не калечим друг друга. У нас — лучшая недоразвитая аудитория во всем спорте. Мы собираем самое здоровое племя кретинов на земле, и они складывают свои денежки прямо нам в карманы, сечешь? Мы отвлекаем высококлассного идиота от профессиональной борьбы, сериала Я Люблю Люси и Джорджа Путнэма. Мы играем по-крупному и не верим ни в злобу, ни в насилие. Правильно, Клифф?

— Правильно, — отозвался Андервуд.

— Давай покажем ему рекламу, — сказал Мэйсон.

— Давай, — ответил Андервуд.

Мэйсон встал из-за стола и двинулся на Андервуда.

— Ты, сукин сын, — сказал он. — Я тебя прикончу. Твоя мать глотает собственную вонь из жопы, и у нее мочеиспускательный тракт весь в сифилисе.

— А твоя мать жрет маринованное кошачье дерьмо, — сказал Андервуд.

Он отлип от окна и пошел на Мэйсона. Мэйсон замахнулся первым. Андервуд отшатнулся и ударился о стол.

Левой Мэйсон захватил шею Андервуда, а кулаком правой лупил его по башке.

— У твоей сестры сиськи с жопы болтаются и в унитазе полощутся, когда она срет, — сообщил Мэйсон Андервуду. Андервуд отогнул одну руку назад и перекинул Мэйсона через голову. Мэйсон с грохотом шарахнулся о стену. Потом поднялся, подошел к столу, сел на вращающийся стул, взял из пепельницы сигару и затянулся. Дождь не переставал. Андервуд вернулся к окну и оперся на стекло.

— Когда человек работает пять вечеров в неделю, он не может себе позволить никаких травм, понимаешь, Чоняцки?

— Да, сэр.

— Теперь смотри, сынок, у нас тут есть общее правило — вот такое… Ты слушаешь?

— Да.

— …Вот такое правило: стоит кому-нибудь в лиге покалечить другого игрока, он вылетает с работы, вылетает из лиги, фактически, молва о нем расходится — и он в черном списке на каждом роликовом дерби в Америке. А может даже и в России, Китае и Польше. Ты зарубил это себе на носу?

— Да.

— Сейчас мы это тебе спускаем с рук, потому что потратили много времени и денег на твою накачку. Ты — Марк Спитц нашей лиги, но мы можем тебя вышибить точно так же, как вышибли его, если не будешь делать только то, что мы тебе говорим.

— Да, сэр.

— Но это не значит, чтоб ты притих. Ты должен действовать жестоко, но не быть жестоким, врубаешься? Фокус с зеркалом, кролик из шляпы, целая тонна лапши на ушах. Они обожают, когда их дурачат. Правды они не знают, правды они даже не хотят, они от правды несчастны. А мы делаем их счастливыми. Мы ездим на новых машинах и отправляем своих детишек в колледжи,

правильно?

— Правильно.

— Ладно, теперь пошел отсюда на хуй.

Чоняцки поднялся было уходить.

— И вот еще что, мальчонка…

— Ну?

— Мойся в ванне хотя бы время от времени.

— Че?

— Ладно, дело, может, не в этом. Ты достаточно туалетной бумаги берешь, когда жопу вытираешь?

— Не знаю. А достаточно — это сколько?

— А мама тебе разве не говорила?

— Че?

— Что нужно подтираться, пока на бумаге видно ничего не будет.

Чоняцки просто стоял и таращился на него.

— Ладно, теперь можешь идти. И помни, пожалуйста, обо всем, что я тебе тут сказал.

Чоняцки вышел. Андервуд подошел и плюхнулся на освободившийся стул. Вытащил свою послеобеденную 15-центовую сигару и тоже зажег ее. Мужчины сидели так минут пять, ничего не говоря. Потом зазвонил телефон. Мэйсон поднял трубку. Послушал, затем сказал:

— О, отряд бойскаутов номер 763? Сколько?

Конечно-конечно, мы пропустим их за полцены. В воскресенье вечером. Отгородим секцию веревками. Конечно-конечно. О, все в порядке… — Он повесил трубку.

— Остолопы, — произнес он.

Андервуд не ответил. Они сидели и слушали дождь. Дым от их сигар рисовал интересные орнаменты в воздухе. Они сидели, курили, слушали дождь и рассматривали орнаменты в воздухе. Телефон зазвонил снова, и Мэйсон скривился.

Андервуд поднялся со стула, подошел и снял трубку. Была его очередь.

Красноносый экспедитор

Когда я впервые повстречался с Рэндаллом Харрисом, ему было 42, и он жил с седой теткой, некоей Марджи Томпсон. Марджи было 45, не красавица. Я в то время редактировал журнальчик Безумная Муха и пришел к Рэндаллу, пытаясь выцыганить у него кое-какой материал.

Рэндалла знали как изоляциониста, пьянь, хама и озлобленного человека, но стихи у него были грубы, грубы и честны, прости и свирепы. Они писал как никто другой в то время. Работал он экспедитором на складе автомобильных запчастей.

Я сидел напротив Рэндалла и Марджи. 7.15 вечера, а Харрис уже весь пропитался пивом. Он поставил бутылку передо мной. О Марджи Томпсон я слыхал. Во время оно была коммунисткой, спасала мир, делала добро. Все недоумевали, что она делала рядом с Рэндаллом, которому на все было плевать, и он этого не скрывал.

— Мне нравится фотографировать всякое говно, — сказал он мне, — вот мое искуство.

Рэндалл начал писать в 38 лет. В 42, после трех маленьких брошюрок (Смерть — Собака Грязнее,

Чем Моя Отчизна; Моя Мать Еблась С Ангелом и Охуевшие Кони Безумья) он начал зарабатывать себе то, что можно назвать признанием критики. Но на своем творчестве он ничего не зарабатывал и говорил:

— Я всего-навсего экспедитор с темно-синей тоской. — Он жил вместе с Марджи в одном из передних дворов Голливуда и блажил, по-настоящему блажил.

— Мне просто не нравятся люди, — говорил он. — Знаешь, Уилл Роджерс как-то сказал: “Я ни разу не встречал человека, который бы мне не понравился”. Так вот, я ни разу не встречал человека, который бы мне понравился.

Но у Рэндалла было чувство юмора, была способность смеяться над болью и над самим собой. Он нравился. Урод со здоровенной башкой и раскуроченной физиономией — только нос, кажется, избежал общей участи.

— У меня в носу не хватает кости, он как резиновый, — объяснял он. Нос у него был очень длинный и красный.

Я слышал много историй про Рэндалла. Он был подвержен приступам битья стекол и разбивания бутылок о стены. Мерзкий алкаш, каких мало. К тому же, у него бывали периоды, когда он не

подходил к двери и не отвечал на телефон. У него не было телевизора — только радио, и слушал он одну симфоническую музыку: странно для такого неотесанного парня.

У Рэндалла также бывали периоды, когда он откручивал донышко телефона и набивал аппарат туалетной бумагой, чтобы тот не звонил. Так продолжалось месяцами.

Непонятно было, зачем ему вообще телефон. Образование у него было скудным, но очевидно, что он прочел большинство лучших писателей.

— Ладно, ебучка, — сказал он мне, — я догадываюсь, что тебе интересно, что я с ней тут делаю? — Он показал на Марджи.

Я ничего не ответил.

— С ней хорошо трахаться, — сказал он, — и секс с ней лучше, чем с большинством баб к западу от Сент-Луиса.

И это говорил тот же самый человек, что написал четыре или пять великих любовных стихов женщине по имени Энни. Поневоле задумаешься, как у него это получается.

Маржди просто сидела и ухмылялась. Она тоже писала стихи, но не очень хорошие.

Она посещала две литературные студии в неделю, но это едва ли помогало.

— Так ты стихов хочешь? — спросил он у меня.

— Да, мне бы хотелось посмотреть кое-что.

Харрис подошел к чулану, открыл дверь и подобрал с полу несколько рваных и мятых бумажек. Протянул их мне.

— Эти я написал вчера ночью. — Потом вышел на кухню и вернулся еще с двумя бутылками пива. Марджи не пила.

Я начал читать стихи. Все они были мощны. Он печатал очень тяжелой рукой, и слова казались высеченными в бумаге. Сила его письма всегда меня изумляла.

Казалось, он говорил все то, что следовало говорить нам, но мы никогда не задумывались над тем, чтобы это сказать.

— Я беру эти стихи, — сказал я.

— Ладно, — ответил он. — Пей.

Когда приходишь в гости к Харрису, пить обязательно. Курил он одну сигарету за другой. Одевался в просторные коричневые штаны размера на два больше и в старые рубахи, вечно рваные. В нем было около шести футов росту и 220 фунтов весу, большая часть — пивное сало. У него были покатые плечи, и разглядывал он вас из-за прищуренных век. Мы с ним пили добрых два с половиной часа, комната аж потяжелела от

дыма. Неожиданно Харрис встал и сказал:

— Пошел отсюда к черту, ебучка, меня от тебя тошнит!

— Полегче, Харрис…

— Я сказал СЕЙЧАС ЖЕ! ебучка!

Я встал и ушел со стихами.

Я вернулся в тот двор два месяца спустя занести Харрису пару экземпляров Безумной Мухи. Я опубликовал все десять его стихотворений. Марджи впустила меня внутрь. Рэндалла дома не было.

— Он в Новом Орлеане, — сказала Марджи, — мне кажется, он решил оторваться. Джек Теллер хочет напечатать его следующую книгу, но сначала ему хочется с Рэндаллом встретиться. Теллер говорит, что не может печатать тех, кого не знает. Оплатил дорогу в оба конца.

— Рэндалл — не совсем очаровашка, — сказал я.

— Посмотрим, — ответила Марджи. — Теллер — и сам пьяница, к тому же сидел. У них может срастись миленькая парочка.

Теллер издавал журнал Шваль — у него был собственный печатный станок. Прекрасно он работал. У последнего номера Швали на обложке была уродливая рожа Харриса, сосущего бутылку

пива: там напечатали много его стихов.

По общему признанию, Шваль в то время был литературным журналом номер один.

Харриса начинали все больше и больше замечать. Для него это было бы хорошим шансом, если он только не облажается со своим поганым языком и манерами алкаша.

Перед моим уходом Марджи сообщила, что беременна — от Харриса. Как я уже говорил, ей было 45.

— Что он сказал на это?

— Кажется, ему было все равно.

Я ушел.

Книга действительно вышла тиражом 2000, прекрасно отпечатанная. Обложку сделали из пробки, привезенной из Ирландии. Страницы были разноцветными, из крайне хорошей бумаги, набраны очень редким шрифтом, перемежались несколькими набросками самого Харриса индийской тушью. Книгу хвалили — как за саму себя, так и за содержание. Но Теллер не мог заплатить гонорар. Они с женой ходили по узенькой кромке. Через десять лет книга будет продаваться за 75 долларов на рынке редких изданий. А Харрис тем временем вернулся к своей работе экспедитора на складе автомобильных запчастей.

Когда я зашел к нему снова через четыре-пять месяцев, Марджи уже не было.

— Она уже давно отвалила, — сказал Харрис. — Выпей пива.

— Что произошло?

— Ну, когда я вернулся из Нового Орлеана, то написал несколько рассказов. Пока я был на работе, ей понравилось шарить у меня в столе. Она прочитала пару рассказов и обиделась.

— А о чем они были?

— О, она прочла что-то по поводу того, как я скакал по постелям некоторых женщин в Новом Орлеане.

— Рассказы были правдивы?

— Как у тебя с Безумной Мухой? — спросил он.

Ребенок родился — девочка, Наоми Луиза Харрис. Они с матерью жили в Санта-Монике, и Харрис раз в неделю ездил с ними повидаться. Он платил алименты и продолжал попивать свое пиво. Потом я узнал, что он ведет еженедельную колонку в подпольной газетке Лос-Анжелесская Линия Жизни. Свои колонки он называл Наброски Первоклассного Маньяка. Проза у него была такой же, как и поэзия — недисциплинированная, антиобщественная и ленивая.

Харрис отрастил себе козлиную бороденку и

отпустил волосы. Когда я увидел его в следующий раз, он жил с 35-летней девахой по имени Сьюзан, хорошенькой и рыжей.

Сьюзан работала в магазине художественных принадлежностей, писала сама и сносно играла на гитаре. А также время от времени пила пиво с Рэндаллом — а это уже кое-что по сравнению с Марджи. Двор казался чище. Когда Харрис прикончил бутылку, то швырнул ее не на пол, а бумажный кулек. Хотя он по-прежнему оставался мерзким пьянчугой.

— Пишу роман, — сообщил он мне, — и периодически мне устраивают литературные вечера в ближайших университетах. Еще одно чтение на подходе в Мичигане, и еще одно — в Нью-Мексико. Довольно хорошие предложения. Мне не нравится читать, но читаю я хорошо. Я им шоу устраиваю и даю кое-что из хорошей поэзии.

К тому же, Харрис начал рисовать. Маслом писал он не шибко. Он писал, как наклюкавшийся водки пятилетний ребенок, но умудрился-таки продать одно-два произведения за 40 или 50 долларов. Рассказал, что подумывает бросить работу. И бросил три недели спустя, чтобы поехать на чтения в Мичиган. Отпуск свой он уже израсходовал на поездку в Новый Орлеан.

Помню, как-то раз он мне поклялся:

— Никогда не буду читать перед этими блядскими пиявками, Чинаски. Так и сойду в могилу, не проведя ни одного вечера. Это все от тщеславия, от продажности. — Я не стал напоминать ему о том заявлении.

Его роман Смерть В Жизни Всех Глаз На Земле выпустило маленькое, но престижное издательство, платившее стандартные гонорары. Обзоры критики были хороши, даже тот, что напечатало Нью-Йоркское Книжное Обозрение. Но он по-прежнему был мерзким пьянчугой и множество раз ссорился со Сьюзан по поводу своего пьянства.

Наконец, после одного кошмарного запоя, когда он бесился, матерился и орал всю ночь, Сьюзан его бросила. Я увидел Рэндалла через несколько дней после ее ухода.

Харрис странно притих, почти не сволочился.

— Я любил ее, Чинаски, — сказал он мне. — Не переживу я этого, малыш.

— Переживешь, Рэндалл. Вот увидишь. Еще как переживешь. Человек гораздо более выносливая тварь, чем ты думаешь.

— Блядь, — ответил он. — Твоими бы устами. У меня вот такенная дыра в брюхе.

Много хороших мужиков оказалось под мостом из-за бабы. А они этого не чувствуют так, как мы.

— Чувствуют. Она просто с твоими запоями справиться не могла.

— Еб твою мать, чувак, да я почти все свое под газом пишу.

— Это что, тайна?

— Да, блядь. Когда я трезвый, я — всего-навсего экспедитор, да и то не очень хороший…

Я ушел тогда от него, а он все нависал над своим пивом.

Три месяца спустя я снова его навестил. Харрис все так же жил в своем переднем дворе. Он представил меня Сандре, приятной блондиночке 27 лет. Ее отец работал судьей Верховного Суда, а она доучивалась в Университете Южной Калифорнии.

Помимо того, что она была хорошо оформлена, в ней присутствовала та клевая изощренность, которой недоставало остальным бабам Рэндалла. Они распивали бутылку хорошего итальянского вина.

Козлиная бороденка Рэндалла превратилась в настоящую бороду, а волосы стали еще длиннее. Одежда на нем была новая, последних фасонов. На ногах туфли за 40 долларов, новые часы, а

лицо, кажется, похудело, ногти чистые… хотя нос по-прежнему краснел, когда он пил вино.

— Мы с Рэндаллом переезжаем на этих выходных в Западный Лос-Анжелес, сообщила она мне. — Здесь все заросло грязью.

— Я тут много чего хорошего написал, — отозвался он.

— Рэндалл, дорогой мой, — сказала она, — не место пишет, пишешь ты. Я думаю, нам удастся выбить Рэндаллу местечко — преподавать три дня в неделю.

— Я не умею учить.

— Дорогуша, ты можешь научить их всему.

— Хуйня, — сказал он.

— По книге Рэндалла собираются снимать фильм. Мы видели сценарий. Очень хороший.

— Кино? — переспросил я.

— Ни фига у них не выйдет, — сказал Харрис.

— Дорогуша, работа уже пошла. Поверь немножечко.

Я выпил с ними еще бокал вина и ушел. Прекрасная девушка — Сандра.

Адреса Рэндалла в Западном Лос-Анжелесе мне не дали, а я сам и не пытался их отыскать. Только год спустя я прочел рецензию на фильм Цветочек Аду Под Хвост.

Экранизация его книги. Отличная рецензия, сам Харрис даже снялся в небольшой роли.

Я сходил на него. Над книгой хорошо поработали. Харрис выглядел еще суровее, чем в последний раз. Я решил его найти. Проведя небольшую детективную работу, как-то около 9 вечера я постучался в дверь его хижины на Малибу. Рэндалл открыл дверь.

— Чинаски, старый ты пес, — сказал он. — Заходи давай.

На тахте сидела восхитительно красивая девчонка. На вид лет 19, она просто испускала естественную красоту.

— Это Карилла, — сказал он. Они распивали бутылку дорого французского вина. Я сел к ним и выпил бокал. Несколько бокалов. Возникла еще одна бутылка, а мы спокойно беседовали. Харрис не надрался, не хамил и, казалось, так много, как раньше, не курил.

— Работаю над пьесой для Бродвея, — сказал он мне. — Говорят, театр умирает, но у меня для них кое-что есть. Один из ведущих продюсеров заинтересовался. Сейчас довожу до ума последний акт. Театр — хорошее средство. Сам знаешь, у меня всегда великолепно получались диалоги.

— Да, — ответил я.

В тот вечер я ушел около полдвенадцатого. Беседа была приятна… у Харриса на висках начала проступать респектабельная седина, и он произнес слово “блядь” не более четырех-пяти раз за вечер.

Пьеса Пристрели Отца, Пристрели Бога, Отстегни Привязанности имела успех. Едва ли не самая длинная сценическая жизнь в истории Бродвея. В ней было все:

кой-чего для революционеров, кой-чего для реакционеров, кой-чего для любителей комедии, кой-чего для любителей драмы, даже кое-что для интеллектуалов было — и все-таки пьеса не вышла пустышкой. Рэндалл Харрис перебрался с Малибу в дом побольше и повыше на Голливудских Холмах. Теперь о нем читали в во всех колонках светских сплетен.

Я взялся за работу и отыскал местонахождение его дома в Голливудских Холмах — трехэтажный особняк, выходивший окнами на огоньки Лос-Анжелеса и Голливуда.

Я поставил машину, вылез и пошел по дорожке к парадной двери. Времени было около полдевятого, прохладно, почти холодно. Сияла полная луна, а воздух был свеж и чист.

Я позвонил в колокольчик. Ждал целую веч-

ность, как мне показалось. Наконец, дверь открылась. Там стоял дворецкий.

— Слушаю вас, сэр? — осведомился он.

— Генри Чинаски к Рэндаллу Харрису, — ответил я.

— Одну минуточку, сэр. — Он тихо закрыл дверь, и я остался ждать. Опять долго.

Затем дворецкий вернулся.

— Прошу прощения, сэр, но мистера Харриса в это время тревожить нельзя.

— О, ну ладно.

— Не изволите ли оставить сообщение, сэр?

— Сообщение?

— Да, сообщение.

— Да, передайте ему: “поздравляю”.

— “Поздравляю”? И это все?

— Да, это все.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

Я вернулся к машине, сел. Она завелась, и я поехал по длинному спуску с холмов.

У меня с собой был один из первых номеров Безумной Мухи, и я хотел, чтобы он его подписал. Тот самый номер с десятью стихотворениями Рэндалла Харриса. Он, наверное, занят. Может быть, подумал я, если отправить ему журнал по

почте и приложить конверт с обратным адресом и маркой, он подпишет.

Времени было всего около девяти. Можно поехать еще куда-нибудь.

Дьявол был горяч

Ну что, поругались мы с Фло, и ни напиваться, ни идти в массажный салон мне совсем не хотелось. Поэтому я сел в машину и поехал на запад, в сторону пляжа.

Смеркалось, и ехал я медленно. Дотелепался до пирса, поставил машину и пошел по нему гулять. Заглянул в игральный зал, сыграл на нескольких автоматах, но там воняло мочой, поэтому я вышел. Для карусели я был слишком стар, поэтому ее я пропустил. По пирсу бродила обычная толпа сонные безразличные типы.

И тут я заметил, что из ближнего строения несется какой-то рев. Пленка или пластинка, вне всякого сомнения. Перед входом гавкал зазывала:

— Да, дамы и господа, Сюда, Вот сюда вовнутрь… мы на самом деле поймали дьявола! Можете полюбоваться собственными глазами! Только подумайте, всего за четвертачок, за двадцать пять центов вы действительно можете увидеть дьявола…

самого большого неудачника всех времен! Проигравшего единственную революцию, когда-либо

затеянную на Небесах!

Н-да, я был готов развеяться небольшой комедью после всего, что вытерпел от Фло.

Я уплатил свой четвертак и вошел вместе с шестью или семью разнообразными обсосами. Парня этого упаковали в клетку. Обрызгали красной краской и засунули что-то в рот, отчего тот испускал клубочки дыма и язычки пламени. Актеришка из него был паршивый. Он просто расхаживал кругами, снова и снова повторяя:

— Черт возьми, я должен отсюда выбраться! Как я мог вообще попасть такую сраную засаду? — Что ж, могу засвидетельствовать: он действительно выглядел опасным.

Неожиданно он сделал шесть обратных сальто подряд. Потом точно приземлился на ноги, огляделся и произнес:

— Вот говно, ужасно себя чувствую!

И тут увидел меня. Подошел в аккурат к тому месту, где я стоял у самого каната.

Он был теплый, как электрокамин. Уж и не знаю, как они это сработали.

— Сын мой, — сказал он, — ты пришел, наконец! Я ждал тебя. Тридцать два дня уже я торчу в этой ебаной клетке!

— Я не знаю, о чем это вы.

— Сын мой, — продолжал он, — не шути со мною. Возвращайся сегодня вечером попозже с кусачками и освободи меня.

— Только не надо мне тюльку вешать, чувак, — ответил я.

— Тридцать два дня провел я здесь, сын мой! Наконец, я буду свободен!

— Так ты хочешь сказать, что ты в самом деле дьявол?

— Да я кошку в жопу выебу, если нет, — ответил он.

— Если ты дьявол, то сможешь включить свои сверхъестественные силы и сам отсюда выбраться.

— Мои силы временно испарились. Вон тот парень, зазывала, оказался вместе со мной в вытрезвиловке. Я сказал ему, что я дьявол, и он меня выкупил. В той темнице я утратил свои силы, иначе он был бы мне не нужен. Он снова подпоил меня, а когда я очнулся, то меня уже заперли в эту клетку. Жадный ублюдок, кормит меня собачьими консервами и бутербродами с ореховым маслом. Сын мой, помоги мне, умоляю тебя!

— Ты спятил, — ответил я, — ты, наверное, какой-нибудь псих.

— Ты только приди сегодня вечером, сын мой,

вместе с кусачками.

Вошел зазывала и объявил, что сеанс с дьяволом окончен, а если мы хотим посмотреть на него еще, то это будет стоить еще двадцать пять центов. Мне уже хватило. Я вышел вместе с шестью или семью другими разнообразными обсосами.

— Эй, а он с вами разговаривал, — сказал мне какой-то старичишка, шедший рядом.

— Я прихожу на него смотреть каждый вечер, и вы — первый, с кем он заговорил.

— Хуйня, — ответил я.

Зазывала меня остановил.

— Что он тебе сказал? Я видел, как он с тобой разговаривал. Что он тебе сказал?

— Он рассказал мне все, — ответил я.

— Так вот, руки прочь, приятель, он — мой! Я столько бабок не зарабатывал с тех пор, как у меня была трехногая бородатая леди.

— А что с ней стало?

— Сбежала с человеком-осьминогом. Теперь купили ферму в Канзасе.

— Мне кажется, вы тут все чокнутые.

— Я просто тебя предупредил: я нашел этого парня. Не лезь!

Я дошел до своей машины, влез и поехал обратно к Фло. Когда я зашел, она сидела в кухне и

хлестала виски. Сидя вот так, она несколько сот раз повторила мне, что я за бесполезный шмат человечины. Я немного повыпивал с ней, не особенно распуская язык. Потом встал, сходил в гараж, достал кусачки, положил в карман, сел в машину и поехал на пирс.

Я взломал заднюю дверь, задвижка вся проржавела и отскочила сразу. Он спал на полу клетки. Я начал было перекусывать прутья, но куда там. Слишком толстые. Тут он проснулся.

— Сын мой, — сказал он, — ты вернулся! Я знал, что ты придешь!

— Слушай, чувак, я не могу перекусить прутья этой фигулькой. Они слишком толстые.

Он поднялся на ноги.

— Давай сюда.

— Господи, — сказал я, — ну и горячие же у тебя руки! У тебя, наверное, лихорадка.

— Не называй меня Господом, — ответил он.

Он перекусил прутья кусачками как нитки и шагнул наружу.

— А теперь, сын мой, — к тебе. Мне нужно вернуть свою силу. Несколько бифштексов — и все придет в норму. Я сожрал уже столько собачьих консервов, что боюсь, в любую минуту залаю.

Мы дошли до моей машины, и я отвез его к себе.

Когда мы вошли в дом, Фло по-прежнему сидела в кухне и пила виски. Я поджарил ему грудинки с яйцом для начала, и мы подсели к Фло.

— Твой кореш — смазливый чертяка, — сообщила она мне.

— Он утверждает, что он и есть чертяка, — ответил я.

— Давненько уже, — сказал он, — не было у меня хорошенького куска тетки.

Он перегнулся через стол и запечатал Фло долгий поцелуй. А когда отпустил, она, казалось, была в шоке:

— Это был самый горячий поцелуй в моей жизни, — пролепетала она. — А целовалась я много.

— В самом деле? — переспросил он.

— Если ты любишь хоть вполовину так же, как целуешься, то это будет уже чересчур, просто чересчур!

— Где у тебя спальня? — спросил он у меня.

— А ты просто ступай за дамой, — ответил я.

Он направился за Фло в спальню, а я нацедил себе еще виски.

Никогда в жизни не слыхал я таких воплей и стонов, и продолжалось это добрых сорок пять минут. Затем он вышел один, сел и налил себе выпить.

— Сын мой, — произнес он. — Ты оторвал себе хорошую бабу.

Он ушел на кушетку в гостиную, растянулся на ней и заснул. Я вошел в спальню, разделся и завалился к Фло.

— Боже мой, — промолвила она, — боже мой, не могу поверить. Он протащил меня и через рай, и через ад.

— Я только надеюсь, что он кушетку не подпалит, — сказал я.

— Он что — курит в постели и засыпает?

— Не бери в голову, — сказал я.

Ну вот, значит, он начал брать верх. Теперь мне уже приходилось спать на кушетке. Приходилось слушать вопли и стоны Фло каждую ночь. Однажды, когда Фло ушла на рынок, а мы выпивали пиво в обеденном уголке, я вынужден был с ним поговорить.

— Слушай, — сказал я, — я не против кому-нибудь помогать, но теперь, когда я потерял постель и жену, я должен попросить тебя отвалить.

— Я полагаю, что задержусь еще немного, сын мой, твоя старуха — одна из лучших, что у меня бывали.

— Послушай, мужик, — сказал я, — а ведь мне, возможно, придется пойти на крайние меры,

чтобы тебя удалить.

— Крутой, значит, а? Так послушай сам, крутой, у меня есть для тебя новости. Мои сверхъестественные силы вернулись. Только попробуй ебать мне мозги — можешь обжечься. Смотри!

У меня была собака. Старый Пердун. Ценности почти никакой, но по ночам брехал, в общем, сторожил сносно. Так вот, этот хрен ткнул пальцем в Старого Пердуна, палец как бы чихнул, зашипел, из него вылетел тоненький лучик пламени и коснулся Старого Пердуна. Старый Пердун зашкворчал и исчез. Его просто не стало. Ни костей, ни шерсти, даже вони не осталось. Пустое место.

— Ладно, мужик, — сказал я ему. — Можешь остаться еще на пару деньков, по после этого — вали.

— Поджарь-ка ты мне лучше бифштекс, — сказал он. — А то я проголодался, да и боюсь, уровень спермы у меня в организме упал ниже некуда.

Я встал и кинул бифштекс на сковородку.

— И картошечки мне к нему зажарь, — продолжал он, — и помидорчика ломтиками.

Кофе не надо. Бессонница, знаешь ли. Я лучше еще парочку пивка пропущу.

К тому времени, как я поставил перед ним еду, Фло вернулась.

— Здравствуй, любовь моя, — сказала она, — как дела?

— Прекрасно, — ответил он, — а кетчупа что, нет?

Я вышел из дому, сел в машину и поехал на пляж.

А у зазывалы, значит, там еще один дьвол. Я заплатил четвертак и зашел. Этот вообще никуда не годился. Размазанная по телу краска его доканывала, и он пил, чтоб окончательно не свихнуться. Большой такой парняга, но совершенно ничего хорошего. Я оказался одним из немногих клиентов. Мух там было больше, чем посетителей.

Ко мне подошел зазывала.

— С тех пор, как ты спер у меня настоящего, я чуть с голоду не подыхаю. Свой цирк, наверное, открыл?

— Слушай, — сказал я, — все, что угодно, отдам, чтоб ты его обратно забрал. Я просто хотел быть хорошим парнем.

— Ты ведь знаешь, что бывает с хорошими парнями в этом мире, правда?

— Да, в конце концов, стоят на углу 7-ой и Бродвея и торгуют номерами Сторожевой Башни.

— Меня зовут Эрни Джеймстон, — сказал он, — давай, выкладывай, что там у тебя. У нас сзади

комнатка есть.

Я зашел вместе с Эрни в заднюю комнатку. Его жена сидела за столом и пила виски.

Она бросила на нас взгляд.

— Слушай, Эрни, если этот ублюдок будет нашим новым дьяволом, то и не заикайся.

С таким же успехом можем совершить тройное самоубийство.

— Полегче на поворотах, — ответил Эрни, — и передай бутылку.

Я рассказал Эрни все, что произошло. Он выслушал внимательно, затем сказал:

— Я могу его с тебя сгрузить. У него две слабости — выпивка и бабы. И вот еще что. Не знаю, почему это происходит, но когда он попадает в заточение, как в том вытрезвителе или у меня в клетке, то теряет свои сверхъестественные силы. Ладно, с этого и начнем.

Эрни открыл шкаф и выволок уйму всяких цепей и замков. Затем подошел к телефону и попросил позвать какую-то Эдну Хемлок. Эдна Хемлок должна была встретиться с нами через двадцать минут на углу возле Бара Вуди. Мы с Эрни сели ко мне в машину, заехали в шланбой за двумя квинтами, подобрали Эдну и поехали ко мне.

Они по-прежнему сидели в кухне. Обжимались, как ненормальные. Но как только дьявол засек Эдну, о моей старухе тотчас было забыто. Скинул ее, как пару обтруханных трусиков. Эдна имела все. Когда ее собирали, ошибок не делали.

— А почему бы вам двоим не выпить вместе и не раззнакомиться хорошенько? — сказал Эрни, ставя перед каждым по стакану виски.

Дьявол посмотрел на Эрни.

— Эй, ебала, ты ведь тот самый парень, что запихал меня в клетку, ведь так?

— Да ладно тебе, — ответил Эрни. — Кто старое помянет…

— Хуй на нэ! — И дьявол ткнул своим пальцем, и лучик пламени добежал до Эрни, и больше Эрни с нами не было.

Эдна улыбнулась и подняла стакан. Дьявол косо ухмыльнулся, поднес свой стакан ко рту и влил его в себя винтом.

— Отличная штука! — сказал он. — Кто покупал?

— Тот человек, что вышел из комнаты минуту назад, — ответил я.

— А-а.

Они с Эдной выпили еще по одной и начали строить друг другу глазки. Тут взъерепенилась

моя старуха:

— Хватить лыбиться на эту прошмандовку!

— На какую прошмандовку?

— Вот на эту!

— Ты лучше пей, да помалкивай!

Он ткнул пальцем в мою старуху, что-то щелкнуло, и та исчезла. Он обернулся ко мне:

— А ты что скажешь?

— О, я ведь тот парень, что принес кусачки, помнишь? Я тут шестерю помаленьку, полотенца подношу и все такое…

— Хорошо все-таки, что ко мне сверхъестественные силы вернулись.

— Действительно полезно, — сказал я. — У нас все равно проблемы с перенаселением.

Он пожирал Эдну глазами. Они так друг на друге залипли, что мне удалось спереть один пузырь. Я взял виски, сел в машину и поехал обратно на пляж.

Жена Эрни до сих пор сидела в задней комнатке. Увидев свежий вискач, она обрадовалась, и я налил нам обоим.

— Что за пацан у вас в клетке сидит? — спросил я.

— А-а, полузащитник третьей линии в одном из местных колледжей. Пытается шару сбить.

— А ведь у тебя хорошие сиськи, — сказал я.

— Ты думаешь? Эрни мне никогда ничего про сиськи не говорил.

— Пей давай. Хорошая штука.

Я придвинулся поближе. У нее были хорошие жирненькие ляжки. Когда я ее поцеловал, она не сопротивлялась.

— Я так устала от этой жизни, — сказала она. — Эрни всегда был дешевым фарцовщиком. А у тебя хорошая работа?

— Еще какая. Я старший экспедитор на “Дромбо-Западной”.

— Поцелуй меня еще, — попросила она.

Я скатился и вытерся простыней.

— Если Эрни узнает, он нас обоих убьет, — сказала она.

— Эрни не узнает. Не беспокойся.

— Ты здорово трахаешься, — сказала она. — Но почему я?

— Сам не понимаю.

— Я в смысле, что тебя заставило?

— О, — ответил я, — черт меня дернул.

Затем я зажег сигарету, откинулся на подушку, затянулся и выдул идеальное кольцо дыма. Она встала и ушла в ванную. Через минуту я услышал шум воды из бачка.

Кремень

Я не очень приятный человек, это вам любой скажет. Я не знаю слова. Я всегда восхищался негодяем, парией, сукиным сыном. Мне не нравится дочиста выбритый мальчик с галстучком и хорошей работой. Мне нравятся люди отчаявшиеся, люди со сломанными зубами, сломанными мозгами и сломанной жизнью. Они меня интересуют.

Они полны неожиданностей и взрывов. Еще мне нравятся порочные женщины, пьяные сквернословящие суки со спущенными чулками и неопрятными наштукатуренными лицами. Мне более интересны извращенцы, нежели святые. Я могу расслабиться с бичами, потому как сам бичара. Я не люблю законов, морали, религий, правил. Мне не нравится быть сформированным обществом.

Однажды ночью мы выпивали у меня в комнате с Марти, откинувшимся зэком. Работы у меня не было. Я не хотел работать. Я хотел сидеть себе босиком, припивать винцо и беседовать, и смеяться, если возможно. Марти был скучноват, но у него были руки работяги, сломанный нос,

кротовьи глазки, в общем — ничего особенного, но повидал он достаточно.

— Ты мне нравишься, Хэнк, — говорил Марти, — ты настоящий мужик, один из немногих настоящих мужиков, которых я знаю.

— Ага, — отвечал я.

— У тебя есть кишки.

— Ага.

— Я однажды был забойщиком…

— Во как?

— И подрался с этим парнем. Бились рукоятками горных молотков. Он мне левую руку сломал с первого же замаха. А я продолжал драться. И вколотил ему проклятую его башку в самое нутро. Когда он после этой трепки пришел в себя, у него поехала крыша. Я ему из мозгов пюре сделал. Его упрятали в психушку.

— Это правильно, — сказал я.

— Слушай, — сказал Марти, — я хочу с тобой подраться.

— Первый удар — твой. Валяй, бей.

Марти сидел на зеленом стуле с прямой спинкой. Я как раз шел к раковине налить еще стаканчик вина из бутылки. Обернулся и заехал ему прямо в физиономию. Он опрокинулся вместе со стулом, вскочил на ноги и кинулся на меня. Слева

я не ожидал. Он поймал меня в лоб и сшиб на пол. Я сунул руку в бумажный мешок с блевотиной и тарой, выхватил оттуда бутылку, поднялся на колени и метнул. Марти пригнулся, а я уже занес стул, стоявший у меня за спиной. Я держал его над головой, когда открылась дверь. То была наша хозяйка, хорошенькая блондинка лет двадцати. Я так никогда и не въехал до конца, чего ради она заправляла таким местом. Стул я опустил.

— Ступай в свою комнату, Марти.

Марти выглядел пристыженным, как нашкодивший пацан. Он протопал по коридору к себе, вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Мистер Чинаски, — сказала она, — я хочу, чтобы вы знали…

— Я хочу, чтобы вы знали, — перебил ее я, — что все напрасно.

— Что напрасно?

— Вы не моего типа. Мне не хочется с вами ебаться.

— Слушайте, — сказала она, — я хочу вам кое-что сказать. Вчера ночью я видела, как вы мочились на соседнем газоне, и если вы это еще хоть раз сделаете, я вас отсюда вышвырну. И в лифте кто-то написал. Это были вы?

— Я не писаю в лифтах.

— А на газоне я вчера вас видела. Я наблюдала. Это были вы.

— Черта лысого я.

— Вы были слишком пьяны и не помните. Больше так не делайте.

Она закрыла дверь и пропала.

Я сидел себе тихо несколько минут спустя, попивал винишко и пытался вспомнить, действительно ли я писал на газоне, когда в дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

То был Марти:

— Я должен тебе кое-что сказать.

— Валяй. Сядь только.

Я налил Марти стакан портвейна, и он сел.

— Я влюбился, — промолвил он.

Я ничего не ответил. Свернул самокрутку.

— Ты веришь в любовь? — спросил он.

— Приходится. Со мной раз было.

— Где она?

— Нету. Умерла.

— Умерла? Как?

— Кир.

— Эта тоже киряет. Меня это беспокоит. Она всегда пьяная. Не может остановиться.

— Никто из нас не может.

— Я хожу с ней к Анонимным Алкоголикам. А она пьяной туда ходит. У них в Анонимных Алкоголиках половина пьяных. Перегаром несет.

Я не ответил.

— Господи, а молодая ведь. И какое тело! Люблю я ее, мужик, в самом деле люблю!

— Ох черт, Марти, да это же один секс.

— Нет, я люблю ее, Хэнк, я это в самом деле чувствую.

— Наверное, и это возможно.

— А ведь ее держат в подвальной комнатенке, боже мой. У нее за квартиру заплатить не хватает.

— В подвале?

— Да, у них там комната есть рядом с бойлерами и прочей сранью.

— Трудно поверить.

— Точно, она там. И я люблю ее, мужик, и у меня нет денег ей помочь.

— Это грустно. Я в такой ситуации бывал. Больно.

— Если я смогу встать на ноги, если я смогу продержаться дней десять и вернуть здоровье — я смогу где-нибудь получить работу, смогу ей помочь.

— Что ж, — ответил я, — сейчас ты пьешь. Если

ты ее любишь, завязывай. Прямо сейчас.

— Ей-богу, — сказал он, — завяжу! Вот этот стакан прямо в раковину и вылью!

— Что за мелодрамы? Давай его сюда.

На лифте я спустился на первый этаж с квинтой дешевого виски, которую спер в винной лавке Сэма неделю назад. Потом спустился по лестнице в подвал. Там горела крохотная лампочка. Я пошел дальше, пытаясь отыскать дверь. Наконец, нашел.

Времени, должно быть, час или два ночи. Я постучал. Дверь приотворилась на щелочку — там стояла по-настоящему прекрасная женщина в неглиже. Этого я не ожидал. Молодая, к тому же — рыжеватая блондинка. Я просунул ногу в дверь, затем впихнулся внутрь сам, закрыл дверь и огляделся. Вовсе не плохое местечко.

— Кто вы такой? — спросила она. — Убирайтесь отсюда.

— У вас здесь славная комнатка. Мне она больше нравится, чем моя.

— Убирайтесь вон! Вон! Вон!

Я выташил вискач из бумажного кулька. Она взглянула на бутылку.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Джини.

— Послушай, Джини, где ты хранишь свои бокалы?

Она показала на стенную полку, я подошел и снял два высоких стакана для воды.

Рядом была раковина. Я налил в каждый немного воды, подошел к ней, поставил, открыл виски и заболтал. Мы сидели на краешке ее постели и пили. Она была молода, привлекательна. Я глазам своим не верил. Я ждал невротического взрыва, какого-то психоза. Джини же выглядела нормальной, даже здоровой. Но виски ей нравился. Пила она его наравне со мной. Примчавшись сюда в порыве желанья, я больше этого порыва не ощущал. То есть, если в ней и был где-то поросенок, или нечто непристойное, или мерзкое (заячья губа, все, что угодно), мне бы больше хотелось сюда вселиться. Помню, прочел я как-то историю в Беговой Форме о породистом жеребце, которого никак не могли заставить покрыть кобылу. Ему приводили прекраснейших кобыл, что только могли достать, а жеребец от них только шарахался. Затем кто-то, который что-то понимал, высказал мысль. Прекрасную кобылу всю обмазали грязью, и жеребец немедленно на нее кинулся. Теория же заключалась в том, что в жеребце перед всякой красотой просыпался

комплекс неполноценности, а стоило красоту испачкать, изгадить, он, по крайней мере, начинал чувствовать себя равным, а может и высшим. Ум жеребца и ум мужика могут сильно друг на друга походить.

Как бы то ни было, Джини нацедила следующую и спросила, как меня зовут и где я квартирую. Я ответил, что, мол, там, наверху, и мне просто захотелось с кем-нибудь выпить.

— Я тебя видела в “Залезае” как-то вечером, с неделю назад, — сказала она. — Ты такой смешной был, все с тебя смеялись, ты всем покупал выпить.

— Не помню.

— Зато я помню. Тебе нравится мое неглиже?

— Да.

— А что тогда штаны не снимаешь и поудобнее не устраиваешься?

Я так и сделал, и уселся с ней на постели. Двигался я очень медленно. Помню, как говорил, что у нее славные груди, потом сосал одну из них. Потом вдруг мы приступили. Я был сверху. Но что-то не срабатывало. Я скатился.

— Прости, — сказал я.

— Все в порядке, — ответила она. — Ты мне по-прежнему нравишься.

Мы сидели, смутно о чем-то беседовали и допивали виски.

Затем она встала и выключила свет. Мне стало очень грустно, я забрался в постель и привалился к ее спине. Джини была теплой, полной, и я слышал, как она дышит, и чувствовал ее волосы у себя на лице. Мой член начал подниматься, и я потыкал им в нее. Я почувствовал, как она протягивает руку и направляет его.

— Ну, — произнесла она, — ну, вот так…

Вот так было хорошо, долго и хорошо, а потом мы закончили, а потом уснули.

Когда я проснулся, она еще спала, и я встал, чтобы одеться. Я надел на себя все, когда она повернулась и посмотрела на меня:

— Еще разок, потом уйдешь.

— Ладно.

Я снова разделся и забрался к ней. Она повернулась ко мне спиной, и мы сделали еще раз так же, как и прежде. После того, как я кончил, она не повернулась.

— Ты еще ко мне придешь? — спросила она.

— Конечно.

— Ты живешь наверху?

— Да. В 309-й. Я могу к тебе, или ты ко мне можешь.

— Лучше ты ко мне, — ответила она.

— Хорошо, — сказал я. Я оделся, открыл дверь, закрыл дверь, поднялся по лестнице, зашел в лифт и нажал на кнопку 3.

Примерно неделю спустя, вечером, мы выпивали вина с Марти. Разговаривали о разном, неважном, а потом он сказал:

— Господи, как мне ужасно.

— Что, опять?

— Ага. Моя девушка, Джини. Я тебе о ней рассказывал.

— Да. Та, что живет в подвале. Ты в нее влюблен.

— Ага. Ее вышибли из подвала. Она даже за подвал платить не могла.

— Куда она пошла?

— Не знаю. Пропала. Я слышал, что ее вышибли. Никто не знает, что она делала, куда пошла. Я сходил на собрание Анонимных Алкоголиков. Ее там не было. Мне плохо, Хэнк, мне в самом деле очень плохо. Я любил ее. Я скоро рехнусь, наверное.

Я не ответил.

— Что же мне делать, мужик? Просто на части все рвется…

— Давай выпьем за ее удачу, Марти, чтоб ей

повезло.

Хорошую и долгую мы за нее пропустили.

— Она нормальная была, Хэнк, ты должен мне поверить, она такая четкая.

— Я тебе верю, Марти.

Через неделю Марти выкинули на улицу за неуплату, а я устроился работать на мясокомбинат, а через дорогу там стояло два мексиканских бара. Нравились мне эти мексиканские бары. После работы от меня несло кровью, но всем это было до балды.

Только когда я садился в автобус ехать к себе в каморку, носы начинали морщиться, на меня гадко смотрели, и я начинал себя чувствовать мерзким снова.

Становилось легче.

Наемный убийца

Ронни должен был встретиться с теми двумя в немецком баре в Силверлэйке. Было 7.15 вечера. Он сидел за столиком один, пил темное пиво. Барменша — блондинка, приятная задница, а груди такие, что сейчас из блузки вывалятся.

Ронни любил блондинок. Это как разница между коньками и роликами. Блондинки катаются на коньках, а остальные — на роликах. Блондинки даже пахнут по-другому.

Но женщины — это всегда хлопоты, а для него хлопоты часто перевешивали радость.

Иными словами, цена была слишком велика.

Однако, мужику женщина время от времени необходима — хотя бы для того, чтобы доказать, что он ее может заполучить. Секс уже на втором месте. Этот мир — не для влюбленных и никогда не будет.

7.20. Он махнул ей, чтобы принесла еще пива. Она подошла с улыбкой, неся пиво перед грудью. Вот такой она не могла не нравиться.

— Вам нравится здесь работать? — спросил он.

— О, да, со многими мужчинами знакомлюсь.

— С хорошими мужчинами?

— И с хорошими, и с другими.

— А как вы их отличаете?

— По виду.

— А я какой?

— О, — рассмеялась она, — хороший, конечно.

— Вы заработали чаевые, — сказал Ронни.

7.25. Сказали, в семь. Он поднял голову. Курт. С Куртом — еще один парень.

Подошли к столику и сели. Курт махнул рукой, чтобы принесли графин.

— “Бараны” ни хера не годятся, — сказал Курт. — Потерял на них в этом сезоне 500 баксов, ни больше, ни меньше.

— Ты думаешь, Протро уже кранты?

— Да, с ним уже все, — ответил Курт. — Кстати, это Билл. Билл, это Ронни.

Они пожали друг другу руки. Подошла барменша с графином.

— Джентльмены, — сказал Ронни, — это Кэти.

— О, — сказал Билл.

— О да, — сказал Курт.

Барменша рассмеялась и отрулила, виляя задом.

— Хорошее пиво, — сказал Ронни. — Я уже здесь с 7 часов жду. Точно вам говорю.

— Тебе вовсе не надо напиваться, — заметил

Курт.

— А он надежный? — спросил Билл.

— Самые лучшие отзывы, — ответил Курт.

— Слушайте, — сказал Билл, — мне не нужна комедия. Это мои деньги.

— А откуда я знаю, что ты не свинья? — спросил Ронни.

— А откуда я знаю, что ты не подорвешь с двумя с половиной кусками?

— Три куска.

— Курт сказал, два с половиной.

— Я только что поднял цену. Ты мне не нравишься.

— Меня твоя жопа тоже не волнует. Я ведь запросто могу все и отменить.

— Не отменишь. Такие, как ты, никогда не отменяют.

— Ты этим занимаешься регулярно?

— Да. А ты?

— Ладно, джентльмены, — сказал Курт, — мне наплевать, на чем вы сговоритесь. Я получаю свою штуку за контракт.

— Везунчик ты, Курт, — сказал Билл.

— Ага, — подтвердил Ронни.

— Каждый — специалист в своем деле, — сказал Курт, прикуривая.

— Курт, откуда мне знать, что этот тип не слиняет с тремя кусками?

— Не слиняет, иначе вылетит из бизнеса. Это единственное, что он умеет.

— Это ужасно, — заметил Билл.

— Что в этом ужасного? Он же тебе нужен, правда?

— Ну, да.

— И другим людям он нужен. Говорят, каждый человек в чем-то хорош. Вот он хорош в этом.

Кто-то сунул монетку в музыкальный автомат. Они сидели, слушали музыку и пили пиво.

— Хорошо бы этой блондинке засадить, — сказал Ронни. — И пежить ее так шесть часов кряду.

— Я б тоже не отказался, — поддакнул Курт, — если б мог.

— Давайте еще графин возьмем, — сказал Билл. — Что-то мне не по себе.

— А чего волноваться? — спросил Курт. Он махнул барменше: еще один. Те 500 баксов, что я профукал на “Баранах”, верну в Аните. Они открываются 26 декабря.

Я там буду.

— Башмак сядет в финале? — спросил Билл.

— Я еще не читал газет. Наверняка, да. Он не сможет просто так бросить. Это у него в крови.

— Лонгден же бросил, — сказал Ронни.

— Так ему пришлось: старика приходилось привязывать к седлу.

— А свой последний заезд выиграл.

— Кампус придержал вторую лошадь.

— Я думаю, лошадь не одурачишь, — сказал Билл.

— Умный человек может одурачить все, стоит только захотеть, — ответил Курт. — Я, например, никогда в жизни не работал.

— Ну да, — сказал Ронни, — а мне сегодня ночью придется.

— И сделай все, как надо, малыш, — сказал Курт.

— Я всегда все делаю, как надо.

Они замолчали и просто пили пиво. Затем Ронни произнес:

— Ладно, где эти чертовы деньги?

— Получишь, получишь, — заверил его Билл. — Хорошо, что я захватил лишних 500.

— Давай сейчас. Полностью.

— Дай ему деньги, Билл. И, пока не передумал, мои тоже давай.

Все было сотками. Билл пересчитал их под столом. Сначала свои получил Ронни, затем Курт. Проверили. Нормально.

— Где? — спросил Ронни.

— Вот, — ответил Билл, передавая ему конверт. — Адрес и ключ внутри.

— Далеко отсюда?

— Полчаса. По шоссе Вентура.

— Можно у тебя кое-что спросить?

— Конечно.

— Зачем?

— Зачем?

— Да, зачем?

— Тебе не все равно?

— Все равно.

— Тогда чего спрашиваешь?

— Пива перепил, наверное.

— Тебе уже пора, наверное, — сказал Курт.

— Еще один графин, — ответил Ронни.

— Нет, — сказал Курт, — вали давай.

— Ну, ладно, блядь.

Ронни проерзал вокруг стола, выбрался, пошел к выходу. Курт с Биллом сидели и смотрели ему вслед. Он вышел наружу. Ночь. Звезды. Луна. Дорога. Его машина. Он отпер дверь, влез, отъехал.

Ронни тщательно проверил название улицы, а адрес — еще тщательнее. Оставил машину в полутора кварталах и вернулся к дому пешком. Ключ подошел. Он открыл дверь и вошел. В го-

стиной работал телевизор. Он прошел по ковру.

— Билл? — спросил кто-то. Он прислушался к голосу. Она была в ванной. Билл? — Он распахнул дверь: вот она, в ванне, очень блондинка, очень белокожая, молодая.

Она закричала.

Он сомкнул руки вокруг ее горла и втолкнул ее под воду. Его рукава намокли. Она яростно дергалась и боролась. Так сильно, что ему пришлось залезть вместе с нею в ванну, прямо в одежде и со всеми делами. Ее нужно было придержать. Наконец, она затихла, и он ее отпустил.

Одежда Билла оказалась не очень-то впору, зато сухая. Бумажник вымок, но его он оставил. Потом вышел, прошел полтора квартала до машины и уехал.

Вот что убило Дилана Томаса

Вот что доконало Дилана Томаса.

Сажусь в самолет со своей подругой, звукорежиссером, оператором и продюсером.

Камера работает. Звукорежиссер пришпандорил маленькие микрофончики к подруге и ко мне. Лечу в Сан-Франциско на свой поэтический вечер. Я Генри Чинаски, поэт.

Я глубок, я великолепен. Хуйня. Впрочем, да, хуйня у меня действительно великолепная.

Канал 15 подумывает снять обо мне документальный фильм. На мне — чистая новая рубашка, а моя подруга экстазна, великолепна, ей чуть-чуть за тридцать. Она лепит, пишет, чудно занимается любовью. Камера тычется мне в лицо. Я делаю вид, что ее тут нет. Пассажиры наблюдают, стюардессы сияют, землю у индейцев украли, Том Микс помер, а я отлично позавтракал.

Но не могу не думать о тех годах, что я провел в одиноких комнатах, когда кроме домохозяек, требовавших вернуть долг за квартиру, да ФБР ко мне никто не заходил. Я жил с крысами, мышами и винищем, а кровь моя ползала по стенам мира, который я не мог постичь, да и сейчас не

могу. Чем жить их жизнью, я голодал; я сбежал в собственный разум и спрятался там. Закрыл все ставни и лыбился в потолок. Если и выходил куда-то, то только в бар, где клянчил выпивку, был мальчиком на побегушках, меня били в переулках сытые и обеспеченные люди, скучные и приличные. Ладно, в нескольких драках я победил, но только потому, что был психом. Целые годы я жил без женщин, питался ореховым маслом, черствым хлебом и вареной картошкой. Я был придурком, олухом, идиотом. Я хотел писать, но машинка вечно сдавалась в ломбард. Тогда я бросал и пил…

Самолет взлетел, и камера заработала. Мы с подругой беседовали. Принесли выпивку. У меня были стихи и прекрасная женщина. Жизнь налаживалась. Но капканы, Чинаски, берегись капканов. Ты долго сражался за то, чтобы писать слова так, как хочется. Да не собьют тебя с толку подхалимаж и кинокамера. Помни, что сказал Джефферс — даже самый сильный может попасть в капкан, как Бог, прошедший однажды по земле.

Так вот, Чинаски, ты — не Бог, расслабься и выпей еще. Может, надо сказать что-то глубокое для звукорежиссера? Нет уж, пусть потеет. Пусть все

они попотеют. Это у них фильм горит. Проверь размеры облаков. Ты летишь с директорами из ИБМ, из “Тексако”, из…

Ты летишь с врагом.

На эскалаторе из аэропорта мужик у меня спрашивает:

— Че за камеры? Что тут происходит?

— Я поэт, — отвечаю я.

— Поэт? — переспрашивает он. — Как вас зовут?

— Гарсиа Лорка, — отвечаю я….

Ну ладно, на Норт-Биче все по-другому. Они там все молодые, ходят в джинсах, тусуются. А я старый. Где та молодежь двадцатилетней давности? Где Джо-Рывок?

Где прочие? Так вот, я был в Сан-Франциско 30 лет назад, и Норт-Бича я избегал.

А теперь по нему иду. Вижу свою физиономию на плакатах. Осторожней, старик, присоску уже прицепили. Крови жаждут.

Мы с подругой идем с Марионетти. Вот они мы какие — гуляем вместе с Марионетти.

С Марионетти хорошо, у него очень нежные глаза, и молоденькие девчонки тормозят его на улице поговорить. Теперь, думаю я, в Сан-Франциско можно было бы и остаться… но я знаю

лучше; мне надо только обратно в Лос-Анжелес, к своему пулемету, установленному на окне в передний двор. Может, Бога они и поймали, но Чинаски слушает советы дьявола.

Марионетти уходит, а тут битницкая кофейня. Я раньше никогда не бывал в битницких кофейнях. И вот теперь я — в битницкой кофейне. Нам с подругой дают самое лучшее — по 60 центов за чашку. Круто. Оно того не стоит. Ребятишки сидят, сербают кофе и ждут, чтоб оно произошло. Ничего не произойдет.

Мы переходим через дорогу в итальянское кафе. Марионетти возвращается с парнем из Сан-Франциско Кроникл, который в своей колонке написал, что я лучший мастер рассказа после Хемингуэя. Я объясняю ему, что он неправ: уж не знаю, кто лучше всех после Хемингуэя, но это не Г.Ч. Я слишком беззаботен. Недостаточно сил вкладываю. Устал.

Возникает вино. Паршивое. Дамочка приносит суп, салат, миску пельменей. Еще одна бутылка плохого вина. Мы не приступаем ко второму — слишком наелись. Базар бессвязен. Мы и не напрягаемся, чтобы блеснуть. А может, и не можем. Уходим.

Плетусь за ними в горку. Иду со своей прекрас-

ной подругой. Меня начинает рвать.

Паршивое вино. Салат. Суп. Пельмени. Я всегда блюю перед чтениями. Хороший знак.

Край подкатывает. Пока я взбираюсь на горку, мне в брюхо уперт нож.

Нас сажают в комнату, оставляют несколько бутылок пива. Я просматриваю стихи. Я в ужасе. Рыгаю в раковину, рыгаю в сортир, рыгаю на пол. Готов.

Самая большая толпа после Евтушенко… Выхожу на сцену. Горячая срань. Горячая срань Чинаски. За мной стоит холодильник, в нем полно пива. Я открываю дверцу и достаю одно. Сажусь и начинаю читать. Они заплатили по 2 доллара с рыла.

Прекрасные люди, впрочем. Некоторые настроены довольно враждебно с самого начала. _ меня ненавидит, _ меня обожает, остальная треть не врубается, какого черта. У меня есть такие стихи, которые только усилят ненависть, я знаю. Хорошо, когда чувствуется вражда, от нее голова свободнее.

— Лора Дэй, встаньте, пожалуйста. Покажись, любовь моя.

Она встает, машет руками.

Меня больше начинает интересовать пиво,

нежели поэзия. Между стихотворениями я разговариваю, сухое банальное дерьмо, скучно. Я Х.Богарт. Я — Хемингуэй. Я — срань горячая.

— Читай стихи, Чинаски! — орут они.

И они правы, знаете ли. Пытаюсь придерживаться стихов. Но большую часть времени я еще и у дверцы холодильника. Работа от этого только спорится, а они свое уже заплатили. Мне рассказывали, как Джон Кейдж однажды вышел на сцену, съел яблоко, ушел, получил тысячу долларов. Я прикинул, что надо выпить еще несколько.

Так, закончилось. Столпились вокруг. Автографы. Они приехали из Орегона, Лос-Анжелеса, Вашингтона. И хорошенькие славненькие девчонки тоже. Вот что доконало Дилана Томаса.

Снова наверху у нас, пьем пиво и разговариваем с Лорой и Джо Крысяком. Внизу ломятся в дверь.

— Чинаски! Чинаски! — Джо спускается их отфутболить. Я — рок-звезда. Наконец, я тоже иду вниз, некоторых впускаю. Некоторых я даже знаю. Голодающие поэты.

Редакторы малюсеньких журналов. Пролезают и те, кого я не знаю. Ладно, ладно — запирайте двери!

Выпиваем. Выпиваем. Выпиваем. Эл Масантик в ванной падает и раскраивает себе череп. Прекрасный поэт, этот Эл.

Ладно, все говорят одновременно. Просто еще одна неряшливая пивная пьянка. Потом редактор малюсенького журнальчика начинает колотить какого-то гомика. Мне это не нравится. Я пытаюсь их развести. Разбивают окно. Я сталкиваю их с лестницы. Я всех сталкиваю с лестницы, кроме Лоры. Вечеринка окончена. Ну, не совсем.

Начинаем мы с Лорой. Начинаем мы с моей любовью. Характерец у нее ого-го, у меня — ей под стать. Как обычно, из-за ерунды. Я говорю, чтоб она катилась к чертям.

Она катится.

Просыпаюсь через несколько часов, а она стоит посреди комнаты. Я подскакиваю с кровати и крою ее последними словами. Она на меня прыгает.

— Я тебя убью, сукин сын!

Я пьян. Она меня валит на пол в кухне. Рожа у меня разбита, идет кровь. Она прокусывает мне руку. Я не хочу умирать. Я не хочу умирать! Будь проклята страсть! Я забегаю в кухню и выливаю себе на руку полбутылки йода. Она выкидывает мои трусы и рубашки из своего чемодана, заби-

рает свой билет на самолет. Снова в пути. У нас снова все кончено навсегда. Я ложусь обратно в постель и слушаю, как ее каблучки цокают под горку.

На обратном пути в самолете камера снова работает. Парни с Канала 15 сейчас все выяснят про жизнь. Камера останавливается на дырке у меня в руке. Я держу стакан с двойной порцией.

— Джентльмены, — говорю я, — с женщиной никогда ничего не выйдет. Абсолютно никак и никогда.

Все они кивают, соглашаясь. Звукорежиссер кивает, оператор кивает, продюсер кивает. Кивают и некоторые пассажиры. Всю дорогу я пью по-тяжелой, смакуя свою скорбь, как говорится. Что поэту делать без скорби? Она ему нужна так же, как пишущая машинка.

Конечно, бар в аэропорту тоже мой. В любом случае был бы моим. Камера идет в бар за мной. Парни в баре озираются, поднимают стаканы и говорят о том, как с женщиной ничего никогда не может выйти.

За чтения я хапнул 400 долларов.

— А зачем камера? — спрашивает сидящий рядом.

— Я поэт, — объясняю ему я.

— Поэт? — переспрашивает он. — Как вас зовут?

— Дилан Томас, — отвечаю я.

Поднимаю стакан, опустошаю его залпом, смотрю прямо перед собой. Поехали.

Без шеи и дурной как черт

У меня живот крутило, а она снимала меня, пока я потел и подыхал в очереди, наблюдая, как какая-то пышечка в коротком лиловом платьице и на высоких каблуках расстреливает из воздушки отряд пластмассовых уточек. Я сказал Вики, что сейчас вернусь, попросил у девчонки за стойкой одноразовый стаканчик и немного воды и заглотил свои алка-зельцеры. Откинулся на спинку и вспотел.

Вики была счастлива. Мы сваливали из города. Мне нравилось, когда Вики счастлива. Она заслужила свое счастье. Я встал, сходил в мужскую комнату и хорошенько просрался. Когда я вышел, пассажиров уже звали на посадку. Гидроплан был не очень большой. Два пропеллера. Мы зашли последними. Там помещалось всего шесть или семь.

Вики села в кресло второго пилота, а мне состряпали сиденье из той штуки, которая складывается над дверью. Вперед! СВОБОДА! Мой ремень безопасности не работал.

На меня уставился какой-то японец.

— У меня ремень не работает, — сказал я ему.

Он ответил мне счастливой ухмылкой.

— Соси говно, малыш, — сказал я ему. Вики все время оглядывалась на меня и улыбалась. Она была счастлива — как дитя с конфеткой, 35-летним гидропланом.

Полет занял двенадцать минут, и мы ударились о воду. Я не срыгнул. Выбрался наружу. Вики мне все про него рассказала:

— Самолет построили в 1940 году. У него в днище дырки. Он управлял рулями рукояткой с крыши. Я ему говорю: “Мне страшно,” — а он отвечает: “Мне тоже”.

В получении всей информации я целиком зависел от Вики. У меня не очень хорошо получалось разговаривать с людьми. Ладно, упаковались мы в автобус, потея, хихикая и переглядываясь. От конца очереди на автобус до гостиницы было квартала два, и Вики меня информировала:

— Вот здесь можно есть, вот тебе винная лавка, вот бар, вот тут опять можно поесть, вот еще одна винная лавка…

Номер был ничего, выходил вперед, на самую воду. Телевизор работал смутно и сомневаясь, и я хлопнулся на постель и стал его смотреть, пока Вики распаковывалась.

— Ох, я просто в восторге от этого места! — го-

ворила она. — А ты нет?

— Да.

Я встал, сходил вниз, через дорогу и купил пива и льда. Льдом набил раковину и сунул в него пиво. Я выпил 12 бутылок пива, после 10-й поцапался из-за чего-то с Вики, допил остальные две и уснул.

Когда я проснулся, Вики уже купила сундучок для льда и теперь рисовала что-то на крышке. Вики была ребенком, романтиком, но за это я ее и любил. Во мне жило столько мрачных демонов, что такому я был только рад.

”Июль 1972. Авалон Каталена” вывела она печатными буквами на сундучке. Грамотно писать она не умела. Никто из нас не умел.

Потом она нарисовала меня, а ниже — “Нет шеи и гадок, как черт”.

Затем изобразила дамочку, а под ней написала: “Генри может отличить хорошую попку на вид”.

И в кружочке: “Только Бог знает, что он делает со своим носом”.

И еще: “У Чинаски роскошные ноги”.

Кроме этого она нарисовала большое количество разнообразных птичек, солнышек, звездочек, пальм и океан.

— Ты в состоянии позавтракать? — спросила

она. Никто из моих предыдущих женщин меня не баловал. А мне нравилось, когда меня баловали; я чувствовал, что я это заслужил. Мы пошли и отыскали сравнительно приличное место, где можно было есть за столиком снаружи. За завтраком она меня спросила:

— Ты правда выиграл Пулитцеровскую Премию?

— Какую Пулитцеровскую Премию?

— Вчера вечером ты сказал мне, что выиграл Пулитцеровскую Премию. 500,000 долларов. Ты сказал, что тебе пришла лиловая телеграмма об этом.

— Лиловая телеграмма?

— Да, а еще ты сказал, что обставил Нормана Мейлера, Кеннета Коча, Дайану Вакоски и Роберта Крили.

Мы доели и побродили вокруг. Все местечко состояло из пяти-шести кварталов. Всем было по семнадцать. Сидели и апатично чего-то ждали. Правда, не все. Было там и несколько туристов, пожилых, решивших во что бы то ни стало хорошенько оттянуться. Они сердито заглядывали в витрины и топали по мостовым, испуская лучи: у меня есть деньги, у нас есть деньги, у нас больше денег, чем у вас, мы лучше вас, нас ничего не

волнует; все говно, а вот мы — ни фига не говно, и мы знаем все, смотрите на нас.

Со своими розовыми распашонками, зелеными распашонками и голубыми распашонками, с квадратными белыми гниющими туловищами, шортами в полосочку, безглазыми глазами и безротыми ртами они шли, очень пестрые, как будто цвет может пробудить смерть и превратить ее в жизнь. Карнавал американского распада на параде — они не имели ни малейшего представления о том, какое изуверство творят над самими собой.

Я бросил Вики, поднялся наверх, сгорбился над машинкой и выглянул в окно.

Безнадежно. Всю свою жизнь я хотел быть писателем, а теперь, когда у меня есть шанс, не прет. Ни коррид, ни бокса, ни молодых сеньорит. Даже проблесков вдохновения нет. Выебан и высушен. Не могу пришпилить слово к бумаге, меня загнали в угол. Осталось только лечь и умереть. Но я же всегда воображал себе это по-другому. Писание, я имею в виду. Может, из-за того фильма Лесли Ховарда.

Или из того, что вычитал о жизни Хемингуэя или Д.Г.Лоуренса. Или Джефферса.

Писать можно начинать по-всякому. Пишешь

себе некоторое время. Потом знакомишься с кем-нибудь из писателей. С хорошими и плохими. Но у всех души жестяных побрякушек. Это понимаешь сразу же, как только попадаешь с ними в одну комнату.

На каждые 500 лет приходится только один хороший писатель, а ты — не он, и они, вероятнее всего, — тоже не те. Мы все выебаны.

Я включил телевизор и посмотрел, как мешок врачей и медсестер изрыгает свои любовные беды. Они не трогали. Не удивительно, что на них свалилось столько напастей. Они только и делали, что разговаривали, спорили, курвились, искали. Я уснул.

Меня разбудила Вики.

— О, — сказала она, — я чудно провела время!

— Да?

— Я встретила этого человека на лодке и спросила: “Куда вы едете?”, а он сказал:

”Я лодочное такси, развожу людей по их яхтам,” и я сказала: “о-кей,” а стоило это всего пятьдесят центов, и я с ним каталась несколько часов. Пока он развозил людей по яхтам. Это было чудесно.

— А я смотрел каких-то врачей и медсестер, — ответил я, — и мне стало тоскливо.

— Мы катались на лодке много часов, — продол-

жала Вики, — я дала ему свою шляпу поносить, а он подождал, пока я схожу за бутербродом с морским ушком. Он себе ногу ободрал, когда упал с мотоцикла вчера вечером.

— Колокола здесь звонят каждые пятнадцать минут. Это достает.

— Мне удалось все яхты рассмотреть. Там одни старые пьяницы. С некоторыми — молодые женщины в сапогах. С некоторыми — молодые парни. Настоящие старые пьяные распутники.

Если б у меня только была способность Вики собирать информацию, подумал я, я бы в самом деле смог что-нибудь написать. А я же: вынужден сидеть и ждать, пока само придет. Как только оно приходит, я могу и так им вертеть, и этак, и выжимать его — но не могу ходить его искать. Получается писать только о том, как пьешь пиво, ездишь на скачки и слушаешь симфоническую музыку. Жизнь не совсем искалечена, но и не полна. Как я стал таким ограниченным? Раньше у меня хоть кишки были. Что стало с моими кишками? Мужики что, действительно стареют?

— А когда я сошла с лодки, то увидела птицу. Я с ней поговорила. Ты не против, если я куплю птицу?

— Нет, не против. Где она?

— В квартале отсюда. Давай сходим посмотрим?

— Почему бы и нет?

Я что-то на себя надел, и мы спустились. Там сидела эта зеленая клякса с разлитыми сверху красными чернилами. Не очень большая, даже для птицы. Но, по крайней мере, не срала каждые три минуты, как остальные, это уже приятно.

— У него нет шеи. Он на тебя похож. Поэтому мне его и хочется. Это персиколицый попугай-неразлучник.

Мы вернулись с персиколицым попугаем-неразлучником в клетке. Поставили на стол, и Вики назвала его “Авалоном”. Она сидела и разговаривала с ним:

— Авалон, привет, Авалон… Авалон, Авалон, привет, Авалон… Авалон, о, Авалон…

Я включил телевизор.

Бар был в порядке. Мы с Вики сели, и я сообщил ей, что сейчас развалю это место напополам. Раньше я, бывало, разваливал бары напополам, а сейчас только говорил о том, как развалю их.

В баре играла банда. Я встал и пошел танцевать. По-современному танцевать легко.

Просто пинаешься руками и ногами в разные стороны, а шею либо держишь неподвижно, либо

мотаешь головой, как сукин сын какой-нибудь, а все думают, какой ты четкий. Так можно людей дурачить. Я танцевал и волновался за свою пишущую машинку.

Потом сел рядом с Вики и заказал еще выпить. Схватил Вики за голову и повернул ее в сторону бармена:

— Смотри, она красавица, чувак! Правда, красавица?

Тут вошел Эрни Хемингуэй со своей седой крысячьей бородкой.

— Эрни, — сказал я, — а я думал, ты это дробовиком сделал?

Хемингуэй рассмеялся.

— Что ты пьешь? — спросил я.

— Я угощаю, — ответил он.

Эрни купил нам выпить и сел. Выглядел он похудевшим.

— Я написал рецензию на твою последнюю книгу, — сообщил ему я. — И плохо о ней отозвался. Прости.

— Все в порядке, — ответил Эрни. — Как тебе островок?

— Это для них, — ответил я.

— В смысле?

— Публике повезло. Они всем довольны: тру-

бочками с мороженым, рок-концертами, пением, свингом, любовью, ненавистью, мастурбацией, горячими собаками, кантри-танцами, Иисусом Христом, роликовыми коньками, спиритуализмом, капитализмом, коммунизмом, обрезанием, комиксами, Бобом Хоупом, лыжами, рыбалкой убийствами кегельбаном дебатами, чем угодно. Они не ждут многого и много не получают. Великолепная тусовка, что и говорить.

— Ну и речь.

— Ну и публика.

— Ты разговариваешь, как персонаж из раннего Хаксли.

— Мне кажется, ты не прав. Я в отчаяньи.

— Однако, — сказал Хемингуэй, — люди становятся интеллектуалами, чтобы не быть в отчаяньи.

— Люди становятся интеллектуалами, потому что боятся, а не отчаиваются.

— А разница между страхом и отчаяньем в…

— Бинго! — ответил я, — интеллектуал!.. стакан мне…

Чуть позже я рассказал Хемингуэю про свою лиловую телеграмму, а потом мы с Вики ушли и вернулись к нашей птичке и нашей постельке.

— Бесполезно, — сказал я, — у меня весь же-

лудок — как открытая рана, в нем лежит девять десятых моей души.

— Попробуй вот это, — сказала Вики и протянула мне стакан воды и Алку-Зельцер.

— Иди поброди, — сказал я, — я сегодня не в состоянии.

Вики пошла и побродила, и два или три раза возвращалась проверить, все ли у меня нормально. Я сходил, поел, вернулся с двумя упаковками пива и нашел старое кино с Генри Фондой, Тайроном Пауэром и Рэндольфом Скоттом. 1939 год. Все такие молоденькие. Невероятно. Мне тогда было семнадцать. Но повезло мне, разумеется, больше, чем им. Я по-прежнему жив.

Джесс Джеймс. Играли плохо, очень плохо. Вернулась Вики и рассказала мне множество поразительных вещей, а затем залезла ко мне на постель и стала смотреть Джесса Джеймса. Когда Боб Форд уже собирался застрелить Джесса (Тай Пауэр) в спину, Вики застонала и помчалась в ванную прятаться. Форд сделал свое дело.

— Все кончено, — сказал я, — можешь выходить.

Это было лучшим мгновением нашей поездки на Каталину. Больше ничего существенного не произошло. Перед уездом Вики сходила в Тор-

говую Палату и поблагодарила их за то, что она так хорошо провела время. Также она сказала спасибо женщине из “Рундука Дэйви Джоунза” и накупила там подарков для своих друзей Литы, Уолтера, Авы, для своего сына Майка и кой-чего для меня, и кой-чего для Энни, и еще что-то для мистера и миссис Кроти, были там и другие, но я их забыл.

Мы сели на катер с нашей клеткой, нашей птицей, нашим сундучком для льда, нашим чемоданом и нашей электрической пишущей машинкой. Я нашел местечко на корме катера, мы там сели, и Вики взгрустнулось, поскольку все закончилось. Хемингуэя я встретил на улице, он по-хиппистски пожал мне руку и спросил, не еврей ли я и вернусь ли я еще, на что я ответил нет про еврея и не знаю, вернусь или нет, это зависит от моей дамы, а он сказал, я не хочу совать нос в ваши частные дела, а я ответил, Хемингуэй, смешно ты базаришь, а весь катер накренился влево, стал качаться и подпрыгивать, а молодой человек, похоже, недавно прошедший курс электротерапии, прошел по палубе, раздавая всем бумажные пакеты на предмет поблевать. Я подумал, может, гидросамолет и лучше, всего двенадцать минут, а народу значительно мень-

ше, а Сан-Педро уже медленно надвигается на нас, цивилизация, цивилизация, смог и убийство, так гораздо лучше гораздо лучше, безумцы и пьянчуги — последние святые, оставшиеся на земле. Я никогда не ездил верхом, не был в кегельбане, а также не видел Швейцарских Альп, а Вики посматривала на меня с этой своей очень детской улыбкой, и я подумал, она действительно поразительная женщина, что ж, должно и мне когда-то повезти хоть немного, и я вытянул ноги и посмотрел прямо перед собой. Мне нужно было посрать еще разок, и я решил начать пить поменьше.

Как любят мертвецы

1.

То была гостиница почти на самой вершине холма, а в холме уклона ровно настолько, чтобы сбегать до винного магазина, купить пузырь и взобраться наверх так, чтоб усилие показалось достойным. Когда-то гостиницу выкрасили в павлинье-зеленый цвет, броский такой, горячий, но теперь, после дождей, этих особенных лос-анжелесских дождей, которые очищают и заставляют линять все, жарко-зеленый цвет едва-едва держался за стены зубами — так же, как и те, кто жил внутри.

Как я сюда переехал или почему бросил предыдущее место, я едва ли помню.

Возможно, из-за того, что пил и недостаточно много работал, или из-за громких утренних перебранок с дамами улицы. А под утренними перебранками я имею в виду не 10.30 утра — я имею в виду 3.30 утра. Обычно если не вызывали полицию, то все заканчивалось маленькой запиской, просунутой под дверь, — ее всегда писали простым карандашом на вырванном листочке в линеечку: “дорогой Сэр, мы собераимся вас па-

прасить сьехать как можно скорей". А однажды это произошло в середине дня.

Перебранка закончилась. Мы подмели битое стекло, сложили все бутылки в бумажные кульки, вытряхнули пепельницы, поспали, проснулись, и я заработал, себя не помня, сверху, когда услышал ключ в замке. Меня это так удивило, что я продолжал ее пежить. А он стоит, маленький квартирохозяин, лет 45, волос никаких, только, быть может, в ушах, да на яйцах, смотрит на нее подо мной, подходит и тычет пальцем:

— Вы — вы ВОН ОТСЮДА! — Я перестаю гладить ее, лежу и смотрю на него боком. Тут он показывает на меня: — И ВЫ тоже вон отсюда! — Повернулся, дошел до двери, тихонько прикрыл за собой и ушел по коридору. Я снова запустил машину, и мы устроили хорошенькое прощание.

Как бы то ни было, вот он я, зеленая гостиница, полинявшая зеленая гостиница, и я сижу в ней с чемоданом, набитым тряпьем, пока один, но деньги на жилье есть, я трезв и с номером окнами на улицу, 3-й этаж, телефон в вестибюле прямо за моей дверью, на подоконнике плитка, большая раковина, маленький холодильник в стене, пара стульев, стол, кровать и ванная дальше по коридору. И хотя здание очень старое, в нем даже

есть лифт — гостиница некогда была классным притоном. Теперь в ней живу я. Первым делом я купил бутылку и, выпив и убив двух тараканов, почувствовал себя как дома. Потом сходил к телефону и попробовал позвонить одной даме, которая, насколько я чувствовал, могла бы мне помочь, но очевидно помогала в этот момент кому-то другому.

2.

Около 3 часов утра кто-то постучал в дверь. Я натянул свой драный халат и открыл дверь. Там стояла женщина тоже в халате.

— Ну? — спросил я. — Чего?

— Я ваша соседка. Митци. Живу в том конце коридора. Я вас сегодня видела возле телефона.

— Ну? — снова спросил я.

Тогда она вытащила руку из-за спины и показала мне. Пинта хорошего виски.

— Заходите, — сказал я.

Я сполоснул два стакана, открыл пинту.

— Как есть или смешать?

— Воды на две трети.

Над раковиной висело небольшое зеркальце — она стояла перед ним и накручивала волосы на папильотки. Я протянул ей стакан с пойлом и сел на кровать.

— Я видела вас в вестибюле. Я с первого взгляда могу сказать, что вы славный. Я славных людей сразу отличаю. А здесь не все люди славные.

— А мне говорили, что я подонок.

— Не верю.

— Я тоже.

Я допил. Она свой просто прихлебывала, поэтому я смешал себе еще один. Мы разговаривали ни о чем. Я выпил третий. Потом встал и подошел к ней сзади.

— УУУУУУх! Глупый мальчишка!

Я ткнулся в нее.

— Уууууух!! Ты ДЕЙСТВИТЕЛЬНО подонок!

У нее в одной руке была папильотка. Я поднял ее на ноги и поцеловал этот тонкогубый старушечий рот. Рот был мягок и открыт. Готова. Я вложил ей в руку стакан, довел до постели, усадил.

— Пей. — Она выпила. Я сходил и смешал ей еще один. На мне под халатом ничего не было. Полы его распались, и штука высунулась. Господи, какой я грязный, подумал я. Какой гаер. Кино просто. Кино будущего для семейного просмотра. 2490 н.э. Я с большим трудом не расхохотался над собой, разгуливая прицепленным к этой глупой елде. На самом деле мне хотелось только виски. Замка в горах хотелось. Ванны с паром. Чего

угодно, только не этого. Мы оба сидели со стаканами в руках. Я снова поцеловал ее, вбив свой прокуренный язык ей в горло. Потом оторвался подышать.

Распахнул на ней халат — и там у нее были груди. Не очень много грудей, бедняжка. Я дотянулся до одной губами и поймал. Она растягивалась и провисала, как шарик, наполовину наполненный спертым воздухом. Я набрался смелости и стал сосать сосок, а она взяла мою елду в руку и выгнула спину. Вот так мы и рухнули на дешевую кровать, и, не снимая халатов, там я ее и взял.

3.

Его звали Лу, бывший зэк и бывший забойщик. В гостинице он жил внизу. Последней работой его было выскребать баки в конторе, которая делала конфеты. Ее он тоже потерял — как и все остальные работы — с помощью кира. Страховка по безработице истощается, и мы сидим тут, как крысы — крысы, которым негде спрятаться, крысы, которым надо платить за квартиру, с голодными животами, твердеющими хуями, усталыми душами, без образования, без профессии. Говно крутого замеса, как говорят, это Америка. Многого мы не хотели, но и того не получали. Говно крутого замеса.

Я познакомился с Лу, пока пил, люди входили и выходили. Моя комната была бальной залой. Пришли все. Был там индеец Дик, воровавший в магазинах полупинты и складывавший в комод. Говорил, что у него от этого ощущение безопасности. Когда мы не могли нигде достать выпивку, то всегда обращались к индейцу как к последнему спасению.

У меня воровать получалось не очень хорошо, но одному трюку я научился у Алабама, воришки с тоненькими усиками, который когда-то работал в больнице санитаром. Мясо и ценные вещи закидываешь в большой мешок, а сверху засыпаешь картошкой. Бакалейщик взвешивает все сразу и берет с тебя только за картошку. Но лучше всего у меня получалось разводить Дика на кредит. В том районе Диков было множество, и продавца винной лавки тоже звали Диком. Сидим мы, и тут заканчивается последняя бутылка. Мой первый ход — отправить вниз какого-нибудь гонца.

— Меня зовут Хэнк, — говорю я парню. — Иди скажи Дику, что тебя послал Хэнк за пинтой, пусть запишет на манжетке, а если будут вопросы, пусть позвонит мне.

— Ладно, ладно. — И парень уходит. Мы ждем, уже ощущая вкус напитка, курим ходим сходим

с ума. Тут парень возвращается:

— Дик сказал “нет!” Дик сказал, что твой кредит больше недействителен!

— ГОВНО! — ору я.

И поднимаюсь на ноги в полном небритом негодовании с налитыми кровью глазами.

— ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ГОВНО, ВОТ УЕБИЩЕ!

Я на самом деле сержусь, это честный гнев, сам не знаю, откуда он берется. Я хлопаю дверью, съезжаю вниз на лифте и под горку мчусь… грязный уебок, вот же грязный уебок!… и заруливаю в винную лавку.

— Ладно, Дик.

— Привет, Хэнк.

— Мне нужно ДВЕ КВИНТЫ! (И я называю хорошую марку.) Две пачки покурить, парочку вон тех сигар и сейчас посмотрим… банку вон тех орешков, ага.

Дик выстраивает все это добро передо мной, стоит и смотрит.

— Ну что, платить не собираешься?

— Дик, я хочу это мне на счет.

— Ты и так мне уже задолжал 23.50. Ты раньше мне платил, раньше хоть по чуть-чуть платил мне каждую неделю, я помню, каждую пятницу вечером. А сейчас уже три недели не платишь.

Ты ведь не похож на остальных бродяг. В тебе есть класс. Я тебе доверяю. Ты что, не можешь мне хоть доллар время от времени заплатить?

— Послушай, Дик, мне сейчас не хочется спорить. Сложишь все в пакет или ОБРАТНО заберешь?

Тут я подталкивал бутылки и все хозяйство к нему и ждал, затягиваясь сигаретой, как сам хозяин мира. Класса во мне было не больше, чем в кузнечике. Я не чувствовал ничего, кроме ужаса, что он сейчас возьмет и сделает единственно разумную вещь — сгребет бутылки, поставит их назад на полку и велит мне катиться к чертям. Но лицо его всегда как-то проседало и он складывал товар в пакет, а я ждал, пока он подобьет новый счет. Он вручал мне чек; я кивал и выходил. При таких обстоятельствах выпивка всегда была вкуснее. А когда я возвращался с добряками для мальчишек и девчонок, то на самом деле был королем.

Как-то ночью мы сидели с Лу у него в комнате. Он уже на неделю запаздывал с квартплатой, а у меня срок тоже подходил. Выпивали портвейн. И даже самокрутки сворачивали. У Лу для этого была машинка, и самокрутки выходили очень мило.

Вопрос был в том, чтоб держать вокруг себя четыре стены. Если есть четыре стены, то у тебя есть шанс. Как только попадаешь на улицу, шанса нет, тебя имеют, тебя имеют по-настоящему. Зачем что-то красть, если не сможешь приготовить? Как ты собираешься что-то трахнуть, если живешь в переулке? Как ты будешь спать, если все в Союзной Миссии Спасения храпят? И тырят у тебя ботинки? И воняют? И лишены рассудка? Даже сдрочить не сможешь. Тебе нужны четыре стены. Дайте человеку четыре стены хоть на недолго, и он сможет овладеть миром. Поэтому мы немножко волновались. Каждый шаг звучал поступью хозяйки. А хозяйка была дамой весьма таинственной. Молодая блондинка, которую никто не мог трахнуть. Я разыгрывал ее очень холодно, думая, что она сама ко мне придет. Приходить-то она приходила, стучалась даже, но всегда только за деньгами. У нее где-то был муж, но мы его ни разу не видели. Они там жили и не жили. Мы же ходили по досточке. Мы считали, что если сможем выебать хозяйку, наши беды закончатся. У нас одно из тех зданий, где ебешь каждую женщину в порядке вещей, почти из чувства долга. Но вот эту я заполучить не мог, и от этого было тревожно на душе. И вот сидели

мы, вертели сигаретки, пили портвейн, а четыре стены постепенно таяли, отпадали. В такие моменты беседуется лучше всего. Несешь дичь, вином запиваешь. Мы были трусами, потому что хотели жить. Слишком плохо нам жить не хотелось, но жить мы хотели все равно.

— Ну, — сказал Лу, — мне кажется, я понял.

— М-да?

— М-да.

Я начислил еще.

— Работаем вместе.

— Еще бы.

— Значит, ты — хороший говорун, рассказываешь много интересных историй, неважно, правда или нет…

— Правда.

— Я имею в виду, что это неважно. У тебя — хороший рот. Теперь вот что мы сделаем. На этой улице, чуть дальше, есть классный бар, ты его знаешь, Молино.

Ты туда заходишь. Тебе нужны деньги только на первый стаканчик. На это мы скинемся. Ты садишься, посасываешь свою выпивку и оглядываешься, не начнет ли кто махать пачками денег. Туда такие толстые ходят. Засекаешь парня и подваливаешь к нему. Садишься и включаешь

— включаешь херню свою. Ему это понравится. У тебя даже словарный запас есть. Ладно, он, значит, покупает тебе выпивку весь вечер, сам весь вечер пьет. А ты следи, чтоб не останавливался.

Когда они начинают закрываться, ты его ведешь к улице Альварадо, на запад, мимо переулка. Говоришь, что сейчас достанешь ему хорошенькую молодую мокрощелку, все, что угодно, говори ему, но веди на запад. А я уже буду ждать в переулке вот с этим.

Лу протянул руку и вытащил из-за двери бейсбольную биту — очень большую бейсбольную биту, 42 унции, по меньшей мере.

— Господи боже мой, Лу, ты ведь его убьешь!

— Нет-нет, пьяного убить невозможно, сам знаешь. Может, если б он трезвым был, я б его и грохнул, а пьяного я только ею оглушу. Берем бумажник и делим поровну.

— Послушай, Лу, я — приличный человек, я не такой.

— Да какой ты там приличный человек? Ты — сукин сын, каких мало, я таких и не встречал. Потому ты мне и нравишься.

4.

Я нашел такого. Большого и толстого. Такие жирные недоразумения, как он, увольняли меня

с работы всю жизнь. С никчемной, плохо оплачиваемой, тупой и тяжелой работы. Сейчас все получится славно. Я начал влазить ему в ухо. Уж и не знаю, что я ему плел. Он слушал, смеялся, кивал и покупал выпивку. Носил часы с браслеткой, целую кучу колец и глупый полный бумажник. Тяжко пришлось. Я рассказывал ему байки о тюрьмах, бандах путевых рабочих и борделях. Про бордели ему понравилось.

Я рассказал ему о парне, который заходил каждые две недели и хорошо платил. Все, что ему было нужно, — это блядь в номер. Они оба раздевались, играли в карты и разговаривали. Просто сидели. Через два часа он вставал, одевался, говорил до свиданья и уходил. Саму блядь никогда не трогал.

— Черт возьми, — сказал он.

— Ага.

Я пришел к выводу, что не стану возражать, если дубина Лу загонит на базу этот жирный череп. Чума просто. Что за бесполезный кусок говна.

— Тебе молоденькие девчонки нравятся? — спросил я.

— О да, да, да.

— Лет четырнадцати с половиной?

— Ох господи, да.

— Тут есть одна, приезжает в полвторого ночи чикагским поездом. Примерно в 2.10 будет у меня. Чистая, горяченькая, умная. Я сейчас играю по-крупному, поэтому прошу за нее десять баксов. Много?

— Не, нормально.

— Ладно, когда этот притон закрывается, идем ко мне.

Наконец, 2 часа наступили, и я его оттуда вывел, в сторону переулка. Может, Лу там и не будет. Винище в башку стукнет или просто зассыт. Таким ударом человека и убить можно. Или мозги набекрень свернуть на всю жизнь. Нас шкивало под луной.

Вокруг никого не было, на улицах — тишь. Семечки, а не работа.

Мы свернули в переулок. Лу стоял на месте. Но Жиртрест его заметил. Он выкинул вперед руку и пригнулся, стоило Лу занести руку. Бита заехала мне прямо за ухо.

5.

Лу снова взяли на старую работу, которую тот потерял из-за кира, и он поклялся пить только по выходным.

— Ладно, старина, — сказал ему я, — держись от меня подальше, я запойный и пью все время.

— Я знаю, Хэнк, и ты мне нравишься, ты мне нравишься больше, чем другие мужики, которых я знал, только я оставлю пьянку на выходные, по вечерам в пятницу и субботу, а в воскресенье — ни капли. Я раньше прогуливал понедельники, это стоило мне работы. Я буду держаться от тебя подальше, но хочу, чтобы ты знал — к тебе это не имеет никакого отношения.

— Кроме того, что я — алкаш.

— А-а, ну да, это есть.

— Хорошо, Лу, только не приходи и не ломись ко мне до пятницы или субботы. Ты можешь слышать отсюда песни и смех прекрасных семнадцатилетних девчонок, но не стучись ко мне в дверь.

— Чувак, да ты же трахаешься только со старыми перечницами.

— Сквозь донышко бутылки они выглядят на семнадцать.

Он стал мне объяснять характер своей работы: что-то связанное с чисткой внутренностей конфетных автоматов. Липкая, грязная работа. Босс нанимал только бывших зэков и урабатывал их задницы до полусмерти. Материл их яростно днями напролет, а они с этим ничего поделать не могли. Он им недоплачивал, и с этим тоже

ничего сделать было нельзя. Если они начинали скулить, их вышвыривали на улицу. Многие отрабатывали химию. Бозз держал их за яйца.

— Он у вас похож на парня, которого следует замочить, — сказал я Лу.

— Ну, я ему нравлюсь, он говорит, что я — лучший работник, который у него был, но мне надо завязать, ему нужен человек, на которого можно положиться. Он даже меня как-то раз к себе приглашал, нужно было что-то покрасить, и я ему ванную покрасил, неплохо получилось. У него дом в горах, большой такой, а видел бы ты его жену. Я никогда не думал, что их такими делают, такая красивая — и глаза, и ноги, и тело, и как она ходит, говорит, господи.

6.

Что ж, Лу слово держал. Некоторое время я его действительно не видел, даже по выходным, а сам тем временем переживал нечто вроде личного ада. Я стал очень дерганый, нервов никаких — чуть где что крякнет, я уже из шкуры выпрыгиваю.

Боялся ложиться спать: один кошмар за другим, каждый ужаснее предыдущего. Если засыпаешь в полной отключке, тогда нормально, а если ложишься полупьяным или, что еще хуже, на

трезвяк, тогда начинаются сны, только до конца не уверен, то ли ты спишь, то ли действие происходит у тебя в комнате, поскольку снится тебе сама комната, грязная посуда, мыши, смыкающиеся стены, засранные трусики какая-то блядь кинула на пол, кран капает, снаружи луна как пуля, машины, полные трезвых и откормленных, фары светят прямо в окно, все, все, а ты в каком-то темном углу, темном темном, и помощи не дождешься, и причины нет, нет нет никакой причины вообще, темный потный угол, тьма и грязь, вонь реальности, вонь всего абсолютно:

пауков, глаз, хозяек, тротуаров, баров, зданий, травы, нет травы, света, нет света, ничего тебе не принадлежит. Розовые слоны мне никогда не являлись, зато было много маленьких человечков со злобными проказами, или за спиной высился один громадный человек, чтобы придушить тебя или вонзить зубы в затылок, полежать у тебя на спине, а ты потеешь, не в силах пошевельнуться, а эта черная, вонючая, волосатая тварь давит на тебя на тебя на тебя.

А если не кошмары, то когда сидишь днем, часы невыразимого ужаса, страх распускается в самом центре тебя, словно гигантский цветок, его невозможно проанализировать, понять, почему он и

отчего становится хуже. Часы сидения в кресле посреди комнаты, выебанный и высушенный. Посрать или поссать невероятное усилие, чепуха, а причесаться или почистить зубы — смешные и безумные поступки. Вброд по морю огня. Или налить воды в стакан — кажется, у тебя нет права наливать воду в стакан. Я решил, что сошел с ума, негоден, а от этого чувствовал себя грязным. Сходил в библиотеку и попробовал найти книги о том, что заставляет людей чувствовать себя так же, как и я, но таких книг не было, а если и были, я их не понимал. Поход в библиотеку едва ли оказался легче — все выглядели такими уютными, библиотекари, читатели, все, кроме меня. Мне сложно было даже сходить в библиотечную уборную — там бродяги, гомики смотрят, как я ссу, они все казались сильнее меня, ничем не обеспокоенные, уверенные в себе. Я все время сваливал оттуда, переходил через дорогу, вверх по винтовой лестнице бетонного здания. Где хранились тысячи ящиков с апельсинами. Надпись на крыше другого здания гласила ИИСУС СПАСАЕТ, но ни Иисус, ни апельсины не значили для меня ни хера, когда я поднимался по той винтовой лестнице и заходил в бетонное здание. Я всегда думал: вот где мне место, внутри этой

бетонной гробницы.

Мысль о самоубийстве жила во мне постоянно, сильная, как мурашки, бегавшие у меня по запястьям. Самоубийство было единственной положительной вещью. Все остальное отрицательно. А еще был Лу, довольный, что может чистить внутренности конфетных автоматов, чтоб не сдохнуть с голоду. Он был мудрее меня.

7.

В то время в баре я встретился с дамочкой, постарше меня, очень разумной. Ноги у нее по-прежнему были хороши, присутствовало странное чувство юмора, а одевалась она очень дорого. Она скатилась по лестнице от какого-то богача. Мы отправились ко мне и зажили вместе. Она была очень хорошим кусочком жопки, но вынуждена была все время пить. Звали ее Вики. Мы трахались и пили вино, пили вино и трахались.

У меня была библиотечная карточка, и я ходил в библиотеку каждый день. Про самоубийство я ей не рассказывал. Мои возвращения домой из библиотеки всегда были одной большой шуткой. Я открывал дверь, она на меня смотрела:

— Как — не принес книг?

— Вики, у них нет книг в библиотеке.

Я заходил, вытаскивал бутылку (или бутылки)

вина из пакета, и мы приступали.

Однажды после недельного запоя я решил себя убить. Ей говорить не стал.

Прикинул, что сделаю это, когда она отвалит в бар искать себе “живчика”. Мне эти жирные клоуны, трахавшие ее, не нравились, но она приносила деньги, виски и сигары. Про то, что я — единственный, кого она любит, она мне тоже тележила.

Называла меня “Мистер Вэн Жопострой” — почему, я так и не понял. Она напивалась и все время твердила:

— Ты думаешь, что крутой, думаешь, что ты — мистер Вэн Жопострой!

А я в то время разрабатывал план, как убить себя. Однажды настал день, когда я уверился, что могу это сделать. После недельного запоя, голимый портвейн, мы покупали огромные кувшины и выстраивали их на полу, а за огромными кувшинами мы выстраивали винные бутылки обычного размера, 8 или 9, а за обычными бутылками — 4 или 5 маленьких. И ночь, и день потерялись. Один трах, базары и кир, базары, кир и трах. Неистовые ссоры, заканчивавшиеся любовью. Сладенькой свинкой она была в смысле потрахаться, тугой и егозливой. Одна такая баба

на 200. С большинством остальных это типа комеди, шуточки. Как бы то ни было, может из-за всего этого, из-за кира и тех жирных тупых быков, что трахались с Вики, мне стало очень погано, накатила депрессия, однако, что, к чертовой матери я мог тут сделать? за токарный станок встать?

Когда вино кончилось, депрессия, страх, бессмысленность продолжать взяли верх, и я понял, что могу это сделать. Только она вышла из комнаты, для меня все кончилось. Как именно, я не очень уверен, но существовали сотни способов. У нас была маленькая газовая плитка. Газ чарует. Газ вроде поцелуя. Оставляет тело нетронутым. Вина нет. Я едва ноги передвигал. Армии страха и пота носились по всему телу вверх и вниз. Все достаточно просто. Самое большое облегчение:

никогда больше не придется обгонять другое человеческое существо на тротуаре, видеть, как они идут в своем жире, видеть их крысячьи глазки, их жестокие грошовые хари, их животное цветение. Что за сладкий сон — никогда больше не смотреть в другое человеческое лицо.

— Схожу посмотрю в газету, какой сегодня день, ладно?

— Конечно, — ответила она, — конечно.

Я вышел из квартиры. В вестибюле — ни души.

Никаких человекообразных. Времени около 10 вечера. Я спустился на провонявшемся мочой лифте. Много сил потребовалось, чтобы решиться и шагнуть в пасть этому лифту. Я спустился с горки. Когда вернусь, ее уже не будет. Стоило пойлу закончиться, как она начинала шевелить поршнями очень быстро. Тогда и сделаю. Но сначала мне нужно было узнать, какой сегодня день. Я спустился с горки — возле аптеки стоял газетный киоск. Я посмотрел на дату в газете. Пятница. Очень хорошо — пятница.

День как день. Это что-то да значило. И тут я прочел заголовок:

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ МИЛТОНА БЕРЛЯ УБИТ УПАВШИМ НА ГОЛОВУ КАМНЕМ

Я не очень понял. Склонился поближе и перечитал. То же самое:

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ МИЛТОНА БЕРЛЯ УБИТ УПАВШИМ НА ГОЛОВУ КАМНЕМ

Черным по белому, крупным шрифтом, заголовок первой полосы. Изо всех важных вещей, происшедших в мире, для заголовка они выбрали эту.

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ МИЛТОНА БЕРЛЯ УБИТ УПАВШИМ НА ГОЛОВУ КАМНЕМ

Я перешел улицу, чувствуя себя гораздо лучше,

и зашел в винную лавку. Купил две бутылки портвейна и пачку сигарет в кредит. Когда я вернулся, Вики все еще была дома.

— Какой сегодня день? — спросила она.

— Пятница.

— Ладно, — ответила она.

Я налил два полных стакана вина. В маленьком стенном холодильнике оставалось еще немного льда. Кубики плавали в стакане гладко.

— Я не хочу делать тебя несчастным, — сказала Вики.

— Я знаю, что не хочешь.

— Отпей первым.

— Конечно.

— Пока тебя не было, под дверь подсунули записку.

— Ага.

Я отхлебнул, поперхнулся, зажег сигарету, отхлебнул еще раз, потом она протянула мне клочок бумаги. Теплая лос-анжелесская ночь. Пятница. Я прочел записку:

Дорогой мистер Чинаски: У вас есть время до среды, чтобы уплатить за квартиру.

Если не оплатите, вылетите вон. Я знаю про всех тех женщин у вас в комнате. К тому же, вы слишком шумите. И разбили окно. Вы платите

за свои привилегии. Или должны платить. Я к вам была слишком добра. А теперь говорю: следующая среда или выметайтесь. Жильцы устали от вашего шума, мата и пения днем и ночью, днем и ночью, я — тоже. Жить здесь, не платя за квартиру, вы не сможете. Не говорите, что я вас не предупреждала.

Я высосал остаток вина, чуть не сблевнул. В Лос-Анжелесе стояла теплая ночь.

— Я устала ебаться с этими придурками, — сказала она.

— Я достану денег, — ответил я.

— Как? Ты ведь ничего не умеешь.

— Я знаю.

— Так как ты собираешься это делать?

— Как-нибудь.

— Последний парень выебал меня три раза. У меня пизда болела.

— Не волнуйся, крошка, я гений. Беда только в том, что этого никто не знает.

— Гений чего?

— Не знаю.

— Мистер Вэн Жопострой!

— Он самый. Кстати, ты знаешь, что двоюродному брату Милтона Берля на голову камень свалился?

— Когда?

— Вчера или сегодня.

— А какой камень?

— Понятия не имею. Наверное, какой-нибудь здоровый камень сливочного цвета.

— Кого это волнует?

— Меня нет. Меня точно не волнует. Вот только…

— Только что?

— Только, мне кажется, из-за этого камня я остался в живых.

— Ты говоришь, как жопа с ручкой.

— Я и есть жопа с ручкой.

Я ухмыльнулся и разлил по стаканам вино.

Все задницы на свете и моя

”ничьи страдания не больше того, что суждено природой.”

— из разговора, подслушанного за игрой в кости

1.

Шел девятый заезд, и лошадь звали Зеленый Сыр. Он опередил на 6, и я вернул 52 за 5, а поскольку все равно ушел далеко вперед, за это надо было выпить.

— Плесни-ка мне зеленого сыру, — сказал я бармену. Его это не смутило. Он знал, что я пью. Я облокачивался на его стойку весь день. Я был под сильной мухой всю ночь до этого, а когда вернулся домой, то, разумеется, надо было усугубить. Я был полон решимости. Во мне плескались скотч, водка, вино и пиво. Около 8 вечера позвонил какой-то гробовщик и сказал, что хотел бы меня видеть.

— Прекрасно, — ответил я, — притащи выпить.

— Ты не возражаешь, если я прихвачу друзей?

— У меня нет друзей.

— Я имею в виду, моих друзей.

— Мне плевать, — ответил ему я.

Я зашел на кухню и налил в стакан на 3/4 скотча. Выпил залпом, как в старые добрые дни. Я, бывало, выхлестывал квинту за полтора-два часа.

— Зеленый сыр, — сказал я кухонным стенам. И открыл высокую банку ледяного пива.

2.

Гробовщик приехал, сел на телефон, и довольно скоро в квартиру входило множество странных людей, и все с собой несли выпивку. Женщин среди них было много, и мне хотелось изнасиловать всех. Я сидел на ковре, ощущал электрический свет, чувствовал, как напитки маршируют сквозь меня, будто на параде, будто идут в атаку на тоску, будто идут в атаку на безумие.

— Мне никогда не придется больше работать! — сказал я им. — Лошадки обо мне позаботятся так, как ни одна блядь НИКОГДА не сможет!

— О, мы это знаем, мистер Чинаски! Мы знаем, что вы — ВЕЛИКИЙ человек!

Это говорил маленький седой ебучка — сидел на кушетке, потирал ладошки и ухмылялся мне мокрыми губешками. Он не шутил. Меня от него тошнило. Я допил то, что оставалось в стакане, нашел где-то еще один и его тоже выпил. Я начал разговаривать с женщинами. Обещал им все

мыслимые чары своего могучего хуя. Они смеялись. Я тоже не шутил. Прямо тут. Сейчас же. Я двинулся в направлении женщин. Мужики меня оттащили. Для светского человека я был чересчур щеглом. Если б я не был великим мистером Чинаски, кто-нибудь бы меня точно убил. Как выяснилось впоследствии, я содрал с себя рубаху и предложил выйти со мной на газон любому. Мне повезло. Никому не хотелось толкать меня, когда я стоял на собственных шнурках.

Когда мозги мои прояснились, на часах было 4 утра. Свет горел, а все люди ушли.

Я по-прежнему сидел. Нашел теплое пиво и выпил. Затем лег спать с чувством, знакомым всем пьяницам: что я свалял дурака, ну и черт с ним.

3.

Геморрой меня беспокоил лет 15-20; а помимо него — прободение язвы, плохая печень, чирьи, невроз беспокойства, различные виды умопомешательств, но жизнь продолжалась, и я надеялся только на то, что все не развалится одновременно.

Казалось, что кир почти этого добился. Я чувствовал слабость и у меня кружилась голова, но это обычное дело. Дело было в геморрое. Он ни на что не реагировал:

горячие ванны, мази — ничего не помогало. Внутренности чуть ли не свисали у меня из задницы наподобие собачьего хвоста. Я пошел к врачу. Он просто скользнул по нему взглядом.

— Операция, — сказал он.

— Ладно, — ответил я, — дело только в том, что я трус.

— Я-я, от этоко бутет слошнее.

Вот паршивец фашистский, подумал я.

— Я хочу, штоп фы принимайт этот слапительный фо фторник фечером, а ф 7 утра фставайт, я? и телайт сепе клисма, протолшайт стафит клисма, пока фота не пойтет чистый, я? потом я посмотрет на фас еще рас, ф 10 утра. Ф срету утром.

— Яволь, майн хер, — ответил я.

4.

Дуло клизмы все время выскакивало, вся ванная была мокрой, холодно, у меня болел живот, и я тонул в слизи и дерьме. Вот как наступает конец света — не от атомной бомбы, а в говне говне говне. В том клизменном наборе, что я купил, не было груши, чтобы регулировать поток воды, а пальцы у меня не сгибались, поэтому вода хлестала и внутрь, и наружу полным напором. У меня процедура заняла полтора часа, и к тому времени геморрой принял командование

миром на себя. Несколько раз я подумывал о том, чтобы просто все бросить, лечь и умереть. У себя в чулане я обнаружил банку спиртовой настойки скипидара. Очень красивая красно-зеленая банка. “ОСТРОЖНО!” — гласила она, — “при попадании внутрь опасен или смертелен.”

Я действительно был трусом: банку я поставил на место.

5.

Врач положил меня на стол.

— Теперь расслапьте фаш спина, я? расслапьте, расслапьте….

Неожиданно мне в задницу он всадил какую-то клинообразную коробку и стал разматывать свою змею, которая вползала мне в кишки, ища преграды, рака ища.

— Ха! Тепер немноко больн, найн? Тышите клупше, как сопака, ну, хахахахахаааа!

— Еб твою мать, ублюдок!

— Што?

— Блядь, блядь, блядь! Говночист! Ты, свинья, садюга… Ты Жанну на костре сжег, ты гвозди в ладони Христу забивал, ты голосовал за войну, ты голосовал за Голдуотера, ты голосовал за Никсона… Срать твою мать! Что ты со мной ДЕЛАЕШЬ?

— Скоро фсе сакончится. Фы хорошо перено-

сийт осмотр. Скоро фы станет дас пациент.

Он вкатал змею обратно, и тут я увидел, как он всматривается во что-то вроде перископа. В мою окровавленную жопу он воткнул клочок марли, я встал и оделся.

— А что вы мне оперировать будете?

Он понял, что я имею в виду.

— Только кеморрой.

Выходя, я заглянул под юбку медсестре. Та мило улыбнулась.

6.

В приемном покое больницы маленькая девчушка рассматривала наши серые лица, наши белые лица, наши желтые лица…

— Все умирают! — провозгласила она. Никто ей не ответил. Я перевернул страницу старого номера Тайма.

После процедуры заполнения бумаг… анализа мочи… крови меня провели в палату на четыре койки на восьмом этаже. Когда встал вопрос о вероисповедании, я ответил:

— Католик, — в основном, чтобы уберечься от взглядов и вопросов, обычно следующих за объявлением отсутствия вероисповедания. Я устал от всяких споров и волокиты. Больница была католической — может, меня обслужат лучше

или получу папское благословение.

Заперли меня, значит, с тремя остальными. Меня — отшельника, одиночку, игрока, повесу, идиота. Все кончено. Любимое мое одиночество, холодильник, полный пива, сигары на комоде, номера телефонов большеногих, большезадых теток.

Там лежал один с желтым лицом. Чем-то походил на большую жирную птицу, обмакнутую в мочу и высушенную на солнце. Он все время давил на кнопку своего звонка. Голос у него был нудный, плаксивый, мяукающий.

— Сестра, сестра, где доктор Томас? Доктор Томас вчера давал мне кодеин. Где доктор Томас?

— Я не знаю, где доктор Томас.

— Можно мне микстуру от кашля?

— Она у вас на тумбочке.

— От них кашель не прекращается, и это лекарство тоже не помогает.

— Сестра! — завопил седой парняга с северовосточной кровати. — Можно мне еще кофе? Я бы хотел еще чашечку.

— Сейчас посмотрю, — ответила та и ушла.

Мое окно показывало холмы, их склоны уходили вверх. Я смотрел на склоны холмов.

Темнело. На холмах одни дома. Старые дома. У

меня возникло странное чувство, что в них никто не живет, что все уже умерли, все сдались и всч бросили. Я слушал, как трое моих соседей жалуются на пищу, на стоимость палаты, на врачей и медсестер. Когда говорил один, остальные двое, казалось, не слушали, ничего не отвечали. Затем начинал следующий. Они гундели по очереди. Больше ничего не оставалось. Тележили они смутно, перескакивая с темы на тему. Меня заперли с оклахомцем, кинооператором и желтой мочептицей. За моим окном в небе нарисовался крест — сначала голубой, затем покраснел. Наступила ночь, и вокруг наших коек немного задернули шторы — мне стало лучше, но странным образом я осознал что ни боль, ни возможная смерть не сближают меня с человечеством. Начали подваливать посетители. У меня посетителей не было. Я чувствовал себя святым. Выглянул в свое окно и увидел вывеску рядом с мигавшим красно-голубым крестом. МОТЕЛЬ написано. Уж там-то тела — в более нежном созвучии. Ебутся.

7.

Зашел бедный чертяка в зеленом и выбрил мне задницу. Какие ужасные профессии в мире есть! Хоть одну я промухал.

Мне на голову натянули купальную шапочку и

столкнули на каталку. Все, приехали.

Хирургия. Трус плывет по коридорам мимо умирающих. Рядом были мужчина и женщина.

Они толкали меня и улыбались, казалось, они очень спокойны. Они вкатили меня в лифт. В кабине было еще четыре женщины.

— Я еду в операционную. Никому из вас, дамы, не хотелось бы поменяться со мной местами?

Те лишь вжались в стенки и отказались отвечать.

В операционной мы стали дожидаться пришествия Бога. Бог, в конце концов, пришествовал:

— Такс, такс, такс, кте тут майн друк?

Я даже не почесался ответить на такую ложь.

— Пофернитес на шифот, пошалста.

— Что ж, — ответил я, — полагаю, передумывать уже поздно.

— Я, — ответил Бог, — тепер фы ф нашей фласти!

Я почувствовал, как спину мне перетягивают ремнем. Мне раздвинули ноги. Вкололи первую спинномозговую. Похоже, будто спину и жопу мне окутывают полотенцами. Еще один укол. Третий. Я продолжал чесать с ними языком. Трус, актер гаерный насвистывает в темноте.

— Усыпитте ефо, я? — сказал врач. Я почувство-

вал укол в локоть, вонючка. Ни фига. За спиной слишком много выпито.

— У кого-нибудь найдется сигара? — спросил я.

Кто-то хохотнул. Я начинал отдавать похабством. Потерял форму. Я решил попритихнуть.

Я чувствовал, как мне в задницу тычется нож. Боли никакой не было.

— Теперь это, — слышал я его голос, — это — оснофной препятстфий, фитите? и фот тут…

8.

В послеоперационной было скучно. Вокруг расхаживало несколько прекрасных на вид женщин, но они меня игнорировали. Я приподнялся на локте и огляделся. Везде тела. Очень-очень белые и неподвижные. Настоящие операции. Легкие. Сердце. Все.

Я отчасти чувствовал себя любителем, а отчасти мне было стыдно. Я обрадовался, когда меня оттуда выкатили. Три моих соседа просто вытаращились, когда меня привезли. Форму совсем потерял. Я скатился с этой штуки на койку. Обнаружил, что ноги у меня по-прежнему немые, и контролировать их я не могу. Я решил поспать.

Все это место меня угнетало. Когда я проснулся, жопа у меня разламывалась от боли. А ног все так же не чувствовал. Я протянул руку и схватил

себя за член — такое чувство, что его вообще там нет. То есть, чувства никакого. Если не считать того, что мне хотелось поссать, а поссать я не мог. Это было ужасно, и я попробовал выкинуть эту мысль из головы.

Пришла одна их моих бывших любовниц и села, уставившись на меня. Я ей говорил, что ложусь в больницу. А от чего именно — мол, не знаю.

— Привет! Как дела?

— Прекрасно, только поссать не могу.

Она улыбнулась.

Мы о чем-то немного поговорили, и она ушла.

9.

Все как в кино: все медбратья казались гомосексуалистами. Один, правда, выглядел несколько мужественнее остальных.

— Эй, приятель!

Тот подошел.

— Я не могу поссать. Хочу, но не могу.

— Сейчас вернусь. Я вам помогу.

Прождал я довольно долго. Затем он вернулся, задернул шторки вокруг кровати и сел.

Господи, подумал я, что он собирается делать? Отсасывать?

Но я присмотрелся — у него с собой была какая-

то машинка. Я смотрел, а он взял полую иглу и вогнал ее в мочеиспускательное отверстие моего члена. Чувство, которое я считал давно ушедшим, неожиданно вернулось ко мне.

— Блядь же бэби! — прошипел я.

— Не самая приятная штука на свете, а?

— В самом деле, в самом деле. Я склонен согласиться. Уииоуиии! Господа бога в душу мать!

— Скоро закончится.

Он надавил мне на мочевой пузырь. Я видел, как маленький квадратный аквариум наполняется мочой. Это та часть, которую из фильмов обычно выпускают.

— Господи всемогущий, приятель, помилосердуй! Давай распрощаемся на ночь, ты хорошо поработал.

— Минуточку. Ну вот.

Он вытащил иглу. За окном мой красно-голубой крест все вращался, вращался.

Христос висел на стенке, а к ногам его приткнули сухой пальмовый листик.

Немудрено, что люди превращаются в богов. Довольно трудно принимать все таким, как есть.

— Спасибо, — сказал я брату.

— В любое время, в любое время. — Он задернул за собой шторки и ушел вместе со своей

машинкой.

Моя желтая мочептица надавила на кнопку.

— Где эта медсестра? О почему о почему не приходит сестра?

Он снова нажал на звонок.

— А у меня кнопка работает? Что-то случилось с моей кнопкой?

Вошла медсестра.

— У меня спина болит! О, спина у меня болит ужасно! Никто не пришел меня навестить! Я надеюсь, вы, друзья, это заметили! Никто не пришел меня навестить!

Даже моя жена! Где моя жена? Сестра, поднимите мне постель, у меня спина болит!

ВОТ ТАК! Выше! Нет, нет, боже мой, вы слишком высоко ее подняли! Ниже, ниже! Вот так. Стоп! Где мой ужин? Я еще не ужинал! Послушайте…

Медсестра вышла.

Я все время думал о маленькой мочевой машинке. Возможно, придется такую купить, носить с собой всю жизнь. Нырять в переулки, за деревья, оправляться на заднем сиденье машины.

Оклахомец с кровати номер один был не слишком разговорчивым.

— У меня нога, — неожиданно сообщил он стенам, — ничего не понимаю, нога у меня за ночь

вдруг вся распухла, и опухоль не спадает. Больно, больно.

Седой парень в углу нажал на кнопку.

— Сестренка, — сказал он, — сестренка, как насчет притабанить мне целый кофейник?

В самом деле, подумал я, у меня основная проблема — как не сойти тут с ума.

10.

На следующий день седой (который кинооператор) уселся со своим кофе на стул рядом с моей кроватью.

— Не переваривaю этого сукина сына. — Он говорил о желтой мочептице. Ладно, ничего не оставалось — только разговаривать с седым. Я рассказал ему, что до моего нынешнего состояния жизни меня, в общем и целом, довело пьянство. Прикола ради я поведал ему и о некоторых своих дичайших запоях и кое-что о тех безумствах, что имели место. У него самого тоже крутые бывали.

— В старину, — сказал он мне, — между Глендэйлом и Лонг-Бичем, кажется, ходили большие красные поезда. Ходили они весь день и почти всю ночь, только часа полтора их не было, наверное, между 3.30 и 5.50 утра. Так вот, поехал я однажды и надрался, и встретил кореша в баре, а после того, как бар закрылся, мы поехали к нему и

допили то, что у него оставалось. Я от него свалил и как бы потерялся.

Свернул в тупик, только я не знал, что это тупик. Ехал дальше, причем ехал довольно быстро. Так я гнал, пока не наткнулся на рельсы. Стукнулся о них я так, что баранка подскочила и шарахнула меня по подбородку — так, что меня вырубило.

И вот сижу я в машине прямо на рельсах в отрубе. Только мне повезло, поскольку это как раз были те полтора часа, когда поезда не ходят. Уж и не знаю, сколько я там просидел. Меня разбудил паровозный гудок. Я пришел в себя, вижу — на меня поезд мчится. Времени хватило ровно на то, чтоб машину завести и сдать назад.

Поезд пронесся мимо. Я отогнал машину домой — передние колеса все погнутые и ходят ходуном.

— Это круто.

— А в другой раз сижу я в баре. В аккурат через дорогу — столовка для железнодорожников. Поезд останавливается, и работники выходят поесть. А я сижу в этом баре рядом с каким-то парнем. Он поворачивается ко мне и говорит: “Я раньше такую штуку водил, хоть сейчас повести смогу. Пошли, посмотришь, как я ее заведу.” Я с ним выхожу, залезаем мы на паровоз. Еще бы, ко-

нечно он его раскочегарил. Хорошую мы скорость набрали. Тут я начал прикидывать: а я-то какого беса здесь делаю? Говорю парню: “Не знаю, как насчет тебя, а я выхожу!” Я достаточно о паровозах знал, чтоб сообразить, где у него тормоз. Дергаю за ручку, и не успел поезд остановиться, я сигаю с борта. Он сигает с другого, и больше я его никогда не видел. Довольно скоро вокруг паровоза собирается здоровенная толпа: полиция, инспекторы с железной дороги, мудаки из депо, репортеры, просто зеваки. Я стою сбоку, наблюдаю. “Пошли поближе подойдем, позырим, че там такое!” — говорит кто-то рядом. “Ну на хуй,” — отвечаю я, — “паровоз как паровоз.” Я испугался: может, кто-то меня засек. На следующий день репортажи в газетах. Заголовки: ПОЕЗД ИДЕТ В ПАКОИМУ САМ. Я заметочку вырезал и сберег. Десять лет эту вырезку хранил. Жена, бывало, наткнется на нее: “Какого хрена ты эту писульку держишь? ПОЕЗД ИДЕТ В ПАКОИМУ САМ?” Я ей так и не сказал.

До сих пор боюсь. Ты — первый, кому рассказываю.

— Не волнуйся, — сказал я ему, — ни единая живая душа больше эту историю не услышит.

Тут жопа моя стала брыкаться по-настоящему, и седой предложил, чтоб я потребовал себе укол.

Я потребовал. Сестра уколола меня в бедро. Уходя, она оставила шторку задернутой, но седой по-прежнему сидел рядом. На самом деле, к нему пришел посетитель. У посетителя был голос, отдававшийся у меня во всем перекосодрюченном нутре. Ну и орал же он.

— Я соберу все суда вокруг входа в бухту. Снимать будем прямо там. Мы платим капитану одного из этих судов 890 долларов в месяц, а у него под началом еще два парня. Весь флот уже готов. Я думаю, надо его использовать. Публика готова к хорошей морской истории. Ей со времен Эррола Флинна морских историй не давали.

— Ага, — отвечал седой, — такие штуки по кругу ходят. Сейчас публика готова. Ей нужна хорошая морская история.

— Конечно, множество ребятишек не видело никогда морской истории. Кстати, о ребятишках, я только их и буду использовать. На все суда их запущу. Старики только в главных ролях будут. Подтянем эти суда к бухте и будем снимать прямо там. Двум кораблям мачты нужны, а так с ними все в порядке. Поставим мачты и начнем.

— Публика точно готова к хорошей морской истории. Это по кругу ходит, сейчас круг замкнулся.

— Их бюджет волнует. Да черт возьми, это ни гроша стоить не будет. Чего ради…

Я отодвинул шторку и обратился к седому:

— Слушай, можешь считать меня сволочью, но вы, парни, сидите прямо у моей кровати. Ты бы не мог отвести своего друга к себе на кровать?

— Конечно, конечно!

Продюсер вскочил:

— Черт, простите. Я не знал…

Он был жирен и омерзителен; самодовольный, счастливый, тошнотворный.

— Ладно, — сказал я.

Они перешли на кровать к седому и продолжали трепаться насчет морской истории.

Все умирающие восьмого этажа Госпиталя Царицы Ангелов могли слышать их морскую историю. В конце концов, продюсер ушел.

Седой посмотрел на меня.

— Это величайший продюсер в мире. Великих картин он сделал больше, чем кто бы то ни было из живущих. Это был Джон Ф.

— Джон Ф., — сказала мочептица, — да, он снял несколько великих картин, просто великих картин!

Я попробовал заснуть. Ночью спать было трудно, поскольку все храпели.

Одновременно. Седой — громче всех. Утром он постоянно будил меня и жаловался, что всю ночь глаз не сомкнул. В тот раз мочептица всю ночь вопил. Сначала — потому что не мог просраться. Рассупонь меня, господи, мне надо оправиться! Или что ему больно. Или где врач? Врачи у него постоянно менялись. Один не выдерживал, и его место занимал другой. Никак не могли обнаружить, что с ним не так. А с ним все было в порядке: он просто хотел к мамочке, а мамочка уже умерла.

11.

Наконец, я смог их заставить перевести меня в полуприватную палату. Но от переезда стало только хуже. Его звали Херб, и медбрат сообщил мне:

— Он не болен. С ним все в полном порядке. — Он носил шелковый халат, брился дважды в день, у него был телевизор, который он никогда не выключал, к нему весь день валом валили посетители. Он руководил сравнительно крупным бизнесом и придерживался формулы, что если седые волосы стричь коротко, это будет указывать на молодость, продуктивность, разум и жестокость.

Телевизор оказался гораздо хуже, чем я мог себе

представить. У меня самого телевизора никогда не было, и я поэтому не привык к его порокам. С автогонками все было ништяк, гонки я еще терпел, хоть они и были очень скучными. Но там еще проводили какие-то Марафоны во имя Одного или Другого и собирали деньги.

Начинали рано утром и гнали весь день. Высвечивались маленькие цифры, указывавшие, сколько денег удалось выкачать. Присутствовал кто-то в поварском колпаке. До сих пор не понимаю, какого рожна он имел в виду. Еще была ужасная старуха с лицом, как у жабы. Жуткая уродина, я просто глазам своим не верил. Я не мог поверить, что эти люди не понимают, насколько уродливо, голо, мясисто и отталкивающе выглядят их физиономии — словно насилие всего достойного. Тем не менее, они просто подходили и совали свои рожи в экран, и разговаривали друг с другом, и смеялись о чем-то. Над их шутками смеяться было очень трудно, но для них, кажется, это не составляло труда. Ну и хари, ну и хари! Херб на это ничего не говорил. Он лишь продолжал смотреть такие передачи, будто ему интересно. Имен этих людей я не знал, но все они в каком-то смысле были звездами. Объявлялось имя, и все приходили в восторг — кроме меня. Я ничего не

мог понять. Мне даже становилось худо. Я жалел, что выехал из той палаты. А тем временем изо всех сил старался двинуть кишечником. Ничего не происходило. Сгусток крови. Стоял субботний вечер. Пришел священник.

— Вы не хотели бы завтра приобщиться святых тайн? — спросил он.

— Нет, спасибо, Отец, я — не очень хороший католик. Я в церкви не был уже 20 лет.

— А вас крестили католиком?

— Да.

— Тогда вы до сих пор католик. Вы просто католик-бродяга.

Прямо как в кино — он вокруг да около не ходит, режет правду-матку, как Кэгни, или это Пэт О'Брайен белый воротничок носил? Все мои фильмы были устаревшими:

последний раз я был в кино на Пропавшем Выходном. Поп дал мне брошюрку.

— Прочтите ее, — сказал он.

МОЛИТВЕННИК, гласила брошюрка. Составлен для пользования в больницах и лечебницах.

Я стал читать.

О Вечная и вовеки благословенная Троица, Отец, Сын и Дух Святой, со всеми ангелами и святыми, поклоняюсь вам.

Царица и Мать моя, вверяю себя тебе всецело; и чтоб доказать тебе мою преданность, посвящаю тебе сего дня очи мои, уши мои, уста мои, сердце мое, все существо мое без раздумий.

Сердце Христа трепещущее, смилуйся над умирающими.

Господи, распростертый ниц, поклоняюсь тебе…

Приидите, благословенные Духи, и восславьте со мною Господа Милостивого, кто так щедр к такой недостойной твари.

Грехи мои, Иисусе, прогневили тебя… грехи мои покарали тебя, и увенчали голову твою терном, и гвоздями прибили тебя к кресту. Признаюсь: достоин я лишь наказания.

Я встал и попробовал посрать. Прошло уже три дня. Ничего. Опять лишь сгусток крови, да швы в проходе трещат. У Херба было включено какое-то комедийное шоу.

— Сегодня вечером в программе будет участвовать Бэтмен. Хочу на Бэтмена поглядеть!

— Вот как? — И я снова взобрался на кровать.

Особенно я сожалею о грехах своих — о нетерпении и гневливости, о грехах уныния и гордыни.

Появился Бэтмен. Все участники программы, кажется, ужасно обрадовались.

— Это Бэтмен! — сказал Херб.

— Хорошо, — ответил я. — Бэтмен. Сладкое Сердце Марии, будь мне спасителем.

— Он умеет петь! Смотри, он петь может!

Бэтмен снял свой костюм летучей мыши и переоделся в цивильное. Очень обыкновенный молодой человек с каким-то пустым лицом. Он запел. Песня все не кончалась и не кончалась, а Бэтмен, казалось, очень гордился своим пением почему-то.

— Он может петь! — сказал Херб.

Господь мой милостивый, что я и кто ты, чтоб посмел я приблизиться к тебе?

Я лишь бедная, жалкая, грешная тварь, абсолютно недостойная предстать перед тобой.

Я повернулся спиной к телевизору и попытался уснуть. Херб включал его очень громко. У меня было немного ваты, и я засунул ее в уши, но помогло это мало. Я никогда не просрусь, думал я, никогда больше не смогу срать, тем более, если будет работать эта дрянь. От нее у меня кишки сжимались, сжимались… В это раз я точно чокнусь!

Господи, Боже мой, с этого дня я принимаю твою руку с радостью и покорностью, какую бы смерть ты не пожелал бы ниспослать мне, со

всеми ее скорбями, болями и страданием. (Пленарное отпущение грехов один раз в день при обычных условиях.)

Наконец, в полвторого ночи я не вытерпел. Я слушал его с семи утра. Говно мое застопорилось Навечно. Я почувствовал, что за эти восемнадцать с половиной часов я заплатил за Распятие. Мне удалось повернуться.

— Херб! Ради Бога, мужик! Я сейчас рехнусь! У меня сейчас резьбу сорвет! Херб!

ПОЩАДИ! Я НЕ ПЕРЕВАРИВАЮ ТЕЛЕВИЗОР! Я ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ РАСУ! Херб!

Херб!

Тот спал, сидя.

— Ты, пиздосос вонючий, — сказал я.

— Че такое? че??

— А НЕ ВЫКЛЮЧИШЬ ЛИ ТЫ ЭТУ ДРЯНЬ?

— Вы… ключить? а-а, конечно-конечно… че ж ты раньше не сказал, парнишка?

12.

Херб тоже храпел. И разговаривал во сне. Я заснул примерно в полчетвертого. В 4.15 меня разбудил звук — как будто по коридору тащили стол. Вдруг верхний свет зажегся: надо мной стояла здоровенная негритянка с планшетом. Господи, как же уродлива и глупа на вид была эта

дева, к чертям Мартина Лютера Кинга и расовое равенство! Она легко могла бы изметелить меня до полусмерти. Может, неплохая мысль? Может, пришло время Последних Обрядов? Может, мне конец?

— Слушай, крошка, — сказал я, — будь добра, объясни мне, что происходит? Это что — ебаный конец?

— Вы Генри Чинаски?

— Боюсь, что так.

— Вам пора на Причастие.

— Нет, постой-ка! Его перемкнуло. Я сказал ему: Никакого Причастия.

— О, — ответила она, снова задернула шторки и выключила свет. Я услышал, как стол, или что еще там было, потащили дальше по коридору. Папа будет мной очень недоволен. Стол грохотал просто дьявольски. Я слышал, как недужные и умирающие просыпались, кашляли, задавали вопросы воздуху, звонили медсестрам.

— Что это было, парнишка? — спросил Херб.

— Что что было?

— Весь этот шум и свет?

— Это Крутой Черный Ангел Бэтмена готовил Тело Христа.

— Что?

— Спи.

13.

На следующее утро пришел мой врач, заглянул мне в жопу и сказал, что я могу выписываться домой.

— Но, малшик мой, не стойт естить верхом, я?

— Я. А как насчет какой-нибудь горячей пизденки?

— Што?

— Полового сношения?

— О, найн, найн! Фы смошет фосопнофит фсе нормалны тейстфия черес шесть-фосем нетель.

Он вышел, а я стал одеваться. Телевизор меня больше не раздражал. Кто-то произнес с экрана:

— Интересно, мои спагетти уже сварились? — Потом сунулся физиономией в кастрюлю, а когда снова поднял голову, вся она была облеплена спагетти. Херб заржал. Я потряс его за руку.

— Прощай, малыш, — сказал я.

— Приятно было, — ответил он.

— Ага, — сказал я.

Я уже совсем собрался уходить, когда это случилось. Я рванул к горшку. Кровь и говно. Говно и кровь. Больно так, что я разговаривал со стенками.

— Ууу, мама, грязные ебучие ублюдки, ох блядь

блядь, о спермоглоты сраные, о небеса хуесосные говнодрючные, хватит! Блядь, блядь блядь, ЙОУ!

Наконец, все закончилось. Я почистился, надел марлевую повязку, натянул штаны и подошел к своей кровати, взял дорожную сумку.

— Прощай, Херб, малыш.

— Прощай, парнишка.

Угадали. Я помчался туда снова.

— Ах вы грязные кошкоебы, еб вашу мать! Уууууууу, блядьблядьблядьБЛЯДЬ!

Я вышел и немножко посидел. Третий позыв был слабее, и после него я почувствовал, что готов. Я спустился и подписал им счетов на целое состояние.

Прочесть я ничего не мог. Мне вызвали такси, и я встал у въезда для скорой помощи. У меня с собой была маленькая зитц-ванночка. То есть, горшок, куда срешь, наполнив его горячей водой. Снаружи стояли три оклахомца, два мужика и баба. Голоса у них были громкими, южными, и они выглядели так, словно с ними никогда ничего не происходило — даже зубы не болели. Мою задницу начало крутить и резать. Я попробовал присесть, но это была ошибка. С ними стоял маленький мальчик. Он подбежал и попытался схватить мой горшок. Стал тянуть его на себя.

— Нет, сволочь, нет, — шипел я ему. Мальчик почти его выдернул. Он был сильнее меня, но я держал крепче.

О Иисусе, вручаю тебе родителей своих, родню, благодетелей, учителей и друзей.

Вознагради их по-особому за всю их заботу и за горести, которые я на них навлек.

— Ты, задрота маленькая! Отпусти горшок! — сказал я ему.

— Донни! Оставь дядю в покое! — заверещала ему женщина.

Донни убежал. Один из мужиков посмотрел на меня.

— Здрасьте! — сказал он.

— Привет, — ответил я.

Такси выглядело прекрасно.

— Чинаски?

— Да. Поехали. — Я сел вперед вместе со своим горшком. Как бы пристроился на одной ягодице. Дал ему адрес. Потом добавил:

— Слушайте, если я заору, съезжайте на обочину возле щита, заправки, чего угодно. Но перестаньте ехать. Возможно, придется посрать.

— Ладно.

Мы поехали. Улицы тоже выглядели хорошо. Полдень. Я по-прежнему был жив.

— Послушайте, — спросил я его, — а где тут хороший бордель? Где я могу подснять хороший, чистый, недорогой кусочек жопки?

— Я ничего про такие вещи не знаю.

— ДА ЛАДНО, ЛАДНО! — заорал я. — Я что, на фараона похож? На стукача? Можешь мне баки не заколачивать, шеф!

— Нет, я не шучу. Я ничего про такие вещи не знаю. Я езжу днем. Может, ночной таксист вас и просветил бы.

— Ладно, я тебе верю. Сворачивай сюда.

Старая хибара смотрелась славно меж всех этих многоэтажных апартаментов. Мой “Плимут‘57” стоял весь покрытый птичьим пометом и с полуспущенными шинами. Мне же нужна была только горячая ванна. Горячая ванна. Кипяток мне на бедную задницу. Покой. Старые Беговые Формы. Счета за газ и свет. Письма от одиноких женщин, которых не трахнешь — слишком далеко живут. Воды. Горячей воды. Покоя. И я размазываюсь по стенам, заползаю в окопчик собственной богом проклятой души. Я дал ему хорошие чаевые и медленно пошел по проезду. Дверь была открыта. Широко.

Кто-то по чему-то колотил молотком. С постели сдернуты простыни. Боже мой, меня обчистили!

Меня выселили!

Я вошел и заорал:

— ЭЙ!

В гостиную вышел мой хозяин.

— В-во, мы тебя так рано и не ждали! Титан тут потек, так нам пришлось его выкорчевать. Новый поставим.

— В смысле, горячей воды нет?

— Не-а, нет.

Милостивый Иисусе, я добровольно принимаю испытание это, кое тебе было по душе на меня наложить.

Вошла его жена.

— О, а я как раз собиралась тебе постель застелить.

— Ладно. Прекрасно.

— Он должен новый титан сегодня подсоединить. У нас может запчастей не хватить.

По воскресеньям запчасти трудно доставать.

— Ладно, я сам застелю, — сказал я.

— Да постелю я тебе.

— Нет, пожалуйста, я сам.

Я зашел в спальню и стал заправлять постель. Тут и подступило. Я побежал на горшок. Садясь, я слышал, как он колотит по титану. Я был рад, что он колотит. Я разразился тихой речью. Потом лег

в постель. Было слышно пару в соседнем дворике. Он был пьян. Они ссорились.

— А с тобой беда в том, что у тебя вообще никаких концепций нет! Ты ничего не знаешь! Ты глупая! А ко всему прочему еще и шлюха!

Я снова был дома. Это здорово. Я перевернулся на живот. Армии во Вьетнаме были при деле. В переулках бомжи сосали винч из бутылок. Солнце все еще стояло высоко. Оно пробивалось сквозь шторы. Я наблюдал, как по подоконнику ползет паучок. Видел старую газету на полу. Там напечатана фотография трех молоденьких девушек — они прыгают через забор, сильно оголив ноги. Все это место походило на меня и пахло мной. Обои меня знали. Изумительно. Я осознавал свои ноги и локти, свои волосы. Я не чувствовал себя на 45 лет. Я чувствовал себя чертовым монахом, на которого только что снизошло откровение. Я чувствовал, что, наверное, влюблен во что-то очень хорошее, но не уверен, что это такое, — оно просто рядом. Я слушал все звуки, шум мотоциклов и машин. Слышал, как лают собаки. Люди и смех.

Потом уснул. Я все спал, спал и спал. Пока растение заглядывало ко мне через окно, пока растение смотрело на меня. Солнце продолжало

трудиться, а паучок все ползал.

ПРИЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА, БЕЗУМНОГО НАСТОЛЬКО, ЧТОБЫ ЖИТЬ СО

1. Помню, как дрочил в чулане, надев материнские туфли на высоком каблуке и глядя в зеркало на собственные ноги, медленно подтягивая ткань все выше и выше, будто подсматривал за женщиной, и меня прервали два моих приятеля, зашедшие в дом:

— Я знаю, он где-то здесь. — А сам пока натягиваю одежду, и тут один открывает дверь в чулан и видит меня.

— Ах ты сволочь! — ору я, гонюсь за ними по всему дому, и слышу, как, убегая, они переговариваются:

— Что это с ним такое? Что, к чертовой матери, с ним не так?

2.

К. работала когда-то стриптизеркой и, бывало, показывала мне вырезки и фотографии. Она чуть не выиграла конкурс Мисс Америка. Я встретил ее в баре на улице Альварадо — а оттуда до трущоб рукой подать, если очко не заиграет подойти. Она прибавила в весе и возрасте, но какие-то

признаки фигуры еще оставались, какой-то класс — правда, лишь намеком, не больше. Мы оба хлебнули.

Ни она, ни я нигде не работали, и как нам удавалось сводить концы с концами, я никогда не пойму. Сигареты, вино и квартирная хозяйка, верившая в наши россказни о том, что деньги на подходе, а сейчас — голяк. В основном, мы вынуждены были пить вино.

Большую часть дня мы спали, а когда начинало темнеть, приходилось вставать — нам уже хотелось встать:

К:

— Блядь, я б чего-нибудь выпила.

Я все еще лежал в постели, докуривая последнюю сигарету.

Я:

— Черт, ну дак сходи к Тони, возьми нам парочку портвейна.

К:

— Квинты?

Я:

— Конечно, квинты. Галлонов не надо. И той, другой дряни, у меня от нее голова две недели болела. И возьми пару пачек покурить. Любых.

К:

— Но тут же всего 50 центов осталось!

Я:

— Да знаю я! Выхари у него остальное: че с тобой такое, совсем глупая?

К:

— Он говорит, что больше не…

Я:

— Он говорит, он говорит — кто этот парень такой? Бог? Уболтай его. Улыбайся!

Повиляй ему кормой! Пусть у него чирик встанет! Заведи его на склад, если нужно, но достань ВИНА!

К:

— Ладно, ладно.

Я:

— А без него домой не возвращайся.

К. говорила, что любит меня. Она, бывало, повязывала мне вокруг хуя ленточки и делала бумажную шляпку для головки.

Если она возвращалась без вина или только с одной бутылкой, я летел вниз, как полоумный, рычал, скандалил и угрожал старику, пока он не давал мне все, что я хочу, и даже больше. Иногда я возвращался с сардинами, хлебом, чипсами. То был особенно хороший период, и когда Тони продал свое предприятие, мы начали обрабатывать

нового владельца — наезжать оказалось труднее, но и его можно было отыметь. Это будило в нас самое лучшее.

3.

Похоже было на деревянное сверло, может, оно и было деревянным сверлом, я чуял, как горит соляр, а они втыкали мне в голову эту штуку мне в тело и она сверлила и хлестала кровь с гноем, и я сидел а мартышка моей ниточки-души болталась на краю утеса. Я весь был в чирьях размером с ранетку. Смешно и невероятно. Хуже я ничего не видел, сказал один из врачей, а он был очень стар. Они собрались вокруг меня, как вокруг циркового урода. Я и был уродом. И до сих пор урод. Я ездил взад-вперед в благотворительную поликлинику на трамвае. Детишки в трамвае таращились на меня и спрашивали своих мамочек:

— А что это с дядей? Мама, что у него с лицом? — А мама отвечала:

— ШШШШШШШШШШШШШ!!! — Это шшшшшшшшшшш было самым худшим осуждением, но однако они позволяли маленьким ублюдкам и ублюдшам лыбиться на меня из-за спинок сидений, а я смотрел в окно на проплывавшие здания и тонул, сидел, ошарашенный, и шел ко дну, больше ничего не оставалось. Врачи за недостатком

другого термина называли это “Акне Вульгарис”. Я часами сидел на деревянной скамейке в ожидании своего деревянного сверла. Жалкая история, а? Помню старые кирпичные здания, легких и отдохнувших медсестер, врачи смеются, им все удалось. Именно там я постиг больничное вранье: что врачи, на самом деле, — цари, а пациенты — говно, а сами больницы существуют для того, чтобы врачам в их крахмальном белом превосходстве все удавалось — и с медсестрами удавалось тоже: Доктор Доктор Доктор ухвати меня в лифте за жопку, и не надо о вони рака, о вони жизни. Мы не те бедные дурни, мы никогда не умрем; мы пьем свой морковный сок, а когда нам становится плохо, мы хаваем колесико, втыкаем иголочку, вся дурь, что только есть, — наша. Даром, даром, даром, поет нам жизнь, нам, Окрутевшим Донельзя. Я входил и садился, они втыкали в меня сверло. ЗИРРР ЗИРРР ЗИРРР ЗИР, а тем временем солнце взращивало георгины и апельсины, и просвечивало медсестрам халатики насквозь, доводя бедных уродов до безумия. Зирррррррр, зиррр, зирр.

— Никогда не видел, чтобы под иглу ходили вот так!

— Поглядите на него, нервы стальные!

И по-новой — сборище сестроебов, сборище владельцев больших домов, у которых было время смеяться и читать, ходить на премьеры и покупать картины, и забывать о том, как думают, о том, как хоть что-нибудь чувствуют. Белый крахмал и мой разгром. Сборище.

— Как вы себя чувствуете?

— Чудесно.

— Вы не находите, что игла болезнетворна?

— Идите на хуй.

— Что?

— Я сказал — идите на хуй.

— Он еще маленький. Он сердится. В чем его винить? Вам сколько лет?

— Четырнадцать.

— Я могу только похвалить вас за мужество — вы так хорошо переносите иглу. Вы сильный человек.

— Идите на хуй.

— Нельзя так со мной разговаривать.

— Идите на хуй. Идите на хуй. Идите на хуй.

— Вам следует лучше себя вести. А если б вы были слепым?

— Тогда не пришлось бы на вашу рожу смотреть.

— Мальчишка рехнулся.

— Еще бы, оставьте парня в покое.

Ну и больничка мне попалась — я и не представлял, что через 20 лет вернусь сюда — и снова в благотворительную палату. Больницы, тюрьмы и бляди — вот университеты жизни. Я уже заработал несколько степеней. Зовите меня Мистер.

4.

Я сошелся еще с одной. Мы жили на 2-м этаже во дворе, и я ходил на работу. Это меня чуть и не прикончило — кирять всю ночь и мантулить весь день. Я вышвыривал бутылку в то же самое окно. Потом, бывало, носил это окно к стекольщику на углу, и там его ремонтировали, вставляли новое стекло. Я проделывал это раз в неделю.

Человек посматривал на меня очень странно, но деньги мои всегда брал они странными ему не казались. Я пил очень сильно и постоянно в течение 15 лет, а однажды утром проснулся и нате: изо рта и задницы у меня хлестала кровь. Черные какашки. Кровь, кровь, водопады крови. Кровь воняет хуже говна. Моя баба вызвала врача, и за мной приехала скорая помощь. Санитары сказали, что я слишком большой, чтобы нести меня вниз по лестнице, и попросили спуститься самому.

— Ладно, чуваки, — ответил я. — Рад вам

удружить: не хочу, чтобы вы перетруждались. — Снаружи я влез на каталку; передо мной распахнули бортик, и я вскарабкался на нее, как поникший цветочек. Пригожий такой семицветик, черт меня раздери. Соседи повысовывали из окон головы, повылазили на ступеньки, когда я проезжал мимо. Большую часть времени они наблюдали меня под мухой.

— Смотри, Мэйбл, — сказал один из них, — вот этот ужасный человек!

— Господи спаси и помилуй его душу! — был ответ. Старая добрая Мэйбл. Я выпустил полный рот сукровицы через бортик каталки, и кто-то охнул: ОООООхххххоооох.

Несмотря даже на то, что я работал, ни гроша за душой у меня не было, поэтому — назад в благотворительную палату. Скорая набилась под завязку. Внутри у них стояли какие-то полки, и все расселись повсюду вокруг.

— Полный сбор, — сказал водитель, — поехали. — Плохая поездка вышла. Нас раскачивало и кренило. Я из последних сил удерживал в себе кровь, поскольку не хотел все завонять и испачкать.

— Ох, — слышал я голос какой-то негритянки, — не могу поверить, что со мной такое случилось, просто не могу поверить, ох Господи помоги!

Господь становится довольно популярным в таких местах.

Меня определили в темный подвал, кто-то дал мне что-то в стакане — и все дела.

Время от времени я блевал кровью в подкладное судно. Нас внизу было четверо или пятеро. Один из мужиков был пьян — и безумен, — но казался посильнее прочих. Он слез со своей койки и стал бродить, спотыкаясь о других, переворачивая мебель:

— Че че такое, я вава рабочий, я джуба, я блядь джумма джубба васта, я рабочий.

— Я схватил кувшин для воды, чтоб заехать ему промеж рогов. Но ко мне он так и не подошел. Наконец, свалился в угол и отъехал. Я провел в подвале всю ночь до середины следующего дня. Потом меня перевели наверх. Палата была переполнена.

Меня поместили в самый темный угол.

— Оох, в этом темном углу помрет, — сказала одна медсестра.

— Ага, — кивнула другая.

Однажды ночью я поднялся, а до сортира дойти не смог. Заблевал кровью весь пол.

Упал и не смог встать — слишком ослаб. Стал звать сестру, но двери палаты были обиты же-

стью, к тому же — от трех до шести дюймов толщиной, и меня не услышали.

Сестра заходила примерно каждые два часа проверить покойников. По ночам вывозили много жмуриков. Спать я не мог и, бывало, наблюдал за ними. Стянут парня с кровати, заволокут на каталку и простыню на голову. Каталки эти хорошо смазывали. Я снова заверещал:

— Сестра! — сам не знаю, почему.

— Заткнись! — сказал мне один из стариков. — Мы спать хотим. — Я отключился.

Когда я пришел в себя, весь свет горел. Две медсестры пытались меня приподнять.

— Я же велела вам не вставать с постели, — сказала одна. Ответить я не смог. У меня в голове били барабаны. Меня как будто выпотрошили. Казалось, слышать я могу все, а видеть — только сполохи света, казалось. Но никакой паники, никакого страха; одно чувство ожидания, ожидания чего-то и безразличия.

— Вы слишком большой, — сказала одна сестра, — садитесь на стул.

Меня усадили на стул и потащили по полу. Я же чувствовал, что во мне не больше шести фунтов весу.

Потом все вокруг меня собрались: люди. Помню

врача в зеленом халате, операционном. Казалось, он сердится. Он говорил старшей сестре:

— Почему этому человеку не сделали переливания? У него осталось … кубиков.

— Его бумаги прошли по низу, когда я была наверху, и их подкололи, пока я не видела. А кроме этого, доктор, у него нет кредита на кровь.

— Доставьте сюда крови и НЕМЕДЛЕННО!

— Да кто этот парень такой, к чертям собачьим, — думал я, — очень странно. Очень странно для врача.

Начали переливание — девять пинт крови и восемь глюкозы.

Сестра попробовала накормить меня ростбифом с картошкой, горошком и морковкой — моя первая еда. Она поставила передо мной поднос.

— Черт, да я не могу этого есть, — сказал я ей, — я же от этого умру!

— Ешьте, — ответила она, — это у вас в списке, у вас такая диета.

— Принесите мне молока, — сказал я.

— Ешьте это, — ответила она и ушла.

Я не притронулся.

Через пять минут она влетела в палату.

— Не ЕШЬТЕ ЭТОГО! — заорала она, — вам ЭТО НЕЛЬЗЯ!! В списке ошиблись.

Она унесла поднос и принесла стакан молока.

Как только первая бутылка крови вылилась в меня, меня посадили на каталку и повезли вниз на рентген. Врач велел мне встать. Я все время заваливался назад.

— ДА ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ, — заорал он, — Я ИЗ-ЗА ВАС НОВУЮ ПЛЕНКУ ИСПОРТИЛ!

СТОЙТЕ НА МЕСТЕ И НЕ ПАДАЙТЕ!

Я попробовал, но не устоял. Свалился на спину.

— Ох черт, — прошипел он медсестре, — увезите его.

В Пасхальное Воскресенье оркестр Армии Спасения играл у нас под самым окном с 5 часов утра. Они играли кошмарную религиозную музыку, играли плохо и громко, и она меня затапливала, бежала сквозь меня, чуть меня вообще не прикончила. В то утро я почувствовал себя от смерти так близко, как никогда не чувствовал. Всего в дюйме от нее, в волоске. Наконец, они перешли на другую часть территории, и я начал выкарабкиваться к жизни. Я бы сказал, что в то утро они, наверное, убили своей музыкой полдюжины пленников.

Потом появился мой отец с моей блядью. Она была пьяна, и я знал, что он дал ей денег на выпивку и намеренно привел ко мне пьяной, чтобы

мне стало хуже. Мы со стариком были врагами на всю жизнь — во все, во что верил я, не верил он, и наоборот. Она качалась над моей кроватью, красномордая и пьяная.

— Зачем ты привел ее в таком виде? — спросил я. — Подождал бы еще денек.

— Я тебе говорил, что она ни к черту не годится! Я всегда тебе это говорил!

— Ты ее напоил, а потом сюда привел. Зачем ты меня без ножа режешь?

— Я говорил тебе, что она никуда не годится, говорил тебе, говорил!

— Сукин ты сын, еще одно слово, и я вытащу из руки вот эту иголку, встану и все говно из тебя вышибу!

Он взял ее за руку, и они ушли.

Наверное, им позвонили, что я скоро умру. Кровотечения у меня продолжались. В ту ночь пришел священник.

— Отец, — сказал я, — не обижайтесь, но пожалуйста, мне бы хотелось умереть безо всяких ритуалов, безо всяких слов.

Потом я удивился, поскольку он покачнулся и зашатался в недоверии; можно было подумать, что я его ударил. Я говорю, что меня это удивило, поскольку этих парней я считал более сдержан-

ными. Но и они себе задницы подтирают, с другой стороны.

— Отец, поговорите со мной, — сказал один старик, — вы ведь можете со мной поговорить.

Священник подошел к старику, и всем стало хорошо.

Через тринадцать дней после той ночи, когда меня привезли, я уже водил грузовик и поднимал коробки по 50 фунтов. А еще через неделю я выпил свой первый стакан — тот, про который мне сказали, что он точно меня убьет.

Наверное, когда-нибудь я подохну в этой проклятой благотворительной палате. Мне, наверное, просто от нее никуда не деться.

5.

Удача опять мне изменила, и я в то время слишком нервничал от чрезмерного пьянства; дикоглазый, слабый; чересчур угнетенный, чтобы искать себе обычную промежуточную, шаровую работку, вроде экспедитора или кладовщика, поэтому я пошел на мясокомбинат, прямо в контору.

— А я тебя раньше нигде не видел? — спросил там человек.

— Нет, — соврал я.

Я приходил туда два или три года назад, запол-

нил все бумаги, прошел медкомиссию и прочее, и меня отвели по лестнице на четыре этажа вниз, а там становилось все холоднее и холоднее, и полы покрывал налет крови, зеленые полы, зеленые стены.

Он объяснил мне, что нужно делать, — нажал на кнопку, и из этой дыры в стене послышался шум, будто два защитника столкнулись или слон упал, и вот оно — что-то мертвое, много мертвого, окровавленное, и он мне показал: берешь и закидываешь на грузовик, и снова нажимаешь на кнопку, и валится еще один. Потом ушел. Когда он ушел, я снял робу, каску, сапоги (мне выдали на три размера меньше), поднялся по лестнице и навалил оттуда. А вот теперь вернулся.

— А ты не слишком стар для такой работы?

— Подкачаться хочу. Мне нужна тяжелая работа, хорошая тяжелая работа, соврал я.

— А справишься?

— У меня одни кишки внутри. Я раньше выступал на ринге, дрался с самыми лучшими.

— Вот как?

— Ага.

— Хмм, по лицу и видно. Круто тебе, должно быть, приходилось.

— С лица воды не пить. У меня были быстрые

кулаки. И до сих пор остались.

Приходилось кое-что ловить, чтоб смотрелось красивше.

— Я за боксом слежу. Что-то твоей фамилии не припомню.

— Я дрался под другим именем, Пацан Звездная Пыль.

— Пацан Звездная Пыль? Не помню я никакого Пацана.

— Я дрался в Южной Америке, Африке, в Европе, на островах, в мухосранских всяких. Поэтому у меня и пробелы в трудовой книжке — мне не хотелось вписывать "боксер", поскольку люди подумают, что я шутки шучу с ними или вру. Я просто оставляю пустые места и черт с ним.

— Ладно, приходи на медкомиссию в 9.30 утра завтра, и мы определим тебя на работу. Говоришь, тяжелой работы хочется?

— Ну, если у вас есть что-нибудь другое…

— Нет, сейчас нету. Знаешь, ведь ты уже на полтинник тянешь. Я, наверное, что-то неправильно делаю. Нам не нравится, когда вы, народ, наше время впустую тратите.

— Я не народ. Я Пацан Звездная Пыль.

— Ладно, пацан, — рассмеялся он, — мы заставим тебя ПОРАБОТАТЬ!

И мне не понравилось, как он это сказал.

Два дня спустя я вошел через проходную в деревянный сарай, где показал старику карточку с моим именем: Генри Чинаски, — и он отправил меня на погрузочную рампу. Я должен был подойти к Турману. Подошел. На деревянной скамье сидело несколько мужиков — они посмотрели на меня так, словно я был гомосексуалистом или паралитиком.

Я ответил им взглядом, выражавшим, по моему мнению, легкое презрение, и протянул с самой лучшей интонацией задворок, воспроизвести которую был способен:

— Где Турман. Мне сказали, к нему.

Кто-то показал.

— Турман?

— Н-ну?

— Я на вас работаю.

— Н-да?

— Н-да.

Он взглянул на меня.

— А где сапоги?

— Сапоги? Нету сапог, — ответил я.

Он сунул под скамейку руку и протянул мне пару — старую, задубевшую пару сапог.

Я их натянул. Та же самая история: на три

размера меньше. Пальцы у меня скрючились и загнулись.

Потом он дал мне окровавленную робу и жестяную каску. Их я тоже надел. Я стоял перед ним, пока он зажигал сигарету или, как сказал бы англичанин, пока он закуривал сигарету. Спичку он выбросил с росчерком, спокойно и по-мужски.

— Пошли.

Все они были неграми, и когда я подошел, на меня посмотрели так, словно они — черные мусульмане. Во мне было больше шести футов, но все они были выше, а если и не выше, то в два-три раза шире.

— Хэнк! — заорал Турман.

Хэнк, подумал я. Хэнк, совсем как я. Это мило.

Под каской я уже весь вспотел.

— Определи его на РАБОТУ!!

Господи боже мой о господи боже мой. Куда девались все мои сладкие и легкие ночи? Почему этого не происходит с Уолтером Уинчеллом, который верит в Американский Путь? Не я ли был самым блестящим студентом по классу антропологии?

Что же случилось?

Хэнк подвел и поставил меня перед пустым грузовиком длиной с полквартала, стоявшим

перед рампой.

— Жди здесь.

Затем подбежало несколько черных мусульман с тачками, выкрашенными отслаивавшейся и бугристой белой краской, словно известку смешали с куриным пометом. В каждую тачку навалены горы окороков, плававших в жидкой водянистой крови. Вернее, они не плавали в крови, а сидели, будто свинец, будто пушечные ядра, будто смерть.

Один мальчонка запрыгнул в кузов у меня за спиной, а другой начал швырять мне окорока; я их ловил и переправлял парню позади, а тот оборачивался и кидал в глубину кузова. Окорока прилетали быстро БЫСТРО они были тяжелыми и становились все тяжелее. Как только я закидывал один и оборачивался, следующий уже летел ко мне по воздуху. Я знал, что они пытаются меня сломать. Скоро я уже весь потел потел так, будто открутили все краны, и спина у меня болела, запястья болели, руки болели, все болело а сам я дошел до последней невозможной унции своей вялой энергии. Я едва видел, едва мог собраться и поймать еще один окорок и швырнуть его, еще один окорок и швырнуть его. Кровью заляпало меня всего, а руки продолжали ловить мягкий

мертвый тяжелый флумп, окорок немного подавался, как женская задница, а я слишком ослаб даже для того, чтобы вякнуть:

— Эй, да что с вами такое парни, к ЧЕРТУ? — Окорока летят, я кручусь, как на крест прибитый под своей каской, а они все подвозят тачки, полные окороков окороков окороков и наконец все они опустели, а я стою, покачиваясь и дыша желтым электрическим светом. То была ночь в аду. Что ж, мне всегда нравилась ночная работа.

— Пошли!

Меня отвели в другую комнату. По воздуху, сквозь большое отверстие под потолком в противоположной стене — половина бычка, или, может, даже и целый бычок, да, бычки целиком, только подумайте, со всеми четырьмя ногами, по одному выползают из отверстия на крюках, их только что убили, и один останавливается прямо надо мной, висит прямо надо мной на этом своем крюке.

”Его только что убили, — подумал я, — убили чертову тварь. Как они могут отличить человека от бычка? Как они узнают, что я — не бычок?”

— ЛАДНО — КАЧАЙ!

— Качать?

— Точно — ТАНЦУЙ С НИМ!

— Что?

— Ох ты ж господи! Джордж, иди сюда!

Джордж подлез под мертвого бычка. Схватил его. РАЗ. Побежал вперед. ДВА. Побежал назад. ТРИ. Побежал далеко вперед. Бычок был почти параллелен земле. Кто-то нажал на кнопку, и он свое получил. Получил свое ради всех мясных рынков мира.

Получил свое ради дуркующих сплетниц заспанных дур домохозяек мира в 2 часа пополудни в своих халатах, сосущих измазанные красным сигареты и почти ничего не чувствующих.

Меня поставили под следующего бычка.

РАЗ.

ДВА.

ТРИ.

Готово. Его мертвые кости против моих живых, его мертвая плоть против моей живой, и со всеми этими костями и этой тяжестью я подумал о смазливой пизденке, сидящей на кушетке напротив меня, задрав ногу на ногу, и я — со стаканом в руке, медленно и верно затираю ей, пробираюсь в этот пустой ум ее тела, и тут Хэнк заорал:

— ПОВЕСЬ ЕЕ В МАШИНУ!

Я побежал к грузовику. Стыд поражения, преподанный мне, пацану, на школьных дворах

Америки, что я не должен ронять бычка на землю, поскольку это лишь докажет, что я — трус и не мужчина, а, следовательно, много и не заслуживаю, одни фырчки да смешки, в Америке ты должен быть победителем, другого выхода нет, приходится учиться драться за так, не задавай вопросов, а кроме того, если бы я уронил бычка, возможно, пришлось бы его и поднимать, а я знал, что мне его никогда не поднять. Кроме этого, он испачкается. А я не хотел, чтобы он пачкался, или, скорее — они не хотели, чтобы он пачкался.

Я вбежал в грузовик.

— ВЕШАЙ!

Крюк, свисавший с потолка фургона, был туп, точно большой палец без ногтя. Даешь брюху бычка немного соскользнуть назад и целишь наверх, насаживаешь верхнюю часть на крюк снова и снова, а крюк не проходит. Матерь-срака!! Сплошная щетина и жир, туго, туго.

— ДАВАЙ! ДАВАЙ!

Я поднатужился из последних сил, и крюк прошел, прекрасное это зрелище, чудо просто: крюк протыкает бычка, бычок повисает сам, совершенно вне моих плеч, висит для домашних халатов и сплетен в мясных лавках.

— ШЕВЕЛИСЬ!

285-фунтовый негрила, хамоватый, смышленый, собранный, убийственный, вошел в фургон, повесил свое мясо со щелчком, взглянул на меня сверху вниз:

— Мы тут цепочкой держимся!

— Лады, ас.

Я вышел перед ним. Меня ждал еще один бычок. Каждый раз, когда я грузил следующего, я был уверен, что он — последний, больше мне не справиться, но я твердил себе еще один еще один и все потом бросаю.

На хуй.

Они только и ждали, чтобы я бросил, я по глазам видел, по улыбкам, когда они думали, что я смотрю в другую сторону. Мне не хотелось дарить им победу. И я шел за следующим бычком. Игрок. Один последний рывок бывшего крутого игрока. Я бросался на мясо.

Два часа я так держался, потом кто-то завопил:

— ПЕРЕРЫВ.

Сделал. Десять минут отдыха, немного кофе, и меня уже никогда не заставят бросить. Я шел за ними следом к обеденному вагончику. Я видел, как в ночи от кофе поднимается пар; я уже видел пончики, и сигареты, и кофейные печенюшки, и сэндвичи под электрическими лампочками.

— ЭЙ, ТЫ!

То был Хэнк. Хэнк, как и я.

— Чего, Хэнк?

— Перед тем, как пойдешь на перерыв, залезь вон в тот грузовик и отгони его к рампе 18.

Грузовик, который мы только что загрузили, тот, что в полквартала длиной. Рампа 18 находилась на другой стороне двора.

Мне удалось открыть дверцу и забраться в кабину. Сиденье там было мягким, кожаным и таким славным на ощупь, что я знал: если я поддамся, то очень скоро усну на нем. Я никогда не водил грузовики. Я опустил глаза и увидел полдюжины рукояток, рычагов, педалей и так далее. Я повернул ключ и умудрился завести машину. Потыкал в педали, подергал за ручки, пока фургон не покатился, а потом отогнал его через двор к рампе 18, все время думая: к тому времени, как я вернусь, обеденный вагончик уже уедет. Для меня это трагедия, настоящая трагедия. Я припарковал грузовик, заглушил двигатель и с минутку посидел там, ощущая мягкую доброту кожаного сиденья. Потом открыл дверцу и вылез наружу. И не попал на ступеньку, или что там еще стояло, и упал наземь прямо в окровавленной робе и господи жестяной каске, как подстреленный. Больно

не было, я ничего не почувствовал. Поднялся я как раз в тот момент, когда обеденный вагончик выезжал из ворот на улицу. Я увидел, как они возвращаются к рампе, смеясь и закуривая.

Я снял сапоги, я снял робу, снял жестяную каску и дошел до сарая на проходной.

Швырнул робу, каску и сапоги через стойку. Старик поднял на меня глаза:

— Что? Бросаете такую ХОРОШУЮ работу?

— Передай им, чтоб чек за два часа прислали мне по почте, а если нет, то пусть засунут его себе в жопу, мне надристать!

Я вышел наружу. Перешел через дорогу в мексиканский бар и выпил пива, а затем сел в автобус и поехал к себе. Американский школьный двор снова меня отлупил.

6.

Следующим вечером я сидел в баре между женщиной с тряпкой на голове и женщиной без тряпки на голове, и то был просто еще один бар — тупой, несовершенный, безнадежный, жестокий, говенный, нищий, и крохотная мужская уборная воняла так, что хотелось блевать, и посрать там нельзя было, а только поссать, блюешь, отворачиваешься, ищешь света, молишься, чтоб желудок продержался еще хотя бы одну ночь.

Я просидел там часа три — пил и покупал выпить той, что без тряпки. Она неплохо выглядела: дорогие туфли, хорошие ноги и хвост; на самой грани распада, но именно тут они самые сексапильные — для меня, то есть.

Заказал еще стаканчик, еще два стаканчика.

— Все, хватит, — сказал я ей, — голяк.

— Ты шутишь.

— Нет.

— У тебя есть где упасть?

— Еще два дня до уплаты в запасе.

— Ты работаешь?

— Нет.

— А че делаешь?

— Ничего.

— Я в смысле, как тебе удается?

— Некоторое время я был агентом жокея. Хороший парнишка у меня был, да засекли его дважды — проносил батарейку к воротам. Его отстранили. Немного боксом занимался, играл, пробовал даже цыплят разводить: сидел, бывало, ночами напролет, от диких собах их охранял в горах, это круто было, а потом однажды сигару в курятнике не погасил и сжег их половину, к тому же всех своих хороших петухов. Пытался в Северной Калифорнии золото мыть, был зазывалой на

пляже, на бирже играл, пробовал на понижение — ни черта не получилось, неудачник я.

— Допивай, — сказала она, — и пойдем со мной.

Это “пойдем со мной” звучало отменно. Я допил и вышел за ней следом. Мы прошли по улице и остановились перед винной лавкой.

— Стой тихо, — сказала она, — говорить буду я.

Мы вошли. Она взяла салями, яиц, хлеба, бекона, пива, острой горчицы, маринованных огурчиков, две пятых хорошего вискача, немного алки-зельцер и минералки. Сигарет и сигар.

— Запиши на Вилли Хансена, — сказала она продавцу.

Мы вышли наружу со всем этим хозяйством, и она из автомата на углу вызвала такси. Такси появилось, и мы залезли на заднее сиденье.

— Кто такой Вилли Хансен? — спросил я.

— Какая разница, — ответила она.

У меня она помогла мне сгрузить расходные материалы в холодильник. Потом села на кушетку и скрестила свои хорошие ноги, сидела, подергивая и покручивая лодыжкой, разглядывала туфлю, эту зашпилеванную и прекрасную туфлю. Я содрал пленку с горлышка бутылки и смешал два крепких. Я снова был царем.

Той ночью в постели я остановился посреди всего и посмотрел на нее сверху вниз.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Какая тебе, к черту, разница?

Я рассмеялся и погнал дальше.

Квартплата выдохлась очень быстро, я сложил все, чего оказалось немного, в свой картонный чемодан, и через полчаса мы уже обходили оптовый магазин мехов по разбитому тротуару — там стоял старый двухэтажный дом.

Пеппер (так ее звали, наконец, она мне призналась) позвонила в дверь и сказала:

— А ты не высовывайся, пусть он меня увидит, а когда зуммер зазудит, я толкну дверь, и ты войдешь за мной.

Вилли Хансен всегда высовывался в лестничный пролет до середины, а там у него стояло зеркало, показывавшее, кто у двери — а уж потом он решал, быть ему дома или нет.

На этот раз он решил быть дома. Прозудел зуммер, и я вошел вслед за Пеппер, оставив чемодан у подножия лестницы.

— Малышка! — встретил он ее на вершине лестницы, — как хорошо тебя видеть!

Он был довольно стар и только с одной рукой. Этой рукой он обнял ее и поцеловал.

Потом увидел меня.

— Кто этот парень?

— О, Вилли, познакомься с моим другом. Это Пацан.

— Здорово! — сказал я.

Он не ответил.

— Пацан? Не похож он на пацана.

— Пацан Лэнни, он раньше дрался под именем Пацан Лэнни.

— Пацан Ланселот, — уточнил я.

Мы прошли в кухню, Вилли вытащил бутылку и чего-то разлил. Мы сели за стол.

— Как вам нравятся занавески? — спросил он у меня. — Девчонки их для меня сделали. Девчонки очень талантливые.

— Мне нравятся занавески, — ответил ему я.

— У меня рука отнимается, я уже пальцами двигать не могу, наверное, скоро умру, а врачи не могут определить, что со мной не так. Девчонки думают, я шутки шучу, девчонки надо мной смеются.

— Я вам верю, — ответил я.

Мы выпили еще по парочке.

— Ты мне нравишься, — сказал Вилли, — похоже, ты много чего повидал, похоже, в тебе есть класс. У большинства людей класса нет. А у тебя

есть.

— Я ничего про класс не знаю, — ответил я, — но повидал я много чего.

Мы еще немного выпили и перешли в гостиную. Вилли надел матросскую бескозырку и сел за орган, и начал играть на органе своей единственной рукой. Это был очень громкий орган.

По всему полу были разбросаны четвертачки, десятицентовики, полтинники, никели и пенни. Я не задавал вопросов. Мы просто сидели, выпивали и слушали орган. Я слегка похлопал, когда он закончил.

— Тут все девчонки были как-то ночью, — сказал он мне, — и кто-то вдруг как заорет: ОБЛАВА! — ты бы видел, как они забегали, кто-то голышом, кто-то в одних трусиках и лифчике, все выскочили и спрятались в гараже. Смешно, как сам черт, было! Я сижу такой, а они одна за другой из гаража выползают. Умора, да и только!

— А кто это заорал ОБЛАВА? — спросил я.

— Я и заорал, — признался он.

Потом он ушел в спальню, разделся и улегся в постель. Пеппер тоже зашла, поцеловала его, поговорила с ним немного, а я ходил по комнате и собирал монетки с пола.

Вернувшись, она махнула мне в сторону лест-

ницы. Я спустился за чемоданом и перенес его наверх.

7.

Всякий раз, когда он по утрам надевал свою бескозырку, свою капитанскую фуражку, мы уже знали, что едем на яхте. Он стоял перед зеркалом, оправляя ее, чтобы сидела под нужным углом, а одна из девчонок уже бежала к нам сообщить:

— Едем на яхте — Вилли надевает фуражку!

Как будто в первый раз. Он выходил в бескозырке, и мы шли за ним к гаражу, не произнося ни слова.

У него была старая машина, такая старая, что сзади было откидное сиденье.

Две или три девчонки садились вперед к Вилли, на колени друг к дружке, как бы ни усаживались, но усаживались, а мы с Пеппер занимали откидное сиденье, и она произносила:

— Он выезжает только тогда, когда не с бодуна и когда не запивает. Скотина, еще и не хочет, чтоб другие пили, поэтому осторожнее!

— Черт, а мне нужно выпить.

— Всем нужно, — отвечала она. Из ридикюля она извлекала пинту и отвинчивала крышечку. Передавала бутылку мне.

— Подожди, пока он не проверит нас в зеркаль-

це. Как только переводит глаза на дорогу, глотай.

Я попробовал. Получилось. Затем настала очередь Пеппер. К тому времени, как мы доехали до Сан-Педро, бутылка опустела. Пеппер вытащила жевательную резинку, а я закурил сигару, и мы вылезли из машины.

Прекрасная у него была яхта. Два двигателя, и Вилли показал мне, как заводить дополнительный движок, если вдруг что-то случится. Я стоял, не слушая, и кивал.

Херня какая-то: дергаешь за веревку, и он запускается.

Еще он показал мне, как поднимать якорь, отшвартовываться, я же думал только только о следующем стаканчике, а потом мы вышли, и он остался в рубке в своей капитанской фуражке управлять этой дрянью, а все девчонки столпились вокруг него:

— Ой, Вилли, дай порулить!

— Вилли, нет, мне дай!

Мне же рулить не хотелось. Он назвал лодку в свою честь: ВИЛЛХАН. Ужасное имя.

Следовало назвать ее ПЛАВУЧАЯ ПИЗДА.

Я спустился следом за Пеппер в каюту, и мы нашли себе еще выпить много чего выпить. И остались там, выпивая. Я услышал, как он заглу-

шил мотор и стал спускаться по трапу к нам.

— Мы возвращаемся, — сказал он.

— Зачем?

— Конни опять капризничает. Боюсь, как бы за борт не прыгнула. Не хочет со мной разговаривать. Просто сидит и смотрит. А плавать она не умеет. Боюсь, что спрыгнет.

(Конни — это та, что с тряпкой на голове.)

— Пусть прыгает. Я ее вытащу. Я ее оглушу, удар у меня еще ого-го, а потом втащу в лодку. Не беспокойся за нее.

— Нет, мы возвращаемся. А кроме того, вы тут пили!

Он поднялся наверх. Я начислил еще и зажег сигару.

8.

Когда мы причалили, Вилли спустился и сказал, что сейчас вернется. Сейчас он не вернулся. Он не возвращался три дня и три ночи. Бросил тут всех девчонок. Просто уехал на своей машине.

— Совсем спятил, — сказала одна.

— Ага, — согласилась другая.

Однако, еды и кира было много, поэтому мы остались ждать Вилли. Всего девчонок было четверо, включая Пеппер. Внизу же было холодно, сколько бы ты ни выдул, сколько бы одеял на

себя ни навалил. Согреться можно было только одним способом.

Девчонки превратили это в шутку:

— Я СЛЕДУЮЩАЯ! — верещала одна.

— Мне кажется, я щас кончу, — отзывалась другая.

— Ты думаешь, ТЫ щас кончишь, — говорил я, — а как тогда насчет МЕНЯ?

Они смеялись. В конце концов, я уже просто больше не мог.

Я обнаружил, что у меня с собой оказались мои зеленые кости, мы устроились на полу и начали играть в крэп. Все были пьяны, а все деньги были у девчонок, у меня же денег никаких не было, но вскоре они появились, причем, приличные. Они не совсем понимали игру, и я объяснял им по ходу дела, а правила по ходу этого дела я менял сообразно обстоятельствам.

Так нас Вилли и обнаружил, вернувшись, — за игрой в кости и пьяных в умат.

— Я НЕ ПОЗВОЛЯЮ НА ЭТОМ СУДНЕ АЗАРТНЫЕ ИГРЫ! — заорал он с верхушки трапа.

Конни взобралась по ступенькам, обвила его руками и просунула свой длинный язык ему в рот, потом схватила его за причинные. Он сошел по трапу с улыбкой, налил себе выпить, налил

выпить нам всем, и мы сидели, болтали и смеялись, и он болтал об опере, которую пишет для органа, Император Сан-Франциско. Я пообещал, что напишу на музыку слова, и той же ночью мы отправились обратно в город, все пили и чувствовали себя прекрасно. С той первой поездки почти как под копирку были сняты остальные. Однажды ночью он умер, и мы все опять оказались на улице — и девчонки, и я. Какая-то сестра на востоке получила все до цента, а я устроился работать на фабрику собачьих бисквитов.

9.

Живу где-то на Кингсли-Стрит, работаю экспедитором в какой-то богадельне, торгующей потолочными светильниками.

То было довольно спокойное время. Каждый вечер я пил много пива, часто забывая поесть. Купил себе пишущую машинку, старый пользованный Ундервуд с западавшими клавишами. Я ничего не писал десять лет. Я наливался пивом и садился писать стихи. Довольно быстро у меня их скопилось достаточно много, и я не представлял, что с ними делать. Я сложил все дела в один конверт и отправил в какой-то новый журнал в маленький техасский городишко. Я прикидывал, что никто это барахло не возьмет, но, по крайней

мере, хоть кто-нибудь разозлится, поэтому совсем уж псу под хвост это не пойдет.

В ответ я получил письмо, в ответ я получил два письма, два длинных письма. В них говорилось, что я гений, в них говорилось, что я изумителен, в них говорилось, что я Бог. Я перечитывал письма снова и снова, потом надрался и сочинил длинный ответ. Отправил еще стихов. Я писал стихи и письма каждую ночь, ересь всякая у меня прямо из ушей лезла.

Редакторша, которая, к тому же, и сама что-то пописывала, начала присылать мне в ответ свои фотографии — выглядела она недурно, совсем недурно. Письма приобретали все более личный оттенок. Она писала, что никто не хочет на ней жениться. Ее помощник редактора, молодая особь мужского пола, сказал, что женится на ней за половину ее наследства, а она ответила, что денег у нее нет, все просто думают, что у нее есть деньги. Помощник редактора позже отбыл срок в психушке. “Никто на мне не женится, — продолжала писать она, — ваши стихи будут опубликованы в следующем номере журнала, посвященном только Чинаски, и никто никогда на мне не женится, никто, видите ли, у меня искривление, в шее, я так родилась. Я никогда не

выйду замуж.”

Однажды ночью я был сильно выпимши. “Не стоит об этом, — написал я. — Я на вас женюсь. Выкиньте из головы свою шею. Я тоже не красавец. Вы со своей шеей и я со своей изодранной львом рожей — я просто вижу, как мы идем по улице вместе!”

Я отправил эту хрень и начисто забыл о ней, выпил еще баночку пива и отправился спать.

Обратная почта принесла письмо: “О, я так счастлива! Все смотрят на меня и спрашивают: “Ники, что с тобой произошло? Ты вся СИЯЕШЬ, просто взрываешься изнутри!!! В чем дело?” А я им не скажу! О, Генри, Я ТАК СЧАСТЛИВА!”

К письму она приложила несколько фотографий, очень уродливых. Я испугался. Вышел и купил бутылку виски. Я смотрел на фотографии, пил виски. Потом лег на ковер:

— Ох, Господи Боже мой или Иисусе Христе, что я наделал? Что я натворил? Ладно, я вам так скажу, Мальчонки, я собираюсь посвятить весь остаток своей жизни тому, чтобы сделать эту несчастную женщину счастливой! Это будет ад, но я сильный и крутой, а к тому же есть ли что-нибудь лучше по жизни, чем делать счастливым кого-то другого?

Я поднялся с ковра, не очень поверив в последнюю часть…

Неделю спустя я уже сидел на автостанции; я был пьян и ждал прибытия автобуса из Техаса.

Его объявили по громкоговорителю, и я приготовился к смерти. Я смотрел, как они выходят из дверей автобуса, пытаясь сравнить их с фотографиями. И тут увидел молоденькую блондинку, лет 23, с хорошими ногами, живой походкой, невинной и несколько заносчивой мордашкой, наверное, ее можно было бы назвать нахальной, а шея у нее была и вовсе недурна. Мне в то время исполнилось 35.

Я подошел к ней.

— Вы Ники?

— Да.

— Я Чинаски. Давайте, чемодан возьму.

Мы зашагали к стоянке.

— Я ждал вас три часа, нервничал, дергался, ад просто, а не ожидание. Только и смог, что выпить немного в баре.

Она приложила руку к капоту машины.

— Мотор до сих пор горячий. Мерзавец, вы только что приехали!

Я рассмеялся.

— Вы правы.

Мы влезли в мой древний драндулет, и все завертелось. Вскоре мы поженились в Вегасе, и все деньги, что у меня были, ушли на это и на билеты до Техаса.

Я сел с ней в автобус: в кармане у меня оставалось тридцать пять центов.

— Не знаю, понравится ли Папуле то, что я сделала, — произнесла она.

— О Господи о Боже, — молился я, — укрепи меня, помоги быть смелым!

Она обнималась, елозила и извивалась всю дорогу до этого малюсенького техасского городка. Приехали мы в полтретьего утра, и когда выходили из автобуса, мне показалось, шофер спросил:

— Что это за бичара с тобой, Ники?

Мы стояли посреди улицы, и я сказал:

— Что сказал шофер? Что он тебе сказал? — спрашивал я, позвякивая своими тридцатью пятью центами в кармане.

— Он ничего не сказал. Пойдем со мной.

Она стала подниматься по ступенькам какого-то городского особняка.

— Эй, куда это ты, к чертовой матери, направилась?

Она вставила ключ в замок, и дверь открылась. Я поднял голову — над проемом в камне были

высечены слова: ГОРОДСКАЯ РАТУША.

Мы вошли.

— Я хочу посмотреть, есть ли мне почта.

Она зашла в свой кабинет и пошарила на столе:

— Черт, почты нет!! Спорить готова, эта сука сперла мою почту!

— Какая сука? Какая сука, крошка?

— У меня есть враг. Слушай, пойдем вот сюда.

Мы прошли по коридору, и она остановилась перед другой дверью. Протянула мне шпильку.

— Вот, ты сможешь взломать этот замок?

Я попытался. Мне уже рисовались заголовки:

ЗНАМЕНИТЫЙ
ПИСАТЕЛЬ
И ПЕРЕВОСПИТАВШАЯСЯ ПРОСТИТУТКА ЗАСТИГНУТЫ ВЗЛАМЫВАЮЩИМИ КАБИНЕТ МЭРА!

Замок открыть я не смог.

Мы дошли до ее дома, прыгнули в постель и продолжили то, над чем работали в автобусе.

Я прожил тут уже пару дней, когда однажды утром, часов около 9, звякнул дверной звонок. Мы были в постели.

— Какого черта? — спросил я.

— Сходи открой, — ответила она.

Я влатался в какую-то одежду и пошел к двери. Там стоял карлик — время от времени он весь трясся, болел чем-то, видать. На нем была шоферская кепочка.

— Мистер Чинаски?

— Ну?

— Мистер Дайер просил меня показать вам земли.

— Минуточку.

Я вернулся в спальню:

— Крошка, там стоит карлик и говорит, что какой-то мистер Дайер хочет показать мне земли. Он карлик и весь трясется.

— Ну так поезжай с ним. Это мой отец.

— Кто, карлик?

— Нет, мистер Дайер.

Я надел ботинки и чулки и вышел на крыльцо.

— Ладно, приятель, — сказал я, — поехали.

Мы объехали весь город и его окрестности.

— Мистер Дайер владеет вот этим, — показывал карлик, а я смотрел в ту сторону, — и мистер Дайер владеет этим, — и я смотрел в другую сторону.

И ничего не говорил.

— Все эти фермы, — продолжал он, — мистер Дайер владеет всеми этими фермами, позволяет им работать на земле, а прибыль делят пополам.

Карлик привез меня в зеленый лес. Показал:

— Видите озеро?

— Ну?

— Там семь озер, в них полно рыбы. Видите, индюк гуляет?

— Ну?

— Это дикий индюк. Мистер Дайер сдает это все клубу рыболовства и охоты, и клуб всем этим управляет. Конечно, мистер Дайер и все его друзья могут приезжать сюда в любое время, когда захочется. Вы рыбачите, охотитесь?

— Я на многое в своей жизни поохотился, — сообщил ему я.

Мы ехали дальше.

— Вот сюда мистер Дайер ходил в школу.

— Вот как?

— Ага, прямо вот в это кирпичное здание. Теперь он его купил и восстановил, вроде памятника.

— Поразительно.

Мы развернулись обратно.

— Спасибо, — сказал я ему.

— Хотите, я завтра утром приеду? Еще много чего можно посмотреть.

— Нет, спасибо, все в порядке.

Я вошел в дом. Я снова был царем…

И хорошо все это закончить именно здесь вместо того, чтобы рассказывать вам, как я все это потерял, хотя речь пошла бы о турке, носившем лиловую булавку в галстуке, с хорошими манерами и культурой. Ни шанса у меня не было. Но турок тоже скоро выдохся, и последнее, что я о ней слышал, — она уехала на Аляску и вышла замуж за эскимоса. Она прислала мне фотографию своего младенца, сообщила, что по-прежнему пишет и поистине счастлива. Я ответил ей: “Держись крепче, крошка, это безумный мир”.

И на этом, как говорится, все.

Признания человека, достаточно ненормального, чтобы жить со скотами

1. Помню, как дрочил в чулане, надев материнские туфли на высоком каблуке и глядя в зеркало на собственные ноги, медленно подтягивая ткань все выше и выше, будто подсматривал за женщиной, и меня прервали два моих приятеля, зашедшие в дом:

— Я знаю, он где-то здесь. — А сам пока натягиваю одежду, и тут один открывает дверь в чулан и видит меня.

— Ах ты сволочь! — ору я, гонюсь за ними по всему дому, и слышу, как, убегая, они переговариваются:

— Что это с ним такое? Что, к чертовой матери, с ним не так?

2.

К. работала когда-то стриптизеркой и, бывало, показывала мне вырезки и фотографии. Она чуть не выиграла конкурс Мисс Америка. Я встретил ее в баре на улице Альварадо — а оттуда до трущоб рукой подать, если очко не заиграет подойти.

Она прибавила в весе и возрасте, но какие-то признаки фигуры еще оставались, какой-то класс — правда, лишь намеком, не больше. Мы оба хлебнули.

Ни она, ни я нигде не работали, и как нам удавалось сводить концы с концами, я никогда не пойму. Сигареты, вино и квартирная хозяйка, верившая в наши россказни о том, что деньги на подходе, а сейчас — голяк. В основном, мы вынуждены были пить вино.

Большую часть дня мы спали, а когда начинало темнеть, приходилось вставать — нам уже хотелось встать:

К:

— Блядь, я б чего-нибудь выпила.

Я все еще лежал в постели, докуривая последнюю сигарету.

Я:

— Черт, ну дак сходи к Тони, возьми нам парочку портвейна.

К:

— Квинты?

Я:

— Конечно, квинты. Галлонов не надо. И той, другой дряни, у меня от нее голова две недели болела. И возьми пару пачек покурить. Любых.

К:

— Но тут же всего 50 центов осталось!

Я:

— Да знаю я! Выхари у него остальное: че с тобой такое, совсем глупая?

К:

— Он говорит, что больше не…

Я:

— Он говорит, он говорит — кто этот парень такой? Бог? Уболтай его. Улыбайся!

Повиляй ему кормой! Пусть у него чирик встанет! Заведи его на склад, если нужно, но достань ВИНА!

К:

— Ладно, ладно.

Я:

— А без него домой не возвращайся.

К. говорила, что любит меня. Она, бывало, повязывала мне вокруг хуя ленточки и делала бумажную шляпку для головки.

Если она возвращалась без вина или только с одной бутылкой, я летел вниз, как полоумный, рычал, скандалил и угрожал старику, пока он не давал мне все, что я хочу, и даже больше. Иногда я возвращался с сардинами, хлебом, чипсами. То был особенно хороший период, и когда Тони про-

дал свое предприятие, мы начали обрабатывать нового владельца — наезжать оказалось труднее, но и его можно было отыметь. Это будило в нас самое лучшее.

3.

Похоже было на деревянное сверло, может, оно и было деревянным сверлом, я чуял, как горит соляр, а они втыкали мне в голову эту штуку мне в тело и она сверлила и хлестала кровь с гноем, и я сидел а мартышка моей ниточки-души болталась на краю утеса. Я весь был в чирьях размером с ранетку. Смешно и невероятно. Хуже я ничего не видел, сказал один из врачей, а он был очень стар. Они собрались вокруг меня, как вокруг циркового урода. Я и был уродом. И до сих пор урод. Я ездил взад-вперед в благотворительную поликлинику на трамвае. Детишки в трамвае таращились на меня и спрашивали своих мамочек:

— А что это с дядей? Мама, что у него с лицом? — А мама отвечала:

— ШШШШШШШШШШШШШ!!! — Это шшшшшшшшшшш было самым худшим осуждением, но однако они позволяли маленьким ублюдкам и ублюдшам лыбиться на меня из-за спинок сидений, а я смотрел в окно на проплывавшие здания и тонул, сидел, ошарашенный, и шел ко дну, боль-

ше ничего не оставалось. Врачи за недостатком другого термина называли это “Акне Вульгарис”. Я часами сидел на деревянной скамейке в ожидании своего деревянного сверла. Жалкая история, а? Помню старые кирпичные здания, легких и отдохнувших медсестер, врачи смеются, им все удалось. Именно там я постиг больничное вранье: что врачи, на самом деле, — цари, а пациенты — говно, а сами больницы существуют для того, чтобы врачам в их крахмальном белом превосходстве все удавалось — и с медсестрами удавалось тоже: Доктор Доктор Доктор ухвати меня в лифте за жопку, и не надо о вони рака, о вони жизни. Мы не те бедные дурни, мы никогда не умрем; мы пьем свой морковный сок, а когда нам становится плохо, мы хаваем колесико, втыкаем иголочку, вся дурь, что только есть, — наша. Даром, даром, даром, поет нам жизнь, нам, Окрутевшим Донельзя. Я входил и садился, они втыкали в меня сверло. ЗИРРР ЗИРРР ЗИРРР ЗИР, а тем временем солнце взращивало георгины и апельсины, и просвечивало медсестрам халатики насквозь, доводя бедных уродов до безумия. Зирррррррр, зиррр, зирр.

— Никогда не видел, чтобы под иглу ходили вот так!

— Поглядите на него, нервы стальные!

И по-новой — сборище сестроебов, сборище владельцев больших домов, у которых было время смеяться и читать, ходить на премьеры и покупать картины, и забывать о том, как думают, о том, как хоть что-нибудь чувствуют. Белый крахмал и мой разгром. Сборище.

— Как вы себя чувствуете?

— Чудесно.

— Вы не находите, что игла болезнетворна?

— Идите на хуй.

— Что?

— Я сказал — идите на хуй.

— Он еще маленький. Он сердится. В чем его винить? Вам сколько лет?

— Четырнадцать.

— Я могу только похвалить вас за мужество — вы так хорошо переносите иглу. Вы сильный человек.

— Идите на хуй.

— Нельзя так со мной разговаривать.

— Идите на хуй. Идите на хуй. Идите на хуй.

— Вам следует лучше себя вести. А если б вы были слепым?

— Тогда не пришлось бы на вашу рожу смотреть.

— Мальчишка рехнулся.

— Еще бы, оставьте парня в покое.

Ну и больничка мне попалась — я и не представлял, что через 20 лет вернусь сюда — и снова в благотворительную палату. Больницы, тюрьмы и бляди — вот университеты жизни. Я уже заработал несколько степеней. Зовите меня Мистер.

4.

Я сошелся еще с одной. Мы жили на 2-м этаже во дворе, и я ходил на работу. Это меня чуть и не прикончило — кирять всю ночь и мантулить весь день. Я вышвыривал бутылку в то же самое окно. Потом, бывало, носил это окно к стекольщику на углу, и там его ремонтировали, вставляли новое стекло. Я проделывал это раз в неделю.

Человек посматривал на меня очень странно, но деньги мои всегда брал они странными ему не казались. Я пил очень сильно и постоянно в течение 15 лет, а однажды утром проснулся и нате: изо рта и задницы у меня хлестала кровь. Черные какашки. Кровь, кровь, водопады крови. Кровь воняет хуже говна. Моя баба вызвала врача, и за мной приехала скорая помощь. Санитары сказали, что я слишком большой, чтобы нести меня вниз по лестнице, и попросили спуститься самому.

— Ладно, чуваки, — ответил я. — Рад вам удружить: не хочу, чтобы вы перетруждались. — Снаружи я влез на каталку; передо мной распахнули бортик, и я вскарабкался на нее, как поникший цветочек. Пригожий такой семицветик, черт меня раздери. Соседи повысовывали из окон головы, повылазили на ступеньки, когда я проезжал мимо. Большую часть времени они наблюдали меня под мухой.

— Смотри, Мэйбл, — сказал один из них, — вот этот ужасный человек!

— Господи спаси и помилуй его душу! — был ответ. Старая добрая Мэйбл. Я выпустил полный рот сукровицы через бортик каталки, и кто-то охнул: ОООООхххххххооооох.

Несмотря даже на то, что я работал, ни гроша за душой у меня не было, поэтому — назад в благотворительную палату. Скорая набилась под завязку. Внутри у них стояли какие-то полки, и все расселись повсюду вокруг.

— Полный сбор, — сказал водитель, — поехали. — Плохая поездка вышла. Нас раскачивало и кренило. Я из последних сил удерживал в себе кровь, поскольку не хотел все завонять и испачкать.

— Ох, — слышал я голос какой-то негритянки, — не могу поверить, что со мной такое случилось,

просто не могу поверить, ох Господи помоги!

Господь становится довольно популярным в таких местах.

Меня определили в темный подвал, кто-то дал мне что-то в стакане — и все дела.

Время от времени я блевал кровью в подкладное судно. Нас внизу было четверо или пятеро. Один из мужиков был пьян — и безумен, — но казался посильнее прочих. Он слез со своей койки и стал бродить, спотыкаясь о других, переворачивая мебель:

— Че че такое, я вава рабочий, я джуба, я блядь джумма джубба васта, я рабочий.

— Я схватил кувшин для воды, чтоб заехать ему промеж рогов. Но ко мне он так и не подошел. Наконец, свалился в угол и отъехал. Я провел в подвале всю ночь до середины следующего дня. Потом меня перевели наверх. Палата была переполнена.

Меня поместили в самый темный угол.

— Оох, в этом темном углу помрет, — сказала одна медсестра.

— Ага, — кивнула другая.

Однажды ночью я поднялся, а до сортира дойти не смог. Заблевал кровью весь пол.

Упал и не смог встать — слишком ослаб. Стал

звать сестру, но двери палаты были обиты жестью, к тому же — от трех до шести дюймов толщиной, и меня не услышали.

Сестра заходила примерно каждые два часа проверить покойников. По ночам вывозили много жмуриков. Спать я не мог и, бывало, наблюдал за ними. Стянут парня с кровати, заволокут на каталку и простыню на голову. Каталки эти хорошо смазывали. Я снова заверещал:

— Сестра! — сам не знаю, почему.

— Заткнись! — сказал мне один из стариков. — Мы спать хотим. — Я отключился.

Когда я пришел в себя, весь свет горел. Две медсестры пытались меня приподнять.

— Я же велела вам не вставать с постели, — сказала одна. Ответить я не смог. У меня в голове били барабаны. Меня как будто выпотрошили. Казалось, слышать я могу все, а видеть — только сполохи света, казалось. Но никакой паники, никакого страха; одно чувство ожидания, ожидания чего-то и безразличия.

— Вы слишком большой, — сказала одна сестра, — садитесь на стул.

Меня усадили на стул и потащили по полу. Я же чувствовал, что во мне не больше шести фунтов весу.

Потом все вокруг меня собрались: люди. Помню врача в зеленом халате, операционном. Казалось, он сердится. Он говорил старшей сестре:

— Почему этому человеку не сделали переливания? У него осталось … кубиков.

— Его бумаги прошли по низу, когда я была наверху, и их подкололи, пока я не видела. А кроме этого, доктор, у него нет кредита на кровь.

— Доставьте сюда крови и НЕМЕДЛЕННО!

— Да кто этот парень такой, к чертям собачьим, — думал я, — очень странно. Очень странно для врача.

Начали переливание — девять пинт крови и восемь глюкозы.

Сестра попробовала накормить меня ростбифом с картошкой, горошком и морковкой — моя первая еда. Она поставила передо мной поднос.

— Черт, да я не могу этого есть, — сказал я ей, — я же от этого умру!

— Ешьте, — ответила она, — это у вас в списке, у вас такая диета.

— Принесите мне молока, — сказал я.

— Ешьте это, — ответила она и ушла.

Я не притронулся.

Через пять минут она влетела в палату.

— Не ЕШЬТЕ ЭТОГО! — заорала она, — вам ЭТО

НЕЛЬЗЯ!! В списке ошиблись.

Она унесла поднос и принесла стакан молока.

Как только первая бутылка крови вылилась в меня, меня посадили на каталку и повезли вниз на рентген. Врач велел мне встать. Я все время заваливался назад.

— ДА ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ, — заорал он, — Я ИЗ-ЗА ВАС НОВУЮ ПЛЕНКУ ИСПОРТИЛ!

СТОЙТЕ НА МЕСТЕ И НЕ ПАДАЙТЕ!

Я попробовал, но не устоял. Свалился на спину.

— Ох черт, — прошипел он медсестре, — увезите его.

В Пасхальное Воскресенье оркестр Армии Спасения играл у нас под самым окном с 5 часов утра. Они играли кошмарную религиозную музыку, играли плохо и громко, и она меня затапливала, бежала сквозь меня, чуть меня вообще не прикончила. В то утро я почувствовал себя от смерти так близко, как никогда не чувствовал. Всего в дюйме от нее, в волоске. Наконец, они перешли на другую часть территории, и я начал выкарабкиваться к жизни. Я бы сказал, что в то утро они, наверное, убили своей музыкой полдюжины пленников.

Потом появился мой отец с моей блядью. Она была пьяна, и я знал, что он дал ей денег на вы-

пивку и намеренно привел ко мне пьяной, чтобы мне стало хуже. Мы со стариком были врагами на всю жизнь — во все, во что верил я, не верил он, и наоборот. Она качалась над моей кроватью, красномордая и пьяная.

— Зачем ты привел ее в таком виде? — спросил я. — Подождал бы еще денек.

— Я тебе говорил, что она ни к черту не годится! Я всегда тебе это говорил!

— Ты ее напоил, а потом сюда привел. Зачем ты меня без ножа режешь?

— Я говорил тебе, что она никуда не годится, говорил тебе, говорил!

— Сукин ты сын, еще одно слово, и я вытащу из руки вот эту иголку, встану и все говно из тебя вышибу!

Он взял ее за руку, и они ушли.

Наверное, им позвонили, что я скоро умру. Кровотечения у меня продолжались. В ту ночь пришел священник.

— Отец, — сказал я, — не обижайтесь, но пожалуйста, мне бы хотелось умереть безо всяких ритуалов, безо всяких слов.

Потом я удивился, поскольку он покачнулся и зашатался в недоверии; можно было подумать, что я его ударил. Я говорю, что меня это удивило,

поскольку этих парней я считал более сдержанными. Но и они себе задницы подтирают, с другой стороны.

— Отец, поговорите со мной, — сказал один старик, — вы ведь можете со мной поговорить.

Священник подошел к старику, и всем стало хорошо.

Через тринадцать дней после той ночи, когда меня привезли, я уже водил грузовик и поднимал коробки по 50 фунтов. А еще через неделю я выпил свой первый стакан — тот, про который мне сказали, что он точно меня убьет.

Наверное, когда-нибудь я подохну в этой проклятой благотворительной палате. Мне, наверное, просто от нее никуда не деться.

5.

Удача опять мне изменила, и я в то время слишком нервничал от чрезмерного пьянства; дикоглазый, слабый; чересчур угнетенный, чтобы искать себе обычную промежуточную, шаровую работку, вроде экспедитора или кладовщика, поэтому я пошел на мясокомбинат, прямо в контору.

— А я тебя раньше нигде не видел? — спросил там человек.

— Нет, — соврал я.

Я приходил туда два или три года назад, заполнил все бумаги, прошел медкомиссию и прочее, и меня отвели по лестнице на четыре этажа вниз, а там становилось все холоднее и холоднее, и полы покрывал налет крови, зеленые полы, зеленые стены.

Он объяснил мне, что нужно делать, — нажал на кнопку, и из этой дыры в стене послышался шум, будто два защитника столкнулись или слон упал, и вот оно — что-то мертвое, много мертвого, окровавленное, и он мне показал: берешь и закидываешь на грузовик, и снова нажимаешь на кнопку, и валится еще один. Потом ушел. Когда он ушел, я снял робу, каску, сапоги (мне выдали на три размера меньше), поднялся по лестнице и навалил оттуда. А вот теперь вернулся.

— А ты не слишком стар для такой работы?

— Подкачаться хочу. Мне нужна тяжелая работа, хорошая тяжелая работа, соврал я.

— А справишься?

— У меня одни кишки внутри. Я раньше выступал на ринге, дрался с самыми лучшими.

— Вот как?

— Ага.

— Хмм, по лицу и видно. Круто тебе, должно быть, приходилось.

— С лица воды не пить. У меня были быстрые кулаки. И до сих пор остались.

Приходилось кое-что ловить, чтоб смотрелось красивше.

— Я за боксом слежу. Что-то твоей фамилии не припомню.

— Я дрался под другим именем, Пацан Звездная Пыль.

— Пацан Звездная Пыль? Не помню я никакого Пацана.

— Я дрался в Южной Америке, Африке, в Европе, на островах, в мухосранских всяких. Поэтому у меня и пробелы в трудовой книжке — мне не хотелось вписывать “боксер”, поскольку люди подумают, что я шутки шучу с ними или вру. Я просто оставляю пустые места и черт с ним.

— Ладно, приходи на медкомиссию в 9.30 утра завтра, и мы определим тебя на работу. Говоришь, тяжелой работы хочется?

— Ну, если у вас есть что-нибудь другое…

— Нет, сейчас нету. Знаешь, ведь ты уже на полтинник тянешь. Я, наверное, что-то неправильно делаю. Нам не нравится, когда вы, народ, наше время впустую тратите.

— Я не народ. Я Пацан Звездная Пыль.

— Ладно, пацан, — рассмеялся он, — мы заста-

вим тебя ПОРАБОТАТЬ!

И мне не понравилось, как он это сказал.

Два дня спустя я вошел через проходную в деревянный сарай, где показал старику карточку с моим именем: Генри Чинаски, — и он отправил меня на погрузочную рампу. Я должен был подойти к Турману. Подошел. На деревянной скамье сидело несколько мужиков — они посмотрели на меня так, словно я был гомосексуалистом или паралитиком.

Я ответил им взглядом, выражавшим, по моему мнению, легкое презрение, и протянул с самой лучшей интонацией задворок, воспроизвести которую был способен:

— Где Турман. Мне сказали, к нему.

Кто-то показал.

— Турман?

— Н-ну?

— Я на вас работаю.

— Н-да?

— Н-да.

Он взглянул на меня.

— А где сапоги?

— Сапоги? Нету сапог, — ответил я.

Он сунул под скамейку руку и протянул мне пару — старую, задубевшую пару сапог.

Я их натянул. Та же самая история: на три размера меньше. Пальцы у меня скрючились и загнулись.

Потом он дал мне окровавленную робу и жестяную каску. Их я тоже надел. Я стоял перед ним, пока он зажигал сигарету или, как сказал бы англичанин, пока он закуривал сигарету. Спичку он выбросил с росчерком, спокойно и по-мужски.

— Пошли.

Все они были неграми, и когда я подошел, на меня посмотрели так, словно они — черные мусульмане. Во мне было больше шести футов, но все они были выше, а если и не выше, то в два-три раза шире.

— Хэнк! — заорал Турман.

Хэнк, подумал я. Хэнк, совсем как я. Это мило.

Под каской я уже весь вспотел.

— Определи его на РАБОТУ!!

Господи боже мой о господи боже мой. Куда девались все мои сладкие и легкие ночи? Почему этого не происходит с Уолтером Уинчеллом, который верит в Американский Путь? Не я ли был самым блестящим студентом по классу антропологии?

Что же случилось?

Хэнк подвел и поставил меня перед пустым

грузовиком длиной с полквартала, стоявшим перед рампой.

— Жди здесь.

Затем подбежало несколько черных мусульман с тачками, выкрашенными отслаивавшейся и бугристой белой краской, словно известку смешали с куриным пометом. В каждую тачку навалены горы окороков, плававших в жидкой водянистой крови. Вернее, они не плавали в крови, а сидели, будто свинец, будто пушечные ядра, будто смерть.

Один мальчонка запрыгнул в кузов у меня за спиной, а другой начал швырять мне окорока; я их ловил и переправлял парню позади, а тот оборачивался и кидал в глубину кузова. Окорока прилетали быстро БЫСТРО они были тяжелыми и становились все тяжелее. Как только я закидывал один и оборачивался, следующий уже летел ко мне по воздуху. Я знал, что они пытаются меня сломать. Скоро я уже весь потел потел так, будто открутили все краны, и спина у меня болела, запястья болели, руки болели, все болело а сам я дошел до последней невозможной унции своей вялой энергии. Я едва видел, едва мог собраться и поймать еще один окорок и швырнуть его, еще один окорок и швырнуть его. Кровью заляпало

меня всего, а руки продолжали ловить мягкий мертвый тяжелый флумп, окорок немного подавался, как женская задница, а я слишком ослаб даже для того, чтобы вякнуть:

— Эй, да что с вами такое парни, к ЧЕРТУ? — Окорока летят, я кручусь, как на крест прибитый под своей каской, а они все подвозят тачки, полные окороков окороков окороков и наконец все они опустели, а я стою, покачиваясь и дыша желтым электрическим светом. То была ночь в аду. Что ж, мне всегда нравилась ночная работа.

— Пошли!

Меня отвели в другую комнату. По воздуху, сквозь большое отверстие под потолком в противоположной стене — половина бычка, или, может, даже и целый бычок, да, бычки целиком, только подумайте, со всеми четырьмя ногами, по одному выползают из отверстия на крюках, их только что убили, и один останавливается прямо надо мной, висит прямо надо мной на этом своем крюке.

”Его только что убили, — подумал я, — убили чертову тварь. Как они могут отличить человека от бычка? Как они узнают, что я — не бычок?”

— ЛАДНО — КАЧАЙ!

— Качать?

— Точно — ТАНЦУЙ С НИМ!

— Что?

— Ох ты ж господи! Джордж, иди сюда!

Джордж подлез под мертвого бычка. Схватил его. РАЗ. Побежал вперед. ДВА. Побежал назад. ТРИ. Побежал далеко вперед. Бычок был почти параллелен земле. Кто-то нажал на кнопку, и он свое получил. Получил свое ради всех мясных рынков мира.

Получил свое ради дуркующих сплетниц заспанных дур домохозяек мира в 2 часа пополудни в своих халатах, сосущих измазанные красным сигареты и почти ничего не чувствующих.

Меня поставили под следующего бычка.

РАЗ.

ДВА.

ТРИ.

Готово. Его мертвые кости против моих живых, его мертвая плоть против моей живой, и со всеми этими костями и этой тяжестью я подумал о смазливой пизденке, сидящей на кушетке напротив меня, задрав ногу на ногу, и я — со стаканом в руке, медленно и верно затираю ей, пробираюсь в этот пустой ум ее тела, и тут Хэнк заорал:

— ПОВЕСЬ ЕЕ В МАШИНУ!

Я побежал к грузовику. Стыд поражения, пре-

поданный мне, пацану, на школьных дворах Америки, что я не должен ронять бычка на землю, поскольку это лишь докажет, что я — трус и не мужчина, а, следовательно, много и не заслуживаю, одни фырчки да смешки, в Америке ты должен быть победителем, другого выхода нет, приходится учиться драться за так, не задавай вопросов, а кроме того, если бы я уронил бычка, возможно, пришлось бы его и поднимать, а я знал, что мне его никогда не поднять. Кроме этого, он испачкается. А я не хотел, чтобы он пачкался, или, скорее — они не хотели, чтобы он пачкался.

Я вбежал в грузовик.

— ВЕШАЙ!

Крюк, свисавший с потолка фургона, был туп, точно большой палец без ногтя. Даешь брюху бычка немного соскользнуть назад и целишь наверх, насаживаешь верхнюю часть на крюк снова и снова, а крюк не проходит. Матерь-срака!! Сплошная щетина и жир, туго, туго.

— ДАВАЙ! ДАВАЙ!

Я поднатужился из последних сил, и крюк прошел, прекрасное это зрелище, чудо просто: крюк протыкает бычка, бычок повисает сам, совершенно вне моих плеч, висит для домашних халатов и сплетен в мясных лавках.

— ШЕВЕЛИСЬ!

285-фунтовый негрила, хамоватый, смышленый, собранный, убийственный, вошел в фургон, повесил свое мясо со щелчком, взглянул на меня сверху вниз:

— Мы тут цепочкой держимся!

— Лады, ас.

Я вышел перед ним. Меня ждал еще один бычок. Каждый раз, когда я грузил следующего, я был уверен, что он — последний, больше мне не справиться, но я твердил себе еще один еще один и все потом бросаю.

На хуй.

Они только и ждали, чтобы я бросил, я по глазам видел, по улыбкам, когда они думали, что я смотрю в другую сторону. Мне не хотелось дарить им победу. И я шел за следующим бычком. Игрок. Один последний рывок бывшего крутого игрока. Я бросался на мясо.

Два часа я так держался, потом кто-то завопил:

— ПЕРЕРЫВ.

Сделал. Десять минут отдыха, немного кофе, и меня уже никогда не заставят бросить. Я шел за ними следом к обеденному вагончику. Я видел, как в ночи от кофе поднимается пар; я уже видел пончики, и сигареты, и кофейные печенюшки, и

сэндвичи под электрическими лампочками.

— ЭЙ, ТЫ!

То был Хэнк. Хэнк, как и я.

— Чего, Хэнк?

— Перед тем, как пойдешь на перерыв, залезь вон в тот грузовик и отгони его к рампе 18.

Грузовик, который мы только что загрузили, тот, что в полквартала длиной. Рампа 18 находилась на другой стороне двора.

Мне удалось открыть дверцу и забраться в кабину. Сиденье там было мягким, кожаным и таким славным на ощупь, что я знал: если я поддамся, то очень скоро усну на нем. Я никогда не водил грузовики. Я опустил глаза и увидел полдюжины рукояток, рычагов, педалей и так далее. Я повернул ключ и умудрился завести машину. Потыкал в педали, подергал за ручки, пока фургон не покатился, а потом отогнал его через двор к рампе 18, все время думая: к тому времени, как я вернусь, обеденный вагончик уже уедет. Для меня это трагедия, настоящая трагедия. Я припарковал грузовик, заглушил двигатель и с минутку посидел там, ощущая мягкую доброту кожаного сиденья. Потом открыл дверцу и вылез наружу. И не попал на ступеньку, или что там еще стояло, и упал наземь прямо в окровавленной робе и госпо-

ди жестяной каске, как подстреленный. Больно не было, я ничего не почувствовал. Поднялся я как раз в тот момент, когда обеденный вагончик выезжал из ворот на улицу. Я увидел, как они возвращаются к рампе, смеясь и закуривая.

Я снял сапоги, я снял робу, снял жестяную каску и дошел до сарая на проходной.

Швырнул робу, каску и сапоги через стойку. Старик поднял на меня глаза:

— Что? Бросаете такую ХОРОШУЮ работу?

— Передай им, чтоб чек за два часа прислали мне по почте, а если нет, то пусть засунут его себе в жопу, мне надристать!

Я вышел наружу. Перешел через дорогу в мексиканский бар и выпил пива, а затем сел в автобус и поехал к себе. Американский школьный двор снова меня отлупил.

6.

Следующим вечером я сидел в баре между женщиной с тряпкой на голове и женщиной без тряпки на голове, и то был просто еще один бар — тупой, несовершенный, безнадежный, жестокий, говенный, нищий, и крохотная мужская уборная воняла так, что хотелось блевать, и посрать там нельзя было, а только поссать, блюешь, отворачиваешься, ищешь света, молишься, чтоб желудок

продержался еще хотя бы одну ночь.

Я просидел там часа три — пил и покупал выпить той, что без тряпки. Она неплохо выглядела: дорогие туфли, хорошие ноги и хвост; на самой грани распада, но именно тут они самые сексапильные — для меня, то есть.

Заказал еще стаканчик, еще два стаканчика.

— Все, хватит, — сказал я ей, — голяк.

— Ты шутишь.

— Нет.

— У тебя есть где упасть?

— Еще два дня до уплаты в запасе.

— Ты работаешь?

— Нет.

— А че делаешь?

— Ничего.

— Я в смысле, как тебе удается?

— Некоторое время я был агентом жокея. Хороший парнишка у меня был, да засекли его дважды — проносил батарейку к воротам. Его отстранили. Немного боксом занимался, играл, пробовал даже цыплят разводить: сидел, бывало, ночами напролет, от диких собак их охранял в горах, это круто было, а потом однажды сигару в курятнике не погасил и сжег их половину, к тому же всех своих хороших петухов. Пытался в Север-

ной Калифорнии золото мыть, был зазывалой на пляже, на бирже играл, пробовал на понижение — ни черта не получилось, неудачник я.

— Допивай, — сказала она, — и пойдем со мной.

Это “пойдем со мной” звучало отменно. Я допил и вышел за ней следом. Мы прошли по улице и остановились перед винной лавкой.

— Стой тихо, — сказала она, — говорить буду я.

Мы вошли. Она взяла салями, яиц, хлеба, бекона, пива, острой горчицы, маринованных огурчиков, две пятых хорошего вискача, немного алки-зельцер и минералки. Сигарет и сигар.

— Запиши на Вилли Хансена, — сказала она продавцу.

Мы вышли наружу со всем этим хозяйством, и она из автомата на углу вызвала такси. Такси появилось, и мы залезли на заднее сиденье.

— Кто такой Вилли Хансен? — спросил я.

— Какая разница, — ответила она.

У меня она помогла мне сгрузить расходные материалы в холодильник. Потом села на кушетку и скрестила свои хорошие ноги, сидела, подергивая и покручивая лодыжкой, разглядывала туфлю, эту зашпилеванную и прекрасную туфлю. Я содрал пленку с горлышка бутылки и смешал

два крепких. Я снова был царем.

Той ночью в постели я остановился посреди всего и посмотрел на нее сверху вниз.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Какая тебе, к черту, разница?

Я рассмеялся и погнал дальше.

Квартплата выдохлась очень быстро, я сложил все, чего оказалось немного, в свой картонный чемодан, и через полчаса мы уже обходили оптовый магазин мехов по разбитому тротуару — там стоял старый двухэтажный дом.

Пеппер (так ее звали, наконец, она мне призналась) позвонила в дверь и сказала:

— А ты не высовывайся, пусть он меня увидит, а когда зуммер зазудит, я толкну дверь, и ты войдешь за мной.

Вилли Хансен всегда высовывался в лестничный пролет до середины, а там у него стояло зеркало, показывавшее, кто у двери — а уж потом он решал, быть ему дома или нет.

На этот раз он решил быть дома. Прозудел зуммер, и я вошел вслед за Пеппер, оставив чемодан у подножия лестницы.

— Малышка! — встретил он ее на вершине лестницы, — как хорошо тебя видеть!

Он был довольно стар и только с одной рукой.

Этой рукой он обнял ее и поцеловал.

Потом увидел меня.

— Кто этот парень?

— О, Вилли, познакомься с моим другом. Это Пацан.

— Здорово! — сказал я.

Он не ответил.

— Пацан? Не похож он на пацана.

— Пацан Лэнни, он раньше дрался под именем Пацан Лэнни.

— Пацан Ланселот, — уточнил я.

Мы прошли в кухню, Вилли вытащил бутылку и чего-то разлил. Мы сели за стол.

— Как вам нравятся занавески? — спросил он у меня. — Девчонки их для меня сделали. Девчонки очень талантливые.

— Мне нравятся занавески, — ответил ему я.

— У меня рука отнимается, я уже пальцами двигать не могу, наверное, скоро умру, а врачи не могут определить, что со мной не так. Девчонки думают, я шутки шучу, девчонки надо мной смеются.

— Я вам верю, — ответил я.

Мы выпили еще по парочке.

— Ты мне нравишься, — сказал Вилли, — похоже, ты много чего повидал, похоже, в тебе есть

класс. У большинства людей класса нет. А у тебя есть.

— Я ничего про класс не знаю, — ответил я, — но повидал я много чего.

Мы еще немного выпили и перешли в гостиную. Вилли надел матросскую бескозырку и сел за орган, и начал играть на органе своей единственной рукой. Это был очень громкий орган.

По всему полу были разбросаны четвертачки, десятицентовики, полтинники, никели и пенни. Я не задавал вопросов. Мы просто сидели, выпивали и слушали орган. Я слегка похлопал, когда он закончил.

— Тут все девчонки были как-то ночью, — сказал он мне, — и кто-то вдруг как заорет: ОБЛАВА! — ты бы видел, как они забегали, кто-то голышом, кто-то в одних трусиках и лифчике, все выскочили и спрятались в гараже. Смешно, как сам черт, было! Я сижу такой, а они одна за другой из гаража выползают. Умора, да и только!

— А кто это заорал ОБЛАВА? — спросил я.

— Я и заорал, — признался он.

Потом он ушел в спальню, разделся и улегся в постель. Пеппер тоже зашла, поцеловала его, поговорила с ним немного, а я ходил по комнате и собирал монетки с пола.

Вернувшись, она махнула мне в сторону лестницы. Я спустился за чемоданом и перенес его наверх.

7.

Всякий раз, когда он по утрам надевал свою бескозырку, свою капитанскую фуражку, мы уже знали, что едем на яхте. Он стоял перед зеркалом, оправляя ее, чтобы сидела под нужным углом, а одна из девчонок уже бежала к нам сообщить:

— Едем на яхте — Вилли надевает фуражку!

Как будто в первый раз. Он выходил в бескозырке, и мы шли за ним к гаражу, не произнося ни слова.

У него была старая машина, такая старая, что сзади было откидное сиденье.

Две или три девчонки садились вперед к Вилли, на колени друг к дружке, как бы ни усаживались, но усаживались, а мы с Пеппер занимали откидное сиденье, и она произносила:

— Он выезжает только тогда, когда не с бодуна и когда не запивает. Скотина, еще и не хочет, чтоб другие пили, поэтому осторожнее!

— Черт, а мне нужно выпить.

— Всем нужно, — отвечала она. Из ридикюля она извлекала пинту и отвинчивала крышечку. Передавала бутылку мне.

— Подожди, пока он не проверит нас в зеркальце. Как только переводит глаза на дорогу, глотай.

Я попробовал. Получилось. Затем настала очередь Пеппер. К тому времени, как мы доехали до Сан-Педро, бутылка опустела. Пеппер вытащила жевательную резинку, а я закурил сигару, и мы вылезли из машины.

Прекрасная у него была яхта. Два двигателя, и Вилли показал мне, как заводить дополнительный движок, если вдруг что-то случится. Я стоял, не слушая, и кивал.

Херня какая-то: дергаешь за веревку, и он запускается.

Еще он показал мне, как поднимать якорь, отшвартовываться, я же думал только только о следующем стаканчике, а потом мы вышли, и он остался в рубке в своей капитанской фуражке управлять этой дрянью, а все девчонки столпились вокруг него:

— Ой, Вилли, дай порулить!

— Вилли, нет, мне дай!

Мне же рулить не хотелось. Он назвал лодку в свою честь: ВИЛЛХАН. Ужасное имя.

Следовало назвать ее ПЛАВУЧАЯ ПИЗДА.

Я спустился следом за Пеппер в каюту, и мы нашли себе еще выпить много чего выпить. И

остались там, выпивая. Я услышал, как он заглушил мотор и стал спускаться по трапу к нам.

— Мы возвращаемся, — сказал он.

— Зачем?

— Конни опять капризничает. Боюсь, как бы за борт не прыгнула. Не хочет со мной разговаривать. Просто сидит и смотрит. А плавать она не умеет. Боюсь, что спрыгнет.

(Конни — это та, что с тряпкой на голове.)

— Пусть прыгает. Я ее вытащу. Я ее оглушу, удар у меня еще ого-го, а потом втащу в лодку. Не беспокойся за нее.

— Нет, мы возвращаемся. А кроме того, вы тут пили!

Он поднялся наверх. Я начислил еще и зажег сигару.

8.

Когла мы причалили, Вилли спустился и сказал, что сейчас вернется. Сейчас он не вернулся. Он не возвращался три дня и три ночи. Бросил тут всех девчонок. Просто уехал на своей машине.

— Совсем спятил, — сказала одна.

— Ага, — согласилась другая.

Однако, еды и кира было много, поэтому мы остались ждать Вилли. Всего девчонок было четверо, включая Пеппер. Внизу же было холодно,

сколько бы ты ни выдул, сколько бы одеял на себя ни навалил. Согреться можно было только одним способом.

Девчонки превратили это в шутку:

— Я СЛЕДУЮЩАЯ! — верещала одна.

— Мне кажется, я щас кончу, — отзывалась другая.

— Ты думаешь, ТЫ щас кончишь, — говорил я, — а как тогда насчет МЕНЯ?

Они смеялись. В конце концов, я уже просто больше не мог.

Я обнаружил, что у меня с собой оказались мои зеленые кости, мы устроились на полу и начали играть в крэп. Все были пьяны, а все деньги были у девчонок, у меня же денег никаких не было, но вскоре они появились, причем, приличные. Они не совсем понимали игру, и я объяснял им по ходу дела, а правила по ходу этого дела я менял сообразно обстоятельствам.

Так нас Вилли и обнаружил, вернувшись, — за игрой в кости и пьяных в умат.

— Я НЕ ПОЗВОЛЯЮ НА ЭТОМ СУДНЕ АЗАРТНЫЕ ИГРЫ! — заорал он с верхушки трапа.

Конни взобралась по ступенькам, обвила его руками и просунула свой длинный язык ему в рот, потом схватила его за причинные. Он сошел

по трапу с улыбкой, налил себе выпить, налил выпить нам всем, и мы сидели, болтали и смеялись, и он болтал об опере, которую пишет для органа, Император Сан-Франциско. Я пообещал, что напишу на музыку слова, и той же ночью мы отправились обратно в город, все пили и чувствовали себя прекрасно. С той первой поездки почти как под копирку были сняты остальные. Однажды ночью он умер, и мы все опять оказались на улице — и девчонки, и я. Какая-то сестра на востоке получила все до цента, а я устроился работать на фабрику собачьих бисквитов.

9.

Живу где-то на Кингсли-Стрит, работаю экспедитором в какой-то богадельне, торгующей потолочными светильниками.

То было довольно спокойное время. Каждый вечер я пил много пива, часто забывая поесть. Купил себе пишущую машинку, старый пользованный Ундервуд с западавшими клавишами. Я ничего не писал десять лет. Я наливался пивом и садился писать стихи. Довольно быстро у меня их скопилось достаточно много, и я не представлял, что с ними делать. Я сложил все дела в один конверт и отправил в какой-то новый журнал в маленький техасский городишко. Я прикидывал,

что никто это барахло не возьмет, но, по крайней мере, хоть кто-нибудь разозлится, поэтому совсем уж псу под хвост это не пойдет.

В ответ я получил письмо, в ответ я получил два письма, два длинных письма. В них говорилось, что я гений, в них говорилось, что я изумителен, в них говорилось, что я Бог. Я перечитывал письма снова и снова, потом надрался и сочинил длинный ответ. Отправил еще стихов. Я писал стихи и письма каждую ночь, ересь всякая у меня прямо из ушей лезла.

Редакторша, которая, к тому же, и сама что-то пописывала, начала присылать мне в ответ свои фотографии — выглядела она недурно, совсем недурно. Письма приобретали все более личный оттенок. Она писала, что никто не хочет на ней жениться. Ее помощник редактора, молодая особь мужского пола, сказал, что женится на ней за половину ее наследства, а она ответила, что денег у нее нет, все просто думают, что у нее есть деньги. Помощник редактора позже отбыл срок в психушке. “Никто на мне не женится, — продолжала писать она, — ваши стихи будут опубликованы в следующем номере журнала, посвященном только Чинаски, и никто никогда на мне не женится, никто, видите ли, у меня

искривление, в шее, я так родилась. Я никогда не выйду замуж.”

Однажды ночью я был сильно выпимши. “Не стоит об этом, — написал я. — Я на вас женюсь. Выкиньте из головы свою шею. Я тоже не красавец. Вы со своей шеей и я со своей изодранной львом рожей — я просто вижу, как мы идем по улице вместе!”

Я отправил эту хрень и начисто забыл о ней, выпил еще баночку пива и отправился спать.

Обратная почта принесла письмо: “О, я так счастлива! Все смотрят на меня и спрашивают: “Ники, что с тобой произошло? Ты вся СИЯЕШЬ, просто взрываешься изнутри!!! В чем дело?” А я им не скажу! О, Генри, Я ТАК СЧАСТЛИВА!”

К письму она приложила несколько фотографий, очень уродливых. Я испугался. Вышел и купил бутылку виски. Я смотрел на фотографии, пил виски. Потом лег на ковер:

— Ох, Господи Боже мой или Иисусе Христе, что я наделал? Что я натворил? Ладно, я вам так скажу, Мальчонки, я собираюсь посвятить весь остаток своей жизни тому, чтобы сделать эту несчастную женщину счастливой! Это будет ад, но я сильный и крутой, а к тому же есть ли что-нибудь лучше по жизни, чем делать счастливым

кого-то другого?

Я поднялся с ковра, не очень поверив в последнюю часть…

Неделю спустя я уже сидел на автостанции; я был пьян и ждал прибытия автобуса из Техаса.

Его объявили по громкоговорителю, и я приготовился к смерти. Я смотрел, как они выходят из дверей автобуса, пытаясь сравнить их с фотографиями. И тут увидел молоденькую блондинку, лет 23, с хорошими ногами, живой походкой, невинной и несколько заносчивой мордашкой, наверное, ее можно было бы назвать нахальной, а шея у нее была и вовсе недурна. Мне в то время исполнилось 35.

Я подошел к ней.

— Вы Ники?

— Да.

— Я Чинаски. Давайте, чемодан возьму.

Мы зашагали к стоянке.

— Я ждал вас три часа, нервничал, дергался, ад просто, а не ожидание. Только и смог, что выпить немного в баре.

Она приложила руку к капоту машины.

— Мотор до сих пор горячий. Мерзавец, вы только что приехали!

Я рассмеялся.

— Вы правы.

Мы влезли в мой древний драндулет, и все завертелось. Вскоре мы поженились в Вегасе, и все деньги, что у меня были, ушли на это и на билеты до Техаса.

Я сел с ней в автобус: в кармане у меня оставалось тридцать пять центов.

— Не знаю, понравится ли Папуле то, что я сделала, — произнесла она.

— О Господи о Боже, — молился я, — укрепи меня, помоги быть смелым!

Она обнималась, елозила и извивалась всю дорогу до этого малюсенького техасского городка. Приехали мы в полтретьего утра, и когда выходили из автобуса, мне показалось, шофер спросил:

— Что это за бичара с тобой, Ники?

Мы стояли посреди улицы, и я сказал:

— Что сказал шофер? Что он тебе сказал? — спрашивал я, позвякивая своими тридцатью пятью центами в кармане.

— Он ничего не сказал. Пойдем со мной.

Она стала подниматься по ступенькам какого-то городского особняка.

— Эй, куда это ты, к чертовой матери, направилась?

Она вставила ключ в замок, и дверь открылась.

Я поднял голову — над проемом в камне были высечены слова: ГОРОДСКАЯ РАТУША.

Мы вошли.

— Я хочу посмотреть, есть ли мне почта.

Она зашла в свой кабинет и пошарила на столе:

— Черт, почты нет!! Спорить готова, эта сука сперла мою почту!

— Какая сука? Какая сука, крошка?

— У меня есть враг. Слушай, пойдем вот сюда.

Мы прошли по коридору, и она остановилась перед другой дверью. Протянула мне шпильку.

— Вот, ты сможешь взломать этот замок?

Я попытался. Мне уже рисовались заголовки:

ЗНАМЕНИТЫЙ
ПИСАТЕЛЬ
И ПЕРЕВОСПИТАВШАЯСЯ ПРОСТИТУТКА ЗАСТИГНУТЫ ВЗЛАМЫВАЮЩИМИ КАБИНЕТ МЭРА!

Замок открыть я не смог.

Мы дошли до ее дома, прыгнули в постель и продолжили то, над чем работали в автобусе.

Я прожил тут уже пару дней, когда однажды утром, часов около 9, звякнул дверной звонок. Мы были в постели.

— Какого черта? — спросил я.

— Сходи открой, — ответила она.

Я влатался в какую-то одежду и пошел к двери. Там стоял карлик — время от времени он весь трясся, болел чем-то, видать. На нем была шоферская кепочка.

— Мистер Чинаски?

— Ну?

— Мистер Дайер просил меня показать вам земли.

— Минуточку.

Я вернулся в спальню:

— Крошка, там стоит карлик и говорит, что какой-то мистер Дайер хочет показать мне земли. Он карлик и весь трясется.

— Ну так поезжай с ним. Это мой отец.

— Кто, карлик?

— Нет, мистер Дайер.

Я надел ботинки и чулки и вышел на крыльцо.

— Ладно, приятель, — сказал я, — поехали.

Мы объехали весь город и его окрестности.

— Мистер Дайер владеет вот этим, — показывал карлик, а я смотрел в ту сторону, — и мистер Дайер владеет этим, — и я смотрел в другую сторону.

И ничего не говорил.

— Все эти фермы, — продолжал он, — мистер Дайер владеет всеми этими фермами, позволяет

им работать на земле, а прибыль делят пополам.

Карлик привез меня в зеленый лес. Показал:

— Видите озеро?

— Ну?

— Там семь озер, в них полно рыбы. Видите, индюк гуляет?

— Ну?

— Это дикий индюк. Мистер Дайер сдает это все клубу рыболовства и охоты, и клуб всем этим управляет. Конечно, мистер Дайер и все его друзья могут приезжать сюда в любое время, когда захочется. Вы рыбачите, охотитесь?

— Я на многое в своей жизни поохотился, — сообщил ему я.

Мы ехали дальше.

— Вот сюда мистер Дайер ходил в школу.

— Вот как?

— Ага, прямо вот в это кирпичное здание. Теперь он его купил и восстановил, вроде памятника.

— Поразительно.

Мы развернулись обратно.

— Спасибо, — сказал я ему.

— Хотите, я завтра утром приеду? Еще много чего можно посмотреть.

— Нет, спасибо, все в порядке.

Я вошел в дом. Я снова был царем…

И хорошо все это закончить именно здесь вместо того, чтобы рассказывать вам, как я все это потерял, хотя речь пошла бы о турке, носившем лиловую булавку в галстуке, с хорошими манерами и культурой. Ни шанса у меня не было. Но турок тоже скоро выдохся, и последнее, что я о ней слышал, — она уехала на Аляску и вышла замуж за эскимоса. Она прислала мне фотографию своего младенца, сообщила, что по-прежнему пишет и поистине счастлива. Я ответил ей: “Держись крепче, крошка, это безумный мир”.

И на этом, как говорится, все.

Почтамт

Это является художественным произведением и никому не посвящается

ПОЧТАМТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
ЛОС-АНДЖЕЛЕС, КАЛИФОРНИЯ
Отдел Почтмейстера
1 января 1970 г.
Меморандум 742

КОДЕКС НОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Настоящим обращаем внимание всех сотрудников на Кодекс Норм Поведения для почтовых служащих, изложенный в Разделе 742 Почтовой Инструкции, и Руководство для Работников, намеченное в Разделе 744 Почтовой Инструкции.

Уже много лет почтовые служащие держатся прекрасной и не превзойденной иными группами государственных служащих традиции верно служить Нации. Каждый служащий должен испытывать чувство большой гордости за эту тради-

цию преданной службы. Каждый из нас должен стремиться сделать достойным свой вклад в непрерывное движение Почтовой Службы к будущему прогрессу в интересах общества.

Весь почтовый персонал обязан действовать с неуклонной порядочностью и безусловной преданностью интересам общества. Мы надеемся, что почтовый персонал будет соблюдать высочайшие нравственные принципы и блюсти законы Соединенных Штатов, а также правила и политику Почтового Департамента. Требуется не только высоконравственное поведение, но официальные лица и наемные работники должны тщательно избегать действий, которые могут быть истолкованы как препятствующие исполнению обязанностей почтового служащего. Данные обязанности должны выполняться сознательно и с пользой. Почтовая Служба обладает уникальной привилегией ежедневного общения с большинством граждан Нации и является во многих случаях средством их наиболее непосредственного общения

с Федеральным Правительством. Таким образом, каждому почтовому работнику представляется особая возможность и ответственность действовать с честью и достоинством, заслуживающими общественного доверия, что отражает ценность и заслуги Почтовой Службы и всего Федерального Правительства.

Все служащие обязаны изучить Раздел 742 Почтовой Инструкции «Основные Нормы Нравственного Поведения, Личное Поведение Служащих, Ограничения Политической Деятельности и т. д.».

Подпись Ответственного Лица

Часть 1
1

В начале была ошибка.

Стояло Рождество, и от алкаша, жившего на горке, я узнал, что туда берут чуть ли не всех подряд: он проделывал этот финт каждый год, потому я и пошел. И не успел глазом моргнуть, как у меня на горбу оказался кожаный мешок, и я его в свое удовольствие тащу. Вот так работенка, подумал я. Семечки! Дают всего квартал или два, и если удается их закончить, штатный почтальон скажет разнести еще один, или, может, вернешься, и в сортировке сунут еще — никакой спешки, распихиваешь себе поздравительные открытки по ящикам.

Кажется, на второй день рождественской шары за мной письма разносить увязалась эта здоровая тетка. Здоровая в том смысле, что у нее была здоровая задница, здоровые сиськи, и вся она в нужных местах была здоровенной. Вроде как не в себе, но я глаз не мог оторвать от ее тела, и мне было наплевать.

Она трещала, не закрывая рта. Тут-то все и

прояснилось. Муж ее служил офицером на острове где-то очень далеко, а ей одиноко стало, понимаете, живет себе в домике на задворках совершенно одна.

— В каком домике? — спросил я.

На клочке бумаги она черкнула адрес.

— Мне тоже одиноко, — сказал я. — Загляну вечером, поговорим.

Я жил тогда с одной, но моей бабы регулярно не бывало дома, шлялась где-то, и я был одинок без базара. Одиноко без такой вот здоровой задницы, что стояла рядом.

— Ладно, — сказала она, — до вечера.

Хороша-то она хороша, тетка что надо, но, как и со всеми тетками, после третьей или четвертой ночи я начал терять интерес и больше к ней не возвращался. Но не давала покоя мысль: боже, у почтальонов других дел нет — только письма разносить да трахаться. Это работа для меня, о да да да.

2

Поэтому я пошел на экзамен, сдал его, пошел на медкомиссию, прошел ее, и вот я — подменный доставщик. Начиналось легко. Меня отправили

на участок Западный Эйвон, и все было совсем как на Рождество, только без траха. Каждый день я ждал, что меня трахнут, но меня не трахали. Бугор же был нормальный, и каждый день я, гуляючи обходил то один квартал, то другой. У меня даже формы не было, одна кепка. Я носил обычную одежду. Мы так с моей Бетти киряли, что на одежду едва ли оставалось.

Затем меня перевели на Оукфордский участок.

Сортировкой заправлял бычина по фамилии Джонстон. Там была текучка, и я понял из-за чего. Джонстон любил носить темно-красные рубашки — они означали опасность и кровь. Сменщиков было семеро: Том Мото, Ник Пеллигрини, Герман Стрэтфорд, Рози Андерсон, Бобби Хансен, Гарольд Уайли и я, Генри Чинаски. Начало — в 5 утра, и я там единственный киряла. Я всегда квасил допоздна, а в 5 утра мы уже сидели, дожидаясь, чтоб зачли время, вдруг кто из штатных заболеет. Штатные обычно бюллетенили, когда шел дождь или стояла жара, или сразу после праздников, когда почты больше в два раза.

40 или 50 разных маршрутов, может, с верхом, один сложнее другого, ни в жисть не запомнишь, надо забирать почту и к 8 утра быть как штык к развозке, а Джонстону все божья роса. Сменщики

развозили журналы по перекресткам, оставались без обеда и подыхали прямо на улицах. Джонстон давал нам паковать ящики по маршрутам на 30 минут позже — знай крутился в красной рубашке на своем кресле:

— Чинаски, берешь пятьсот тридцать девятый!

Начинали мы на полчаса позже, но все равно должны были развезти, доставить, да еще и вернуться вовремя. И раз или два в неделю, уже разбитые, отпидарашенные и выебанные, выходим в ночную сортировку, а расписание, пришпиленное к доске, — хреновее некуда: грузовик с такой скоростью просто не ездил. В первом завозе приходилось четыре-пять ящиков пропускать, а к следующему их уже заваливали почтой, и ты вонял и бегал, потея и распихивая все по мешкам. Нормально меня трахнули. Джонстон позаботился.

3

Джонстону потакали сами сменщики — они повиновались его невозможным приказам. Я не понимал, как такому чудовищу позволено занимать такую должность. Штатным было до лампочки, профсоюзный деятель никуда не го-

дился, поэтому я накропал тридцатистраничный рапорт в один из выходных, отправил копию Джонстону, а вторую взял с собой в Федеральное здание. Ярыжка велел мне обождать. Я ждал, ждал, ждал. Я ждал час и тридцать минут, затем меня ввели, и я увидел седого человечка с глазами, как сигаретный пепел. Он даже не попросил меня присесть. Он заорал, едва я переступил порог:

— Умничаешь, значит, сукин сын, так?

— Вы б не выражались, сэр!

— Вот умник выискался! Сучата, словарей нахватались и вынакиваются!

Он замахал на меня моими бумагами. И завопил:

— МИСТЕР ДЖОНСТОН — ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

— Глупости. Он — очевидный садист, — ответил я.

— Ты сколько работаешь на почте?

— Три недели.

— МИСТЕР ДЖОНСТОН РАБОТАЕТ НА ПОЧТЕ УЖЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

— А это тут при чем?

— Я сказал: МИСТЕР ДЖОНСТОН — ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Бедняге, наверно, хотелось меня пришибить. Должно быть, они с Джонстоном спали вместе.

— Хорошо, — сказал я, — Джонстон — прекрасный человек. Выкиньте всю эту поеботину из головы.

Я ушел и взял себе назавтра отгул. Без содержания, конечно.

4

Когда Джонстон увидел меня на следующее утро в 5, он крутнулся на кресле — лицо и рубашка у него были одного цвета. Но ничего не сказал. По барабану. До 2 часов ночи я кирял и трахался с Бетти. Я откинулся на стену и закрыл глаза.

В 7 Джонстон развернулся в кресле снова. Остальных сменщиков уже отправили на работу или послали на другие участки, где требовалась помощь.

— Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Он наблюдал за моим лицом. Черт, какая разница. Мне хотелось одного — лечь в постель и задрушлять.

— Ладно, Стон, — ответил я. Среди доставщиков он проходил под кличкой Стон, но только я

называл его так в лицо.

Я вышел, мой драндулет завелся, и вскоре я уже был в постели с Бетти.

— О, Хэнк! Как мило!

— Чертовски верно, крошка! — Я подтянулся к ее теплому хвосту и уснул за 45 секунд.

5

Но на следующее утро произошло то же самое.

— Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Так продолжалось неделю. Я сидел там каждое утро с 5 до 7, и мне не платили. Мое имя даже вычеркнули из ночной сортировки.

Потом Бобби Хансен, один из сменщиков постарше — по выслуге, — сказал мне:

— Он раз мне тоже так сделал. Старался, чтоб я с голоду подох.

— Да плевать. Жопу я ему целовать не собираюсь. Или уволюсь, или с голоду подохну — все равно.

— Не обязательно. Докладывайся каждый вечер на участке Прелл. Скажи в сортировке, что здесь у тебя работы нет и ты можешь сидеть сменщиком особой доставки.

— А так можно? Не запрещают?
— Я раз в две недели зарплату получал.
— Спасибо, Бобби.

6

Забыл, когда начинал. В шесть или 7 вечера. Где-то около.

Я садился с кучкой писем, брал карту улиц, прикидывал свою пробежку — и только. Легко и просто. Все водители на прикидку своих маршрутов тратили гораздо больше времени, чем необходимо, и я тоже не высовывался. Уходил, когда уходили остальные, возвращался вместе со всеми.

Затем делал еще один маршрут. Оставалось время посидеть в кофейне, почитать газеты, почувствовать себя человеком. Даже пообедать успевал. Когда нужен был отгул, я брал отгул. На одном маршруте была такая крупная деваха, она каждый вечер получала заказные письма. Шила сексапильные платья, ночнушки и сама же их носила. Ты взбегал по ее крутым ступенькам около 11 вечера, давил на звонок и вручал ей заказное. Она тихонько ахала, что-то вроде:

— ОООООООООООООxxxxxxxxxXXXX! — а са-

ма стояла близко, очень близко, и не отпускала тебя, пока не прочтет письмо, а затем говорила: — ОООООооох, спокойной ночи, спасибо ВАМ!

— Да, мэм, — отвечал ты, отваливая трусцой, елда набухла, как у быка.

Но это неминуемо должно было кончиться. Конец пришел по почте недели через полторы свободы.

> Уважаемый мистер Чинаски,
>
> Вам надлежит явиться на Оукфордский участок незамедлительно. Отказ повлечет за собой возможные меры дисциплинарного порядка или увольнение.
>
> ***А. Э. Джонстон, начальник,***
> ***Оукфордский участок.***

Я снова был на кресте.

7

— Чинаски! Берешь пятьсот тридцать девятый!

Самый херовый на участке. Многоквартирные дома с ящиками, где имена соскоблены или же их вообще никогда не было, под крошечными

лампочками в темных вестибюлях. На лестницах стояли старухи — они встречались по всей улице, задавали один и тот же вопрос, как один человек с одним голосом:

— Почтальон, у вас для меня почта есть?

И хотелось орать: «Бабка, откуда, к чертовой матери, я знаю, кто ты такая, кто я такой и кто вообще тут все?»

Пот капает, бодун, график невозможный, да еще Джонстон сидит в своей красной рубашке и знает про это все, наслаждается, делает вид, что идет на это ради снижения расходов. На самом деле все знали, зачем он так поступает. Ох, какой же он прекрасный человек!

Люди. Люди. И собаки.

Давайте, я расскажу вам о собаках. Стоял такой 100-градусный день,[24] а я бежал, потея, больной, похмельный, в полубреду. Остановился у небольшого жилого дома, где почтовый ящик внизу, прямо на мостовой. Отщелкнул его своим ключом. Ни звука. Вдруг чувствую — кто-то тычется мне сзади в промежность. И шевелится там. Оборачиваюсь — немецкая овчарка, взрослая, и нос свой мне в очко чуть не наполовину засунула.

---

[24] notes: 24

По Фаренгейту. 37,8 °C. — Здесь и далее прим. переводчика.

Щелкнет челюстями разок — и все яйца выдерет. Я решил, что эти люди не получат сегодня свою почту — может, вообще никогда никакой почты не получат. В натуре, мужик, она там носом работала. НЮФ! НЮФ! НЮФ!

Я положил почту обратно в кожаную сумку, а затем очень медленно — очень — сделал полшага. Нос следом. Еще полшажка, другой ногой. Нос не отстает. Затем я делаю медленный, очень медленный полный шаг. За ним еще один. Не шевелюсь. Нос отклеился. Она стоит и на меня смотрит. Может, ей никогда не приходилось ничего подобного нюхать, и она не поняла, что нужно делать.

Я тихонько ушел.

8

Была и еще одна немецкая овчарка. Стояло жаркое лето, и она ВЫНЕСЛАСЬ со двора и ПРЫГНУЛА в воздух. Зубы ее щелкнули, едва не прокусив мне кадык.

— О БОЖЕ! — заверещал я, — ОХ ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ! УБИВАЮТ! УБИВАЮТ! ПОМОГИТЕ! УБИВАЮТ!

Тварь развернулась и прыгнула снова. Я прямо

в воздухе впаял ей хорошенько по морде мешком для почты, письма и журналы разлетелись. Тварь готовилась к прыжку еще раз, когда вышли двое парней, хозяева, и оттащили ее. Пока она смотрела на меня и рычала, я нагнулся и собрал письма и журналы — теперь их опять раскладывать по порядку.

— Вы, суки, ополоумели, — сказал я парням. — Это убийца, а не собака. Или усыпите ее, или на улицу не пускайте!

Я бы полез бить им морду, но между ними рычала и кидалась на меня эта собака. Я отошел к соседнему крыльцу и, ползая на четвереньках, переложил почту.

Как обычно, времени на обед не осталось, но я все равно на 40 минут опоздал в сортировку. Стон посмотрел на часы.

— Ты на сорок минут опоздал.

— А ты вообще не приходил, — ответил я.

— Так и запишем.

— Пиши-пиши, Стон.

У него в машинку был заправлен соответствующий бланк — он уже приступил. Я сидел, сортируя почту по ящикам и откладывая возвраты, а он подошел и швырнул бланк мне под нос. Я уже устал читать его докладные и по своему походу

в город знал, что любой протест бесполезен. Не глядя, я кинул его ксиву в мусорную корзину.

9

На каждом маршруте были свои ловушки, и только штатные доставщики о них знали. Каждый день возникала какая-то проклятая засада, и ты всегда был готов к изнасилованию, убийству, собакам или какому-нибудь безумию. Штатные своих маленьких секретов не выдавали. Это было их единственным преимуществом — если не считать того, что свои маршруты они знали наизусть. Сплошной банзай для новичка — особенно такого, кто киряет допоздна, ложится в 2, встает в 4.30, ночь напролет трахается и орет песни, и ему все сходит с рук… ну, почти.

Как-то днем я был на улице, маршрут неплохо продвигался, хоть и новый, и я подумал: господи, может, впервые за два года я смогу пообедать.

Меня мучил ужасный бодун, но все равно шло хорошо, пока я не добрался до этой пачки почты, адресованной церкви. В адресе не было номера улицы — только название церкви и бульвара, на который она выходит. Я поднялся, с похмела, по ступенькам. Ящика отыскать не удалось, а людей

внутри не было.

Какие-то свечи горят. Стоят миски, пальцы макать. Пустая кафедра на меня лыбится вместе со статуями: бледно-красными, голубыми, желтыми, фрамуги закрыты, вонюче жаркое утро.

Ох Иисусе, подумал я.

И вышел.

Обогнул церковь и наткнулся на лестницу в подвал. Дверь была открыта, я вошел. Знаете, что я увидел? Унитазы. И душевые кабинки. Но там было темно. Ни одна лампочка не горела. Как, черт побери, человеку в темноте почтовый ящик искать? Тут я увидел выключатель. Дернул, и весь свет в церкви зажегся — и внутри, и снаружи. Захожу в следующую комнату, а там облачения на столе разложены. И стоит бутылка вина.

Боже ты мой, подумал я, кого, к дьяволу, еще, кроме меня, могут застукать в таком положении?

Я взял бутылку, хорошенько приложился, оставил письма на рясах и вернулся к унитазам с душами. Выключил свет, посрал в темноте и выкурил сигарету. Подумал было принять душ, но мысленно увидел заголовки: ГОЛОГО ПОЧТАЛЬОНА ЗАСТАЮТ ЗА РАСПИТИЕМ КРОВИ ХРИСТА ПОД ДУШЕМ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ

ЦЕРКВИ.

Поэтому в конце концов времени на обед не хватило, и когда я вернулся, Джонстон написал докладную, что я на 23 минуты выбился из графика.

Позже выяснилось, что почту для церкви доставляют в приходской дом за углом. Но теперь, разумеется, я знаю, где срать и подмываться, когда приспичит.

10

Начался сезон дождей. Большая часть моих денег уходила на пойло, стало быть, в башмаках подметки прохудились, а плащ был старым и рваным. Под любым маломальским ливнем меня изрядно мочило — я имею в виду мочило до костей: аж трусы с носками разбухали. Штатные доставщики начинали бюллетенить — они бюллетенили на участках по всему городу, поэтому работы было полно каждый день и на Оукфордском участке, и везде. Даже сменщики сказывались больными. Я бюллетень не брал — слишком уставал и не соображал как надо. В то утро меня отправили на участок Уэнтли. В самом разгаре был один из таких пятидневных

ливней, когда вода хлещет сплошной стеной и весь город задирает лапки, всё задирает лапки кверху, канализация не успевает глотать воду, и та захлестывает тротуары, а в некоторых районах — газоны и даже дома.

Меня послали на участок Уэнтли.

— Там сказали, что им нужен хороший человек, — крикнул мне вслед Стон, когда я выходил под водяной саван.

Дверь закрылась. Если мой драндулет заведется, — а он завелся, — поеду в Уэнтли. Но это не важно: если машина не заводилась, тебя кидали в автобус. Ноги у меня уже промокли.

Бугор в Уэнтли поставил меня перед ящиком. В нем почты и так было под завязку, а я стал пихать еще больше вместе с другим подменным. Такого ящика я никогда в жизни не видел! Чья-то гнусная шутка. Я насчитал в нем 12 связок. На полгорода хватит. Мне только предстояло узнать, что весь маршрут идет по крутым холмам. Кто его придумал, совсем, наверное, ёбу дался.

Мы подняли и выволокли его, и только я собрался уходить, как бугор подошел и сказал:

— Я тут не смогу тебе дать никого в помощь.

— Все нормально, — ответил я.

Хрен там, нормально. Только гораздо позже я

узнал, что он — первый кореш Джонстона.

Маршрут начинался от участка. Первый из 12 отрезков. Я вышел под стену воды и покандюхал вниз по склону. То был нищий район — домишки и дворики с почтовыми ящиками на одном гвозде, внутри полно пауков, а за окошками старухи вертят самокрутки, жуют табак, мычат что-то своим канарейкам и смотрят на тебя, придурка, заблудившегося под дождем.

Когда трусы намокают, они сползают вниз, вниз, вниз они сползают, облепляют ягодицы, а мокрую резинку этой дряни поддерживает только промежность штанов. Дождь размыл чернила на некоторых письмах; сигарета гореть не хотела. Нужно постоянно лазить в мешок за журналами. Первый отрезок, а я уже устал. Ботинки облепило грязью, по весу они стали, как сапоги. То и дело я натыкался на что-нибудь скользкое и чуть не падал.

Открылась дверь, и старушка задала мне вопрос, слышанный уже сотню раз:

— А где сегодня мой обычный почтальон?

— Дама, ПРОШУ ВАС, откуда я знаю? Откуда, к чертовой матери, мне знать? Я — здесь, а он — где-то в другом месте!

— О-о, так вы и впрямь хулиган какой-то!

— Хулиган?

— Да.

Я рассмеялся и вложил толстое промокшее письмо ей в руку, перешел к следующей двери. Может, на горке получше будет, подумал я.

Еще одна старая кошелка — хочет казаться милой, спрашивает:

— А вам не хотелось бы зайти и выпить чашечку чаю, подсушиться немножко?

— Леди, неужели вы не понимаете, у нас нет времени даже трусы подтянуть.

— Трусы подтянуть?

— ДА, ТРУСЫ ПОДТЯНУТЬ! — заорал я на нее и ушел под стену дождя.

Закончил я первый отрезок. Он занял у меня около часа. Еще одиннадцать таких — значит, одиннадцать часов. Невозможно, подумал я. Должно быть, они повесили на меня самый поганый маршрут.

На горке оказалось хуже, поскольку туда приходилось тянуть еще и собственную тушу.

Полдень пришел и ушел. Без обеда. Четвертый или пятый отрезок. Даже в сухой день маршрут был бы невозможен. А теперь — невозможен настолько, что нельзя даже подумать о нем.

Наконец я вымок так, что решил: тону. Отыскал

крыльцо с козырьком, где капало не очень сильно, встал и умудрился зажечь сигарету. Сделал примерно три спокойные затяжки, когда услышал за спиной голосок еще одной старушенции:

— Почтальон! Почтальон!

— Да, мэм? — спросил я.

— У ВАС ПОЧТА МОКНЕТ!

Я опустил глаза к мешку и точно — кожаный клапан открыт. Капля или две попали туда через дыру в козырьке.

Я ушел. Все, пиздец, подумал я: только идиот станет терпеть то, что приходится терпеть мне. Сейчас найду телефон и скажу им, чтобы приезжали, забирали почту — и в жопу их работу. Джонстон победил.

И вот едва я решил все бросить, мне полегчало. В дожде я разглядел здание у подножия холма: вдруг в нем окажется телефон. Я стоял на склоне. Спустившись, увидел, что это маленькое кафе. Работал обогреватель. Ладно, блин, подумал я, хоть обсушусь. Снял плащ и кепку, швырнул мешок с почтой на пол и заказал чашку кофе.

Кофе был очень черный. Выпаренный из спитой гущи. Хуже я никогда не пробовал, но он был горячий. Я выпил три чашки и просидел там час, пока не высох полностью. Затем выглянул

наружу: дождь кончился! Я вышел, поднялся на горку и стал разносить почту снова. Не торопясь закончил маршрут. На 12-м отрезке я уже шел по темноте. К тому времени, как я вернулся в участок, стояла ночь.

Служебный вход был заперт.

Я забарабанил в жестяную дверь.

Появился маленький и теплый ночной дежурный и открыл.

— Ты где шлялся, черт побери? — заорал он.

Я подошел к ящику и сбросил мокрый мешок, полный возвратов, отказов и почты до востребования. Затем снял ключ и жахнул им по ящику. За ключ при выдаче и сдаче надо было расписываться. Этим я морочиться не стал. Дежурный стоял и смотрел на меня.

Я тоже на него взглянул.

— Паря, если ты мне скажешь еще хоть одно слово, если даже чихнешь, помоги мне господи, я тебя убью!

Паря не издал ни звука. Я отметился и ушел.

На следующее утро я все ждал, чтобы Джонстон повернулся ко мне и что-нибудь сказал. Он вел себя как ни в чем не бывало. Дождь закончился, и штатные больше не болели. Стон отправил троих подменных домой без оплаты, меня — в

том числе. Я чуть не полюбил его за это.

Я пришел домой и пристроился к теплой заднице Бетти.

11

Но потом дождь пошел снова. Стон послал меня на так называемую Воскресную Выемку, и если вы думаете про церковь, то не стоит. Берешь грузовик в Западном Гараже и планшет. На планшете написано, какие улицы, во сколько там нужно быть и как проехать к следующему ящику для выемки. Вроде «14.32, угол Бичер и Авалона, ЛЗ П2 (что означает три квартала налево и два направо), 14.35», и не врубаешься, как можно вынуть почту из одного ящика, проехать пять кварталов за три минуты и закончить вычищать следующий. Иногда выемка всей воскресной почты только из одного ящика занимала больше трех минут. К тому же планшеты были неточны. Иногда переулок они считали улицей, а улицу — тупиком. Поди разберись, где ты.

Накрапывал такой затяжной дождик — не лило, но и не прекращалось. Местность, по которой я ехал, была новой, но, по крайней мере, читать планшет света хватало. Однако чем темнее, тем

труднее становилось и читать (при свете приборной доски), и замечать ящики. Мало того, на улицах прибывала вода, и несколько раз я ступал в лужу по самые лодыжки.

Потом приборная доска погасла. Планшет не прочтешь. Где я — без понятия. Без планшета — как в пустыне заблудился. Но удача от меня еще не отвернулась — пока. У меня с собою было два коробка спичек, и, отправляясь к новому ящику, я чиркал спичкой, запоминал указания и ехал дальше. В кои-то веки я перехитрил Напасти, этого Джонстона в небесах, который наблюдал за мной сверху.

Тут я свернул за угол, выскочил разгрузить ящик, а когда вернулся — планшета НЕ БЫЛО!

Джонстон на Небеси, Смилуйся! Потерялся в темноте под дождем. Я что, в самом деле какой-то идиот? Сам на себя навлекаю неприятности? Вполне возможно. Вполне возможно, я недоразвитый, и мне повезло, что я вообще пока жив.

Планшет был прикручен к доске. Я прикинул, что он мог выскользнуть из кабины при последнем резком повороте. Я закатал штаны, вылез из грузовика и побрел по колено в воде. Стояла темень. Никогда мне эту проклятую дрянь не найти! Я шел, чиркая спичками, — но ничего,

ничего. Его смыло. На углу мне хватило здравого смысла заметить, куда течет поток, и я пошел по течению. Потом заметил, как что-то плывет, зажег спичку — ВОТ он! Планшет. Невероятно! Я чуть не расцеловал эту дрянь. Добрел до грузовика, влез, откатал штанины и по-настоящему прикрутил планшет к доске. Разумеется, из графика я уже давно выбился, но, по крайней мере, отыскал этот гадский планшет. Не потерялся на задворках Ебеней. Не придется звонить в двери и спрашивать, как проехать к почтовому гаражу.

У меня в ушах уже рычал голос какого-нибудь мудозвона из теплой гостиной: «Так-так. Вы же почтовый служащий, не правда ли? Вы что, не знаете, как вернуться в собственный гараж?»

И вот я поехал дальше, чиркая спичками, выскакивая прямо в водовороты и опорожняя почтовые ящики. Я устал, промок и был с бодуна, но это мое обычное состояние, поэтому я форсировал вброд усталость, как потоки воды. Не переставая думал о горячей ванне, о прекрасных ногах Бетти и — для укрепления духа — представлял себя в кресле-качалке, со стаканом в руке, ко мне подходит собачка, и я треплю ее по голове.

Но до этого еще долго. Остановкам на планшете конца, похоже, не предвиделось, а когда я дошел

до низу, там было сказано: «Переверните»; я перевернул планшет, и, естественно, на обороте был еще один список остановок.

С последней спичкой я сделал последнюю остановку, сдал почту на указанный участок — ну и куча же оказалась — и поехал назад в Западный Гараж. На западной окраине, а на западе местность очень плоская, система стоков не справлялась с водой, и когда бы ни шел дождь, сколько бы он ни шел, у них начиналось то, что называется «потопом». Очень точное название.

Ехал я, ехал — а вода все прибывала и прибывала. Вокруг заглохшие и брошенные машины. Херово. А мне хотелось одного — скорее в это кресло, стакан скотча в кулак, и смотреть, как зад Бетти колышется по комнате. Тут на светофоре я увидел Тома Мото, еще одного джонстонского сменщика.

— Ты куда? — спрашивает Мото.

— Кратчайшее расстояние между двумя точками, как меня учили, — это прямая, — отвечаю я.

— Лучше не надо, — говорит он. — Я этот район знаю. Там уже океан просто.

— Ерунда, — говорю, — тут мужиком надо быть, больше ничего. Спичка есть?

Подкурил я и бросил его под светофором.

Бетти, крошка, я еду!

Ага.

Вода поднималась все выше, но почтовые грузовики делают высокими. Я срезал угол по жилому кварталу на полной скорости, вода вокруг так и летела. Лило как из ведра. Вокруг — ни машины. Я — единственный движущийся объект.

Крошка Бетти. Ага.

Какой-то парень заржал с крыльца и заорал мне:

— ПОЧТА ДОЛЖНА ПРИЙТИ!

Я обматерил его и показал средний палец.

Тут я заметил, что вода уже заливает дно кабины и бурлит вокруг ботинок, но гнал дальше. Осталось три квартала!

И грузовик замер.

Ох. Ох. Вот говно.

Я сидел и пытался его раскочегарить. Один раз он завелся, потом снова сдох. Потом совсем перестал дрыгаться. Я сидел и смотрел на воду. Фута два, не меньше. И что мне делать? Сидеть, пока спасателей не пришлют?

Что говорит Почтовая Инструкция? Где она вообще есть? Я не знал ни одного человека, который бы ее видел.

Вот же срань.

Я запер кабину, положил ключи зажигания в карман, шагнул в воду — чуть не по пояс — и побрел к Западному Гаражу. Дождь не переставал. Вдруг вода поднялась еще на три-четыре дюйма. Оказывается, я шел по газону и теперь провалился в кювет. Грузовик остался стоять на чьей-то лужайке.

В какой-то миг я подумал, что вплавь быстрее, потом решил: нет, это будет смешно. Я добрался до гаража и пошел к диспетчеру. Вот он я какой, мокрее уже не бывает, а он на меня уставился.

Я швырнул ему ключи от кабины и зажигания.

Затем на куске бумаги написал: «Маунтвью-плаза, 3435».

— Ваш грузовик — по этому адресу. Поезжайте и забирайте.

— Хотите сказать, вы его там бросили?

— Хочу сказать, я его там бросил.

Я отошел, отметился, разделся до трусов и встал перед обогревателем. Сверху повесил одежду. Потом поднял голову: в другом углу возле другого обогревателя стоял Том Мото — тоже в одних трусах.

Мы оба заржали.

— Жуть, правда? — спросил он.

— Невероятно.

— Думаешь, Стон это все предусмотрел?

— Черт, конечно! Он даже дождь вызвал!

— Ты тоже застрял?

— Ну да, — ответил я.

— И я.

— Слушай, малыш, — сказал я, — моей машине двенадцать лет. У тебя — новая. Я тут наверняка застрял. Как насчет подтолкнуть, а?

— Ладно.

Мы оделись и вышли наружу. Мото купил машину новой модели недели три назад. Я ждал, пока его двигатель заведется. Ни звука. Ох ты ж господи, подумал я.

Дождем залило весь пол в кабине.

Мото вылез.

— Без толку. Сдохла.

Я попробовал свою безо всякой надежды. Аккумулятор еще как-то шевелился, какая-то искра проскакивала, хоть и слабенько. Я подкачал, дал еще раз. Завелась. Пускай поревет. ПОБЕДА! Я ее хорошенько разогрел. Потом сдал назад и начал подталкивать новую машину Мото. Я толкал его милю. Эта хренотень даже не перднула. Я впихнул его в гараж, оставил там и, выбирая, где повыше и посуше, добрался до Беттиной задницы.

12

Любимым доставщиком у Стона был Мэтью Бэттлз. Бэттлз никогда не приходил на работу в мятой рубашке. Вообще все, что он носил, было новеньким, выглядело новеньким. Кепка, ботинки, рубашка, брюки. Башмаки его сияли по-настоящему, вся одежда, казалось, ни разу не бывала в стирке. Как только рубашка или пара штанов хоть чуточку пачкались, он их выбрасывал.

Стон часто говорил нам, когда Мэтью проходил мимо:

— Вот это — почтальон!

И он не шутил. Его глаза чуть ли не сияли любовью.

А Мэтью стоял у своего ящика, прямой и чистый, отдраенный и выспавшийся, башмаки победно блистали, и смахивал эти письма внутрь с радостью.

— Ты — настоящий почтальон, Мэтью!

— Благодарю вас, мистер Джонстон!

Однажды утром в 5 я зашел и сел ждать за спиной у Стона. Под красной рубашкой тот как-то

обмяк.

Мото сидел рядом. Он-то мне и сказал:

— Вчера забрали Мэтью.

— Забрали?

— Ага, за то, что из почты крал. Открывал письма для храма Некалайлы и вытаскивал деньги. На почте пятнадцать лет.

— А как узнали, как он попался?

— Старухи. Старухи слали Некалайле письма, полные денег, и не получали в ответ ни спасибочки, ничего. Некалайла сказал на Почтамте, и Почтамт приставил к Мэтью шпика. Его застукали у кипятильника: вскрывал письма и выуживал деньги.

— Без балды?

— Без балды. Средь бела дня влетел. Я откинулся на стенку.

Некалайла построил такой большой храм и выкрасил стены в тошнотно-зеленый цвет — наверно, чтоб бабки напоминал, — и у него работал штат, человек 30–40, которые только распечатывали конверты, вытаскивали чеки и наличку, записывали сумму, отправителя, дату получения и так далее и больше ничем не занимались. Другие рассылали по почте книги и брошюры, написанные Некалайлой, а на стене висела его

фотография, большая такая: Н. в жреческих хламидах и бороде, — и живописный портрет Н., тоже очень большой, надзирал за конторой, высматривал.

Некалайла утверждал, что как-то раз шел по пустыне и встретил Иисуса Христа, и Христос ему все рассказал. Они вместе посидели на камне, И.Х. ему все и выложил. А теперь уже сам Некалайла делится секретами с теми, кто может себе это позволить. К тому же каждое воскресенье он проводил службу. Его помощники, они же — паства, приходили на работу и уходили по звонку.

И представьте себе Мэтью Бэттлза, который пытается облапошить Некалайлу, повстречавшего в пустыне Христа!

— А Стону кто-нибудь что-нибудь сказал? — спросил я.

— Ты что — смеешься?

Мы просидели так час или около того. На ящик Мэтью назначили сменщика. Другим подменным дали другие задания. Я остался сидеть один за спиной у Стона. Потом встал и подошел к его столу.

— Мистер Джонстон?

— Да, Чинаски?

— А где сегодня Мэтью? Заболел?

Голова Стона поникла. Он смотрел на бумажку — держал ее в руке и делал вид, что читает. Я вернулся на место и сел.

В 7 часов Стон обернулся:

— Сегодня для тебя ничего нет, Чинаски.

Я встал и пошел к дверям. Остановился на пороге.

— Доброго вам утра, мистер Джонстон. И приятного дня.

Он не ответил. Я дошел до винной лавки и купил себе полпинты «Дедушки» на завтрак.

13

Голоса у людей были одинаковы: куда бы ни носил почту, слышал одно и то же снова и снова.

— Опоздали, правда?

— А где обычный почтальон?

— Привет, Дядя Сэм!

— Почтальон! Почтальон! Это не нам!

На улицах было полно безумных и тупых. Большинство жило в красивых домах и, казалось, на работу не ходило — непонятно, как им это удавалось. Был один парень, который не разрешал опускать почту в ящик. Он стоял в проезде и наблюдал, как ты подходишь, за два или три

квартала — стоял себе и протягивал руку.

Я спрашивал у других, кто разносил почту по этому маршруту:

— А что с тем парнем, который стоит и руку протягивает?

— С каким парнем, который стоит и руку протягивает?

У них у всех тоже был тот голос.

Однажды, когда мне достался этот маршрут, человек-который-стоит-и-протягивает-руку был в полуквартале от дома. Разговаривал с соседом, оглянулся, когда мне оставалось пройти квартал, и понял, что еще успеет дойти до дома и меня встретить. Едва он повернулся ко мне спиной, я рванул. Наверное, так быстро я почту никогда не доставлял: в едином порыве, весь движенье, не останавливаясь, без передышки, я был готов его убить. Письмо уже наполовину пролезло в щель его ящика, и тут он обернулся и увидел меня.

— О НЕТ НЕТ НЕТ! — завопил он. — НЕ КЛАДИТЕ ЕГО В ЯЩИК!

И дернул ко мне по улице. Я видел только сплошной мазок на месте его ног. Должно быть, он сделал сто ярдов за 9,2.

Я вложил письмо ему в руку. Посмотрел, как распечатывает, идет по веранде, открывает дверь

и уходит в дом. Что это значило, пусть мне расскажет кто-нибудь другой.

14

Опять я попал на новый маршрут. Стон всегда ставил меня на трудные, но время от времени, в связи с обстоятельствами вещей, был вынужден давать мне маршруты не такие убийственные. Номер 511 шебуршился довольно славно, и там я даже стал подумывать про обед — обед, который никогда не наступал.

Средний жилой район. Многоквартирных зданий нет. Просто один дом за другим, с ухоженными лужайками. Но это был новый маршрут, и я ходил и думал: где же тут ловушка? Даже погода стояла хорошая.

Ей-богу, думал я, у меня получится! Обед, назад — по графику! Жизнь наконец стала сносной.

Эти люди даже собак не держали. Никто не стоял снаружи, дожидаясь писем. Я часами не слышал человеческого голоса. Может, я достиг своей почтовой зрелости, что бы она ни значила. Я шагал дальше, полезный, чуть ли не преданный своему делу.

Помню, один почтальон — из тех, что постар-

ше, — ткнул себя в сердце и сказал:

— Чинаски, когда-нибудь и до тебя дойдет, прямо вот сюда проникнет!

— Что, инфаркт?

— Преданность службе. Вот увидишь. Будешь еще гордиться.

— Чушь!

Но он был искренен. Я думал о нем, пока шел.

Тут мне попалось заказное письмо с квитанцией. Я подошел и позвонил в дверь. Открылось окошечко. Лица не видно.

— Заказное письмо!

— Отойдите! — произнес женский голос. — Отойдите от двери, чтобы я лицо увидела.

Ну вот, пожал ста, еще одна ненормальная.

— Послушайте, дамочка, зачем вам мое лицо? Я могу оставить квитанцию в ящике, придете и заберете свое письмо на почте. Документы не забудьте.

Я сунул квитанцию в ящик и начал спускаться с крыльца.

Дверь открылась, и она выскочила. В таком прозрачном неглиже и без всякого лифчика. Одни темно-синие трусики. Непричесана, волосы дыбом, будто пытаются от нее сбежать. На физиономии что-то вроде крема, в основном — под

глазами. Кожа на теле белая, будто никогда не видела солнца, нездоровый цвет лица. Рот раззявлен. На нем осталось чуток помады; сложена же она была вся…

Отметил я это, пока она ко мне неслась. Как раз ее письмо засовывал обратно в сумку.

Она заорала:

— Отдайте мое письмо! Я сказал:

— Дама, вам придется…

Она выхватила у меня письмо и побежала к двери, открыла и заскочила внутрь.

Черт возьми! Возвращаться без заказного письма или без подписи нельзя! Там за все расписываться нужно!

— ЭЙ!

Я погнался за ней и всунул ногу в щель как раз вовремя.

— ЭЙ, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ!

— Уходите! Уходите! Вы злой человек!

— Слушайте, дамочка! Постарайтесь понять! Вам нужно за это письмо расписаться! Я не могу его просто так вам отдать! Вы грабите почту Соединенных Штатов!

— Уходите, злой человек!

Я налег на дверь всем весом и ввалился в комнату. Внутри было темно. Жалюзи опущены. Все

жалюзи в доме были опущены.

— ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА ВХОДИТЬ КО МНЕ В ДОМ! ВОН!

— А вы не имеете права грабить почту! Или отдавайте мне письмо, или распишитесь. Тогда я уйду.

— Хорошо. Хорошо. Распишусь.

Я показал ей, где расписываться, и дал ручку. Я смотрел на ее груди и на нее остальную и думал: какая жалость, что она чокнутая, какая жалость, какая жалость.

Она вернула мне ручку и подпись — сплошь каракули. Открыла письмо, начала читать, а я повернулся к выходу.

Тут она оказалась в дверях, расставила руки. Письмо валялось на полу.

— Злой злой злой человек! Вы пришли сюда меня изнасиловать!

— Послушайте, дама, дайте пройти.

— У ВАС ЗЛО НА ЛБУ НАПИСАНО!

— Тоже мне, новость. А теперь пропустите!

Одной рукой я попытался ее оттолкнуть. Она вцепилась ногтями мне в щеку, хорошенько так. Сумку я уронил, кепка скатилась, а когда я иромакивал кровь платком, дамочка дотянулась и гребнула другую щеку.

— АХ ТЫ ПИЗДА! ЧТО, БЛЯДЬ, НЕ ВСЕ ДОМА?

— Вот видите? Видите? Вы злой!

Она прямо вся прижалась ко мне. Я схватил ее за жопу и впился ртом в ее губы. Эти груди ко мне прижимались, она вся ко мне приклеилась. Закинула голову, чтоб подальше от меня…

— Насильник! Насильник! Злой насильник!

Я нагнулся, ртом захватил одну сиську, переключился на другую.

— Насилуют! Насилуют! Меня насилуют!

Она была права. Я спустил ей трусы, расстегнул ширинку, вставил, довел ее задом до кушетки. Мы оба на нее рухнули.

Она задрала ноги повыше.

— НАСИЛУЮТ! — вопила она.

Я ее кончил, застегнул «молнию», подобрал сумку с почтой и вышел, оставив ее спокойно таращиться в потолок…

Обед я пропустил, но все равно в график не уложился.

— Ты опоздал на пятнадцать минут, — сказал Стон.

Я ничего не ответил. Стон взглянул на меня.

— Бож всемогущий, что у тебя с лицом? — спросил он.

— А у тебя? — спросил я.

— Ты о чем?
— Не грузись.

15

Я опять был с похмелья, опять жара — всю неделю 100 градусов. Каждую ночь происходило пьянство, а с раннего утра и каждый день — Стон и невозможность всего.

Некоторые парни носили африканские шлемы от солнца и темные очки, а я — я был примерно одинаков, дождь ли, солнце: в драной одежде, а башмаки такие древние, что гвозди постоянно впивались мне в подошвы. В ботинки я подкладывал куски картона. Но помогало это лишь временно — скоро гвозди снова вгрызались мне в пятки.

Виски и пиво из меня просто вытекали, фонтанировали из подмышек, а я гнал себе дальше с этой тяжестью на спине, будто с крестом, вытягивал журналы, доставлял тысячи писем, шатаясь, приваренный к щеке солнца.

Какая-то тетка на меня заорала:

— ПОЧТАЛЬОН! ПОЧТАЛЬОН! ЭТО НЕ СЮДА!

Я оглянулся. Она стояла в квартале от меня вниз по склону, а я уже и так отставал от графика.

— Послушайте, дама, положите это письмо на ящик сверху! Завтра заберем!

— НЕТ! НЕТ! Я ХОЧУ, ЧТОБ ВЫ ЕГО ЗАБРАЛИ СЕЙЧАС!

Она размахивала этой сранью до самых небес.

— Дама!

— ЗАБЕРИТЕ! ЭТО НЕ НАМ! О боже мой.

Я уронил мешок. Затем снял кепку и швырнул ее на траву. Кепка скатилась на мостовую. Я ее бросил и пошел к тетке. Полквартала.

Я подошел и выхватил эту дрянь у нее из рук, повернулся, пошел.

Реклама! Почтовое отправление третьего класса. Что-то насчет распродажи одежды за полцены.

Я подобрал с дороги кепку, натянул на голову. Взгромоздил мешок на хребет слева, зашагал опять. 100 градусов.

Проходил мимо одного дома, и за мной выскочила женщина.

— Почтальон! Почтальон! У вас для меня разве нет письма?

— Дама, если я не положил его вам в ящик, это значит, что почты для вас нет.

— Но я же знаю, что у вас для меня письмо!

— С чего вы взяли?

— Потому что мне позвонила сестра и сказала, что напишет.

— Дама, у меня нет для вас письма.

— Я знаю, что есть! Я знаю, что есть! Я знаю, что оно там!

Она потянулась к пачке писем у меня в руке.

— НЕ ТРОЖЬТЕ ПОЧТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ДАМА! ДЛЯ ВАС СЕГОДНЯ НИЧЕГО НЕТ!

Я повернулся и пошел.

На крыльце стояла еще одна тетка.

— Вы сегодня поздно.

— Да, мэм.

— А где обычный почтальон?

— Он умирает от рака.

— Умирает от рака? Гарольд умирает от рака?

— Ну да, — сказал я. Я вручил ей почту.

— СЧЕТА! СЧЕТА! СЧЕТА! — завопила она. — И ЭТО ВСЕ, ЧТО ВЫ МНЕ МОЖЕТЕ ПРИНЕСТИ? ЭТИ СЧЕТА?

— Да, мэм, это все, что я могу вам принести.

Я повернулся и ушел.

Я же не виноват, что у них телефоны, и газ, и свет, и что все свои вещи они покупают в кредит. Однако если я приношу им счета, они на меня орут — как будто я просил их устанавливать себе телефон или заказывать на дом телик за 350 бак-

сов без начального платежа.

Следующая остановка — небольшое двухэтажное строение, довольно новое, с 10 или 12 квартирами. Почтовый ящик с замком стоял спереди, под козырьком крыльца. Наконец-то, хоть чуточку тени. Вставляю в замок ключ, открываю.

— ПРИВЕТ, ДЯДЯ СЭМ! КАК ДЕЛА?

Это было громко. Я не ожидал услышать голос этого мужика из-за спины. Он просто заорал на меня, а с бодуна я нервный. Я аж подскочил от неожиданности. Это слишком. Я вытащил ключ из замка и обернулся. Кроме сетчатой двери, ничего не видно. Кто-то стоял там. Под кондиционером и невидимый.

— Черт бы вас побрал! — сказал я. — Не называйте меня Дядей Сэмом! Я вам не Дядя Сэм!

— О, так ты умник, э? За пару центов я б вышел и тебе по заднице надавал!

Я поднял сумку и грохнул ею об пол. Журналы и письма разлетелись. Придется весь отрезок перекладывать. Я сорвал с головы кепку и шваркнул о цемент.

— А НУ, ВЫХОДИ, СУКИН СЫН! ОХ, ГОСПОДИ ВСЕМОГУЩИЙ, А НУ ВЫХОДИ! ВЫХОДИ, ВЫХОДИ, КОМУ ГОВОРЯТ!

Я был готов его прикончить.

Никто не вышел. Ни звука. Я посмотрел на сетчатую дверь. Ничего. Как будто квартира пуста. На какой-то миг я подумал зайти. Затем повернулся, опустился на колени и стал собирать письма и журналы. Та еще работка без сортировочного ящика. Через двадцать минут я все разложил. Засунул несколько писем в ящик, кинул журналы прямо на крыльцо, закрыл дверцу, повернулся и снова посмотрел на сетчатую дверь. По-прежнему ни звука.

Я заканчивал маршрут, ходил и думал: ну что ж, он позвонит и скажет Джонстону, что я ему угрожал. Когда вернусь, лучше подготовиться к худшему.

Я распахнул дверь: Стон сидел за столом, что-то читал.

Я стоял, глядя на него сверху вниз, ждал.

Стон глянул на меня, перевел взгляд на то, что читал.

Я стоял, дожидаясь, и дальше. Стон читал.

— Ну, — наконец вымолвил я, — что там с этим?

— Что там с чем? — Стон поднял голову.

— СО ЗВОНКОМ? ГОВОРИ, ЧТО ТАМ СО ЗВОНКОМ! НЕ СИДИ ПРОСТО ТАК!

— С каким звонком?

— Тебе что, насчет меня не звонили?

— Звонили? Что случилось? Ты что там делал? Что ты натворил?

— Ничего.

Я пошел и сдал свое барахло.

Парень не позвонил. Никакая не милость с его стороны. Он, вероятно, подумал, что, если позвонит, я вернусь.

По пути к ящику я прошел мимо Стона.

— Что ты там натворил, Чинаски?

— Ничего.

Мои действия так заморочили Стона, что он забыл мне сообщить, что я задержался на 30 минут, и не записал опоздание.

16

Как-то ранним утром я раскладывал почту рядом с Дэ-Гэ. Так его все и называли: Дэ-Гэ. На самом деле его звали Джордж Грин. Но уже очень много лет его звали просто Дэ-Гэ, и со временем он стал похож на Дэ-Гэ. Он работал почтальоном с двадцати лет, а сейчас ему было под семьдесят. Голоса у него уже не было. Он не разговаривал. Он кряхтел. Но даже когда он кряхтел, произносил

он немного. Его и не любили, и не презирали. Он просто был. Все лицо его изрыли морщины: странные овраги и курганы непривлекательной плоти. Никакого света оно не излучало. Просто задубевший старикан, который делает свое дело: Дэ-Гэ. Глаза — как пустые комочки глины, оброненные в глазницы. Лучше всего о нем не думать и не смотреть на него.

Но Дэ-Гэ, со всем своим старшинством, работал на одном из самых легких маршрутов, на самом краешке богатого района. Вообще район можно было считать богатым. Дома хоть и старые, но большие, в основном — в два этажа. Широкие газоны стриглись и освежались садовниками-японцами. Там жили какие-то кинозвезды. Знаменитый карикатурист. Автор бестселлеров. Два бывших губернатора. Никто никогда с тобой не заговаривал. Ты никогда никого не видел. Единственное — в самом начале маршрута, где стояли дома подешевле, тебя доставали дети. В смысле, сам Дэ-Гэ был холостяком. И у него имелся такой свисток. В начале маршрута он становился, высокий и прямой, вытаскивал большой свисток и дул в него, а слюна летела во все стороны. Сообщал детям, что он пришел. Для детей он носил конфеты. И дети выбегали, и он раздавал им кон-

феты, идя по улице. Старый добрый Дэ-Гэ.

Я узнал про конфеты в первый раз, когда получил его маршрут. Стону не хотелось мне его давать — слишком легкий, — но иногда ничего другого не оставалось. И вот я шел, а этот малец выскочил и спрашивает:

— Эй, а где моя конфетка? И я ответил:

— Какая конфетка, малец? И малец сказал:

— Моя конфетка! Я хочу свою конфетку!

— Слушай, малец, — сказал я, — ты, небось, сумасшедший. Тебя что, мама просто так на улицу отпускает?

Малец посмотрел на меня очень странно.

Но однажды Дэ-Гэ попал в беду. Старый добрый Дэ-Гэ. Он встретил в своем квартале новую маленькую девочку. И дал ей конфетку. И сказал:

— Ох какая же ты хорошенькая девочка! Вот бы мне такую!

А ее мать сидела у окошка, все слышала и выскочила с воплями, обвиняя Дэ-Гэ в приставании к малолетним. Она ничего про Дэ-Гэ не знала, поэтому когда увидела, как он дал девочке конфетку, и услышала, что он сказал, решила, что это чересчур.

Старый добрый Дэ-Гэ. Обвиненный в приставании к малолетним.

Когда я зашел, Стон по телефону пытался объяснить матери, что Дэ-Гэ — уважаемый человек. Дэ-Гэ просто сидел перед ящиком, ошеломленный.

Когда Стон закончил и повесил трубку, я сказал ему:

— Не следовало отсасывать у этой бабы. У нее грязные мозги. У половины матерей в Америке, с их драгоценными пиздищами и драгоценными дочурками, у половины матерей в Америке — грязные мозги. Велел бы ей засунуть себе в жопу. Дэ-Гэ и пипиську свою уже поднять не сможет, сам знаешь.

Стон покачал головой:

— Нет, общественность — это динамит! Просто динамит!

Больше он ничего сказать не мог. Я уже видел Стона таким раньше — когда он прогибался, и упрашивал, и объяснял каждому психу, который звонил по любому поводу…

Я раскладывал почту рядом с Дэ-Гэ на маршруте 501, не очень плохом. Мешок я поднимал с трудом, но это было возможно и давало хоть какую-то надежду.

Хоть Дэ-Гэ и знал, что у него в ящике все пока вверх тормашками, руки его шевелились все

медленней. Он просто-напросто разложил слишком много писем в своей жизни — и даже его омертвевшее к ощущениям тело наконец взбунтовалось. Несколько раз за утро я замечал, как он сбивается. Он останавливался и покачивался, впадал в транс, встряхивался и впихивал в мешок еще несколько писем. Мне этот человек был не особо симпатичен. Он прожил отнюдь не храбрую жизнь и оказался более или менее порядочным куском дерьма. Но всякий раз, когда он сбивался, что-то во мне шевелилось. Будто верный конь, который больше не может идти. Или старая машина, что как-то утром просто-напросто сдалась.

Почта была тяжелой, и, пока я наблюдал за Дэ-Гэ, меня охватил смертный озноб. Впервые за 40 с лишним лет он может пропустить утреннюю развозку! Если человек так гордится своей работой и профессией, это же целая трагедия. Я пропустил множество утренних развозок, и мне приходилось возить мешки к ящикам в собственной машине, но мое отношение было несколько иным.

Он снова сбился.

Боже всемогущий, подумал я, неужели больше никто не замечает?

Я оглянулся: всем трын-трава. Все они время

от времени признавались в любви к нему: «Дэ-Гэ — хороший мужик». Но теперь «хороший мужик» тонул, и никому никакого дела. Наконец передо мной осталось меньше почты, чем перед Дэ-Гэ.

Может, помочь ему разобраться хотя бы с журналами, подумал я. Но подошел сортировщик и накидал мне еще больше, и я снова почти сравнялся с Дэ-Гэ. Обоим придется круто. Я на миг запнулся, потом стиснул зубы, расставил ноги пошире, пригнулся, будто мне по мозгам только что дали, и шуранул внутрь массу писем.

За две минуты до готовности к отправке и Дэ-Гэ, и я разобрали все письма, разложили и упаковали журналы, проверили авиапочту. У нас обоих получится. Я волновался напрасно. Тут подошел Стон. Он нес две связки рекламы. Одну дал Дэ-Гэ, вторую — мне.

— Их надо включить, — сказал он и отошел.

Стон знал, что мы не сможем включить эту рекламу, вытащить мешки и встретить грузовик вовремя. Я устало обрезал шнурки на пачке и начал раскладывать. Дэ-Гэ просто сидел и смотрел на связку.

Потом опустил голову, положил ее на руки и тихо заплакал.

Я не верил своим глазам.

Я оглянулся.

Остальные почтальоны даже не смотрели на Дэ-Гэ. Они снимали свои письма, сортировали их, смеялись и болтали.

— Эй, — окликнул я их пару раз, — эй! Но они даже не взглянули на Дэ-Гэ.

Я подошел к нему. Тронул его за руку.

— Дэ-Гэ, — сказал я, — может, тебе помочь?

Он отскочил от своего ящика и побежал по лестнице наверх, в мужскую раздевалку. Я смотрел, как он убегает. Никто вроде бы не заметил. Я засунул еще несколько писем, затем побежал вверх по лестнице сам.

Он сидел за одним из столов, уронив голову на руки. Только теперь он не плакал тихонько. Он всхлипывал и подвывал. Все его тело сотрясалось в конвульсиях. И успокоиться он не мог.

Я сбежал вниз, мимо остальных почтальонов, к столу Стона.

— Эй, эй, Стон! Господи боже, Стон!

— Что такое? — спросил он.

— Дэ-Гэ поехал! А всем плевать! Он наверху плачет! Ему помочь надо!

— Кто на его маршруте?

— Какая, к черту, разница? Говорю тебе, он заболел! Ему помощь нужна!

— Надо поставить кого-то на его маршрут!

Стон поднялся из-за стола, обошел комнату, глядя на своих почтальонов, будто где-то мог заваляться один лишний. Затем шмыгнул за свой стол.

— Слушай, Стон, кто-то должен отвезти его домой. Скажи мне, где он живет, и я сам его отвезу — во внерабочее время. Потом разнесу твой чертов маршрут.

Стон поднял голову:

— Кто у тебя на ящике?

— Ох, да к чертям этот ящик!

— ИДИ К СВОЕМУ ЯЩИКУ!

Потом заговорил с другим начальником участка по телефону:

— Алло, Эдди? Слушай, мне тут человек нужен…

Не будет сегодня детям конфет. Я пошел на место. Все почтальоны разошлись. Я начал рассовывать рекламу. На ящике Дэ-Гэ лежала связка нерассортированной. Я снова отставал от графика. И без грузовика остался. Когда в тот день я вернулся поздно, Стон записал мне опоздание.

Я никогда больше не видел Дэ-Гэ. Никто не знал, что с ним случилось. И никто больше его не упоминал. «Хорошего мужика». Преданного

своему делу. Ножом по горлу за пачку рекламок местного рынка с его гвоздем сезона — бесплатной коробкой фирменного стирального мыла и купоном на любую покупку свыше 3 долларов.

17

Через три года меня сделали «штатным». Это означало оплаченный отпуск (подменным за отпуск не платили) и 40-часовую неделю с двумя выходными. Стон также вынужден был поставить меня сменщиком на пять разных маршрутов. Вот и все, что мне придется носить, — пять разных маршрутов. Со временем я их неплохо выучу, плюс выучу ловушки на каждом и как срезать углы. С каждым днем будет все легче и легче. Можно начать вырабатывать в себе этот уютный внешний вид.

Почему-то чересчур счастлив я не был. Я не тот человек, кто намеренно ищет себе геморроя, работа по-прежнему тяжела, но старого блеска моих подменных дней ей как-то не хватало — не-знать-что-к-чертовой-матери произойдет дальше.

Несколько штатных подошли и пожали мне руку.

— Поздравляем, — сказали они.

— Ага, — ответил я.

Поздравляем с чем? Я ничего не сделал. Теперь я стал членом клуба. Одним из парней. Я мог остаться в нем на много лет, в конечном итоге заработать собственный маршрут. Принимать подарки на Рождество от своих получателей. А если бы забюллетенил, они бы выговаривали какому-нибудь несчастному ублюдку-подменному: «А где сегодня наш обычный? Вы опоздали. Наш обычный никогда не опаздывает».

В общем, приехали. А потом вышел циркуляр, запрещавший держать форменные кепки или оборудование на доставочных ящиках. Большинство народу их туда складывало. Это ничему не мешало, и не нужно было всякий раз бегать в раздевалку. Теперь, после того как три года я клал сюда свою кепку, мне запретили это делать.

Ну а я по-прежнему являлся на работу с бодуна и совершенно не задумывался о таких вещах, как кепки. И моя лежала там и на следующий день после выхода приказа.

Подбежал Стон со своей докладной. Он сказал, что держать любое оборудование на доставочном ящике — против правил и инструкций. Я положил докладную в карман и продолжал рассовывать письма. Стон повертелся в своем кресле,

наблюдая за мной. Остальные почтальоны убрали кепки в шкафчики. Кроме меня и еще одного — некоего Марти. А Стон подходит к Марти и говорит:

— Так, Марти, ты читал приказ. Твоей кепки на ящике быть не должно.

— Ой, простите, сэр. Привычка, знаете ли. Извините. — Марти убрал кепку с ящика и побежал с нею наверх, в раздевалку.

На следующее утро я снова забыл. Стон снова подошел с докладной.

В ней говорилось, что хранить любое оборудование на доставочном ящике противоречит правилам и инструкциям.

Я положил докладную в карман и продолжал распихивать письма.

На следующее утро я, как только вошел, сразу увидел, что Стон за мной наблюдает. Он очень тщательно относился к наблюдениям за мной. Он ждал, что я стану делать с кепкой. Я дал ему немного подождать. Потом снял кепку с головы и положил на ящик.

Стон подбежал с докладной.

Я не стал ее читать. Я отшвырнул ее в мусорную корзину, оставил кепку на месте и продолжал сортировать письма.

Я слышал, как Стон колотит по машинке. В треске клавиш слышался гнев.

Интересно, как он научился печатать, подумал я.

Он опять подошел. Протянул мне вторую докладную.

Я посмотрел на него:

— Мне не нужно ее читать. Я знаю, что там написано. Там написано, что я не прочел первую докладную.

Я кинул вторую докладную в корзину. Стон побежал назад к машинке. Вручил мне третью докладную.

— Слушай, — сказал я, — я знаю, о чем говорится в них всех. Первая была про то, что я держал кепку на ящике. Вторая — про то, что я не прочел первую. Третья — что не прочел либо первую, либо вторую.

Я посмотрел на него и уронил докладную в мусор, не прочитав.

— Ну вот — я могу их выбрасывать так же быстро, как ты их печатаешь. Это может длиться часами, и вскоре один из нас будет выглядеть идиотом. Тебе решать.

Стон вернулся к своему креслу и сел. Больше он не печатал. Просто смотрел на меня.

Назавтра я не пришел. Проспал до полудня. Звонить не стал. Потом пошел в Федеральное здание. Рассказал им о своей цели. Меня поставили перед столом худенькой старушонки. Волосы у нее были седыми, а шейка — очень тоненькой и посередине изгибалась под неожиданным углом. Шея толкала ее голову вперед, и она смотрела на меня поверх очков.

— Да?

— Я хочу уволиться.

— Уволиться?

— Да, уволиться.

— И вы — штатный доставщик?

— Да, — ответил я.

— Ц, ц, ц, ц, ц, ц, ц, — зацокала она сухоньким язычком.

Она дала мне положенные бумаги, и я сел их заполнять.

— Сколько вы проработали на почте?

— Три с половиной года.

— Ц, ц, ц, ц, ц, ц, ц, ц, — зацокала она, — ц, ц, ц, ц.

Вот так вот. Я поехал домой к Бетти, и мы раскупорили бутылочку.

Я ведать не ведал, что через пару лет вернусь сортировщиком и просортирую, весь сгорбив-

шись на табурете, почти 12 лет.

Часть 2
1

Тем временем дела шли. У меня случилась длинная цепочка удач на скачках. Мне там стало увереннее. Каждый день я нацеливался на определенную прибыль, где-то от пятнадцати до сорока баксов. Слишком многого не просил. Если не выигрывал вначале, ставил еще чуть-чуть — если бы лошадь пришла, еще остался бы запас прибыли. Возвращался домой, день за днем в выигрыше, показывая Бетти большой палец еще с улицы.

Затем Бетти нашла работу машинистки, а когда баба находит работу, сразу же замечаешь разницу. Мы киряли ночи напролет, и она уходила по утрам раньше меня, вся с перепоя. Теперь она поняла, что это значит. Я вставал около 10.30, выпивал лениво кофе и съедал пару яиц, играл с собакой, заигрывал с молоденькой женой механика, жившего на задворках, подружился со стриптизершей, жившей в доме впереди. К часу дня я был на бегах, возвращался с выигрышем и выходил с собакой к автобусной остановке встре-

чать Бетти с работы. Хорошая житуха.

Потом однажды вечером Бетти, любовь моя, все и выложила после первого стакана:

— Хэнк, это невыносимо!

— Что невыносимо, детка?

— Ситуация.

— Какая ситуация, детка?

— Я пашу, а ты валяешься. Все соседи думают, что я тебя содержу.

— Черт, а когда я работал, а ты валялась?

— Это по-другому. Ты — мужик, а я — женщина.

— О, а я и не знал. Я думал, что вы, суки, всегда орете за равные права.

— Я знаю, что происходит с этой пампушкой на задворках, разгуливает перед тобой, сиськи нараспашку…

— У нее сиськи нараспашку?

— Да, СИСЬКИ! Ее здоровенное белое вымя!

— Хммм… Действительно большие.

— Вот видишь! Заметил-таки!

— Ну и какого черта?

— У меня тут подруги есть. Они видят, что происходит!

— Это не подруги. Это сплетницы поганые.

— А та б лядина спереди, что танцоркой вы-

ступает?

— Она что — блядина?

— Да она же на что угодно вскочит, лишь бы хуй торчал.

— Ты совсем сбрендила.

— Я просто не хочу, чтобы все эти люди считали, будто я тебя содержу. Все соседи…

— К черту соседей! Какая нам разница, что они думают? Нам же раньше было плевать. А кроме того, я плачу за квартиру. Я покупаю еду! Я выигрываю на скачках. Твои деньги — это твои деньги. Раньше тебе так никогда не фартило.

— Нет, Хэнк, все кончено. Я так больше не могу! Я встал и подошел к ней.

— Ладно, ну хватит, детка, ты сегодня просто немного расстроена.

Я попытался ее облапать. Она меня оттолкнула.

— Ладно, черт возьми! — сказал я. Вернулся к своему креслу, допил, налил еще.

— Все кончено, — сказала она, — больше ни единой ночи с тобой не сплю.

— Хорошо. Оставь себе свою пизду. Не такая уж она и замечательная.

— Дом себе возьмешь или съедешь? — спросила она.

— Бери себе.
— А собаку?
— И собаку бери, — ответил я.
— Она будет по тебе скучать.
— Я рад, что хоть кто-то будет по мне скучать.

Я встал, вышел к машине и снял первую же квартиру, где висела табличка. Переехал я в тот же вечер.

Я только что потерял трех баб и собаку.

2

Не успел я опомниться, как у меня на коленях сидела молоденькая девчонка из Техаса. Не буду вдаваться в подробности, как мы с ней познакомились. Короче, она возникла. Ей 23, мне — 36.

У нее были длинные светлые волосы и хорошее плотное мясо. Я еще не знал в то время, что денег у нее тоже много. Она не пила — пил я. Поначалу мы много смеялись. И вместе ездили на скачки. Она была красоткой, и всякий раз, когда я возвращался на место, какой-нибудь обсос придвигался к ней поближе. Их там водились десятки. Они всё подползали и подползали. А Джойс просто сидела. Разбираться с ними приходилось двумя способами. Либо брать Джойс и отваливать, либо

говорить парню:

— Слышь, приятель, эта уже занята. Хиляй отсюда.

Но сражаться с волками и лошадьми одновременно — это слишком. Я проигрывал. Профессионал ходит на бега один. Я это знал. Но думал, что, может, я — исключение. И пришел к выводу, что вовсе я никакое не исключение. Деньги терять получалось так же быстро, как и у любого другого.

Затем Джойс потребовала, чтобы мы поженились.

Какого черта? — подумал я, все равно я спекся.

Я отвез ее в Вегас жениться подешевле, затем сразу же привез обратно.

Продал машину за десять долларов и не успел очухаться, как мы оказались в техасском автобусе, а когда приземлились, в кармане у меня оставалось семьдесят пять центов. То был очень маленький городок, все население где-то под 2000. Экспертами этот городок был признан, как писали в одном большом журнале, последним городом в США, на который враги захотят сбросить атомную бомбу. Ясно почему.

А все это время, сам того не ведая, я пробирался назад к почтамту. Мать его.

У Джойс в городе был домик, где мы валялись,

еблись и жрали. Кормила она меня до отвала, я от нее растолстел и ослаб одновременно. Ей все было мало. Джойс, жена моя, была нимфой.

Я ходил гулять по городку в одиночестве, чтоб от нее сбежать, со следами зубов по всей груди, шее и плечам — и кое-где еще, что беспокоило меня больше и было довольно болезненно. Она пожирала меня живьем.

Я хромал по городу, а они на меня таращились, зная и про Джойс, и про ее сексуальные позывы, а также про то, что у ее деда и отца денег, земли, озер, охотничьих угодий больше, чем у них всех вместе взятых. Они жалели и ненавидели меня одновременно.

Однажды утром прислали карлика — он поднял меня с постели и начал возить по округе, показывая то и это, мистер Такой-то-и-такой-то, отец Джойс, владеет вон тем, а мистер Такой-то-и-такой-то, дедушка Джойс, — вот этим…

Мы ездили все утро. Кто-то пытался меня напугать. Мне было скучно. Я сидел на заднем сиденье, а карлик думал, что я — пройдоха и вкрался в доверие к их миллионам. Он не знал, что я — несчастный случай, бывший почтальон с семьюдесятью пятью центами в кармане.

Карлик, бедолага, болел чем-то нервным и ехал

очень быстро, время от времени весь трясся и терял управление машиной. Ее шкивало с одной обочины на другую, и один раз мы прошкрябали 100 ярдов по забору, прежде чем он снова взял себя в руки.

— ЭЙ! ПОЛЕГЧЕ, КОЗЕЛ! — заорал я с заднего сиденья.

Все, хана. Они пытались меня прикончить. Это очевидно. Карлик был женат на очень красивой девчонке. Когда она была подростком, у нее в пизде застряла бутылка из-под кока-колы, и пришлось идти к врачу, чтобы ее извлечь. Как и во всех маленьких городишках, про бутылку пошли слухи, от бедной девчонки все стали шарахаться, и карлик оказался единственным претендентом. Отхватил лучшую пушнину в городе.

Я зажег сигару, которую дала мне Джойс, и сказал карлику:

— Все, хватит, козел. Теперь доставь меня обратно. И поезжай медленно. Я не хочу портить игру.

Я играл пройдоху, чтоб доставить ему удовольствие.

— Есть, сэр, мистер Чинаски. Есть, сэр!

Он мною восхищался. Он думал, что я — редкий сукин сын.

Когда я вошел в дом, Джойс спросила:

— Ну, ты все посмотрел?

— Я увидел достаточно, — ответил я. Имея в виду, что меня хотели прикончить. Я не знал, участвует Джойс в этом или нет.

Тогда она принялась сдирать с меня одежду и подталкивать к кровати.

— Секундочку, детка! Мы уже два раза трахнулись, а еще двух часов нет!

Она только хихикнула и толкнула меня сильнее.

3

Ее отец меня терпеть не мог так, что туши свет. Думал, мне нужны его деньги. Не нужны мне его проклятые деньги. Мне даже его проклятая драгоценная доченька ни к чему.

Единственный раз я видел его, когда он вошел к нам в спальню как-то утром, часов около 10. Мы с Джойс лежали в постели, отдыхали. К счастью, только что закончили.

Я выглянул из-под простыни. И тут не смог сдержаться. Я ему улыбнулся и мощно подмигнул.

Он выскочил из дома, рыча и матерясь.

Если б меня можно было убрать, он определенно бы за этим проследил.

Дедуля был покруче. Мы ходили к нему в гости, я глушил с ним виски и слушал его ковбойские пластинки. Его старухе все было просто пофиг. Она и не любила меня, и не ненавидела. Она много ссорилась с Джойс, и я пару раз становился на старухину сторону. Это ее как бы покорило. Но дедуля был крут. Думаю, он в заговоре тоже участвовал.

Мы сидели как-то в кафе, закусывали, а все заискивали и на нас пялились. Там были дедуля, бабуля, Джойс и я.

Потом мы сели в машину и поехали.

— Ты когда-нибудь видел бизона, Хэнк? — спросил меня дедуля.

— Нет, Уолли, не видел.

Я называл его Уолли. Старые кореша по вискачу. Черта лысого.

— У нас они тут водятся.

— А я думал, они повымирали все.

— О нет, у нас их тут десятки.

— Что-то не верится.

— Покажи ему, Папа Уолли, — сказала Джойс.

Сучка глупая. Зовет его Папа Уолли, хотя какой он ей папа.

— Хорошо.

Мы поехали по дороге, пока не уперлись в пу-

стое огороженное поле. Оно шло под уклон, и другого конца не разглядеть. Много миль в длину и ширину. Там не росло ничего, кроме короткой зеленой травки.

— Не вижу я никаких бизонов, — сказал я.

— Ветер что надо, — сказал Уолли. — Перелезай туда и пройди немного. Чтоб их увидеть, всегда надо немного пройти.

На поле ничего не было. Они думают, что хорошо пошутили, разыграв городского пижона. Я перелез через ограду и пошел.

— Ну и где же бизоны? — крикнул им я.

— Они там. Иди дальше.

Ох черт, старый трюк — сейчас возьмут и уедут. Деревенщина клятая. Дождутся, пока я дальше отойду, и отчалят с хохотом. Ну и пусть. И пешком доберусь. Хоть от Джойс отдохну немного.

Я очень быстро шагал по полю, ожидая, что они сейчас уедут. Но мотора я не слышал. Я прошел еще дальше, повернулся, сложил руки рупором и заорал им:

— НУ И ГДЕ ВАШИ БИЗОНЫ?

Ответ пришел из-за спины. Я услышал гром их копыт по земле. Трое, здоровенные, как в кино, — и они бежали, они надвигались на меня ОЧЕНЬ БЫСТРО! Один немного опережал остальных.

Чего тут думать, к кому они направляются.

— Ой блядь! — сказал я.

Я повернулся и дал деру. Ограда виднелась очень далеко. Она казалась невозможной. Времени оглядываться не было. Может, тогда все вышло бы иначе. Я несся, широко распахнув глаза. Вот я двигался так уж двигался! Но они меня нагоняли! Я уже чувствовал, как вокруг сотрясается земля, сейчас они вобьют меня в почву. Слышал, как они фыркают, как они пыхтят. Из последних сил я поднатужился и прыгнул через ограду. Я ее не перелазил. Я над нею проплыл. И приземлился на спину в канаву, а одна из этих тварей высунула голову над оградой и смотрела сверху на меня.

В машине все ржали. Они решили, что смешнее на свете ничего не бывало. Джойс гоготала громче всех.

Глупые звери походили немного кругами, потом куда-то увалили.

Я вылез из канавы и сел в машину.

— Бизонов я увидел, — сказал я, — теперь пора выпить.

Они хохотали всю дорогу в город. Переставали, а потом кто-нибудь опять закатывался, и все ржали снова. Уолли даже пришлось машину один раз остановить. Он вести больше не мог. Открыл

дверцу и с хохотом выкатился на землю. Даже бабуля икать начала, на пару с Джойс.

Позже история разнеслась по городу, и в моей походке убавилось самодовольства. Мне нужно было подстричься. Я сказал об этом Джойс.

Она ответила:

— Сходи в парикмахерскую. А я сказал:

— Не могу. Бизоны.

— Ты что, боишься людей в парикмахерской?

— Бизоны, — ответил я. Меня подстригла Джойс. Надо сказать, ужасно.

4

Потом Джойс захотелось вернуться в город. Несмотря на все недостатки, этот городишко, со стрижками или без, убирал городскую жизнь. Тут было тихо. Собственный дом. Кормила меня Джойс хорошо. Много мяса. Сочного, хорошего, отлично приготовленного мяса. За эту сучку одно могу сказать: готовить она умела. Она готовила лучше любой другой бабы, что я знал. Еда полезна для нервов и состояния духа. Мужество происходит из живота, а все остальное — от отчаянья.

Так нет же, приспичило ей ехать. Бабуля постоянно до нее докапывалась, и Джойс свирепела.

Мне же довольно-таки нравилось изображать негодяя. Я дал отпор ее двоюродному братцу, городскому забияке. Такого тут раньше не было. В джинсовый день всем в городе полагалось носить джинсы — или народ кидали в озеро. Я надел свой единственный костюм с галстуком и неторопливо, словно Малыш Билли,[25] прошелся по городку, заглядывая в окна, остановился купить сигар, а все не спускали с меня глаз. Я разломил этот городишко пополам, как деревянную спичку.

Позже я встретил на улице городского врача. Мне он нравился. Вечно торчал на какой-то наркоте. Я сам не торчок, но случись так, что захочется спрятаться от себя на несколько дней, я знал: у него я смогу получить все, что нужно.

— Нам надо уезжать, — сказал я ему.

— Лучше останьтесь, — ответил он, — жизнь тут неплохая. Охота, рыбалка. Воздух хороший. И никакого давления. Вы в этом городе — хозяе-

---

[25] notes: 25

Малыш Билли (Генри Маккарти, Уильям Х. Бонни, 1859–1881) — легендарный американский бандит, действовавший на юго-западе США. Считается, что в 12 лет он совершил первое убийство. На его счету 21 убийство — по числу прожитых лет, «не считая индейцев и мексиканцев». В 1880 г. был схвачен во время так называемых войн скотовладельцев и приговорен к повешению. Бежал из тюрьмы, убив двух помощников шерифа, но в конце концов был застрелен шерифом округа Линкольн Пэтом Гарретом в Форте-Самнер, Нью-Мексико.

ва, — сказал он.

— Я знаю, док, но у нас командует она.

5

Поэтому дедуля выписал Джойс большой чек, с тем мы и остались. Сняли домик на холме, и тут Джойс взбрела в голову эта дурацкая морализаторская мысль.

— Нам обоим нужно найти работу, — сказала она, — чтоб доказать им, что тебе их деньги нафиг не нужны. Чтоб доказать, что мы самостоятельны.

— Крошка, это детский сад какой-то. Любой дурак может выхарить себе какую-нибудь работу; наоборот, только мудрый человек может без нее обойтись. Тут у нас мы называем это «заработками». Я бы хотел зарабатывать хорошо.

Такое ей не нравилось.

Потом я объяснил, что человек не может найти себе работу, если у него нет машины ездить ее искать. Джойс села на телефон, и дедуля прислал ей денег на машину. Я опомниться не успел, как уже залазил в новенький «плимут». Джойс выставила меня на улицу в отличном новом костюме, ботинках за сорок долларов, и я подумал: какого

черта, попробую время потянуть. Экспедитор — вот я кто. Когда не умеешь ничего делать, таким и становишься — экспедитором, приемщиком, кладовщиком. Я съездил по двум объявлениям, зашел в оба места, и оба меня взяли. Первое пахло работой, поэтому я выбрал второе.

И вот я со своим рулончиком клейкой ленты работаю в художественной лавке. Раз плюнуть. Работы на час-два в день. Я слушал радио, построил себе из фанеры кабинет, поставил туда старый письменный стол, телефон и сидел, читал программы скачек. Иногда мне становилось скучно, и я ходил по переулку в кофейню, сидел там, прихлебывал кофе, жевал пирожные и флиртовал с официантками.

Приходили водители.

— Где Чинаски?

— В кофейне.

Они шли туда, пили кофе, потом мы вместе возвращались, делали, что нужно — скидывали несколько коробок с грузовика или закидывали в кузов. Еще чего-то с накладными.

Меня не хотели увольнять. Даже продавцам я нравился. Они грабили босса с черного хода, но я ничего не говорил. То была их маленькая игра. Меня она не интересовала. Мелкий воришка из

меня никакой. Мне нужен весь мир или ничего.

6

В домике на холме жила смерть. Я понял это, как только вышел через сетчатую дверь на задний двор. На меня обрушился зудящий, звенящий, воющий грохот: 10 000 мух поднялись в воздух одновременно. Такие мухи живут на всех задних дворах — там растет высокая зеленая трава, и они в ней гнезда вьют, они ее обожают.

Господи ты боже мой, подумал я, и ни единого паука в радиусе пяти миль!

Пока я там стоял, эти 10 000 мух начали спускаться с небес, усаживаться на траву, на забор, на землю, мне на волосы, на руки, везде. Одна из тех, что посмелее, меня укусила.

Я выматерился, выскочил из дома и купил самый большой баллон от мух, какой только бывает. Я сражался с ними часами, в неистовстве были и мухи, и я, — и через несколько часов, кашляя и тошня от того, что надышался этой гадостью, огляделся: мух было столько же, сколько и раньше. Наверное, на каждую, что я убил, они залегали в траву и рожали двух. Я сдался.

В спальне у нас вокруг кровати, перегораживая

комнату, стояла такая низенькая стеночка. На ней располагались горшки, а в горшках располагалась герань. Когда мы с Джойс впервые легли в постель и заработали, я заметил: доски начали прогибаться и дрожать.

Затем — плюх.

— О-о! — сказал я.

— Ну что еще? — спросила Джойс. — Не останавливайся! Не останавливайся!

— Детка, мне на задницу горшок герани свалился.

— Не останавливайся! Продолжай!

— Ладно, ладно!

Я снова расшуровался, все шло сносно, и тут…

— Ох блядь!

— Что такое? Что такое?

— Еще один горшок с геранью, детка, трахнул меня по копчику, скатился в жопу и упал.

— К черту герань! Дальше! Дальше!

— А, ну ладно…

Через все наше упражнение горшки все падали и падали. Как ебаться под бомбежкой. Наконец мне удалось.

Позже я сказал:

— Слушай, детка, надо что-то сделать с этой геранью.

— Нет, пускай стоит!

— Но почему, детка, почему?

— Остроты придает.

— Остроты придает?

— Да.

Она только хихикнула. Но горшки оставались на месте. Большую часть времени.

7

Затем я стал возвращаться домой несчастным.

— В чем дело, Хэнк? Приходилось каждый вечер напиваться.

— В управляющем — Фредди. Он начал свистеть эту песенку. Он ее насвистывает, когда я прихожу по утрам, и не останавливается. Когда я ухожу вечером домой, он ее по-прежнему свистит. И так уже две недели!

— А как песня называется?

— «Вокруг света в восемьдесят дней».[26] Мне она никогда не нравилась.

— Так найди себе другую работу.

— Найду.

---

[26] notes: 26

Песня Гарольда Адамсона и Виктора Янга из одноименного фильма американских режиссеров Майкла Андерсона и Джона Фэрроу (1956), снятого по роману Жюля Верна.

— Только с этой не увольняйся, пока новую не найдешь. Надо им доказать, что…

— Ладно. Ладно!

8

Как-то днем я встретил на улице одного забулдыгу. Я его знал и раньше — в те дни, когда мы с Бетти гуляли по барам. Он мне рассказал, что работает сортировщиком на почте и что это не работа, а пшик.

Самое большое и жирное вранье столетия. Я ищу этого парня уже много лет, но боюсь, до него кто-нибудь другой уже добрался.

И вот я снова держал экзамен на гражданскую службу. Только в этот раз пометил свои бумаги «сортировщик», а не «доставщик».

К тому времени, как я получил уведомление, что должен явиться на присягу, Фредди перестал насвистывать «Вокруг света в восемьдесят дней», но мне уже не терпелось заполучить шаровую работенку у «Дяди Сэма».

Фредди я сказал:

— Мне тут отлучиться по одному делу нужно, можно я полтора часа на обед возьму?

— О'кей, Хэнк.

Кабы знать, каким длинным окажется этот обед.

9

Нас собралась целая банда. Человек 150 или 200. Надо было заполнить скучные бумаги. Затем все повернулись к флагу. Присягу принимал тот же парень, что и раньше.

Приняв у нас присягу, он сказал:

— Так, ладно, вы получили хорошую работу. Рыльца не пачкайте, и уверенность в завтрашнем дне до конца жизни вам обеспечена.

Уверенность? Такая уверенность только при пожизненном и бывает: три квадрата, за квартиру платить не нужно, ни удобств, ни подоходного налога, ни алиментов. Ни подати за номер на машину. Ни штрафов на дороге. Ни вождения в нетрезвом виде. Ни проигрышей на скачках. Бесплатное медицинское обслуживание. Товарищи со сходными интересами. Церковь. Жопа. Бесплатные похороны.

Почти 12 лет спустя из тех 150 или 200 нас осталось лишь двое. Как некоторые не могут водить такси, или шлюхами торговать, или толкать наркоту, большинство парней — да и девчонок тоже

— не могут быть почтовыми сортировщиками. И я их не виню. Шли годы, и я видел, как они маршируют своими отрядами по 150–200 человек, и из каждой группы оставалось двое, трое, четверо — в аккурат столько, чтобы заменить тех, кто уходит на пенсию.

10

Сопровождающий провел нас по всему зданию. Нас было так много, что всех пришлось поделить на группы. Мы ездили на лифте по очереди. Нам показали столовую для служащих, подвалы, всю эту скукотищу.

Боже праведный, подумал я, побыстрей бы он, что ли. Я с обеда уже на два часа задерживаюсь.

Затем сопровождающий вручил нам карточки табельного учета. Показал часы.

— Вот так вы отмечаетесь.

Он показал нам как. Потом сказал:

— Теперь отмечайтесь.

Двенадцать с половиной часов спустя мы отметились на выходе. Ни хера себе присяга получилась.

11

Через девять или десять часов людей морил сон, и они падали в свои ящики, умудряясь в последний момент схватиться за что-то и не рухнуть туда совсем. Мы раскладывали зонированную почту. Если на письме стояло «зона 28», суешь его в дырку под номером 28. Просто.

Один здоровенный черный парень вскочил с места и замахал руками, чтобы проснуться. Его мотало по всему залу.

— Вот черт! Не могу я так! — говорил он.

При том, что был он здоровым и мощным кабаном. Работать одними и теми же мышцами очень утомляет. У меня все болело. В конце прохода стоял надзиратель, еще один Стон, и на роже у него было написано такое — должно быть, они специально перед зеркалом репетируют, у всех надзирателей такое выражение на мордах: смотрят так, словно ты — кусок человечьего говна. Однако входили они сюда через те же самые двери. Когда-то были сортировщиками или доставщиками. Уму непостижимо. Вертухаи ручной выборки.

Одну ногу всегда следовало держать на по-

лу. Вторую — на подставке для отдыха. То, что они называли «подставкой для отдыха», было маленькой круглой подушечкой на каблучке. Разговаривать запрещено. Два 10-минутных перерыва за восемь часов. Время, когда уходил и когда возвращался, записывалось. Если сидел в сортире 12 или 13 минут, тебе за это втыкали.

Но платили лучше, чем в художественной лавке. И я подумал: тут можно будет привыкнуть.

Не привык я тут никогда.

12

Затем надзиратель перевел нас на новый проход. Мы уже 10 часов проработали.

— Прежде чем начнете, — сказал бугор, — я хочу вам кое-что сказать. Каждый поднос отправлений этого типа должен быть рассортирован за двадцать три минуты. Таков производственный график. А теперь, смеху ради, давайте посмотрим, сможете ли вы уложиться в производственный график! Итак, раз, два, три… ВПЕРЕД!

Что это, к дьяволу, такое? — подумал я. Я устал.

Каждый поднос был фута два в длину. Но на каждом — разное количество писем. На некоторых почты в два-три раза больше, чем на других,

в зависимости от размера писем.

Руки замелькали. Проиграть страшно.

Я не торопился.

— Когда закончите первый поднос, хватайте следующий!

Они в самом деле работали. Потом подскакивали и хватались за следующий.

Надзиратель подошел ко мне сзади.

— Вот, — сказал он, показывая на меня, — этот человек в самом деле выполняет план. Он уже наполовину закончил свой второй поднос!

Поднос у меня был первым. Не знаю, подкалывал он меня или нет, но я, поскольку так сильно оторвался, еще немного притормозил.

13

В 3.30 утра мои 12 часов истекли. В то время подменным не платили за время полностью и половину за сверхурочные. Ты получал как за одно время. А брали тебя как «временного подменного сортировщика с неограниченным рабочим днем».

Я поставил будильник с тем, чтобы к 8 утра быть в художественной лавке.

— Что случилось, Хэнк? Мы уж подумали, ты в

аварию попал. Мы ждали, что ты вернешься.

— Я увольняюсь.

— Увольняешься?

— Да, нельзя же обвинять человека в том, что он ищет для себя лучшей жизни.

Я зашел в контору и получил расчет. Я опять вернулся на почту.

А тем временем рядом по-прежнему была Джойс со своей геранью и парой миллионов, если я протяну еще хоть немного. Джойс, мухи и герань. Я работал в ночную смену, 12 часов, а она мацала меня днем, пытаясь заставить исполнять супружеский долг. Сплю я, как вдруг просыпаюсь от того, что меня ее рука поглаживает. Тогда приходилось это делать. Бедняжка совсем спятила.

Затем однажды утром я прихожу, а она говорит:

— Хэнк, только не злись.

Я слишком устал, чтобы злиться.

— Чё такое, детка?

— Я завела нам собачку. Щеночка.

— Ладно. Это мило. С собаками все в порядке. Где он?

— На кухне. Я назвала его Пикассо.

Я зашел туда и взглянул на пса. Он ничего не видел. Шерсть лезла ему в глаза. Я посмотрел, как

он ходит. Затем взял на руки и заглянул в глаза. Бедный Пикассо!

— Детка, ты знаешь, что ты натворила?

— Он тебе не нравится?

— Я не сказал, что он мне не нравится. Но он недоразвитый. У него коэффициент интеллекта около двенадцати. Ты взяла и притащила нам идиота, а не собаку.

— Откуда ты знаешь?

— Это видно, ты только посмотри на него.

И тут Пикассо начал писать. Пикассо был полон ссак. Они бежали длинными, толстыми и желтыми ручейками по кухонному полу. Потом он закончил и подбежал посмотреть.

Я взял его на руки.

— Вытри.

Так Пикассо стал еще одной проблемой. Я просыпался после 12-часовой смены от того, что Джойс надрачивала меня под геранью, и спрашивал:

— Где Пикассо?

— Пошел к черту этот Пикассо! — отвечала она.

Я вылезал из постели голый, с огромной елдой, торчавшей спереди.

— Слушай, ты его опять во дворе оставила! Я же

говорил тебе не оставлять его днем во дворе!

14

Затем я выходил во двор, голый, одеваться ломы, я и так устал. Двор был неплохо прикрыт со всех сторон. А во дворе сидел бедный Пикассо, одолеваемый 500 мухами: мухи ползали по нему кругами. Я выбегал с этой штукой (уже начинавшей к тому времени обмякать) и материл мух. Они лезли к нему в глаза, в шерсть, в уши, в причинные места, в пасть… везде. А он просто сидел и улыбался мне. Смеялся надо мной, а мухи ели его поедом. Может, он знал больше всех нас. Я брал его на руки и вносил в дом.

…Щенок на заборе заржал;
Корова подпрыгнула
Выше луны,
А чайник с тарелкой сбежал.[27]

— Черт возьми, Джойс! Я ведь говорил тебе, говорил тебе, говорил тебе!

— Так это ведь ты его от дома отлучил. Ему

[27] notes: 27

Стихотворение из английского сборника «Песенки Матушки Гусыни» (1760). Перевод Г. Кружкова.

теперь нужно выходить туда покакать!

— Да, но когда он закончит, вноси его обратно. У него мозгов не хватает самому в дом возвращаться. И смывай дерьмо, когда он закончит. Ты там рай мушиный развела.

Стоило мне после такого заснуть, как Джойс снова начинала меня гладить. До пары миллионов было еще очень и очень далеко.

15

Я полудремал в кресле, дожидаясь еды.

Потом встал налить себе воды и, заходя в кухню, увидел, как Пикассо подошел к Джойс и лизнул ее в лодыжку. Я шел босиком, и Джойс меня не слышала. На ней были высокие каблуки. Она взглянула на Пикассо, и на лице ее вспыхнула чистая местечковая ненависть, раскаленная добела. Она изо всех сил пнула его в бок острым носком туфли. Бедняга лишь забегал маленькими кругами, повизгивая. Моча закапала из его пузыря. А я просто зашел попить. Стакан я держал в руке и, не успев налить воды, швырнул им в буфет слева от раковины. Осколки разлетелись повсюду. У Джойс было время прикрыть лицо руками. Плевать. Я взял собачку на руки и вышел.

Сел в кресло и стал гладить маленького засранца. Он посмотрел на меня снизу, язык из пасти вывалился, и он лизнул меня в запястье. Хвост его вилял и бился, как рыбка, умирающая в мешке.

Я увидел, как Джойс опустилась на колени с бумажным пакетом, принялась собирать стекло. Затем начала всхлипывать. Она пыталась не показывать слез. Повернулась ко мне спиной, но я видел, как ходят ее плечи, как она вся трясется и разрывается.

Я положил Пикассо на пол и зашел в кухню.

— Детка. Детка, не надо!

Я обнял ее сзади. Она была вялой.

— Детка, ну прости меня… Прости.

Я прижимал ее к себе, обхватив рукой живот. Я поглаживал его легко и нежно, пытаясь остановить конвульсии.

— Легче, детка, ну, легче. Тише…

Она немного успокоилась. Я отодвинул ей волосы и поцеловал за ухом. Там было тепло. Она отдернула голову. Когда я поцеловал ее туда в следующий раз, голову она отдергивать не стала. Я услышал, как она втянула в себя воздух, тихонько застонала. Я взял ее на руки и вынес в другую комнату, сел в кресло, усадил ее на колени. Она не хотела на меня смотреть. Я целовал ей горло

и уши. Одна рука на плечах, другая — на бедре. Я стал водить рукой по бедру вверх и вниз, в ритме ее дыхания, стараясь снять плохое электричество.

Наконец со слабейшей из улыбок она на меня взглянула. Я дотянулся и куснул ее в подбородок.

— Сучка сумасшедшая! — сказал я.

Она рассмеялась, и мы поцеловались, головы наши задвигались взад и вперед. Она опять начала всхлипывать.

Я отодвинулся и сказал:

— НЕ НАДО!

Мы опять поцеловались. Потом я снова взял ее на руки и донес до спальни, положил на кровать, быстро скинул штаны, трусы и ботинки, стянул ей трусики до туфель, сорвал одну и так, с одной ногой в туфле, а с другой — без, устроил ей лучшую скачку за много месяцев. Ни одна герань не устояла. Закончив, я медленно понянчился с ней, играя ее длинными волосами, шепча разные разности. Она мурлыкала. В конце концов встала и ушла в ванную.

Оттуда она не вернулась. Она ушла в кухню и начала мыть тарелки и петь.

Господи, да самому Стиву Маккуину[28] это лучше бы не удалось.

У меня на шее было два Пикассо.

16

После ужина, или обеда, или что еще я там ел — с моими безумными 12-часовыми сменами я уже не разбирал, что есть что, — я сказал:

— Послушай, детка, прости, конечно, но неужели ты не понимаешь, что эта работа сводит меня с ума? Слушай, давай все бросим. Давай просто валяться на кровати, заниматься любовью, ходить гулять и разговоры разговаривать. Давай сходим в зоопарк. На зверюшек посмотрим. Давай съездим посмотрим на океан. Сорок пять минут всего от нас ехать. Пошли посражаемся на игральных автоматах. Поехали на скачки, в Художественный музей, на бокс. Давай заведем друзей. Давай смеяться. Такая жизнь — как у всех: она убивает нас.

— Нет, Хэнк, мы должны им показать, мы должны им показать…

---

[28] notes: 28

Стив Маккуин (1930–1980) — американский актер, снимался преимущественно в вестернах и приключенческих фильмах.

Это говорила маленькая девочка из техасского захолустья. Я сдался.

17

Каждый вечер, перед тем как мне уходить на смену, Джойс раскладывала для меня на постели одежду. Все было самым дорогим, что лишь можно купить за деньги. Я никогда не надевал одни и те же брюки, одну и ту же рубашку, одни и те же ботинки два раза подряд. У меня были десятки разных нарядов. Я надевал все, что бы она для меня ни выложила. Совсем как мама, бывало.

Не очень я далеко ушел, думал я и надевал на себя это барахло.

18

У них была такая штука, которая называлась Тренировочным Классом, поэтому как ни верти, а каждую ночь нам можно было не распихивать почту минут по 30.

Здоровый итальяно вознесся на трибуну растолковать нам все, как есть.

— ...так, нет ничего лучше аромата хорошего

чистого пота, но нет ничего хуже вони застоявшегося пота…

Боже святый, думал я, мне померещилось? И такая дрянь наверняка санкционирована правительством. Этот олух велит мне мыть под мышками. Инженеру или концертмейстеру они бы такое сказать не посмели. Он нас унижает.

— …поэтому ванну принимайте каждый день. Вас будут оценивать и по внешнему виду, не только по производительности труда.

Мне кажется, он хотел где-то употребить слово «гигиена», но такого слова в нем просто не было.

Затем он отошел в глубину лекционного помоста и развернул большую карту. Большую без шуток. Она половину сцены закрывала. На карту направили фонарь. А здоровый итальяно взял указку с маленьким резиновым соском на кончике, вроде той, что используют в первом классе, и ткнул ею в карту.

— Вот, видите все это ЗЕЛЕНОЕ? Так вот, его тут до черта. Смотрите!

Он поднял указку и повозил ею по зеленому.

В то время антирусские настроения были намного сильнее, чем сейчас. Китай еще не начал поигрывать мускулами. Вьетнам пока оставался балёхой с фейерверком. Но я все равно думал,

уж не спятил ли я? Наверняка у меня что-то со слухом! Однако никто в классе не возмущался. Им нужна работа. И мне, по мнению Джойс, тоже нужна работа.

Потом он сказал:

— Смотрите сюда. Вот это — Аляска! А вот тут — они! Похоже, они тут даже перепрыгнуть к нам могут, правда?

— Ага, — ответил с первого ряда какой-то тип с промытыми мозгами.

Итальяно свернул карту. Она хрустко скрутилась сама в себя, потрескивая от праведного гнева войны.

Затем он перешел на край сцены и ткнул своей резиновой титькой в нас.

— Я хочу, чтобы вы поняли: мы обязаны сдерживать рост бюджета! Я хочу, чтобы вы поняли: КАЖДОЕ ПИСЬМО, КОТОРОЕ ВЫ СОРТИРУЕТЕ — КАЖДУЮ СЕКУНДУ, КАЖДУЮ МИНУТУ, КАЖДЫЙ ЧАС, КАЖДЫЙ ДЕНЬ, КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ, — КАЖДОЕ ЛИШНЕЕ ПИСЬМО, КОТОРОЕ ВЫ СОРТИРУЕТЕ ВО ВНЕРАБОЧЕЕ ВРЕМЯ, ПОМОГАЕТ НАМ РАЗГРОМИТЬ РУССКИХ! Так, на сегодня все. Перед тем как уйти, каждый из вас получит свое плановое задание.

Плановое задание. Это еще что?

Кто-то прошел по классу, раздавая листы бумаги.

— Чинаски? — спросил он.

— Ну?

— У вас зона девять.

— Спасибо, — ответил я.

Это я ляпнул не подумав. Зона 9 была самым здоровым участком в городе. Некоторые парни получили крошечные зоны. То же самое, что и с двухфутовым подносом за 23 минуты, — в тебя их просто засаживали.

19

На следующую ночь, когда нашу группу переводили из главного корпуса в учебный, я остановился поговорить с Гасом, старым разносчиком газет. Гас некогда был третьим претендентом на звание чемпиона во втором полусреднем весе, но чемпионства так и не увидел. Он замахивался слева, а, как вы хорошо знаете, никому не в кайф драться с левшой — мальчика нужно с самого начала переучивать. Кому охота? Гас завел меня внутрь, и мы слегка приложились к его бутылочке. Потом я пошел догонять остальную группу.

Итальяно ждал нас в дверях. Увидел, как я под-

хожу, и вышел мне навстречу во двор.

— Чинаски?

— Ну.

— Вы опоздали.

Я ничего не ответил. Мы пошли к зданию вместе.

— Я уже почти надумал шлепнуть вас по рукам первым предупреждением, — сказал он.

— О, пожалуйста, не делайте этого, сэр! Не надо, пожалуйста! — ответил я на ходу.

— Хорошо, — сказал он, — на первый раз прощаю.

— Благодарю вас, сэр, — сказал я, и мы вошли внутрь вместе.

Хотите, кое-что скажу? У этого мерзавца воняло из подмышек.

20

Наши 30 минут теперь были посвящены плановой тренировке. Каждому раздали по колоде карт, чтобы мы учились рассовывать их по своим ячейкам. Чтобы сдать план, требовалось рассортировать 100 карт за восемь минут или меньше, по крайней мере с 95 процентами точности. Сдавать разрешалось три раза, и если заваливался

в третий — отпускали. Я имею в виду — увольняли.

— У некоторых из вас не получится, — сказал итальяно. — Значит, видимо, вам на роду написано что-то другое. Может, вы в конце концов станете президентом «Дженерал моторе».

Потом нас избавили от итальяно и дали славного маленького планового инструктора, который начал нас поощрять:

— У вас получится, парни, это не так сложно, как кажется.

У каждой группы был свой плановый инструктор, им тоже ставили оценки в зависимости от процента сданных экзаменов. Нам достался крендель с самым низким процентом. Он беспокоился.

— Тут ничего такого нет, парни, просто не отвлекайтесь, и все.

У некоторых колоды были тощими. У меня же — толще всех.

Я встал и стоял в своем новом пижонском прикиде. Стоял, засунув руки в карманы.

— Чинаски, в чем дело? — спросил инструктор. — Я знаю, что у вас получится.

— Угу. Угу. Я сейчас думаю.

— О чем же это вы думаете?

— Ни о чем.

С тем я и ушел.

Прошла неделя, а я по-прежнему стоял, руки в карманы, — и тут ко мне подошел один из подменных.

— Сэр, мне кажется, я уже готов раскидать этот план.

— Вы уверены? — спросил я.

— Я раскидывал на тренировках девяносто семь, девяносто восемь, девяносто девять и пару сотен.

— Вы должны понимать, что мы на ваше обучение тратим огромные деньги. Мы хотим, чтобы вы разбрасывали их до последнего туза!

— Сэр, я действительно считаю, что готов!

— Хорошо, — я пожал ему руку, — тогда ступайте, мальчик мой, и удачи вам.

— Благодарю вас, сэр!

Он побежал к экзаменационной — застекленному аквариуму, куда тебя швыряют проверить, как ты плаваешь в их водах. Бедная рыбка. Какой облом после того, как побывал местечковым негодяйчиком. Я зашел в тренировочную комнату, снял резинку с колоды и посмотрел на карты впервые в жизни.

— Вот говно! — сказал я.

Парочка парней рассмеялась. Затем плановый инструктор произнес:

— Ваши полчаса истекли. Возвращайтесь на рабочие места.

Что означало — к новым 12 часам.

Им не хватало рук рассылать почту, поэтому тем, кто оставался, приходилось вкалывать за всех. По графику мы обязаны были пахать две недели без перерыва, зато потом получали сразу четыре выходных. Чтобы не сломались. Четыре дня отдыха. В последнюю перед выходными ночь заговорил интерком:

— ВНИМАНИЕ! ВСЕМ ПОДМЕННЫМ В ГРУППЕ ЧЕТЫРЕСТА ДЕВЯТЬ!..

В группе 409 был я.

— …ВАШИ ЧЕТЫРЕ ВЫХОДНЫХ ДНЯ ОТМЕНЕНЫ. ВАМ НАДЛЕЖИТ В ЭТИ ЧЕТЫРЕ ДНЯ ЯВЛЯТЬСЯ НА РАБОТУ!

21

Джойс нашла себе работу в о́круге, и не где-нибудь, а в Полицейском департаменте округа. Я живу с легавой! Но работа по крайней мере была дневной, что давало мне чутка передохнуть от этих ее ласковых рук. Если не считать того, что

Джойс купила двух попугаев, и чертовы твари не разговаривали — они денно и нощно чирикали.

Мы с Джойс встречались за завтраком и ужином — весьма поспешно, и получалось очень мило. Хотя ей и удавалось меня по-прежнему время от времени сношать, все же лучше, чем раньше. Но попугаи…

— Послушай, детка…

— Ну что еще?

— Ладно. Я уже привык к герани, к мухам и к Пикассо, но ты должна понять, что я работаю по двенадцать часов в ночь, а помимо этого изучаю план, а ты насилуешь остатки моей энергии…

— Насилую?

— Ладно. Я не так выразился. Прости.

— Что ты имеешь в виду — «насилую»?

— Я же сказал — выкинь из головы! Но смотри, все дело в попугаях.

— Так значит, теперь попугаи! Они тебя тоже насилуют?

— Да, насилуют.

— Кто же сверху?

— Слушай, не остри. Не надо пошлостей. Я пытаюсь тебе кое-что сказать.

— Теперь ты мне пытаешься сказать, какой мне быть!

— Хорошо! Блядь! Ты у нас — при деньгах! Ты дашь мне сказать или нет? Отвечай: да или нет?

— Ладно, сосунок: да.

— Ладно. Сосунок вот что хочет сказать: «Мама! Мама! Эти ебаные попугаи сводят меня с ума!»

— Ладно, теперь расскажи маме, как именно эти попугаи сводят тебя с ума.

— А вот так, мама: эти твари целыми днями трещат, ни на минуту не останавливаются, а я все жду, когда они что-нибудь скажут, но они никогда ничего не говорят, а я целый день не могу заснуть, слушая этих идиотов!

— Ладно, сосунок. Если они не дают тебе спать, выставь их.

— Выставить, мама?

— Да, выстави.

— Хорошо, мама.

Она поцеловала меня и провиляла жопой вниз по лестнице на свою легавую работу.

Я забрался в постель и попробовал уснуть. Как же они трещали! Болела каждая мышца. Если я лежал на этом боку, если я лежал на том боку, если я лежал на спине — все болело. Я обнаружил, что легче всего лежать на животе, но от этого уставал. Чтобы из одного положения перевернуться в другое, требовалось добрых две-три

минуты.

Я ворочался и вертелся, матерясь, постанывая, да и немного похохатывая над нелепостью положения. А те все трещали. Они меня достали уже. Что они знают о боли в этой своей клетушке? Трепачи яйцеголовые! Одни перья — мозгов-то с булавочную головку.

Я умудрился вылезти из постели, сходить в кухню, набрать в чашку воды, а потом подошел к клетке и окатил их обоих.

— Ебанутые твари! — выматерил их я.

Они злобно посмотрели на меня из-под мокрых перьев. Но замолчали! Нет лучше средства, чем старое доброе водолечение. Я позаимствовал страничку у мозгоправов.

Потом зеленый с желтой грудкой изогнулся и цапнул себя за живот. Затем поднял голову и зачирикал красному с зеленой грудкой — и пошло-поехало.

Я сидел на кровати и слушал их. Подошел Пикассо и куснул меня в лодыжку.

Это меня доконало. Я вынес клетку наружу. Пикассо шел за мной. В воздух поднялись 10 000 мух. Я поставил клетку на землю, открыл дверцу и присел на ступеньки.

Обе птички посмотрели на дверцу. Они не

могли этого понять и одновременно могли. Я слышал, как у них пытаются работать крохотные мозги. Тут есть пища и вода, а что означает это открытое пространство?

Зеленый с желтой грудкой пошел первым. Соскочил в проем дверцы со своей жердочки. Сел, цепляясь за проволоку. Посмотрел на мух. Постоял 15 секунд, стараясь принять решение. Затем у него в маленькой башке что-то щелкнуло. Или у нее. Он не полетел. Он взмыл прямо в небо. Выше, выше, выше, выше. Прямо вверх! Стрелой! Мы с Пикассо сидели и смотрели. Чертова тварь исчезла.

Настала очередь красного с зеленой грудкой.

Красный оказался гораздо нерешительнее. Он нервно походил по дну клетки. Дьявольски сложное решение. Людям, птицам, всем приходится его принимать. Трудная игра.

Поэтому красный ходил и обдумывал. Желтый свет солнца. Мухи жужжат. Человек и собака наблюдают. И столько неба, столько неба.

Это было чересчур. Старина красный подскочил к проволоке. Три секунды.

ВЖЖИК!

Птицы не стало.

Мы с Пикассо взяли пустую клетку и вернулись

в дом.

Я хорошо выспался впервые за много недель. Я даже забыл завести будильник. Я скакал на белом коне по Бродвею в городе Нью-Йорке. Меня только что выбрали мэром. У меня здорово стоял, а потом кто-то швырнул в меня комком грязи… и Джойс меня растолкала.

— Что случилось с птичками?

— К чертям птичек! Я — мэр Нью-Йорка!

— Я тебя спрашиваю, где птички? Я вижу пустую клетку!

— Птички? Птички? Какие птички?

— Да просыпайся же, черт тебя побери!

— Трудный день в конторе, дорогуша? Ты что-то резковата.

— ГДЕ ПТИЧКИ?

— Ты мне сама сказала выставить их наружу, если будут мешать мне спать.

— Я имела в виду выставить их на заднюю веранду или во двор, дурак.

— Дурак?

— Да, ты дурак! Ты что, хочешь сказать, что выставил птичек из клетки? Ты правда хочешь сказать, что выпустил их?

— Ну, я могу сказать только, что они не заперты в ванной, и в буфете их тоже нет.

— Они же там умрут с голоду!

— Они могут ловить червей, есть ягоды и все такое.

— Они не могут, не могут. Они не умеют! Они умрут!

— Пусть учатся или сдохнут, — ответил я, медленно повернулся на другой бок и снова начал засыпать. Смутно слышал, как она готовит ужин, роняя крышки и ложки на пол, ругаясь. Но Пикассо лежал со мной на постели, Пикассо не грозили ее острые туфли. Я вытянул руку, он ее полизал, и я уснул.

То есть ненадолго. В следующее мгновение я почувствовал, как меня мацают. Я открыл глаза — Джойс пялилась на меня как ненормальная. Голая, груди болтаются у меня перед самым носом. Волосы мне ноздри щекочут. Я много чего про нее подумал, затем обхватил руками, перевернул на спину и засадил.

22

Легавой на самом деле она не была, она была легавой канцеляристкой. И как-то начала приходить домой и рассказывать мне про парня, который носит лиловую булавку для галстука и

«настоящий джентльмен».

— Ох, он такой добрый!

Я слушал истории про него каждый вечер.

— Ну, — спрашивал я, — как сегодня поживает наша старая-добрая Лиловая Булавка?

— О, — отвечала она, — знаешь, что произошло?

— Нет, крошка, потому и спрашиваю.

— Ох, он ТАКОЙ джентльмен!

— Ладно. Ладно. Что произошло?

— Знаешь, он так много страдал!

— Конечно.

— Знаешь, у него жена умерла.

— Нет, не знал.

— Какой ты развязный. Я тебе говорю, у него умерла жена, и он истратил пятнадцать тысяч долларов на ее лечение и похороны.

— Хорошо. И?

— Иду я по коридору. А он навстречу. Едва не столкнулись. Он посмотрел на меня и говорит со своим турецким акцентом: «Ах, вы такая прекрасная!» И знаешь, что он сделал?

— Нет, крошка, расскажи. Рассказывай скорее.

— Он поцеловал меня в лоб, слегка, этак легонько. И пошел дальше.

— Я могу тебе про него кое-что рассказать,

крошка. Он слишком кино насмотрелся.

— Откуда ты знаешь?

— То есть как?

— Он владелец кинотеатра для автомобилистов. Он им управляет каждый вечер после работы.

— Оно и видно, — сказал я.

— Но он такой джентльмен! — сказала она.

— Слушай, детка, я не хочу делать тебе больно, но…

— Но что?

— Слушай, у вас в захолустье так не принято. А я в пятидесяти местах работал, может, в ста. И нигде надолго не задерживался. Я вот о чем: в конторах по всей Америке играют в определенную игру. Людям скучно, они не знают, чем заняться, поэтому играют в конторскую романтику. В большинстве случаев это ничего не значит, кроме препровождения времени. Иногда им удается выхарить поебку-другую на стороне. Но даже так это просто легкое развлечение, вроде кегельбана, телевизора или новогодней вечеринки. Ты должна понять, что это ничего не означает, и тогда тебе не будет больно. Понимаешь?

— Я считаю, что мистер Партизян искренен.

— Ты на эту булавку наколешься, крошка,

попомнишь мои слова. Осторожнее с этими пройдохами. Это такая же туфта, как свинцовая монетка.

— Он не туфта. Он джентльмен. Настоящий джентльмен. Если б только ты тоже был джентльменом.

Я махнул рукой. Сел на кушетку, взял свой листок с планом и попытался выучить наизусть бульвар Бэбкок. Бэбкок делился на 14, 39, 51, 62. Какого черта? Я что, не смогу это запомнить?

23

Наконец мне дали выходной, и знаете, что я сделал? Я встал пораньше, пока Джойс не вернулась, и пошел на рынок немного подзатариться, и, может быть, я спятил. Я прошел рынок насквозь, и, вместо того чтобы купить славный красный бифштекс или даже кусок курицы для жарки, знаете, что я сделал? Я выкинул два очка и зашел в восточную секцию, где начал набивать корзинку осьминогами, морскими пауками, улитками, морской капустой и так далее. Кассир странно на меня посмотрел и стал выбивать чек.

Когда Джойс вернулась вечером домой, у меня все уже стояло на столе. Морская капуста, в ней

чуть паука и кучки маленьких, золотистых, жаренных в масле улиток.

Я завел Джойс в кухню и показал добро на столе.

— Я приготовил это в твою честь, — сказал я, — как посвящение нашей любви.

— Что это за говно? — спросила она.

— Улитки.

— Улитки?

— Да, неужели ты не понимаешь, что многие века люди на Востоке жили только этим и подобным? Давай отдадим им дань и отдадим дань себе. Они поджарены в масле.

Джойс вошла и села.

Я начал закидывать улиток в рот.

— Черт побери, да они вкусные, детка! ПОПРОБУЙ!

Джойс протянула руку и вилкой наколола одну, разглядывая оставшихся на тарелке.

Я чавкал аппетитной морской капустой.

— Вкусно, а, детка?

Она пережевывала улитку.

— Поджарены в золотом масле!

Я подхватил несколько улиток рукой и отправил в рот.

— Столетия на нашей стороне, детка. Мы не

можем пролететь!

Наконец она проглотила свою. Потом обследовала оставшихся на тарелке.

— У них у всех крохотные жопки! Это кошмар! Кошмар!

— Что кошмарного в жопках, детка?

Она прижала ко рту салфетку. Вскочила и понеслась в ванную. Ее начало рвать. Я верещал ей из кухни:

— ЧЕМ ТЕБЕ НЕ НРАВЯТСЯ ЖОПЫ, ДЕТКА? У ТЕБЯ ЕСТЬ ЖОПА, У МЕНЯ ЕСТЬ ЖОПА! ТЫ ИДЕШЬ В МАГАЗИН И ПОКУПАЕШЬ ЗДОРОВЕННЫЙ БИФШТЕКС, У КОТОРОГО ТОЖЕ БЫЛА ЖОПА! ЖОПЫ ПОКРЫВАЮТ ВСЮ ЗЕМЛЮ! У ДЕРЕВЬЕВ В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ ТОЖЕ ЕСТЬ ЖОПЫ, НО ТЫ ИХ НЕ НАЙДЕШЬ, ОНИ ПРОСТО СБРАСЫВАЮТ ЛИСТВУ. ТВОЯ ЖОПА, МОЯ ЖОПА, МИР ПОЛОН МИЛЛИАРДОВ ЖОП. У ПРЕЗИДЕНТА ЕСТЬ ЖОПА, У МАЛЬЧИШКИ С АВТОМОЙКИ ТОЖЕ ЕСТЬ ЖОПА, И У СУДЬИ, И У УБИЙЦЫ ЕСТЬ ПО ЖОПЕ… ДАЖЕ У ЛИЛОВОЙ БУЛАВКИ ЕСТЬ ЖОПА!

— Ох, прекрати! ПРЕКРАТИ!

Она траванула снова. Провинциалка. Я открыл бутылку сакэ и хлебнул.

24

Это случилось примерно неделю спустя, около 7 утра. Мне обломился еще один выходной, и после двойной смены я прижимался к заднице Джойс, к ее жопе, спал, поистине спал, как вдруг затренькали в дверь, я встал и пошел открывать эту дрянь.

Там стоял человечек при галстуке. Он сунул мне в руку какие-то бумаги и убежал.

То была повестка на развод. Тю-тю мои миллионы. Но я не рассердился, поскольку на ее денежки все равно никогда не рассчитывал.

Я разбудил Джойс.

— Что?

— Ты не могла устроить мне подъем в более пристойное время?

Я показал ей бумаги.

— Прости меня, Хэнк.

— Все в порядке. Надо было просто мне сказать. Я бы согласился. Мы только что пару раз потрахались, посмеялись — в общем, нам же здорово. Я такого не понимаю. А ты всю дорогу знала. Будь я проклят, если понимаю баб.

— Слушай, я подала на развод, когда мы с тобой

поссорились. Я подумала, что никогда этого не сделаю, если буду ждать, пока остыну.

— Ладно, крошка, честная женщина достойна восхищения. Лиловая Булавка?

— Лиловая Булавка, — ответила она.

Я рассмеялся. Довольно печальным смехом, надо признать. Но он прозвучал.

— Чего уж тут гадать. Однако у тебя с ним будут хлопоты. Я желаю тебе удачи, детка. Знаешь, я многое в тебе любил, не только твои деньги.

Она заплакала в подушку, лежа на животе, вся сотрясаясь. Просто девочка из захолустья, избалованная и замороченная. Вот она трясется, плачет, ничего в этом фальшивого. Ужасно.

Одеяла сползли и упали на пол, и я смотрел на ее белую спину, лопатки торчали, будто хотели вырасти в крылья, протыкали кожу изнутри. Маленькие лопаточки. Она была беспомощна.

Я забрался в постель, погладил ее по спине, ласкал ее, ласкал, успокоил — и тут она разрыдалась снова:

— О, Хэнк, я люблю тебя, люблю тебя, мне так жаль, прости меня прости меня прости!

Ее и впрямь на дыбу вздернули.

Через некоторое время я почувствовал себя так, словно это я с ней развожусь.

Затем мы хорошенько трахнулись в честь старых добрых времен.

Ей остались домик, собака, мухи и герань.

Она даже помогла мне собрать вещи. Аккуратно сложила мне в чемоданы штаны. Упаковала трусы и бритву. Когда я собрался уходить, она снова расплакалась. Я укусил ее в ухо, правое, и спустился по лестнице вместе с барахлом. Залез в машину и начал кататься по улицам в поисках вывески «Сдается».

Будто всю жизнь этим занимался.

Часть 3
1

Я не стал оспаривать развод, не пошел в суд. Джойс отдала мне машину. Водить она не умела. Потерял я всего каких-то три-четыре миллиона. Но у меня по-прежнему оставался почтамт. Бетти я встретил на улице.

— Я видела тебя с этой сукой некоторое время назад. Она баба не твоего типа.

— Они все не моего типа.

Я рассказал ей, что все кончено. Мы сходили выпили пива. Бетти постарела, и очень быстро. Потяжелела. Морщины прорезались. Шея обвисла. Печально. Но и я постарел.

Бетти потеряла работу. Собаку переехала машина. Бетти устроилась официанткой, затем и эту работу потеряла, когда кафе снесли, чтобы построить административное здание. Теперь она жила в ночлежке для неудачников. Меняла там простыни и мыла сортиры. Бухала вино. Она предложила нам съехаться снова. Я предложил немножко обождать. Я только-только пытался оклематься после своей передряги.

Она вернулась к себе в комнатенку и надела лучшее платье, высокие каблуки, попыталась примарафетиться. Но в ней была какая-то ужасная печаль.

Мы взяли квинту виски и немного пива, поднялись ко мне на четвертый этаж старого многоквартирного дома. Я снял трубку и сказал, что заболел. Сел напротив Бетти. Она скрестила ноги, скинула туфли, немного посмеялась. Как в былые времена. Почти. Чего-то не хватало.

А в то время, когда сказывался больным, почтамт присылал медсестру проверить больного на месте: не в ночном ли ты клубе, не режешься ли в покер. Квартира близко от центрального участка, поэтому проверять меня им было удобно. Мы с Бетти просидели часа два, когда в дверь постучали.

— Это что?

— Все нормально, — прошептал я, — закрой рот! Снимай эти свои каблуки, иди на кухню и ни звука. МИНУТОЧКУ! — ответил я стучальщику.

Я зажег сигарету, духан перебить, подошел к двери и приоткрыл ее на щелочку. Там стояла медсестра. Та же самая. Она меня знала.

— Ну, так что с вами? — спросила она. Я выпустил облачко дыма:

— Расстройство желудка.

— Вы уверены?

— Мой ведь желудок.

— Распишитесь вот здесь, чтоб видно было — я заходила и вы были дома.

— Конечно.

Сестра боком втолкнула форму в щелочку. Я подписал. Протолкнул обратно.

— Завтра на работу выйдете?

— Откуда мне знать? Если поправлюсь — выйду, если нет — останусь.

Она гадко на меня взглянула и ушла. Я знал, что она унюхала вискач. Хватило ли крепости? Возможно, нет, слишком технично для доказательства, а может, она и смеялась, залезая в машину со своим черным саквояжиком.

— Ладно, — сказал я, — обувайся и выходи.

— Кто это был?

— Медсестра с почтамта.

— Ушла?

— Ага.

— Они так все время делают?

— До сих пор ни разу не пропустили. Давай теперь нальем по полной и хорошенько отпразднуем!

Я зашел на кухню и налил два полных. Вышел

и протянул Бетти ее стакан.

— Салуд! — сказал я.

Мы подняли стаканы повыше, чокнулись.

И тут зазвонил будильник, причем громко.

Я дернулся, будто мне выстрелили в спину. Бетти подскочила на фут, прямо вверх. Я подбежал к часам и заткнул звонок.

— Господи, — сказала она, — я чуть не уделалась со страху!

Мы оба расхохотались. Потом сели. Хорошенько выпили.

— У меня был парень, на округ работал, — сказала она. — Так там тоже инспектора отправляли, мужика, но не каждый раз, а, может, один из пяти. И вот в тот вечер пьем мы с Гарри — так его звали: Гарри. В тот вечер пью я с Гарри, и тут стук в дверь. Гарри сидит на кушетке, весь одетый. «Ох, господи Исусе!» — говорит он и прыгает в постель как есть, прямо в одежде, и натягивает покрывало. Я сую стаканы с бутылками под кровать и открываю дверь. Заходит этот мужик и садится на кушетку. А Гарри даже башмаков с носками не снял, но он весь под покрывалом. Мужик говорит: «Как ты себя чувствуешь, Гарри?» А Гарри отвечает: «Да не очень. Она вот пришла за мной ухаживать». И на меня показывает. А я там

сижу пьяная такая. «Что ж, надеюсь, ты поправишься, Гарри», — говорит инспектор и уходит. Я уверена, он заметил эти бутылки и стаканы под кроватью, и я уверена — он понял, что ноги у Гарри не настолько большие. Перетрухали мы.

— Черт, мужику житья вообще нет, правда? Вечно им надо, чтоб он за штурвалом стоял.

— Точно.

Мы еще немного покиряли, а затем отправились в постель, но как раньше уже не было, так никогда не бывает: теперь между нами было пространство, много разного произошло. Я смотрел, как она уходит в ванную, видел складки и морщины у нее под ягодицами. Бедняжка. Бедная, бедная бедняжка. Джойс была гладкой и твердой — хватал ее пятерней, и хорошо. Бетти же на ощупь была не так хороша. Грустно, грустно, грустно. Когда Бетти вернулась, мы не пели, не смеялись, мы даже не спорили. Мы сидели и пили в темноте, курили сигареты, а когда засыпали, ни я на нее ноги не складывал, как встарь, ни она на меня. Мы спали, не прикасаясь.

Нас обоих ограбили.

2

Я позвонил Джойс.

— Как там с Лиловой Булавкой?

— Я ничего не понимаю, — ответила она.

— Что он сделал, когда ты сказала, что развелась?

— Мы сидели друг напротив друга в кафетерии для сотрудников, когда я ему сказала.

— И что?

— Он уронил вилку. У него открылся рот. Он сказал: «Что?»

— Значит, он понял, что ты не шутила.

— Я не врубаюсь. С тех пор он меня избегает. Когда я вижу его в коридоре, удирает. Больше не садится за мой столик в перерыв. Он кажется… ну, почти… холодным.

— Детка, есть и другие мужики. Забудь ты про этого парня. Поднимай паруса к кому-нибудь новому.

— Его трудно забыть. В смысле, каким он был.

— А он знает, что у тебя есть деньги?

— Нет, я ему никогда не рассказывала, он не знает.

— Ну, если ты его хочешь…

— Нет, нет! Я не хочу его так!

— Ну тогда ладно. До свиданья, Джойс.

— До свиданья, Хэнк.

Вскоре я получил от нее письмо. Она вернулась в Техас. Бабуля совсем плоха, долго не протянет. Люди про меня спрашивают. И так далее. Целую, Джойс.

Я отложил письмо. Я мысленно видел того карлика: он недоумевал, где же это я облажался. Бедный трясущийся уродец, ведь он считал меня таким умным мерзавцем. Тяжело вот так вот его обломать.

3

Потом меня вызвали в отдел кадров в старое Федеральное здание. Продержали в приемной обычные 45 минут или полтора часа. Затем:

— Мистер Чинаски? — осведомился голос.

— Ну, — ответил я.

— Пройдите.

Человек подвел меня к столу. Там сидела эта женщина. Немного сексуальная на вид, годам к 38–39 плавится, но похоже, что ее половые амбиции либо отложены ради более важных дел, либо просто забыты.

— Садитесь, мистер Чинаски. Я сел.

Малышка, подумал я, вот бы я покатал тебя верхом.

— Мистер Чинаски, — сказала она, — нам неясно, должным ли образом вы заполнили бланк заявления о приеме на работу.

— А?

— Мы имеем в виду судимости.

Она протянула мне листок. В ее глазах не было секса.

Я перечислил там восемь или десять обычных пьяных приводов. То была приблизительная оценка. О точных датах я понятия не имел.

— Итак, вы всё здесь перечислили? — спросила она.

— Хммм, хммм, дайте подумать…

Я знал, чего ей хотелось. Ей хотелось, чтобы я ответил «да», и тогда бы она взяла меня в оборот.

— Сейчас-сейчас… Хммм. Хммм.

— Так? — спросила она.

— О, о! Господи!

— Что такое?

— Был еще привод либо за пьянство в автомобиле, либо за пьяное вождение. Года четыре назад или около того. Не помню точной даты.

— И вы этого просто не припомнили?

— Да, в самом деле, я не собирался утаивать.

— Хорошо. Внесите. Я вписал.

— Мистер Чинаски. У вас ужасная биография. Я хочу, чтобы вы объяснили выдвинутые против вас обвинения и, если возможно, оправдали свой настоящий найм у нас.

— Хорошо.

— На ответ вам дается десять дней.

Не так уж и нужна мне эта работа. Но баба меня раздражала.

В тот вечер я взял больничный, купил разлинованной и пронумерованной бумаги юридического формата и синюю, официальную на вид папку. Еще купил квинту виски и шестерик пива, сел и все напечатал. Под локтем у меня лежал словарь. То и дело я отслюнивал страницу, находил крупное невнятное слово и строил предложение или целый абзац на его значении. Получилось 42 страницы. Закончил я такими словами: «Копии этого заявления сохранены для распространения в прессе, на телевидении и в других средствах массовой информации».

Трепаться — так уж трепаться.

Она поднялась из-за стола и лично приняла папку.

— Мистер Чинаски?

— Да?

Было 9 утра. На следующий день после ее требования.

— Минуточку.

Она отнесла все 42 страницы к себе за стол. Она всё читала, читала и читала. Кто-то еще читал у нее из-за плеча. Потом их стало 2, 3, 4, 5. И все читали. 6, 7, 8, 9. Все читали.

Что за чертовщина? — подумал я.

Потом из толпы раздался голос:

— Что ж, все гении — пьяницы! — Как будто это что-то объясняло. Снова перебор с кино.

Она встала из-за стола, держа в руке мои 42 страницы.

— Мистер Чинаски?

— Да?

— Ваше дело будет продлено. Мы вас известим.

— А пока продолжать работать?

— А пока продолжайте работать.

— Доброго вам утра, — сказал я.

4

Однажды ночью меня перевели на табурет рядом с Бучнером. Он почту не рассовывал. Он просто сидел. И трындел.

Вошла молоденькая девчонка и села в конце прохода. Я услышал Бучнера:

— Ага, пиздявочка! Хочешь моего хуя себе в пизду, правда? Вот чего ты хочешь, мокрощелка, правда?

Я продолжал распихивать почту. Мимо прошел бугор. Бучнер сказал:

— Ты у меня в списке, мамаша! Я тебя достану, грязная мамка! Сволочь гнилая! Хуесоска!

Надзиратели Бучнера никогда не трогали. Никто никогда не трогал Бучнера. Потом я услышал его снова:

— Ладно, детка! Мне не нравится твоя рожа! Ты у меня в списке, мамка! Ты у меня вот тут, прямо первым номером! Я тебя за жопу ухвачу! Эй, я с тобой разговариваю! Ты меня слышишь?

Это уже было слишком. Я отшвырнул свою почту.

— Ладно, — сказал я, — я вызываю твою карту! Я вызываю всю твою вонючую колоду! Здесь хочешь или выйдем?

Я посмотрел на Бучнера. Тот разговаривал с потолком, безумный:

— Я же сказал тебе, ты первый номер в моем списке! Ты мне попадешься, и попадешься мне как следует!

Ох, ради всего святого, подумал я, тут я, кажется, влип по-настоящему! Сортировщики притихли. Они-то тут при чем? Я встал, сходил попить воды. Потом вернулся. Через двадцать минут поднялся на свой 10-минутный перерыв. Когда я вернулся, надзиратель меня уже ждал. Жирный негр чуть за пятьдесят. Он заорал на меня:

— ЧИНАСКИ!

— В чем дело, мужик? — спросил я.

— Вы покинули свое место дважды за тридцать минут!

— Да, в первый раз я сходил попить. Тридцать секунд. А потом я ходил на перерыв.

— А если бы вы работали у машины? От машины дважды за тридцать минут отходить нельзя!

Вся его харя блестела от злобы. Поразительно. Непостижимо.

— Я ЗАПИСЫВАЮ ВАМ ЗАМЕЧАНИЕ!

— Ладно, — сказал я.

Я пошел и сел рядом с Бучнером. Надзиратель подбежал со своим замечанием. Оно было написано от руки. Я даже не смог его прочесть. Он писал в такой ярости, что вышли одни кляксы и царапины.

Я свернул замечание в аккуратный конвертик и засунул в задний карман.

— Я убью этого сукина сына! — сказал Бучнер.

— Было бы неплохо, толстяк, — согласился я, — было бы неплохо.

5

Так и шло — 12 часов в ночь, плюс надзиратели, плюс сортировщики, плюс тот факт, что в этой банке с плотью нечем дышать, плюс черствая печеная еда в «неприбыльном» кафетерии.

Плюс ГР1. Городской Район 1. Тот мой план участка был семечками по сравнению с Городским Районом 1. Который содержал примерно треть всех городских улиц и как они разбивались на зоны по номерам. Я жил в одном из крупнейших городов в Штатах. А там улиц очень много. После него был ГР2. И ГР3. Каждый экзамен нужно было сдавать за 90 дней, три попытки на каждый, 95 процентов или лучше, 100 карточек в стеклянном ящике, восемь минут, не сдашь — и тебя отправят пробоваться на президента «Дженерал Моторс», как выразился тот мудак. Для тех, кто проходил, планы становились немножко легче — на второй или на третий раз. Но с 12-часовой ночной сменой и отмененными выходными для большинства это было чересчур. Уже из первона-

чальной группы в 150–200 человек нас оставалось 17 или 18.

— Как я могу работать по двенадцать часов в ночь, спать, есть, мыться, ездить туда и обратно, забирать стирку и покупать бензин, платить за квартиру, менять шины, делать все эти мелочи, без которых нельзя, и все-таки изучать план? — спросил я одного из инструкторов в плановом классе.

— Обходитесь без сна, — сказал он.

Я взглянул на него. Он не «Дикси» на гармошке играл. Проклятый олух говорил серьезно.

6

Я понял, что единственное время для занятий у меня — перед сном. Я всегда слишком уставал, чтобы готовить и есть завтрак, поэтому выходил и покупал высокую упаковку пива, ставил на стул у кровати, отдирал с банки крышку, хорошенько прикладывался и открывал листок с планом. К тому времени, как я приступал к третьей банке, лист выпадал у меня из рук. Больше в себя уже не вольешь. Затем я допивал пиво, сидя на кровати и разглядывая стены. С последней банкой я засыпал. А когда просыпался, времени

оставалось ровно на туалет, ванну, еду — и пора ехать обратно.

И ведь ни фига не приспосабливался, только все больше и больше уставал. Я всегда покупал свой шестерик на пути домой, а однажды утром меня по-настоящему перемкнуло. Я взобрался по лестнице (лифта в доме не было) и вставил ключ в замок. Дверь распахнулась. Кто-то сменил всю обстановку в квартире, постелил новый ковер. Нет, мебель тоже новая.

На тахте лежала женщина. Выглядела нормально. Молодая. Хорошие ноги. Блондинка.

— Здоро́во, — сказал я. — Пива хочешь?

— Привет! — ответила она. — Ладно, одно возьму.

— Мне нравится, как тут все обставили, — сказал я.

— Я сама это сделала.

— Но зачем?

— Просто мне так захотелось, — сказала она. Мы оба глотнули пива.

— Ты ничего, — сказал я. Я поставил свою банку на пол и поцеловал девку. Положил ладонь ей на колено. Хорошее у нее колено.

Потом глотнул пива еще.

— Да, — сказал я, — мне действительно нравит-

ся, как тут все стало. Мне это здорово поднимет дух.

— Это хорошо. Моему мужу тоже нравится.

— А чего ради твоему мужу… Что? Твоему мужу? Постойте, у вас какой номер квартиры?

— Триста девять.

— Триста девять? Боже святый! Я не на своем этаже! Я живу в четыреста девятой. Ваша дверь моим ключом открылась.

— Сядь, дорогуша, — сказала она.

— Нет, нет…

Я собрал четыре оставшихся пива.

— Зачем сразу срываться? — спросила она.

— Бывают ненормальные мужики, — ответил я, передвигаясь к двери.

— Это ты к чему?

— К тому, что некоторые влюблены в своих жен.

Она рассмеялась:

— Не забывай, где я.

Я закрыл дверь и поднялся еще на один пролет. Открыл свою дверь. Внутри никого. Старая и драная мебель, ковер уже почти лишился цвета. Пустые пивные банки на полу. Попал, куда нужно.

Я разделся, залез в постель один и отщелкнул

следующую банку.

7

Работая на участке Дорси, я слышал, как некоторые старики подкалывают Большого Папу Грейстона по части того, как ему пришлось купить себе магнитофон, чтобы выучить свои планы. Большой Папа начитал разбивку планов на пленку, прокручивал и слушал. Большого Папу называли Большим Папой по вполне очевидным причинам. Он трех теток в больницу отправил этой своей штукой. Теперь нашел себе плашкета. Педика по фамилии Картер. Он Картера чуть не надвое раскурочил. Картера отправили лечиться в Бостон. Мужики ржали, что Картеру пришлось отправиться аж в Бостон, поскольку на всем Западном побережье не нашлось ниток, чтоб его залатать после того, как Большой Папа его кончил. Так или иначе, я решил попробовать магнитофон. Беды мои закончились. Я могу включать его и ложиться спать. Я где-то читал, что можно учиться подсознанием во сне. Простейший вроде бы способ. Я купил машинку и пленки.

Начитал план на пленку, забрался в постель с пивом и стал слушать:

— ИТАК, ХИГГИНС ДЕЛИТСЯ НА ХАНТЕР СОРОК ДВА, МАРКЛИ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ, ХАДСОН СЕМЬДЕСЯТ ОДИН, ЭВЕРГЛЭЙДС ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ! А ТЕПЕРЬ СЛУШАЙ, СЛУШАЙ, ЧИНАСКИ, ПИТТСФИЛД ДЕЛИТСЯ НА ЭШГРОУВ ДВАДЦАТЬ ОДИН, СИММОНС ТРИДЦАТЬ ТРИ, НИДЛЗ СОРОК ШЕСТЬ! СЛУШАЙ, ЧИНАСКИ, СЛУШАЙ, УЭСТХЭЙВЕН ДЕЛИТСЯ НА ЭВЕРГРИН ОДИННАДЦАТЬ, МАРКЭМ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ, ВУДТРИ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ! ЧИНАСКИ, ВНИМАНИЕ, ЧИНАСКИ! ПАРЧБЛЕЙК ДЕЛИТСЯ…

Бесполезняк. Собственный голос меня убаюкивал. Я не мог продержаться дальше третьего пива.

Через некоторое время я уже ни магнитофона не слушал, ни планов не учил. Я просто выпивал свои шесть высоких банок пива и засыпал. Я ничего не понимал. Даже подумывал показаться психиатру. И уже мысленно представлял себе нашу встречу:

— Да, мой мальчик?

— Ну, вот так вот.

— Продолжайте. Вам нужна кушетка?

— Нет, спасибо. Я засну.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Ну, мне нужна работа.

— Это разумно.

— Но я должен выучить и сдать еще три плана, чтобы ее сохранить.

— Планы? Что это такое — «планы»?

— Это когда люди не указывают номера зон. Кто-то должен это письмо рассортировать. Значит, мы вынуждены учить листы с планами наизусть после двенадцатичасовой смены.

— И?

— Я не могу лист в руки взять. Если беру, он у меня из рук валится.

— Вы не можете выучить эти планы?

— Нет. И еще я должен раскидать сто карточек в стеклянный ящик за восемь минут, по крайней мере с точностью девяносто пять процентов, иначе меня вышибут. А работа мне нужна.

— Почему вы не можете выучить эти планы?

— Я за этим к вам и пришел. Спросить у вас. Наверное, я спятил. Но в планах все эти улицы, и делятся они совершенно по-разному. Вот посмотрите.

И протягиваю ему план, шесть страниц, сколотых сверху вместе, мелким шрифтом с обеих сторон. Он его пролистывает.

— И от вас требуется все это выучить?

— Да, доктор.

— Что ж, мальчик мой, — протягивая мне листки, — вы не сумасшедший из-за того, что вам не хочется этого учить. Я бы сказал, что вы были б ненормальным, если бы вам хотелось это выучить. С вас двадцать пять долларов.

Поэтому я проанализировал себя сам и сэкономил деньги.

Но что-то нужно было делать.

И тут я понял. На часах было 9.10 утра. Я набрал номер Федерального здания, отдел кадров.

— Мисс Грейвз. Я бы хотел поговорить с мисс Грейвз, пожалуйста.

— Алло?

Она. Сука. Я оглаживал себя, пока с ней разговаривал.

— Мисс Грейвз. Это Чинаски. Я подавал вам объяснительную по поводу обвинений в том, что у меня плохая биография. Не знаю, помните ли вы меня.

— Мы вас помним, мистер Чинаски.

— Вы что-нибудь решили?

— Пока нет. Мы вам сообщим.

— Тогда ладно. Но у меня проблема.

— Да, мистер Чинаски?

— Я сейчас изучаю гэ-эр-один. — Я сделал паузу.

— Да? — спросила она.

— И он очень сложный, я нахожу почти невозможным выучить этот план, тратить столько времени дополнительно, когда все может оказаться напрасно. В смысле, меня могут в любой момент убрать из почтовой службы. Нечестно просить меня учить этот план при таких условиях.

— Хорошо, мистер Чинаски. Я позвоню в плановый класс и отдам распоряжение снять вас с плана, пока мы не придем к решению.

— Благодарю вас, мисс Грейвз.

— Всего хорошего, — ответила она и повесила трубку.

День в самом деле был ничего. И, поласкав себя за беседой по телефону, я уже почти решил спуститься в 309-ю. Но рисковать не хотелось. Поэтому я поставил жариться яичницу с беконом и отпраздновал лишней квартой пива.

8

Потом нас осталось всего шесть или семь. Остальным ГР1 оказался не под силу.

— Как у тебя с планом продвигается, Чинаски? — спрашивали меня.

— Без особых хлопот, — отвечал я.

— Ладно, как делится Вудберн-авеню?

— Вудберн?

— Да, Вудберн.

— Слушайте, мне не нравится, когда меня достают этим барахлом, пока я работаю. Мне скучно. Не гони коней.

9

На Рождество пришла Бетти. Она запекла индюшку, и мы выпили. Бетти всегда нравились здоровые елки. Елка должна быть семи футов в высоту, половину этого в ширину и вся покрыта огоньками, лампочками, блестками, всевозможной парашей. Мы приложились к паре квинт вискача, позанимались любовью, съели индюшку, попили еще. Гвоздь в подставке для елки шатался, а сама подставка была слишком маленькой. Я все время елку поправлял. Бетти растянулась на постели, отрубилась. Я сидел на полу в одних трусах и пил. Потом вытянулся во весь рост. Закрыл глаза. Что-то меня разбудило. Я открыл глаза. Как раз в тот момент, когда громадная елка, вся в горячих лампочках, стала медленно клониться ко мне, а острая звезда на

верхушке целила в меня, словно кинжал. Я не совсем понял, что это было. Но походило на конец света. Я не мог пошевельнуться. Ветви елки обхватили меня. Я оказался под ней. Лампочки были раскалены докрасна.

— Ох, ОХ ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ! БОЖЕ МОЙ, НА ПОМОЩЬ! ГОСПОДИ! БОЖЕ! НА ПОМОЩЬ!

Меня жгли лампочки. Я перекатился влево, выбраться не смог, перекатился вправо.

— Ф-ФУХ!

Наконец я из-под нее вылез. Бетти проснулась и вскочила.

— Что такое? В чем дело?

— ЧТО, НЕ ВИДИШЬ? ТВОЯ ПРОКЛЯТАЯ ЕЛКА ПЫТАЛАСЬ МЕНЯ УКОКОШИТЬ!

— Что?

— ДА РАЗУЙ ГЛАЗА!

По всему телу у меня шли красные пятна.

— Ох, бедняжечка!

Я подошел и выдернул штепсель из розетки. Огоньки погасли. Елка умерла.

— Ох, моя бедная елочка!

— Твоя бедная елочка?

— Да, она такая красивая была!

— Утром поставлю снова. Сейчас я ей не доверяю. Я ей даю отгул до утра.

Бетти это не понравилось. Я уже видел, как назревает ссора, стало быть, подпер эту дрянь стулом и снова зажег лампочки. Если б елка обожгла ей сиськи или сраку, она б ее сразу в окно хуйнула. Наверно, я очень добрый.

Через несколько дней после Рождества я заглянул проведать Бетти. Она сидела у себя в комнате, пьяная в 8.45 утра. Выглядела не очень хорошо, да и сам я был не красавец. Похоже, чуть ли не каждый из ее постояльцев надавал ей мерзавчиков. Вино, водка, виски, скотч. Самые дешевые. В комнате было полно бутылок.

— Остолопы проклятые! Они что, совсем ни черта не соображают? Если ты всю эту дрянь выпьешь — сдохнешь!

Бетти лишь посмотрела на меня. В ее взгляде я увидел все.

У нее было двое детей, которые никогда ее не навещали, никогда не писали. Она работала уборщицей в дешевых меблирашках. Когда мы только с ней познакомились, у нее была дорогая одежда, стройные лодыжки входили в дорогие туфельки. Она раньше была тверд отел ой, почти прекрасной. Дикоглазой. Смеялась. Сбегала от богатого мужа, потом развелась с ним, а ему суждено было погибнуть в автокатастрофе, пьяному,

сгореть заживо в Коннектикуте. «Ты ее никогда не укротишь», — говорили мне.

И вот теперь… Но мне помогали другие.

— Слушай, — сказал я, — я должен забрать у тебя все это. Я хочу сказать, что я тебе буду отдавать по бутылке время от времени. Я их сам пить не стану.

— Оставь бутылки, — произнесла Бетти. Она не взглянула на меня. Комната ее находилась на самом верхнем этаже, и она сидела в кресле у окна, смотрела, как по утренней улице едут машины.

Я подошел:

— Послушай, я с ног валюсь. Мне надо ехать. Но ради бога, полегче ты с этой дрянью!

— Конечно, — ответила она.

Я нагнулся и поцеловал ее на прощанье.

Недели полторы спустя я снова заехал. На мой стук никто не ответил.

— Бетти! Бетти! Ты как?

Я повернул ручку. Дверь была незаперта. Разворошенная постель. На простыне ржавело громадное кровавое пятно.

— Ох, блядь! — сказал я и огляделся. Все бутылки пропали.

Я обернулся. Пожилая француженка, владелица меблирашек. Стоит в дверях.

— Она в окружной больнице. Ей было очень плохо. Вчера ночью я вызвала «скорую помощь».

— Она выпила всю эту дрянь?

— Ей помогли.

Я сбежал вниз по лестнице и прыгнул в машину. Оказался в больнице. Я хорошо знал это место. Мне сказали номер палаты.

В крошечной комнатке стояло три или четыре кровати. На одной напротив меня сидела женщина, жевала яблоко и смеялась с двумя посетительницами. Я задернул шторку вокруг кровати Бетти, сел на табурет, склонился над ней.

— Бетти! Бетти!

Я дотронулся до ее руки.

— Бетти!

Ее глаза открылись. Они снова были прекрасны. Ярко, спокойно синие.

— Я знала, что это будешь ты, — проговорила она. И закрыла глаза снова. Губы у нее потрескались.

В левом уголке рта запеклась желтоватая слюна. Я взял влажную салфетку и вытер. Я умыл ей лицо, руки и шею. Взял еще одну салфетку и выжал капельку воды ей на язык. Потом еще чуть-чуть. Смочил ей губы. Поправил волосы. Я

слышал, как за шторками смеялись женщины.

— Бетти, Бетти, Бетти. Прошу тебя, попей водички, всего один глоточек, не очень много, один глоточек.

Она не отвечала. Я пытался напоить ее 10 минут. Никак.

В уголках рта снова выступила слюна. Я ее стер.

Потом поднялся и отодвинул шторку. Посмотрел на трех женщин.

Я вышел и обратился к сестре за конторкой.

— Послушайте, почему ничего не делают той женщине в сорок пять-вэ? Бетти Уильяме?

— Мы делаем все, что можем, сэр.

— Но там никого нет.

— Мы проводим регулярные обходы.

— Но где же врачи? Я не вижу ваших врачей.

— Врач ее смотрел, сэр.

— Почему вы просто бросили ее там?

— Мы делаем все, что можем, сэр.

— СЭР! СЭР! СЭР! ХВАТИТ МНЕ СЭРКАТЬ, А? Да спорим, если б на ее месте был президент, или губернатор, или мэр, или какой другой богатый ублюдок, в палате от докторов бы не продохнуть было, и они бы что-нибудь делали! Почему вы просто даете им умереть? Разве грех быть бед-

ным?

— Я уже сказала вам, сэр, мы сделали ВСЕ, что могли.

— Я вернусь через два часа.

— Вы ее муж?

— Я раньше был ее гражданским мужем.

— Можно записать ваше имя и номер телефона? Я продиктовал и поспешил наружу.

10

Похороны назначили на 10.30 утра, но уже припекало. На мне был дешевый черный костюм, купленный и подогнанный в спешке. Мой первый новый костюм за много лет. Я отыскал сына. Мы ехали в его новом «мерседес-бенце». Я вышел на его след по клочку бумаги с адресом его тестя. Два междугородных звонка — и он у меня в руках. К тому времени, как он приехал, его мать умерла. Она умерла, пока я звонил. Этот парень, Ларри, никогда не вписывался в общество. У него была привычка угонять машины друзей, но в промежутке между друзьями и судьей ему все сходило с рук. Потом его зацапала армия, и ему как-то удалось пролезть в учебную программу, поэтому он, когда демобилизовался, попал на хорошо оплачи-

ваемую работу. И тут-то перестал навещать мать — когда получил хорошую работу.

— Где твоя сестра? — спросил я.

— Не знаю.

— Хорошая у тебя машина. Даже мотора не слышно.

Ларри улыбнулся. Ему понравилось.

На похоронах нас было всего трое: сын, любовник и недоразвитая сестра хозяйки меблирашек. Ее звали Марша. Марша никогда не раскрывала рта. Она просто сидела с бессмысленной улыбкой на губах. Кожа у нее была белая, как эмаль. На голове — копна мертвых желтых волос и плохо сидящая шляпка. Маршу сюда вместо себя отправила хозяйка. Самой ей нужно было присматривать за меблирашками.

Разумеется, я был с очень мерзкого похмелья. Мы остановились хлебнуть кофе.

Похороны уже шли не так, как полагалось. Ларри поругался с католическим священником. Тот сомневался, была ли Бетти ревностной католичкой, и не хотел проводить службу. Наконец решили, что он отслужит половину. Ладно, полслужбы лучше, чем вообще никакой.

Даже с цветами получился косяк. Я купил венок из роз, из разных роз, и их сплели в венок.

Цветочная лавка полдня его плела. Барышня из цветочной лавки знала Бетти. Они вместе пили несколько лет назад, когда у нас с Бетти были дом и собака. Делси звали барышню. Мне всегда хотелось забраться к Делси в трусики, но так и не удалось.

Делси позвонила мне.

— Хэнк, да что там такое с этими гадами?

— С какими гадами?

— С этими, в похоронном бюро?

— В чем дело?

— Ну, я отправила мальчишку на грузовике отвезти твой венок, а они не хотели его впускать. Сказали, что закрыто. Сам знаешь, туда путь не близкий.

— И что, Делси?

— Наконец они разрешили ему занести венок, но не дали положить его в холодильник. Поэтому мальчишке пришлось оставить венок внутри. Что за херня творится с этими людьми?

— Не знаю. Что за херня с людьми повсюду?

— Я не смогу приехать на похороны. У тебя все нормально, Хэнк?

— А может, приедешь меня утешить?

— Придется Пола взять с собой. Пол был ее мужем.

— Ладно, не стоит.

И вот мы ехали на половину похорон. Ларри поднял голову от кофе.

— Я напишу вам про памятник попозже. У меня сейчас больше денег нет.

— Хорошо, — ответил я.

Ларри расплатился за кофе, мы вышли и влезли в «мерседес-бенц».

— Постой минутку, — сказал я.

— Что такое? — спросил Ларри.

— Мне кажется, мы кое-что забыли. Я вернулся в кафе.

— Марша.

Та по-прежнему сидела за столиком.

— Мы уезжаем, Марша.

Она поднялась и пошла за мной к выходу.

Священник читал свою муру. Я не слушал. Стоял гроб. В гробу лежало то, что раньше было Бетти. Стояла жара. Солнце опускалось одной желтой простыней. Вокруг летала муха. На половине полупохорон явились двое парней в робах. Они несли мой венок. Розы завяли, завяли и умерли на жаре, и парни прислонили эту штуку к ближнему дереву. Под конец службы мой венок наклонился и упал лицом вниз. Никто его не поднял. Затем все кончилось. Я подошел к священнику и пожал

ему руку:

— Спасибо.

Тот улыбнулся. Улыбались теперь двое: священник и Марша.

На въезде в город Ларри снова сказал:

— Я напишу вам про памятник. Я до сих пор жду этого письма.

11

Я поднялся к себе в 409-ю, выпил скотча пополам с водой, вытащил из верхнего ящика немного денег, спустился по лестнице, сел в машину и поехал на бега. Подъехал как раз к первому заезду, но играть не стал, поскольку не успел почитать программу.

Я пошел в бар выпить и увидел, как мимо проходит эта высокая квартеронка в старом плаще. Одета неважно, да я и сам не лучше — вот и позвал ее, негромко, но так, чтоб услышала:

— Ви, малышка.

Она остановилась, подошла.

— Привет, Хэнк. Как дела?

Я знал ее по центральному почтамту. Она работала на другом участке, возле поилки, но казалась дружелюбнее прочих.

— Тоска. Третьи похороны за два года. Сначала мама, потом отец. Сегодня — одна старая подруга.

Она что-то себе заказала. Я открыл программу.

— Давай посмотрим второй заезд.

Она подошла и оперлась на меня кучей ноги и груди. Под этим плащом что-то было. Я всегда ищу непубличную лошадь, которая может обставить фаворита. Если же нахожу, что фаворита обойти никто не может, ставлю на фаворита.

После тех двух похорон я приходил на бега и выигрывал. Что-то есть такое в похоронах. От них лучше разные вещи видишь. Каждый день бы похороны — глядишь, и разбогател бы.

6-я лошадь на голову уступила фавориту в забеге на милю. Фаворит обошел 6-ю после форы в два корпуса на начале отрезка. 6-я котировалась 35/1. Фаворит в этом забеге шел 9/2. Оба оплачивались в одном классе. Фаворит набрал 2 фунта, 118 вместо 116. 6-я по-прежнему несла 116, но они поменяли жокея на менее популярного, к тому же дистанция — миля и одна 16-я. Толпа прикинула, что если фаворит нагонит 6-ю на миле, то на оставшейся 1/16-й мили уж точно поймает. Логично, кажется. Но бега не подчиняются логике. Тренеры вводят своих лошадей в

неблагоприятных, казалось бы, условиях, чтобы деньги публики на лошади не залипали. Смена дистанции плюс замена на менее популярного жокея — все указывало на галоп к хорошей цене. Я посмотрел на табло. Утренняя строка была 5. Сейчас табло гласило 7 к 1.

— Шестая лошадь, — сказал я Ви.

— Не-а, вылетит, — ответила та.

— Ага, — сказал я, пошел и поставил 10 на победителя, на 6-ю.

6-я взяла форы от самых ворот, впритирку прошла заграждение на первом повороте, а потом под легким поводом ушла вперед на корпус с четвертью на обратном отрезке. Весь табун — за ней. Они думали, что 6-я поведет их на повороте, затем откроется в начале отрезка и тут они наступят ей на пятки. Стандартная процедура. Но тренер дал жокею совершенно другие инструкции. В начале поворота парень отпустил тетиву, и лошадь прыгнула вперед. Другие жокеи не успели еще и в седла сесть, а 6-я уже гнала на четыре корпуса впереди. В начале отрезка этот дал лошадке чуть-чуть продышаться, оглянулся, а затем снова вжарил. Вроде вылезаю. Тут фаворит, 9/5, оторвался от стаи — ну и двигался же этот сукин сын. Корпуса просто пожирал, гнал

и гнал вперед. Похоже, он собирался и мою лошадку проскочить. Фаворитом была 2-я лошадь. На середине отрезка 2-я отставала от 6-й всего на полкорпуса, и тут парень на 6-й пустил в дело хлыст. А мальчонка на 2-й пустил его в ход уже давно. Так они и прошли остаток отрезка, в полкорпусе друг от друга, так и пришли к финишу. Я посмотрел на табло. Моя лошадь поднялась до 8 к 1. Мы снова пошли в бар.

— Лучшая лошадь этот заезд не выиграла, — сказала Ви.

— А мне все равно, кто лучший. Мне нужен только передний номер. Заказывай.

Мы заказали.

— Ладно, грамотей. Посмотрим, как ты следующую получишь.

— Говорю же тебе, малышка, я после похорон — сам дьявол.

Она прислонила ко мне всю эту свою ногу с грудью. Я пригубил скотча и развернул программу. Третий заезд.

Я просмотрел весь список. В тот день они просто собирались прикончить толпу. Торопыжка только что выиграла, поэтому теперь толпа просекла, какая лошадь скоростная, и плевать хотела на остальных бегунов на отрезке. Памяти

у толпы хватает только на один заезд. Отчасти из-за 25-минутного перерыва. Они умеют думать лишь о том, что произошло только что.

Третий заезд был на 6 фарлонгов.[29] Теперь скоростная лошадь, торопыжка, стала фаворитом. Она на волосок проиграла свой последний заезд на семь фарлонгов, держась впереди весь отрезок и сдав только в последнем рывке. 8-я лошадь финишировала резко. Пришла третьей, в полутора корпусах позади фаворита, замыкая два корпуса на отрезке. Толпа прикинула, что если 8-я не нагнала фаворита на семи фарлонгах, то как, к чертям собачьим, она сможет его нагнать, если фарлонгов будет на один меньше? Толпа всегда уходила домой, продувшись в пух и прах. Лошади, выигравшей заезд на семь фарлонгов, в сегодняшних скачках не было.

— Восьмая лошадь, — сказал я Ви.

— Слишком маленькая дистанция. Не успеет разогнаться, — ответила Ви.

8-я лошадь стояла 6-й на линии и шла как 9.

Я забрал выигрыш с предыдущего заезда, поставил 10 на победителя, на 8-ю лошадь. Если

---

[29] notes: 29

Фарлонг — мера длины, используемая обычно на скачках, 201,17 м, восьмая часть мили. Название происходит от стандартной длины борозды на общинном поле.

ставишь слишком уж по-крупному, твоя лошадь проиграет. Или сам передумаешь и слезешь со своей лошади. А десять на победителя — славная удобная ставка.

Фаворит выглядел хорошо. Он вышел из ворот первым, прижался к ограде и оторвался на два корпуса. 8-я бежала широко, предпоследней, постепенно тоже приближаясь к ограде. В начале отрезка фаворит по-прежнему смотрелся неплохо. Паренек взялся за 8-ю лошадь, которая теперь шла пятой, широко, дал ей попробовать хлыста. Тут фаворит замельчил шаг. Сделал первую четверть за 22 и 4/5, но и на середине отрезка фора в два корпуса у него по-прежнему оставалась. И тут 8-я лошадь просто пронеслась мимо, с ветерком — и выиграла два с половиной корпуса. Я посмотрел на табло. Там по-прежнему значилось 9 к 1.

Мы вернулись в бар. Ви по-настоящему возлегла на меня всем телом.

Я выиграл три из последних пяти заездов. В те годы заездов было всего восемь вместо девяти. Как бы то ни было, и восьми на один день хватит. Я купил парочку сигар, и мы сели ко мне в машину. Ви приехала сюда на автобусе. Я остановился за квинтой, потом мы поехали ко мне.

12

Ви огляделась.

— И что же такой парень делает в таком месте?

— Об этом меня все девки спрашивают.

— Крысиная дыра у тебя тут.

— Не дает зазнаться.

— Поехали ко мне.

— Поехали.

Мы влезли в машину, и Ви сказала мне, где живет. Мы остановились купить пару больших бифштексов, овощей, фигни для салата, картошки, хлеба и еще выпить.

В вестибюле ее многоквартирного дома висела табличка:

ГРОМКИЙ ШУМ ИЛИ БЕСПОКОЙСТВО ЛЮБОГО РОДА ВОСПРЕЩАЮТСЯ.

ТЕЛЕВИЗОРЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЫКЛЮЧЕНЫ В 22.00.

ЗДЕСЬ ЖИВУТ РАБОЧИЕ ЛЮДИ.

Большая табличка, красной краской.

— Мне нравится про телевизоры, — сказал я.

Мы поднялись на лифте. У нее действительно была славная квартирка. Я внес пакеты в кухню, нашел два стакана, разлил на двоих.

— Вытаскивай барахло. Я сейчас вернусь.

Я вытащил барахло, разложил его на раковине. Выпил еще. Вернулась Ви. Вся прикинутая. Сережки, высокие каблуки, коротенькая юбка. Нормально выглядит. Коренастая. Но хорошая задница и бедра, груди. Крутая кобылка.

— Здрасьте, — сказал я, — я — приятель Ви. Она сказала, что сейчас вернется. Выпить хотите?

Она рассмеялась, и тут я сграбастал все это большое тело и вправил ей поцелуй. Ее губы холодны были, как алмазы, но на вкус хорошие.

— Я проголодалась, — сказала она. — Давай приготовлю!

— Я тоже проголодался. Я съем тебя!

Она засмеялась. Я коротко поцеловал ее, прихватив за жопу. Потом вышел в переднюю комнату со стаканом в руке, сел, вытянул ноги, вздохнул.

Я мог бы здесь остаться, подумал я, деньги за-

рабатывать на скачках, а она будет нянчиться со мной в плохие минуты, втирать мне масло в мослы, готовить для меня, разговаривать со мной, ложиться со мною в постель. Конечно, ссоры будут всегда. Такова природа Женщины. Им нравится взаимный обмен грязным бельем, чуточку ора, немного драматизма. Затем — обмен заверениями. У меня обмен заверениями получается неважно.

Я начал улетать. В уме я уже переехал.

У Ви все кипело. Она вышла со своим стаканом, села мне на колени, поцеловала, вложив язык мне в рот. Мой хуй напрягся и уперся ей в твердую задницу. Я сжал ее в горсти. Даже стиснул.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала она.

— Я знаю, что хочешь, но давай подождем с часик после ужина.

— Ой, я не про это.

Я дотянулся и дал ей языка. Ви слезла с колен.

— Нет, я хочу показать тебе фотографию моей дочери. Она в Детройте с моей мамой. Но приедет сюда осенью в школу.

— Сколько ей?

— Шесть.

— А отец?

— Я развелась с Роем. Сукин сын никуда не

годился. Только кирял да играл на скачках.

— О?

Она вынесла фотографию, вложила мне в руку. Я попытался что-нибудь там различить. Фон был темным.

— Слушай, Ви, она очень черная! Черт, у тебя что, соображения не хватило сфотографировать ее на светлом фоне?

— Это у нее от отца. Черный доминирует.

— Ага, оно и видно.

— Это снимала моя мама.

— Я уверен, что у тебя хорошая дочь.

— Да, она правда очень хорошая.

Ви поставила фотографию на место и ушла в кухню.

Вечное фото! Женщины с их фотографиями. Одно и то же, снова и снова. Ви стояла в дверях кухни.

— Не пей слишком много! Ты знаешь, что нам предстоит!

— Не волнуйся, малышка, у меня для тебя кое-что есть. А пока принеси-ка мне выпить! У меня был трудный день. Половину скотча, половину воды.

— Сам себе наливай, крутой нашелся. Я вертанулся в кресле, включил телик.

— Если хочешь еще один хороший день на скачках, женщина, лучше принеси мистеру Крутому выпить. И немедленно!

Ви наконец поставила на мою лошадь в последнем заезде. Ставка была 5/1 на лошадь, которая не показывала приличных результатов уже два года. Я поставил на нее просто потому, что шло 5/1, когда надо было 20. Лошадь выиграла 6 корпусов, без напряга. Они эту крошку нашпиговали от сраки до ноздрей.

Я поднял глаза — из-за плеча у меня тянулась рука со стаканом.

— Спасибо, малышка.

— Да, мой повелитель, — рассмеялась она.

13

В постели передо мной что-то маячило, но сделать с ним я ничего не мог. Лишь пыхтел, пыхтел и пыхтел. Ви была очень терпелива. Я все старался и колбасил, но выпито оказалось слишком много.

— Прости, малышка, — сказал я. Потом скатился. И уснул.

Затем меня что-то разбудило. Ви. Она меня раскочегарила и теперь скакала сверху.

— Давай, малышка, давай! — сказал я.

Время от времени я выгибал дугой спину. Ви смотрела на меня сверху маленькими жадными глазками. Меня насиловала верховная квартеронская чародейка! На какой-то миг это меня возбудило.

Затем я ей сказал:

— Черт. Слезай, малышка. У меня был долгий тяжелый день. Настанет время и получше.

Она сползла. Елда опала, как скоростной лифт.

14

Утром я слышал, как она ходит. Она все ходила, ходила и ходила.

Примерно 10.30. Мне было худо. Я не хотел сталкиваться с ней. Еще пятнадцать минут. Потом свалю.

Она потрясла меня:

— Слушай, я хочу, чтобы ты ушел, пока не заявилась моя подруга!

— И что? И ее оттопырю.

— Ага, — засмеялась она, — ну да.

Я встал. Закашлялся, подавился. Медленно влез в одежду.

— От тебя чувствуешь себя тряпкой, — сказал

я. — Не может быть, что я такой плохой! Должно же во мне быть хоть что-то хорошее.

Я наконец оделся. Сходил в ванную и плеснул в лицо воды, причесался. Если б и лицо тоже можно было причесать, подумал я, да вот никак.

Я вышел.

— Ви.

— Да?

— Не злись слишком сильно. Дело не в тебе. Дело в кире. Так уже было раньше.

— Ладно, тогда тебе не следует столько пить. Ни одной женщине не нравится, если ее после бутылки ставят.

— Чего ж ты на меня тогда ставила?

— Ох, прекрати!

— Послушай, тебе деньги нужны, малышка?

Я потянулся за бумажником и извлек двадцатку. Протянул ей.

— Боже, какой ты милый в самом деле! Рукой она провела мне по щеке, нежно поцеловала в уголок рта.

— Веди машину осторожнее.

— Конечно, малышка.

Я вел машину осторожнее — до самого ипподрома.

15

Меня притащили в кабинет советника в одну из задних комнаток второго этажа.

— Ну-ка, посмотрим, как ты выглядишь, Чинаски. Он оглядел меня.

— Ой! Ты плохо выглядишь. Я лучше таблетку приму.

И точно — открыл пузырек и проглотил таблетку.

— Ладно, мистер Чинаски, нам бы хотелось знать, где вы были последние два дня?

— В трауре.

— В трауре? В трауре по чему?

— Похороны. Старый друг. Один день — упаковать труп. Другой — помянуть.

— Но вы не позвонили, мистер Чинаски.

— Н-да.

— А я хочу вам кое-что сказать, Чинаски, не для протокола.

— Валяйте.

— Когда вы не звоните, знаете, что вы этим говорите?

— Нет.

— Мистер Чинаски, вы говорите: «На хуй этот

почтамт!»

— Правда?

— И, мистер Чинаски, вы знаете, что это значит?

— Нет, что это значит?

— Это значит, мистер Чинаски, что почтамт пошлет на хуй вас!

Тут он откинулся назад и посмотрел на меня.

— Мистер Фезерс, — сказал я ему, — вы можете идти к черту.

— Не залупайся, Генри. Я могу устроить тебе веселую жизнь.

— Просьба обращаться на вы и называть меня полным именем, сэр. Я прошу элементарного уважения.

— Вы просите у меня уважения, но…

— Правильно. Мы знаем, где вы оставляете машину, мистер Фезерс.

— Что? Это угроза?

— Черные меня здесь любят, Фезерс. Я их одурачил.

— Черные вас любят?

— Они дают мне попить. Я даже ебу их женщин. Ну, пытаюсь.

— Хорошо. Это выходит из-под контроля. Просьба вернуться на свое рабочее место.

Он протянул мне повестку. Забеспокоился, бедняга. Не одурачивал я черных. Никого я не одурачивал, кроме Фезерса. На его месте любой бы забеспокоился. Одного надзирателя столкнули с лестницы. Другому располосовали задницу. Третьего ткнули ножом в живот, пока он ждал зеленого сигнала светофора, чтобы перейти улицу в 3 часа ночи. Перед самым центральным участком. Мы его больше не видели.

Фезерс вскоре после нашего разговора перевелся из центрального почтамта. Точно не знаю куда. Но подальше.

16

Однажды утром, часов в 10, зазвонил телефон:

— Мистер Чинаски?

Я узнал голос и начал обласкивать себя.

— Умммм, — ответил я.

Это была мисс Грейвз, сука та.

— Вы спали?

— Да, да, мисс Грейвз, но продолжайте. Все в порядке, все в порядке.

— Что ж, вы получили допуск.

— Уммм, уммм.

— Следовательно, мы уведомили плановый

класс.

— Уммхмм.

— И вам надлежит сдать свой гэ-эр-один через две недели, начиная с сегодняшнего дня.

— Что? Погодите минуточку…

— Это все, мистер Чинаски. Приятного вам дня. Она повесила трубку.

17

Ладно, я взял план и стал связывать все с сексом и возрастом. Тут этот парень живет в этом доме с тремя бабами. Одну он хлещет ремнем (ее имя — название улицы, а возраст — номер сектора); другую вылизывает (то же), а третью шворит по старинке (то же). А тут — все эти пидарасы, и одному из них (его зовут Манфред-Авеню) 33 года… и т. д., и т. п.

Я уверен, меня бы до стеклянной клетки просто не допустили, если б знали, о чем я думал, глядя на эти карточки. Все они были мне как старые друзья.

Все равно, однако, некоторые из моих оргий перемешались. В первый раз я выкинул 94.

Через десять дней, когда вернулся, я уже твердо знал, кто из них что кому делает.

Я раскидал все 100 процентов за пять минут.

И получил официальное письмо с поздравлениями от Городского Почтмейстера.

18

Вскоре после этого меня ввели в штат, что давало мне восемь часов ночной смены, а это гораздо лучше двенадцати, и оплаченный отпуск. Из 150 или 200 человек, что пришли сюда в первый раз, нас осталось только двое.

Потом я познакомился на почте с Дэвидом Дженко. Молодой, белый, чуть за двадцать. Я совершил ошибку и заговорил с ним — что-то насчет классической музыки. Случилось так, что я торчал на классической музыке, поскольку это единственное, что я мог слушать, когда пил пиво в постели рано утром. Если ее слушать каждое утро, что-нибудь да запомнишь. А когда Джойс развелась со мной, я по ошибке упаковал два тома «Жизнеописаний классических и современных композиторов» в один из своих чемоданов. Жизнь большинства этих людей была такой мукой, что я читал о них с удовольствием и думал: что ж, я тоже в аду, а музыку сочинять даже не умею.

Но я распустил язык. Дженко с каким-то еще

мужиком спорили, а я уладил их спор, сообщив дату рождения Бетховена, когда он написал Третью симфонию, а также обобщенное (хоть и смутное) представление о том, что о Третьей говорили критики.

Для Дженко это было слишком. Он немедленно принял меня за ученого человека. Усевшись на табуретку рядом со мной, он начал стонать и кряхтеть, одну долгую ночь за другой, о страдании, захороненном в глубине его терзаемой и обозленной души. У него был ужасно громкий голос, и он хотел, чтоб его слышали все. Я раскидывал письма, я слушал, слушал и слушал, думая: что же мне теперь делать? Как заставить этого несчастного безумного ублюдка заткнуться?

Каждую ночь я шел домой, и меня подташнивало и кружилась голова. Он убивал меня звуком своего голоса.

19

Я начинал в 18.18, а Дейв Дженко приходил на работу только к 22.36 — могло быть и хуже. Уходя в 22.06 на тридцатиминутный обеденный перерыв, я обычно возвращался к тому времени, как он уже приходил. Заходил он и сразу начинал

искать табурет рядом с моим. Дженко изображал себя великим мыслителем, а также разыгрывал великого любовника. По его словам, прекрасные молодые женщины ловили его в вестибюлях, преследовали на улицах. Не давали ему роздыху, бедняге. Но я ни разу не видел, чтобы он заговаривал с женщинами на работе — да и они с ним не общались. И вот он входил:

— ЭЙ, ХЭНК! ЧУВАК, НУ И ОТСОСАЛИ МНЕ СЕГОДНЯ В НАТУРЕ!

Он не говорил — он орал. Он орал всю ночь напролет.

— ГОСПОДИ ТЫ БОЖЕ МОЙ, ОНА МЕНЯ ЧУТЬ НЕ СЪЕЛА! ДА ТАКАЯ МОЛОДАЯ! НО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОФИ!

Я зажигал сигарету.

Затем вынужден был выслушать, как он ее встретил:

— ХЛЕБА НАДО БЫЛО КУПИТЬ, ПОНЯЛ! Затем — до последней подробности — что она сказала, что он ответил, что они делали, и т. д.

В то время вышел закон, чтобы почтамт платил подменным сортировщикам полторы ставки. Поэтому все сверхурочные почтамт перекинул на штатных работников.

За восемь или десять минут до конца моей

обычной смены в 2.48 включался интерком:

— Прошу внимания! Всем штатным сортировщикам, прибывшим на работу в 18.18, требуется задержаться на час сверхурочно!

Дженко улыбался, гнулся вперед и вливал в меня еще своего яда.

Затем, за восемь или десять минут до окончания моего девятого часа, интерком включался снова:

— Прошу внимания! Всем штатным сортировщикам, прибывшим на работу в 18.18, требуется задержаться на два часа сверхурочно!

Затем, за восемь минут до моего 10-го часа:

— Прошу внимания! Всем штатным сортировщикам, прибывшим на работу в 18.18, требуется задержаться на три часа сверхурочно!

А тем временем Дженко не закрывал рта:

— СИЖУ Я В ЭТОЙ АПТЕКЕ, ПОНИМАЕШЬ? ВХОДЯТ ДВЕ КЛАССНЫЕ ДЕВКИ. САДЯТСЯ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОТ МЕНЯ…

Мальчишка меня добивал, но я не мог найти выхода. Я вспоминал остальные места, где работал. Везде ко мне прибивался какой-нибудь псих. Я им нравился.

Затем Дженко вывалил на меня свой роман. Печатать он не умел, поэтому дрянь эту напечатала

ему профессиональная машинистка. Роман был переплетен в причудливую черную кожаную тетрадь. Название очень романтичное.

— СКАЖЕШЬ ПОТОМ, ЧТО ТЫ ОБ ЭТОМ ДУМАЕШЬ, — сказал он.

— Ага, — ответил я.

20

Я взял роман домой, открыл пиво, залез в постель и приступил.

Начиналось хорошо. О том, как Дженко жил по всяким комнатушкам и голодал, пытаясь найти работу. У него не получалось с агентствами по найму. И тут встретил в баре парня — тот показался ему весьма ученым типом, — но этот друг постоянно занимал у него деньги и так никогда и не отдал.

Честно пишет.

Может, я недооценил этого человека, подумал я.

Я все надеялся на него, пока читал. А потом весь его роман развалился. Почему-то стоило ему начать писать о почтамте, как вся эта штука утратила реальность.

Роман становился все хуже и хуже. Закончи-

лось все тем, как он пришел в оперу. Антракт. Он выходит из зала, чтобы не видеть неотесанную и глупую толпу. Тут я был за него. Когда он огибал столб в фойе, все и случилось. Очень быстро. Он столкнулся с культурной, изысканной, прекрасной дамочкой. Чуть не сшиб ее с ног.

Диалог звучал примерно так:

— Ох, простите, бога ради!

— Все в порядке…

— Я не хотел… понимаете… извините!..

— О, уверяю вас, все в порядке!

— Но понимаете, в смысле, я вас не видел… я не нарочно…

— Все в порядке. Все в полном порядке… Диалог по поводу столкновения продолжался полторы страницы.

Бедный мальчонка был поистине безумен.

Оказалось, что эта баба, хоть и бродила вокруг столбов в одиночку, ну, на самом деле она замужем за этим врачом, но эскулап не врубается в оперу и даже, собственно говоря, плевать хотел на такие простейшие вещи, как «Болеро» Равеля.

Или даже «Танец с треуголками» де Фальи.[30] Тут я был на стороне доктора.

С момента столкновения этих двух подлинно чувствительных душ что-то начало развиваться. Они встречались на концертах, а после наскоряк перепихивались. (Это скорее подразумевалось, нежели утверждалось, — оба были слишком тонки для того, чтобы просто ебатъся.)

Короче, роман закончился. Несчастное прекрасное существо любило своего мужа, и нашего героя (Дженко) оно тоже любило. Оно не знало, что делать, и поэтому, разумеется, покончило с собой. Оставило обоих — и врача, и Дженко — стоять поодиночке у себя в ванных.

Я сказал парню:

— Начинается хорошо. Но тебе нужно выкинуть этот диалог про столкновение за столбом. Он очень плох…

— НЕТ! ВСЕ ОСТАЕТСЯ КАК ЕСТЬ!

Шли месяцы, и роман все время возвращался ко мне.

---

[30] notes: 30

Жозеф Морис Равель (1875–1937) — французский композитор; «Болеро» (1928) — одно из самых известных его произведений. Мануэль де Фалья (1876–1946) — испанский композитор и пианист; «Танец с треуголками» — танцевальная композиция из его балета «Треуголка» (1919).

— ГОСПОДИ БОЖЕ! — говорил Дженко. — Я ДАЖЕ НЕ МОГУ ПОЕХАТЬ В НЬЮ-ЙОРК ПОЖАТЬ РУКИ ИЗДАТЕЛЯМ!

— Слушай, парень, может, бросишь тупорыловку? Запрись в комнатенке и пиши. Работай.

— ЭТО ТАКОЙ, КАК ТЫ, МОЖЕТ СДЕЛАТЬ, — говорил он, — ПОТОМУ ЧТО ТЫ ПОХОЖ НА АЛКАША. ТЕБЯ БЕРУТ, ПОСКОЛЬКУ СЧИТАЮТ, ЧТО ТЫ НИГДЕ БОЛЬШЕ НЕ НАЙДЕШЬ РАБОТУ, И ПОЭТОМУ ОСТАНЕШЬСЯ. А МЕНЯ НЕ БЕРУТ, ПОТОМУ ЧТО СМОТРЯТ НА МЕНЯ, ВИДЯТ, КАКОЙ Я ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ, И ДУМАЮТ: НУ, ТАКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК У НАС НЕ ЗАДЕРЖИТСЯ, НЕТ СМЫСЛА И НАНИМАТЬ.

— И все равно я считаю: запрись и пиши.

— НО МНЕ НУЖНА УВЕРЕННОСТЬ!

— Хорошо, что некоторые другие так не думали. Хорошо, что так не думал Ван Гог.

— ВАН ГОГУ БРАТ ДАВАЛ БЕСПЛАТНО КРАСКИ![31] — ответил мне парнишка.

---

[31] notes: 31

Винсент Ван Гог (1853–1890) — голландский художник. При жизни была продана только одна картина Ван Гога, его содержал брат Тео.

Часть 4
1

Потом я разработал на скачках новую систему. Я снимал там по 3000 долларов за полтора месяца, а ездил всего два-три раза в неделю. Я начал мечтать. Я уже видел маленький домик у моря. Видел себя в хорошей одежде, спокойного, встаю по утрам, сажусь в свою импортную машину, неторопливо и расслабленно еду на бега. Видел праздные обеды с бифштексами, предваряемые и завершаемые хорошими охлажденными напитками в разноцветных бокалах. Большие чаевые. Сигара. И по мере надобности — женщины. Очень легко впасть в такие мысли, если из кассового окошечка тебе протягивают такие большие купюры. Когда за один забег на шесть фар лонгов, скажем, за минуту и девять секунд зарабатываешь столько же, сколько за месяц.

И вот я стоял в кабинете начальника смены. Тот сидел за столом. У меня была сигара во рту, а изо рта пахло виски. Я чувствовал себя при деньгах. Я выглядел при деньгах.

— Мистер Уинтерс, — сказал я, — почтамт отно-

сился ко мне хорошо. Но у меня возникли деловые интересы на стороне, о которых просто-напросто надо позаботиться. Если вы не можете дать мне отпуск, я вынужден буду уволиться.

— Разве я уже не предоставлял вам отпуска в этом году, Чинаски?

— Нет, мистер Уинтерс, вы отклонили мое прошение на отпуск. На этот раз не может быть никаких отказов. Иначе я уволюсь.

— Хорошо, заполняйте бланк, я подпишу. Но я могу дать вам лишь девяносто рабочих дней.

— Я их возьму, — ответил я, выдыхая длинный шлейф голубого дыма своей дорогой сигары.

2

Ипподром переехал вниз по побережью на сотню миль или около того. Я продолжал платить за квартиру в городе, садился в машину и ехал. Раз или два в неделю возвращался в городскую квартиру, смотрел почту, может, оставался переночевать, затем ехал обратно.

То была хорошая жизнь, и я начал выигрывать. Каждый вечер после последнего заезда я выпивал парочку легких в баре, давал хорошие чаевые бармену. Похоже на новую жизнь. Я не

мог облажаться.

Однажды я даже не стал смотреть последний заезд. Пошел прямо в бар.

Пятьдесят долларов на победителя было моей стандартной ставкой. После того как некоторое время ставишь 50 на победителя, такое чувство, будто ставишь пять или 10.

— Скотч с водой, — сказал я бармену. — Этот я, наверное, послушаю по радио.

— У вас кто?

— Синий Чулок, — сообщил я, — пятьдесят на победителя.

— Слишком большой вес.

— Вы что, смеетесь? Хорошая лошадь может упаковать сто двадцать два фунта в продажном заезде на шесть тысяч долларов. А это означает, согласно условиям, что она сделала то, чего не смогла сделать в этом заезде ни одна лошадь.

Конечно, причина, по которой я ставил на Синий Чулок, была не в этом. Я всегда их дезинформировал. На доске тотализатора я не хотел больше никого.

В то время у них еще не было внутреннего телевизора. Можно было только слушать, как вызывают ставки. Я опережал на 380 долларов. Проигрыш в последнем заезде принес бы мне при-

быль в 330 баксов. Хорошо сегодня поработал.

Мы слушали. Комментатор объявлял каждую лошадь в заезде, кроме Синего Чулка.

Должно быть, моя лошадь упала, решил я.

Они вышли на отрезок, приближались к финишу. Этот ипподром был известен своим коротким финальным отрезком.

И тут, перед самым концом заезда, комментатор завопил:

— И ВОТ ПО ВНЕШНЕМУ КРАЮ ВПЕРЕД ВЫРЫВАЕТСЯ СИНИЙ ЧУЛОК! СИНИЙ ЧУЛОК ОБХОДИТ! ФИНИШИРУЕТ… СИНИЙ ЧУЛОК!

— Прошу прощения, — сказал я бармену, — я сейчас вернусь. Смешайте мне скотч с водой, двойной.

— Слушаюсь, сэр! — ответил он.

Я вышел на задворки, где у них стоял небольшой тотализатор рядом с прогулочным кругом. Синий Чулок шел 9/2. Что ж, не восемь или 10 к одному. Но играл же на победителя, а не на цену. Заберу 250 долларов плюс мелочь. Я вернулся в бар.

— А на завтра вам кто нравится, сэр? — спросил бармен.

— До завтра еще далеко, — ответил я.

Я допил, дал ему доллар на чай и вышел.

3

Каждый вечер происходило примерно одно и то же. Я ездил по побережью, ища, где бы пообедать. Мне нужно было дорогое место, но не слишком людное. У меня на такие места выработался нюх. Определяешь навскидку, снаружи. Не всегда удавалось получить столик с видом на океан, если не хотел ждать. Но океан и луну снаружи все равно видно, и можно поддаться романтике. Позволить себе наслаждаться жизнью. Я всегда просил небольшой салат и большой бифштекс. Официантки вкусно улыбались и стояли очень близко. Я далеко ушел от того парня, что работал на скотобойнях, мотался по всей стране с бандой железнодорожных рабочих, делал на фабрике собачьи галеты, спал на скамейках в парках, впахивал за гроши в дюжине городов всего континента.

После обеда я искал мотель. Тут тоже приходилось поездить. Сначала я заглядывал куда-нибудь выпить виски и пива. Я избегал мест с телевизорами. Нужны только чистые простыни, горячий душ, роскошь. Волшебная жизнь. И я от нее не уставал.

4

Однажды я сидел в баре между заездами и увидел эту женщину. Господь или кто-то другой все время творит женщин и выбрасывает их на улицу, и у них то задница слишком большая, то сиськи слишком маленькие, а эта вообще ненормальная, а та просто психованная, эта свихнулась на религии, а та гадает на заварке, эта пердит, себя не контролируя, а у той не нос, а шнобель, у третьей ноги костлявые…

Но бывает так, что подходит к тебе женщина, в полном цвету, просто рвется наружу из платья… существо, созданное для секса, проклятие, конец всему. Я поднял голову — она сидела за дальним концом стойки. Уже набралась, и бармен не хотел ее больше обслуживать, она подняла крик, вызвали фараона с ипподрома, тот взял ее за руку, повел за собой, и они о чем-то заговорили.

Я допил и пошел за ними.

— Офицер! Офицер!

Тот остановился и посмотрел на меня.

— Моя жена что-то не так сделала? — спросил я.

— Мы полагаем, сэр, что она в состоянии алко-

гольного опьянения. Я собирался проводить ее к воротам.

— К стартовым воротам? Он рассмеялся:

— Нет, сэр. К выходу.

— Я приму ее у вас здесь, офицер.

— Хорошо, сэр. Но смотрите, чтоб она больше не пила.

Я не ответил. Я взял ее под руку и завел обратно.

— Слава богу, вы спасли мне жизнь, — сказала она.

Ее ляжка стукалась о мою.

— Нормально. Меня зовут Хэнк.

— Я Мэри-Лу, — представилась она.

— Мэри-Лу, — сказал я. — Я тебя люблю. Она рассмеялась.

— Кстати, ты ведь не прячешься за столбами в оперном театре, правда?

— Я ни за чем не прячусь, — ответила она, выпячивая груди.

— Еще выпить хочешь?

— Конечно, только мне больше не нальют.

— На этом ипподроме не один бар, Мэри-Лу. Давай сбегаем наверх. И веди себя тихо. Стой сзади, я принесу тебе стакан. Что ты пьешь?

— Что угодно, — ответила она.

— Скотч с водой сойдет?

— Конечно.

Остаток программы того дня мы пили. Она принесла мне удачу. Я выиграл два из последних трех.

— Машина с тобой? — спросил я.

— Я приехала с каким-то придурком, — ответила она. — Забудь про него.

— Если ты это можешь, то и я смогу, — сказал я.

Мы свернулись с нею в машине, и ее язык замелькал у меня во рту, словно крохотная заблудившаяся змейка. Потом мы развернулись, и я поехал по побережью. Счастливая ночь стояла. Я взял столик с видом на море, мы заказали выпить и стали ждать бифштексов. Все на Мэри-Лу таращились. Я склонился и зажег ей сигарету, думая: вот эта будет хороша. Все знали, о чем я думал, и Мэри-Лу это знала, и я улыбнулся ей над пламенем.

— Океан, — сказал я, — посмотри вон туда, бьется, ползает взад-вперед. А подо всем этим — рыба, бедная рыба дерется друг с дружкой, пожирает друг дружку. Мы — как те рыбы, только мы наверху. Одно неверное движение, и тебе конец. Приятно быть чемпионом. Приятно соображать,

что делаешь.

Я вытащил сигару и закурил.

— Еще выпьешь, Мэри-Лу?

— Давай, Хэнк.

5

Есть такое место. Тянется вдоль моря, его выстроили над морем. Старенькое, но отмечено классом. Мы взяли комнату на первом этаже. Слышно, как внизу шевелится океан, слышно волны, пахнет океаном, чувствуешь, как накатывает и откатывает прилив, накатывает и откатывает.

Я с нею не спешил, пока мы выпивали и разговаривали. Затем подошел к тахте и сел рядом. Мы что-то сотворили — смеясь, болтая и слушая океан. Я разделся, но заставил ее остаться в одежде. Потом отнес ее на кровать и, ползая сверху, наконец вытащил ее из платья и проник внутрь. Вставить было трудно. Потом она поддалась.

Тот раз был одним из лучших. Я слышал воду, слышал, как накатывает и откатывает прилив. Как будто кончаешь вместе со всем океаном. Казалось, будто снова и снова. Затем я скатился.

— Ох, господи боже, — сказал я, — ох, господи

боже мой!

Уж и не знаю, как господи боже вечно в такое встревает.

6

На следующий день мы забрали кое-что из ее пожитков в мотеле. Внутри сидел мелкий темный парень с бородавкой на носу. Выглядел он опасным.

— Ты идешь с ним? — спросил он у Мэри-Лу.

— Да.

— Ладно. Удачи. — Он закурил.

— Спасибо, Гектор. Гектор? Что это еще за имя?

— Пива хочешь? — спросил он у меня.

— Конечно.

Гектор сидел на краю кровати. Сходил на кухню и достал три пива. Хорошее пиво, импортное, из Германии. Он открыл бутылку для Мэри-Лу, налил немного в стакан. Потом спросил меня:

— Стакан?

— Нет, спасибо.

Я встал и перехватил у него бутылку. Мы сидели и молча пили пиво. Затем он спросил:

— Ты достаточно мужик, чтоб ее у меня забирать?

— Черт, не знаю. Это ее выбор. Если она хочет остаться с тобой, она останется. Почему у нее самой не спросишь?

— Мэри-Лу, ты останешься со мной?

— Нет, — ответила она, — я еду с ним.

Она показала на меня. Я чувствовал себя важным. Я уступил столько женщин стольким чужим парням, что хорошо мне было уже от того, что все оборачивается другим концом. Я зажег сигару. Затем поискал глазами пепельницу. А, вот она где, на комоде.

В тот момент мне случилось посмотреть в зеркало — проверить, насколько я похмельный, — и я увидел, как Гектор бросается на меня, точно дротик к мишени. У меня в руке по-прежнему была пивная бутылка. Я развернулся, и он вписался прямиком в нее. Я поймал его в челюсть. Весь его рот превратился в кровь и выбитые зубы. Гектор упал на колени, с криком зажимая пасть обеими руками. Я увидел у него в руке стилет и выбил его ногой. Поднял, оглядел. Девять дюймов. Я стукнул по кнопке, и лезвие прыгнуло в рукоятку. Я положил стилет в карман.

Затем подошел к плачущему Гектору и дал ему пинка под зад. Он растянулся на полу, не переставая рыдать. Я шагнул через него и глотнул из

его бутылки.

Потом подошел и заехал Мэри-Лу. Та завопила.

— Пизда! Ты ведь это подстроила, правда? Ты ведь хотела, чтоб эта макака меня ухайдакала за паршивые четыре-пять сотен в кошельке!

— Нет, нет! — закричала она. Она плакала. Они оба плакали.

Я еще раз ей съездил.

— Вот так ты это делаешь, пизда? Убиваешь мужиков за пару сотен?

— Нет, нет, я ЛЮБЛЮ тебя, Хэнк, я ЛЮБЛЮ тебя!

Я схватил это ее синее платье за воротник и рванул сбоку до самой талии. Мэри-Лу не носила лифчика. Этой суке он был просто не нужен.

Я вышел оттуда, выбрался наружу и поехал к ипподрому. Две или три недели после этого я то и дело озирался. Нервы. Ничего не случилось. Я никогда больше не видел на бегах Мэри-Лу. И Гектора тоже.

7

После этого деньги как-то растаяли, и вскоре я перестал ездить на бега и сидел в квартире, дожидаясь, когда истекут мои 90 дней отпуска.

Нервы были на пределе от всего выпитого и от напряга. Не нова история о том, как бабы налетают на мужика. Только подумал, что можно передохнуть, глядь — еще одна. Через несколько дней после возвращения на работу появилась следующая. Фэй. Седая, носила только черное. Говорила, что протестует против войны. Если хочет, пусть протестует, мне-то что. Она была в некотором роде писательницей и ходила в пару литературных мастерских. У нее водились идеи по поводу Спасения Мира. Если хочет спасти его для меня, я тоже не возражаю. Она жила на алименты от бывшего мужа — у них было трое детей, — и мать время от времени тоже присылала ей деньги. За всю жизнь Фэй работала где-то один-два раза, не больше. А тем временем Дженко загрузился новой кучей дерьма. Из-за него я каждое утро отправлялся домой с головной болью. Меня в то время постоянно останавливала полиция. Казалось, стоило посмотреть в заднее зеркальце, как там возникали красные мигалки. Патрульная машина или мотоцикл.

Однажды ночью я вернулся домой очень поздно. Я был по-настоящему сломлен. Достать ключ и вставить в замок — только на это и хватило сил. Я зашел в спальню: Фэй лежала в постели, читала

«Нью-Йоркер» и ела шоколадные конфеты. Она даже не сказала «привет».

Я вышел в кухню и поискал чего-нибудь поесть. В холодильнике голяк. Я решил налить себе воды. Подошел к раковине. Она была забита мусором. Фэй нравилось собирать пустые банки с крышками. Половину раковины забивала грязная посуда, а сверху вместе с бумажными тарелками плавали эти самые банки с крышками.

Я вернулся в спальню в тот момент, когда Фэй отправляла в рот очередную конфету.

— Послушай, Фэй, — сказал я, — я знаю, что ты хочешь спасти мир. Но не могла бы ты начать с кухни?

— Кухня — это не важно, — ответила она.

Трудно давать по физиономии седой женщине, поэтому я просто зашел в ванную и пустил воду. Обжигающая ванна может охладить нервы. Когда она наполнилась, я испугался залезать. Мое больное тело к тому времени настолько окостенело, что я боялся утонуть.

Я вышел в переднюю комнату и через силу умудрился стащить с себя рубашку, штаны, ботинки, носки. Зашел в спальню и влез в постель рядом с Фэй. Я не мог найти себе места. Каждое движение мне чего-то стоило.

Ты бываешь один, Чинаски, подумал я, лишь когда едешь на работу или с работы.

Наконец я улегся на живот. Все болело. Скоро назад на почту. Если удастся уснуть, будет легче. То и дело я слышал шелест страницы, чвак поедаемой конфеты. То был вечер одной из ее писательских мастерских. Если б только она еще свет выключила.

— Как мастерская прошла? — спросил я с живота.

— Меня беспокоит Робби.

— О, — сказал я, — что случилось?

Робби был парнем лет под 40, всю жизнь прожил с мамой. Он писал, как мне сказали, ужасно смешные рассказы о католической церкви — и больше ничего. Робби в натуре отрывался на католиках. Журналы были просто не готовы к Робби, хотя кто-то в Канаде его как-то напечатал в журнале. Я видел Робби в один из своих выходных вечеров. Я отвез Фэй к тому особняку, где они читали друг другу все это барахло.

— О! Вон Робби! — воскликнула Фэй. — Он пишет ужасно смешные рассказы о католической церкви!

Она показала его мне. Робби стоял к нам спиной. Жопа у него была широкой, большой и

мягкой; она свисала ему в брючки. Неужели не замечают, подумал я.

— Не хочешь зайти? — спросила Фэй.

— Может, на следующей неделе…

Фэй положила в рот еще одну шоколадку.

— Робби встревожен. Он потерял работу экспедитора на грузовике. Он говорит, что не может писать без работы. Ему нужно ощущение надежности. Он говорит, что не сможет писать, пока не найдет другую работу.

— Ох черт, — сказал я, — я могу найти ему другую работу.

— Где? Как?

— На почте людей берут налево и направо. И платят неплохо.

— НА ПОЧТЕ! РОББИ СЛИШКОМ РАНИМ, ЧТОБЫ РАБОТАТЬ НА ПОЧТЕ!

— Извини, — сказал я. — Я думал, стоит попробовать. Спокойной ночи.

Фэй не ответила. Она рассердилась.

8

Пятницы и субботы у меня были выходными, поэтому по воскресеньям приходилось круче

всего. Плюс тот факт, что по воскресеньям меня заставляли приходить на работу в 15.30 вместо обычных 18.18.

В то воскресенье я пришел, и меня сразу поставили в секцию рекламы, как обычно и бывает по воскресеньям, а это означало по меньшей мере восемь часов на ногах.

Помимо болей я начал страдать припадками дурноты. Все кружилось, я был близок к обмороку, потом брал себя в руки.

То было жестокое воскресенье. Пришли какие-то подруги Фэй, сели на кушетку и зачирикали, какие они на самом деле великие писательницы, действительно лучшие во всей стране. А не печатают их всего лишь навсего потому, что они не — как они сами говорили — посылают свои вещи.

Я посмотрел на них. Если они писали так же, как выглядели, как пили кофе, хихикали, макали пончики в сахарную пудру, не имело значения, посылают они свои вещи или засовывают себе в жопу.

В то воскресенье я сортировал журналы. Мне нужен был кофе, два кофе, что-нибудь поесть. Но все бугры повылазили наружу и стояли впереди. Я подорвал через задний ход. Надо было срезать

путь. Кафетерий находился на втором этаже. Я работал на четвертом. Возле мужского сортира была дверь. Я посмотрел на табличку.

ОСТОРОЖНО!

НЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЭТОЙ ЛЕСТНИЦЕЙ!

Прикол такой. Я же был мудрее этих засранцев. Они просто повесили табличку, чтобы такие умные парни, как Чинаски, не ходили в кафетерий. Я открыл дверь и стал спускаться. Дверь за мной захлопнулась. Я спустился на второй этаж. Повернул ручку. Что за хуйня! Дверь не открывалась! Она была заперта. Я снова поднялся. Мимо двери третьего этажа. Ее я пробовать не стал. Я знал, что она заперта. Как и на первом этаже. К тому времени я уже довольно хорошо усвоил, что такое почтамт. Коль уж тут расставляли ловушку — делали это тщательно. У меня оставался единственный незначительный, но шанс. Я был на четвертом этаже. Дернул ручку. Заперто.

По крайней мере, дверь — у мужского сортира. Тут постоянно кто-то ходит туда-сюда. Я ждал. Десять минут. Пятнадцать минут. Двадцать минут! Неужели НИКТО не хочет посрать, поссать или просто посачковать? Двадцать пять минут. Тут я

увидел лицо. Я побарабанил по стеклу.

— Эй, приятель! ЭЙ, ПРИЯТЕЛЬ!

Он меня не слышал или делал вид, что не слышит. Промаршировал в сральник. Пять минут. Потом появилась еще одна рожа.

Я постучал сильнее:

— ЭЙ, ПРИЯТЕЛЬ! ЭЙ, ТЫ, ХУЕСОС!

Наверное, он услышал. Посмотрел на меня сквозь армированное стекло. Я сказал:

— ОТКРОЙ ДВЕРЬ! ТЫ ЧТО, НЕ ВИДИШЬ, ЧТО Я ТУТ? Я ЗАПЕРТ, ДУРЕНЬ! ОТКРОЙ ДВЕРЬ!

Он открыл дверь. Я вошел. Парень был в трансе. Я пожал ему локоть.

— Спасибо, парнишка.

Я вернулся к ящику с журналами. Тут мимо прошел бугор. Остановился и посмотрел на меня. Я притормозил.

— Как у вас дела, мистер Чинаски?

Я рыкнул на него, замахал журналом, как будто сейчас окончательно слечу с катушек, что-то пробурчал под нос, и бугор отвалил.

9

Фэй была беременна. Но это ее не изменило — и на почтамт тоже никак не повлияло.

Всю работу выполняли те же самые сортировщики, а разнорабочие стояли вокруг и трындели о спорте. Здоровые черные пижоны, накачанные, как профессиональные борцы. Как только на службу поступал новенький, его швыряли в команду разнорабочих. Это не давало им убивать надзирателей. Если у разнорабочих и был надзиратель, его никто не видел. Команда привозила фургоны почты, поступавшие грузовым лифтом. Работы на пять минут в час. Иногда они пересчитывали почту или делали вид. Выглядели очень спокойными и интеллектуальными, ведя свои подсчеты с длинным карандашом за ухом. Но большую часть времени они яростно трындели о спорте. Все они были специалистами — читали одних и тех же спортивных комментаторов.

— Ладно, чувак, кто для тебя самый крутой игрок всех времен в дальней части поля?

— Ну, Уилли Мейс, Тед Уильяме, Кобб.

— Что? Что?

— Именно так, бэби!

— А как же Бейб? Что с Бейбом сделаешь?

— Ладно, ладно, кто для тебя аутфилдер всех звезд?

— Всех времен, не звезд.

— Ладно, ладно, ты понял, что я имею в виду,

бэби, ты меня понял!

— Ну, я бы взял Мейса, Рута и Димаджа!

— Вы оба с дуба рухнули, парни! А как же Хэнк Аарон, бэби? Как же Хэнк?[32]

Как-то раз всех разнорабочих поставили на заявки. Заявки в основном заполнялись по старшинству. Команда разнорабочих подходила и вырывала заявки из книг заказов. А потом им было нечего делать. Никто не жаловался. До стоянки ночью идти далеко и темно.

10

У меня начались припадки дурноты. Я чувствовал, как они подходят. Ящик передо мною начинал вращаться. Припадки длились с минуту. Я ничего не понимал. Каждое письмо становилось тяжелее и тяжелее. Сортировщики серели и мертвели на вид. Я начинал соскальзывать с табурета. Ноги меня едва держали. Работа убивала.

Я сходил к врачу, пожаловался. Он смерил мне давление.

---

[32] notes: 32

Американские бейсболисты: Уилли Говард Мейс-мл. (р. 1931), Теодор Сэмюэл Уильямс (1918–2002), Тайрус Рэймонд («Тай») Кобб (1886–1961), Джордж Герман («Бейб») Рут-мл. (1895–1948), Джозеф Пол Димаджио (1914–1999), Генри Луис Аарон (р. 1934).

— Да нет, давление у вас нормальное. Затем приложил стетоскоп и взвесил меня.

— Я ничего плохого не нахожу.

Затем он взял у меня особый анализ крови. Он брал кровь у меня из руки трижды через разные промежутки времени, каждый дольше предыдущего.

— Не угодно ли подождать в соседней комнате?

— Нет-нет. Я выйду прогуляюсь и вернусь.

— Ладно, только возвращайтесь вовремя.

Я вернулся как раз ко второму анализу. Потом еще дольше пришлось ждать третьего, 20 или 25 минут. Я гулял по улице. Ничего особенного не происходило. Зашел в аптеку, почитал журнал. Отложил его, посмотрел на часы и вышел наружу. И тут увидел эту женщину — она сидела на автобусной остановке. Одна из редких. Показывала много ноги. Я не мог отвести глаз. Я перешел через дорогу и остановился ярдах в 20 от нее.

Потом она встала. Я просто должен был пойти за ней. Меня эта большая задница манила. Как под гипнозом. Она зашла на почту, и я вошел следом. Она встала в длинную очередь, и я встал за ней. Купила две открытки. Я купил 12 авиаоткрыток и марок на два доллара.

Когда я вышел, она садилась в автобус. Я бросил прощальный взгляд на эти аппетитные ноги и задницу, забирающиеся на подножку, и автобус увез ее прочь.

Врач ждал.

— Что случилось? Вы опоздали на пять минут!

— Не знаю. Часы, наверное, отстали.

— ЭТО НУЖНО ДЕЛАТЬ ТОЧНО!

— Валяйте. Берите кровь, чего там. Он воткнул в меня иголку…

Через пару дней анализы показали, что со мной все в порядке. Уж не знаю, пять минут сыграли тут свою роль или что. Но припадки стали еще хуже. Я начал уходить после четырех часов работы, не заполняя никаких формуляров.

Приходил около одиннадцати вечера, а там Фэй. Бедная беременная Фэй.

— Что случилось?

— Больше не смог, — отвечал я. — Слишком ранимый…

11

Парни с участка Дорси не знали моих проблем.

Я входил каждый вечер через задний ход, прятал свитер в подносе и проходил за своей

карточкой.

— Братья и сестры! — говорил я.

— Брат, Хэнк!

— Привет, Братец Хэнк!

У нас с ними шла игра, игра в черно-белых, и она им нравилась. Бойер подходил, трогал меня за руку и говорил:

— Мужик, если б у меня такая раскраска была, как у тебя, я б стал миллионером!

— Еще бы, Бойер. Белая кожа — больше ничего и не надо.

Следом к нам подходил маленький кругленький Хэдли.

— Работал на пароходе черный кок. Единственный черный на борту. Пек пудинг из тапиоки два или три раза в неделю, а потом в него дрочил. А белые парни от его пудинга из тапиоки аж торчали, хехехехе! Спрашивали, как он его делает, а он отвечал, что у него свой особый рецепт есть, хехехехехехе!

Мы все смеялись. Уж и не знаю, сколько раз мне пришлось выслушать историю про пудинг из тапиоки…

— Эй, нищеброд белый! Эй, мальчонка!

— Слышь, чувак, если б я назвал тебя «мальчонкой», ты б за шабер схватился. Поэтому не

мальчонкай мне больше.

— Слышь, белый, что скажешь, если мы в эту субботу вечером куда-нибудь вместе намылимся? У меня прикольная белая бикса как раз есть, блондиночка.

— А у меня — прикольная черная бикса. И ты знаешь, какого цвета у нее волосы.

— Вы, парни, наших теток столетиями ебете. Теперь мы вас нагоняем. Ты не станешь возражать, если я свой черный шкворень в твою белую биксу засуну?

— Если хочет, пусть хоть весь забирает.

— Вы потырили землю у индейцев.

— Лично я и потырил, ага.

— Ты меня к себе домой не пригласишь. А если пригласишь, то попросишь зайти с черного хода, чтоб никто мою шкуру не видел…

— А я оставлю маленькую лампочку гореть. Скучно, только выхода не было.

12

У Фэй с беременностью все шло нормально. Для старушки она держалась ничего. Мы сидели дома и ждали. Наконец время пришло.

— Долго не будет, — сказала она. — Мне не хо-

чется приезжать туда слишком рано.

Я вышел и проверил машину. Вернулся.

— Уууу, ох, — сказала она. — Нет, погоди.

Может, она и впрямь могла спасти мир. Я гордился ее спокойствием. Я простил ей немытые тарелки, «Нью-Йоркер», писательские мастерские. Старушенция — просто-напросто еще одно одинокое существо в мире, которому на нее начхать.

— Поехали, наверно, — сказал я.

— Нет, — ответила Фэй, — я не хочу, чтобы ты ждал слишком долго. Я знаю, тебе в последнее время нездоровится.

— Да ну меня к черту. Поехали.

— Нет, прошу тебя, Хэнк. Она сидела просто так.

— Чем тебе помочь? — спросил я.

— Ничем.

Она просидела так 10 минут. Я сходил на кухню за стаканом воды. А когда вышел, она спросила:

— Ты готов ехать?

— Конечно.

— Знаешь, где больница?

— Естественно.

Я помог ей сесть в машину. За неделю до этого я гонял туда дважды для практики. Но когда мы

доехали, я понятия не имел, где они тут паркуются. Фэй показала дорожку.

— Поезжай туда. Оставь машину там. Зайдем оттуда.

— Слушаюсь, мэм, — ответил я…

Она лежала в постели, в задней палате, выходившей на улицу. Ее лицо кривилось.

— Возьми меня за руку, — попросила она. Я взял.

— Это правда случится? — спросил я.

— Да.

— Ты говоришь так, будто это легко, — сказал я.

— Ты такой хороший. От этого легче.

— Я б хотел быть хорошим. Все из-за этого клятого почтамта…

— Я знаю. Я знаю.

Мы смотрели в окно на задворки. Я сказал:

— Посмотри на людей внизу. Они и не знают, что тут у нас происходит. Идут себе по тротуару. И все-таки смешно… они сами когда-то родились, все до единого.

— Да, смешно.

По руке я чувствовал, как шевелится ее тело.

— Держи крепче, — сказала она.

— Да.

— Не хочу, чтобы ты уходил.

— Где врач? Где все? Какого дьявола!

— Придут.

И тут как раз вошла медсестра. Больница у них католическая, и медсестра была очень привлекательная — темная, испанка или португалка.

— Вы… должны идти… сейчас, — выговорила она.

Я показал Фэй пальцы накрест и криво ухмыльнулся. По-моему, она не заметила. Я поехал на лифте вниз.

13

Подошел мой немецкий врач. Тот, что брал у меня кровь на анализ.

— Поздравляю, — сказал он, пожимая мне руку, — девочка. Девять фунтов, три унции.

— А как мать?

— С матерью все будет в порядке. Обошлось без хлопот.

— Когда я смогу их увидеть?

— Вам сообщат. Сидите здесь, вас позовут.

И он ушел.

Я заглянул через стекло. Медсестра показала

на моего ребенка. Лицо у младенца было очень красным, он орал громче остальных детей. Комната была полна вопящих младенцев. Столько рождений! Сестра как бы даже гордилась моей малюткой. По крайней мере, я надеялся, что малютка — моя. Медсестра подняла девочку повыше, чтобы я смог ее разглядеть. Я улыбнулся через стекло, толком не зная, как себя вести. Девочка просто на меня орала. Бедняжка, подумал я, бедная проклятая малютка. Я тогда еще не знал, что однажды она станет красавицей, в точности похожей на меня, хахаха.

Я жестом попросил медсестру положить ребенка на место, затем помахал на прощанье им обеим. Славная сестра. Хорошие ноги, хорошие бедра. Груди ничего.

У Фэй в левом уголке рта было пятнышко крови, и я взял влажную тряпицу и вытер. Женщинам предназначено страдать; не удивительно, что они просят постоянных изъявлений любви.

— Отдали бы они мне моего ребеночка, — сказала Фэй, — неправильно так нас разлучать.

— Я знаю. Но, наверно, есть какая-то медицинская причина.

— Да, но все равно, наверное, неправильно.

— Неправильно. Но ребенок выглядел прекрас-

но. Я сделаю все, что смогу, чтобы они передали ее сюда как можно скорее. Там, наверное, штук сорок младенцев. Они всех матерей заставляют ждать. Чтоб силы, видать, восстановили. Наша малышка выглядела очень сильной, уверяю тебя. Пожалуйста, не волнуйся.

— Я буду так счастлива с малышкой.

— Я знаю, я знаю. Недолго уже.

— Сэр, — ко мне подошла толстая сестра-мексиканка, — мне придется попросить вас уйти.

— Но я — отец.

— Мы знаем. Но вашей жене нужно отдохнуть.

Я сжал Фэй руку, поцеловал ее в лоб. Она закрыла глаза и, наверное, уснула. Немолодая женщина. Может, мир она и не спасла, но сильно его улучшила. Запишите это на счет Фэй.

14

Марина-Луиза — так Фэй назвала ребенка. Вот она, значит, какая — Марина-Луиза Чинаски. В колыбельке у окна. Разглядывает листву на деревьях и яркие разводы, вихрящиеся на потолке. Затем плачет. Погулять с малышкой, поговорить с малышкой. Девчушке хотелось маминой груди, но мама не всегда была готова, а у меня маминых

грудей нет. Зато работа — она по-прежнему на месте. И еще эти беспорядки. Одна десятая города в огне…[33]

15

В лифте наверх я оказался единственным белым. Странно. Они разговаривали о беспорядках, не глядя на меня.

— Боже, — произнес черный как уголь парень, — это что-то. Все шибаются по улицам, в дымину, с пузырями вискача. Мимо фараоны ездят, но из машин не высовываются, чтобы пьянь не нервировать. При свете дня. Люди бродят с теликами, с пылесосами, все такое. Это и впрямь что-то…

— Н-да, чувак.

— Те точки, где хозяева — черные, плакаты вывешивают: «БРАТЬЯ ПО КРОВИ». Там, где владельцы белые, — тоже. Но народ не одурачишь. Они знают, что беломазым принадлежит…

— М-да, браток.

---

[33] notes: 33

Скорее всего, речь идет о так называемом бунте в Уоттсе — пятидневных беспорядках в преимущественно черном районе Лос-Анджелеса Уоттс, которые начались 11 августа 1965 г., длились 5 дней и сопровождались мародерством, поджогами и человеческими жертвами.

Тут лифт остановился на четвертом этаже, и мы вышли все вместе. Я чувствовал, что сейчас мне лучше воздержаться от комментариев.

Прошло совсем немного времени, по интерком у зазвучал голос городского почтмейстера:

— Внимание! Юго-восточный район перекрыт баррикадами. Пропускать будут только тех, у кого соответствующее удостоверение личности. С девятнадцати часов вводится комендантский час. После девятнадцати часов проход запрещен всем. Баррикада простирается от Индиана-стрит до Гувер-стрит и от бульвара Вашингтон до сто тридцать пятой плазы. Все проживающие в этом районе на сегодня освобождаются от работы.

Я встал и потянулся за своей карточкой.

— Эй! Ты куда собрался? — окликнул меня надзиратель.

— Вы слышали объявление?

— Да, но ты не…

Я сунул левую руку в карман.

— Что я НЕ? Что я НЕ? Он посмотрел на меня.

— Что ты в этом понимаешь, БЕЛОМАЗЫЙ? — спросил я.

Я взял свою табельную карточку, подошел и пробил ее на выход.

16

Беспорядки закончились, ребенок успокоился, а я нашел способ избегать Дженко. Но припадки дурноты упорствовали. Врач выписал мне рецепт на бело-зеленые капсулы либриума, и они немножко помогали.

Однажды вечером я поднялся попить. Затем вернулся, проработал еще 30 минут, затем ушел на обычный 10-минутный перерыв.

Стоило мне снова усесться, как подскочил надзиратель Чемберс, квартерон:

— Чинаски! Ты наконец спали лея! Тебя не было сорок минут!

Как-то ночью Чемберс брякнулся на пол в припадке, с пеной изо рта и конвульсиями. Его унесли на носилках. На следующий вечер он вернулся, при галстуке, в новой рубашке, как ни в чем не бывало. Теперь он разыгрывал со мной старый гамбит питьевого фонтанчика.

— Слушай, Чемберс, попробуй быть разумным. Я отошел воды глотнуть, сел снова, проработал тридцать минут, потом ушел на перерыв. Меня не было десять минут.

— Ты спалился, Чинаски! Тебя не было сорок

минут! У меня есть семь свидетелей!

— Семь свидетелей?

— ДА, семь!

— Говорю тебе, десять минут.

— Нет, мы тебя засекли, Чинаски! На этот раз ты нам попался!

И тут я неожиданно устал. Мне больше не хотелось на него смотреть:

— Тогда ладно. Меня не было сорок минут. Будь по-твоему. Пиши.

Чемберс убежал.

Я распихал несколько писем, затем подошел общий нарядчик. Худой белый мужик с клочьями седых волос, свисавшими на уши. Я взглянул на него, отвернулся и разложил еще несколько писем.

— Мистер Чинаски, я уверен, что вы понимаете правила и распорядки почтамта. Каждому сортировщику полагается два десятиминутных перерыва — один до обеда, один после. Привилегия перерыва дается администрацией: десять минут. Десять минут — это…

— ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ! — Я швырнул письма на пол. — Я тут сознался в сорокаминутной отлучке только для того, чтоб вас порадовать, чтоб вы слезли с моей задницы. А вы все прете и прете!

Я беру свои слова обратно! Меня не было только десять минут! Я хочу видеть ваших свидетелей! Тащите их сюда!

Два дня спустя я был на бегах. Поднимаю голову и вижу все эти зубы, эту широченную улыбку, глаза сияют, само дружелюбие. Что же это там такое — зубастое? Я вгляделся пристальнее. Чемберс — лыбится мне, стоя в очереди за кофе. У меня в руке было пиво. Я подошел к мусорной урне и, глядя на Чемберса, сплюнул. И отошел. Чемберс никогда больше меня не доставал.

17

Малышка начала ползать, открывать мир. Марина спала по ночам в одной постели с нами. Фэй, Марина, кошка и я. Кошка тоже спала на кровати. Смотри-ка, думал я, я кормлю три рта. Как странно. Я сидел рядом и смотрел, как они спят.

Две ночи подряд я возвращался домой по утрам, ни свет ни заря, и Фэй сидела в постели, читала разделы объявлений.

— Все эти комнаты — чертовски дорогие, — сказала она.

— Еще бы, — ответил я.

Следующий вопрос, который я задал, пока она читала газету:

— Ты съезжаешь?

— Да.

— Хорошо. Завтра помогу тебе найти квартиру. Повожу тебя по округе.

Я согласился платить ей каждый месяц некую сумму. Она сказала:

— Ладно.

Фэй досталась девочка. Мне — кошка.

Мы нашли для Фэй место в восьми или 10 кварталах от меня. Я помог ей вселиться, попрощался с девочкой и поехал обратно.

Я ездил повидаться с Мариной два, три или четыре раза в неделю. Я знал: ровно столько, сколько я смогу видеть девочку, со мной ничего плохого не случится.

Фэй по-прежнему носила черное в знак протеста против войны. Она посещала местные демонстрации за мир, забастовки любви, ходила на поэтические чтения, в мастерские, на митинги коммунистической партии и сидела в кофейне для хиппи. Ребенка она брала с собой. Если она никуда не ходила, то просто сидела в кресле, курила одну сигарету за другой и читала. На своей черной блузке она носила значки протеста. Но

когда я приезжал повидаться, она обычно куда-то отваливала с девочкой.

Однажды, правда, я застал их дома. Фэй ела подсолнечные семечки с йогуртом. Хлеб она тоже себе пекла сама, только он не очень хорошо поднимался.

— Я познакомилась с Энди, он водит грузовик, — сообщила она мне. — Еще он пишет маслом. Это одна из его картин. — И Фэй показала на стену.

Я играл с девочкой. Бросил взгляд на картину. Ничего не сказал.

— У него большой хуй, — продолжала Фэй. — Как-то вечером он заехал и спросил у меня: «Как тебе понравится ебаться с большим хуем?» — и я ему ответила: «Я бы предпочла ебаться с любовью!»

— Судя по всему, он человек светский, — сказал я.

Я еще немного поиграл с девочкой, потом уехал. Мне светил плановый экзамен.

Вскоре после этого я получил от Фэй письмо. Она и ребенок теперь жили в коммуне хиппи в Нью-Мексико. Славное местечко, писала она. Марина хоть сможет тут дышать.

В письмо она вложила маленький рисунок,

который девочка для меня нарисовала.

Часть 5
1

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ
КАСАТЕЛЬНО: Предупреждение
КОМУ: М-ру Генри Чинаски

Настоящим Департаментом была получена информация, указывающая на то, что Вы были задержаны Департаментом Полиции Лос-Анджелеса 12 марта 1969 года по обвинению в пьянстве.

В связи с вышеизложенным Ваше внимание обращается на Раздел 744.12 Почтовой Инструкции, гласящий:

«Почтовые работники служат общественным интересам, и их поведение во многих случаях должно подвергаться большим ограничениям и соответствовать более высоким стандартам, нежели поведение некоторых других частных служащих. От работников почты требуется как в рабочее, так и во внеслужебное время вести себя таким образом, который благоприятно отражал бы работу Поч-

товой Службы. Хотя в политику Департамента Почт не входит вмешательство в частную жизнь своих служащих, вышеуказанная политика требует, чтобы почтовый персонал был честен, надежен, заслуживал доверия, обладал хорошей репутацией».

Несмотря на то, что Ваш арест был произведен по сравнительно незначительному обвинению, он составляет свидетельство о Вашей неспособности вести себя как подобает и таким образом, который благоприятно отражал бы работу Почтовой Службы. Настоящим Вам вынесено предупреждение, что повторение подобного правонарушения или иное столкновение с полицейскими властями не оставит настоящему Департаменту иного выхода, кроме рассмотрения применения к Вам мер дисциплинарного воздействия.

При желании Вы можете предоставить письменное объяснение по поводу случившегося.

2

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ
КАСАТЕЛЬНО: Уведомление о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия
КОМУ: М-ру Генри Чинаски

Настоящее служит предварительным уведомлением о том, что в отношении Вас предполагается применить меру отстранения от работы сроком на три (3) дня без сохранения заработной платы или иную соответствующую меру дисциплинарного воздействия. Предлагаемые меры принимаются с целью повышения эффективности службы и будут приняты не позднее 35 календарных дней с момента получения Вами настоящего письма.

Обвинение против Вас и причины, подкрепляющие это обвинение, заключаются в нижеследующем:

ОБВИНЕНИЕ № 1

Вы обвиняетесь в отсутствии на работе

без уважительной причины 13 мая 19 69 г., 14 мая 1969 г. и 15 мая 1969 г.

В дополнение к вышеизложенному нижеследующая деталь Вашего послужного списка будет расцениваться как решающая в определении длительности применения мер дисциплинарного воздействия в том случае, если настоящее обвинение останется в силе:

1 апреля 1969 г. Вам было вручено Предупреждение в связи с отсутствием на работе без уважительной причины.

Вы имеете право ответить на выдвинутые против Вас обвинения как лично, так и письменно, или же и лично, и письменно, явившись в сопровождении представителя трудового коллектива по Вашему выбору. Ваш ответ должен быть подан в течение десяти (10) календарных дней по получении настоящего письма. Вы также можете подать письменные свидетельства, подтверждающие Ваши ответы. Любой ответ в письменном виде должен быть адресован Почтмейстеру, Лос-Анджелес, Калифорния 90052. Если Вам потребуется дополнительное время

для подготовки и подачи ответа, оно может быть предоставлено по подаче Вами письменного прошения, обосновывающего необходимость оного.

Если Вы пожелаете ответить на обвинения лично, Вы можете назначить встречу с Эллен Нормелл, Начальником Отдела Найма и Обслуживания, или с К. Т. Шеймусом, Ответственным по Работе со Служащими, позвонив по телефону 2 8 9-2222.

По истечении 10-дневного срока, отведенного Вам на ответ, все факты Вашего дела, включая ответ, который Вы можете подать, будут подвергнуты детальному рассмотрению прежде, чем будет вынесено окончательное решение. Решение будет представлено Вам в письменном виде. Если принятое решение будет подразумевать принятие к Вам мер воздействия, данное письмо будет информировать Вас о причине или причинах, лежащих в основе принятия данного решения.

3

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ
КАСАТЕЛЬНО: Уведомление о Решении
КОМУ: М-ру Генри Чинаски

Настоящим отсыпаем Вас к письму, адресованному Вам и датированному 17 апреля 196 9 г., в котором предлагалось применить к Вам меру дисциплинарного воздействия в форме отстранения Вас от работы сроком на три дня или иную меру дисциплинарного воздействия на основании выдвинутого против Вас Обвинения № 1, приводившегося в упомянутом письме. До сего дня ответа на это письмо от Вас не поступало. По тщательном рассмотрении обвинения было принято решение, согласно которому Обвинение № 1, подкрепляемое достаточными свидетельствами, остается в силе и служит основанием для Вашего отстранения от работы. В соответствии с вышеизложенным Вы отстраняетесь от работы без сохранения заработной платы сроком на

три (3) дня.

Первым днем Вашего отстранения считается день 17 ноября 1969 г., последним днем Вашего отстранения считается день 19 ноября 1969 г.

Деталь Вашего послужного списка, изложенная подробным образом в Уведомлении о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия, также подвергалась рассмотрению при принятии решения о наложении на Вас дисциплинарного наказания.

Вы имеете право опротестовать данное решение, подав прошение о пересмотре дела либо в Департамент Почт, либо в Комиссию США по Гражданской Службе, либо сначала в Департамент Почт, затем в Департамент Гражданской Службы, а затем в Комиссию по Гражданской Службе в соответствии с нижеследующим:

Подавая апелляцию сначала в Комиссию по Гражданской Службе, Вы лишаетесь права подавать апелляцию в Департамент Почт. Апелляционная жалоба в Комиссию по Гражданской Службе должна быть подана Региональному

Директору, Сан-Франциско, Комиссия США по Гражданской Службе, авеню Золотые Ворота, дом 450, А/Я 36010, Сан-Франциско, Калифорния 94102. Ваше прошение о пересмотре дела должно (а) быть изложенным в письменном виде, (б) содержать причины опротестования Вами решения об отстранении от работы, подкрепленные теми доказательствами и документами, которые Вы можете предъявить, и (в) быть подано не позднее 15 дней после вхождения в силу решения об отстранении Вас от работы. Комиссия по подаче прошения в должной форме рассмотрит принятые меры лишь в целях определения правильности следования определенным процедурам, если Вы не представите свидетельство, утверждающее, что меры были приняты против Вас по политическим причинам, исключая политические причины, предписанные законом, или являлись результатом дискриминации, вызванной Вашим семейным положением или физическим дефектом. Если Вы подаете прошение о пересмотре дела в Департамент Почт, Вы

лишаетесь права апелляции к Комиссии, пока решение по Вашему прошению не будет принято на первом уровне Департамента. После этого Вы получите возможность выбора: Вы можете продолжать обжалование решения о Вашем отстранении от работы на более высоких уровнях Департамента или же подавать прошение о пересмотре дела в Комиссию. Тем не менее, если по прошествии 60 дней со дня подачи Вами прошения о пересмотре дела решение на первом уровне не будет принято, Вам предоставляется возможность прервать ход Вашего прошения в Департаменте, подав апелляцию в Комиссию.

Если Вы подаете апелляционную жалобу в Департамент Почт в течение десяти (10) календарных дней с момента получения настоящего Уведомления о Решении, отстранение Вас от работы не войдет в силу до тех пор, пока Вы не получите Уведомления о Решении по Вашему прошению о пересмотре дела от Регионального Директора Департамента Почт. Далее, если Вы подаете прошение о пе-

ресмотре дела в Департамент, Вы имеете право быть сопровождаемым, представляемым и консультируемым любым представителем трудового коллектива по Вашему выбору. Вы и Ваш представитель будете свободны от сдерживания, вмешательства, принуждения, дискриминации или репрессалий. Вам и Вашему представителю также будет предоставлено разумное количество рабочего времени для подготовки к подаче документов.

Апелляция к Департаменту Почт может быть подана в любое время по получении Вами настоящего письма, но не позднее 15 календарных дней по вступлении в силу решения об отстранении Вас от работы. Ваше письмо должно включать в себя прошение о пересмотре Вашего дела либо заявление о том, что вышеозначенный пересмотр нежелателен. Прошение о пересмотре дела должно быть адресовано:

Региональному Директору
Департамент Почт
Говард-стрит, 631
Сан-Франциско, Калифорния
94106

Если Вы подаете прошение о пересмотре дела Региональному Директору либо Комиссии по Гражданской Службе, просьба предоставить мне подписанную копию прошения одновременно с подачей оного Региональному Директору или в Комиссию по Гражданской Службе.

Если у Вас возникнут вопросы, так или иначе связанные с процедурой подачи прошения о пересмотре дела, вы можете связаться с Ричардом Н. Мартом, Помощником по Работе со Служащими и Льготам, в Секции по Работе со Служащими Отдела Кадров, каб. 2205, Федеральное Здание, Норт-Лос-Анджелес-стрит, дом 300, с 8.30 до 16.00 в рабочие дни.

4

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЧТ
КАСАТЕЛЬНО: Уведомление о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия
КОМУ: М-ру Генри Чинаски

Настоящим предварительно уведомляем Вас, что выдвинуто предложение

удалить Вас из Почтовой Службы или предпринять иные соответствующие меры дисциплинарного воздействия. Предлагаемые меры принимаются с целью повышения эффективности службы и будут приняты не позднее 35 календарных дней с момента получения Вами настоящего письма.

Обвинения, выдвигаемые против Вас, и причины, подтверждающие данные обвинения, заключаются в следующем:

Вы обвиняетесь в отсутствии на работе без уважительной причины в нижеследующие дни:

25 сентября 1969 г. – 4 час.
28 сентября 1969 г. – 8 час.
29 сентября 1969 г. – 8 час.
05 октября 1969 г. – 8 час.
0 6 октября 1969 г. – 4 час.
07 октября 1969 г. – 4 час.
13 октября 1969 г. – 5 час.
15 октября 1969 г. – 4 час.
16 октября 1969 г. – 8 час.
19 октября 1969 г. – 8 час.
23 октября 1969 г. – 4 час.
29 октября 1969 г. – 4 час.

04 ноября 1969 г. – 8 час.
06 ноября 1969 г. – 4 час.
12 ноября 1969 г. – 4 час.
13 ноября 1969 г. – 8 час.

В дополнение к вышеизложенному нижеследующие детали Вашего послужного списка будут расцениваться как решающие в определении длительности применения мер дисциплинарного воздействия в том случае, если настоящее обвинение останется в силе:

1 апреля 19 69 г. Вам было вручено Предупреждение в связи с отсутствием на работе без уважительной причины.

17 августа 1969 г. Вам было вручено Уведомление о Предлагаемых Встречных Мерах Воздействия за отсутствие на работе без уважительной причины. В результате данного обвинения Вы были отстранены от работы без сохранения заработной платы на срок трех (3) дней, с 17 ноября 1969 г. по 19 ноября 1969 г.

Вы имеете право ответить на выдвинутые против Вас обвинения как лично, так и письменно, или же и лично, и письменно, явившись в сопровождении

представителя трудового коллектива по Вашему выбору. Ваш ответ должен быть подан в течение десяти (10) календарных дней по получении настоящего письма. Вы также можете подать письменные свидетельства, подтверждающие Ваши ответы. Любой ответ в письменном виде должен быть адресован Почтмейстеру, Лос-Анджелес, Калифорния 90052. Если Вам потребуется дополнительное время для подготовки и подачи ответа, оно может быть предоставлено по подаче Вами письменного прошения, обосновывающего необходимость оного.

Если Вы пожелаете ответить на обвинения лично, Вы можете назначить встречу с Эллен Нормелл, Начальником Отдела Найма и Обслуживания, или с К. Т. Шеймусом, Ответственным по Работе со Служащими, позвонив по телефону 289-2222.

По истечении 10-дневного срока, отведенного Вам на ответ, все факты Вашего дела, включая ответ, который Вы можете подать, будут подвергнуты детальному рассмотрению прежде, чем будет вынесе-

но окончательное решение. Решение будет представлено Вам в письменном виде. Если принятое решение будет подразумевать принятие к Вам мер воздействия, данное письмо будет информировать Вас о причине или причинах, лежащих в основе принятия данного решения.

Часть 6
1

Я сидел рядом с молоденькой девчонкой, которая не слишком хорошо знала свой план.

— Куда пойдет Роутфорд, две тысячи девятьсот? — спросила она.

— Попробуй кинуть в тридцать третий, — посоветовал я.

С нею заговорил надзиратель.

— Так, говорите, вы из Канзас-Сити? У меня родители в Канзас-Сити родились.

— Да что вы? — откликнулась девчонка. Затем спросила у меня:

— А Майерс, восемь тысяч четыреста?

— Давай в восемнадцатый.

Она была слегка полновата, но готова. Я пас. На некоторое время с дамами завязал.

Надзиратель стоял подозрительно близко к ней.

— Вы живете далеко от работы?

— Нет.

— А работа вам нравится?

— О да.

Она повернулась ко мне:

— А Олбани, шесть тысяч двести?

— Шестнадцать.

Когда я закончил свой поднос, надзиратель обратился ко мне:

— Чинаски, я засекал вам время по этому подносу. У вас это заняло двадцать восемь минут.

Я промолчал.

— Вы знаете, какова норма для такого подноса?

— Нет, не знаю.

— Сколько вы здесь работаете?

— Одиннадцать лет.

— Вы проработали здесь одиннадцать лет и не знаете нормы?

— Именно.

— Вы сортируете почту так, будто вам это безразлично.

Перед девчонкой до сих пор стоял полный поднос. Начинали мы их вместе.

— К тому же вы разговаривали с дамой, сидящей рядом.

Я зажег сигарету.

— Чинаски, подойдите-ка сюда на минутку.

Он стоял перед жестяными ящиками и что-то мне показывал. Остальные сортировщики за-

работали очень быстро. Я видел, как неистово замелькали их правые руки. Даже пухлая девчонка теперь распихивала как надо.

— Видите цифры на торце ящика?

— Ну.

— Эти цифры указывают количество штук, которые надо рассортировать в минуту. Двухфутовый поднос должен быть разметан за двадцать три минуты. Вы превысили норму на пять минут. Он ткнул в 23:

— Двадцать три минуты — это норма.

— Эти двадцать три ничего не значат, — ответил я.

— Как это?

— А так, что подошел человек с ведерком краски и написал тут цифру двадцать три.

— Нет, нет, это проверено временем за много лет и не раз перепроверено.

Что толку спорить? Я ничего не ответил.

— Мне придется написать вам взыскание, Чинаски. Вас об этом известят.

Я вернулся на место и сел. Одиннадцать лет! У меня в кармане не прибавилось ни гроша с тех пор, как я вошел сюда. Одиннадцать лет. Хоть каждая ночь была длинна, годы летели быстро. Может, все дело в ночных сменах. Или в том,

что делал одно и то же снова, снова и снова. По крайней мере, со Стоном я никогда не знал, чего ожидать. Тут же не бывало никаких сюрпризов.

Одиннадцать лет пронеслись в голове. Я видел, как работа пожирала людей. Они словно таяли. Был такой Джимми Поттс с участка Дорси. Когда я только поступил, Джимми был прекрасно сложен, носил белую майку. Теперь его нет. Он опустил свое сиденье почти до самого пола и вцеплялся в табурет ногами, чтобы не упасть. Так уставал, что даже не стригся, носил одни штаны по три года. Рубашки менял дважды в неделю, а ноги еле переставлял. Его убили. Ему было 55. Семь лет до пенсии.

— Не доживу, — говорил он мне.

Люди либо таяли, либо толстели, становились просто огромными, особенно в заднице и талии. Всё от табурета, от одних и тех же движений, одних и тех же разговоров. И я такой — дурнота, боли в руках, шее, в груди, везде. Я спал целыми днями, набираясь сил перед работой. По выходным вынужден был пить, чтобы забыть обо всем. Пришел я сюда весом 185 фунтов. Теперь же весил все 223. Двигалась во мне только правая рука.

2

Я вошел в кабинет советника. За столом сидел Эдди Бибер. Сортировщики прозвали его Тощий Бобёр. У него была заостренная голова, острый нос, остренький подбородок. Он весь состоял из острых углов. И к тому же сам везде искал их.

— Садитесь, Чинаски.

У Бобра в руке были какие-то бумаги. Он их читал.

— Чинаски, сортировка двадцатитрехминутного подноса заняла у вас двадцать восемь минут.

— Ох, не надо херни. Я устал.

— Что?

— Я сказал, не надо херни! Давайте, я подпишу все, что надо, и пойду обратно. Не желаю я этого слушать.

— Я здесь для того, чтобы проводить с вами разъяснительную работу, Чинаски!

Я вздохнул:

— Ладно, валяйте. Разъясняйте.

— Нам надо выполнять производственные показатели, Чинаски.

— Ага.

— А когда вы отстаете от графика, это означает,

что за вас сортировать почту придется кому-то другому. А это означает переработки.

— Вы имеете в виду, что это я виноват в тех трех с половиной часах переработки, которые назначают чуть ли не каждую ночь?

— Послушайте, двадцатитрехминутный поднос занял у вас двадцать восемь минут. Вот и все дела.

— Вам виднее. В каждом подносе — два фута. На некоторых — в три, даже в четыре раза больше писем, чем на других. Сортировщики хватают так называемые жирные подносы. Мне до лампочки. Кому-то надо крутиться с тяжелой почтой. Вам же одно подавай: каждый поднос — длиной два фута, и его нужно рассовать за двадцать три минуты. Но мы же не подносы по ящикам рассовываем, мы рассовываем письма.

— Нет-нет, эти показатели проверены временем!

— Может, и проверены. Сомневаюсь. Но если вы засекаете человеку время, не судите по одному подносу. Даже Бейб Рут иногда лажается. Судите человека по 10 подносам или по всей ночной смене. Вы же пользуетесь этим, чтобы прикапываться к тем, на кого у вас зуб.

— Ладно, высказались, Чинаски. А теперь я

скажу ВАМ: вы рассортировали поднос за двадцать восемь минут. С этого и начнем. ИТАК, если вас поймают еще с одним медленным подносом, вам придется пройти ПОВЫШЕННЫЙ КУРС РАЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ!

— Хорошо, только можно один вопрос?

— Задавайте.

— Предположим, мне попадается легкий поднос. Иногда они мне достаются. Иногда я заканчиваю поднос за пять или за восемь минут. Ну, скажем, рассортировал я поднос за восемь минут. Если верить проверенной временем норме, я сэкономил почтамту пятнадцать минут. Так могу ли я взять эти пятнадцать минут, спуститься в кафетерий, съесть пирога с мороженым, посмотреть телевизор и вернуться?

— Нет! ВАМ НАДЛЕЖИТ НЕМЕДЛЕННО СХВАТИТЬ СЛЕДУЮЩИЙ ПОДНОС И ПРОДОЛЖАТЬ СОРТИРОВКУ ПОЧТЫ!

Я подписал бумагу, извещавшую, что со мною проведена разъяснительная работа. Затем Тощий Бобёр подписал мою увольнительную, отметил время и отправил меня обратно на табуретку рассовывать письма дальше.

3

Но кое-что по-прежнему еще происходило. Один парень спалился на той же самой лестнице, где застрял я. Спалился он там с головой, засунутой под юбку какой-то девахе. Затем одна из девиц, работавших в кафетерии, пожаловалась, что ей не заплатили обещанного за сеанс орального соития, предоставленного ею одному общему нарядчику и троим сортировщикам. Девицу и троих сортировщиков выперли, а общего нарядчика разжаловали в рядовые надзиратели.

Затем я поджег почтамт.

Меня отправили сортировать бумаги третьего класса, а я курил сигару, перекладывая пачки почты с ручной тележки, и тут подошел какой-то парень и сказал:

— ЭЙ, У ТЕБЯ ПОЧТА ГОРИТ!

Я огляделся. Точно. Язычок пламени поднимался, словно танцующая змейка. Очевидно, чуть раньше туда попал комок горящего пепла с сигары.

— Ох, блядь!

Пламя быстро росло. Я схватил каталог и наотмашь, плоскостью, выбил из огня все дерьмо.

Полетели искры. Стало жарко. Как только я погасил одну стопку, занялась другая.

Я услышал голос:

— Эй! Огнем пахнет!

— ТУТ НЕ ОГНЕМ ПАХНЕТ, ИДИОТ! — заорал я. — ТУТ ПАХНЕТ ДЫМОМ!

— Наверное, пора ноги делать!

— Так и пошел тогда к черту! — завопил я. — ПОШЕЛ ВОН!

Пламя обжигало мне руки. Я должен был спасти почту Соединенных Штатов — эту макулатуру третьего класса!

Наконец я взял его под контроль. Ногой столкнул всю кипу бумаги на пол и затоптал остатки тлевшего пепла.

Подошел надзиратель, хотел что-то мне сказать. Я стоял с обгоревшим каталогом в руке и ждал. Надзиратель посмотрел на меня и отошел.

Затем я продолжил сортировать по ящикам третьеклассный мусор. Все сгоревшее откладывал в сторону.

Сигара моя потухла. Я не стал ее раскуривать.

Руки начало саднить, и я сходил к питьевому фонтанчику, сунул их под воду. Не помогло.

Нашел надзирателя и попросил у него увольнительную в медпункт.

Медсестра была та же самая, что, бывало, приходила к моим дверям и спрашивала:

— Ну, в чем дело, мистер Чинаски?

Когда я вошел в медпункт, она спросила то же самое.

— Помните меня, а? — спросил я.

— О да, у вас очень неприятные ночи бывали.

— Ну да, — ответил я.

— У вас в квартире до сих пор женщины? — спросила она.

— Ага. А у вас — до сих пор мужчины?

— Ладно, мистер Чинаски, что с вами случилось?

— Руки обжег.

— Подойдите сюда. Как вы обожгли руки?

— Какая разница? Обжег и все.

Она мне их чем-то промакивала. Одна ее грудь проехалась по мне.

— Как это произошло, Генри?

— Сигарой. Стоял рядом с тележкой третьего класса. Должно быть, туда пепел упал. Вспыхнуло.

Грудь снова уперлась в меня.

— Не дергайте руками, пожалуйста!

Тут она возложила на меня весь свой фланг, пока мазала руки какой-то мазью. Я сидел на

табуретке.

— В чем дело, Генри? Что вы так нервничаете?

— Ну… знаете же, как бывает, Марта.

— Меня зовут не Марта. Меня зовут Хелен.

— Давайте поженимся, Хелен.

— Что?

— Я имею в виду — когда я смогу снова пользоваться руками?

— Хоть сейчас, если вам так хочется.

— Что?

— Я имею в виду, на рабочем месте. Она обернула их марлей.

— Мне уже лучше, — сказал я.

— Почту жечь нельзя.

— Это макулатура.

— Вся почта важна.

— Учту, Хелен.

Она подошла к своему столу, я — за ней. Она заполнила мне увольнительную. В своем беленьком чепчике она выглядела очень мило. Надо будет придумать, как сюда вернуться.

Она заметила, как я разглядываю ее тело.

— Ладно, мистер Чинаски, мне кажется, вам пора.

— Ох, да… Ну ладно, спасибо за все.

— Это моя работа.

— Еще бы.

Неделю спустя повсюду висели таблички: НА ЭТОМ УЧАСТКЕ НЕ КУРИТЬ. Сортировщикам курить запрещалось, если они не пользовались пепельницами. С кем-то заключили контракт на производство этих самых пепельниц. Смотрелись они славно. Причем гласили: СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. Сортировщики их по большей части сперли.

НЕ КУРИТЬ.

Я, Генри Чинаски, в одиночку реформировал всю почтовую систему.

4

Потом пришли какие-то люди и повыдирали питьевые фонтанчики через один.

— Эй, глядите, какого хера они делают? — спросил я.

Это, похоже, никого не интересовало. Я работал в плоской секции третьего класса. Встал и подошел к другому сортировщику.

— Слушай! — сказал я. — Они забирают у нас воду!

Тот бросил взгляд на поилку и снова принялся за сортировку макулатуры.

Я попробовал других. Те проявили то же самое отсутствие интереса. Я ничего не понимал.

Тогда я попросил, чтобы в этот район вызвали моего профсоюзного представителя.

После долгой задержки он возник — Паркер Андерсон. Раньше Паркер спал в старом подержанном автомобиле, а освежался, брился и срал на заправках, которые не запирали свои уборные. Пытался стать жуликом, но ничего не вышло. И вот он пришел на центральный почтамт, вступил в профсоюз и начал ходить на все собрания, где быстро стал приставом. Вскоре он уже был представителем профсоюза, а затем его избрали вице-президентом.

— В чем дело, Хэнк? Я-то знаю, что ты с этими бугрями и без меня справишься!

— Ты меня не подмасливай, крошка. Я уже двенадцать лет профсоюзные взносы плачу и еще ни черта не просил.

— Ладно, что тут не так?

— Питьевые фонтанчики.

— Питьевые фонтанчики не так?

— Нет, черт возьми, с питьевыми фонтанчиками все так. А вот то, что с ними делают… Смотри.

— Смотреть? Куда?

— Вон туда!

— Я ничего не вижу.

— Вот именно. В этом — суть моей кляузы. Там раньше был питьевой фонтанчик.

— Значит, его убрали. Что с того?

— Слушай, Паркер, я б не возражал, если бы убрали один. Но они через одну выдирают поилки по всему зданию. Если мы их не остановим, они и сортиры через один закроют… А что дальше — я и представить себе не могу…

— Хорошо, — ответил Паркер, — чего ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты оторвал задницу и выяснил, зачем убирают фонтанчики.

— Хорошо, до завтра.

— И постарайся хорошенько. Профсоюзные взносы за двенадцать лет — это триста двенадцать долларов.

На следующий день Паркера мне пришлось разыскивать. Ответа у него не было. И на следующий день, и потом. Я сообщил Паркеру, что устал ждать. Я дал ему еще один день.

Назавтра он подошел ко мне в перерыве на кофе.

— Все, Чинаски, я выяснил.

— Ну?

— В тысяча девятьсот двенадцатом году, когда построили это здание…

— В тысяча девятьсот двенадцатом? Так это ж почти полвека назад! Немудрено, что дом — вылитый кайзеровский бордель!

— Ладно, хватит. Итак, в тысяча девятьсот двенадцатом году, когда его построили, в контракте было указано определенное количество питьевых фонтанчиков. При проверке же почтамт обнаружил, что их установили в два раза больше, чем полагалось по первоначальному контракту.

— Так, ладно, — сказал я, — а какой вред может быть от того, что их в два раза больше? Служащие ведь не пьют больше воды.

— Правильно. Но питьевые фонтанчики случайно немного выпирают. И мешают проходу.

— И?

— Хорошо. Предположим, служащий, у которого есть ловкий адвокат, стукнется о питьевой фонтанчик? Скажем, его прижмет к фонтанчику тележкой с тяжелыми мешками журналов?

— Теперь понимаю. Фонтанчика там быть не должно. Почтамт оштрафуют за халатность.

— Точно!

— Хорошо. Спасибо, Паркер.

— К вашим услугам.

Если даже он это сочинил, история почти стоила 312 долларов, черт возьми. В «Плейбое» я видал и похуже.

5

Я обнаружил, что единственный способ не отрубиться и не загреметь в ящик — время от времени вставать и ходить гулять.

Фаццио, в то время — надзиратель участка, как-то увидел меня на пути к одной из редких поилок.

— Слушай, Чинаски, каждый раз, когда я тебя вижу, ты прогуливаешься!

— Это ерунда, — ответил я, — каждый раз, когда я тебя вижу, ты тоже прогуливаешься.

— Но это входит в мои обязанности. Гулять — часть моей работы. Я вынужден это делать.

— Послушай, — сказал я, — это входит и в мои обязанности. Я вынужден это делать. Если я посижу на табуретке чуть дольше, я вскочу на этот вот жестяной ящик и начну бегать кругами, насвистывая жопой «Дикси», а «Маменькины детки любят рассыпчатый хлеб» — ротовым отверстием.

— Ладно, Чинаски, забудем.

6

Однажды вечером я огибал угол, прокравшись в кафетерий за пачкой сигарет. А навстречу — знакомая физиономия.

Том Мото! Парень, с которым мы вместе вкалывали при Стоне!

— Мото, ебала ты старая! — сказал я.

— Хэнк! — ответил он. Мы пожали руки.

— Эй, а я о тебе вспоминал! В этом месяце Джонстон на пенсию выходит. Мы тут собрались ему отходную устроить. Знаешь, он же всегда любил рыбу ловить. Мы собираемся взять его на рыбалку на лодке. Может, и ты захочешь поехать и его за борт скинуть, утопить его. У нас хорошее глубокое озеро есть.

— Да нет, блядь, я даже смотреть на него не хочу.

— Но ты же приглашен.

Мото ухмылялся от сраки до бровей. Тут я бросил взгляд на его рубашку: значок надзирателя.

— Неужели, Том?

— Хэнк, у меня четверо детей. Я им нужен на хлеб с маслом.

— Ладно, Том, — ответил я. И отошел прочь.

7

Не знаю, как это с людьми происходит. Я тоже платил алименты, мне нужно было пить, платить за квартиру, покупать ботинки, носки, всю эту хрень. Как и любому другому, мне необходима старая машина, необходимо чем-то питаться, необходимы неощутимые мелочи.

Вроде женщин.

Или дня на скачках.

Когда все на крючке и нет ни просвета, об этом даже не думаешь.

Я оставил машину напротив Федерального здания и стоял ждал зеленого. Потом перешел через дорогу. Пропихнулся сквозь вертушку. Меня тянуло, как кусок железа магнитом. Я ничего не мог с собой поделать.

Я поднялся на второй этаж. Открыл дверь — все они были на месте. Ярыжки Федерального здания. Я заметил одну девушку — бедняжка, всего одна рука. Она будет сидеть здесь вечно. Все равно что быть старым алкашом вроде меня. Что ж, как говорят парни, нужно ведь где-то работать. Вот и принимают все как есть. Мудрость раба.

Подошла молодая черная девчонка. Хорошо одетая и довольная своей окружающей средой. Я был за нее счастлив. Сам бы я рехнулся от такой работы.

— Да? — спросила она.

— Я сортировщик почты, — ответил я, — и хочу уволиться.

Она засунула руку под стойку и вытащила пачку бумаг.

— Все это? Она улыбнулась:

— Вам ведь это под силу, правда?

— Не волнуйтесь, — ответил я, — под силу.

8

Для того чтобы выбраться оттуда, нужно было заполнять больше бумаг, чем для того, чтоб устроиться.

Первая страница, выданная мне, была размноженным обращением городского почтмейстера.

Начиналась она так:

> Мне очень жаль, что вы заканчиваете работу в почтовой службе и… – и т. д., и т. п.

Как может ему быть жаль? Он меня даже не знает.

Затем шел список вопросов.

> Находили ли Вы понимание в своих надзирателях? Могли ли Вы обмениваться с ними мнениями?

Да, ответил я.

> Не находили ли вы надзирателей каким-либо образом предубежденными против расы, вероисповедания, образования или какого-либо связанного с ними фактора?

Нет, ответил я.

Еще такой был:

> Посоветуете ли Вы своим друзьям искать работу в почтовой службе?

Конечно, ответил я.

> Если у Вас есть неразрешенные трудовые конфликты или жалобы на почтовую службу, пожалуйста, перечислите их на обратной стороне этого листа.

Жалоб нет, написал я.

Тут моя чернокожая девушка вернулась.

— Закончили уже?

— Закончил.

— Я ни разу не видела, чтобы бумаги заполняли так скоро.

— «Быстро», — сказал я.

— «Быстро»? — переспросила она. — Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что мы будем делать дальше?

— Пройдемте, пожалуйста.

Я протиснулся следом за ее жопкой между столов куда-то в самый дальний угол.

— Садитесь, — сказал мужчина.

Он не торопясь прочел мои бумаги. Затем взглянул на меня.

— Могу я спросить, почему вы увольняетесь? Из-за мер дисциплинарного воздействия, примененных к вам?

— Нет.

— В таком случае, какова причина вашего увольнения?

— Продолжение карьеры.

— Продолжение карьеры?

Он пристально смотрел на меня. До моего 50-го

дня рождения оставалось меньше восьми месяцев. Я знал, о чем он думает.

— Могу я поинтересоваться, что это будет за «карьера»?

— Что ж, сэр, я вам скажу. Охотничий сезон в дельте — только с декабря по февраль. Я уже потерял месяц.

— Месяц? Но вы проработали здесь одиннадцать лет.

— Ну ладно, потерял одиннадцать лет. За эти три месяца охоты в Рукаве Ля-Фурш я могу сделать от десяти до двадцати кусков.

— И чем же вы занимаетесь?

— Ловушки ставлю! На ондатру, нутрию, норку, выдру… на енота. Нужна мне только пирога. Двадцать процентов выручки отдаю за пользование участком. Мне платят доллар с четвертью за шкурку ондатры, три бакса на норку, четыре — за выхухоля, полтора — за нутрию и двадцать пять — за выдру. Тушки ондатры я продаю — а они примерно в фут длиной — по пять центов на фабрику корма для кошек. За освежеванную нутрию я получаю двадцать пять центов. Кроме этого, я держу поросят, курей и уток. Сомиков ловлю. Это делается просто. Берешь…

— Ничего, мистер Чинаски, этого достаточно.

Он вправил какие-то бумажки себе в машинку и застучал по клавишам.

Я поднял глаза: передо мною стоял Паркер Андерсон, мой профсоюзный деятель, старый добрый Паркер, бривший и какавший на заправках, стоял и улыбался мне своим оскалом политика.

— Увольняешься, Хэнк? Я-то знаю, что ты грозился все одиннадцать лет…

— Ага, еду в Южную Луизиану добряки ловить.

— А у них там ипподром есть?

— Что, смеешься? «Ярмарки» — один из старейших ипподромов в стране!

С Паркером был молоденький белый парнишка — один из племени потерянных невротиков, — с глазами, подернутыми влажными пленками слез. По одной большой слезе в каждом глазу. Они не выкатывались. Это завораживало. Я видел, как женщины сидят и смотрят на меня такими же глазами, прежде чем рассвирепеть и заорать, какой я мерзавец. Очевидно, парнишка попался в одну из множества ловушек и стал Паркеровой шестеркой. В обмен Паркер сбережет ему работу.

Мужчина протянул мне подписать еще одну бумагу, и я оттуда выбрался.

Паркер сказал:

— Удачи, старик, — когда я проходил мимо.

— Спасибо, детка, — ответил я.

Я совершенно не чувствовал себя иначе. Но знал, что довольно скоро на меня подействует, как на того, кого быстро поднимают из глубин моря, причем подействует с особыми выворотами. Как на проклятых попугайчиков Джойс. После жизни в клетке я осмелился пролезть в дыру и вылетел наружу — словно выстрел в небеса. Небеса?

9

Я ушел в выворотy. Я бухал и не просыхал сильнее, чем говенный скунс в чистилище. Я даже поднес к глотке мясницкий нож как-то ночью на кухне — а потом подумал: полегче, старичок, твоя маленькая девочка, может, еще захочет сходить с тобой в зоопарк. Мороженое, шимпанзе, тигры, зеленые и красные птицы, и солнце — спускается ей на макушку, солнце спускается и заползает в волосы у тебя на руках, полегче, старичок.

Когда я пришел в себя, я сидел в своей передней комнате, харкал на ковер, гасил бычки о запястья и хохотал. Спятил, как мартовский заяц. Я поднял голову: передо мной сидел студент-медик. Между

нами на кофейном столике в уютной толстой банке сидело человеческое сердце. Вокруг него — а в честь прежней владелицы оно было обозначено «Фрэнсис» — стояли полупустые бутылки виски и скотча, толпились пивные банки, пепельницы, всякий мусор. Я извлек оттуда бутылку и глотнул адской смеси пива и пепла. Я не ел две недели. Бесконечный поток людей втекал и вытекал. Произошло семь или восемь диких попоек, когда я постоянно требовал: «Больше пойла! Больше пойла! Больше пойла!» Я улетал к небесам; а они просто болтали — ну, и мацали друг друга.

— Ага, — сказал я студенту-медику, — ну и чего тебе от меня надо?

— Я собираюсь быть вашим личным терапевтом.

— Хорошо, доктор, первое, что мне нужно от вас, — уберите отсюда это блядское сердце!

— Не-а.

— Что?

— Сердце останется тут.

— Слушай, мужик, я даже не знаю, как тебя зовут…

— Уилберт.

— Так, Уилберт, я не знаю, кто ты такой и как сюда попал, но ты заберешь Фрэнсис с собой!

— Нет, она останется у вас.

Затем он взял свой игрушечный мешочек и резиновую манжетку для руки, подавил на грушу, и резинка надулась.

— У вас давление девятнадцатилетнего, — сообщил он мне.

— На хуй. Слушай, разве это по закону — чтоб человеческие сердца вот так валялись?

— Я за ним вернусь. Теперь вдохните!

— Я думал, что меня почтамт с ума сводит. А теперь еще и ты возник.

— Тихо! Вдох!

— Мне нужен хорошенький кусок молодой пушнины. Вот что со мной не в порядке.

— У вас позвоночник смещен в четырнадцати местах, Чинаски. Это приводит к напряженности, имбецильности и зачастую — к безумию.

— Херня! — ответил я…

Не помню, как этот господин ушел. Я проснулся на оттоманке в 1.10 дня, смерть после полудня — и стояла жара, солнце продиралось через мои драные жалюзи и покоилось на банке в центре кофейного столика. Фрэнсис осталась со мной на всю ночь, тушилась в алкогольном рассоле, купалась в слизистой вытяжке дохлой диастолы. Сидела в своей банке.

Она походила на жареного цыпленка. То есть до того, как его поджарили. Вылитая просто.

Я взял ее, поставил в шкаф и накрыл драной рубашкой. Потом сходил в ванную и проблевался. Закончил, сунулся мордой в зеркало. По всей физиономии повылазили длинные черные волосы. Неожиданно пришлось сесть и посрать. Получилось хорошо и жарко.

Позвонили в дверь. Я закончил подтираться, влез в какую-то старую одежонку и подошел к двери.

— Кто там?

Снаружи стояли молодой парень с длинными светлыми волосами, свисавшими на лицо, и черная девчонка — она не переставая ухмылялась как ненормальная.

— Хэнк?

— Ну. Вы кто, парни?

— Она — женщина. Ты разве нас не помнишь? С вечеринки? Мы принесли цветочек.

— Ох, блин, ну заходите.

Они внесли цветок — нечто красно-оранжевое на зеленом стебле. Осмысленнее прочего, если не считать того, что цветочек загублен. Я нашел вазочку, поставил цветок в нее, вынес кувшин вина и поставил его на кофейный столик.

— Ты ее не помнишь? — спросил парнишка. — Ты еще говорил, что хочешь ее выебать.

Та рассмеялась.

— Очень мило, но не сейчас.

— Чинаски, как же ты без почтамта теперь будешь?

— Не знаю. Может, тебя отъебу. Или позволю тебе отъебать себя. Черт, не знаю прямо.

— Ты можешь ночевать у нас на полу в любое время.

— А можно посмотреть, как вы ебетесь?

— Конечно.

Мы выпили. Я уже забыл их имена. Я показал им сердце. Попросил забрать этот ужас с собой. Я не осмеливался выкинуть его — вдруг студенту-медику оно еще понадобится на экзамен, или срок возврата в медицинскую библиотеку подойдет, или еще чего-нибудь.

И вот мы сходили и посмотрели стриптиз, мы пили, верещали и ржали. Не знаю, у кого были деньги, но, думаю, в основном платил парень, что очень мило для разнообразия, а я все веселился и щипал девчонку за задницу и ляжки, целовал ее, но дела никому не было. Пока деньги есть, ты тоже есть.

Они отвезли меня назад, и он с нею ушел. Я

ввалился в двери, сказал им до свиданья, включил радио, отыскал полпинты скотча, выпил, посмеиваясь, мне было хорошо, наконец расслабился, свободный, обжигал пальцы короткими сигарными окурками, затем доплелся до постели, до краешка, споткнулся, грохнулся, упал поперек матраса, спал, спал, спал…

Наутро было утро, а я еще был жив.
Может, роман напишу, подумал я.
А потом и написал.